3 1761 08106839 7

Бюллетени литературн и жизни.

g. 4, no. 1-3

Title t[illegible]:
Biulletenʹ literatury i zhizni

AP
50
B54
g.4
NO.1-3

ц. 20 к.

Bibleteni literatury i zhizni

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

№ 1. Сентябрь. 1912.

(Четвертый годъ изданія.)

AP 50 B54 v.4 no.1-3

СОДЕРЖАНІЕ

1) **О научной спеціализаціи.**

2) **Новая книга о цѣнности жизни.** (Р. Гильдебрандъ. „Мысли о Богѣ, о мірѣ и такъ наз. „Я“.)

3) **„Герой“ нашего времени.** („Тѣнь вѣка сего“. Д. Абельдяева.)

4) **Два убійства.** (Изъ романа В. Ропшина „То, чего не было“.)

5) **О писателяхъ — „живыхъ трупахъ“ и „воскресшихъ Лазаряхъ“.**

6) **Ѳ. М. Достоевскій.** Болѣзнь Достоевскаго. Успѣхъ „Бѣдныхъ людей“. Взаимоотношенія Тургенева и Достоевскаго. Достоевскій о своихъ работахъ. Письма Достоевскаго.

7) **Какъ Мопассанъ изучалъ свое „ремесло“.**

8) **Семейная жизнь Жоржъ-Зандъ.**

9) **„Десница“ и „шуйца“ журнала „Завѣты“.**

10) **Вульгаризованный индивидуализмъ у насъ и за границей.**

11) **Конгрессъ „евгениковъ“.**

Отзывы о книгахъ.—Новыя книги.—Содержаніе журналовъ.—Книги, поступившія въ редак.

Цѣна: на ½ г.—1 р. 50 к. На годъ—3 р.

Редакція и контора:
Хлѣбный переулокъ, домъ 1.
Телеф. 44-67.

Отдѣленія конторы: 1) Тверской бульв., д. 26, книжн. маг. **„Трудъ“. Тел. 34-54.** 2) Петербургъ, Стремянная, 6, кн. складъ **„Провинція“.**

МОСКВА.

1-ые ЗАОЧНЫЕ КУЛИНАРНЫЕ КУРСЫ.

Полный курсъ лекцій для обученія „Скоромный и постный столъ“, около 1000 рецептовъ кушаній, напитковъ, печенія, компотовъ, вареній, сладкихъ блюдъ, пироговъ и др., слишкомъ 300 стр. убористаго шрифта. Ц. съ перес. налож. плат. 2 р. 60 к. Наставленіе, какъ правильно вести домашн. хозяйство и приготовл. экономн. вкусные и питательн. обѣды, съ прилож. разрѣзки мяса и украш. стола блюдъ, около 100 стр. съ рис. Ц. съ перес. налож. плат. 1 р. 20 к. Обѣ книги вмѣстѣ 3 р. 35 к. (можно марками) съ заказами обращ. исключит. къ Я. К. Петерсу, С.-Петербургъ, Петерб. стор. Большой пр., № 56.

40 дней !!безплатно!! 40 дней

Если вы въ теченіе 40 дней не выучитесь свободно говорить, читать и писать по-нѣмецки, французски, англійски и латински по нашимъ самоучителямъ, составленнымъ по новѣйшему методу (всѣ другіе—рекламы), деньги возвращаемъ обратно. Цѣна самоучит. одного языка съ пересыл. налож. плат. 1 р. 10 к., 2-хъ 1 р. 90 к., 3-хъ 2 р. 80 к., 4-хъ 3 р. 65 к. Заказы испол. един. складъ для всей Россіи. С.-Петербургъ, Петерб. стор., Больш. пр., 56—195. *Я. К. Петерсъ.*

!!ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ВРЕМЕННЫМЪ СЛУЧАЕМЪ!!

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

всемірно-извѣстная новая популярно-научная книга

„ВСЕЛЕННАЯ И ЧЕЛОВѢЧЕСТВО“.

Свыше 860 иллюстрацій, портретовъ и снимковъ съ картинъ: Айвазовскаго, Брюлова, Рафаэля, Рубенса и др.

Колоссальный трудъ д-ра **Кремера** при участіи знамен. профес.

Исторія земли, небесныхъ свѣтилъ, растительн. міра, царства животн. и постепенное культурн. развитіе человѣчества съ доисторическихъ эпохъ до настоящаго времени.

Болѣе 100,000 строкъ убористаго текста на 1560 страницахъ большого формата книги.

Изданіе извѣстной фирмы Коммерціи Совѣтника **Н. В. Гаевскаго.**

Появленіе въ свѣтъ этой солидной и полезной книги найдетъ въ себѣ отликъ въ каждомъ человѣкѣ стремящемся къ самообразованію.

Отдѣлъ нашей книги „первобытность“ заставляетъ содрогнуться передъ тѣми милліонами, быть можетъ, милліардами лѣтъ, которыя прошли въ постепен. развитіи Вселенной до настоящ. времени.

Не менѣе интересна исторія возникновенія и развитія человѣческаго рода. Значительное мѣсто занимаютъ и такъ называемыя міровыя трагедіи; всемірный потопъ, землетрясенія и наводненія, крушенія цѣлыхъ областей и многихъ тысячъ народа.

Большинство моментовъ постепеннаго развитія природы и человѣчества иллюстрировано, снимки съ цѣнныхъ коллекцій старинныхъ гравюръ Пикара, Дрезденской галлереи, Луврскаго музея, Лондонскаго музея, Эрмитажа и съ нѣкоторыхъ коллекцій американскихъ милліардеровъ.

Книга «Вселенная и Человѣчество» въ другомъ изданіи стоила 33 р. Настоящее изданіе случайно пріобрѣтенное, временно распродается за цѣну, съ упаков. и пересыл., вмѣсто 7 р. за 4 р. 85 к., въ Сибирь на 1 р. дороже. Книга высылается по полученіи денегъ или съ наложенн. платежомъ при задаткѣ 1 р. Задатокъ можно выслать въ заказн. письмѣ почтовыми марками или гербовыми.

Заказы исполняются: Единственный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, Петербургская сторона, Большой проспектъ, № 56. Я. К. ПЕТЕРСЪ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Редакторъ-издательница О. П. ПРОХАСКО. **„ОГНИ“.** Адресъ редакціи и конторы: Кіевъ, Фундуклеевская, 26.

Цѣна съ дост. и перес. въ Россіи: по 1-е янв. 1913 г.—2 р., по 1-е іюля 1912 г.—1 р., по 1-е апр. 1912 г.—50 к. Номера за 1911 г. (съ № 1-го отъ 30-го сент.) высыл. за 40 к.

Журналъ, давая беллетристическій матеріалъ (повѣсти, разсказы, стихотворенія), даетъ въ то же время и недѣльные обзоры того, что происходитъ какъ у насъ въ Россіи, такъ и заграницей (Русская жизнь, Еврейская жизнь, Украинская жизнь, Польская жизнь, Заграничная жизнь), а также статьи по вопросамъ политическимъ, экономическимъ, научнымъ, литературнымъ, статьи по коопераціи, земскому дѣлу и пр. Письма изъ провинціи, изъ деревни, изъ-за границы. Особое вниманіе обращено на жизнь рабочихъ массъ, которую освѣщаютъ, какъ отдѣлъ „Въ мірѣ труда“, такъ и статьи.

ТАКСА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

Передъ текстомъ:

1 стр. . . . . 50 р.
1/2 стр. . . . . 30 р.
1/4 стр. . . . . 20 р.
1/8 стр. . . . . 15 р.

Послѣ текста:

1 стр. . . . . 35 р.
1/2 стр. . . . . 20 р.
1/4 стр. . . . . 14 р.
1/8 стр. . . . . 8 р.
1 строка петита . . 50 к.

№ 1 — Сентябрь 1912 г.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на г.—3 р.; на 8 м.—2 р.; на 1/2 г.—1 р. 50 к. и на 1 м.—35 к. За-границу на г.—5 р.; на 1/2 г.—2 р. 50 к.

Цѣна отдѣльнаго № 20 к.

Перемѣна адреса 20 к.

Редакція и главн. контора: Москва. Арбатск. пл., Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 44-67.

О научной спеціализаціи.

„Наука быстро дифференцируется; число „самостоятельныхъ придѣловъ“ ея растетъ неимовѣрно; необходимость „спеціальныхъ священнодѣйствій“ создаетъ цѣлыя касты „спеціальныхъ“ же жрецовъ; быть не только *всесторонне*-образованнымъ, но и просто *спеціально*-образованнымъ человѣкомъ съ каждымъ днемъ становится все труднѣе и труднѣе... „Великій и величественный храмъ науки“ расползается на самоцѣнныя и самоцѣльныя части. Романтическая *наука* распыляется на многое множество конкретныхъ, реальныхъ *наукъ*.

Что это? Логически неизбѣжный результатъ присущихъ человѣку формъ и нормъ познанія, или же исторически нараставшій сдвигъ, уклонъ въ сторону аберраціи мысли, помраченія сознанія? Роковая необходимость, органически связанная съ нормальнымъ ростомъ и развитіемъ знанія, или же болѣзненный продуктъ тѣхъ соціальныхъ условій, въ рамкахъ которыхъ совершалась и продолжаетъ совершаться эволюція науки? Что это? Культурное благо или культурное зло?“

Такъ начинаетъ В. В. Лункевичъ первое свое научное письмо, напечатанное въ № 4 „Завѣтовъ“.

Затронутый имъ вопросъ о научной спеціализаціи, по его собственному признанію,—не только большой вопросъ, но и острый, колючій, больной. Вѣдь рѣчь идетъ ни о комъ иномъ, какъ о наукѣ, объ одномъ изъ тѣхъ фаворитовъ человѣческой культуры, „абсолютная цѣнность“ коихъ ни для кого не подлежитъ сомнѣнію. Въ прекрасномъ созвѣздіи—философія-наука-искусство—наука ярко блещетъ звѣздою первой величины, покоряя себѣ умы и сердца людскіе. Чары ея неотвратимы, свѣтъ ослѣпителенъ, вліяніе порой подобно пассамъ гипнотизера, а заслуги предъ человѣчествомъ, идущимъ по пути къ полному раскрѣпощенію мысли своей, неисчислимы. Ну, какъ тутъ задаваться кощунственнымъ вопросомъ о тѣневыхъ сторонахъ побѣдоноснаго шествія науки? Какъ расцѣнивать величественный ходъ этой властительницы думъ пробудившагося къ новой жизни духа съ точки зрѣнія какихъ-то иныхъ, внѣшнихъ для науки критеріевъ? А между тѣмъ, расцѣнивать приходится, необходимо — необходимо во имя того самаго „духа“, удовлетворять и служить запросамъ котораго призвана наука.

Въ чемъ же состоятъ причины, вызвавшія зло крайней научной спеціализаціи?—Въ общихъ условіяхъ развитія современнаго общественнаго уклада и въ особаго рода „психологической аберраціи, неразрывно связанной съ этими условіями“.

Глубоко несправедливо отрицать,— говоритъ, В. В. Лункевичъ,— наличность безкорыстія у тѣхъ спеціалистовъ, весь смыслъ существованія которыхъ сводится къ самоотверженной работѣ во имя углубленія фактическихъ и теоретическихъ данныхъ облюбованной ими отрасли знанія. Но и нѣтъ ровно никакой необходимости витать въ эмпиреяхъ „краснаго вымысла“ при анализѣ общихъ — сознательныхъ и не вполнѣ осознанныхъ — мотивовъ, толкающихъ людей на путь крайней спеціализаціи, заставляющихъ ихъ принимать активное участіе „въ общей скачкѣ“. Скажемъ прямо, безъ экивоковъ: не только прикладныя, но и теоретическія науки несутъ на себѣ печать того проклятія, которымъ отмѣчена вся современность. Крайне обостренная борьба за существованіе съ роковою необходимостью ведетъ къ раздѣленію труда между отдѣльными классами, группами, индивидами; печальная необходимость занять хоть какой-нибудь уголокъ на

жизненномъ пиру, вѣчная, неотвязная боязнь остаться „за флагомъ“ жизни, въ самомъ буквальномъ, примитивномъ смыслѣ этого слова, повелительно толкаетъ людей по линіи наименьшаго сопротивленія — на проторенную исторіей дорогу, у начала которой красуется безжалостный аншлагъ: приспособляйся! А на языкѣ современности этотъ девизъ, эта жестокая максима практическаго разума означаетъ: спеціализируйся! Она державно царитъ надъ всѣми областями человѣческой дѣятельности; она направляетъ и регулируетъ также и поступательный ходъ науки...

Это, однако, не значитъ, что вся современная наука, по основнымъ тенденціямъ и выводамъ своимъ, есть наука „классовая“, „буржуазная“.

Говоря о значеніи девиза „приспособляйся“ въ вопросѣ о спеціализаціи науки, я имѣю въ виду не приспособленіе къ „интересамъ и идеологіи“ господствующихъ классовъ, а приспособленіе къ тому modus'у развитія, который характеренъ для современнаго общественнаго строя, цѣликомъ базирующагося на принципѣ раздѣленія труда и спеціализаціи.

Il faut taper tous jours le même clou! говорятъ французы. И это золотое правило житейской мудрости усвоено великолѣпно не только многотысячною арміей труженниковъ и чернорабочихъ науки, но и нѣкоторыми изъ корифеевъ ея, утерявшихъ, а, можетъ быть, и никогда не имѣвшихъ, способность различать, гдѣ собственно кончается наука-муза и гдѣ начинается наука — пустая трата времени иль дойная корова.

Il faut taper tous jours le même clou. Ибо иначе рискуешь „въ общей скачкѣ остаться за флагомъ“. И они „скачутъ“ — стремительно несутся впередъ, накопляютъ факты, значеніе которыхъ подчасъ въ общей сокровищницѣ знанія равно значенію безплоднаго балласта, пишутъ „десятки, сотни страницъ“, которыя прочитываются лишь для того, чтобы притти къ „утѣшительному убѣжденію, что ихъ можно было вовсе не читать“, спѣшно набрасываютъ на бумагу „едва схваченную, недозрѣвшую мысль, отправляя въ типографію не засохшій листокъ“, чтобы затѣмъ, „не успѣвши еще его оттиснуть“, послать вдогонку какой-нибудь „Nachtrag“ или „Berichtigung“.

Il faut taper toujours le même clou! Прекрасное правило! Не забывайте, однако, что оно имѣетъ смыслъ лишь тогда, когда каждый, придерживающійся его, облюбовалъ особый гвоздь, по которому и колотитъ всю жизнь свою. Ну, а такъ какъ вколачиваніе крупныхъ воздей не всякому по плечу — ихъ, прежде всего, не такъ ужъ много — то большинству приходится довольствоваться крошечными гвоздиками. Есть таковой подъ руками — отлично; нѣтъ его — тоже не бѣда: можно выковать. Пусть будетъ онъ корявый, ржавый, никчемный — за то свой собственный, спеціальный.

И въ головокружительной скачкѣ, торжественно именуемой прогрессомъ науки, въ погонѣ за „новыми“ фактами, за пріоритетомъ открытія, за правомъ на самоутвержденіе въ битвѣ жизни, множатся спеціальные гвозди и гвоздики — загромождаются сырымъ фактическимъ матеріаломъ хранилища науки, плодятся обрывки недоношенной мысли, распыляется знаніе, растетъ „многоглаголаніе“.

Перепроизводство фактовъ, многоглаголаніе и крайняя спеціализація — явленія одного и того же порядка. Они тѣсно сплетены между собой; они — продуктъ однихъ и тѣхъ же общихъ условій.

Крайняя спеціализація порождаетъ и многоглаголаніе и засореніе науки фактическимъ хламомъ. И чистка авгіевыхъ конюшенъ науки возможна лишь при одномъ условіи: когда будутъ въ корнѣ подрѣзаны причины, порождающія зло спеціализаціи...

Въ началѣ этой статьи было сказано, что вопросъ о научной спеціализаціи относится къ числу вопросовъ не только большихъ, сложныхъ, но и больныхъ. И это не пустое façon de parler. До сихъ поръ мы разсматривали вопросъ о научной спеціализаціи въ нѣкоторомъ отвлеченіи, имѣя лишь въ виду *самодовлѣющіе интересы самой науки*. Она дробится до угрожающихъ размѣровъ, засоряется малоцѣннымъ фактическимъ матеріаломъ, претворяется временами въ какую-то безцѣльную эквилибристику, въ пустую, непроизводительную трату времени. Все это — несомнѣнное зло; и *поскольку* зло это связано съ общими условіями раздѣленія труда въ *современномъ* обществѣ, *постольку* оно должно будетъ отмереть вмѣстѣ со смертью порождающихъ его соціально-экономическихъ условій. Но развѣ тѣмъ самымъ рѣшается безповоротно и занимающая насъ сейчасъ проблема — въ цѣломъ, полностью? „Поскольку — постольку“, сказали мы. А это — далеко еще не все. Не можемъ же мы, въ самомъ дѣлѣ, утверждать, что люди ударяются въ спеціализацію исключительно подъ давленіемъ суровыхъ требованій борьбы за существованіе? Такое утвержденіе и несправедливо и невѣрно при наличности хотя бы твердаго и совершенно искренняго убѣжденія ученыхъ въ томъ, что безъ крайней спеціализаціи немыслимъ и поступательный ходъ науки, что углубленіе знанія, интенсификація

его, неразрывно связано со спеціализаціей. А потомъ: выборъ спеціальности и служеніе ей зачастую опредѣляются индивидуальными вкусами и запросами: онъ въ такихъ случаяхъ, слѣдовательно, является результатомъ совершенно добровольнаго акта. И, наконецъ: приписавшійся къ числу священнослужителей того или иного спеціальнаго „придѣла“ обыкновенно считаетъ свою спеціальность лишь средствомъ для достиженія общихъ цѣлей науки. И только впослѣдствіи, по мѣрѣ углубленія въ спеціальную работу, онъ постепенно теряетъ изъ виду эти общія цѣли, ибо „средство“, силою какой-то непонятной психологической аберраціи, душевнаго сдвига, пріобрѣтаетъ въ его глазахъ значеніе самодовлѣющей цѣли. Съ этимъ фактомъ надо считаться. Его нельзя упускать изъ виду при оцѣнкѣ условій, ведущихъ къ крайней спеціализаціи научныхъ занятій. Но тутъ ужъ вопросъ переносится въ совершенно иную плоскость. Тутъ выдвигаются на первый планъ самые острые и колючіе углы его. Встаетъ проблема о борьбѣ и конфликтахъ *между самодовлѣющими интересами науки и интересами самого человѣка*“.

Какъ разрѣшить эту проблему? В. В. Лункевичъ обращается къ самимъ представителямъ науки, такъ или иначе затрагивавшимъ вопросъ о научной спеціализаціи. Одинъ изъ нихъ, проф. Тимирязевъ, еще въ 1884 г. заявилъ въ одной изъ своихъ научныхъ рѣчей, что „зло крайней спеціализаціи [1]) является *почти неизбѣжнымъ*... Съ нимъ нужно *примириться*... Не сѣтовать объ этомъ *роковомъ, безповоротномъ ходѣ развитія*, а направить его не ко вреду, а къ пользѣ — вотъ въ чемъ одна изъ насущныхъ потребностей науки. *Для этого ей стоитъ только подражать природѣ*. Раздѣленіе труда *между отдѣльными органами тѣла* клонится не ко вреду, а къ пользѣ, *къ совершенству*, потому что вредъ не въ самомъ раздѣленіи труда, а лишь *въ несовершенствѣ обмѣна плодами этого раздѣленнаго труда*“.

Такую точку зрѣнія В. В. Лункевичъ считаетъ типичной для представителя науки, но она, въ конечномъ счетѣ, ведетъ къ персонификаціи науки съ ея самодовлѣющими интересами и вовсе не устраняетъ конфликта между такой наукой и интересами „всесторонне и гармонически развитой личности“. Нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній считать поступательный ходъ современной науки „роковымъ“ и „безповоротнымъ“, ибо это „роковое“ и „безповоротное“ въ наукѣ „обусловлено *отчасти* общими условіями современной соціальной структуры, которая сама по себѣ ничего „рокового“ и „безповоротнаго“ — въ смыслѣ перманентности — не заключаетъ, подлежитъ перемѣнамъ и даже коренной перестройкѣ“, а измѣненія „въ самой психологіи будущаго человѣчества“ и созданіе новыхъ критерій „для оцѣнки смысла и содержанія научнаго творчества“, быть можетъ, вполнѣ устранятъ это „роковое“ и „безповоротное“. „Быть можетъ, многія изъ тѣхъ цѣнностей, которыми такъ дорожитъ современная наука, утеряютъ всякое значеніе для грядущаго человѣчества? Быть можетъ, добрая половина тѣхъ чисто фактическихъ знаній, которыя такъ импонируютъ современному человѣку, будутъ сданы въ архивъ и покроются пылью забвенія, какъ безполезная ветошь, никому ненужная, засоряющая головы, мѣшающая свободному полету мысли, парализующая возможность полнаго, красочнаго существованія“. Аналогія между научною спеціализаціею и „раздѣленіемъ труда между отдѣльными органами тѣла“ носитъ характеръ „чудовищной несправедливости“, и въ свое время нашла горячаго противника въ лицѣ Н. К. Михайловскаго: ставить знакъ равенства между органомъ и такой недѣлимой величиной, какъ человѣческая личность, это значитъ отводить послѣдней роль „пальца отъ ноги“, принижать ея индивидуальность и, стало быть, умалять ея самодовлѣющую цѣнность. И, наконецъ, способъ разрѣшенія вопроса, рекомендуемый проф. Тимирязевымъ, — устраненіе „несовершенства въ обмѣнѣ плодами раздѣленнаго труда“ при такомъ взглядѣ на человѣческую личность ставитъ послѣднюю, какъ обусловленную часть, предъ лицомъ науки, какъ цѣлаго, персонифицированнаго.

— Что же, въ самомъ дѣлѣ,— спрашиваетъ здѣсь В. В. Лункевичъ,—намъ ближе и дороже: уходящая куда-то въ невѣдомую, безконечную даль спеціализація науки, при которой отъ личности остаются лишь клочья души, „видомъ малыя и небезсмертныя“, или же цѣлостный, практикующій „широкую формулу жизни“ человѣкъ, подчинившій своимъ цѣлямъ „роковой ходъ развитія“ науки?

Кому ясно, что дробленіе науки есть въ сущности и дробленіе человѣка, что спеціализація ея ведетъ къ спеціализаціи души человѣческой, для того не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ выборѣ отвѣта — при одномъ, впрочемъ, условіи: если онъ признаетъ идеалъ всесторонне и гармонично развитой личности не только объективно осуществимымъ, но и

[1]) Рѣчь идетъ о спеціализаціи въ наукѣ.

субъективно пріемлемымъ для всякаго человѣка. Эту послѣднюю оговорку надо считать весьма важной, ибо въ нашихъ сужденіяхъ о „роковомъ, безповоротномъ ходѣ развитія науки“ весьма замѣтную роль играетъ цѣлый рядъ психологическихъ навыковъ, которые опредѣляютъ отношеніе наше къ тому или иному идеалу жизни.

Развѣ не приходилось вамъ встрѣчаться часто съ людьми безспорно умными и симпатичными, но съ несомнѣнно спеціализированной душой, которые тѣмъ не менѣе этого своего душевнаго ущерба просто не замѣчаютъ и даже вовсе ущербомъ не считаютъ? Всю полноту условій, обязательныхъ для ощущенія радостей бытія, они находятъ во всестороннемъ и гармоничномъ удовлетвореніи запросовъ своей спеціализированной души — и только. Большаго имъ не надо. Лучшаго они и не ищутъ. Имъ даже невѣдомы исканія, выходящія за грани ихъ суженнаго духа — невѣдомы, стало быть, и связанныя съ такого рода исканіями тревоги и волненія. Ихъ радуетъ и печалитъ, волнуетъ и умиротворяетъ лишь то, что непосредственно или косвенно задѣваетъ осколокъ души, великодушно отпущенный на ихъ долю природой и... „роковымъ ходомъ развитія“ всей человѣческой жизни. На нихъ нельзя сѣтовать, ихъ узостью нѣтъ смысла возмущаться, какъ нѣтъ смысла негодовать, напримѣръ, на человѣка, страдающаго абсолютнымъ отсутствіемъ музыкальнаго слуха. Слѣды „рокового хода развитія“ стираются не легко. Душа, которую на протяженіи вѣковъ препарировали для исполненія спеціальныхъ функцій, не устояла — утеряла свою цѣлостность, уподобилась „пальцу отъ ноги“ и непзбѣжное въ себѣ самой санкціонировала, признала роковымъ для всѣхъ временъ и поколѣній: такъ было, такъ есть, такъ будетъ и должно быть — вотъ краткая формула тѣхъ мыслей, которыя приводятъ къ убѣжденію въ безповоротности разъ принятаго наукой хода развитія. Объ этой своеобразной психологической аберраціи, объ этомъ печальномъ, но, къ сожалѣнію, вполнѣ понятномъ сдвигѣ души ужъ говорилось выше вскользь. Сейчасъ необходимо остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе, такъ какъ есть всѣ основанія думать, что и въ сравнительно недалекомъ будущемъ, когда на смѣну современнымъ общественнымъ формамъ придутъ формы новыя, соціалистическія, искалѣченная, разодранная на части душа человѣка врядъ ли сумѣетъ настолько выпрямиться, чтобы признать ошибочность того, что исторически вплелось въ комплексъ ея какъ бы нормальныхъ переживаній. А это нужно понимать такъ, что человѣкъ будущаго останется, между прочимъ, при увѣренности, что безъ дальнѣйшаго движенія по пути крайняго обостренія научной спеціализаціи ему никакъ не обойтись.

Я вовсе не имѣю желанія пріуменьшать размѣръ тѣхъ благъ, которыя принесетъ человѣчеству соціализмъ; значеніе экономическаго и правового раскрѣпощенія личности для устраненія нѣкоторыхъ, особенно непригляднихъ сторонъ раздѣленія труда ,вообще и научной спеціализаціи въ частности огромны. Но отсюда далеко еще до взгляда на соціализмъ, какъ на панацею отъ всяческой скверны, одолѣвающей современное человѣчество. Такого рода иллюзіи больше чѣмъ не основательны, а потому и вредны.

Многое останется по-старому, поскольку человѣкъ будущаго удержитъ при себѣ нѣкоторые характерные штрихи психологіи и нѣкоторыя изъ основныхъ понятій человѣка „ветхаго“, поскольку онъ не отрѣшится отъ мысли считать „роковымъ, безповоротнымъ“ все то, съ чѣмъ такъ или иначе сроднилась его душа, поскольку онъ войдетъ въ грядущее царство „свободы, равенства и братства“ съ наслѣдіемъ прошлаго — съ наслѣдіемъ, которое вручитъ и своимъ потомкамъ, не чувствуя даже, что оно не благо, а проклятіе!..

Техническое и профессіональное раздѣленіе труда, а, стало быть, и раздѣленіе труда въ наукѣ останется и при соціализмѣ — съ одною лишь существенной разницей: въ немъ не будетъ ничего подневольнаго; или, говоря иначе, всякому откроется возможность сдѣлаться, разъ онъ того пожелаетъ, ботаникомъ, бактеріологомъ, спеціалистомъ по флорѣ кишечника или полости рта. Великія возможности, необъятныя перспективы — быть „пальцемъ отъ ноги“ не волею судебъ, не силою суровыхъ требованій дѣйствительности, а добровольно, по автономному влеченію души!

Конечно, въ этихъ перспективахъ есть вѣчно безусловно цѣнное: это наличность ничѣмъ не ограниченныхъ возможностей. Но нашей-то проблемы они не рѣшаютъ и не могутъ рѣшить, ибо подходить къ ней надо совсѣмъ съ другого конца. А съ какого именно — на это указываютъ историческіе прецеденты.

Когда-то высоко цѣнилась книжная мудрость средневѣковья. А каково отношеніе къ ней теперь? Многаго ли она — за рѣдкимъ исключеніемъ — стоитъ въ нашихъ глазахъ?

Когда-то — вѣрнѣе, не очень еще давно — капиталистическая форма экономическихъ отношеній и всѣ зависящія отъ нея „надстройки“, вплоть до извѣстныхъ психологическихъ навыковъ, понятій и идей, считались чѣмъ-то не-

преложнымъ, „роковымъ“; имъ нѣлись дифирамбы, въ нихъ усматривалось осуществленіе нѣкоей „гармоніи интересовъ“; всѣ перемѣны и улучшенія хозяйственной и общественной жизни мыслились лишь въ рамкахъ капиталистическихъ отношеній. И что же? Многое ли уцѣлѣло изъ этой идеологіи? Относимся ли мы къ пресловутой „гармоніи интересовъ“ съ такимъ же чувствомъ, какъ наши дѣды и прадѣды? Дорожимъ ли мы „рамками“ капиталистическихъ отношеній? Считаемъ ли ихъ неприкосновенными?

Такихъ примѣровъ можно привести, сколько угодно. Ихъ примутъ, съ ними согласятся. Но попробуйте произнести священное слово „наука“ въ ряду своихъ аргументовъ,— и вы рискуете вызвать взрывъ негодованія. Почему же? Развѣ она — не такое же созданіе человѣка, какъ схоластическая мудрость и капиталистическія отношенія? Развѣ въ ходѣ ея развитія все одинъ лишь свѣтъ и нѣтъ никакихъ тѣней? Развѣ мы не имѣемъ права говорить о положительныхъ и отрицательныхъ сторонахъ научной спеціализаціи такъ же нелицепріятно, какъ о положительныхъ и отрицательныхъ сторонахъ, напримѣръ, капитализма?

Странно все это. Непонятно. А главное — досадно, ибо чувствуется, какъ сильна еще власть традиціи надъ человѣкомъ!

Но мириться съ традиціями, тормозящими раскрѣпощеніе человѣческаго духа, отодвигающими въ неопредѣленную даль расцвѣтъ человѣческой личности, санкціонирующими однобокую формулу жизни, не приходится. И здѣсь, въ вопросѣ о научной спеціализаціи, надо вести себя такъ же, какъ и въ другихъ вопросахъ, задѣвающихъ кровные интересы и достоинство человѣка. Надо сказать себѣ разъ навсегда: есть лишь одна цѣнность, абсолютность которой пріемлема для человѣка; это — самъ человѣкъ, а все остальное цѣнно въ мѣру цѣнности его для человѣка. Отсюда понятно, что въ конфликтѣ между персонифицированной наукой и человѣкомъ всѣ симпатіи должны быть на сторонѣ послѣдняго. И вотъ почему, между прочимъ, вспоминая мудрый совѣтъ „подражать природѣ“ въ цѣляхъ устраненія вредныхъ послѣдствій научной спеціализаціи, онъ долженъ будетъ сказать:

„Да, правильный обмѣнъ духовными сокровищами между людьми различныхъ спеціальностей — великое дѣло. Но еще важнѣе дать возможность разнородно функціонировать душѣ *одного и того же* человѣка и установить правильный обмѣнъ между этими различными функціями ея.

Да, „подражать природѣ“ надо, но такъ, чтобъ не калѣчить при этомъ природы самого человѣка“...

„Вы проповѣдуете дилетантизмъ — всегда поверхностный, претендующій на всезнаніе и ничего не знающій по настоящему!“ — замѣтитъ, быть можетъ, читатель.

Какъ вамъ сказать... Я, употребляя выраженіе старыхъ поэтовъ, „пою“ человѣка, осуществляющаго широкую, богатую содержаніемъ, красочную „формулу жизни“ — и только. Если вамъ угодно называть это дилетантизмомъ — называйте: дѣло не въ словѣ, а въ томъ содержаніи, которое вкладывается въ это слово.

Необходимо выдвинуть приматъ общаго научнаго образованія надъ спеціальнымъ, ограничить, елико возможно, послѣднее, поставить его подъ строгій, неумолимый контроль „великихъ потребностей человѣка“, удержать лишь въ тѣхъ рамкахъ, при которыхъ оно не посмѣетъ посягать на цѣлостность человѣческой души? Это задача не легкая. Для осуществленія ея потребуются великія усилія воли. Надо будетъ отказаться отъ идолопоклонства передъ наукой, какъ передъ чемъ-то самодовлѣющимъ; придется побороть въ себѣ исторически сложившуюся привычку отождествлять поступательный ходъ развитія науки съ ея безконечнымъ дробленіемъ на мелкія, замкнутыя въ себѣ, оторванныя другъ отъ друга спеціальности; придется отрѣшиться отъ мысли о „роковомъ, безповоротномъ“ характерѣ того, что является продуктомъ предшествующей эволюціи и подлежитъ перемѣнамъ въ такой же мѣрѣ, какъ и все, что создано руками и мыслью самого человѣка. Короче говоря, надо будетъ сказать проклятіе тому, что, по великому недоразумѣнію, благословлялось до сихъ поръ.

Какое множество soit-disant знаній канетъ тогда въ Лету! Какая уйма спеціальностей исчезнетъ съ горизонта науки! Какое множество дутыхъ амбицій и мелкихъ, за предѣлами собственнаго прихода неизвѣстныхъ знаменитостей останется за флагомъ жизни. Освободится наука отъ докучливаго, претенціознаго многоглаголанія, потеряютъ всякій престижъ изысканія „въ безплодныхъ областяхъ“, не будетъ людей, просиживающихъ дни, мѣсяцы, годы въ лабораторіяхъ, въ библіотекахъ и въ ученыхъ кабинетахъ за „пустою тратою времени“. Изсякнетъ охота запоминать тысячи латинскихъ названій и терминовъ, кощунственно уподобляемыхъ наукѣ, пропадетъ суетное желаніе знать, сколько лепестковъ въ вѣнчикѣ такого-то цвѣтка, сколько перьевъ въ хвостѣ такой-то птицы, сколько хромозомъ въ ядрѣ такой-то клѣтки. Не будетъ стономъ стонать измученная мысль подрастающихъ поколѣній,

обязанныхъ, въ силу нелѣпой традиціи, усвоить цѣлую груду фактовъ, пышно именуемыхъ „данными науки“. Все количественное въ знаніи пойдетъ на убыль, все качественное — на повышеніе. Вновь возстановится расторгнутый грѣховнымъ прошлымъ союзъ между отдѣльными отраслями знанія, и вмѣсто замкнувшихся въ себѣ конкретныхъ наукъ, воскреснетъ опять единая, романтическая наука — во всеоружіи многовѣковаго опыта, въ полномъ блескѣ тысячелѣтіями выстраданной славы. Развѣ это не великолѣпно? Просто, душа радуется, когда уносишься мечтой въ благословенныя перспективы будущаго!

— Развѣ это не ужасно! — говоритъ въ отвѣтъ традиція. — Если свершится все то, о чемъ пророчествуетъ ваша фантазія, то не будетъ и никакой науки: наступитъ царство самодовольнаго дилетанизма, золотой вѣкъ невѣжества! Тотъ просторъ, та ширь, которые рисуются вашему пылкому воображенію, есть мелкій просторъ, мелкая ширь. Глубокими могутъ быть лишь тѣснины!..

Почему же невѣжество? Почему непремѣнно „мелкій“? Тутъ — очевидное недоразумѣніе; источникъ его надо искать все въ той же аберраціи мысли, которая приводитъ къ убѣжденію о „роковомъ, безповоротномъ ходѣ развитія“ человѣческой жизни вообще и науки въ частности. Намъ всюду рисуются фатальныя альтернативы: либо „мелкій“ просторъ, либо „глубокая“ тѣснина; либо „низкая степень развитія высокаго типа“, либо „высокая степень развитія пониженнаго типа“. Точно не можетъ быть глубокаго простора и мелкой тѣснины! Намъ важенъ въ человѣкѣ гармоничный синтезъ его душевныхъ способностей и, въ частности, способностей познавательныхъ. Глубину человѣческаго духа и человѣческаго познанія мы опредѣляемъ наличностью глубокой связи между отдѣльными элементами того и другого, а не одностороннимъ углубленіемъ какого-либо одного изъ этихъ элементовъ. Критеріемъ „идеальнаго“ человѣка для насъ служитъ и высокая степень развитія высокаго типа“. Пусть это — всего лишь идеалъ. Но мы не желаемъ ни на минуту упускать его изъ виду...

Новая книга о цѣнности жизни.

(Р. Гильдебрандъ. „Мысли о Богѣ, о мірѣ и такъ называемомъ Я“.)

Мыслитель, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь является антиподомъ всѣмъ Абашевымъ, большимъ и малымъ,—всѣмъ тѣмъ, кто отмѣченъ трагическою печатью — „тѣнью вѣка сего“ (смотр. слѣд. замѣтку). Изъ склепа мы попадаемъ на вольный и свѣтлый просторъ.

Гильдебрандъ, хорошо извѣстный въ Германіи ученый дѣятель, уже покойный (умеръ въ 1894 г.), тоже велъ записки, какъ и герой Д. Абельдяева, занося въ нихъ, въ теченіе 24 лѣтъ, свои размышленія о конечныхъ вопросахъ человѣческаго бытія. Изъ этихъ-то записокъ и образовалась названная книга. До сихъ поръ не существовало систематическаго изложенія философскихъ взглядовъ Гильдебранда. Только теперь это сдѣлано, и въ итогѣ получилась выдающаяся работа (Rudolf Hildebrand. Gedanken über Gott, die Welt und das Ich“. Ein Vermachtniss (herausgegeben von Georg Berlit) 479 S. Verlag von Eugen Diederichs).

Любопытно, что положительное признаніе цѣнности жизни внушено было Гильдебранду, какъ и слѣпому Дюрингу, не опытомъ счастливой жизни, а также не жизнерадостнымъ темпераментомъ: онъ дошелъ до него труднымъ путемъ сомнѣній и тяжелыхъ страданій, которыя онъ сумѣлъ побѣдить, достигнувъ болѣе надежной вершины нравственнаго самоутвержденія.

Съ его книгой знакомятъ русскихъ читателей „Запр. Ж.“, предлагая статью другого нѣмецкаго ученаго, извѣстнаго профессора іенскаго университета Рудольфа Эйкена.

Въ настоящее время,—говоритъ этотъ профессоръ — мы можемъ наблюдать все болѣе явственно обнаруживающіеся признаки недовольства современной, чисто разсудочною культурой; мы видимъ, какъ неуклонно предъявляется къ жизни настойчивое требованіе большей искренности и непосредственности, чѣмъ та, какую можетъ дать современная культура: большей простоты въ отношеніяхъ къ дѣйствительности, большей полноты удовлетворенія человѣческой личности.

Въ этомъ философскомъ движеніи занимаетъ свое почетное мѣсто и интересующая насъ книга, и мы особенно горячо рекомендовали бы ее тѣмъ лицамъ, которымъ она, вопреки всякимъ мудрымъ софизмамъ о безцѣльности жизни, способна внушить чувство радости земного бытія.

Содержаніе книги крайне разнообразно. Но

черезъ все красной нитью проходитъ одна общая основная тенденція—стремленіе къ самоутвержденію, къ духовному самосохраненію противъ чуждой и въ сущности враждебной эпохи абсолютнаго господства трезвой, сухой разсудочности. Если при такомъ изложеніи всякое высказанное мнѣніе пріобрѣтаетъ характеръ чисто субъективной истины, то этимъ характеромъ особенно ярко запечатлѣны торжествующее признаніе положительной цѣнности жизни и рѣшительный протестъ противъ мудрствующаго и духовно разслабляющаго пессимизма, „подрѣзывающаго корни душевной силы, питающіе соками все дерево жизни“. Этому пессимизму Гильдебрандъ противопоставляетъ воззрѣніе на міръ, который явится передъ нами „твореніемъ столь же чуднымъ, цвѣтущимъ и прекраснымъ, какъ свѣтлая поэтическая греза, если мы только взглянемъ на него съ правильно занятой позиціи, а не изъ-за тюремныхъ стѣнъ, которыми гордый человѣкъ разума, прикрывшись знаменемъ науки, самъ окружилъ себя. Каждый истинно великій человѣкъ науки проламывалъ брешь черезъ эти стѣны, но его послѣдователи постоянно снова задѣлывали ее“.

Всѣми силами своего ума и сердца, жаждущаго жизни во всѣхъ проявленіяхъ ея подлинной дѣйствительности, Гильдебрандъ протестуетъ противъ позитивнаго мышленія, рѣзко отмежевывающагося отъ умозрѣнія и претендующаго возсоздать подлинную жизнь съ помощью однихъ только своихъ „чистыхъ“ логическихъ операцій; этому мышленію онъ противопоставляетъ пользующееся во многихъ отношеніяхъ преимуществомъ право умозрѣнія, непосредственнаго впечатлѣнія, чувства. Всякая работа мысли имѣетъ своимъ источникомъ непосредственное воспріятіе и носитъ на себѣ отпечатокъ послѣдняго.

„Чистое мышленіе (котораго, къ счастью, и не существуетъ) уводитъ насъ за предѣлы міра, за предѣлы дѣйствительности; только непосредственное чувство (чувство, пробуждающее дѣятельность мысли) возвращаетъ насъ къ нимъ“.

„Я очень рано, чуть ли не съ пятнадцатилѣтняго возраста, началъ думать, что учителя, наши оффиціальные учителя, должны направлять всѣ усилія свои къ тому, чтобы выравнивать шероховатости дѣйствительности; чтобы ломаныя и кривыя линіи жизненныхъ формъ вытягивать въ прямыя и стирать съ нихъ всѣ неровности и закругленія. Но почему? Я полагаю, потому, что прямыя линіи легче поддаются вычисленію, измѣренію,—а въ этомъ и сказывается потребность критическаго ума“.

„Чистое мышленіе подобно этому вычерчиванію прямыхъ линій, но сколько бы ни накопляли ихъ, ими никогда не удастся очертить предѣлы жизни; къ этимъ предѣламъ можно лишь приближаться, никогда не достигая ихъ“.

„Чистое мышленіе, къ которому стремится критическая теорія познанія, которымъ, какъ она даже думаетъ, уже овладѣла, я давно считалъ самообманомъ, поскольку рѣчь идетъ о мышленіи, свободномъ отъ всякаго вмѣшательства чувства. Такое мышленіе я никакъ не могу признать идеальной цѣлью, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, какъ это обыкновенно понимаютъ“.

Всѣ цитированныя нами мысли покоятся на томъ убѣжденіи, что наука можетъ только находить раскрывать передъ нами связи и соотношенія явленій, но лишь непосредственное воспріятіе въ состояніи постигнуть собственно жизнь и сущность явленій и ввести насъ въ глубокіе ихъ тайники; что лишь чувство даетъ намъ ключъ къ полному постиженію дѣйствительности. Но такъ какъ самое яркое свое выраженіе чувство находитъ въ искусствѣ, то наука и искусство должны вступить въ болѣе тѣсное взаимодѣйствіе между собою, и потому нашей ближайшей и прямо священной задачей является установленіе сотрудничества философіи и поэзіи.

Такъ какъ подобнаго рода мышленіе самымъ рѣшительнымъ образомъ противится всякимъ искусственнымъ построеніямъ, то оно охотно признаетъ права и простого здраваго смысла, и неподдѣльной наивности сужденія.

„Наивность сужденія, умозрѣнія, воспріятія, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, служитъ лучшей гарантіей ихъ правдивости, ибо наивность идетъ отъ первоисточника, никогда въ насъ не изсякающаго; наивность это то, что въ насъ есть истинно объективнаго, совпадающаго съ „вещью въ себѣ“; она есть возвратъ къ порѣ юности, которой всѣ одинаково жаждутъ — и добрые и умные; наивность — это бодрящее утро новаго дня въ жизни человѣчества“.

При такомъ умонастроеніи придаютъ огромное значеніе порѣ дѣтской жизни, ребенку удѣляютъ очень много вниманія, а его игры часто принимаютъ за символъ всего, что есть „самаго глубокаго и высокаго въ мірѣ“.

Слѣдуя избраннымъ имъ путемъ, нашъ мыслитель подходитъ къ великой проблемѣ объ отношеніи между субъектомъ и объектомъ, между человѣкомъ и внѣшнимъ міромъ, и приходитъ къ выводамъ, рѣзко противорѣчащимъ господствующему направленію новаго времени. Новое время стремится, по возможности, выдѣлить человѣка изъ остального міра и на немъ сосредоточить всю работу мысли. Человѣкъ и міръ выступаютъ все болѣе и болѣе рѣзко обособленными одинъ отъ другого; переходъ отъ человѣка къ міру дѣлается, въ концѣ-концѣ, настолько затруднительнымъ, что реальная связь между ними становится для насъ почти неуловимой. Противъ этого направленія Гильдебрандъ протестуетъ всѣми силами своей души. Его цѣль, наоборотъ, состоитъ въ

закрѣпленіи этой взаимной связи. По его мнѣнію, субъектъ и объектъ съ самаго начала предназначены были другъ для друга и взаимно тяготѣли другъ къ другу; каждый изъ нихъ находитъ въ другомъ свое дополненіе. Основная задача жизни, по Гильдебранду, состоитъ не въ обособленіи отъ міра, а въ приближеніи къ нему, въ возможно полномъ сліяніи съ нимъ. Что такъ именно внутреннее проявляется во внѣшнемъ, и въ немъ впервые само себя обрѣтаетъ,—это для нашего мыслителя одновременно представляется и изумительной загадкой и яснымъ, какъ день, фактомъ.

„Дойти до идеи Я, т.-е. до того, что ближе всего и въ то же время—дальше всего и менѣе всего доступно усвоенію,—это составляетъ труднѣйшую задачу, противорѣчіе противорѣчій".

„Усвоивая идею о чужомъ Я, одновременно въ ней же пріобрѣтаютъ идею о собственномъ Я и въ тоже время—о болѣе высокомъ и болѣе глубокомъ Я, объединяющемъ въ себѣ и то и другое".

„Каждый предметъ представляется намъ въ то же время и какъ его противоположность, которая при лучеиспусканіи воли въ безконечность распространяется на насъ и тѣмъ самымъ даетъ намъ представленіе о формѣ и состояніи, т.-е. о жизни и существованіи".

„Чѣмъ дальше мы идемъ въ процессѣ самоуглубленія, тѣмъ глубже проникаемъ мы въ основаніе міра, въ его внутреннюю сущность. Это совпаденіе внутренней сущности міра съ нашею собственною сущностью служитъ единственнымъ основаніемъ для объясненія изумительнаго строенія міра".

Этотъ взглядъ на взаимное соотвѣтствіе между внутреннимъ и внѣшнимъ, между субъектомъ и объектомъ, приводитъ нашего мыслителя къ конечнымъ выводамъ о мірѣ дѣйствительности, какъ цѣломъ. Какимъ образомъ внутреннее содержаніе могло бы пребывать во внѣшней формѣ, какимъ образомъ однѣ жизни могли бы возвышаться до другихъ, если бы не было единой великой жизни, всеобъемлющей и все объединяющей въ одно цѣлое? И какимъ образомъ съ перваго взгляда чужое могло бы претворяться въ свое собственное, если бы въ этой жизни вселенной не господствовала любовь, — любовь въ самомъ высокомъ и чистомъ смыслѣ этого слова, — и если бы она не создавала гармоническаго единства существа? Только всеобщая любовь можетъ намъ дать вселенную, на которую мы имѣемъ прирожденное право.

Жизнь вселенной непосредственно сосуществуетъ съ нашею въ томъ глубочайшемъ мѣстѣ нашего существа, которое Гильдебрандъ называетъ совѣстью.

„Если цѣлое представляетъ собою великую взаимную связь, и каждый изъ насъ входитъ въ составъ этого цѣлаго и этой великой связи, то мѣсто, въ которомъ мы пріобщаемся къ этому цѣлому, есть наша совѣсть; ибо отъ бережнаго отношенія къ этому мѣсту зависитъ также наша связь съ Богомъ и вселенной, а слѣдовательно, и наша сила, и нашъ успѣхъ, и наше счастье.— Такимъ образомъ, въ глубинѣ всего нашего существа заложено священное первичное основное ядро; священное постольку, поскольку оно находится въ тѣснѣйшей связи съ тѣмъ, что есть вѣчнаго и самаго возвышеннаго во вселенной; первичное постольку, поскольку стоитъ выше случайностей нашего произвола и преходящихъ требованій времени".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, авторъ рисуетъ картину дѣйствительности, отличающуюся и простотой и полнотой изображенія:

„Черезъ великое бытіе, насъ окружающее и и глубоко насъ проникающее, проходитъ великій процессъ стремленія къ совершенству. Это стремленіе таитъ въ себѣ, однако, и великое долженствованіе, не сообщающее, впрочемъ, никакой цѣли движенію, ни самого движенія, въ которомъ, однако, и состоитъ вся жизнь, т.-е. становленіе. Но, въ концѣ-концовъ, за великимъ долженствованіемъ неизбѣжно стоитъ великое хотѣніе; великое въ цѣломъ, дробясь на индивидуальныя хотѣнія, оно создаетъ въ насъ представленіе, что оно, это хотѣніе, въ великомъ цѣломъ должно проявлять наши малыя или индивидуальныя хотѣнія. Такимъ образомъ, съ великою волею, какъ мотивомъ и цѣлью вселенной, должны совпадать наши хотѣнія и воли, хотя бы мы и стремились къ достиженію нашихъ собственныхъ цѣлей, ибо наша свобода здѣсь отступаетъ на послѣдній планъ".

Легко видѣть, что изъ этого основного положенія неизбѣжно должно вытекать чисточеловѣчное религіозное настроеніе, стоящее выше всякихъ вѣроисповѣдныхъ споровъ; что при такомъ міропониманіи жизнь пріобрѣтаетъ достаточно крѣпкій фундаментъ, а страданіе, сопровождающее человѣческое бытіе, хотя и получаетъ признаніе, но и поощряетъ человѣка къ борьбѣ съ нимъ, увѣнчивающейся побѣдой; что при всей ясности ощущенія страданій, жизнерадостность и въ насъ самихъ, и внѣ насъ есть единственная основа и цѣль міра. Основной процессъ жизни преодолѣваетъ все, что на различныхъ пунктахъ его воспринимается, какъ тормазъ и страданіе, и, въ концѣ-концовъ, даже враждебное этому процессу можетъ стать средствомъ, способствующимъ его поступательному движенію.

„Герой" нашего времени.

(„Тѣнь вѣка сего". Д. Абельдяева.)

Время наше сложно, многообразно; и герой его — многолико-сложенъ. Онъ потомокъ и Фауста, и Мефистофеля, и Агасфера, и Гам-

лета, и Печорина, и еще Богъ знаетъ кого. Трагическая фигура...

Въ „Рус. М." сейчасъ печатается повѣсть Д. Абельдяева „Тѣнь вѣка сего" (Записки Абашева). Оригинальная вещь эта далеко не закончена еще,— она обѣщаетъ разрастись въ романъ,— но уже и теперь достаточно рельефно обрисовывается передъ нами главное лицо произведенія — нѣкто Абашевъ. Этимъ воспользовался Ал. Закржевскій („Огни"), и вотъ какъ онъ опредѣляетъ значеніе разсматриваемыхъ „записокъ" и ихъ героя.

„Въ переживаніяхъ автора записокъ — Абашева — цѣлая философія, цѣлое міровоззрѣніе, цѣлая трагедія; въ этихъ запискахъ — структура современной души, въ нихъ все, чѣмъ мучается, чѣмъ болѣетъ современный индивидуумъ, — и пути его, такіе знакомые, такіе безотрадные, и тоска его — тоска безмѣрная, еще небывалая, и бездна, и крикъ въ ночи— крикъ усталаго, извѣрившагося во всемъ, все переоцѣнившаго, потерявшаго послѣднюю почву человѣка, и одиночество, и мысли о смерти, и красота, и полъ, и оба полюса нашей культуры — Христосъ и Діонисъ.

Авторъ какъ бы задался цѣлью воспроизвести во всемъ многообразіи психологическую картину современной души, всѣхъ ея сокровѣннѣйшихъ извилинъ и глубинъ, переживаній, настроеній и проблемъ.

Именно такой романъ особенно нуженъ въ наше время; чувствуется потребность если не въ окончательномъ синтезѣ настроеній и путей современнаго духа, то во всякомъ случаѣ— въ выясненіи того основного нерва послѣднято, который боленъ, и боль котораго — боль всей нашей жизни — въ раскрытіи той загадочной и таинственной глубины, которая такъ характерна для современной души и которая проявляется во всемъ, сквозитъ въ переливахъ дней, въ событіяхъ, въ литературѣ, въ религіи, измѣняясь и ускользая, путаясь въ хаосѣ момента, но не являя окончательнаго облика...

Сіватить этотъ основной нервъ, почувствовать рельефное и твердое воплощеніе этой ускользающей глубины, увидѣть весь обликъ души современнаго индивидуума — не значитъ ли это открыть нашу тайну и вмѣстѣ съ тѣмъ— овладѣть исчезнувшими во мракѣ хаотическаго безвременья — путеводными нитями нашей жизни?

Кто понялъ абсолютную цѣнность личности нашихъ дней, кто приблизился хотя бы на іоту къ разгадкѣ ея сложныхъ іероглифовъ, кто уразумѣлъ и почувствовалъ, какова она— эта душа, куда она идетъ, къ чему она стремится, отчего такъ устало, такъ истерзалось, такъ поблѣднѣло лицо ея, отчего ея безумная боль, откуда ея трагедія, гдѣ и въ чемъ причина очарованья ея смертью и преждевременнаго разочарованія во всемъ?.. Если и понялъ кто, то молчитъ. Если и знаетъ причину — боится громко сказать. Если и чувствуетъ все, — не хватаетъ увѣренности рѣшиться обобщать. А причина этого — въ томъ, что все — еще въ мукѣ переживаній, что всѣ запутались, что некому взойти на вершину, наблюденія и посмотрѣть внизъ какъ бы съ историческаго далека... На вопросъ — „куда мы идемъ?" — никто не можетъ отвѣтить, потому что никто этого не знаетъ. Факты и событія сыплются какъ изъ рога изобилія, но нельзя разобраться въ нихъ. Только поражаешься рѣзкими контрастами, только чувствуешь головокруженіе отъ проносящагося вихря перемѣнъ...

А ключа къ этому все же нельзя отыскать... А почувствовать основу, на которой все держится — мудрено... А вырваться изъ хаоса и найти связь разорванныхъ звеньевъ, увидѣть отраженіе свое, почувствовать ширину и глубину своего я, разгадать таинственную тетраграмму нашей жизни — еще мудренѣе.

Къ этой задачѣ приблизился отчасти В. Ропшинъ въ своихъ романахъ, но у него элементъ общественности какъ бы затушевываетъ психологическое содержаніе внутренняго состоянія души. Эту же задачу преслѣдуетъ теперь и Д. Абельдяевъ.

И нужно отдать справедливость послѣднему: онъ вполнѣ овладѣлъ чрезвычайно труднымъ и почти неподдающимся построенію — разрозненнымъ, хаотическимъ матеріаломъ, онъ нащупалъ этотъ ускользающій, неуловимый, мучительный нервъ, онъ прислушался къ этому отчаянному крику въ ночи, къ этой смертоносной усталости, къ этому вѣчно-безпокойному современному „гамлетизму", къ сложной и для многихъ еще безсознательной трагедіи нашихъ дней.

Современный индивидуумъ оторванъ не только отъ среды; онъ вслѣдствіе мучительной тоски своей, вслѣдствіе болѣзненной своей неудовлетворенности міромъ — оторванъ отъ всякой почвы, отъ всѣхъ надеждъ, отъ всякой религіи... И какая усталость на днѣ души! Какъ зловѣще заострены черты, какой мучительный, какой проклятый, неизлѣчимый недугъ! Сколько безсонныхъ ночей, сколько погибшихъ жизней, сколько странныхъ, никому непонятныхъ тайнъ. Такой усталости не испытывала давно душа. И приходитъ она чуть ли не съ колыбели. И какая масса блѣдно-истерзанныхъ лицъ, *обреченныхъ* лицъ, лицъ муче-

никовъ, лицъ живыхъ мертвецовъ! Прежде были „герои“, „работники“, „носители принциповъ“ — теперь только жертвы. Теперь никакихъ принциповъ нѣтъ и самый главный ужасъ въ томъ, что они — ненужны. Теперь — живые трупы.

Д. Абельдяевъ это понялъ; его Абашевъ — именно такой живой трупъ, его душа именно такая, уже давно знакомая, отчаявшаяся, смертельно усталая, потерявшая почву душа... И въ словахъ его — боль наша, ужасъ нашъ темный, вопль нашихъ черныхъ ночей, наша тоска, нашъ мучительный страхъ, страхъ человѣка, падающаго въ бездну съ зажмуренными глазами, и забывшаго мысль о возможности спасенія: „Мы во всемъ, всегда и вездѣ — эпигоны. Оттого-то, можетъ быть, такъ и несчастны мы, и такъ скучаемъ, и такъ томимся нашимъ существованіемъ. Мы, какъ личности, затерялись гдѣ-то и ищемъ, и не можемъ найти себя... Мы забыли простую азбучную истину, которую дѣтьми еще учились когда-то списывать съ прописи. Истина эта: „въ гостяхъ хорошо, а дома лучше“. А, вѣдь, быть самимъ собой, т.-е. подлинникомъ, вѣдь это и значитъ „быть дома“, т.-е. тамъ гдѣ „лучше“. Есть люди — и это большинство, — которые вѣчно „въ гостяхъ“. Это тѣ „нищіе духомъ“, у которыхъ нѣтъ „дома“. И есть люди, которые всегда и вездѣ у себя дома: это — тѣ, немногіе, которые свѣтятъ міру. Имъ стадо не нужно: они пасутъ это стадо... Что они — счастливы? Не думаю. Быть пастухомъ скучно: вѣчно одинъ. И потомъ: стадо — всегда стадо: и глупо оно, и пахнетъ скверно“...

Абашевъ, какъ и современная душа, ушелъ отъ жизни, не захотѣлъ быть въ стадѣ, не выдержалъ. У него — свои тайны, свои роковыя мысли, мысли безсонныхъ ночей, мысли ѣдкія; полныя глубины и проніи (такъ пронизируютъ надъ собой погибающіе), у него своя философія, философія безпочвенности, покинутости отчаянія, философія трагедіи, философія нашего вѣчнаго, проклятаго и увы! — неизбѣжнаго — подполья...

У Абашева „подполье“ своеобразное: онъ хоть и ушелъ отъ жизни, но это послужило только къ сильнѣйшему, лихорадочному, болѣзненному ея ощущенію. Онъ чувствуетъ тотъ таинственный, сладостно волнующій „ритмъ жизни“, который не ощущается въ самой жизни, а — вдали отъ нея, въ тишинѣ, въ одиночествѣ. Этотъ „ритмъ“ вызываетъ въ Абашевѣ удивительно-глубокія, полныя утонченной, нѣжной и скорбной проніи — разсужденія; въ нихъ — остроуміе, рефлектирующее петроніанство, напѣвность усталости, дрожь смерти, тайна красоты, запахъ лѣсовъ и полей, чудо русской природы, тоска и печаль, въ нихъ — осторожное приближеніе, наощупь, къ самымъ мучительнымъ проблемамъ нашей жизни, которыя обжигаютъ: ко Христу, къ метафизикѣ пола, красоты и любви, къ субъективности воспріятія міра, къ пространству и времени, къ вѣчности, къ эллинству, къ сатанѣ...

По основной лейтъ-мотивъ (насколько я могъ его уловить) — несомнѣнно „подпольнаго“ характера. И можетъ быть оттого и глубина романа: въ безднахъ, въ подвалахъ, въ нѣдрахъ жизни можно уловить и понять нѣчто такое, чего не поймешь и не замѣтишь, оставаясь на ея поверхности.

Абашевъ именно въ этихъ низинахъ и нащупалъ корень трагедіи. Онъ знаетъ, что мы — мертвые. Онъ знаетъ это еще потому, что самъ безмѣрно усталъ (что, однако, не мѣшаетъ ему быть чуткимъ и нѣжнымъ къ жизни): „И у меня были намѣченныя цѣли. Много... я любилъ и люблю жизнь. Можетъ быть даже больше, чѣмъ слѣдуетъ. И вотъ — все оказалось безсильнымъ. Меня оковала окоченѣлость трупа — и я отсталъ. Разрывая кулисы „насъ возвышающихъ обмановъ“, я спускался все ниже, — въ затхлый подвалъ „низкихъ истинъ“... Тамъ было темно, жутко и холодно... Это была бездна, которая вся, цѣликомъ, вмѣщалась подъ черепомъ, и въ то же время не имѣла границъ и не знала предѣла. Это была вѣчность, которая кишѣла образами, мыслями, — и онѣ тянули къ себѣ и засасывали въ свои неизмѣримо-глубокія нѣдра. Это былъ лабиринтъ мрачныхъ комнатъ, въ которыхъ обиталъ смѣющійся трупъ-мумія. Я уходилъ отъ него и въ то же время — я зналъ это — шелъ прямо къ нему. И это было ужасно“...

Сквозь послѣднюю глубину смотритъ на жизнь Абельдяевъ. Оттого она у него такъ жгуче интересна и своеобразна.

Онъ почувствовалъ современную душу, увидѣлъ отраженіе ея въ *своей* душѣ, а это главное. Это поможетъ ему не только постичь ея муку, но также и схватить ея ускользающую сущность, приблизиться къ тому спасительному синтезу, котораго напрасно онъ ищетъ въ своемъ трагическомъ безсиліи“.

Для того, чтобы герой г. Абельдяева — этотъ истинный сынъ „вѣка сего“ — предсталъ передъ читателемъ въ болѣе конкретномъ видѣ, дополнимъ слова кіевскаго критика и сдѣланныя имъ цитаты рядомъ другихъ выписокъ изъ повѣсти.

„...Я все еще нахожусь подъ впечатлѣніемъ

своего вчерашняго сна. Вотъ, что мнѣ вспомнилось.

Давно, въ дѣтствѣ, мнѣ кто-то разсказывалъ одну изъ народныхъ новеллъ, въ которой повѣствуется о томъ, какъ заболѣлъ одинъ знатный, богатый баринъ. Какъ водится, былъ онъ, этотъ баринъ, великій грѣшникъ (это, вѣдь, ихъ монополія) и, сколько ни лѣчился онъ, никто не могъ его вылѣчить. Животъ его вздулся — страшно было смотрѣть; а самъ баринъ высохъ, какъ щепка. И вотъ бросилъ онъ всѣхъ докторовъ и знахарей и сталъ молиться, сталъ ѣздить по всѣмъ святымъ мѣстамъ и угодникамъ, ища у нихъ милости. Много лѣтъ онъ молился и ѣздилъ — и все-таки не было ему помощи. Но однажды, лѣтомъ, по дорогѣ отъ угодника, онъ, проѣзжая лѣсомъ, остановился отдохнуть и покормить лошадей. Лакей постлалъ барину коврикъ подъ дубомъ. Баринъ легъ и — уснулъ. А лакей пошелъ побродить по лѣсу. Напались ему ягоды, и нарвалъ онъ ихъ въ тарелку и поставилъ какъ разъ сбоку барина: проснется баринъ — порадуется. Сидитъ лакей, ждетъ. И видитъ онъ, какъ изъ открытаго рта барина выползаетъ гадюка, другая, третья (онъ и счетъ потерялъ — сколько...) и — къ тарелкѣ... Ихъ приманилъ запахъ ягодъ. Лакей далъ имъ повыползти всѣмъ, бросился къ барину, закрылъ ему рукой ротъ и разбудилъ его. „Смотрите: вотъ ваша болѣзнь; вотъ что въ васъ было! — указалъ онъ на гадовъ...

Кончилось все тѣмъ, что баринъ выздоровѣлъ, наградилъ вѣрнаго лакея и сталъ жить, да поживать, да добра наживать; а, можетъ быть, да и навѣрно такъ, сталъ и грѣшить по-старому...

Дѣло, конечно, не въ томъ. Дѣло въ томъ, что я нашелъ „бѣлыя нитки“ сна...

Ты, — намекалъ мнѣ мой сонъ, — ты тоже заболѣлъ неизлѣчимой болѣзнью богатаго, грѣшнаго барина: въ тебя заползъ гадъ... И ты тоже бросилъ всѣхъ „лѣкарей“ и „знахарей“, и пріѣхалъ сюда (въ деревню), и здѣсь — обласканный чуткимъ затишьемъ и одиночествомъ — оторвался на минутку отъ созерцанія своей неизлѣчимой болѣзни (уснулъ). И случай — добрый лакей — поставилъ предъ тобой тарелку ягодъ...

Да, да: случай столкнулъ меня съ Сашей *). *Ягоды*, это — она, Саша...

...О, только вылѣчи меня! Только выгони изъ меня этихъ гадовъ! — мысленно взмолился я. — А тамъ, послѣ... Я, право, не знаю, что будетъ послѣ, и знать не хочу: я хочу быть здоровымъ и — только...

...Гете, помнится, устами — если не ошибаюсь — Вернера говоритъ: „Когда намъ себя недостаетъ, намъ всего недостаетъ“... — Ну, а я вотъ именно и боленъ этимъ минусомъ: ищу самого себя, такъ какъ очень и очень не прочь познакомиться съ этимъ „пріятнымъ незнакомцемъ“. Гдѣ ужъ тутъ, среди такихъ курьезныхъ поисковъ, возиться съ другою психикой! Вмору со своимъ добромъ справиться. Знаете, когда человѣку стыдно, онъ прячетъ свое лицо, а не показываетъ. А полюбить, вѣдь, это — что? — распахнуться. Вотъ, дескать, каковы мы — любуйтесь! А это — страшно... Ахиллесъ молчалъ и пряталъ свою уязвимую пяту. И въ этомъ смыслѣ, мы всѣ — Ахиллесы.

...Знаете, человѣкъ — всякій человѣкъ — загадка, и загадка страшная. Что въ немъ таится? О чемъ это онъ такъ иногда сосредоточенно думаетъ — одинъ, съ этимъ странномерцающимъ взглядомъ? Чему улыбается онъ? Чему хмуритъ брови? И отчего это онъ такъ иной разъ испуганно вздрагиваетъ?.. Спросите — о, онъ ни за что вамъ не скажетъ. И — знаете, что? (вотъ, это-то и страшно въ немъ!) — онъ и не сумѣетъ сказать: онъ не знаетъ. Да: онъ знаетъ себя меньше, чѣмъ вы его знаете; онъ только прислушивается и только догадывается о томъ, что онъ такое представляетъ: да и то — урывками, смутно. И эта неспособность его — знать себя (кто знастъ...) — не есть ли она и нѣчто желательное? Въ самомъ дѣлѣ: отчего это люди, когда они долго бываютъ одни (узники), — отчего они сходятъ съ ума? Не оттого ли, что тамъ — въ своихъ казематахъ — они приручили къ себѣ того демона, который раньше таился внутри ихъ, боялся выйти наружу, а потомъ осмѣлѣлъ и — снялъ маску? Страшный собесѣдникъ!..

...Гейне, гдѣ-то, разсказываетъ, что среди моряковъ существуетъ повѣрье о добромъ духѣ, геніи всякаго корабля — Хлопотунѣ, который любитъ и бережетъ свой корабль, предупреждаетъ о порчѣ, хлопочетъ о томъ, чтобы въ трюмѣ былъ лучше разложенъ грузъ (а это — важно), защищаетъ корабль отъ опасностей, и никто не видитъ его. Но, разъ увидали его, разъ показался онъ — кораблю грозитъ вѣрная гибель. Хлопотунъ садится на руль, ломаетъ его и исчезаетъ... И вотъ — нѣчто подобное таится и въ каждомъ изъ насъ. Мы тоже не видимъ нашего демона; онъ такъ же хлопочетъ о насъ; и точно такъ же — разъ онъ выходитъ наружу — мы погибаемъ: онъ ломаетъ руль нашего разума...

*) Воспитанница няни Абашева.

...Въ сущности, все очень просто и ясно. Смыслъ жизни — въ отсутствіи смысла. Осмысленность, т.-е., наличность извѣстной цѣлесообразности и разумности даннаго явленія, — все это только пріемы нашего людского, несовершеннаго мышленія. Это — орбита, по которой вращаются всѣ наши понятія. У насъ, вѣдь, всякая веревочка имѣетъ свое начало и свой конецъ. И этихъ воображаемыхъ началъ и концовъ мы ищемъ вездѣ. Въ наивной потребности непремѣнно начать и кончить, т.-е., во что бы то ни стало, замкнуть въ рамку словъ все, съ чѣмъ имѣемъ мы дѣло, — та основная и капитальная неточность, которая пронитываетъ всѣ наши понятія. Вѣдь, на самомъ-то дѣлѣ никакого начала и никакого конца никогда и нигдѣ не было, да и быть не могло.

...Да: смыслъ жизни — въ отсутствіи смысла. Такъ, въ чемъ же дѣло? Чего же ищу я?..

...Страшно быть ночью въ лѣсу и заблудиться въ немъ. Страшно ночью бродить по кладбищу. Ужасны также пустые дома, заброшенные, мрачные, въ которыхъ ютятся призраки мрачнаго прошлаго. Войдешь въ эти мрачные склепы — и не чаешь уйти... Но вѣдь все это имѣетъ просвѣты, ограду и стѣны, словомъ — конецъ. А лабиринтъ вашихъ мыслей — вошли вы въ него — и вы, лицомъ къ лицу, съ бездной... И благо тому, кто, входя въ эту мрачную дверь, имѣетъ въ рукахъ Аріаднину нить...

...„Иди!“ — властное это слово, положимъ. Но, вѣдь, этого мало. Для того, чтобы итти, надо имѣть, прежде всего, способныя къ ходьбѣ ноги. Вѣчный Жидъ ихъ имѣлъ — и пошелъ... Трагическая фигура, что говорить. Но, все же живая; а это — главное. И съ опредѣленнымъ маршрутомъ („Иди, пока вновь не явлюсь я!“) и съ ясною цѣлью; и съ грузомъ очень понятной вины. Иному станетъ, пожалуй, и завидно“...

Два убійства.

(Изъ романа В. Ропшина „То, чего не было“[1]).

Основной мотивъ романа В. Ропшина — жгучій вопросъ о безотносительной цѣнности *всякой* человѣческой жизни, какъ вопросъ *совѣсти* — въ главахъ, напечатанныхъ въ 4-ой кн. „Завѣтовъ“, достигаетъ наибольшей изобразительности и остроты постановки. Болотовъ, центральное лицо романа и выразитель основныхъ заданій автора, захваченъ стихійной волной — московскимъ возстаніемъ, и, помимо своей воли, дѣлается непосредственнымъ соучастникомъ террористическаго акта, задуманнаго чуть ли не единолично начальникомъ его дружины Володей.

Картина этого террористическаго акта и слѣдующее за ней описаніе казни Давида, попавшаго въ руки солдатъ, заслуживаютъ быть и отмѣченными и сопоставленными.

„Былъ шестой часъ утра и на дворѣ была еще ночь, когда Володя остановился у подъѣзда небольшого деревяннаго дома въ Грузинахъ. „Здѣсь“...—шопотомъ сказалъ онъ и, нашаривъ пуговку электрическаго звонка, позвонилъ протяжнымъ и долгимъ звономъ. Не выспавшіеся, угрюмые, неотличимые въ ночной темнотѣ дружинники несмѣло жались другъ къ другу. Было морозно и звѣздно. Болотовъ взглянулъ вверхъ. Прямо надъ его головой на изсиня-черномъ, декабрьскомъ небѣ сверкала Медвѣдица. „Зачѣмъ я здѣсь съ ними?—внезапно съ тревогой подумалъ онъ. Того свѣтлаго чувства, которое владѣло имъ наканунѣ, онъ не испытывалъ болѣе. Даже казалось, что Володя дѣлаетъ ненужное, злое, быть можетъ, вредное дѣло. Но не было силы уйти. За стеклянною дверью, въ сѣняхъ, вспыхнулъ огонь, и толстый, босой, въ длинноломъ, грязномъ халатѣ, швейцаръ загремѣлъ ключами:

— Кто тутъ?—недовольнымъ голосомъ проворчалъ онъ, осторожно пріоткрывая двери и запахивая халатъ. Сквозь освѣщенныя стекла Болотовъ ясно увидѣлъ его близорукіе, ищущіе во тьмѣ глаза, опухшее заспанное лицо и взлохмаченную спросонокъ голову. Сзади на тротуарѣ кто-то, должно быть, Ваня, негромко сказалъ:

— Кого Богъ полюбитъ, тому гостя пошлетъ.

— Оглохъ?.. Отворяй!..—закричалъ Володя, и сейчасъ же одинъ изъ дружинниковъ, Константинъ, рыжій, веснущатый малый лѣтъ девятнадцати, налегъ плечомъ на дверную раму. Дверь подалась, и зазвенѣли осколки стеколъ. Швейцаръ поднялъ руки. Въ ту же минуту, не давая ему времени вскрикнуть, Константинъ навалился всей тяжестью на него и изо всѣхъ силъ сдавилъ ему горло. Болотовъ видѣлъ какъ напружилось и посинѣло бѣлое, искаженное испугомъ, лицо швейцара.

— Связать!—отрывисто приказалъ Володя,— Константинъ и Романъ Алексѣичъ, останетесь здѣсь, Поваренковъ и Лейзеръ—на улицѣ. Никого не впускать! Поняли? Никого! Кто бы ни позвонилъ,—связать!

Согнувшись громаднымъ и гибкимъ тѣломъ

[1]) См. „Бюллетени“ № 19, мин. г.

и стараясь не стучать сапогами, онъ по-юношески легко взбѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ. Во второмъ этажѣ направо, была прибита дощечка: Евгеній Павловичъ Слезкинъ. Володя обернулся къ дружинѣ:

— Вотъ что, — полушепотомъ сказалъ онъ,— ты, Ваня, пройдешь на кухню и станешь у чернаго хода. Да, смотри, ворона, убью!..

Не ожидая отвѣта, онъ позвонилъ. Стало тихо. Въ тишинѣ было слышно дыханіе многихъ людей. Теперь Болотовъ уже зналъ, зналъ навѣрное, что они дѣлаютъ что-то страшное и жестокое, и ему опять захотѣлось уйти, захотѣлось не видѣть того, что будетъ. Но та же непонятная сила, которой онъ радовался вчера, удерживала его. И сознаніе, что онъ не принадлежитъ себѣ, что онъ подчиненъ чьей-то волѣ, что онъ безсловесный и послушный солдатъ, теперь не только не было пріятно ему, но вызвало въ немъ смущеніе и страхъ. Онъ испытывалъ томительное и жуткое чувство. Точно не отдѣльные, свободные люди, Володя, Василій Григорьевичъ, Давидъ составляютъ боевую, готовую къ смерти, дружину, точно каждый изъ нихъ, вступая въ нее, потерялъ частицу разумной воли, частицу власти надъ собственной жизнью, точно у ней есть своя, самостоятельная, душа и свои непререкаемые законы. Ему казалось, что не онъ, не Володя, не Ваня рѣшили ночью, какъ воры, напасть на этотъ запертой домъ, что за нихъ рѣшила дружина, партія, Москва, вся Россія, что остановиться она не вправѣ, что ихъ безславное отступленіе будетъ тяжкимъ позоромъ и непрощаемою измѣной. И онъ уже зналъ, что не уйдетъ и безпрекословно, не разсуждая, исполнитъ все, что ни прикажетъ ему Володя.

Давидъ, еще на улицѣ дрожавшій, какъ въ лихорадкѣ, искоса посмотрѣлъ на него и вздохнулъ:

— Что-то не отворяютъ?.. А?..

Болотовъ нервно пожалъ плечами. Внизу, въ швейцарской, затихли шаги и внезапно погасъ огонь. Володя позвонилъ еще разъ. Въ прихожей рѣзко задребезжалъ заглушенный звонокъ.

— Кого надо?—прошамкалъ изъ-за дверей старушечій голосъ.

— Отъ генерала, — тотчасъ отвѣтилъ Володя.

— Отъ генерала?

— Да, да... Очень важное... Отворите скорѣе...

Что-то заворочалось за обитой желтой клеенкой дверью. Заскрипѣлъ подъ ключемъ замокъ. На порогѣ стояла старуха, сморщенная, простоволосая, въ ночной бѣлой кофтѣ, должно быть няпька. Она довѣрчиво подняла голову, но, увидѣвъ толпу вооруженныхъ людей, закрестилась, затопталась на мѣстѣ и, раскрывъ старый, беззубый ротъ, присѣдая и кивая тощей косичкой, начала задомъ отступать отъ Володи.

Внося съ собою запахъ мороза и неоттаявшія сосульки на бородѣ и бровяхъ, Володя вошелъ въ квартиру. Поколебавшись секунду, онъ не сильно толкнулъ какую-то дверь. Дверь вела въ темную, душную, очевидно, жилую комнату. Поискавъ пальцами по стѣнѣ, онъ зажегъ электричество. Болотовъ, повинуясь все той же необъяснимой силѣ, вошелъ вслѣдъ за нимъ.

Посреди комнаты стоялъ тяжелый письменный столъ. Въ правомъ углу, подъ небогатою образницей, на кожаномъ широкомъ диванѣ, спалъ человѣкъ. Человѣку этому на видъ было лѣтъ 40. У него были черные съ просѣдью волосы и такого же цвѣта закрученные кверху усы. Вѣроятно, онъ слышалъ во снѣ шаги или внезапный свѣтъ потревожилъ его. Онъ лѣниво полуоткрылъ глаза и какъ бы не вѣря тому, что увидѣлъ, думая, что все еще снится сонъ, опять опустилъ рѣсницы. Но сейчасъ же, точно кто-то сзади ударилъ его по головѣ, онъ быстрымъ движеніемъ откинулъ ватное одѣяло и потянулся рукой подъ подушку. Володя схватилъ его за руку:

— Попрошу встать.

Человѣкъ, стараясь освободить руку, молча, потемнѣвшими, испуганно-злыми глазами, смотрѣлъ на Володю. Онъ не замѣчалъ, что Василій Григорьевичъ цѣлится въ него изъ дрожащаго маузера и что у самаго его уха, въ затылокъ ему, направленъ тоже дрожащій револьверъ Давида.

— Господинъ Слезкинъ?—спросилъ Володя.

— Да, Слезкинъ, — чувствуя, что не можетъ освободиться прерывающимся, густымъ баритономъ проговорилъ человѣкъ.

— Полковникъ Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Евгеній Павловичъ Слезкинъ?..

— Ну да... Евгеній Павловичъ Слезкинъ... Пустите руку. .—со злобой, вырываясь всѣмъ тѣломъ, вскрикнулъ вдругъ человѣкъ.

— Попрошу встать.

Полковникъ Слезкинъ опустилъ на коверъ одну босую, волосатую ногу. Подумавъ, онъ опустилъ и другую. И, сидя такъ на диванѣ, свѣсивъ голыя ноги, въ одной короткой рубашкѣ, онъ надтреснутымъ голосомъ, но все еще громко спросилъ:

— Вамъ... собственно что угодно?

— Узнаете своевременно.

Слезкинъ сталъ одѣваться. Болотову каза-

лось, что все, что онъ видитъ, происходитъ не на яву и не съ нимъ — до такой степени было странно смотрѣть на эти чужія голыя ноги, на эту обнаженную красную, съ торчащимъ кадыкомъ шею, на то, какъ здѣсь среди нихъ, незнакомыхъ и враждебныхъ ему людей, одѣвается пожилой, вѣроятно женатый и семейный человѣкъ. „Точь въ точь, какъ жандармы"...—мелькнуло у Болотова. Лакированныхъ, высокихъ сапогъ Слезкинъ безъ помощи денщика надѣть не умѣлъ и пока онъ возился съ ними, тянулъ за ушки и, гремя шпорами, стучалъ пяткою о полъ, всѣ неловко молчали. Надѣвъ, наконецъ, синіе съ кантомъ рейтузы и сапоги, онъ снова сѣлъ на диванъ и вдругъ, поднялъ по-дѣтски высоко плечи и безпомощно разводя руками, вздохнулъ и тихо сказалъ:

— Что же это такое?..

— Гдѣ вашъ револьверъ?—строго спросилъ Володя.

— Револьверъ,— Слезкинъ провелъ рукою по лбу,—подъ подушкой револьверъ...

Сядьте сюда, за столъ.

— Слезкинъ не двигался.

— Попрошу сѣсть за столъ.

— За столъ?.. За столъ?.. Нѣтъ... Нѣтъ... я... не хочу за столъ...—провожая глазами Володю, едва слышно пролепеталъ онъ и дернулъ шеей.

— Господинъ Слезкинъ.

— Нѣтъ... Нѣтъ... Нѣтъ... Ради Бога нѣтъ... Я не сяду..

Болотовъ видѣлъ, какъ Давидъ приставилъ къ стриженому сѣдому виску револьверъ. Онъ видѣлъ, какъ тряслись у Давида при этомъ пальцы и какъ у Слезкина, у носа и около скулъ проступили багровыя пятна и задрожала нижняя челюсть. Давидъ, не опуская револьвера, заговорилъ быстро, запинаясь и глотая слова:

— Что значитъ?.. Если вамъ велятъ, то-есть приказываютъ, то вы обязаны садиться куда сказано, то-есть куда велятъ...

Володя поморщился:

— Господинъ Слезкинъ.

Слезкинъ всталъ и съ усиліемъ волоча ноги, опустился въ низкое плетеное кресло. Сѣвъ на привычный письменный столъ, по привычкѣ спиною къ двери, увидѣвъ на привычныхъ мѣстахъ привычно знакомые, всегда одни и тѣ же предметы: сафьянный черный портфель, чернильницу, прессъ-папье въ видѣ подковы, онъ внезапно притихъ и, стараясь быть твердымъ, сказалъ:

— Что же вамъ, наконецъ, нужно?..

— Узнаете своевременно...—Володя отвелъ револьверъ Давида.—Вотъ что, господинъ полковникъ Евгеній Павловичъ Слезкинъ, даю вамъ пять минутъ сроку...

Володя не говорилъ. Слезкинъ съ минуту остановившимися глазами въ упоръ смотрѣлъ на него. И вдругъ, не отрывая глазъ отъ лица Володи, медленно приподнялся съ кресла и такъ же медленно, прямой, высокій и бѣлый, какъ скатерть, началъ пятиться задомъ къ дверямъ. Пятясь, онъ постепенно подымалъ руки, точно прося пощады и, поднявъ ихъ до уровня плечъ, закрывая лицо, широко разставилъ толстые пальцы. И тутъ Болотовъ услыхалъ то, чего долго потомъ не могъ забыть, что долгое время спустя заставляло его въ холодномъ поту, ночью, вскакивать съ койки. Онъ услышалъ прерывистый, стонущій, заячій лай. Было невозможно повѣрить, что эти визгливые, непохожіе на человѣческій голосъ, звуки выходятъ изъ горла вотъ этого крѣпкаго, пожилого, въ синихъ рейтузахъ и бѣлой рубашкѣ, человѣка. Слезкинъ, не опуская поднятыхъ рукъ, и все такъ же пятясь назадъ, и все такъ же визгливо лая, шагъ за шагомъ отступалъ въ уголъ, какъ будто въ углу было его спасеніе. Болотовъ отвернулся.

Но вдругъ, заглушая этотъ заячій лай, изъ прихожей поднялся и, наполняя собою низкія комнаты, повисъ въ воздухѣ другой, еще болѣе неожиданный звукъ: пронзительный, женскій, щемящій вопль. И, расталкивая дружинниковъ, и кидаясь грудью на нихъ, въ комнату ворвалась женщина, съ нездоровымъ цвѣтомъ лица, полная, въ папильоткахъ, видимо прямо съ постели. Не умолкая ни на минуту, не понимая, что съ ней и что она дѣлаетъ, зная только, что ея мужъ умираетъ, она бросилась на колѣни, и ловя ноги то Володи, то Сережи, то Болотова, хватаясь за нихъ и цѣлуя ихъ сапоги, рыдая, снова цѣлуя и захлебываясь отъ плача, она повторяла одно, лишенное смысла слово:

— Спасите!.. Спасите!.. Спасите!..

Болотовъ видѣлъ, какъ Василій Григорьевичъ уткнулся носомъ въ занавѣски окна и какъ Давидъ, отшвырнувъ свой револьверъ и закрывъ руками лицо, выбѣжалъ вонъ. Володя, блѣдный отъ гнѣва, рѣшительно подошелъ къ женщинѣ, поднялъ ее на руки, какъ ребенка, и угрюмо забормоталъ:

— Успокойтесь, сударыня... Успокойтесь...

Женщина продолжала биться. Все ея полное, мягкое тѣло въ длинной ночной сорочкѣ сотрясалось отъ плача. Вырываясь изъ твердыхъ объятій Володи, то ловя его руки, то кусая ихъ, то плача, она, забывъ всѣ другія слова,

выкрикивала все одно и то же, подсказанное ей отчаяніемъ слово:

— Спасите!.. Спасите!.. Спасите!.. Спасите!..

Болотовъ чувствовалъ, что не можетъ больше молчать и что у него сейчасъ брызнутъ слезы. Боясь этихъ слезъ, онъ подошелъ къ Володѣ:

— Пощадите его...

Володя ему не отвѣтилъ. Крѣпко держа женщину на рукахъ и зажимая ей ротъ платкомъ, онъ быстро, увѣренными шагами, вышелъ въ прихожую.

— Прозѣвали!—сквозь зубы сказалъ онъ,— вороны!

Слезкинъ стоялъ теперь въ лѣвомъ углу, у двери. Онъ стоялъ неподвижно, плотно прижавшись спиною къ стѣнѣ и не говоря ни слова. Сухими, блестящими, неестественно расширенными глазами, онъ по-прежнему, безпокойно слѣдилъ за Володей, не пропуская, ни одного движенія его большихъ рукъ. За все время пока въ комнатѣ рыдала его жена, онъ не пошевелился. Володя, вернувшись и заперевъ двери на ключъ, со вниманіемъ, пристально посмотрѣлъ на него и отчетливо и громко сказалъ:

— Ну-съ, господинъ Слезкинъ, по постановленію Московской Боевой Дружины вы приговорены къ смертной казни... черезъ повѣшеніе,—понизивъ голосъ, прибавилъ онъ.—Эй, кто тамъ?.. Веревку!..

Никто не пошевелился. Володя нахмурился. Болотовъ, чувствуя мелкую, неудержимую дрожь въ ногахъ, пониже колѣнъ, опять подошелъ къ нему:

— Владиміръ Ивановичъ...

— Чего?

— Владиміръ Ивановичъ... .

— Ну чего? Говорите скорѣе...

— Пощадите, Владиміръ Ивановичъ...

— Кого? Жандармскаго полковника Слезкина? Пощадить?.. Эхъ вы... Такъ зачѣмъ было Петрушку валять?.. Зачѣмъ?.. Тьфу!..

— Пощадите, Владиміръ Ивановичъ...

Слезкинъ не шелохнулся, какъ будто не за него просилъ Болотовъ. Онъ все такъ же, не отрываясь, въ упоръ смотрѣлъ на Володю. Вдругъ лицо Володи перекосилось. На правой щекѣ, подъ густою черной бородой, около сжатаго рта, запрыгали судороги. И, не глядя на Болотова, онъ хриплымъ голосомъ, крикнулъ.

— Убирайтесь всѣ къ чорту! Всѣ!:.

Болотовъ не помня себя, вышелъ изъ комнаты. Въ прихожей не было никого. Только у выходныхъ, запертыхъ на цѣпочку, дверей, съ безстрастнымъ лицомъ и съ револьверомъ въ рукахъ, дежурилъ незнакомый Болотову рабочій. Когда Болотовъ поймалъ его равнодушный, почти скучающій взглядъ, ему стало страшно. Онъ вдругъ понялъ, что Слезкинъ неизбѣжно будетъ убитъ, что нѣтъ той власти, которая бы могла бы спасти его жизнь, и что если Володя его не убьетъ, то вотъ этотъ дружинникъ, вся дружина, вся партія, вся Москва всей жестокою силой своего неизлитаго гнѣва раздавятъ и Слезкина, и Володю, и Болотова, и всѣхъ, кто осмѣлится стать поперекъ ихъ дороги. „Съ нами не поминдальничаютъ, за ушко да на солнышко“...— неожиданно вспомнилъ онъ. — „Правда, незачѣмъ было Петрушку валять... Вѣдь этотъ Слезкинъ—мерзавецъ, вѣдь онъ перевѣшалъ десятки, вѣдь у него нѣтъ совѣсти, какъ у звѣря“...—ища оправданія, подумалъ онъ, но думать дальше не могъ. Кто-то, всхлипывая, рыдалъ въ углу. Закрывшись жандармской шинелью, весь мокрый отъ слезъ, въ прихожей, за вѣшалкой, притаился Давидъ. Незнакомый дружинникъ взглянулъ на него и презрительно скривилъ губы.

Въ комнатѣ Слезкина, кромѣ Володи, остался одинъ Сережа. Когда Болотовъ вышелъ, онъ тронулъ Володю за рукавъ и тихо сказалъ:

— Богъ съ нимъ, Владиміръ Ивановичъ...

Володя сверху внизъ посмотрѣлъ на него и задумался. Опустивъ голову и разставивъ широко ноги, онъ думалъ секунду. Сережа закрылъ глаза. Вдругъ Володя дернулъ вверхъ головою и у него задрожалъ подбородокъ.

— Трусы! Всѣ трусы!..—пробормоталъ онъ и сейчасъ же, избѣгая глазъ Слезкина, незамѣтнымъ, проворнымъ движеніемъ выхватилъ изъ кармана маленькій, тускло-синій револьверъ и, сжавъ зубы, почти не цѣлясь, выстрѣлилъ въ уголъ. Комната густо наполнилась клубами ѣдкаго дыма. На коврѣ, закинувъ высоко голову и опираясь затылкомъ о стѣну, полулежалъ смертельно раненый Слезкинъ“.

Лихорадочно возбужденный, не отдавая себѣ отчета, безъ шапки, метался Давидъ послѣ убійства Слезкина по Москвѣ, и на Арбатѣ набрелъ на солдатскій кордонъ, грѣвшійся у костра. У него нашли револьверъ и арестовали. „Давидъ не сознавалъ, что именно съ нимъ происходитъ. Въ ушахъ, мѣшая думать и понимать, все еще звенѣлъ визгливый заячій лай. Почему-то Давидъ былъ твердо увѣренъ, что обыскиваютъ его по недоразумѣнію, что недоразумѣніе это скоро разсѣется и что его, конечно, отпустятъ. Онъ не могъ повѣрить, что его, свободнаго человѣка, который только что свободно ходилъ по Москвѣ и свободно могъ

выѣхать въ Петербургъ или за-границу, его, Давида, здѣсь, на Арбатѣ, силою задержали какіе-то неизвѣстные ему люди и что эти люди въ правѣ сдѣлать съ нимъ все, что угодно. Это было до такой степени нелѣпо и непонятно, что онъ не почувствовалъ ни безпокойства, ни страха и равнодушно слѣдилъ за шарившими по его тѣлу руками. Одинъ изъ солдатъ, черноусый ефрейторъ, толкнулъ его легонько прикладомъ:

— Ну, ай-да... Маршъ!

Четверо вооруженныхъ людей, съ такими же безстрастными лицами, какъ у того дружинника, который дежурилъ въ прихожей у Слезкина, повели его вверхъ по Арбату. Онъ шелъ послушно, по привычкѣ размахивая руками. Только теперь онъ замѣтилъ, что потерялъ шапку. Его русые волосы мокли. По дорогѣ онъ думалъ о томъ, что безъ шапки легко простудиться, и напрасно напрягалъ ослабѣвшую память, чтобы припомнить, гдѣ онъ ее обронилъ. Только когда солдаты остановились возлѣ казеннаго грязнаго зданія въ незнакомомъ ему переулкѣ, онъ понялъ, что его ведутъ въ полицейскую часть. Въ первой, холодной, съ казарменнымъ запахомъ, комнатѣ, у дверей стояло два часовыхъ и, согнувшись на лавочкѣ, дремалъ старый съ серебряными медалями, околоточный надзиратель. Пока онъ ходилъ съ докладомъ, Давидъ лѣниво осматривалъ комнату. Подъ ногами его, на полу, разползалась черная лужа талаго снѣга.

Черезъ минуту надзиратель вернулся. Опять кто-то толкнулъ Давида въ плечо. Въ свѣтлой просторной комнатѣ съ забѣленными окнами, за казеннымъ краснымъ столомъ, подъ портретомъ царя въ гусарскомъ мундирѣ, сидѣло два офицера. Одинъ изъ нихъ, обрюзгшій, толстый полковникъ съ длинными сѣдыми усами что-то быстро писалъ. Другой, помоложе, съ адъютантскими аксельбантами на груди, просматривалъ какія то розовыя бумажки. Давидъ стоялъ у дверей, рядомъ съ околоточнымъ надзирателемъ. Въ комнатѣ было тепло, въ лѣвомъ углу трещали въ печкѣ дрова, и онъ съ удовольствіемъ чувствовалъ, какъ отогрѣваются его мокрые, озябшіе пальцы. Прошло долгое время, пока полковникъ поднялъ, наконецъ, голову и, прищурясь, устало посмотрѣлъ на него. Адъютантъ наклонился и что-то почтительно зашепталъ.

— Да, да... конечно... распоряднтесь...— сказалъ полковникъ, не глядя на адъютанта, и обращаясь къ Давиду, строго, барскимъ ворчливымъ басомъ, спросилъ:

— Твой это револьверъ?

Давидъ ничего не отвѣтилъ.

— Ты изъ него стрѣлялъ?—сказалъ полковникъ и положилъ бѣлую, въ кольцахъ, руку на браунингъ.—Фамилія?.. Отвѣчай, когда я тебя спрашиваю.

Но Давидъ, если бы и хотѣлъ, уже былъ не въ силахъ отвѣтить. Внезапно, съ безпощадною точностью, съ той неразсуждающею увѣренностью, которая исключаетъ ошибку, онъ понялъ, что его ни за что не отпустятъ и что не по недоразумѣнію онъ здѣсь. Онъ понялъ, что для полковника, для адъютанта, для задержавшихъ его солдатъ, для того полицейскаго надзирателя, который мирно дремлетъ на лавкѣ, для этихъ голыхъ казарменныхъ стѣнъ, онъ не живой человѣкъ, Давидъ Конъ, съ его прекрасной и безсмертною жизнью, а бездушный номеръ, никто, одинъ изъ тѣхъ безъимянныхъ людей, которыхъ десятками арестуютъ, вѣшаютъ и ссылаютъ въ Сибирь. Онъ понялъ, что полковникъ его не пойметъ,—не сможетъ и не захочетъ понять, что нѣтъ его вины въ томъ, что возстала Москва, что строятся баррикады и что убитъ жандармъ Слезкинъ. Онъ понялъ, что его будутъ судить и осудятъ единственно по уликамъ, по тѣмъ лживымъ, безжизненнымъ и нестоющимъ мелочамъ, по которымъ и онъ судилъ всю свою жизнь. И онъ вспомнилъ, что стрѣлялъ на Мясницкой и что этого скрыть нельзя, потому что револьверъ закопченъ и въ обоймѣ недостаетъ пяти пуль. И какъ только онъ вспомнилъ объ этомъ, онъ уже зналъ, зналъ не разумомъ, а всѣмъ своимъ слабымъ, продрогшимъ и утомленнымъ тѣломъ, что сегодня, сейчасъ, черезъ десять минутъ, вотъ въ этомъ полицейскомъ участкѣ, въ этой казенной комнатѣ, произойдетъ что-то страшное, что-то такое, чего съ нимъ никогда еще не бывало, что не должно и не можетъ быть, что будетъ болѣе ужасно, чѣмъ даже крикъ и смерть Слезкина. И онъ вдругъ, неожиданно для себя, затрясся всѣмъ тѣломъ, мелкой, трепетной, все нарастающей дрожью. Онъ хотѣлъ унять эту дрожь, но зубы не повиновались ему и громко стучали, и тряслась челюсть, и пальцы прыгали по груди. Адъютантъ опять наклонился къ полковнику. Полковникъ еще разъ взглянулъ на Давида и кивнулъ одними глазами.

Давидъ плохо понималъ, что съ нимъ было дальше. Онъ заботился и думалъ только о томъ, какъ бы остановить противную, малодушную дрожь. Какъ сквозь сонъ онъ увидѣлъ, что онъ снова въ сѣняхъ, что его опять окружаютъ солдаты и понялъ, что его выводятъ во дворъ. Мелькнули хлопья мутнаго снѣга, сѣрыя шинели, желтая, пестрескавшаяся стѣна и бритое лицо адъютанта. Сухой и жесткій го-

рячій комокъ подкатился къ горлу. Давидъ зашатался, но кто-то сзади бережно поддержалъ его. Пришелъ онъ въ себя уже у стѣны, съ завязанными руками. Въ десяти шагахъ отъ него темнѣло что-то неясное, чего онъ не могъ различать. Онъ понялъ, однако, что это солдаты. Справа отъ нихъ, сгорбившись, стоялъ офицеръ. И тутъ на мгновеніе, на короткій, какъ молнія, мигъ Давиду стало вдругъ ясно, что этотъ снѣгъ, эти винтовки, этотъ кусочекъ хмураго неба, этотъ бритый, съ твердымъ лицомъ адъютантъ именно и есть то невѣдомое, что называется смертью и чего онъ боялся всю жизнь. Дрожь сразу утихла. Онъ поднялъ вверхъ голову, но сейчасъ же опять опустилъ ее: снѣгъ, падая, щекоталъ щеки и забивался за рѣсницы, въ глаза. Больше онъ уже ничего не увидѣлъ. Блеснуло желтоватое пламя. На томъ мѣстѣ, гдѣ только что стоялъ у стѣны Давидъ, безпомощно свернулось жалкое, скорченное, никому ненужное тѣло. Снѣгъ валилъ не переставая".

Смерть Слезкина имѣла для переживаній Болотова огромное значеніе. То, что смутно бродило и зарождалось въ глубинѣ его сознанія до этого факта, теперь оформилось въ мучительный, огромной важности вопросъ. Носить въ себѣ его онъ былъ уже не въ силахъ, и въ звѣздную холодную ночь у костра, охраняя баррикаду, онъ высказывается предъ Сережей, новымъ начальникомъ его дружины.

— Я вотъ чего не понимаю, Сережа... Насъ разстрѣливаютъ, вѣшаютъ, душатъ... Такъ. Мы вѣшаемъ, душимъ, жжемъ... Такъ... Но почему, если я убилъ Слезкина,—я герой, а если онъ повѣсилъ меня, онъ мерзавецъ и негодяй?.. Вѣдь это же готтентотство... Одно изъ двухъ: либо убить нельзя и тогда мы оба, Слезкинъ и я, переступаемъ законъ, либо можно, и тогда ни онъ, ни я,—не герои, и не мерзавцы, а просто люди, враги...

Сережа слушалъ его, крѣпко обнявъ колѣни руками и молча, пристально, не мигая, смотрѣлъ на потухающія золотисто-красныя искры.

— Володя вотъ говоритъ,—продолжалъ думать вслухъ Болотовъ,—что все это сантиментальность и что на войнѣ нужно убивать безъ пощады... „A la guerre comme à la guerre" зачѣмъ-то перевелъ онъ по-французски.—Ну, конечно, нужно... Мы вотъ и убиваемъ... Но скажите мнѣ вотъ что: допускаете ли вы, что этотъ убитый Слезкинъ не изъ корысти, а по убѣжденію преслѣдовалъ насъ? Допускаете ли вы, что онъ не для себя, а для народа, именно для народа, заблуждаясь, конечно, считалъ своимъ долгомъ бороться съ нами? Допускаете ли вы это? Да?.. Вѣдь можетъ такъ быть? Вѣдь можетъ же быть, что изъ сотни, изъ тысячи Слезкиныхъ хоть одинъ найдется такой? Вѣдь можетъ быть? Да?.. Ну, тогда, гдѣ же различіе между мною и имъ? Гдѣ? И почему онъ мерзавецъ? По моему, либо убить всегда можно, либо... либо убить нельзя никогда...

Помолчавъ, онъ задумчиво началъ опять:

— Значитъ нельзя и надо?.. Такъ гдѣ же законъ?.. Въ партійной программѣ? Въ Марксѣ? Въ Энгельсѣ? Въ Кантѣ? Да вѣдь это все чепуха,—взволнованно прошепталъ онъ,—вѣдь ни Марксъ, ни Энгельсъ, ни Кантъ никогда не убивали людей... Слышите? никогда, никого... Значитъ, они не знаютъ, не могутъ знать то, что знаю я, что знаете вы, что знаетъ Володя. Что бы они не писали, отъ нихъ останется скрытымъ, можно убить или нѣтъ. Это извѣстно намъ, только намъ, только тѣмъ, кто убилъ... Я вотъ знаю, знаю навѣрное, что Слезкина невозможно было убить, ни въ какомъ случаѣ невозможно, какой бы онъ ни былъ, какой бы я ни былъ, что бы я ни думалъ о немъ...

Но мѣрѣ того, какъ Болотовъ говорилъ, онъ все болѣе и болѣе изумлялся себѣ, своей смѣлости, своимъ дерзкимъ вопросамъ. Его немощныя, скупыя, рожденныя той разбойничьей ночью, мысли еще никогда не выливались въ слова и теперь, когда онъ громко произнесъ, ему стало страшно: онъ почувствовалъ, что онъ говоритъ не то, что онъ обманываетъ себя. Но въ чемъ именно былъ обманъ, онъ понять не умѣлъ.

— А мы убили его...—съ тоской докончилъ онъ и умолкъ.

— Слезкина убить нельзя... Такъ...—скучно, съ спросонокъ, сказалъ Сережа.—А драгуна можно убить?

— Драгуна?

— Да, драгуна. Почему вы говорите только о Слезкинѣ?

— Драгуна тоже нельзя...

— Ну, вотъ, нельзя... А вѣдь вы убьете его, какъ муху и ваша совѣсть будетъ молчать... Кто вчера убилъ офицера? Вы?.. Я?.. Константинъ?.. Почему васъ эта смерть не волнуетъ? Вѣдь этотъ офицеръ невиновенъ ни въ чемъ: приказъ исполнялъ... Такъ почему же?— новымъ для Болотова надломленнымъ голосомъ, продолжалъ Сережа.—Не потому ли, что стрѣляли мы всѣ и нельзя разобрать, чья именно пуля убила его, и еще потому, что офицеръ не кричалъ, а если и кричалъ, то не было слышно? Вы говорите, нельзя... Вы и на самомъ дѣлѣ, пожалуй, такъ думаете... Но смерти драгуна вы вѣдь не чувствуете, вы не ви-

дѣли его смерти, для васъ онъ просто свалился съ сѣдла... А у Слезкина, вотъ, жена рыдала...

— Вы правы...—задумался Болотовъ. Онъ почему-то не удивился, что Сережа не только угадывалъ его мысли, но и рѣшался оспаривать ихъ.—Но вѣдь тѣмъ хуже... Я тогда ничего ни пойму... Вы знаете, раньше, пока... пока мнѣ не пришлось убивать, я думалъ, что все это просто: Партія велитъ убить—и убилъ... А кто убьетъ, тотъ герой: жизнь, молъ, свою въ жертву принесъ. Я вѣдь долго такъ думалъ... А теперь вижу: ложь... Нельзя и надо... Объясните, я не пойму...

— Эхъ, объяснить...—горько улыбнулся Сережа,—развѣ я возьмусь объяснить? Развѣ я знаю? Развѣ намъ надо знать?.. Я знаю одно: идешь, такъ иди до конца, либо не иди вовсе... И еще знаю,—прибавилъ онъ тише,—поднявшій мечъ, отъ меча и погибнетъ"...

На крыльцѣ жалобно скрипнула дверь. Къ костру медленно подошелъ Ваня. Онъ сунулъ руки прямо въ огонь, погрѣлъ ихъ и, поднявъ вверхъ свои раскосые, узкіе, калмыцкіе глаза, посмотрѣлъ на небо.

— Не спится?—спросилъ Сережа.

— Не спится... — зѣвая и крестя ротъ, отвѣтилъ Ваня.—Должно, шестой часъ. Эка, какъ вызвѣздило...—онъ присѣлъ въ снѣгъ и сталъ заботливо свертывать папиросу,—безусловно, къ морозу...—Давеча Константинъ убитаго офицера смотрѣлъ,—доставая пальцами тлѣвшій уголекъ, сказалъ онъ черезъ минуту.—Сказываетъ бѣлый такой господинъ офицеръ, кровь съ молокомъ, отъѣлся на барскихъ харчахъ... Пуля-то безусловно сквозь сердце прошла... Зубастъ кобель, да простъ...—со злобой прибавилъ онъ.

— Вотъ видите,—сказалъ Болотовъ, кивая головой на Ваню,—для него и вопросовъ нѣтъ: на барскихъ харчахъ отъѣлся... кобель... никто...

Свѣтало. На востокѣ забѣлѣли блѣдные, мутно-сѣрыя полосы, и звѣзды тотчасъ затуманились и поблекли. Костеръ, догорая вспыхнулъ въ послѣдній разъ. Горсточка раскаленныхъ углей освѣтила оттаявшій полукругомъ снѣгъ, черную, отмерзшую землю и невозмутимое, точно высѣченное изъ камня, лицо Сережи.

— Кобель и есть. А то нѣтъ?—зѣвнулъ Ваня.

— Да вѣдь не кобель, Ваня, а человѣкъ.

— Безусловно, что человѣкъ... Ну, а какъ же иначе?.. Что же, смотрѣть намъ на нихъ?

— Да вѣдь грѣхъ, Ваня.

— Знаю, что грѣхъ,—мрачно помолчавъ и не подымая глазъ, сказалъ Ваня,—только что же дѣлать?.. Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ... А грѣхи Богъ разсудитъ.

— Богъ?

— Никакихъ я этихъ словъ знать не желаю...—вдругъ вспыливъ и краснѣя, закричалъ Ваня.—Знаю: за Землю и Волю! Вотъ и все, и вся недолга... Да, за Землю и Волю!..

О писателяхъ—„живыхъ трупахъ" и „воскресшихъ Лазаряхъ".

Почти одновременно появились въ „Рус. Вѣд." и понедѣльничной газетѣ „Руль" статьи двухъ разныхъ авторовъ — Л. Козловскаго и Н. Абрамовича — тѣсно примыкающія другъ къ другу. Связываетъ ихъ не только то, что въ обѣихъ отведено мѣсто Ѳедору Сологубу. И тотъ и другой авторъ затрагиваютъ одинъ острый вопросъ — заглядываютъ въ тѣ роковыя тупики художественнаго творчества, гдѣ писатель неминуемо обреченъ на застой и жуткое одиночество заживо похороненнаго, если онъ не сумѣетъ во-время оттуда выбраться.

Н. Абрамовичъ пишетъ:

„Вначалѣ было такъ. Внесли одно имя въ „книгу отъѣзжающихъ" — и зашумѣли, загалдѣли о событіи чрезвычайномъ, поразительномъ. О „концѣ" популярнаго и крупнаго писателя. Былъ онъ похороненъ заживо. И сколько потомъ ни обнаруживалъ признаковъ жизни, — ничего не помогало. Считаемъ мертвымъ и конецъ!

Писатель выпускаетъ романы, пишетъ статьи обширнѣйшія, разсказы, трудолюбіемъ и плодовитостью своей кричитъ: „живъ я!" — не внемлютъ. Ибо записанъ въ книгу отъѣзжающихъ.

Какъ отливъ моря, отхлынулъ отъ Горькаго широкій массовый читатель. Вслушайтесь въ имя его: оно звучитъ совершенно не такъ, какъ звучало еще пять-шесть лѣтъ назадъ. Оно потускнѣло и стерлось.

Между писателемъ и читателемъ протягивается мертвая полоса, песчаное сухое пространство, и голосъ оттуда звучитъ слабо, еле слышно.

Проклятая книга ждала новыхъ жертвъ и дождалась. Она слѣдила за корифеями.

И вотъ зашумѣлъ новый отливъ вокругъ другого писателя, отъ котораго уходили живыя волны народнаго вниманія, вокругъ котораго образовался тотъ же мертвый кругъ, та же

безлюдная сухая полоса, отдѣляющая писателя отъ читателя. И нынѣ кажется слабымъ, какъ-будто звучащимъ изъ какой-то смутной дали, голосъ Леонида Андреева.

А имя его выведено четко и крупно на листахъ той же книги.

„Царь-Голодъ“ и „Анатема, „Океанъ“ и „Сашка Жегулевъ“ — были какъ бы отдѣльными буквами, вписавшими имя автора въ роковую книгу.

Пустѣетъ домъ нашей литературы. Въ книгу отъѣзжающихъ вписываются одинъ за другимъ писатели. На слѣдующую вакантную страницу уже предъявляетъ свои права одинъ не молодой и менѣе двухъ первыхъ популярный писатель, имя котораго, тѣмъ не менѣе, повторялось въ толпѣ.

Онъ настойчиво стучится туда, онъ, какъ чуткій писатель, давно созналъ необходимость быть вписаннымъ туда. Онъ заявляетъ о томъ въ стихахъ и прозѣ. Онъ исчерпалъ все содержаніе своего творческаго мірка, два свои мотива: отрицаніе міра и видѣнія эротической фантазіи. Онъ уже заявилъ, что

...въ небесахъ
Пророчествъ новыхъ не читаю...

И еще откровеннѣе признался, что онъ уже— въ неподвижности, на мертвой точкѣ, въ замкнутомъ кругѣ однообразія и повторенія.

Не сяду въ сани при лунѣ
И никуда я не поѣду...

Когда же и этому не повѣрили тѣ, кто провозгласили его художникомъ, всегда обѣщающимъ и въ самомъ сложномъ своемъ еще неисчерпаннымъ, — старый писатель сталъ убѣждать тѣмъ, что выпускалъ изъ рукъ вонъ слабыя, смѣшныя въ своей ничтожности, какъ-будто нарочито плохія и мелкія вещи, обозначенныя подзаголовками: романъ, пьеса, разсказъ. Не вѣрите, — такъ вотъ вамъ „Мечта-побѣдительница“, пьеса грубо тенденціозная и вызывающая смѣхъ своимъ безсиліемъ, своей мелочностью. Вотъ вторая часть „Навьихъ чаръ“, гдѣ талантливыя страницы тонутъ среди художественно ненужныхъ и бездарныхъ. А вотъ, наконецъ, „Слаще яда“,—такой длинный, такой скучный, такой нелѣпый романъ о босоногихъ дѣвочкахъ и сентиментальныхъ мальчикахъ.

Писатель убѣдилъ. И, невѣдомо для почитателей его таланта, имя Ѳедора Сологуба уже украшаетъ страницы книги отъѣзжающихъ. Ибо переживанія сами по себѣ, какъ бы ни были они остры и знойны, не могутъ имѣть творческаго значенія, *если они не оправданы творческимъ же идейнымъ замысломъ.*

Домъ современной литературы пустѣетъ. Въ немъ становится все тише и грустнѣй и пустѣй. Бываетъ такъ, что въ книгу отъѣзжающихъ вносятся имена даже безъ всякаго шума и говора, безъ всякаго вниманія читателя. Такъ незамѣтно вписался туда талантливый и популярный авторъ двухъ повѣстей и „Записокъ врача“, и отсутствія его даже не замѣтили.

Послѣдній романъ его прошелъ такъ, какъ-будто его и не было, и потомъ авторъ принялся за что-то въ родѣ критики и за переводы стиховъ древнихъ классиковъ.

Но бываютъ любопытные примѣры расхожденія мнѣній публики и безпристрастной, холодной и точно отмѣчающей явленія литературы книги ухода писателей. Изъ рукъ вонъ тенденціозная, лишенная жизни и художественныхъ образовъ „Яма“ Куприна и его же сентиментальный, разведенный розовой водицей фальшивыхъ и сладкихъ чувствъ разсказъ „Гранатовый браслетъ“—суть такое же роковое обнаруженіе неизбѣжнаго конца. Ужъ одни его упорно повторяющіяся попытки затронуть сентиментальныя струны читательскаго сердца своими темами о благородствѣ человѣческой души, погибающей совсѣмъ-таки напрасно, его чувствительныя проститутки, его резонерствующія со слезой пропойцы, его фальшиво звучащія благословенія чувствительнымъ душамъ, его обращенія къ самоубійцамъ: „Не уходите“ — все это свидѣтельствуетъ о полной неувѣренности въ силахъ.

И хотя эти нажиманія педалей сентиментальныхъ чувствъ и имѣютъ успѣхъ у публики, какъ имѣютъ успѣхъ и фальшивыя рулады на тему о передовой молодежи Чирикова, но здѣсь въ такомъ трогательномъ союзѣ сентиментальность и фальшь, такъ очевидна художественная поддѣлка, что не разглядѣть роковыхъ симптомовъ безсилія нельзя.

Итакъ:

— Домъ почти пустъ. Онъ ждетъ приходящихъ...

Н. Абрамовичъ, какъ мы видѣли, увѣренъ въ близкомъ „концѣ“ Сологуба. Л. Козловскій, наоборотъ, пророчитъ возрожденіе этого писателя.

„Самый крайній представитель той литературы, которая манила читателя загадочностью „творимой легенды“, намеками на какую-то новую красоту, возбуждала любопытство изображеніемъ неестественныхъ положеній и противоестественныхъ чувствъ и истощилась въ погонѣ за вычурностью сюжета и языка, — представитель этой литературы вмѣсто того, что бы удивлять міръ новыми попытками созданія все ускользающей „новой красоты“, рѣ-

шилъ удивить насъ новымъ „трюкомъ“, — передѣлкой величайшаго изъ произведеній, запечатлѣнныхъ старой красотой, — красотой правды, простоты, естественности, — передѣлкой „Войны и мира“.

Сумѣетъ ли онъ коснуться его, не испортивъ, и вообще возможно ли это, это — другой вопросъ. Но самъ по себѣ ужъ скачекъ, сдѣланный авторомъ „Ночныхъ плясокъ“, на мой взглядъ, глубоко знаменателенъ.

Дѣло въ томъ, что время „творимыхъ легендъ“ прошло, ихъ минутный успѣхъ кончился: это не подлежитъ сейчасъ никакому сомнѣнію. Корабль, везшій новыхъ аргонавтовъ искателей „золотаго руна“, сѣлъ на мель, далеко не уѣхавъ, и толпа зрителей, привлеченныхъ на берегъ любопытствомъ, давно уже стала расходиться. Тщетны выкрики, которыя продолжали нестись съ злополучнаго корабля, разсказамъ о „золотомъ рунѣ“ уже не вѣрятъ, и самые довѣрчивые и наивные отказываются уже принимать за „золотое руно“ клокъ подкрашенной шерсти. Безсильны „навьи чары“: корабль стоитъ на мѣстѣ, и время „творимыхъ легендъ“ прошло...

Творцамъ этихъ „легендъ“ ничего не остается, какъ броситься въ воду и плыть къ старому берегу. Этотъ прыжокъ и дѣлаетъ г. Сологубъ. Онъ раньше другихъ учелъ положеніе и другимъ подаетъ сигналъ: Sauve qui peut (спасайся, кто можетъ)!

И въ томъ, что авторъ „Навьихъ чаръ“ стремится подъ сѣнь великаго творенія Толстого, я вижу признаніе того, что въ душѣ, уставшей отъ безплодныхъ вычуръ „творимыхъ легендъ“, блѣдныхъ, безжизненныхъ призраковъ и неестественныхъ образовъ, проснулось желаніе отдохнуть на лонѣ простоты и правды настоящаго возсоздающаго жизнь искусства.

И не могу не отмѣтить любопытнаго совпаденія: то же самое стремленіе къ жизненности содержанія и къ простотѣ формы сказывается сейчасъ и во французской поэзіи, представители которой дальше, чѣмъ кто-либо, ушли въ стремленіи создать независимый отъ жизни міръ красоты. Объ этой любопытной эволюціи повѣствуетъ вышедшая недавно книга Jean Dornis'a „La Sensibilité dans la poèsie francaise“ (1885—1912).

Аристократы духа во французской литературѣ, предоставивъ поле романа толпѣ и писателямъ толпы, ушли въ область лирической поэзіи создавать новую красоту и жить новыми ощущеніями. Они провозгласили, что поэтъ знаетъ только міръ своихъ ощущеній и живетъ для ихъ выраженія, и началась погоня за наиболѣе оригинальной формой для выраженія наиболѣе рѣдкихъ, исключительныхъ переживаній. Цѣлыя школы вырастали и соперничали другъ съ другомъ въ стремленіи къ этой цѣли: символисты, инструменталисты, сторонники свободнаго стиха, музыкальной прозы. Школы распылились на отдѣльныхъ творцовъ, идущихъ каждый своей дорогой, но къ той же все цѣли, — созданія новыхъ формъ, новаго искуства, независимыхъ отъ жизни.

Прошло четверть вѣка исканій,—и что же? Пережившіе эту эпоху въ исторіи поэзіи и новые ея представители теперь снова объединяются въ стремленіи къ болѣе жизненному содержанію съ одной стороны, къ простотѣ формы—съ другой.

„Отнынѣ — сказано въ книгѣ Жана Дорниса,—освободившись отъ муки болѣзненнаго стремленія къ оригинальности, которое владѣло цѣлымъ поколѣніемъ писателей, новые художники хотятъ *въ форму старыхъ стиховъ влагать новыя мысли*“.

Вотъ, повидимому, старая, но основательно позабытая истина, что нужны новыя мысли для дѣйствительно новаго творчества. Но откуда же брать эти новыя мысли? Источникъ ихъ только одинъ,—жизнь,—и только въ неразрывной связи съ жизнью можетъ дѣйствительно обновляться искусство. Молодые французскіе поэты, по свидѣтельству того же автора, возвращаются къ этой старой истинѣ, и поэзія ихъ, отрѣшась отъ гордаго, но безплоднаго индивидуализма, проникается соціальнымъ содержаніемъ, сознаніемъ связи съ болѣе широкой жизнью.

И вся эта исторія исканія новыхъ формъ въ поэзіи можетъ служить иллюстраціей къ старымъ, но не устарѣвшимъ словамъ величайшаго изъ поэтовъ въ прозѣ,— Тургенева.

„Изъ отрубленнаго высохшаго куска дерева можно выточить какую угодно фигурку; но уже не вырасти на томъ сукѣ свѣжему листу, не раскрыться на немъ пахучему цвѣтку, какъ ни согрѣвай его весеннее солнце. Горе писателю, который захочетъ сдѣлать изъ своего живого дарованія мертвую игрушку, котораго соблазняетъ дешевый тріумфъ виртуоза“.

Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій.

Недавно подъ редакціей А. Грузинскаго вышла новая книга о Достоевскомъ. Книга составлена Ч. Вѣтринскимъ, и заключаетъ въ себѣ много цѣннаго матеріала. Открывается она вступительной статьей Ч. Вѣтринскаго о

жизни, личности и творчествѣ Достоевскаго. Но главный интересъ книги не въ этой статьѣ, а въ воспоминаніяхъ современниковъ и въ письмахъ самого Достоевскаго. Постараемся извлечь изъ этого сырого матеріала наиболѣе характерное для личности покойнаго писателя.

Болѣзнь Достоевскаго.

Изъ вступительной статьи Ч. Вѣтринскаго.

Достоевскій былъ одною изъ тѣхъ исключительныхъ геніальныхъ натуръ, изученіе которыхъ въ сущности никогда не будетъ закончено, ибо каждое новое поколѣніе и каждое новое глубокое изслѣдованіе будутъ открывать не только новыя подробности и детали, но и новыя точки зрѣнія.

Воспоминанія о дѣтствѣ Д—аго и его молодости, въ связи съ письмами его, устанавливаютъ въ натурѣ его крайнюю подвижность и яркую впечатлительность. „Настоящій огонь“, говорятъ о ребенкѣ родители. Отецъ, имѣя въ виду его страстный, увлекающійся темпераментъ и считаясь съ суровой дисциплиной, какой требовало николаевское время, пророчитъ сыну солдатскую шапку. По необычайному бурному характеру реакцій на раздражающія впечатлѣнія Д—аго можно сравнить только съ Бѣлинскимъ, не даромъ получившимъ отъ друзей прозвище: „неистоваго Виссаріона.“ Д—ій, подобно знаменитому критику, съ такою же страстностью воспринимаетъ впечатлѣнія внѣшняго міра; какъ онъ, готовъ итти въ своихъ увлеченіяхъ до послѣдняго предѣла. „Вездѣ-то и во всемъ я до послѣдняго предѣла дохожу, всю жизнь за черту переходилъ“, говоритъ онъ о себѣ самъ.

Несомнѣнно,—говоритъ Чешихинъ въ своей вступительной статьѣ,— на этотъ непомѣрно страстный характеръ, отъ чисто внѣшнихъ житейскихъ проявленій его до интимнѣйшихъ внутреннихъ переживаній, наложила свою печать эпилепсія. Болѣзнь эта проявляется не только извѣстными судорожными припадками, составляющими собственно-падучую, но и болѣе или менѣе рѣзкими и стойкими измѣненіями нормальной личности человѣка.

„Передъ припадкомъ“, читаемъ мы, напр., въ лекціяхъ общей психопатологіи проф. Н. Попова: „больные иной разъ рѣзко мѣняются; они становятся печальными, раздражительными, угрюмыми, нерѣдко сутягами,—и все это за нѣсколько часовъ до приступа. У другихъ замѣчается замедленіе психическихъ процессовъ, родъ отупѣнія, у третьихъ—какая-то болтливость, чувство благосостоянія. Непосредственно предъ двигательнымъ припадкомъ наблюдается *аура*. Роль этой физической ауры также часто играютъ разнородныя психическія разстройства: то больной испытываетъ галлюцинаціи, причемъ, если онѣ зрительныя, обыкновенно ему представляется красное: кровь, пламя, человѣкъ въ красной мантіи и т. д.; если онъ слышитъ голоса, то это чаще всего угрозы, оскорбленія. Иногда наблюдаются импульсивныя дѣйствія. Достоевскій, страдавшій эпилепсіей, устами одного изъ своихъ героевъ, описываетъ собственную ауру [1]). Оказывается, что предъ самымъ припадкомъ онъ испытывалъ такое острое чувство высшаго блаженства, которое былъ бы не въ состояніи вынести, если бы оно не продолжалось только одно мгновеніе. Какова бы ни была такая аура, у одного и того же больного она повторяется передъ каждымъ приступомъ. Разъ наступилъ припадокъ, и здѣсь его существенной частью является элементарное психическое разстройство—помраченіе сознанія... Окончился типичный судорожный припадокъ, а психическія разстройства обыкновенно остаются, разсѣиваясь лишь мало-помалу. Одни больные нѣкоторое время находятся еще въ состояніи неполнаго сознанія, ничего не понимаютъ, плохо помнятъ, съ трудомъ сочетаютъ свои мысли; въ другихъ случаяхъ развивается угнетеніе съ усиленной раздражительностью“, и т. д.

Болѣзнь производитъ нерѣдко и гораздо болѣе сложныя и печальныя опустошенія въ духовной личности, слабоуміе, длительныя сумеречныя состоянія сознанія, эпилептическія маніи. Въ лучшемъ случаѣ создается такъ называемый эпилептическій характеръ. „Наблюденіе показываетъ,—пишетъ тотъ же психіатръ,—что у лицъ, которыя долгое время страдали эпилепсіей, очень часто характеръ становится крайне раздражительнымъ; подъ вліяніемъ ничтожныхъ причинъ они приходятъ въ состояніе аффекта, легко доходящаго до степени патологическаго. Рядомъ съ этимъ настроеніе подобныхъ больныхъ дѣлается болѣе и болѣе мрачнымъ, подавленнымъ; они начинаютъ враждебно смотрѣть на окружающихъ, проявляя по отношенію къ нимъ поразительную жестокость, становятся подозрительными, недовѣрчивыми. Очень нерѣдко у нихъ при этомъ замѣчается сильное стремленіе къ ханжеству, къ религіозности, представляющее странный контрастъ съ остальными свойствами характера, съ притупленіемъ нравственнаго чувства. Впрочемъ, всѣ только что перечислен-

[1]) Князь Мышкинъ въ „Идіотѣ“, Кирилловъ „въ Бѣсахъ“.

ныя черты эпилептика не отличаются постоянствомъ. Обыкновенно здѣсь замѣчаются рѣзкія колебанія: сразу безъ видимой причины больные дѣлаются робкими, боязливыми, любезными до приторности, услужливыми до идолопоклонства; иногда мы можетъ наблюдать у нихъ состояніе глубокаго отчаянія, тоски".

Типическій эпилептическій характеръ —продолжаетъ Чешихинъ,—узнается и у Достоевскаго, превосходно описавшаго рѣдкую ауру безконечнаго блаженства, вѣчной гармоніи; ее онъ сравнивалъ съ состояніемъ Магомета, въ моментъ ея созерцавшаго всѣ блаженства и дивныя гармоніи небесныхъ міровъ („Бѣсы", послѣдній разговоръ Кириллова съ Шатовымъ). И, кажется, самъ Д—ій вѣрилъ порою, что это было не просто болѣзненное состояніе, а дѣйствительное касаніе мірамъ инымъ: „это неземное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человѣкъ въ земномъ видѣ не можетъ перенести. Надо перемѣниться физически или умереть"...

Въ сношеніяхъ съ живыми людьми болѣзненное состояніе Д—аго часто сказывалось безмѣрной раздражительностью, почти невѣроятными и непонятными вспышками. Изможденное лицо—лицо „сидѣвшаго въ тюрьмѣ фанатика-сектанта" (Всев. Соловьевъ) искажалось злобой и приводило въ недоумѣніе до испуга, когда онъ буквально накидывался на людей. Л. Оболенскій разсказываетъ, какъ однажды Д—ій на литературномъ товарищескомъ обѣдѣ накинулся на Н. С. Курочкина (врача-поэта), который что-то разсказывалъ о необыкновенно выносливомъ въ физіологическомъ отношеніи сердцѣ Салтыкова. „Вдругъ Д—ій съ крикомъ и почти съ пѣной у рта набросился на Курочкина. Трудно было даже понять его мысль и причину гнѣва. Онъ кричалъ, что современные врачи и физіологи перепутали всѣ понятія, что сердце не есть комокъ мускуловъ, а важная духовно-нравственная сила, и т. д., и т. д. Курочкинъ пытался возразить покойно, что онъ говорилъ только о сердцѣ въ анатомическомъ смыслѣ, но Д—ій не унимался", пока всѣ не замолчали. Однажды у А. Майкова, при посѣщеніи послѣдняго какимъ-то литераторомъ, Д—ій, не желая видѣть гостя (онъ вообще „терпѣть не могъ незнакомыхъ лицъ"— его слова въ письмѣ Исаевой), ушелъ въ сосѣднюю комнату ожидать его ухода. Гость разсыпался въ комплиментахъ хозяину за какое-то стихотвореніе, можетъ быть, излишне льстивыхъ. Вдругъ Д—ій быстро выступаетъ изъ-за дверей, нервно взмахнулъ обѣими руками и, потрясая ими въ воздухѣ, сердито прошипѣлъ: „Что это за подлецъ говоритъ?!"

„Несчастный Д—ій совсѣмъ измучился,— пишетъ Н. Н. Страховъ Н. Я. Данилевскому 6 января 1874 года (т.-е. въ то время, когда Д—ій кончалъ свое редакторство у кн. Мещерскаго).—Я его очень цѣню и многое ему прощаю, но при его теперешней раздражительности просто избѣгаю съ нимъ видѣться". Съ этой точки зрѣнія приходится объяснять болѣзненную вспышку Достоевскаго противъ Тургенева и яростную временами ругань по адресу Бѣлинскаго.

Въ тѣсную связь съ эпилептическимъ характеромъ, какъ таковымъ, надо поставить и ту черту личности и творчества Д—аго, которую Н. К. Михайловскій опредѣлилъ въ извѣстной статьѣ, какъ „жестокость таланта". Жестокость, какъ роковой спутникъ эпилепсіи, отмѣчена психіатромъ въ вышеприведенномъ описаніи болѣзни. Въ Д—омъ данная черта эпилептическаго характера преломляется, какъ болѣзненное пристрастіе къ кропотливому анализу и настойчивому созерцанію острыхъ страданій и мукъ человѣческой души. Рѣзко бросается въ писаніяхъ Д—аго указаніе, настойчиво повторяемое, о той мѣрѣ страданія, при которой человѣкъ находитъ, наконецъ, острое чувство наслажденія въ самомъ этомъ страданіи. Едва ли можно считать эту особенность человѣческой психики чѣмъ-то безусловно свойственнымъ всегда и всѣмъ людямъ, и необходимо признать ее, какъ черту, особливо свойственную самому Д—ому и болѣзненно близкую къ садическому извращенію. Тургеневъ (см. извлеченія изъ его писемъ) поставилъ точку на і, грубо обозвавъ своего антагониста маркизомъ де-Садомъ. Въ воспоминаніяхъ В. В. Т—вой мы находимъ наивно разсказанный, поразительный примѣръ несомнѣннаго мучительства надъ чистой душою дѣвушки, которую онъ пугаетъ, изображая, какъ могли оскорбить ее на улицѣ какіе-то негодяи, принявъ ее за проститутку. Въ миніатюрѣ, это— буквально повтореніе той утонченной пытки, какой въ страшныхъ „Запискахъ изъ подполья" подвергаетъ дѣвушку, хотя и продажную, но еще не утратившую чистоты души, герой этихъ записокъ, мрачная отвратительная карикатура мучавшихъ Д—аго темныхъ, больныхъ склонностей его души, карикатура, подставленная, какъ кривое зеркало, тѣневымъ сторонамъ и нашей души.

Эпилепсія, какъ извѣстно, сопровождала нѣкоторыхъ выдающихся религіозныхъ дѣятелей, какъ Магомета. Это—болѣзнь, почти священная, какъ порожденіе нездѣшняго духа, это— болѣзнь визіонеровъ и духовидцевъ. Тѣнь ея мистически-суевѣрно настраивала и Д—аго, вообще крайне склоннаго къ суевѣрному наив-

ному вниманію къ такъ-называемымъ „загадочнымъ“ явленіямъ и сторонамъ человѣческой души. Онъ описываетъ поразительными чертами мистическій ужасъ, временами охватывавшій его alter ego—беллетриста въ повѣсти „Униженные и оскорбленные“, ужасъ, напоминающій страхи, мучавшіе Гоголя, эту столь родственную ему многими чертами душу. Его мучитъ страхъ летаргіи. Преслѣдуютъ безотчетныя навязчивыя мрачныя представленія, какъ ожиданіе скорой смерти, то своей, то другихъ, напр., смерти Крестовскаго, для чего не было никакихъ внѣшнихъ поводовъ. Онъ вѣритъ въ народныя симпатическія средства. Посѣщаетъ самъ гадалокъ и другихъ къ нимъ таскаетъ, какъ Врангеля и Всеволода Соловьева въ Семипалатинскѣ и Петербургѣ. Боязливо присматривается къ спиритизму. Въ трудныя минуты жизни благоговѣйно загадываетъ на Евангеліи, что сдѣлалъ и въ предсмертную болѣзнь, усмотрѣвъ въ выпавшемъ изреченіи несомнѣнное предвѣщаніе скорой своей кончины. Всѣ эти черточки, стоящія на границѣ мистическаго суевѣрія, должны быть признаны характерными для личности Достоевскаго съ его умомъ, совершенно чуждымъ строгой позитивной дисциплины.

Среди дѣятелей литературнаго міра его отличаетъ и то отталкиваетъ, то покоряетъ ему сердца непререкаемый тонъ пророка и провидца. Д. И. Стахѣевъ передаетъ, что при своемъ посѣщеніи старца-схимника въ Оптиной пустыни, даже и здѣсь, Д—ій не удержался: „Самъ говорилъ больше, чѣмъ онъ, волновался, горячо возражалъ ему, развивалъ и разъяснялъ значеніе произносимыхъ имъ словъ и, незамѣтно для самого себя, изъ человѣка, желающаго внимать поучительнымъ рѣчамъ, обращался въ учителя“. Часто рѣчь Д—аго была настоящимъ экстазомъ, напоминающимъ то, что описано въ вечерѣ у Епанчиныхъ, гдѣ князь Мышкинъ кончилъ припадкомъ падучей. „Сижу, бывало, слушаю,—говоритъ тотъ же г. Стахѣевъ,—какъ онъ, не умолкая, говоритъ въ продолженіе цѣлаго вечера, и со страхомъ думаю, что вотъ-вотъ онъ сейчасъ съ ума сойдетъ, такъ возбужденна бывала его рѣчь, и такъ быстро, самъ того не замѣчая, онъ перескакивалъ съ одного предмета на другой“; и это оканчивалось иногда припадкомъ. „Собесѣдникъ иногда онъ былъ неудобный, не любилъ, чтобы ему возражали и не только не терпѣлъ возраженій, но даже и вообще прерывать его рѣчь и подсказывать что-либо не позволялъ. Оборветъ, бывало, каждаго, рѣшившагося вставить въ его рѣчь свое слово. „Молчите! Не умничайте!“

Въ воспоминаніяхъ кн. Мещерскаго, который восхищается умѣньемъ Д—аго „ненавидѣть“ либераловъ, радикаловъ и революціонеровъ, изображена одобрительно сцена, какъ отдѣлывалъ Д—ій „современную“ женщину, явившуюся къ нему со своими изліяніями. „Достоевскій ее слушаетъ и внимательно и нервно, и я вяжу по лицу его, что каждая черта принимаетъ какой-то острый характеръ, точно внутри кипитъ вулканъ, чувствую, какъ онъ сдерживается, и вотъ въ ту минуту, когда выплативъ свой зарядъ современныхъ словъ, несчастная стриженая ждетъ отъ *своего* Достоевскаго одобрительное слово,—неумолимый врагъ женскаго вопроса обращается къ ней съ вопросомъ: „Вы кончили?“—„Кончила“,—отвѣчаетъ стриженая. „Такъ вотъ что: слушайте меня, я буду кратче васъ, вы много болтали... а я вамъ вотъ что скажу: все что вы говорили, пошло, глупо. Понимаете вы, глупо?! Наука безъ васъ можетъ обойтись, а семья, дѣти, кухня—безъ женщины не могутъ обойтись... У женщины одно призваніе... И все, что вы мнѣ разсказывали—вздоръ! Слышите, вздоръ!.. Больше я вамъ ничего не скажу!“

При болѣзненной раздражительности темперамента, съ своею боязнью незнакомыхъ лицъ, съ жаждою въ то же время проповѣдничества и власти надъ умами, Д—ій всегда не столько бралъ силою спокойнаго убѣжденія, сколько экстазомъ, взвинченнымъ напряженіемъ нервовъ, увлекалъ и покорялъ, какъ то было въ особенности, напр., во время Пушкинскихъ торжествъ, личнымъ своимъ одушевленіемъ и фанатическимъ взрывомъ чувства.

Душа его постоянно какой-то бурный, пламенный очагъ сталкивающихся между собой идей, настроній, чувствъ, и этотъ огонь вырывается пламенными языками его творчества, сжигающаго обыденныя мысли и готовыя формы взглядовъ на вещи. Молодость Достоевскаго богата одинаково и страстнымъ, все покрывающимъ тяготѣніемъ къ міру духовныхъ интересовъ и, повидимому, увлеченіями вполнѣ низменнаго порядка. Не будетъ преувеличеніемъ или оскорбленіемъ памяти геніальнаго художника признать, что въ немъ самомъ, какъ въ его Митѣ Карамазовѣ, временами къ собственному его ужасу (и въ этомъ ужасѣ его оправданіе) бушевалъ Содомъ и рвался наружу, чтобы поругать и осквернить образъ Мадонны. Онъ вѣчно у „черты,“ переходитъ ее и возвращается,— болѣзненно къ ней прикованъ. Несомнѣнно, что его душа переживала всѣ муки паденій и подъемовъ, переходовъ отъ глубочайшихъ сомнѣній религіозныхъ до экста-

тическаго восторга и полнаго блаженнаго слія-нія съ Божествомъ, отъ язвительнаго хохота карамазовскаго чорта и холодной пустоты души великаго инквизитора до блаженныхъ слезъ осіяннаго вѣрою Алеши Карамазова. Въ немъ самомъ и „бунтъ“ Ивана Карамазова и смиреніе Зосимы. Въ этихъ колебаніяхъ слышенъ вѣчный вопль: „Вѣрую, Господи, помози моему невѣрію!“ Титаническая внутренняя борьба одинокой души, успѣвшей только въ художественныхъ созданіяхъ раскрыть намъ эту борьбу.

Объ этомъ собственномъ раздвоеніи опредѣленно говоритъ Д—ій въ письмѣ 1880 г. неизвѣстной корреспонденткѣ художницѣ, жаловавшейся на такое же раздвоеніе. „Это самая обыкновенная черта у людей... не совсѣмъ, впрочемъ, обыкновенныхъ. Черта, свойственная человѣческой природѣ вообще, но далеко-далеко не во всякой природѣ человѣческой встрѣчающаяся въ такой силѣ, какъ у васъ. Вотъ и потому вы мнѣ родная, потому, что это *раздвоеніе* въ васъ точь-въ-точь, какъ и во мнѣ, и всю жизнь во мнѣ было. Это большая мука, но въ то же время и большое наслажденіе. Это — сильное сознаніе, потребность самоотчета и присутствіе въ природѣ вашей потребности нравственнаго долгакъ самому себѣ и къ человѣчеству. Вотъ что значитъ эта двойственность. Были бы вы не столь развиты умомъ, были бы ограниченные, то были бы и менѣе совѣстливы и не было бы этой двойственности. Напротивъ, родилось бы великое самомнѣніе. Но все-таки эта двойственность—большая мука“.

Исходомъ этой двойственности, лично для себя, у Достоевскаго было обращеніе къ личности Христа, то самое, что писалъ онъ по выходѣ изъ острога религіозно настроенной Н. Д. Фонвизиной: „Я слышалъ отъ многихъ, что вы очень религіозны, Н. Д. Не потому, что вы религіозны, но потому, что самъ пережилъ и прочувствовалъ это, скажу вамъ, что въ такія минуты жаждешь, какъ „трава изсохшая“, вѣры и находишь ее, собственно, потому, что въ несчастіи яснѣетъ истина. Я скажу вамъ про себя, что я—дитя вѣка, дитя невѣрія и сомнѣнія до сихъ поръ и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Какихъ страшныхъ мученій стоила и стоитъ мнѣ теперь эта жажда вѣрить, которая тѣмъ сильнѣе въ душѣ моей, чѣмъ болѣе во мнѣ доводовъ противныхъ. И, однако же, Богъ посылаетъ мнѣ иногда минуты, въ которыя я совершенно спокоенъ; въ эти минуты я люблю, и нахожу, что другими любимъ, и въ такія-то минуты я сложилъ себѣ символъ вѣры, въ которомъ все для меня ясно и свято. Этотъ символъ очень простъ; вотъ онъ: „Вѣрю, что нѣтъ ничего прекраснѣе, глубже, симпатичнѣе, разумнѣе, мужественнѣе и совершеннѣе Христа, и не только нѣтъ, но съ ревнивою любовію говорю себѣ, что и не можетъ быть. Мало того, если бы кто мнѣ доказалъ, что Христосъ внѣ истины, и дѣйствительно было бы, что истина внѣ Христа, то мнѣ лучше хотѣлось бы оставаться съ Христомъ, нежели съ истиной.“

А затѣмъ—его требовательная, ненасытимая религіозная жажда справедливости, проникающая его лучшія трогательнѣйшія страницы, подсказавшая его Степану Трофимовичу на одрѣ болѣзни святыя слова: „Каждая минута, каждое мгновеніе жизни должны быть блаженствомъ человѣку... должны, непремѣнно должны! Это обязанность самого человѣка такъ устроить, это его законъ, скрытый, но существующій непремѣнно.“

Итакъ, эпилептическій характеръ Достоевскаго,—заключаетъ Чешихинъ,—а равно и догматически усвоенное имъ религіозное и общественно-политическое міровоззрѣніе являются лишь второстепенными, осложняющими его личность и непосредственное міроощущеніе элементами. Это элементы не основные, а лишь окрасившіе собою нѣчто болѣе существенное; ядро его личности надо видѣть въ гдѣ-то изначала заложенныхъ въ его душѣ и особенно обостренныхъ роковыхъ противорѣчіяхъ, свойственныхъ всякой человѣческой натурѣ. Его духовная жизнь есть изначальная борьба этихъ противорѣчій и неутолимая жажда гармоніи, подчиненія ихъ единому идеалу. Пусть болѣзнь, предвзятыя мысли, логическія ошибки и т. п. скрываютъ и искажаютъ, порою до неузнаваемости, основное и вѣчное, что было въ Достоевскомъ, подобно тому, какъ смрадъ и дымъ костра порою заслоняютъ очищающій огонь его и жаръ,—все же величественное зрѣлище того костра, которымъ пылала душа Достоевскаго, и который жжетъ и свѣтитъ въ его созданіяхъ, останется и для дальняго потомства вѣчно притягательнымъ: противорѣчія, диссонансы и муки его души—боль и страданіе и каждаго изъ насъ въ большей или меньшей мѣрѣ, и до гармоніи всѣмъ намъ далеко.

Изъ воспоминаній современниковъ.

Усиленная работа и упорное сидѣнье дома крайне вредно дѣйствовали на его здоровье; онѣ усиливали его болѣзнь, проявлявшуюся нѣсколько разъ еще въ юности, въ бытность его въ училищѣ. Нѣсколько разъ во время нашихъ рѣдкихъ прогулокъ съ нимъ случались припадки. Разъ, проходя вмѣстѣ съ нимъ по Троицкому переулку, мы встрѣтили похоронную

процессію. Достоевскій быстро отвернулся, хотѣлъ вернуться назадъ, но, прежде чѣмъ успѣли мы отойти нѣсколько шаговъ, съ нимъ сдѣлался припадокъ настолько сильный, что я съ помощью прохожихъ принужденъ былъ перенести его въ ближайшую мелочную лавку; насилу могли привести его въ чувство.

Послѣ такихъ припадковъ наступало обыкновенно угнетенное состояніе духа, продолжавшееся дня два или три. (Изъ воспоминаній Д. В. Григоровича).

Въ послѣдніе годы мнѣ случалось слышать, что Достоевскаго обвиняли въ гордости и пренебрежительномъ обращеніи не только съ людьми мало ему извѣстными, но даже и съ тѣми, кого онъ давно и хорошо зналъ. Говорили, будто, проходя по улицѣ, онъ умышленно не узнавалъ знакомыхъ и даже, встрѣчаясь съ ними гдѣ-нибудь въ домѣ, не отвѣчалъ на поклоны и иногда про человѣка, давно ему извѣстнаго, спрашивалъ: „Кто это такой?“ Можетъ-быть, подобные случаи и дѣйствительно были, но, мнѣ кажется, это происходило не отъ надменности или самомнѣнія, а только вслѣдствіе несчастной болѣзни и, большею частью, вскорѣ послѣ припадковъ. Кто былъ свидѣтелемъ жестокости этихъ часто повторявшихся припадковъ и видѣлъ, какіе слѣды оставляли они на нѣсколько дней, тотъ пойметъ, отчего онъ не узнавалъ иногда людей довольно близкихъ. Я помню вотъ какой случай. Когда я жилъ въ Павловскѣ, Ѳедоръ Михайловичъ пришелъ ко мнѣ какъ-то вечеромъ. Мы пили чай. Только что дочь моя подала ему стаканъ, онъ вдругъ вскочилъ, поблѣднѣлъ, зашатался, и я съ трудомъ дотащилъ его до дивана, на который онъ упалъ въ судорогахъ, съ искаженнымъ лицомъ. Его сильно било. Когда черезъ четверть часа онъ очнулся, то ничего не помнилъ и только проговорилъ глухимъ голосомъ: „Что это было со мною?“ Я старался успокоить его и просилъ остаться у меня ночевать, но онъ рѣшительно отказался, говоря, что долженъ непремѣнно воротиться въ Петербургъ. Зачѣмъ воротиться—онъ не помнилъ, но зналъ только, что нужно. Я хотѣлъ послать за извозчикомъ, но онъ и это отклонилъ. „Лучше пройдемъ пѣшкомъ до вокзала, — это меня освѣжитъ“, говорилъ онъ. Мы вышли, когда уже было довольно темно. Квартира моя была у самаго выѣзда на Колпинскую дорогу, такъ что намъ предстояло пройти черезъ весь паркъ, въ эти часы почти безлюдный. Не доходя еще до такъ-называемой Сѣтки, Достоевскій вдругъ остановился и прошепталъ: „Со мной сейчасъ будетъ припадокъ!“ Кругомъ не было ни души. Я посадилъ его на траву у самой дорожки. Онъ посидѣлъ минутъ пять, но припадка, къ счастію, не было. Мы пошли дальше, но у самой лѣстницы, которая недалеко отъ дворца спускается къ мостикамъ черезъ Славянку, онъ снова остановился и, смотря на меня помутившимися глазами, сказалъ: „Припадокъ, Сейчасъ припадокъ!“ Однакожъ и теперь обошлось тѣмъ, что мы минуть 10 просидѣли на скамейкѣ. И это повторялось еще раза два, прежде чѣмъ дошли до вокзала. Оттуда послалъ я сторожа на дачу за его родственникомъ, который тотчасъ же пріѣхалъ и проводилъ его въ Петербургъ. Когда на другой день я поѣхалъ навѣстить его, онъ былъ слабъ, какъ будто послѣ болѣзни, и въ первую минуту не узналъ меня. Я думаю, онъ самъ догадывался, что его напрасно подозрѣваютъ въ гордости. (Изъ восп. А. П. Милюкова).

...Теперь не обойду молчаніемъ и то, что мнѣ извѣстно о припадкахъ его падучей болѣзни. Богъ миловалъ, я лично никогда свидѣтелемъ ихъ не былъ. Но знаю, что припадки бывали довольно часто; обыкновенно его хозяйка немедленно давала мнѣ знать. Послѣ припадка онъ чувствовалъ себя всегда дня 2—3 разбитымъ, вялымъ, мысли не вязались, голова не работала. Первые признаки болѣзни, какъ онъ утверждалъ, появились еще въ Петербургѣ, а развилась она на каторгѣ. Въ Семипалатинскѣ они случались черезъ три мѣсяца. Приближеніе ихъ онъ чувствовалъ и говорилъ, что передъ приступомъ его тѣло охватываетъ какое-то невыразимое чувство сладострастія. Жутко было видѣть въ эти минуты его страданія, да еще при такихъ жизненныхъ условіяхъ; жалокъ и безпомощенъ онъ былъ послѣ каждаго пароксизма! (Изъ восп. А. Е. Врангеля).

Припадки болѣзни случались съ нимъ приблизительно разъ въ мѣсяцъ — таковъ былъ обыкновенный ходъ. Но иногда, хотя очень рѣдко, были чаще; бывало даже и по два припадка въ недѣлю. За границею, т.-е. при большемъ спокойствіи, а также вслѣдствіе лучшаго климата, случалось, что мѣсяца четыре проходило безъ припадка. Предчувствіе припадка всегда было, но могло и обмануть. Въ романѣ „Идіотъ“ есть подробное описаніе ощущеній, которыя испытываетъ въ этомъ случаѣ больной. Самому мнѣ довелось разъ быть свидѣтелемъ, какъ случился съ Ѳ. М. припадокъ обыкновенной силы. Это было, вѣроятно, въ 1863 году, какъ разъ наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія. Поздно, часу въ 11-мъ, онъ зашелъ ко мнѣ и мы очень оживленно разговорились. Не могу вспомнить предмета, но знаю, что это былъ очень важный и отвлеченный

предметъ. Ѳ. М. очень одушевился и зашагалъ по комнатѣ, а я сидѣлъ за столомъ. Онъ говорилъ что-то высокое и радостное; когда я поддержалъ его мысль какимъ-то замѣчаніемъ, онъ обратился ко мнѣ съ вдохновеннымъ лицомъ, показавшимъ, что одушевленіе его достигло высшей степени. Онъ остановился на минуту, какъ бы ища словъ для своей мысли, и уже открылъ ротъ. Я смотрѣлъ на него съ напряженнымъ вниманіемъ, чувствуя, что онъ скажетъ что-нибудь необыкновенное, что услышу какое-то откровеніе. Вдругъ изъ его открытаго рта вышелъ странный, протяжный и безсмысленный звукъ, и онъ безъ чувствъ опустился на полъ среди комнаты.

Припадокъ на этотъ разъ не былъ сильный. Вслѣдствіе судорогъ все тѣло только вытягивалось, да на углахъ губъ показалась пѣна. Черезъ полчаса онъ пришелъ въ себя, и я проводилъ его пѣшкомъ домой, что было недалеко.

Много разъ мнѣ разсказывалъ Ѳ. М., что передъ припадкомъ у него бываютъ минуты восторженнаго состоянія. „На нѣсколько мгновеній,— говорилъ онъ,—я испытываю такое счастье, которое невозможно въ обыкновенномъ состояніи и о которомъ не имѣютъ понятія другіе люди. Я чувствую полную гармонію въ себѣ и во всемъ мірѣ, и это чувство такъ сильно и сладко, что за нѣсколько секундъ такого блаженства можно отдать десять лѣтъ жизни, пожалуй, всю жизнь“.

Слѣдствіемъ припадковъ были иногда случайные ушибы при паденіи, а также боль въ мускулахъ отъ перенесенныхъ ими судорогъ. Изрѣдка появлялась краснота лица, иногда— пятна. Но главное было то, что больной терялъ память и дня два или три чувствовалъ себя совершенно разбитымъ. Душевное состояніе его было очень тяжело; онъ едва справлялся со своею тоскою и впечатлительностью. Характеръ этой тоски, по его словамъ, состоялъ въ томъ, что онъ чувствовалъ себя какимъ-то преступникомъ, ему казалось, что надъ нимъ тяготѣетъ невѣдомая вина, великое злодѣйство. (Изъ восп. Н. Н. Страхова).

Мнѣ хотѣлось узнать что-нибудь достовѣрное объ ужасной болѣзни—падучей, которою, какъ я слышалъ, страдалъ Д—ій, но, конечно, я не могъ рѣшиться даже и издали подойти къ этому вопросу. Онъ самъ будто угадалъ мои мысли и заговорилъ о своей болѣзни. Онъ сказалъ мнѣ, что недавно съ нимъ былъ припадокъ.

— Мои нервы разстроены съ юности,— говорилъ онъ.—Еще за два года до Сибири, во время разныхъ моихъ литературныхъ непріятностей и ссоръ, у меня открылась какая-то странная и невыносимо мучительная нервная болѣзнь. Разсказать я не могу этихъ отвратительныхъ ощущеній, но живо ихъ помню; мнѣ часто казалось, что я умираю, ну, вотъ, право, настоящая смерть приходила и потомъ уходила. Я боялся тоже летаргическаго сна. И странно— какъ только я былъ арестованъ, вдругъ вся эта моя отвратительная болѣзнь прошла, ни въ пути, ни на каторгѣ въ Сибири и никогда потомъ я ея не испытывалъ—я вдругъ сталъ бодръ, крѣпокъ, свѣжъ, спокоенъ... Но во время каторги со мной случился первый припадокъ падучей и съ тѣхъ поръ она меня не покидаетъ. Все, что было со мною до этого перваго припадка, каждый малѣйшій случай изъ моей жизни, каждое лицо, мною встрѣченное, все, что я читалъ, слышалъ,—я помню до мельчайшихъ подробностей. Все, что началось послѣ перваго припадка, я очень часто забываю, иногда забываю совсѣмъ людей, которыхъ зналъ совсѣмъ хорошо, забываю лица. Забылъ все, что написалъ послѣ каторги; когда дописывалъ „Бѣсы“, то долженъ былъ перечитать все сначала, потому что перезабылъ даже имена дѣйствующихъ лицъ.

Бѣдный Ѳедоръ Михайловичъ имѣлъ достаточно времени привыкнуть къ своимъ припадкамъ, привыкали къ нимъ и ихъ послѣдствіямъ и его старые знакомые, которымъ все это уже не казалось страшнымъ и считалось обыкновеннымъ явленіемъ. Но онъ бывалъ иногда совершенно невозможенъ послѣ припадка; его нервы оказывались до того потрясенными, что онъ дѣлался совсѣмъ невмѣняемымъ въ своей раздражительности и странностяхъ.

Придетъ онъ, бывало, ко мнѣ, войдетъ какъ черная туча, иногда даже забудетъ поздороваться, и изыскиваетъ всякіе предлоги, чтобы побраниться, чтобы обидѣть; и во всемъ видитъ себѣ обиду, желаніе дразнить и раздражать его... Все-то ему кажется не на мѣстѣ и совсѣмъ не такъ, какъ нужно, то слишкомъ свѣтло въ комнатѣ, то такъ темно, что никого разглядѣть невозможно... Подадутъ ему крѣпкій чай, какой онъ всегда любилъ—ему подаютъ пиво вмѣсто чая! нальютъ слабый—это горячая вода!..

Пробуемъ мы шутить, разсмѣшить его—еще того хуже: ему кажется, что надъ нимъ смѣются...

Впрочемъ, мнѣ почти всегда скоро удавалось его успокоить. Нужно было исподволь навести его на какую-нибудь изъ любимыхъ его темъ. Онъ малу-по-малу начиналъ говорить, оживлялся и оставалось только ему не противорѣчить. Черезъ часъ онъ уже бывалъ въ самомъ миломъ настроеніи духа. Только

страшно блѣдное лицо, сверкающіе глаза и тяжелое дыханіе указывали на болѣзненное его состояніе. Но если случайно въ подобный день онъ встрѣчался съ посторонними, незнакомыми людьми, то дѣло усложнялось. (Изъ восп. Вс. Соловьева).

Успѣхъ „Бѣдныхъ людей".

(Изъ воспоминаній Д. В. Григоровича.)

Разъ утромъ (это было лѣтомъ) Достоевскій зоветъ въ свою комнату; войдя къ нему, я засталъ его сидящимъ на диванѣ, служившимъ ему также постелью; передъ нимъ, на небольшомъ письменномъ столѣ, лежала довольно объемистая тетрадь почтовой бумаги большого формата, съ загнутыми полями и мелкоисписанная.

— Садись-ка, Григоровичъ; вчера только что переписалъ; хочу прочесть тебѣ; садись и не перебивай,—сказалъ онъ съ необычною живостью.

То, что онъ прочелъ мнѣ въ одинъ присѣстъ и почти не останавливаясь, явилось вскорѣ въ печати подъ названіемъ „Бѣдные люди."

Я былъ всегда высокаго мнѣнія о Достоевскомъ; его начитанность, знаніе литературы, его сужденіе, серьезность характера дѣйствовали на меня внушительно; мнѣ часто приходило въ голову, какъ могло случиться, что я успѣлъ уже написать кое-что, это кое-что было напечатано, я считалъ уже себя нѣкоторымъ образомъ литераторомъ, тогда какъ Достоевскій ничего еще не сдѣлалъ по этой части. Съ первыхъ страницъ „Бѣдныхъ людей" я понялъ, насколько то, что было написано Достоевскимъ, было лучше того, что я сочинялъ до сихъ поръ; такое убѣжденіе усиливалось по мѣрѣ того, какъ продолжалось чтеніе. Восхищенный донельзя, я нѣсколько разъ порывался броситься ему на шею; меня удерживала только его нелюбовь къ шумнымъ, выразительнымъ изліяніямъ; я не могъ, однакожъ, спокойно сидѣть на мѣстѣ и то и дѣло прерывалъ чтеніе восторженными восклицаніями.

Результатъ этого чтенія болѣе или менѣе извѣстенъ читающей публикѣ. Исторія о томъ, какъ я силой почти взялъ рукопись „Бѣдныхъ людей" и отнесъ ее Некрасову, разсказана самимъ Достоевскимъ въ его „Дневникѣ". Изъ скромности, вѣроятно, онъ умолчалъ о подробностяхъ, какъ чтеніе происходило у Некрасова. Читалъ я. На послѣдней страницѣ, когда старикъ Дѣвушкинъ прощается съ Варенькой, я не могъ больше владѣть собою и началъ всхлипывать; я украдкой взглянулъ на Некрасова: по лицу у него также текли слезы. Я сталъ горячо убѣждать его въ томъ, что хорошаго дѣла никогда не надо откладывать, что слѣдуетъ сейчасъ же отправиться къ Достоевскому, несмотря на позднее время (было около четырехъ часовъ утра), сообщить ему объ успѣхѣ и сегодня же условиться съ нимъ насчетъ печатанія его романа.

Некрасовъ, изрядно также возбужденный, согласился, наскоро одѣлся, и мы отправились.

Долженъ признаться, я поступилъ въ настоящемъ случаѣ очень необдуманно. Зная хорошо характеръ моего сожителя, его нелюдимость, болѣзненную впечатлительность, замкнутость, мнѣ слѣдовало бы разсказать ему о случившемся на другой день, но сдержанно, а не будить его, не тревожить неожиданною радостью и, вдобавокъ, не приводить къ нему чуть ли не ночью незнакомаго человѣка, но я самъ былъ тогда въ возбужденномъ состояніи; въ такія минуты здраво разсуждаютъ болѣе спокойные люди.

На стукъ нашъ въ дверь отворилъ Достоевскій; увидавъ подлѣ меня незнакомое лицо, онъ смутился, поблѣднѣлъ и долго не могъ слова отвѣтить на то, что говорилъ ему Некрасовъ. Послѣ его ухода я ждалъ, что Достоевскій начнетъ бранить меня за неумѣренное усердіе и излишнюю горячность, но этого не случилось; онъ ограничился тѣмъ только, что заперся въ своей комнатѣ, и долго послѣ того я слышалъ, лежа на своемъ диванѣ, его шаги, говорившіе мнѣ о взволнованномъ состояніи его духа.

Послѣ знакомства съ Некрасовымъ и черезъ него съ Бѣлинскимъ, который прочелъ рукопись „Бѣдныхъ людей", съ Достоевскимъ произошла замѣтная перемѣна. Во время печатанія „Бѣдныхъ людей" онъ постоянно находился въ крайне нервномъ возбужденіи. Со свойственною ему несообщительностью, онъ не говорилъ мнѣ о томъ, какъ сошелся съ Некрасовымъ и что дальше было между ними. Стороною только доходили до меня слухи о томъ, что онъ требовалъ печатать „Бѣдныхъ людей" особымъ шрифтомъ и окружить рамкой каждую страницу; я не присутствовалъ при этихъ разговорахъ и не знаю, справедливо это или нѣтъ; если и было что-нибудь похожее, тутъ, вѣроятно, не обошлось безъ преувеличенія.

Могу сказать только съ увѣренностью, что успѣхъ „Бѣдныхъ людей" и еще больше, кажется, неумѣренно-восторженныя похвалы Бѣлинскаго положительно вредно отразились на Достоевскомъ, жившемъ до той поры замкнуто, въ самомъ себѣ, встрѣчавшемся, да и то не часто, съ немногими товарищами, не имѣвшими ничего общаго съ литературой. Возможно ли

было такому человѣку, даже при его умѣ, сохранить нормальное состояніе духа, когда съ перваго шага на новомъ поприщѣ такой авторитетъ, какъ Бѣлинскій, преклонился предъ нимъ, громко провозглашая, что появилось новое свѣтило въ русской литературѣ? Вскорѣ послѣ „Бѣдныхъ людей“ Достоевскій написалъ повѣсть „Господинъ Прохарчинъ“ или „Господинъ Голядкинъ“, не помню хорошо названія. Чтеніе назначено было у Некрасова; я также былъ приглашенъ. Бѣлинскій сидѣлъ противъ автора, жадно ловилъ каждое его слово и мѣстами не могъ скрыть своего восхищенія, повторяя, что одинъ только Достоевскій могъ доискаться до такихъ изумительныхъ психологическихъ тонкостей.

Увлеченіе Бѣлинскаго не сдѣлало бы еще, можетъ быть, такого дѣйствія на Достоевскаго, какъ тотъ внезапный, рѣзкій поворотъ на его счетъ въ мнѣніи Бѣлинскаго и его кружка.

Вотъ что около этого времени писалъ Бѣлинскій къ Анненкову: „Не знаю, писалъ ли я вамъ, что Достоевскій написалъ повѣсть „Хозяйка“,—ерунда страшная! Въ ней онъ хотѣлъ помирить Марлинскаго съ Гофманомъ, подбавивши немного Гоголя. Онъ еще написалъ кое-что послѣ того, но каждое его новое произведеніе — новое паденіе. Въ провинціи его терпѣть не могутъ, въ столицѣ отзываются враждебно даже о „Бѣдныхъ людяхъ“; я трепещу при мысли перечитать ихъ. Надулись же мы, другъ мой, съ Достоевскимъ-геніемъ!“ Писалъ это Бѣлинскій, честнѣйшій изъ людей, но склонный къ увлеченію,—писалъ совершенно искренно, какъ всегда, по убѣжденію. Бѣлинскій не стѣснялся громко высказывать свое мнѣніе о Достоевскомъ; близкіе люди его кружка ему вторили.

Неожиданность перехода отъ поклоненія и возвышенія автора „Бѣдныхъ людей“ чуть ли не на степень генія къ безнадежному отрицанію въ немъ литературнаго дарованія могла сокрушить и не такого впечатлительнаго и самолюбиваго человѣка, какимъ былъ Достоевскій. Онъ сталъ избѣгать лицъ изъ кружка Бѣлинскаго, замкнулся весь въ себя еще больше прежняго и сдѣлался раздражительнымъ до послѣдней степени. При встрѣчѣ съ Тургеневымъ, принадлежавшимъ къ кружку Бѣлинскаго, Достоевскій, къ сожалѣнію, не могъ сдержаться и далъ полную волю накипѣвшему въ немъ негодованію, сказавъ, что никто изъ нихъ ему не страшенъ, что дай только время, онъ всѣхъ ихъ въ грязь затопчетъ. Не помню, что послужило поводомъ къ такой выходкѣ; рѣчь между ними шла, кажется, о Гоголѣ.

Во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, вина была на сторонѣ Достоевскаго. Характеръ Тургенева отличался полнымъ отсутствіемъ задора; его скорѣе можно было упрекнуть въ крайней мягкости и уступчивости.

Послѣ сцены съ Тургеневымъ произошелъ окончательный разрывъ между кружкомъ Бѣлинскаго и Достоевскаго; онъ больше въ него не заглядывалъ. На него посыпались остроты, ѣдкія эпиграммы, его обвиняли въ чудовищномъ самолюбіи, въ зависти къ Гоголю, которому онъ долженъ бы былъ въ ножки кланяться, потому что въ самыхъ хваленыхъ „Бѣдныхъ людяхъ“ чувствовалось на каждой страницѣ вліяніе Гоголя.

Взаимоотношенія Тургенева и Достоевскаго.

Изъ письма Достоевскаго къ брату (6 ноября 1845 г.).

Ну, братъ, никогда, я думаю, слава моя не дойдетъ до такой апогеи, какъ теперь. Всюду почтеніе невѣроятное, любопытство насчетъ меня страшное. Я познакомился съ бездной народу самаго порядочнаго. Князь Одоевскій проситъ меня осчастливить его своимъ посѣщеніемъ, а графъ Соллогубъ рветъ на себѣ волосы отъ отчаянія. Панаевъ объявилъ ему, что есть талантъ, который ихъ всѣхъ въ грязь втопчетъ. С. обѣгалъ всѣхъ и, зашедши къ Краевскому, вдругъ спросилъ его: кто это Достоевскій? Гдѣ мнѣ *достать Достоевскаго?* Краевскій, который никому въ усъ не дуетъ и рѣжетъ всѣхъ напропалую, отвѣчаетъ ему, что Достоевскій не захочетъ вамъ сдѣлать чести осчастливить васъ своимъ посѣщеніемъ. Оно и дѣйствительно такъ; аристократишка теперь становится на ходули и думаетъ, что уничтожитъ меня величіемъ своей ласки. Всѣ меня принимаютъ, какъ чудо. Я не могу даже раскрыть рта, чтобы во всѣхъ ушахъ не повторяли, что Достоевскій то-то сказалъ, Достоевскій то-то хочетъ дѣлать. Бѣлинскій любитъ меня какъ нельзя болѣе. На-дняхъ воротился изъ Парижа поэтъ Тургеневъ (ты, вѣрно, слыхалъ) и съ перваго раза привязался ко мнѣ такою привязанностью, такою дружбой, что Бѣлинскій объясняетъ ее тѣмъ, что Тургеневъ влюбился въ меня. Но, братъ, что это за человѣкъ! Я тоже едва ль не влюбился въ него. Поэтъ, талантъ, аристократъ, красавецъ, богачъ, уменъ, образованъ, 25 лѣтъ,—я не знаю, въ чемъ природа отказала ему? Наконецъ характеръ неистощимо прямой, прекрасный, выработанный въ доброй школѣ. Прочти его повѣсть въ „Отеч. Записк.“ „Андрей Колосовъ“—это онъ самъ, хотя и не думалъ тутъ себя выставлять.

Изъ письма Достоевскаго къ А. Н. Майкову (Женева, 16 августа 1867 г.).

Гончаровъ все мнѣ говорилъ о Тургеневѣ, такъ что я, хотя и откладывалъ заходить къ Тургеневу, рѣшился, наконецъ, ему сдѣлать визитъ. Я пошелъ утромъ въ 12 часовъ и засталъ его за завтракомъ. Откровенно вамъ скажу: я и прежде не любилъ этого человѣка лично. Скверпѣе всего то, что я еще съ 1857 г., съ Висбадена, долженъ ему 50 талеровъ (и не отдалъ до сихъ поръ!). Не люблю также его аристократически-фарисейское объятіе, съ которымъ онъ лѣзетъ цѣловаться, но подставляетъ вамъ свою щеку. Генеральство ужасное; а главное его книга „Дымъ“ меня раздражила. Онъ самъ говорилъ мнѣ, что главная мысль, основная точка его книги, состоитъ въ фразѣ: „Если бы провалилась Россія, то не было бы никакого ни убытка, ни волненія въ человѣчествѣ“. Онъ объявилъ мнѣ, что это его основное убѣжденіе о Россіи. Пашелъ я его страшно раздраженнымъ неудачею „Дыма“. А я, признаюсь, и не зналъ всѣхъ подробностей неудачи. Вы мнѣ писали о статьѣ Страхова въ „Отечественныхъ Запискахъ“; но я не зналъ, что его вездѣ отхлестали и что въ Москвѣ, въ клубѣ, кажется, собирали уже подписку именъ, чтобъ протестовать противъ его „Дыма“. Онъ это мнѣ самъ разсказывалъ. Признаюсь вамъ, что я никакъ не могъ представить себѣ, что можно такъ наивно и неловко высказывать всѣ раны своего самолюбія, какъ Тургеневъ. И эти люди тщеславятся, между прочимъ, тѣмъ, что они атеисты. Онъ объявилъ мнѣ, что онъ окончательный атеистъ. Но, Боже мой! дензмъ намъ далъ Христа, т.-е. до того высокое представленіе человѣка, что его понять нельзя безъ благоговѣнія и нельзя не вѣрить, что это идеалъ человѣчества вѣковѣчный. А что же они-то — Тургеневы, Герцены, Утины, Чернышевскіе — намъ представили? Вмѣсто высочайшей красоты Божіей, на которую они плюютъ, всѣ они до того наивно самолюбивы, до того безстыдно раздражительны, легкомысленно горды, что просто непонятно: на что они надѣются и кто за ними пойдетъ? Ругалъ онъ Россію и русскихъ безобразно, ужасно. Но вотъ что я замѣтилъ: всѣ эти либералишки и прогрессисты, преимущественно школы еще Бѣлинскаго, ругать Россію находятъ первымъ своимъ удовольствіемъ и удовлетвореніемъ. Разница въ томъ, что послѣдователи Чернышевскаго просто ругаютъ Россію и откровенно желаютъ ей провалиться (преимущественно провалиться!). Эти же отпрыски прибавляютъ, что они *любятъ Россію*. А между тѣмъ не только все, что есть въ Россіи чуть-чуть самобытнаго, имъ ненавистно, такъ, что они его отрицаютъ и тотчасъ же съ наслажденіемъ обращаютъ въ карикатуру, но что, если бъ дѣйствительно представить имъ, наконецъ, фактъ, который бы ужъ нельзя опровергнуть или въ карикатурѣ испортить, а съ которымъ надо непремѣнно согласиться, то, мнѣ кажется, они бы были до муки, до боли, до отчаянія несчастны. Замѣтилъ я, что Тургеневъ (равно какъ и всѣ, долго не бывшіе въ Россіи) рѣшительно фактовъ не знаютъ (хотя и читаютъ газеты), и до того грубо потеряли всякое чутье Россіи, такихъ обыкновенныхъ фактовъ не понимаютъ, которые даже нашъ русскій нигилистъ уже не отрицаетъ и только карикатуритъ по-своему. Между прочимъ, онъ говорилъ, что мы должны ползать передъ нѣмцами, что есть одна общая всѣмъ дорога и неминуемая — это цивилизація, и что всѣ попытки руссизма и самостоятельности — свинство и глупость. Онъ говорилъ, что пишетъ большую статью на всѣхъ руссофиловъ и славянофиловъ. Я посовѣтовалъ ему, для удобства, выписать изъ Парижа телескопъ. „Для чего?“ спросилъ онъ. „Отсюда далеко,— отвѣчалъ я.—Вы наведите на Россію телескопъ и разсматривайте насъ; а то, право, разглядѣть трудно“. Онъ ужасно разсердился. Видя его такимъ раздраженнымъ, я дѣйствительно съ чрезвычайно удавшеюся наивностью сказалъ ему: „А вѣдь я не ожидалъ, что всѣ эти критики на васъ и неуспѣхъ „Дыма“ до такой степени раздражатъ васъ; ей Богу, не стоитъ того, плюньте на все“.—„Да я вовсе не раздраженъ! Что вы?“ покраснѣлъ онъ.

Я перебилъ разговоръ; заговорили о домашнихъ и личныхъ дѣлахъ, я взялъ шапку и какъ-то совсѣмъ безъ намѣренія, къ слову, высказалъ все, что накопилось въ три мѣсяца въ душѣ отъ нѣмцевъ. „Знаете ли, какіе здѣсь плуты и мошенники встрѣчаются? Право, черный народъ здѣсь гораздо хуже и безчестнѣе нашего, а что глупѣе, то въ этомъ сомнѣнія нѣтъ. Ну, вотъ, вы говорите про цивилизацію; ну, что сдѣлала имъ цивилизація и чѣмъ они могутъ предъ нами похвастаться?“ Онъ поблѣднѣлъ (буквально ничего, ничего не преувеличиваю) и сказалъ мнѣ: „Говоря такъ, вы меня лично обижаете. Знаете, что я здѣсь поселился окончательно, что я самъ считаю себя за нѣмца, а не за русскаго и горжусь этимъ“. Я отвѣтилъ: „Хоть я читалъ „Дымъ“ и говорилъ съ вами теперь цѣлый часъ, но все-таки я никакъ не могъ ожидать, что вы это скажете, а потому извините, что я васъ оскорбилъ“.

Затѣмъ мы распрощались весьма вѣжливо, и я далъ себѣ слово болѣе къ Тургеневу ни ногой никогда. На другой день Тургеневъ, ровно въ десять часовъ утра, заѣхалъ ко мнѣ и оставилъ хозяевамъ для передачи мнѣ свою визитную карточку. Но такъ какъ я самъ сказалъ ему наканунѣ, что я раньше двѣнадцати часовъ принять не могу, и что спимъ мы до одиннадцати, то пріѣздъ его въ десять часовъ утра я принялъ за ясный намекъ, что онъ не хочетъ встрѣчаться со мной, и сдѣлалъ мнѣ визитъ въ десять часовъ именно для того, чтобъ я это понялъ. Во всѣ семь недѣль я встрѣтился съ нимъ одинъ только разъ на вокзалѣ. Мы поглядѣли другъ на друга, но ни онъ, ни я не захотѣли другъ другу поклониться. Можетъ-быть, вамъ покажется непріятною эта злорадность, съ которою я вамъ описываю Тургенева, и то, какъ мы другъ друга оскорбили. Но, ей Богу, я не въ силахъ: онъ слишкомъ оскорбилъ меня своими убѣжденіями. Лично мнѣ все равно, хотя съ своимъ генеральствомъ онъ и не очень привлекателенъ, но нельзя же слушать такія ругательства на Россію отъ русскаго измѣнника, который бы могъ быть полезенъ. Его ползаніе передъ нѣмцами и ненависть къ русскимъ я замѣтилъ давно, еще четыре года назадъ. Но теперешнее раздраженіе и остервенѣніе до пѣны у рта на Россію происходятъ единственно отъ неуспѣха „Дыма“, и что Россія осмѣлилась не признать его геніемъ. Тутъ одно самолюбіе, и это тѣмъ пакостнѣе.

Изъ письма Достоевскаго къ Н. Н. Страхову (*Дрезденъ, 18 мая 1871 г.*).

Неужели я вамъ не писалъ про вашу статью о Тургеневѣ? Читалъ я ее, какъ всѣ ваши статьи,—съ восхищеніемъ, но и съ нѣкоторой маленькой досадой. Если вы признаете, что Тургеневъ потерялъ точку и виляетъ и *не знаетъ, что сказать* о нѣкоторыхъ явленіяхъ русской жизни (на всякій случай, относясь къ нимъ насмѣшливо), то должны бы были и признать, что великая художественная способность его ослабѣла (и должна была ослабѣть) въ послѣднихъ его произведеніяхъ. Такъ оно и есть въ самомъ дѣлѣ: онъ очень ослабѣлъ, какъ художникъ. „Голосъ“ говоритъ, что это потому, что онъ живетъ за границей; но причина глубже. Вы же признаете и за послѣдними произведеніями его прежнюю художественность. Такъ ли это? Впрочемъ, я, можетъ-быть, ошибаюсь (не въ сужденіи о Тургеневѣ, а въ вашей статьѣ). Можетъ-быть, вы не такъ только выразились... А знаете, вѣдь это все помѣщичья литература. Она сказала все, что имѣла сказать (великолѣпно у Льва Толстого). Но это въ высшей степени помѣщичье слово было послѣднимъ. *Новаго слова*, замѣняющаго помѣщичье, еще не было, да и некогда. Рѣшетниковы ничего не сказали. Но все-таки Рѣшетниковы выражаютъ мысль необходимости чего-то новаго въ художническомъ словѣ, уже *не помѣщичьяго*, хотя и выражаютъ въ безобразномъ видѣ.

Изъ письма Тургенева къ М. А. Милютиной (*3 декабря 1872 г.*)

Любезнѣйшая Марія Аггеевна, искренно благодарю васъ за дружелюбное чувство, внушившее вамъ ваше письмо. Поступокъ Ѳ. Достоевскаго не удивилъ меня нисколько; онъ возненавидѣлъ меня уже тогда, когда мы оба были молоды и начинали свою литературную карьеру, хотя я ничѣмъ не заслужилъ этой ненависти. Но безпричинныя страсти, говорятъ самыя сильныя и продолжительныя... Д—ій позволилъ себѣ нѣчто худшее, чѣмъ пародію; онъ представилъ меня, подъ именемъ Кармазинова, тайно сочувствующимъ нечаевской партіи. Странно только то, что онъ выбралъ для пародіи единственную повѣсть, помѣщенную мною въ издаваемомъ нѣкогда имъ журналѣ,—повѣсть, за которую онъ осыпалъ меня благодарственными и похвальными письмами. Эти письма сохраняются у меня. Вотъ было бы забавно напечатать ихъ. Но онъ знаетъ, что я этого не сдѣлаю. Мнѣ остается сожалѣть, что онъ употребляетъ свой несомнѣнный талантъ на удовлетвореніе такихъ нехорошихъ чувствъ; видно, онъ мало цѣнитъ его, коли унижаетъ до памфлета.

Изъ письма Тургенева къ Салтыкову (*24 сентября 1882 г.*).

... Прочелъ я также статью Михайловскаго о Достоевскомъ [1]). Онъ вѣрно подмѣтилъ основную черту его творчества. Онъ могъ бы вспомнить, что и во французской литературѣ было схожее явленіе, а именно пресловутый Маркизъ де-Садъ. Этотъ даже книгу написалъ: „Tourments et supplices“, въ которой онъ съ особеннымъ наслажденіемъ настаиваетъ на развратной нѣгѣ, доставляемой нанесеніемъ изысканныхъ мукъ и страданій. Достоевскій тоже въ одномъ изъ своихъ романовъ тщательно расписываетъ удовольствіе одного любителя... И, какъ подумаешь, что по этомъ нашемъ де-Садѣ всѣ россійскіе архіереи совершали панихиды и даже предки читали о все-

[1]) „Жестокій талантъ“.

любви этого всечеловѣка! Поистинѣ въ странное живемъ мы время.

Достоевскій о своихъ работахъ.

Изъ письма къ Ивановой-Хмыровой (Женева, 1 января 1868 г.)

Идея романа моя старинная и любимая, но до того трудная, что я долго не смѣлъ браться за нее, а если взялся теперь, то рѣшительно потому, что былъ въ положеніи чуть не отчаянномъ. Главная мысль романа — изобразить положительно прекраснаго человѣка. Труднѣе этого нѣтъ ничего на свѣтѣ, а особенно теперь. Всѣ писатели, не только наши, но даже всѣ европейскіе, кто только ни брался за изображеніе положительно прекраснаго — всегда пасовали, потому что это задача безмѣрная. Прекрасное есть идеалъ, а идеалъ—ни нашъ, ни цивилизованной Европы — еще далеко не выработался. На свѣтѣ есть одно только положительно прекрасное лицо—Христосъ, такъ что явленіе этого безмѣрно, безконечно прекраснаго лица ужъ, конечно, есть безконечное чудо (все евангеліе Іоанна въ этомъ смыслѣ, онъ все чудо находитъ въ одномъ воплощеніи, въ одномъ появленіи прекраснаго). Но я слишкомъ далеко зашелъ. Упомяну только, что изъ прекрасныхъ лицъ въ литературѣ стоитъ всего законченнѣе Донъ-Кихотъ. Но онъ прекрасенъ единственно потому, что въ то же время и смѣшонъ. Пиквикъ Диккенса (безконечно слабѣйшая мысль, чѣмъ Донъ-Кихотъ; но все-таки огромная) тоже смѣшонъ и тѣмъ только и беретъ. Является состраданіе къ осмѣянному и не знающему себѣ цѣны прекрасному, а стало-быть, является симпатія и въ читателѣ. Это возбужденіе состраданія и есть тайна юмора. Жанъ-Вальжанъ [1]) тоже сильная попытка, но онъ возбуждаетъ симпатію по ужасному своему несчастью и несправедливости къ нему общества. У меня ничего нѣтъ подобнаго, ничего рѣшительно, и потому боюсь страшно, что будетъ положительная неудача. Нѣкоторыя детали, можетъ быть, будутъ недурны. Боюсь, что будетъ скученъ. Романъ длинный. Первую часть написалъ всю въ 23 дня и на-дняхъ отослалъ. Она будетъ рѣшительно не эффектна. Конечно, это только введеніе и хорошо то, что ничего еще не скомпрометировано; но ничего почти и не разъяснено, ничего не поставлено. Мое единственное желаніе, чтобы оно хотя нѣкоторое любопытство возбудило въ читателѣ, для того, чтобы онъ взялся за вторую. Вторую, за которую сажусь сегодня, окончу въ мѣсяцъ (я всю жизнь вѣдь такъ работалъ). Мнѣ кажется, она будетъ покрѣпче и покапитальнѣе первой. Пожелайте мнѣ, милый другъ, хоть какой-нибудь удачи! Романъ называется „Идіотъ“, посвящено Вамъ, т.-е. Софьѣ Александровнѣ Ивановой. Милый другъ мой, какъ бы я желалъ, чтобы романъ вышелъ хоть сколько-нибудь достоинъ посвященія. Во всякомъ случаѣ я себѣ самъ не судья, особенно такъ сгоряча, какъ теперь...

Изъ письма къ А. Н. Майкову (Флоренція, 11 декабря 1868 г.).

Здѣсь же у меня на умѣ теперь: 1) огромный романъ, названіе ему „Атеизмъ“ (ради Бога, между нами), но, прежде чѣмъ приняться за который, мнѣ нужно прочесть чуть не цѣлую библіотеку атеистовъ, католиковъ и православныхъ. Онъ поспѣетъ, даже при полномъ обезпеченіи въ работѣ, не раньше, какъ черезъ два года. Лицо есть. Русскій человѣкъ нашего общества *и въ лѣтахъ*, не очень образованный, но и не необразованный, не безъ чиновъ,—*вдругъ*, уже въ лѣтахъ теряетъ вѣру въ Бога. Всю жизнь онъ занимался одной только службой, изъ колеи не выходилъ и до 45 лѣтъ ничѣмъ не отличался. (Разгадка психологическая: глубокое чувство, человѣкъ и русскій человѣкъ.) Потеря вѣры въ Бога дѣйствуетъ на него колоссально (собственно дѣйствіе въ романѣ, обстановка—очень большія). Онъ ныряетъ по новымъ поколѣніямъ, по атеистамъ, по славянамъ и европейцамъ, по русскимъ изувѣрамъ и пустынножителямъ, по священникамъ; сильно, между прочимъ, попадается на крючокъ іезуиту пропагатору, поляку; спускается отъ него въ глубину хлыстовщины — и подъ конецъ обрѣтаетъ и Христа, и русскую землю, русскаго Христа и русскаго Бога (ради Бога, не говорите никому; а для меня такъ: написать этотъ послѣдній романъ, да хоть бы и умереть—весь выскажусь). Ахъ, другъ мой! Совершенно другія я понятія имѣю о дѣйствительности и реализмѣ, чѣмъ наши реалисты и критики. Мой идеализмъ — реальнѣе ихняго! Господи! Разсказать толково то, что мы всѣ, русскіе, пережили въ послѣднія 10 лѣтъ въ нашемъ духовномъ развитіи,—да развѣ не закричатъ реалисты, что это фантазія! А между тѣмъ это исконный, настоящій реализмъ! Это-то и есть реализмъ, только глубже, а у нихъ мелко плаваетъ. Ну, не ничтоженъ ли Любимъ Торцовъ въ сущности, — а вѣдь это все, что идеальнаго позволилъ себѣ ихъ реализмъ. Глубокъ реализмъ—нечего сказать! Ихнимъ реализмомъ—сотой доли реальныхъ, дѣйствительно случившихся фактовъ не объяснишь. А мы на-

[1]) Герой романа Виктора Гюго „Несчастные“.

шимъ идеализмомъ пророчили даже факты. Случалось. Голубчикъ мой, не смѣйтесь надъ моимъ самолюбіемъ; но я какъ Павелъ: „Меня не хвалятъ, такъ я самъ буду хвалиться“.

Изъ письма къ А. Н. Майкову (Дрезденъ, 25 марта 1870 г.).

...Надъ тѣмъ, что пишу въ „Русскій Вѣстникъ“, я не очень устану; зато въ „Зарю“ я обѣщаю вещь хорошую и хочу сдѣлать хорошо. Эта вещь въ „Зарю“ уже два года зрѣетъ въ моей головѣ. Это та самая идея, о которой я Вамъ уже писалъ. Это будетъ мой послѣдній романъ, объемомъ въ „Войну и Миръ“, и идею Вы бы похвалили,—сколько я, по крайней мѣрѣ, соображаюсь съ нашими прежними разговорами съ Вами. Этотъ романъ будетъ состоять изъ пяти большихъ повѣстей (листовъ 15 въ каждой: въ 2 года планъ у меня весь созрѣлъ). Повѣсти совершенно отдѣлены одна отъ другой, такъ что ихъ можно даже пускать въ продажу отдѣльно. Первую повѣсть я и назначаю Каширеву: тутъ дѣйствіе еще въ сороковыхъ годахъ. (Общее названіе романа есть „Житіе вѣликаго грѣшника“, но каждая повѣсть будетъ носить названіе отдѣльно.) Главный вопросъ, который проведется во всѣхъ частяхъ,—тотъ самый, которымъ я мучился сознательно и безсознательно всю мою жизнь—существованіе Божіе. Герой,—въ продолженіе жизни то атеистъ, то вѣрующій, то фанатикъ и сектаторъ, то опять атеистъ. 2-я повѣсть будетъ происходить вся въ монастырѣ. На эту 2-ю повѣсть я возложилъ всѣ мои надежды. Можетъ-быть, скажутъ, наконецъ, что не все писалъ пустяки. (Вамъ одному исповѣдуюсь, Аполлонъ Николаевичъ: хочу выставить во 2-й повѣсти главной фигурой Тихона Задонскаго, конечно, подъ другимъ именемъ, но тоже архіерей будетъ проживать въ монастырѣ на спокоѣ.) 13-лѣтній мальчикъ, участвовавшій въ совершеніи уголовнаго преступленія, развитой и развращенный (я этотъ типъ знаю), будущій герой всего романа, посаженъ въ монастырь родителями (кругъ нашъ, образованный) и для обученія. Волчонокъ и нигилистъ-ребенокъ сходится съ Тихономъ (вы вѣдь знаете характеръ и все лицо Тихона). Тутъ же въ монастырѣ посажу Чаадаева (конечно, подъ другимъ тоже именемъ). Почему Чаадаеву не просидѣть года въ монастырѣ? Предположите, что Чаадаевъ послѣ первой статьи, за которую его свидѣтельствовали доктора каждую недѣлю, не утерпѣлъ и напечаталъ, напримѣръ, за границей на французскомъ языкѣ брошюру,—очень и очень могло бы быть, что за это его на годъ отправили бы посидѣть въ монастырь. Къ Чаадаеву могутъ пріѣхать въ гости и другіе, Бѣлинскій, напримѣръ, Грановскій, Пушкинъ даже. (Вѣдь у меня же не Чаадаевъ, я только въ романъ беру этотъ типъ.) Въ монастырѣ есть и Павелъ Прусскій, есть и Голубовъ, и инокъ Парѳеній. (Въ этомъ мірѣ я знатокъ, и монастырь русскій знаю съ дѣтства.) Но главное—Тихонъ и мальчикъ. Ради Бога не передавайте никому содержанія этой 2 части. Я никогда впередъ не разсказываю никому моихъ темъ, стыдно какъ-то; а Вамъ исповѣдываюсь. Для другихъ пусть это гроша не стоитъ, но для меня сокровище. Не говорите же про Тихона. Я писалъ о монастырѣ Страхову, но про Тихона не писалъ. Авось, выведу величавую, *положительную*, святую фигуру. Это ужъ не Костанжогло-съ и не нѣмецъ (забылъ фамилію) въ Обломовѣ [1]), и не Лопуховы, не Рахметовы. Правда, я ничего не создалъ, а только выставлю дѣйствительнаго Тихона, котораго я принялъ въ свое сердце давно съ восторгомъ. Но я сочту, если удастся, и это для себя уже важнымъ подвигомъ. Не сообщайте же никому. Но для 2-го романа, для монастыря, я долженъ быть въ Россіи. Ахъ, кабы удалось!

Письма Достоевскаго.

Всеволоду Соловьеву. (Эмсъ, іюль 1897г.).

Итакъ, іюньская тетрадь „Дневника“ вамъ понравилась. Я очень радъ тому и имѣю на то большую причину. Я никогда еще не позволялъ себѣ, въ моихъ писаніяхъ, довести нѣкоторыя мои убѣжденія до конца, сказать самое послѣднее слово. Одинъ умный корреспондентъ изъ провинціи укорялъ меня даже, что я о многомъ завожу рѣчь въ „Дневникѣ“, многое затронулъ, но ничего еще не довелъ до конца, и ободрялъ не робѣть. И вотъ я взялъ, да и высказалъ послѣднее слово моихъ убѣжденій — мечтаній на счетъ роли и назначенія Россіи среди человѣчества, и выразилъ мысль, что это не только случится въ ближайшемъ будущемъ, но уже и начинаетъ сбываться.

И что же, какъ разъ случилось то, что я предугадывалъ; даже дружественныя мнѣ газеты и изданія сейчасъ же закричали, что у меня парадоксъ на парадоксѣ, а прочіе журналы даже и вниманія не обратили, тогда какъ, мнѣ кажется, я затронулъ самый важный вопросъ.

---

[1]) Почемъ мы знаемъ: можетъ-быть, именно Тихонъ-то и составляетъ нашъ русскій *положительный* типъ, который ищетъ наша литература, а не Лаврецкій, не Чичиковъ, не Рахметовъ и проч.

Примѣч. Д—аго.

Вотъ что значитъ доводить мысль до конца! Поставьте какой угодно парадоксъ, но не доводите его до конца и у васъ выйдетъ и остроумно, и тонко, и сошлетъ il faut; доведите же иное слово до конца, скажите, напримѣръ, вдругъ: „вотъ это-то и есть Мессія“ — прямо и не намекомъ, и вамъ никто не повѣритъ именно за нашу наивность, именно за то, что довели до конца, сказали самое послѣднее ваше слово. А впрочемъ, съ другой стороны, если бы многіе изъ извѣстнѣйшихъ остроумцевъ, Вольтеръ, напримѣръ, вмѣсто насмѣшекъ, намековъ, полусловъ и недомолвокъ, вдругъ рѣшились бы высказать все, чему они вѣрятъ, показали бы всю свою подкладку разомъ, сущность свою,— то, повѣрьте, и десятой доли прежняго эффекта не стяжали бы. Мало того — надъ ними бы только посмѣялись. Да человѣкъ и вообще какъ-то не любитъ ни въ чемъ послѣдняго слова, „изреченной“ мысли, говоритъ, что:

„Мысль изреченная есть ложь“.

И вотъ, сами судите, дорого ли мнѣ или нѣтъ, послѣ всего этого, ваше привѣтливое слово за іюньскій №. Значитъ, вамъ понятно было мое слово, и вы приняли его именно такъ, какъ я мечталъ, когда писалъ статью мою. За это спасибо, а то я былъ уже немножко разочарованъ и укорилъ себя, что поторопился. И если такихъ понимателей найдется въ публикѣ еще немного, то цѣль моя достигнута, и я доволенъ; значитъ, не пропало высказанное слово... А тутъ какъ разъ и обрадовались: „парадоксы! парадоксы!..“ и это говорятъ именно тѣ, у которыхъ никогда ни одной мысли своей не бывало въ головѣ...

Г-жѣ Герасимовой. (*Спб., 7 марта 1877 г.*).

Письмо ваше я ни въ какомъ случаѣ не могъ счесть ни дѣтскимъ, ни глупымъ, какъ вы пишете сами. Главное то, что теперь это общее настроеніе, и такихъ молодыхъ страдающихъ дѣвушекъ очень много. Но много я вамъ писать на эту тему не буду, а выражу лишь основныя мои мысли и вообще по этому вопросу и относительно васъ въ частности. Дѣло въ томъ, что просить васъ успокоиться и, оставшись въ родительскомъ домѣ, приняться за какое-нибудь интеллигентное занятіе (за спеціальность какую-нибудь по образованію и проч.), кажется, нечего,— не послушаетесь. Но, однако, чего же спѣшите и куда торопитесь? Вы торопитесь быть поскорѣе полезною. А между тѣмъ съ такимъ душевнымъ рвеніемъ, какъ ваше (предполагая, что оно искреннее), можно бы, дѣйствительно, не торопясь Богъ знаетъ куда, а занявшись правильно своимъ образованіемъ, приготовить себя на дѣятельность во сто разъ болѣе полезную, чѣмъ темная и ничтожная роль какой-нибудь фельдшерицы, бабки и лѣкарки. Вы рветесь на медицинскіе здѣшніе курсы. Я положительно бы вамъ отсовѣтовалъ поступать на нихъ. Тамъ не дается ни малѣйшаго образованія, мало того, происходитъ нѣчто худшее. И что въ томъ, что вы когда-нибудь будете бабкой или лѣкаркой? Этакую спеціальность, если ужъ слишкомъ захотите пойти по ней, можно взять и послѣ, а не лучше ли бы теперь преслѣдовать другія цѣли, заняться высшимъ образованіемъ? Посмотрите на всѣхъ нашихъ спеціалистовъ (даже профессоровъ университета), чѣмъ они страдаютъ и чѣмъ вредятъ (вмѣсто того, чтобы приносить пользу!) своему же дѣлу и признанію? Тѣмъ, что у насъ большинство нашихъ спеціалистовъ — все люди глубоко необразованные. Не то въ Европѣ, тамъ встрѣтите и Гумбольдта, и Клодъ-Бернара, проч. людей съ универсальной мыслью, съ огромнымъ образованіемъ и знаніемъ, не по одной своей спеціальности. У насъ же люди даже съ огромными талантами — Сѣченовъ, напримѣръ, въ сущности человѣкъ необразованный и внѣ своего предмета мало знающій. О противникахъ своихъ (философахъ) не имѣетъ понятія, а потому научными выводами своими скорѣе вреденъ, чѣмъ приноситъ пользу. А большинство студентовъ и студентокъ,—это все безо всякаго образованія. Какая тутъ польза человѣчеству! Такъ только, поскорѣе бы мѣсто съ жалованьемъ занять...

Н. А. Озмидову. (*Спб., февраль 1878 г.*).

Невѣрующіе всего труднѣе убѣждаются словами и разсужденіями. А не лучше ли бы вамъ прочесть повнимательнѣе всѣ посланія ап. Павла? Тамъ очень много говорится собственно о вѣрѣ, и лучше сказать нельзя. Хорошо, если бы вы тоже прочли всю библію въ переводѣ. Удивительное впечатлѣніе въ цѣломъ дѣлаетъ эта книга. Выносите, напримѣръ, такую мысль несомнѣнно, что другой такой книги въ человѣчествѣ нѣтъ и не можетъ быть. И это — вѣрите ли вы, или не вѣрите.

Намековъ тутъ никакихъ быть не можетъ. Скажу лишь вамъ одно слово: всякій организмъ существуетъ на землѣ, чтобы жить, а не истреблять себя. Наука опредѣлила такъ и уже подвела довольно точно законы для утвержденія этой аксіомы. Человѣчество въ его цѣломъ есть, конечно, только организмъ. Этотъ организмъ, безспорно, имѣетъ свои законы бытія. Разумъ же человѣческій ихъ отыскиваетъ. Теперь представьте себѣ, что нѣтъ Бога и безсмертія души (безсмертіе души и Богъ — это

все одно, одна и та же идея). Скажите: для чего мнѣ тогда жить хорошо, дѣлать добро, если я умру на землѣ совсѣмъ? Безъ безсмертія-то вѣдь все дѣло въ томъ, чтобъ только достигнуть мой срокъ, а тамъ хоть все горн. А если такъ, то почему мнѣ (если я только надѣюсь на мою ловкость и умъ, чтобъ не попасться закону) и не зарѣзать другого, не ограбить, не обворовать, или почему мнѣ, если ужъ не рѣзать, такъ прямо не жить на счетъ другихъ, въ одну свою утробу? Вѣдь я умру и все умретъ, ничего не будетъ! Такимъ образомъ и выйдетъ, что одинъ лишь человѣческій организмъ не подпадаетъ подъ всеобщую аксіому и живетъ лишь для разрушевія себя, а не для сохраненія и питанія. Ибо что за общество, если всѣ члены одинъ другому враги? И выйдетъ страшный вздоръ. Прибавьте тутъ, сверхъ всего этого, мое я, которое все сознало. Если оно это все сознало, т.-е. всю землю и ея аксіому, то, стало быть, это мое я выше всего этого, по крайней мѣрѣ, не укладывается въ одно это, а становится какъ бы въ сторону, надъ всѣмъ этимъ, судитъ и сознаетъ его. Но въ такомъ случаѣ это я не только не подчиняется земной аксіомѣ, земному закону, но и выходитъ изъ нихъ, выше ихъ имѣетъ законъ. Гдѣ же это законъ? Не на землѣ, гдѣ все закончено и все умираетъ безслѣдно и безъ воскресенія. Нѣтъ ли намека на безсмертіе души? Если-бъ его не было, то стали ли бы вы сами-то, Николай Лукичъ, о немъ безпокоиться, письма писать, искать его? Значитъ, вы съ вашимъ я не можете справиться; въ земной порядокъ оно не укладывается, а ищетъ еще чего-то другого, кромѣ земли, чему тоже принадлежитъ оно.

Неизвѣстной матери. (Спб., 27 марта 1878 г.).

Изъ вашего письма я заключаю, что вы добрая мать и многимъ озабочены насчетъ вашего подрастающаго ребенка. Но къ чему вамъ разрѣшеніе тѣхъ вопрсовъ, которые вы мнѣ прислали — не могу понять: вы слишкомъ многимъ задаетесь и болѣзненно безпокоитесь. Дѣло можетъ быть ведено гораздо проще. Къ чему такія задачи: „Что такое благо, что нѣтъ?“ Эти вопросы — вопросы лишь для васъ, какъ и для всякаго внутренняго человѣка, но при воспитаніи-то вашего ребенка къ чему это? Всѣ, кто способны къ истинѣ, всѣ тѣ чувствуютъ своею совѣстью, что такое благо, а что нѣтъ. Будьте добры и пусть ребенокъ вашъ пойметъ, что вы добры, самъ (безъ подсказыванія), и пусть запомнитъ, что вы были добры, то, повѣрьте, вы исполните предъ нимъ всю вашу обязанность на всю его жизнь, потому что вы непосредственно научите его тому, что добро хорошо. И при этомъ онъ всю жизнь будетъ вспоминать вашъ образъ съ большимъ почтеніемъ, а можетъ-быть, и съ умиленіемъ. И если бъ вы сдѣлали много и дурного, т.-е., по крайней мѣрѣ, легкомысленнаго, болѣзненнаго и даже смѣшного, то онъ, несомнѣнно, проститъ вамъ рано ли, поздно ли въ воспоминаніи о васъ все ваше дурное, ради хорошаго, которое запомнитъ. Знайте тоже, что болѣе вы для него ничего и не можете сдѣлать. Да этого и слишкомъ довольно. Воспоминаніе о хорошемъ у родителей, т.-е. о добрѣ, о правдѣ, честности, о состраданіи, объ отсутствіи ложнаго стыда и, по возможности, лжи, — все это изъ него сдѣлаетъ другого человѣка, рано ли, поздно ли будьте увѣрены. Не думайте, по крайней мѣрѣ, что этого мало. Къ огромному дереву прививаютъ крошечную вѣтку, и плоды дерева измѣняются.

Вашъ ребенокъ 8 лѣтъ: знакомьте его съ Евангеліемъ, учите его вѣровать въ Бога строго по закому. Это sine qua non, иначе не будетъ хорошаго человѣка, а выйдетъ въ самомъ лучшемъ случаѣ страдалецъ, а въ дурномъ — такъ и равнодушный жирный человѣкъ, да и еще того хуже. Лучше Христа ничего не выдумаете, повѣрьте этому.

Представьте себѣ, что ребенокъ вашъ, выросши до 15 или 16 лѣтъ, придетъ къ вамъ (отъ дурныхъ товарищей въ школѣ, напримѣръ) и задастъ вамъ или своему отцу такой вопросъ: „Для чего мнѣ любить васъ и къ чему мнѣ ставить это въ обязанность?“ Повѣрьте, что тогда вамъ никакія знанья и вопросы не помогутъ, да и нечего совсѣмъ вамъ будетъ отвѣчать ему. А потому надо сдѣлать такъ, чтобъ онъ и не приходилъ къ вамъ съ такимъ вопросомъ. А это возможно будетъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ будетъ васъ прямо любить, непосредственно, такъ что и вопросъ-то не въ несостояніи будетъ зайти ему въ голову — развѣ какъ-нибудь въ школѣ наберется парадоксальныхъ убѣжденій; но вѣдь слишкомъ легко будетъ разобрать парадоксъ отъ правды, и на вопросъ этотъ стоитъ лишь улыбнуться и продолжать ему молча дѣлать добро.

Къ тому же, излишне и болѣзненно заботясь о дѣтяхъ, можно надорвать имъ нервы и надоѣсть, — просто надоѣсть имъ, несмотря на взаимную любовь, а потому нужно страшное чувство мѣры. Въ васъ же, кажется, чувства мѣры въ этомъ отношеніи мало. Вы пишите, напр., такую фразу, что, „живя для нихъ (для мужа и сына), жилъ бы лично эгоистическою жизнью, а имѣешь ли право на то, когда во-

кругъ тебя люди, нуждающіеся въ тебѣ?“ Какая праздная и ненужная мысль! Да кто жъ вамъ мѣшаетъ жить для людей, будучи женой и матерью? Напротивъ именно живя и для другихъ окружающихъ, изливая и на нихъ доброту свою и трудъ сердца своего, вы станете примѣромъ свѣтлымъ ребенку и вдвое милѣе вашему мужу. Но если вамъ пришелъ въ голову такой вопросъ, значитъ, вы вообразили, что нужно прилѣпиться къ мужу и къ ребенку, забывъ весь свѣтъ, т.-е. безъ чувства мѣры. Да вы этакъ только надоѣдите ребенку, даже если онъ васъ любилъ. Замѣтьте еще, что вамъ можетъ показаться вашъ кругъ дѣйствія малымъ и что вы захотите огромнаго, чуть не мірового круга дѣйствія. Но вѣдь всякій ли имѣетъ право на такія желанія? Повѣрьте, что быть примѣромъ хорошаго даже и въ маломъ районѣ дѣйствія — страшно полезно, потому что вліяетъ на десятки и сотни людей. Твердое желаніе не лгать и правдиво жить смутитъ легкомысліе людей, васъ всегда окружающихъ, и повліяетъ на нихъ. Вотъ вамъ и подвигъ. И тутъ можно страшно много сдѣлать. Не ѣздить же, бросивъ все, за вопросами въ Петербургъ въ медицинскую академію или шататься по женскимъ курсамъ. Я этихъ вижу каждый день: какая бездарность, я вамъ скажу! И даже становятся дурными людьми мало-по-малу изъ хорошихъ. Не видя дѣятельности подлѣ себя, начинаютъ любить человѣка по книжкѣ и отвлеченно; любятъ человѣчество и презираютъ единичнаго несчастнаго, скучаютъ при встрѣчѣ съ нимъ и бѣгаютъ отъ него.

Къ московскимъ студентамъ [1]). (*Спб., 18 апрѣля 1878 г.*).

Многоуважаемые г-да писавшіе мнѣ студенты!

Простите, что такъ долго не отвѣчалъ вамъ; кромѣ дѣйствительнаго нездоровья моего, были и еще обстоятельства замедленія. Я хотѣлъ было отвѣчать печатно въ газетахъ; но вдругъ вышло, что это невозможно, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, по крайней мѣрѣ, невозможно отвѣтить въ должной полнотѣ. Во-вторыхъ, если бъ отвѣчать вамъ лишь письменно, то, думалъ я, что же я вамъ отвѣчу? Ваши вопросы захватываютъ все, рѣшительно все современное внутреннее Россіи; итакъ, цѣлую книгу писать, что ли, — все profession de foi?

Рѣшился, наконецъ, написать это маленькое письмецо, рискуя быть въ высшей степени вами непонятымъ, а это было бы очень мнѣ непріятно.

Вы пишете мнѣ: „Всего нужнѣе для насъ разрѣшить вопросъ, насколько мы сами, студенты, виноваты, какіе выводы о насъ изъ этого происшествія можетъ сдѣлать общество и мы сами?“

Далѣе вы очень тонко и вѣрно подмѣтили существеннѣйшія черты отношенія русской современной прессы къ молодежи.

Въ нашей прессѣ явно господствуетъ какой-то „предупреждающій тонъ снисходительнаго извиненія (къ вамъ т.-е.)“. Это очень вѣрно: именно предупреждающій, заготовленный заранѣе, на всѣ случаи, по извѣстному шаблону, и въ высшей степени оказенившійся и износившійся.

И далѣе вы пишете: „очевидно намъ нечего ожидать отъ этихъ людей, которые сами ничего отъ насъ не ожидаютъ и отворачиваются, высказавъ свое безповоротное сужденіе „дикимъ“ народамъ“.

Это совершенно вѣрно, именно отворачиваются, да и дѣла (большинству, по крайней мѣрѣ) нѣтъ до васъ никакого. Но есть люди, и ихъ не мало, и въ прессѣ и въ обществѣ, которые убиты мыслью, что молодежь отшатнулась отъ народа (это главное и прежде всего) и потомъ, т.-е. теперь, и отъ общества. Потому что это такъ. Живетъ мечтательно и отвлеченно, слѣдуя чужимъ ученіямъ, ничего не хочетъ знать въ Россіи, а стремится учить ее сама. А, наконецъ, теперь, несомнѣнно, попала въ руки какой-то совершенно внѣшней политической руководящей партіи, которой до молодежи ужъ ровно никакого нѣтъ дѣла и которая употребляетъ ее, какъ матеріалъ и Понургово стадо, для своихъ внѣшнихъ и особенныхъ цѣлей. Не думайте отрицать это, господа: это такъ.

Вы спрашиваете, господа: насколько мы сами, студенты, виноваты? Вотъ мой отвѣтъ: по-моему, вы ничѣмъ не виноваты. Вы лишь дѣти этого же общества, которое вы теперь оставляете, которое есть „ложь со всѣхъ сторонъ“. Но, отрываясь отъ него и оставляя его, нашъ студентъ уходитъ не къ народу, а куда-то за границу, въ „европеизмъ“, въ отвлеченное царство небывалаго никогда общечеловѣка, и такимъ образомъ разрываетъ и съ народомъ, презирая его и не узнавая его, какъ истинный сынъ того общества, отъ котораго тоже отор-

[1]) Это письмо Ѳ. М. Достоевскаго получено было нѣсколькими студентами Московскаго университета, обратившимися къ Ѳедору Михайловичу съ просьбой высказаться въ печати по поводу уличнаго избіенія студентовъ мясниками Охотнаго рынка. Избіеніе разыгралось 3 апрѣля 1878 г., при проводахъ студентами привезенныхъ изъ Кіева арестованныхъ товарищей (см., напр., „Недѣля“, 1878 г., № 15).

вался. А между тѣмъ въ народѣ все наше спасеніе (но это длинная тема)... Разрывъ же съ народомъ тоже не можетъ быть строго поставленъ въ вину молодежи. Гдѣ же ей было, раньше жизни, додуматься до народа.

А между тѣмъ всего хуже то, что народъ уже увидѣлъ и замѣтилъ разрывъ съ нимъ интеллигентной молодежи русской, и худшее тутъ то, что уже назвалъ отмѣченныхъ имъ молодыхъ людей студентами. Онъ давно ихъ сталъ отмѣчать, еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ; затѣмъ всѣ эти хожденія въ народъ произвели въ народѣ лишь отвращеніе. „Барчонки“, говоритъ народъ (это названіе я знаю, я гарантирую его вамъ, онъ такъ назвалъ). А между тѣмъ вѣдь въ сущности тутъ есть ошибка и со стороны народа, потому что никогда еще не было у насъ, въ нашей русской жизни, такой эпохи, когда бы молодежь (какъ бы предчувствуя, что вся Россія стоитъ на какой-то окончательной точкѣ, колеблясь надъ бездной) въ большинствѣ своемъ огромномъ была болѣе, какъ теперь, искреннею, болѣе чистою сердцемъ, болѣе жаждущею истины и правды, болѣе готовою пожертвовать всѣмъ, даже жизнью за правду и за слово правоты. Подлинно великая надежда Россіи! Я это давно уже чувствую и давно уже сталъ писать объ этомъ. И вдругъ, что же выходитъ? Это слово правды, котораго жаждетъ молодежь, она ищетъ Богъ знаетъ гдѣ, въ удивительныхъ мѣстахъ (и опять-таки въ этомъ совпадая съ породившимъ ее и прогнившимъ европейскимъ русскимъ обществомъ), а не въ народѣ, не въ землѣ. Кончается тѣмъ, что къ данному сроку и молодежь и общество не узнаютъ народъ. Вмѣсто того, чтобы жить его жизнью, молодые люди, ничего въ немъ не зная, напротивъ, глубоко презирая его основы, напримѣръ вѣру, идутъ въ народъ — не учиться народу, а учить его, свысока учить, съ презрѣніемъ къ нему — чисто аристократическая, барская затѣя! „Барчонки“, говоритъ народъ — и правъ. Странное дѣло: всегда и вездѣ, во всѣмъ мірѣ, демократы бывали за народъ; лишь у насъ, русскій нашъ интеллигентный демократизмъ соединился съ аристократами противъ народа: они идутъ въ народъ, „чтобы сдѣлать ему добро“, и презираютъ всѣ его обычая и его основы. Презрѣніе не ведетъ къ любви!

Прошлую зиму, въ Казанскую исторію нашу [1]), толпа молодежи оскорбляетъ храмъ народный, куритъ въ немъ папироски, возбуждаетъ скандалъ. „Послушайте, — сказалъ бы я этимъ казанскимъ (да и сказалъ нѣкоторымъ въ глаза), — вы въ Бога не вѣруете, — это ваше дѣло, но зачѣмъ же вы народъ-то оскорбляете, оскорбляя храмъ его?“ И народъ назвалъ ихъ еще разъ „барчонками“, а хуже того — отмѣтилъ ихъ именемъ „студентъ“, хотя тутъ много было какихъ-то евреевъ и армянъ (демонстрація, доказано, политическая, извнѣ). Такъ, послѣ дѣла Засуличъ народъ у насъ опять назвалъ уличныхъ револьверщиковъ студентами. Это скверно, хотя тутъ, несомнѣнно, были и студенты. Скверно то, что народъ ихъ уже отмѣчаетъ, что начались ненависть и разладъ. И вотъ вы сами, господа, называете московскій народъ „мясниками“ вмѣстѣ со всей интеллигентной прессой. Что же это такое? Почему мясники не народъ? Это народъ, — настоящій народъ, мясникъ былъ и Мининъ. Негодованіе возбуждается лишь отъ того способа, которымъ проявилъ себя народъ. Но знаете, господа, если народъ оскорбленъ, то онъ всегда проявляетъ себя такъ. Онъ неотесанъ, онъ мужикъ. Собственно тутъ было разрѣшеніе недоразумѣнія, но уже старинаго и накопившагося (чего не замѣчали) между народомъ и обществомъ, т.-е. самою горячею и скорою на рѣшеніе его частью — молодежью. Дѣло вышло слишкомъ некрасивое, и далеко не такъ правильно, какъ бы слѣдовало выйти, ибо кулаками никогда ничего не докажешь. Но такъ бывало всегда и вездѣ, во всемъ мірѣ, у народа. Англійскій народъ на митингахъ весьма часто пускаетъ въ ходъ кулаки противъ противниковъ своихъ, а во французскую революцію народъ ревѣлъ отъ радости и плясалъ передъ гильотиной во время ея дѣятельности. Все это, разумѣется, накостно. Но фактъ тотъ, что народъ (народъ, а не одни мясники, нечего утѣшать себя тѣмъ или другимъ словцомъ) возсталъ противъ молодежи и уже отмѣтилъ студентовъ; а, съ другой стороны, бѣда въ томъ (и знаменательно то), что пресса, общество и молодежь соединились вмѣстѣ, чтобы не узнать народа: это, дескать, не народъ, это чернь.

Господа, если въ моихъ словахъ есть что-нибудь съ вами несогласное, то лучше сдѣлаете, если не будете сердиться. Тоски и безъ того много. Въ прогнившемъ обществѣ — ложь со всѣхъ сторонъ. Само себя оно сдержать не можетъ. Твердъ и могучъ лишь народъ, но съ народомъ разладъ за эти два года объявился страшный. Наши сентименталисты, освобождая народъ отъ крѣпостного состоянія, съ умиленіемъ думали, что онъ такъ сейчасъ и войдетъ въ ихнюю европейскую ложь, въ просвѣщеніе, какъ они называли. Но народъ оказался самостоятельнымъ, и, главное, начинаетъ сознатель-

[1]) Демонстрація на Казанской площади въ С.-Петербургѣ.

но понимать ложь верхняго слоя русской жизни. Событія послѣднихъ двухъ лѣтъ много озарили и вновь укрѣпили его. Но онъ различаетъ, кромѣ враговъ и друзей своихъ. Явились грустные, мучительные факты: искреннія честнѣйшая молодежь, желая правды, пошла было къ народу, чтобы облегчить его муки, и что же? Народъ ее прогоняетъ отъ себя и не признаетъ ея честныхъ усилій. Потому что эта молодежь принимаетъ народъ не за то, что онъ есть, ненавидитъ и презираетъ его основы и несетъ ему лѣкарства, на его взглядъ, дикія и безсмысленныя.

У насъ здѣсь въ Петербургѣ чортъ знаетъ что. Въ молодежи проповѣдь револьверовъ и убѣжденіе, что ихъ боится правительство. Народъ же они, попрежнему презирая, считаютъ ни во что и не замѣчаютъ, что народъ-то, по крайней мѣрѣ, не боится ихъ и никогда не потеряетъ голову. Ну, что, если произойдутъ дальнѣйшія столкновенія? Мы живемъ въ мучительное время, господа!

Господа, я написалъ вамъ что могъ. По крайней мѣрѣ, отвѣчаю прямо, хотя и не полно, на вопросъ вашъ: по-моему студенты не виноваты, напротивъ, никогда молодежь наша не была искреннѣе и честнѣе (что не малый фактъ, а удивительный, великій, историческій). Но въ томъ бѣда, что молодежь несетъ на себѣ ложь всѣхъ двухъ вѣковъ нашей исторіи. Не въ силахъ, стало-быть, она разобрать дѣло въ полнотѣ, и винить ее нельзя, тѣмъ болѣе, когда она сама очутилась пристрастной (и уже обиженной) участницей дѣла. Но хоть и не въ силахъ, а блаженъ тотъ, и блаженны тѣ, которымъ даже и теперь удастся найти правую дорогу. Разрывъ съ средой долженъ быть гораздо сильнѣе, чѣмъ, напримѣръ, разрывъ по соціалистическому ученію будущаго общества съ теперешнимъ. Сильнѣе, ибо, чтобы пойти къ народу и остаться съ нимъ, надо прежде всего разучиться презирать его, а это почти невозможно нашему верхнему слою общества въ отношеніяхъ его съ народомъ. Во-вторыхъ, надо, напримѣръ, увѣровать и въ Бога, а это ужъ окончательно для нашего европеизма невозможно (хотя въ Европѣ и вѣрятъ въ Бога).

Кланяюсь вамъ, господа, и, если позволите, жму вамъ руку. Если хотите мнѣ сдѣлать большое удовольствіе, то ради Бога не сочтите меня за какого-то учителя и проповѣдника свысока. Вы меня вызывали сказать правду отъ сердца и совѣсти: я и сказалъ правду, какъ думалъ и какъ въ силахъ думать. Вѣдь никто не можетъ сдѣлать больше своихъ силъ и способностей.

Врачу А. О. Благоправову[1])
(*Спб. 19 декабря 1880 г.*).

Благодарю васъ за письмо ваше. Вы вѣрно заключаете, что причину зла я вижу въ безвѣріи, но что отрицающій народность отрицаетъ и вѣру. Именно у насъ это такъ, ибо у насъ вся народность основана на христіанствѣ. Слова „крестьянинъ“, „Русь православная“ суть коренныя наши основы. У насъ русскій, отрицающій народность (а такихъ много), есть непремѣнно атеистъ или равнодушный. Обратно, всякій невѣрующій или равнодушный рѣшительно не можетъ понять и никогда не пойметъ ни русскаго народа, ни русской народности. Самый важный теперь вопросъ: какъ заставить съ этимъ согласиться нашу интеллигенцію? Попробуйте заговорить: или съѣдятъ, или сочтутъ за измѣнника. Но кому измѣнника? Имъ, т.-е. чему-то носящемуся въ воздухѣ и которому даже имя придумать трудно, потому что они сами не въ состояніи придумать, какъ назвать себя. Или народу измѣнника? Нѣтъ, ужъ я лучше буду съ народомъ: ибо отъ него только можно ждать чего-нибудь, а не отъ интеллигенціи русской, народъ отрицающей, и которая даже не интеллигентна.

Но возрождается и идетъ новая интеллигенція, та хочетъ быть съ народомъ. А первый признакъ неразрывнаго общенія съ народомъ есть уваженіе и любовь къ тому, что народъ всею цѣлостію своей любитъ и уважаетъ болѣе и выше всего, что есть въ мірѣ, т.-е. своего Бога и свою вѣру.

Эта новогрядущая интеллигенція русская, кажется, именно теперь начинаетъ поднимать голову. Именно, кажется, теперь она потребовалась къ общему дѣлу, и она это начинаетъ и сама сознавать.

Здѣсь за то, что я проповѣдую Бога и народность, изъ всѣхъ силъ стараются стереть меня съ лица земли. За ту главу Карамазовыхъ (о галлюцинаціи), которою вы, врачъ, такъ довольны, меня пробовали уже было обозвать ретроградомъ и изувѣромъ, дописавшимся „до чортиковъ“. Они наивно воображаютъ, что всѣ такъ и воскликнутъ: „Какъ? Достоевскій про чорта сталъ писать? Ахъ, какой онъ пошлякъ, ахъ, какъ онъ не развитъ!“ Но, кажется, имъ не удалось. Васъ, особенно какъ врача, благодарю за сообщеніе ваше о вѣр-

---

1) Это отвѣтъ на письмо г. Благоправова (въ г. Юрьевѣ-Польскомъ, Владимирской губерніи), который написалъ Ѳедору Михайловичу свое мнѣніе—мнѣніе врача—по поводу мастерского изображенія галлюцинаціи Ивана Карамазова въ послѣдней части романа.

ности изображенной мною психической болѣзни этого человѣка. Мнѣніе эксперта меня поддержитъ, и, согласитесь, что этотъ человѣкъ (Ив. Карамазовъ) при данныхъ обстоятельствахъ никакой иной галлюцинаціи не могъ имѣть, кромѣ этой. Я эту главу хочу впослѣдствіи, въ будущемъ „Дневникѣ“, разъяснить самъ критически.

Какъ Мопассанъ изучалъ свое «ремесло».

Громадное, единственное въ своемъ родѣ, вліяніе Флобера на Мопассана — общеизвѣстный фактъ. Но мало знакома широкая публика съ подробностями этого замѣчательнаго и поучительнаго менторства. Издательство „Шиповникъ“ въ послѣднемъ 30-мъ томѣ выпущеннаго имъ полнаго собранія сочиненій Гюи де-Мопассана даетъ обширную біографію знаменитаго романиста, написанную Эд. Мэніалемъ. Здѣсь тщательно раскрыта исторія первыхъ литературныхъ шаговъ Мопассана, и буквально на каждомъ шагу сталкиваемся мы съ энергичнымъ и мудрымъ его наставникомъ.

Но раньше, чѣмъ выступитъ передъ нами фигура Флобера, мы узнаемъ о „первомъ учителѣ“ нашего писателя. Почетная роль эта досталась на долю его матери.

Г-жа де-Мопассанъ, — говоритъ авторъ біографіи, — любила вспоминать, какъ въ ребенкѣ зародилась любовь къ литературѣ и какъ она помогала ему своими совѣтами. Она хотѣла быть первою въ пробужденіи его фантазіи и въ образованіи его вкуса. Прежде чѣмъ научить его мыслить, она старалась научить его смотрѣть. Она была для сына во время его дѣтства тѣмъ, чѣмъ сдѣлался для него Флоберъ, когда Мопассанъ началъ писать. Она обращала его мысль на жизнь вещей, устремляла его бродячее воображеніе къ едва замѣтнымъ, живописнымъ или величественнымъ реальностямъ, пріучала его понимать и любить природу, направляла его вниманіе на измѣнчивые аспекты моря и неба, на пролетъ чаекъ надъ волнами, на игру солнечныхъ пятенъ по скаламъ или надъ полями, на тысячу характерныхъ мелочей богатой нормандской природы. Она давала ему почувствовать, — что было также и цѣлью уроковъ Флобера, — что и явленія міра, съ той минуты, какъ человѣкъ воспринимаетъ ихъ, являются уже переложенными, какъ бы для мечты, которую ему предстоитъ описать.

Чтобы лучше внушить это сыну на практикѣ, чтобы очутиться съ нимъ на одномъ уровнѣ и наблюдать за всѣми его впечатлѣніями, г-жа Мопассанъ старалась радѣлять игры, прогулки и самыя безразсудныя предпріятія молодого Гюи.

Съ Флоберомъ Мопассанъ познакомился уже двадцатидвухлѣтнимъ молодымъ человѣкомъ въ Парижѣ. Благосклонному вниманію великаго романиста рекомендовала его сама мать, которая была подругой дѣтства автора „Мадамъ Бовари“.

Въ эти первые годы своего пребыванія въ Парижѣ Мопассанъ, когда друзья спрашивали его о литературныхъ планахъ и опытахъ или стремились поторопить его вдохновеніе, обыкновенно отвѣчалъ: „Нѣтъ никакого спѣха: я изучаю мое ремесло“. И онъ изучалъ „ремесло“ писателя медленно, терпѣливо, мужественно подъ руководствомъ требовательнаго наставника.

Семь лѣтъ, отъ 1873 г. до 1880 г., до самой своей смерти, Флоберъ наблюдалъ, поддерживалъ и направлялъ литературныя попытки Мопассана. Онъ обѣщалъ г-жѣ де-Мопассанъ дать ему нѣсколько совѣтовъ, наблюдать за его первыми опытами, облегчить его доступъ въ литературные салоны, журналы и газеты, которые могли оказаться ему полезными.

Флоберъ отнесся къ своей роли и отвѣтственности учителя очень серьезно. Онъ наблюдалъ за ученикомъ и давалъ ему совѣты, вплоть до его чтенія. Особенно предостерегалъ онъ его противъ безпечности и лѣни и побуждалъ къ работѣ.

„Надо поощрять твоего сына, — пишетъ онъ г-жѣ де-Мопассанъ, — въ его пристрастіи къ стихамъ, ибо эта благородная страсть, такъ же какъ и литература, служитъ утѣшеніемъ во многихъ обстоятельствахъ жизни, и такъ какъ у него, быть можетъ, окажется талантъ. Какъ знать? До сихъ поръ онъ написалъ еще слишкомъ мало для того, чтобы я позволилъ себѣ составить его поэтическій гороскопъ; да и кому позволено рѣшать будущее человѣка? Я считаю нашего мальчика немного любящимъ пофланировать и не очень усидчивымъ въ работѣ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ написалъ большую работу, будь она хоть отвратительна“.

А своему молодому другу онъ говорилъ: „Необходимо, понимаете ли вы, молодой человѣкъ, необходимо работать больше, чѣмъ вы работаете. Я начинаю подозрѣвать васъ въ легкой лѣни. Слишкомъ много гребли, слишкомъ много физическихъ упражненій! Да, сударь! Образованный человѣкъ вовсе не такъ нуждается въ постоянномъ движеніи, какъ объ этомъ говорятъ доктора. Вы рождены, чтобы писать

стихи, итакъ, пишите! „Все остальное — суета“, начиная съ развлеченій и здоровья... Къ тому же, здоровье ваше охотно послѣдуетъ за вашимъ призваніемъ. Это замѣчаніе глубоко философично, или скорѣе гигіенично... Отъ пяти часовъ вечера до десяти часовъ утра все ваше время можетъ быть отдано музѣ... Если вамъ чего не хватаетъ, такъ это „принциповъ“. Что бы ни говорили, а они нужны; остается только узнать, какіе именно. Для художника существуетъ одно лишь правило: жертвовать всѣмъ ради искусства. Жизнь должна разсматриваться имъ, какъ средство, не болѣе...“

Мало-по-малу уроки его стали болѣе непосредственными, болѣе опредѣленными, и между ними установилось безкорыстное и плодотворное сотрудничество. Какую лучшую подготовку могъ дать Флоберъ Мопассану, какъ не посвятивъ его и не присоединивъ къ тщательной работѣ надъ своими собственными произведеніями? Онъ не довольствуется тѣмъ, что требуетъ отъ друга мелкихъ услугъ, даетъ ему щекотливыя порученія то къ директорамъ Водевиля, то къ издателю Леммерру, а позже въ министерство народнаго просвѣщенія. Онъ поручаетъ ему топографическія изслѣдованія и библіографическія справки, необходимыя для романа „Буваръ и Пекюше“, который онъ въ то время писалъ. Однажды, напримѣръ, онъ заставилъ его представить подробное описаніе нормандскаго берега между Антиферомъ и Этретà, затѣмъ между Феканомъ и Сенневилемъ, съ цѣлью болѣе точно обставить прогулку своихъ двухъ чиновниковъ; онъ заставилъ Мопассана подробно объяснять себѣ, какія тамъ береговыя скалы, какое плоскогорье. Въ другой разъ, подготовляя свою послѣднюю главу „Воспитаніе“, онъ проситъ Мопассана просмотрѣть каталогъ библіотеки въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и выписать изъ него книги, которыя могли бы ему понадобиться для его плана занятій и изложенія системъ. Наконецъ, онъ обращается къ нему за нѣкоторыми справками по ботаникѣ, доставить которыя отказался или позабылъ одинъ естественникъ. Принимая такое дѣятельное участіе въ изготовленіи книги, Мопассанъ пріучался узнавать цѣнность непосредственнаго наблюденія и точной документаціи.

Въ результатѣ этихъ занятій главное свойство, развившееся въ немъ, это — „индивидуальная манера видѣть и чувствовать“; вскорѣ, привыкнувъ передавать свои впечатлѣнія отъ реальности, онъ перестаетъ жаловаться учителю, какъ онъ это дѣлалъ въ минуты уныній, на однообразіе событій, на банальность міра и на нищету человѣческихъ страстей. Побуждая ученика къ работѣ, Флоберъ предостерегалъ его, однако, отъ торопливой страсти печататься, которая увлекаетъ часто молодыхъ писателей и иногда губитъ ихъ. Когда г-жа де-Мопассанъ спрашивала своего друга: — Нельзя ли Гюи бросить министерство и посвятить себя литературѣ? — онъ отвѣчалъ: —Еще рано! Не будемъ дѣлать изъ него неудачника!

Съ большимъ опытомъ и съ большимъ авторитетомъ продолжалъ онъ давать Мопассану тѣ наставленія, которыя Мопассанъ получалъ въ дѣтствѣ отъ матери. Онъ пріучилъ его смотрѣть на предметы и выбирать изъ нихъ то, что можетъ послужить на пользу его „литературнаго потребленія“. Нерѣдко говаривалъ онъ ему съ добродушіемъ: „Пойди, прогуляйся, мой мальчикъ, понаблюдай вокругъ и разскажи мнѣ въ ста строкахъ то, что увидишь“. Мопассанъ слѣдовалъ буквально этимъ предписаніямъ, онъ писалъ съ природы съ усердіемъ, доходившимъ до неосторожности, и по этому поводу разсказываютъ восхитительный анекдотъ, который заслуживаетъ того, чтобы быть вѣрнымъ: желая испытать въ точности ощущеніе, которое можетъ вызвать въ простомъ человѣкѣ мѣткій и сильный ударъ ногою, онъ за нѣкоторую сумму денегъ сдѣлалъ опытъ надъ покладистой жертвой, но самъ получилъ поучительный градъ побоевъ отъ другого крестьянина, не понявшаго чистоты его намѣреній.

Флоберъ, какъ заданные уроки, поправлялъ замѣтки молодого человѣка. Онъ безжалостно выбрасывалъ изъ нихъ лишніе эпитеты, исправлялъ періоды, „сердился, когда въ двухъ сосѣднихъ предложеніяхъ былъ одинъ и тотъ же рисунокъ и одинъ и тотъ же ритмъ“. Мопассанъ не отчаивался, терпѣливо уносилъ обратно въ министерство свои замѣтки, испещренныя поправками, и съ большой тщательностью готовилъ новый опытъ, который долженъ былъ представить учителю въ слѣдующее воскресенье.

Въ силу своей природы и предшествующаго воспитанія Мопассанъ былъ вполнѣ подготовленъ къ урокамъ Флобера. У обоихъ писателей одного и того же рода и темперамента была склонность смотрѣть на жизнь, какъ на созданную спеціально для искусства: только наблюдая вплотную природу и людей, художникъ запасается документами, долженъ всегда стремиться находить новыя комбинаціи этихъ двухъ элементовъ, и его попытки не будутъ безплодными, ибо сочетанія непостоянны. Поэтому точныя подробности имѣютъ въ романѣ главное значеніе, и вызываемое впечатлѣніе будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше пережита

подробность во всей ея мелкости и часто банальности, чѣмъ ближе она къ средней дѣйствительности. Такова система, которую Флоберъ внушалъ — и наставленіями и примѣромъ — Мопассану.

Въ 1878 г. Мопассанъ покинулъ морское мин. ради мин. нар. пр. Вначалѣ онъ радовался этой перемѣнѣ, такъ какъ новое положеніе обезпечивало ему больше свободнаго времени. „Вотъ вы и спокойнѣе, писалъ ему Флоберъ, — начнете снова работать“. Онъ дѣйствительно испытывалъ съ каждымъ днемъ все большее и большее стремленіе къ безусловной независимости, которая позволила бы ему отдаться всецѣло литературѣ. Поэтому онъ жалуется на свою службу, поглощающую и деспотически отнимающую у поэзіи его лучшіе часы. И Флоберъ сѣтуетъ вмѣстѣ съ нимъ:

„Какъ сожалѣю я о томъ, что у васъ нѣтъ времени для работы! Какъ будто одинъ хорошій стихъ не полезнѣе въ сто тысячъ разъ для народнаго просвѣщенія, чѣмъ всѣ тѣ серьезные пустяки, которыми вы заняты!“

Флоберъ зналъ Мопассана почти исключительно, какъ поэта; онъ прочитывалъ, исправлялъ и иногда рекомендовалъ въ журналы и газеты исключительно стихи своего ученика. Несомнѣнно, что въ эту эпоху Мопассанъ уже мечталъ и медленно готовился къ другой формѣ искусства. Но поэзія была у него болѣе произвольной, давалась ему легче; сверхъ того, она полнѣе удовлетворяла его стремленіе къ непосредственному творчеству, потребность проявить себя, которая характеризуетъ каждаго писателя въ началѣ его поприща. И между 1872 и 1880 гг. онъ писалъ много стиховъ; онъ даже печаталъ значительное количество стиховъ, которые не подвергалъ на судъ своего учителя. Словно желая провести грань между первыми опытами и будущими произведеніями, которыя онъ въ себѣ чувствовалъ, онъ почти всегда подписывалъ стихотворенія псевдонимомъ.

Можно сказать даже, что стихи, которые онъ пишетъ въ эту эпоху, являются лишь упражненіями въ виртуозности и гибкости; предчувствуя свое истинное назначеніе, онъ готовится путемъ этой игры къ свободному, ясному и точному слогу, который онъ впослѣдствіи отдалъ въ распоряженіе проницательной и изощренной долгимъ опытомъ наблюдательности.

Семейная жизнь Жоржъ Зандъ.

Еще лѣтъ 15 назадъ появилось въ Парижѣ начало новаго изслѣдованія жизни и произведеній Жоржъ Зандъ. Авторъ этой работы — одна русская аристократка, прикрывшаяся псевдонимомъ („George Sand, sa vie et ses oeuvres“, par Wladimir Karénine). Въ настоящее время вниманіе французскихъ литературныхъ круговъ привлекаетъ къ себѣ законченная наконецъ третья часть біографіи, охватывающая зрѣлые годы жизни романистки: 1838—1848. Послѣдняя книга имѣетъ тѣмъ большую цѣнность, что этотъ десятилѣтній періодъ жизни Жоржъ Зандъ до сихъ поръ весьма слабо освѣщенъ, а между тѣмъ, это знаменательнѣйшій періодъ въ жизни Авроры Дюдеванъ, періодъ ея связи съ Шопеномъ.

Послѣ медоваго мѣсяца, проведеннаго на островѣ Маіорка (см. „Бюл.“ № 18), „молодые“ регулярно—до 1847 г.—проживаютъ лѣтомъ въ Ноганѣ, зимою въ Парижѣ.

Въ Парижѣ они живутъ въ самомъ „канканномъ“ районѣ. Жоржъ Зандъ очень подружилась съ графиней Мормони, женщиной довольно страннаго поведенія, принимавшей у себя самое разношерстное, веселое общество. Бывали у нея — а затѣмъ и у Жоржъ-Зандъ — отмѣченныя Богомъ силы и прихвостни, геніи и мошенники, дѣльцы и жулики.

Елизавета Броунингъ, писательница и жена выдающагося англійскаго поэта, побывавъ разъ въ салонѣ Жоржъ-Зандъ, поспѣшно бѣжала оттуда и писала на слѣдующій день: „Странный образъ жизни ведетъ прославленная Зандъ. У нея ежедневно бываютъ буквально толпы народа, народа самаго смѣшаннаго, который нимало не стѣсняется, оретъ, свиститъ, раскуриваетъ во всѣхъ комнатахъ. Я готова спорить, что встрѣтилась у нея съ форменными мошенниками...“

Такъ говоритъ манерная англичанка! Конечно, русско-французская писательница смотритъ на дѣло иначе и гораздо проще. Владиміръ Карениннъ пишетъ: „Впродолженіе цѣлыхъ 9 лѣтъ, въ домѣ Жоржъ Зандъ проживала самая своеобразная на свѣтѣ фамилія, состоявшая изъ множества членовъ,—представителей всѣхъ національностей и общественныхъ классовъ. И съ этой фамиліей считались всѣ въ Парижѣ“.

Жизнь „фамиліи“ текла слишкомъ весело и шумно для того, чтобы могла долго длиться. Дѣти Жоржъ Зандъ, Морисъ и Соланжъ, жили въ одномъ домѣ съ любовникомъ матери: это было крайне оригинально можетъ быть, даже

удобно,—но врядъ ли соотвѣтствовало духу Шопена.

Дѣти подрастали, стали все чаще разбираться въ дѣйствительномъ положеніи вещей,— и идиллія начинала пошатываться, что доставляло композитору невыносимыя мученія. Многіе склонны упрекать Жоржъ Зандъ, какъ мать, и считаютъ ея дѣтей невинными жертвами. Напротивъ другіе отзываются о ней, какъ о нѣжнѣйшей изъ матерей. И дѣйствительно она обожала своихъ дѣтей и всегда болѣла и страдала за нихъ. Но при всемъ томъ она была неподходящей матерью, никуда негодной воспитательницей любимыхъ дѣтей.

Морисъ былъ даровитымъ и прекраснымъ ребенкомъ. Онъ проявлялъ недюжинныя способности къ рисованію, музыкѣ, наукамъ и при всемъ томъ изъ него ничего не вышло. Онъ такъ и остался диллетантомъ, ибо некому было направить его.

Соланжъ была не менѣе Мориса даровита, но отличаясь блестящимъ остроуміемъ, она отличалась также и недобрымъ характеромъ. Кто-то, видѣвшій и знавшій ее дѣвочкой, выразился: „У нея совершенно особая, чисто художественнаго оттѣнка, злость. Для нея злость—особаго рода искусство и она будетъ пользоваться этой злостью точно такъ, какъ артистъ—своимъ талантомъ“. Ревнивая, достаточно несчастная, наблюдательная,—она съ теченіемъ времени превратилась въ маленькаго семейнаго демона.

Однако.—говоритъ Вл. Каренинъ,—Соланжъ нельзя судить слишкомъ строго. Ей приходилось видѣть вокругъ себя много такого, чего дѣвочкѣ и даже дѣвушкѣ не приличествуетъ видѣть. Ея природныя способности получили большое, но ложно направленное развитіе. Ея злобные инстинкты не уравновѣшивались какими-либо преподанными ей моральными принципами. Ея духъ питался самыми разнообразными и противоположными доктринами и соціальными теоріями, которыя высказывались въ домѣ матери. И вотъ почему она научилась презирать всякія словопренія и въ главу угла поставила бездушнѣйшій эгоизмъ.

По мѣрѣ того, какъ дѣти подростали и знакомились съ положеніемъ дѣлъ въ домѣ, они научались по разному относиться къ этому,— сообразно своему характеру и полу. Морисъ сталъ относиться къ любовнику матери съ нескрываемой ненавистью и даже презрѣніемъ; Соланжъ, напротивъ, почти подружилась съ композиторомъ и разрѣшила себѣ невинно и довольно наивно кокетничать съ нимъ.

Легко себѣ представить, какія формы принимала жизнь въ семьѣ, состоящей изъ четырехъ подобныхъ человѣкъ. Жоржъ Зандъ прибѣгла къ довольно радикальному средству и поспѣшила выдать Соланжъ за скульптора Клезингера. Свадьба состоялась 20 мая 1847 года,— но уже въ іюлѣ того же года стали разыгрываться домашнія сценки, о которыхъ мы узнаемъ изъ писемъ Жоржъ Зандъ къ своей интимной подругѣ, М-me де-Розьеръ:

„Много не скажу. Все ясно будетъ въ двухъ словахъ: отъ нашей семейной жизни можно удавиться. Мой зятекъ замахнулся на-днях на Мориса тяжелымъ молоткомъ. Морисъ былъ бы убитъ на мѣстѣ; къ счастью, я стала между ними и ударила зятя по лицу,—въ отвѣтъ получила ударъ въ грудь. Если бы не вмѣшался кюрэ и слуги, Морисъ застрѣлилъ бы мужа Соланжъ, которая, кстати сказать, во всемъ виновата, а во время ссоры стояла въ сторонкѣ и усмѣхалась такъ, какъ только она на это способна. Эта дьявольская парочка уѣхала вчера отъ насъ, предоставляя намъ расхлебывать заваренную ими скандальную кашу...“

Жоржъ Зандъ можно повѣрить — и тогда легко вообразить, какая атмосфера создалась въ домѣ. Отношенія любовниковъ оставляли желать много лучшаго. Шопенъ никогда не относился съ большимъ довѣріемъ къ Жоржъ Зандъ и всегда охотно выслушивалъ розсказни и сплетни Соланжъ, которая такъ же безцеремонно клеветничала на мать, какъ и на всѣхъ остальныхъ родныхъ и знакомыхъ. Жоржъ Зандъ пишетъ: „Представляю себѣ, какъ бѣдный умъ Шопена склоненъ къ тѣмъ небылицамъ, которыя всѣ распространяютъ про меня“. Всего больше она возмущается сплетнической дѣятельностью дочери, которая „при полученномъ ею прекрасномъ воспитаніи и благодаря нѣжной, любящей матери должна была бы вырости самымъ незлобивымъ существомъ, сущимъ ангеломъ!“ Такъ-то ошибается на счетъ себя и другихъ такой талантъ и большой умъ, какъ Аврора Дюдеванъ!

Какъ вліяль подобный лихорадочный образъ жизни на талантъ и творчество писательницъ? При самомъ поверхностномъ просмотрѣ созданнаго Ж. Зандъ за эти 10 лѣтъ, приходится съ печалью признать,—заключаетъ біографъ,— что данный періодъ былъ самымъ неблагодарнымъ и по просту жалкимъ.

И это во время полнаго расцвѣта физическихъ силъ лучшей изъ французскихъ писательницъ! Ея мятущейся душѣ не нравились нормальныя и спокойныя условія жизни; ее влекло къ избранной части человѣчества, которая, какъ часто обманчиво кажется, ютится

въ богемѣ. Ею руководили лучшія намѣренія,—но во всемъ виновата только жизнь,—та жизнь, которая сбиваетъ съ пути и съ толку людей и посильнѣе Авроры Дюдеванъ.

«Десница» и «шуица» журнала «Завѣты».

Къ новому толстому журналу зорко присматривается у насъ печать: „Завѣты“ явились на нашу литературную арену не какимъ нибудь выскочкой или „непомнящимъ родства“, а знатнымъ рыцаремъ, и всѣмъ хочется знать, унаслѣдовалъ ли онъ, и въ какой мѣрѣ, духъ предковъ.

Въ „Рус. Вѣд.“ И. Игнатовъ такъ описываетъ свое впечатлѣніе отъ новаго журнала: „Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ г. Бѣлоруссовъ разсказалъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ о богомольцахъ, направляющихся къ католической святынѣ по установленному ритуалу,—три скачка впередъ, два назадъ [1]).

Не одному читателю, кажется мнѣ, было завидно существованіе такой глубокой вѣры, такого непоколебимаго убѣжденія въ спасительности не только самой святыни, но и средствъ, употребляемыхъ для поклоненія ей. Хотѣлось бы если не самому испытывать, то хотя бы видѣть сейчасъ въ какой-нибудь болѣе близкой намъ цѣли, въ какомъ-нибудь болѣе понятномъ намъ дѣлѣ такую же вѣру, такую же непоколебимую страсть, такую же убѣжденность, въ томъ, что и самая цѣль священна, и средства, избранныя для ея достиженія, справедливы и необходимы.

Одинъ изъ персонажей Гл. Успенскаго говорилъ: „Богъ знаетъ, что бы далъ я въ эту минуту, если бы мнѣ пришлось увидѣть что-нибудь настоящее безъ подкраски и безъ фиглярства: какого-нибудь стариннаго становаго, вѣрнаго искреннему призванію своему бросаться и обдирать каналій, какого-нибудь подлиннаго шарлатана, полагающаго, что съ дураковъ слѣдуетъ хватать рубли за заговоры отъ червей,—словомъ, какое-нибудь подлинное невѣжество, лишь бы оно считало себя справедливымъ...».

Даже невѣжество, даже шарлатанство! Я не скажу, чтобы современная русская литература представляла собою только „поддѣлку и фиглярство“; есть, конечно, и это, но ужъ безъ фиглярства и поддѣлки не обходится ни одно время, и во всякомъ случаѣ не это наиболѣе характерно для нашего времени. Но увѣренности въ справедливости своего „невѣжества“, вѣры въ необходимость и спасительность избранныхъ цѣли и средствъ нѣтъ и нѣтъ. Вотъ передъ вами четыре книжки новаго журнала „Завѣты“. Въ „серьезной“ части все, какъ водится, по обычаю: и либерализмъ осуждается, и „мѣщанами“ называются противники. Все честь честью, какъ заведено уже много лѣтъ; и можно подумать, что это именно три скачка впередъ, два назадъ,—необходимое путешествіе къ святынѣ, глубокая и вдохновенная вѣра въ справедливость и спасительность какъ цѣли, такъ и средствъ. Но вотъ вы открываете беллетристику и слышите, какъ все ноетъ, все лишено увѣренности въ спасительность избраннаго пути, все если не поддѣлываетъ и фиглярствуетъ, то и не вѣритъ, и сомнѣвается. Нѣтъ такого „подлиннаго невѣжества“, которое „считало бы себя справедливымъ“. Что ноютъ и колеблются въ изображеніи журнала „либералы“, въ этомъ нѣтъ ничего страннаго: вѣдь они представляютъ изъ себя только „скрытыхъ мѣщанъ“. Но колебаніе и сомнѣнія входятъ и въ сердца другихъ,—тѣхъ самыхъ, которые говорятъ съ насмѣшкой и осужденіемъ и о „либерализмѣ“, и о „мѣщанствѣ“, и объ „умѣренныхъ“ и осторожныхъ. И эти осуждающіе и насмѣхающіеся не считаютъ „справедливымъ“ своего „подлиннаго невѣжества“ и дѣлаютъ три скачка впередъ, два назадъ безъ вѣры и вдохновенія.

Изъ беллетристики, помѣщенной въ первыхъ четырехъ книжкахъ „Завѣтовъ“, возьмемъ три произведенія: неоконченный еще романъ г. Ропшина „То, чего не было“, трехъактную пьесу г. Тренева „Дорогины“ и разсказъ г. Винниченко „Исторія Акимова зданія“. Это—все скачки назадъ,—ни одного впередъ,—отступленіе по всѣмъ направленіямъ; ни увѣренности въ цѣли, ни убѣжденности въ цѣлесообразности и справедливости избранныхъ средствъ. „Дорогины“—крушеніе либеральной интеллигенціи, „То, чего не было“—крушеніе революціонеровъ, „Исторія Акимова зданія“—крушеніе чуждыхъ политикѣ попытокъ установленія новыхъ началъ нравственности“.

Въ пьесѣ г. Тренева выведена помѣщичья среда. Намъ здѣсь показаны либералы-помѣщики, отъ одного берега („подкрашенныхъ крѣпостниковъ“) отставшіе, къ другому (народу) не приставшіе, дѣятели „безъ божества, безъ вдохновенья“, съ неизмѣннымъ нытьемъ и душевной пустотой, заполняющіе эту пустоту въ лучшемъ случаѣ мистикой. Въ виду того, что въ „Завѣтахъ“, такъ ужъ полагается либеральной интеллигенціи, „самъ Богъ велѣлъ“:

[1]) См. „Бюл.“ № 19.

погибать, потерявши вѣру, душу, смыслъ своего существованія, — опускаемъ ту часть статьи г. Игнатова, гдѣ онъ разсматриваетъ „Дорогихъ“, и перейдемъ къ его разсужденіямъ о рошинскомъ романѣ.

„То, чего не было“ — крушеніе революціонеровъ. Не физическое, не пораженіе вслѣдствіе гнета, не слѣдствіе только большей силы противника, а моральное сознаніе несправедливости тѣхъ путей, которые были избраны, какъ вполнѣ оправдываемые совѣстью и сознаніемъ. Романъ не конченъ, и, повидимому, было бы рано дѣлать заключенія болѣе или менѣе рѣшительныя, но есть въ немъ кое-что, позволяющее уже теперь опредѣлить, какъ подъ вліяніемъ романа должны складываться выводы читателя.

Всякому, принимающемуся за чтеніе романа г. Рошина, прежде всего бросается въ глаза слѣдованіе,—чтобы не сказать подражаніе,— внѣшней манерѣ Толстого.

Но когда вы вчитываетесь въ романъ, вы видите, что за внѣшнимъ подражаніемъ Толстому послѣдовало и внутреннее подчиненіе, послѣдовало сомнѣніе въ силахъ отдѣльныхъ личностей играть какую-нибудь роль въ движеніи массъ и даже увѣренность въ томъ, что все совершается помимо усилій отдѣльной личности. Надо ли напоминать страницы „Войны и мира“, говорящія о роли полководцевъ и солдатъ, о значеніи военныхъ „диспозицій“, о пониманіи Кутузовымъ истиннаго смысла совершающихся событій и о ложныхъ надеждахъ другихъ на исполненіе массами ихъ плановъ? „То, чего не было“ проникнуто той же философіей; выводы изъ романа этимъ заранѣе предуказаны, и если бы оказалось, что главное лицо романа вѣритъ въ другое, пришлось бы признать общую фальшь и придуманность всего построенія. Но это едва ли возможно, и позволительно уже теперь говорить о выводахъ и заключеніяхъ романа.

Революціонеръ Болотовъ ставитъ страшный для послѣдователя террористическихъ взглядовъ вопросъ о правѣ на чужую жизнь. „Почему, если я убилъ Слезкина (жандармскаго офицера), я—герой, а если онъ повѣсилъ меня, онъ—мерзавецъ и негодяй?“. Тѣ мысли, которыя передумалъ князь Андрей о войнѣ, тѣ жестокія заключенія, которыми онъ дѣлился съ Пьеромъ въ предбородинскую ночь, повторяются Болотовымъ въ примѣненіи къ революціи. И не только Болотовъ не находитъ оправданія террору и убійствамъ, но и другіе революціонеры, къ которымъ онъ обращается, носятъ въ душѣ безсознательное осужденіе ими же избраннымъ пріемамъ. Когда Болотовъ проситъ Сережу, революціонера, командующаго баррикадой и отдающаго приказы стрѣлять и убивать, разрѣшить его сомнѣнія относительно права на чужую жизнь: „Эхъ, объяснить,— горько улыбнулся Сережа,—развѣ я возьмусь объяснить? Развѣ я знаю? Развѣ намъ надо знать? Я знаю одно: идешь, такъ иди до конца, либо не иди вовсе.. И еще знаю,— прибавилъ онъ тише,—подымающій мечъ отъ меча погибнетъ“... И такъ же отвѣчаетъ рабочій Ваня: „Знаю, что грѣхъ,—мрачно помолчавъ и не поднимая глазъ, сказалъ Ваня,— только что же дѣлать? Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ“...

Такъ говоритъ отчаяніе, а не вѣра, закрываніе глазъ передъ задачей, а не сознательное отношеніе къ ней. И весь романъ пока— трагедія человѣка, работавшаго для одной цѣли и вдругъ усомнившагося и въ ней, и въ пріемлемости средствъ къ ея достиженію.

Но не только вопросъ справедливости, вопросъ права возстаетъ передъ разбуженнымъ революціонеромъ г. Рошина: инспировергается и цѣлесообразность пути, потому что значеніе отдѣльнаго человѣка ничтожно, потому что событія совершаются внѣ воли и желанія организаторовъ. Въ началѣ московскаго возстанія, подобно князю Андрею, мечтавшему, какъ онъ со знаменемъ въ рукахъ поведетъ солдатъ и это будетъ его „Тулонъ“, революціонеръ Болотовъ „искренно вѣрилъ, что никому другому, и только ему, суждено развернуть красное знамя на развалинахъ русской Бастиліи“. Но дальше онъ увидалъ иное; онъ понялъ, что „не Володей объявлена война“, „что вести за собой народъ смѣшно“, что „эти праздныя мысли лишены значенія и силы“; „онъ не только понялъ, но и на дѣлѣ узналъ, что нѣтъ такихъ словъ, которыя могутъ заставить людей убивать, если они этого не хотятъ, и нѣтъ той власти, которая можетъ запретить умереть, если человѣкъ безповоротно рѣшилъ отдать свою жизнь“.

Какая-то посторонняя сила руководитъ дѣйствіями массы, заставляетъ ее измѣнять направленіе, вдохновляться и совершать движенія, наиболѣе цѣлесообразныя для даннаго момента. Это—заключенія автора „Войны и мира“, и если они, низводя значеніе полководца до нуля, не являются безспорнымъ аргументомъ противъ дѣятельности князя Андрея и ему подобныхъ, то, приложенныя къ дѣятельности революціонеровъ, они дѣлаютъ нелѣпой и безсмысленной работу Болотовыхъ, Володей, Давидовъ и др. Помимо вопросовъ совѣсти, возникающихъ въ душѣ Болотова и Давида, помимо сомнѣній въ правѣ одного человѣка

на жизнь другого, кто бы этотъ другой ни былъ, передъ Болотовымъ вслѣдствіе заключеній о „непонятной силѣ“, руководящей движеніями массъ, и о безсиліи не только отдѣльныхъ личностей, но и цѣлой „партіи“, долженъ встать вопросъ о цѣлесообразности и нужности избраннаго имъ пути. Идеи автора „Войны и мира“ о роли отдѣльныхъ личностей находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ теоріей непротивленія злу насиліемъ. Тѣ же идеи, приложенныя къ революціонной дѣятельности, должны дѣлать послѣднюю ненужной и нелѣпой въ глазахъ самихъ ея участниковъ. Вотъ почему еще неоконченный романъ г. Рошина, къ чему бы онъ не привелъ далѣе, уже теперь можетъ быть названъ изображеніемъ такого же крушенія революціи, какимъ является крушеніе либеральной интеллигенціи въ пьесѣ „Дорогины“.

Отъ крушенія къ крушенію. Разсказъ г. Винниченко никакого широкаго общественнаго теченія не затрогиваетъ, не касается ни политики, ни соціальныхъ системъ, ни революцій, ни либеральныхъ земцевъ, ни народа: „Исторія Акимова зданія“—исторія любви и женитьбы нѣкоего Акима, помышлявшаго устроить свою семейную жизнь по возможности наименѣе отяготительно для обоихъ супруговъ.

Задумалъ Акимъ, какъ легендарный Тереха, жениться, но жениться не какъ всѣ,—съ вѣнчаніемъ, обязательствами, возможностью горя и радости. Нѣтъ, для Акима женитьба должна быть сопряжена только съ радостью и отсутствіемъ обязательствъ. Надо было пойти къ избранной дѣвицѣ и сказать ей: „Давай жить, не вѣнчаясь. Если ты мнѣ надоѣшь, я тебя брошу,—а ты не сердись,—у насъ сердиться нельзя, у насъ правило—радость“. Дѣвица, согласная на радость, нашлась; дѣло устроилось; экспериментаторы зажили превосходно. Но оттого ли, что родные сердились, по другимъ ли причинамъ только пришлось Акиму повѣнчаться и признать справедливость обращенія къ Терехѣ: „Куда тебя черти носили, мы-бъ тебя дома женили“. Но, повѣнчавшись, Акимъ не успокоился: чортъ возьми, вѣдь, несмотря на все, надо же устраивать радость. И онъ началъ устраивать. Замѣтилъ Акимъ, что супруга стала что-то не такова, какъ прежде, какъ-будто сдѣлалась холоднѣе съ нимъ и въ то же время начала обнаруживать интересъ къ жизни другихъ мужчинъ. Акимъ быстро сообразилъ, что дѣло не ладно, и надо устраивать радость. Отчего супруга обнаруживаетъ нѣкоторую холодность, отчего „въ интимныхъ бесѣдахъ съ нимъ она иногда заводитъ разговоръ о другихъ мужчинахъ“, оказываетъ вниманіе тому, о чемъ прежде никогда не думала? Очевидно, потому, что въ ней пробудилось любопытство къ тому, какъ любятъ другіе мужчины. Надо это любопытство удовлетворить. Радость, чортъ возьми, такъ ужъ радость полностью. Акимъ задумалъ хитрую механику: надо было устроить такъ, чтобы жена могла отдаться знакомому офицеру въ отсутствіи Акима, но при такой обстановкѣ, чтобы впослѣдствіи обнаружилась полная освѣдомленность Акима и такимъ образомъ демонстрировалось, какъ мало онъ придаетъ значенія подобнымъ пустякамъ. Сказано—сдѣлано. Сказавъ, что уѣзжаетъ далеко, Акимъ остался въ томъ городѣ, гдѣ проживала жена, на квартирѣ у пріятеля и при посредствѣ послѣдняго сталъ слѣдить за благополучіемъ своего семейнаго очага. Слѣдилъ, давалъ инструкціи пріятелю, разспрашивалъ, но ничего не выходило: жена принимала офицера, но въ его объятія не падала. Тогда нетерпѣливый Акимъ захотѣлъ ускорить событія: онъ самъ предложилъ офицеру быть рѣшительнѣе и какъ на причину предложенія указалъ на свою вымышленную связь съ другой и на желаніе отдѣлаться отъ супруги. Тогда событія дѣйствительно ускорились: жена, которой офицеръ разсказалъ о предложеніяхъ Акима, возмутилась, вознегодовала и заразила своимъ негодованіемъ брата, который сперва подрался съ Акимомъ, а потомъ застрѣлилъ его. Такова исторія зданія семейной радости, воздвигнутаго Акимомъ. Что изъ этого слѣдуетъ? Прежде всего, конечно, что Акимъ глупъ, что и теоріи его глупы, и глупы попытки, а понесенная имъ кара вполнѣ заслужена. Это такъ, конечно. Но если изъ современныхъ попытокъ устроить себѣ келью подъ елью, внѣ политики, внѣ общественной дѣятельности, но съ новыми принципами и самостоятельными основаніями, авторъ выбираетъ именно такое „нелѣпое и смѣха достойное“ повѣствованіе,—то не дается ли этимъ нѣкоторая характеристика и другихъ современныхъ попытокъ въ томъ же родѣ? Не значитъ ли это крушенія современныхъ индивидуальныхъ стремленій къ счастью и радости?

Итакъ, крушеніе либеральной интеллигенціи, крушеніе революціи въ глазахъ ея участниковъ, крушеніе единичныхъ попытокъ къ счастью—вотъ беллетристика журнала, говорящаго въ въ другой части своихъ книжекъ съ презрѣніемъ объ умѣренности, о мѣщанствѣ и прочихъ жупелахъ. Уныніе, печаль, воздыханіе. Гдѣ вѣра и надежда? Гдѣ хотя бы „подлинное невѣжество, лишь бы оно считало себя справедливымъ“, безъ поддѣлки и лицемѣрія считало бы себя справедливымъ?“

Вульгаризованный индивидуализмъ у насъ и за границей.

Какъ извѣстно, уже нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ и другихъ городахъ Франціи существуютъ организаціи анархистовъ-индивидуалистовъ, рѣзко различающихся отъ анархистовъ-коммунистовъ и своей идеологіей и практическими задачами. Теперь мы имѣемъ налицо отпрыскъ анархическаго индивидуализма — то, что получило названіе анархо-бандитизма, главари котораго недавно своими разбоями и ожесточеннымъ сопротивленіемъ при арестѣ прошумѣли на весь міръ.

Идейное родство между этими бандитами-автомобилистами и анархистами-индивидуалистами показываетъ въ „Вѣстн. Евр.“ корреспондентъ его г. Бѣлоруссовъ. Въ другомъ журналѣ — въ „Русск. Бог.“ — нѣкто С. (въ статьѣ „За желѣзной рѣшеткой“) дѣлится съ читателемъ своими наблюденіями надъ аналогичнымъ явленіемъ въ русской жизни. И у нашихъ анархистовъ замѣчается стремительный уклонъ въ сторону самаго крайняго — или вѣрнѣе, безкрайняго — безудержнаго индивидуализма, хулиганскаго индивидуализма, какъ опредѣляетъ его авторъ. Знаменательно, что въ томъ же направленіи, оказывается, эволюціонируютъ у насъ теперь, въ эпоху реакціи, и многіе „бывшіе“ соціалисты — какъ с.-р., такъ и с.-д.

Въ Парижѣ анархисты-индивидуалисты имѣютъ свой органъ-журналъ „L'anarchie“. Въ одномъ изъ номеровъ этого изданія мы встрѣчаемъ слѣдующее разсужденіе, имѣющее цѣлью доказать право личности слѣдовать влеченіямъ своей природы, независимо отъ того, каковы они. Небесныя тѣла носятся въ міровомъ пространствѣ по орбитамъ, которыя для каждаго небеснаго тѣла опредѣляются его собственной природой: массой, начальной скоростью движенія и т. д. И послѣдствіемъ этого является „небесная гармонія“. Отсюда ясно, что соціальная гармонія получится въ томъ случаѣ, если орбита жизни каждаго соціальнаго тѣла, т.-е. каждаго индивида, будетъ опредѣляться его собственной природой. Природа человѣка находитъ свое выраженіе въ свойственныхъ ему влеченіяхъ и побужденіяхъ. Слѣдовательно: поступай какъ тебѣ хочется, и всѣмъ будетъ прекрасно.

Такого рода идеи, на ряду съ соціальными причинами, и вскормили знаменитую шайку, терроризовавшую послѣдніе мѣсяцы и населеніе и полицію Парижа.

Если бы они, — говоритъ Бѣлоруссовъ, — не объявляли себя сторонниками извѣстнаго порядка идей, носящаго названіе анархическаго индивидуализма, мы ихъ называли бы просто бандитами или, какъ говорятъ во Франціи, апашами. Апаши — люди стоящіе по существу внѣ гражданскаго общества. Это ассоціаціи воровъ, занимающихся кромѣ того сутенерствомъ, разбоемъ, иногда убійствомъ; преступное „общество въ обществѣ“. У нихъ есть свои законы, своя мораль и своя философія. Эта — философія гласитъ: „все, что продается — крадется“; „воровство есть бунтъ, воръ — это возмутившійся“.

Міръ воровъ и апашей сравнительно мало извѣстенъ; я хочу, поэтому, познакомить читателей съ однимъ любопытнымъ воровскимъ документомъ, который кстати послужитъ намъ ступенькой къ пониманію бандитизма вообще и анархо-бандитизма въ частности. Истекшей зимой въ редакцію революціонно-соціалистической газеты „La Guerre Sociale“ забрались воры, взломали конторку и унесли кое-какіе гроши. Воры открыты не были, но они оказались людьми очень амбиціозными, и когда „L'anarchie“, органъ анархо-индивидуалистовъ, друзей анархо-бандитовъ, бросилъ имъ въ догонку упрекъ, что они сдѣлали бы лучше, если бы грабили буржуа, оставивъ въ покоѣ революціонеровъ,— воры были оскорблены въ своихъ лучшихъ чувствахъ и прислали въ редакцію „Anarchie“ письмо съ просьбой напечатать его.

„Почему, — пишетъ между прочимъ его авторъ, — почему въ самомъ дѣлѣ долженъ я уважать бюро г. Мерля (редактора газеты) больше, чѣмъ какое-либо другое? Потому что оно пусто: вотъ вполнѣ достаточный мотивъ, и притомъ единственный. Или отношеніе г. Мерля ко мнѣ и ко мнѣ подобнымъ отличаются отъ отношенія къ намъ г. Реноделя изъ Humanité, г. Шосъ изъ Petite République, или г. Машена изъ La Croix?

„Своимъ несомнѣнно дурнымъ и циничнымъ поведеніемъ я лишилъ себя убѣжища и крова во всѣхъ кругахъ. Моя семья давнымъ давно отвергла меня, потому что воръ ненавистенъ всѣмъ честнымъ мошенникамъ. Въ синдикатѣ, членомъ котораго я когда то былъ, на меня смотрятъ какъ на зачумленнаго, потому что я отсидѣлъ шесть мѣсяцевъ въ тюрьмѣ за кражу. У меня нѣтъ ни просто семьи, ни рабочей семьи. Но, пожалуйста, не жалѣйте меня, не дѣлайте этой ошибки, потому что вообще я доволенъ, насколько можетъ быть доволенъ негодяй. Законъ угрожаетъ мнѣ, и если онъ меня словитъ, то — берегись! Консьержъ меня ненавидитъ, рабочіе относятся ко мнѣ съ отвращеніемъ, репортеры на ряду съ сыщиками шпіонятъ за мной, и, наконецъ, въ прошломъ году на мою долю выпала еще слѣдующая выс-

шая обида: когда г. Мерль былъ арестованъ и подчиненъ въ тюрьмѣ общему режиму, онъ заявилъ, что между нимъ и мной нѣтъ ничего общаго, нѣтъ ничего общаго между нимъ и міромъ бродягъ, карманщиковъ и мазуриковъ...

Между тѣмъ онъ революціонеръ — этотъ господинъ. Онъ даже одинъ изъ самыхъ свирѣпыхъ господъ революціонеровъ Франціи, Наварры и Марселя (Тартаренъ вѣдь уже умеръ)... Но развѣ эти революціонеры стали хоть разъ на мою дорогу въ борьбѣ, въ которой меня травятъ, меня душатъ и убиваютъ за то, что и я хотѣлъ поѣсть вволю въ этой геенне, которую они, революціонеры, собираются превратить въ рай? Они, эти революціонеры, негодовали, разражались громомъ и молніями, собирали митинги, залѣпили весь Парижъ афишами, и все это отъ того, что такой то знаменитый журналистъ ѣлъ баланду въ уголовномъ отдѣленіи, со всякой сволочью. Но у нихъ не нашлось ни слова въ защиту всѣхъ тѣхъ, кто гніетъ въ тюрьмахъ и на каторгѣ, хотя бунтъ этихъ людей стоитъ гораздо больше протестовъ журналиста! И я долженъ уважать этихъ комнатныхъ, эстрадныхъ, монмартрскихъ революціонеровъ,— я, ими презираемый, я, на котораго они плюютъ, я — воръ?!

„Нѣтъ, друзья мои. Меня словами не ослѣпишь. Революціонеръ? Скажите пожалуйста! Всякій „дѣйствительный“ революціонеръ, всякій „возставшій“,— другъ мнѣ. Я люблю того, кто бунтуетъ, кто бьется, кто жертвуетъ собой, кто хочетъ жить свободнымъ. Быть можетъ мы съ нимъ изъ одного тѣста. Какъ бы то ни было, его кошелекъ для меня священенъ,— я человѣкъ съ предразсудками,— и мою жатву я соберу не въ его карманѣ. Но скажите мнѣ на милость, о, пѣломудренные анархисты, чѣмъ жизнь г. Мерля похожа на жизнь революціонера? Г. Мерль никогда не скрывалъ, что „теорія“ индивидуализма и бунта для него не болѣе, какъ вздорная метафизика... Хорошо. Но если онъ не живетъ какъ революціонеръ, то что онъ дѣлаетъ? Онъ организуетъ тайную теорію и редактируетъ журналъ, спеціальный номеръ котораго описываетъ бѣдствіе всѣхъ, кому нечѣмъ заплатить въ срокъ за квартиру — и такимъ образомъ выручаетъ кругленькіе деньги, позволяющія ему оплатить свое помѣщеніе! Заключаю: ни г. Мерль, ни ему подобные не живутъ какъ революціонеры; они только втираютъ другимъ очки.

„То, что этотъ господинъ имѣетъ разрушительныя идеи, не служитъ для меня рекомендаціей: разрушительныя идеи въ наше время — ходячая монета; онѣ вошли въ торговый оборотъ. Онѣ продаются на аршинъ, на вѣсъ, на листъ, дюжинами,— точно такъ же какъ доказательства несуществованія Бога. Но то, что продается, то и воруется. Этого требуетъ логика.

„Мужественный Анонимъ“.

Этотъ удивительный документъ вскрываетъ намъ внутренній міръ если не всего парижскаго воровскаго люда, то извѣстной, наиболѣе интеллигентной его части.

Апашъ — представитель всей голодной и нищей братіи, „crève-de-faim“ — „дохнущихъ съ голода“. И онъ въ то же время авторъ философемы: „все продажное воруется“, освящающей воровство въ продажномъ обществѣ. Передъ нами, такимъ образомъ, явленіе, въ которомъ уголовщина, практическій иллегализмъ слиты съ протестомъ противъ общественной несправедливости, съ апологіей бунта и „революціонаризма“. Это сочетаніе — плодъ жизни, а не теоріи. „Практическій иллегалистъ“, ступившій на воровскую дорогу благодаря случайностямъ жизни, и укрѣпившійся на ней благодаря враждебному отношенію общества (семья отвернулась, рабочіе отвергли) создаетъ себѣ *теорію* иллегализма и революціонаризма, и, пародируя Заратустру, провозглашаетъ:

— Я люблю того, кто бунтуетъ, кто бьется, кто жертвуетъ собой, кто хочетъ жить свободнымъ.

Навстрѣчу этому теченію мысли, поднимающемуся съ соціальнаго дна жизни, идетъ въ современномъ обществѣ другое, источники котораго иные, но которое тоже характеризуется тѣмъ, что въ немъ слиты два момента: практическій иллегализмъ и теоретическое отрицаніе основъ современнаго общества. Это анархо-бандитизмъ. Анархо-бандиты начали не съ воровства, подобно „Мужественному Анониму“; они начали съ анархо-индивидуализма, съ увлеченія теоріями; но въ то время какъ Мужественный Анонимъ отъ уголовщины поднялся до своего рода воровского анархизма, анархо-бандиты спустились съ вершинъ анархо-индивидуалистической философіи въ яму бандитизма,— гдѣ и встрѣтились съ Мужественнымъ Анонимомъ.

Если бы они совершили не двадцать разбоевъ, а всего только одинъ, все равно передъ нами стоялъ бы тотъ же вопросъ: подъ воздѣйствіемъ какихъ причинъ люди,— которыхъ мы не можемъ счесть ни банальными злодѣями, ни вырожденцами,— стали бандитами?

Сильные, непокорные, буйные люди, съ недисциплинированной, полуграмотной мыслью, жили въ обществѣ, въ которомъ на долю ихъ выпало тяжелое и скудное существованіе. Это общество деморализировало ихъ зрѣлищемъ не-

заслуженнаго богатства, наглой роскоши и бѣшеныхъ тратъ; оно возбудило въ нихъ жадные аппетиты; оно позволило имъ придти къ выводу о безплодности протекающей въ правовыхъ формахъ борьбы массъ за матеріальную обезпеченность; оно внушило имъ, что сила есть основа всякаго права.

Съ такой „общественной подготовкой“ они вообразили себя участниками общественной борьбы, сложной, возбуждающей страсти. Для руководства въ этомъ хаосѣ они выбрали доктрину, наиболѣе отвѣчающую ихъ буйнымъ темпераментамъ, ихъ раздраженнымъ аппетитамъ, ихъ печальному жизненному опыту. Изъ этой доктрины они сдѣлали прямолинейные выводы, очень грубые, очень имморальные, но естественные для грубыхъ умовъ и деморализированныхъ душъ. И выводамъ этимъ они предались со всею страстностью сильныхъ людей, и пришли къ гильотинѣ, — по крайней мѣрѣ тѣ ихъ нихъ, которыхъ не перебили по дорогѣ, какъ бѣшеныхъ собакъ.

Теперь обратимся къ родной намъ дѣйствительности. Тамъ — во Франціи — анархисты превращаются въ бандитовъ на свободѣ, въ обычныхъ условіяхъ современной жизни; у насъ, какъ утверждаютъ наблюдатели, указанная выше метаморфоза анархистовъ и соціалистовъ создается, главнымъ образомъ, тюрьмой.

Прежде всего, на политическихъ заключенныхъ сказывается общее вліяніе „тюремной рѣшетки“, тюремной романтики — романтики кулака.

Уродливую, тяжелую картину — по словамъ г. С. — представлялъ процессъ ассимиляціи политическихъ и уголовныхъ: здѣсь сталкивались двѣ культуры, два міропониманія. И высшая культура постепенно стиралась, разсыпалась, поглощалась низшей. Уголовные почти ничего не перенимали отъ политиковъ, если не считать отдѣльныхъ ходячихъ словечекъ — „коллега“, „товарищъ“, „сознательность“, „провокація“. А массовики-политики, наоборотъ, быстро эволюціонировали, усвоивая безобразный жаргонъ уголовныхъ, ихъ понятія объ арестантской чести, ихъ правила товарищескаго общежитія, ихъ разнузданность выраженій, ихъ пѣсни, ихъ взглядъ на женщину, ихъ идеалы, ихъ романтику.

Столкнулись въ тюрьмѣ двѣ культуры, двѣ идеологіи. Одна — созданная людьми политической борьбы и, слѣдовательно, приспособленная къ запросамъ и требованіямъ этой борьбы. Другая — созданная профессіональными ворами, рыцарями пожа и отмычки, созданная постоянными обитателями тюрьмы и какъ нельзя полнѣе приспособленная къ требованіямъ тюремной рѣшетки. Да, вся „блатная“ (воровская) арестантская культура является порожденіемъ желѣзной рѣшетки, идеологіей тюрьмы, какъ таковой. И именно поэтому въ тюрьмѣ она должна была побѣдить идеологію, которую принесли съ собою съ воли недостаточно крѣпкіе духомъ, недостаточно закаленные массовики-политики.

Въ этомъ столкновеніи двухъ міровоззрѣній на сторонѣ одного была логика условій тюремной жизни. И потому оно должно было побѣдить.

Въ тюрьмѣ люди привыкаютъ относиться съ большимъ пренебреженіемъ ко всякой „словесности“. Такое же презрѣніе къ слову, къ теоретической мысли и идейной работѣ распространяется въ тюрьмѣ и среди заключенныхъ, не считающихъ себя уголовными. Но презрѣніе къ слову, разочарованіе въ словѣ, — продолжаетъ авторъ, — опасныя чувства для человѣка: слово слишкомъ тѣсно связано съ мыслью человѣка и со всѣми продуктами его мысли. Съ презрѣніемъ къ слову приходило также и презрѣніе къ наукѣ, къ литературѣ, съ одной стороны, къ программамъ, принципамъ, идеаламъ — съ другой. Вообще разрушалась вся прежняя идеологія. Разрушалась, въ частности, и старая романтика, романтика революціонной борьбы, романтика, которая занимала то или иное мѣсто въ жизни каждаго революціонера, — какъ бы трезво ни смотрѣлъ онъ на свое дѣло, какъ бы далекъ ни былъ онъ отъ политическаго романтизма.

Но совсѣмъ безъ романтики человѣкъ обойтись не можетъ. И особенно необходимо имѣть какой-нибудь міръ образовъ, — въ частности героическихъ образовъ, — для людей, живущихъ въ тюрьмѣ. На мѣсто разрушенной тюрьмою идеологіи является новая идеологія. Создается новая романтика, романтика кулака.

Мнѣ приходилось встрѣчать въ тюрьмѣ множество политическихъ, у которыхъ былъ точь-въ-точь такой же, какъ у уголовныхъ, идеалъ геройзма и доблести. Сколько разъ приходилось слышать „политиковъ“, которые разсказывали о подвигахъ какого-нибудь старшаго Ивана (т.-е. особенно вліятельнаго уголовнаго), явно преклоняясь передъ его удалью! Особенно далеко шли въ этомъ отношеніи эксисты-налетчики. Они не знали иной оцѣнки человѣка, кромѣ какъ по его смѣлости, отвагѣ и удачливости. Пропахшій кровью и порохомъ боевикъ былъ въ ихъ глазахъ героемъ, и рядомъ съ нимъ какой-нибудь Михайловскій, Плехановъ или хотя бы Кропоткинъ, никогда не державшій въ

рукѣ ни револьвера, ни кинжала, казался имъ жалкимъ болтуномъ и трусишкой.

Презрѣніе къ слову и къ идеологіи и апоѳеозъ кулака, апоѳеозъ молодечества и отваги, удали и удачи! Это была настоящая переоцѣнка цѣнностей.

Романтика кулака соотвѣтствовала общереакціонному настроенію, и на ней, какъ я отмѣчалъ уже, сходились опустившіеся въ тюрьмѣ политическіе и проникнутые специфической тюремной культурой уголовные. Естественно, поэтому, что у героя этой романтики не оказывалось ничего такого, что отличаетъ революціонера отъ профессіонала-грабителя или рецидивиста-убійцы. Такимъ героемъ могъ быть и смѣлый террористъ, и защитникъ баррикады, и экспропріаторъ, и какой-нибудь одесскій „черный воронъ“, и цыганъ-разбойникъ, и членъ лбовской шайки, и крупный воръ,— спеціалистъ по кассамъ и по ювелирнымъ магазинамъ. Нечего говорить, что при такой оцѣнкѣ героемъ могъ оказаться порой и вполнѣ достойный уваженія человѣкъ, и чистѣйшей воды негодяй. И часто такой герой, на повѣрку, оказывается еще предателемъ или малодушнымъ трусомъ.

Въ слѣдующей главѣ г. С. знакомитъ насъ съ представителями разныхъ партій, на принципы которыхъ пребываніе въ тюрьмѣ дѣйствовало разрушительно нѣсколько въ другомъ родѣ, хотя въ результатѣ получалось то же презрѣніе къ „словесности“ и та же идеализація безшабашнаго молодечества.

Здѣсь — у болѣе сознательныхъ и культурныхъ „политиковъ“— авторъ отмѣчаетъ своеобразный процессъ полѣвѣнія.

Вотъ „бывшіе“ соціалъ-демократы Акимъ Григорьевичъ и Сеня. — Раньше я многаго не понималъ, — говорилъ второй изъ нихъ. — А теперь другое дѣло... Глаза раскрылись... Теперь я лучше вещи вижу... Теперь не смогу больше въ партіи работать,— послѣ тюрьмы. Здѣсь я много понялъ...— Видите ли, товарищъ,— порывисто и быстро заговорилъ Сеня:— Въ 5-мъ году мы въ забастовки, въ возстанія, въ силу рабочаго движенія вѣрили. Думали, рано иль поздно, а своего народъ добьется. Всѣхъ рабочихъ мы тогда соціалистами считали. Онъ, можетъ быть, темный совсѣмъ, безграмотный, послѣ каждой получки, какъ свинья, напивается, жену и дѣтей колотитъ, а мы и его соціалистомъ считали! Я тогда только-только жить начиналъ. Придешь на заводъ... Кругомъ всѣ какъ будто ждутъ чего-то большого, радостнаго... Многіе и пить совсѣмъ бросили... Намъ, ученикамъ, тоже легко стало. Мастера уже не ругаются, не шпыняютъ зря... Мальчишекъ тоже бить перестали... Кругомъ только и слышно: „Товарищъ, товарищъ!“ И впрямь всѣ товарищи были. Бѣда съ кѣмъ стрясется,— сразу по всѣмъ мастерскимъ сборъ сдѣлаютъ... Въ шапку каждый что-нибудь да положитъ,— не гривенникъ, такъ пятакъ. Про иного всѣ знаютъ, что онъ самъ съ семьей безъ хлѣба сидитъ, а смотришь,— и онъ пятакъ въ шапку положитъ: нельзя товарищу въ помощи оказать! И вѣрили тогда другъ въ друга, и въ себя вѣрили. Иной разъ, смотришь, смотришь вокругъ, видишь, какъ люди словно иные стали, и думаешь: чтобъ мы, да не побѣдили! Чтобъ мы, да новой жизни себѣ не устроили! Какъ же! Вѣдь весь нашъ пролетаріатъ какъ одинъ человѣкъ идетъ. Значитъ, сила не въ отдѣльныхъ выскочкахъ, а въ народной массѣ, въ общей борьбѣ. И въ кружкахъ я такъ внимательно, такъ внимательно, бывало, слушаю: стараюсь каждое слово пропагандистки въ памяти удержать, чтобы потомъ дальше передать. Бывало, каждое слово я въ памяти хранилъ, какъ драгоцѣнность какую-нибудь, какъ святыню... А потомъ все обманомъ оказалось!..

— Въ чемъ же вы видите „обманъ“, товарищи?— спросилъ я.

Сеня промолчалъ, будто не слышалъ вопроса. Отвѣтилъ Акимъ Григорьевичъ:

— Въ томъ обманъ былъ, — началъ онъ своимъ обычнымъ вѣскимъ и твердымъ тономъ,— что массу свою мы невѣрно понимали, и ей не то указывали, что нужно было. Да! Сеня полную правду сказалъ, какъ 5-мъ году мы на себя смотрѣли и какъ весь рабочій классъ видѣли. Для насъ всѣ — соціалисты были. А на повѣрку то, поглядите, какимъ народъ-то нашъ оказался. Сволочью оказался, простите за выраженіе! Такой сволочью, что стыдно товарищу въ глаза посмотрѣть. Что у насъ теперь дѣлается! А мы то кричали: сознательный пролетаріатъ! сознательный пролетаріатъ!

Я хотѣлъ возразить старику, указать ему, что онъ сгущаетъ краски, преувеличиваетъ и обобщаетъ тѣ печальныя явленія упадка, которыя совершенно неизбѣжны въ эпоху реакціи: хотѣлъ указать ему, что, сидя въ тюрьмѣ, трудно судить о томъ, что творится на волѣ. Но старикъ прродолжалъ говорить все также печально и вѣско, будто хороня этими словами свою старую вѣру въ товарищей:

— Массоваго движенія намъ хотѣлось. Вотъ тебѣ и массовое движеніе! Да чего отъ массы требовать, когда дорогу имъ наши же сознательные показали? Вѣдь Павловъ, Агаѳоновъ,— орлы у насъ на заводѣ были, весь заводъ за собой вели. И первые же прохвостами сдѣлались!

— Все, о чемъ вы говорите, можетъ быть, очень печально, товарищъ,— замѣтилъ я:—Но при чемъ же здѣсь партія и партійная работа? Вѣдь вы говорили, что старое партійное дѣло обманомъ оказалось... Такъ я васъ понялъ?

— Ну да, обманомъ! Сами себя мы обманывали и людей обманывали.

— Въ чемъ же обманъ былъ? Что ваши „орлы“ — Павловъ, Агаѳоновъ, Куриловичъ — слабыми людьми или хотя бы негодяями оказались? Что масса рабочая въ тяжелые годы реакціи оказалась малосознательной, недисциплинированной, недостаточно стойкой? Такъ вѣдь этого можно было напередъ ожидать! Вспомните, товарищъ, давно ли у насъ массовое движеніе началось! А развѣ въ нѣсколько мѣсяцевъ можно милліоны людей перевоспитать? Гдѣ же здѣсь обманъ? Въ чему вы всѣ эти исторіи приводите? Развѣ за нихъ можно винить какую бы то ни было партію и отказаться отъ работы?

Мой натискъ какъ будто смутилъ на минуту Акима Григорьевича. Потокъ его обличительныхъ воспоминаній изсякъ. Но Сеня порывисто перебилъ меня:

— Эхъ, товарищъ, знаемъ, что вы скажете! — волнуясь и спѣша заговорилъ онъ: — Больше нужно работать? Глубже массу захватывать? Это давно мы слышали. Это соціалъ-демократы еще въ 5-мъ году говорили... И про сознательность тогда говорили... И про организацію... И про все, про все говорили... Да къ чему, къ чему все это? Масса всегда массой останется. Ни въ чемъ положиться на нее нельзя никогда. И соціалъ-демократы много вреда революціи принесли тѣмъ, что въ массу заставляли вѣрить, на рабочій классъ учили молиться. Кто могъ впередъ идти, кто могъ самъ бороться, тѣхъ соціалъ-демократы отъ борьбы удерживали, принижаться заставляли... Все массы дожидались. А развѣ изъ рабовъ можно одними только словами сдѣлать свободныхъ людей? Масса! Галдѣть можетъ масса, на митингъ можетъ придти ушами хлопать, — и только! Можетъ масса и представителей своихъ выбрать... Поддержку имъ обѣщаетъ, а потомъ сама же ихъ выдастъ! Если массы ждать, какъ соціалъ-демократы учатъ, то ни революціи, ни соціализма не будетъ никогда! Никогда!

— Съ массой вы ничего не сдѣлаете, вставилъ Акимъ Григорьевичъ. — Масса всегда такой и будетъ, пока вы для нея новыхъ условій жизни не создадите. И за то, что мы на волѣ дѣлали, за слова эти гибнуть — все равно, что самимъ въ петлю лѣзть. Ни смысла тутъ нѣтъ, ни пользы. Не то дѣлать надо... Не людей усыплять да обманывать, а напротивъ того...

Старикъ замолчалъ.

— Что же вы дѣлать будете, когда на волю выйдете? — спросилъ я.

Я взглянулъ вопросительно на Сеню, ожидая, что хоть онъ разъяснитъ мнѣ, наконецъ, положительную программу дѣйствій, выработанную ими.

— Если приведется намъ еще бороться, — отвѣчалъ на мой взглядъ Сеня, — мы, главное, все сами будемъ дѣлать. Нечего намъ ждать массы и нечего на массу силы тратить. Эта агитація да организація, когда не знаешь, кого агитируешь и кого въ организацію принимаешь, — не нужны они совсѣмъ. А набралось насъ въ городѣ, скажемъ, хоть 10—12 человѣкъ, на все готовыхъ, мы уже многое можемъ сдѣлать...

— Напримѣръ?

— Можемъ отомстить! Можемъ такъ сдѣлать, что другимъ неповадно будетъ... И если въ одномъ, въ другомъ, въ третьемъ городѣ,—по всей странѣ такая чистка пойдетъ, правительство живо догадается, что для нихъ же выгоднѣе дать свободу. Ради собственной своей шкуры на уступки пойдутъ. И ни забастовокъ, ни возстаній никакихъ не надо будетъ.

Долго развивалъ Сеня свои планы. Красной нитью проходило въ нихъ недовѣріе къ массѣ и къ массовой культурной работѣ, съ одной стороны, а съ другой стороны — вѣра въ силы небольшой сплоченной кучки революціонеровъ-боевиковъ. Только въ дѣйствія смѣлыхъ одиночекъ въ борьбѣ съ правительствомъ вѣрили Сеня и Акимъ Григорьевичъ.

Они были не единственными представителями такихъ взглядовъ у насъ тюрьмѣ. Мнѣ пришлось встрѣчать еще довольно много „бывшихъ с.-д.“, которые разсуждали точно такимъ же образомъ,

Съ разочарованіемъ въ массовомъ, рабочемъ движеніи идейная работа отодвигалась у нихъ на задній планъ. Главное значеніе въ ихъ глазахъ пріобрѣтала непосредственная борьба съ оружіемъ въ рукахъ,— всевозможные виды террора и „партизанскихъ нападеній“. Сообразно съ этимъ „полѣвѣвшіе“ с.-д. симпатизировали с.-р. за ихъ боевыя дружины и террористическіе акты, симпатизировали и анархистамъ за ихъ блестящіе отстрѣлы, за экономическій терроръ и отчасти за экспропріаціи. Но окончательно не примыкали они ни къ с.-р., ни къ анархистамъ. Отъ с.-р. ихъ отталкивала народническая вѣра въ „трудовое крестьянство“,— вѣра, которой они никакъ не могли принять. Отъ сліянія съ анархистами ихъ удерживало отрицательное отношеніе анархистовъ къ рево-

люціонно-демократическимъ политическимъ стремленіямъ, съ одной стороны, неопредѣленность русскаго анархизма и его внѣшняя безшабашность,—съ другой. Впрочемъ, не сливаясь ни съ с.-р., ни съ анархистами, оставаясь „безпартійными“, „полѣвѣвшіе“ с.-д. все же говорили объ этихъ революціонныхъ партіяхъ въ несравненно болѣе сочувственномъ тонѣ, чѣмъ о соціалъ-демократіи.

„Полѣвѣвшихъ“ с.-р. я встрѣчалъ въ тюрьмѣ меньше, чѣмъ „полѣвѣвшихъ“ с.-д., но „полѣвѣніе“, разрывъ съ прошлымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и признаки политическаго упадничества проявлялись у нихъ несравненно рѣзче и острѣе, чѣмъ у Акима Григорьевича или Сени.

Авторъ приводитъ слова одного изъ нихъ, тоже рабочаго, электро-техника Киселева.

— Съ партіями ничего общаго никогда имѣть не буду. Партіи всѣ другъ друга стоятъ: одна грязь, одни подлости тамъ. Для меня теперь—что партія соціалъ-революціонеровъ, что Союзъ Русскаго Народа—все одно.

— Вы сами не знаете, что говорите, или на себя наговариваете,—замѣтилъ я.—Неужто союзники вамъ такъ же близки, какъ и революціонеры?

— Нѣтъ, я отлично знаю, что говорю,—упрямо возразилъ Киселевъ: — я не про революціонеровъ, а про партіи говорю. А съ партійными дѣлами я довольно познакомился. На всю жизнь хватитъ. И, кромѣ подлости, ничего, кажется, въ партіяхъ я не видалъ... Послѣ случая, когда я черезъ партійныхъ бюрократовъ въ тюрьму попалъ и чуть на висѣлицу не угодилъ, я сталъ болѣе самостоятельно думать. Раньше, на волѣ, слишкомъ я уже довѣрялъ имъ, слишкомъ легко подъ интеллигентскую дудку плясалъ. Въ тюрьмѣ я только понимать началъ, что собой наши партіи съ генералами-интеллигентами представляютъ... Да что тамъ говорить? Сколько ни видалъ а, все такъ: гдѣ сами рабочіе дѣлаютъ, хорошо выходитъ; куда партія со своимъ руководительствомъ суется, всюду плохо. И не для руководителей плохо, а для тѣхъ, кто по дурости своей за ними пошелъ...

Когда Киселевъ дошелъ до изложенія своей положительной программы, оказалось, что онъ считаетъ себя, несомнѣнно, болѣе „лѣвымъ“, чѣмъ с.-р. Такъ, напр., въ отличіе отъ с-р., онъ признавалъ самое широкое примѣненіе экономическаго террора, признавалъ экспропріаціи не только казенныя, но и частные, считалъ излишними всѣ тѣ „бюрократическія формальности“, которыя у с.-р.-овъ ограничиваютъ возможность боевыхъ актовъ и нападеній. А главное, вся борьба съ правительствомъ и съ буржуазіей рисовалась ему еще болѣе индивидуалистической, чѣмъ изображали ее „полѣвѣвшіе“ с.-д., Акимъ Григорьевичъ и Сеня.

Мышленіе Киселева, основанія его выхода изъ партіи, его аргументація, его положительная программа, все это было чрезвычайно типично для всѣхъ „полѣвѣвшихъ“ с.-р.-овъ. У всѣхъ ихъ мнѣ приходилось наблюдать это недовѣріе къ интеллигенціи, эту ненависть къ партіи и партійнымъ руководителямъ. И повсюду это переживанье старыхъ обидъ, пристрастные выводы изъ старыхъ личныхъ столкновеній, подозрительность и выискиванье виновниковъ каждой старой неудачи, при чемъ виновниками всегда оказывались руководители.

Во многихъ отношеніяхъ „полѣвѣвшіе“ с.-р. стояли близко къ анархистамъ южно-русскаго типа. Политическій терроръ, экономическій терроръ, аграрный терроръ, тюремный терроръ; мелкія и крупныя, частныя и казенныя экспропріаціи; браунинги, маузеры, парабеллумы, ноганы; бомбы, адскія машины, мины, — таковы были основныя понятія, которыми оперировала мысль тѣхъ и другихъ. А еще болѣе сближала „полѣвѣвшихъ“ с.-р.-овъ съ анархистами ихъ ненависть къ Государственной Думѣ и къ парламентаризму вообще.

Но все же съ анархистами они не сливались. Они продолжали считать себя соціалистами, но только внѣпартійными соціалистами и, кромѣ того, крайне „лѣвыми“ соціалистами, болѣе лѣвыми, чѣмъ с.-р.-ы, и, подавно, болѣе „лѣвыми“, чѣмъ мирные с.-д.

У бывшихъ с.-д. и с.-р., которыхъ я встрѣчалъ въ тюрьмѣ, „полѣвѣніе“ принимало форму разочарованности въ массовой и партійной работѣ, ослабленія ихъ связей съ общественной средой, съ другими людьми, съ товарищами. Это было, слѣдовательно, развитіе въ сторону крайняго индивидуализма. Но тотъ смутный анархизмъ, къ которому приходили полѣвѣвшіе с.-р., все же не представлялъ собою послѣдней, крайней ступени „полѣвѣнія“. Съ этой ступени можно было еще и еще эволюціонировать „влѣво“. Гдѣ началось разложеніе, тамъ оно не остановится на какой-либо точкѣ, но будетъ идти до конца. Концомъ тюремнаго индивидуалистическаго „полѣвѣнія“ былъ не смутный анархизмъ бывшихъ с.-д. и с.-р., а нѣчто совершенно своеобразное, особый *хулиганскій индивидуализмъ*, означавшій уже не упадничество, а моральную смерть.

Къ этому хулиганскому индивидуализму въ конечномъ результатѣ „полѣвѣнія“ приходили иногда и бывшіе с.-д., и с.-р. Но легче всего

и быстрѣе всего доходили до этой точки бывшіе анархисты.

Передъ нами признанный глава „полѣвѣвшихъ“ анархистовъ—„вѣчный экстернъ“ товарищъ Самуилъ. Онъ споритъ со своимъ постояннымъ противникомъ, анархистомъ-коммунистомъ студентомъ Ефимомъ.

— Для меня вы, анархисты-коммунисты, ничуть не лучше, чѣмъ какіе-нибудь с.-д. или с.-р.—горячо и язвительно говорилъ Самуилъ;— чѣмъ вы, въ самомъ дѣлѣ, отъ нихъ отличаетесь? Тѣмъ, что вы въ Государственную Думу не пошли? Такъ вѣдь въ третью Думу и с.-р. не пошли! Первую Думу и с.-д. бойкотировали! Вы вѣдь ихъ анархистами не считаете за это? А въ остальномъ вы тѣ же мѣщане, тѣ же государственники, что и соціалисты,—только въ маскѣ.

— Это инсинуація! — съ возмущеніемъ возражалъ Ефимъ: — вы должны доказать, а не бросаться словами...

Я вотъ о чемъ васъ спрошу: въ чемъ сущность анархизма, по вашему? Въ свободѣ личности? Да?

— Ну, конечно!

— Т.-е. въ полномъ освобожденіи человѣческой личности отъ всякихъ путъ, отъ всякихъ цѣпей? Такъ?

— Да... Но къ чему вы это приводите?

— А вотъ увидите сейчасъ. Значитъ, истинный анархистъ долженъ быть не рабомъ, а свободнымъ человѣкомъ, не долженъ терпѣть надъ собой ничьей воли, ничьего закона. Я мыслю, какъ хочу, не подчиняясь ничьимъ предписаніямъ, ничьимъ велѣніямъ. Такъ же и говорю, что хочу и какъ хочу. Никакихъ цѣпей, никакихъ ограниченій! Такъ какъ же вы умудряетесь считать себя анархистами и въ то же время связывать себя программой и организаціей! Вѣдь вы, въ концѣ-концовъ, такъ же, какъ с.-д., по программѣ думаете!

— Это неправда! У насъ никакой программы нѣтъ, и вамъ это отлично извѣстно.

— Программы у васъ нѣтъ? А вашъ „Буревѣстникъ“, на который вы молитесь, какъ с.-д. на Маркса?

— Опять неправда! „Буревѣстникъ“ не программа, а журналъ. Его статьи ни для кого не обязательны. Анархистъ можетъ съ ними соглашаться или не соглашаться. Это частное дѣло каждаго!

— Какъ же! Кто соглашается, тотъ для васъ а.-к. А кто не соглашается, того вы изъ организаціи, какъ зачумленную крысу, выкидываете. Вы скажите, что и ваши группы не оргавизація, не то же самое, что у соціалистовъ ихъ комитеты? Ваши предсѣдатели, представители да секретари ни чиновники? не новыя власти? Ваши заграничныя типографіи и здѣшнія подпольныя техники съ наемными профессіоналами, которыхъ вы эксплуатируете, не тѣ же лавочки, что у буржуазіи? Чѣмъ вы здѣсь отъ соціалистовъ отличаетесь? Словами, одними словами! Вы себѣ на каждомъ шагу измѣняете, а анархистъ всегда долженъ быть вѣренъ себѣ. Если я анархистъ, то я только со своей волей считаюсь. Здѣсь для меня начало и конецъ всего. Своему „я“ я никогда измѣнить не могу!..

— Вы, товарищъ, „анархизмъ“ съ „индивидуализмомъ“ путаете. А это не одно и то же.

— Нѣтъ, вы путаете, потому что вы такіе анархисты, какъ я архіерей...

— Съ вами говорить трудно. Вы вотъ о властяхъ и чиновникахъ въ нашихъ группахъ говорите...

— Нѣтъ, погодите! Я говорю, что вы ни въ чемъ не можете вѣрны самимъ себѣ оставаться. Вѣдь вы, анархисты-коммунисты, и жениться безъ попа не можете! Сколько примѣровъ я видѣлъ! Хочетъ анархистъ жениться,—идетъ съ невѣстой въ церковь къ попу подъ благословеніе. Ребенокъ родится, — опять попа зоветъ крестить. Это—анархистъ!

— Вы теперь единичныя явленія обобщаете. Компромиссы, конечно, вы повсюду въ жизни встрѣтите. Церковь для насъ, разумѣется, не существуетъ. Если мужчина и женщина полюбили другъ друга и хотятъ жить вмѣстѣ...

— „Другъ друга“? Вы сказали: „хотятъ жить вмѣстѣ“... А если не „другъ друга“, а такъ: я, напримѣръ, полюбилъ дѣвушку?.. Тогда какъ, по вашему, анархистъ поступить долженъ?

— Вы меня перебили. Я хотѣлъ сказать: если...

— Нѣтъ, вы скажите, что, по вашему, долженъ сдѣлать анархистъ, если онъ полюбилъ женщину и хочетъ обладать ею?

— При чемъ тутъ анархизмъ, я не понимаю!

— Я спрашиваю васъ, какъ вы, свободный человѣкъ, порвавшій всѣ свои цѣпи, именующій себя анархистомъ, поступили бы въ подобномъ случаѣ?

— Какъ я, лично, поступилъ бы?

— Ну, да!

— Обратился бы къ ней... Сказалъ бы...

— А если бы она отказала вамъ.

— Что же? Тогда подумалъ бы, какъ быть... Вѣрнѣе всего, другую нашелъ бы... Но не понимаю, къ чему вы на этотъ вопросъ перескочили?

— Вотъ, вашъ анархизмъ! Вотъ, что вы

анархизмомъ называете! Вѣдь такъ же, какъ вы, и любой мѣщанинъ поступилъ бы, любой честный, благонамѣренный мѣщанинъ!

— А вы иначе поступили бы?

— Я, какъ анархистъ, повинуюсь лишь своей волѣ, лишь своему желанію! И только. Свое я возьму, ни съ чѣмъ и ни съ кѣмъ въ мірѣ не считаясь.

— Позвольте, позвольте! По вашему, значитъ, анархистъ имѣетъ право изнасиловать понравившуюся ему женщину?

— Что вы меня стараетесь словами запугать? Я словъ не боюсь. Что значитъ изнасиловать? Я просто дѣлаю, что хочу! А „право“? „Имѣю право“, „не имѣю права“ для анархиста не существуетъ! „Право“ мѣщанами создано и мѣщанъ только пугаетъ. „Право“ существуетъ вмѣстѣ съ государствомъ и вмѣстѣ съ государствомъ погибнетъ. У свободныхъ людей нѣтъ „права“, а есть только возможность...

— Т.-е. вы изнасилуете женщину, потому что окажитесь сильнѣе ея?

— Потому что я такъ хочу! Мое желаніе— мой законъ!

— Но вѣдь такую свободу до сихъ поро не анархисты осуществляли, а хулиганы въ время погромовъ!

— Что же? Это только показываетъ, что вы, хваленые анархисты, болѣе мѣщане и болѣе трусы, чѣмъ даже хулиганы!

Я съ интересомъ оглядѣлъ „вѣчнаго экстерна“, проповѣдывавшаго столь „крайній“ анархизмъ. Въ его наружности не было ничего титаническаго или страшнаго. Длинная, жидкая фигура, узкія плечи, впалая грудь, рѣдкія волосы надъ покатымъ прыщеватымъ лбомъ, подслѣповатые глаза. Вся его фигура ясно говорила, что не переливающаяся черезъ край сила внушила этому хилому юношѣ его дикіе взгляды, а слабость его, его вѣчная пришибленность, его подавленность условіями жизни и его окончательная растерянность подъ гнетомъ тюрьмы.

Между тѣмъ, Ефимъ еще не терялъ надежды переспорить своего противника.

— Вы, значитъ, считаете, что анархистъ *долженъ* изнасиловать понравившуюся ему женщину?

— Долженъ взять ее!

— А анархистка, которой мужчина понравился?

— Тоже! И во всемъ такъ.

— Но вы представляете себѣ, во что превратится при такихъ условіяхъ человѣческое общежитіе?

— До этого мнѣ нѣтъ дѣла. Я буду свободенъ, и это для меня всего важнѣе. И не я одинъ буду свободенъ. Свободны будутъ всѣ, кто только захочетъ и сумѣетъ быть свободнымъ!

— Но общежитіе...

— Объ общежитіи вы вмѣстѣ съ соціалистами-государственниками заботьтесь. Для охраны общежитія можете полицію завести, тюрьмы настроить.

— Вы глупости говорите.

Этотъ безтолковый споръ продолжался часа два. Ефимъ едва успѣвалъ вставлять свои замѣчанія въ безудержныя рѣчи „полѣвѣвшаго“ экстерна. И я дивился терпѣнію Ефима, который все же относился къ этому спору вполнѣ серьезно. Впрочемъ, чувствовалось, что у него нѣтъ полной увѣренности въ правильности защищаемой позиціи. Видно было, что онъ считаетъ Самуила болѣе крайнимъ, болѣе „лѣвымъ“, чѣмъ самого себя, и потому относится къ его взглядамъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ, хотя и не раздѣляетъ ихъ.

Въ 7-ой камерѣ Самуилъ обращалъ на себя вниманіе только странностью своихъ взглядовъ. Въ остальномъ онъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ политическихъ и держался, „какъ всѣ“, такъ что его крайняя „лѣвость“ проявлялась только въ спорахъ. Позже я встрѣтился съ нимъ въ каторжной камерѣ со смѣшаннымъ составомъ заключенныхъ. И здѣсь поведеніе его поразило меня. Оказалось, что за полгода, истекшіе со времени нашего перваго знакомства, Самуилъ еще весьма замѣтно подался „влѣво“.

Самуилъ неожиданно для его товарищей оказался въ коммунѣ ивановъ. Онъ сблизился съ иванами настолько, что они уложили его матрасъ въ своемъ „почетномъ“ углу на нарахъ, а онъ не только пилъ чай и обѣдалъ съ ними, но не брезгалъ даже закусывать вмѣстѣ съ ними деревенскими колбасами и пирогами, отнятыми у крестьянъ-аграрниковъ! Теперь онъ уже говорилъ на жаргонѣ ивановъ и вмѣстѣ съ ними издѣвался надъ политикой. Но и заключительная часть продѣланной имъ эволюціи казалось ему „полѣвѣніемъ“, и онъ по-старому считалъ себя истиннымъ революціонеромъ, а остальныхъ политическихъ — трусишками, жалкими лентяями, прихвостнями буржуазіи.

Какъ-то при мнѣ онъ завелъ съ однимъ матросомъ-повстанцемъ разговоръ объ уголовныхъ.

— Вы этихъ людей презираете,—говорилъ онъ, — а я ихъ, какъ лучшихъ товарищей, уважаю.

— Было-бъ за что уважать! — возражалъ ему матросъ.

— Я ихъ уважаю за то, что они прямо идутъ противъ существующаго строя, ломаютъ его законы, а своимъ закономъ свою волю ставятъ...

— А Верболоза вы за что уважаете? Тоже за смѣлость?

— Верболозъ что? Для васъ Верболозъ— „отравитель“, „собачникъ“. Какъ же? Двоихъ пассажировъ 1-го класса отравилъ... А, можетъ быть, ихъ, этихъ кровопійцъ, эксплуататоровъ давно задавить слѣдовало! Важность какая, что двумя сволочами на свѣтѣ меньше осталось! Это вы, мѣщане, дрожите, трясетесь всю свою жизнь, какъ бы закона не нарушить. Вы—охранители. А эти люди—дѣйствительные враги существующаго строя. У васъ—сплошь компромиссы да увертки. А эти люди прямо законъ ломаютъ, свою жизнь съ бою берутъ, какъ умѣютъ: свои цѣпи рвутъ, какъ могутъ, своимъ врагамъ мстятъ, насколько силъ хватаетъ. Нечего вамъ на нихъ сверху внизъ смотрѣть. Если кто кого можетъ презирать, то не вы ихъ, а они васъ,—за вашу трусость, за іезуитство.

Вскорѣ Самуилъ въ спорахъ съ политическими сталъ отстаивать право уголовныхъ ивановъ заниматься педерастіей, — традиціонное право ивановъ, осуществляемое ими во всѣхъ тюрьмахъ.

— Это—личное дѣло каждаго, — говорилъ Самуилъ негодующимъ политическимъ:—Каждый удовлетворяетъ свои потребности такъ, какъ умѣетъ и какъ желаетъ.

Это казалось ему непререкаемо правильнымъ выводомъ изъ послѣдовательно понимаемаго анархизма. И онъ никакъ не могъ понять, какъ это анархисты не соглашаются съ нимъ въ этомъ вопросѣ. Какъ-то онъ выразилъ свое недоумѣніе по этому поводу одному товарищу-анархисту. Тотъ отвѣтилъ ему довольно рѣзко.

— Удивляюсь, что вы, считающій себя политическимъ, отстаиваетъ такую гнусность, къ которой даже порядочные уголовные относятся съ презрѣніемъ и негодованіемъ.

Самуилъ обидѣлся.

— Откуда вы взяли, что я считаю себя „политическимъ“?

— Не считаете, такъ тѣмъ лучше.

— Но неужто вы, анархистъ, себя считаете „политикомъ“?

— Считаю.

— Довольно странно слышать это отъ анархиста...

— То есть?..

— А очень просто. Вѣдь анархистъ идетъ противъ всякой власти, противъ всякаго государства, противъ всякаго закона? И новой власти, новаго государства, новыхъ законовъ анархисты создавать не намѣрены? Такъ? Значитъ, на кой чортъ намъ политическіе перевороты, политическія революціи, политическая борьба? Это—дѣло буржуазіи и ея прихвостней отъ кадетовъ до с.-д. А намъ, анархистамъ, какое дѣло до политики? Какъ можетъ анархистъ считать себя политическимъ? Если хотите быть политическими, лучше прямо признайтесь, что вы такіе анархисты, какъ изъ грязи—пуля!

Близость съ иванами, иванскія замашки по отношенію къ шпанѣ, разнузданный блатной жаргонъ — все это отталкивало отъ Самуила политическихъ, даже тѣхъ изъ нихъ, которые, подобно ему, неудержимо „лѣвѣли“ въ тюрьмѣ, проникаясь все больше и больше духомъ „хулиганскаго индивидуализма“. Но все же къ словамъ его прислушивались въ камерѣ, и ясно было, что этотъ человѣкъ пользуется большимъ моральнымъ вліяніемъ на многихъ товарищей, еще не порвавшихъ окончательно со своимъ прошлымъ, еще не сжегшихъ корабли.

На меня лично Самуилъ производилъ въ это время двойственное впечатлѣніе. Иногда онъ казался мнѣ помѣшаннымъ, такъ какъ слишкомъ уже странны были иныя его выходки, его постоянная возбужденность, его торопливая, прыгающая рѣчь.

А иногда, напротивъ, онъ казался мнѣ естественнымъ продуктомъ тюремнаго „полѣвѣнія“, тѣмъ типомъ, къ которому неизбѣжно должны притти въ тюрьмѣ многіе слабые люди, развитіе которыхъ направилось въ сторону крайняго индивидуализма.

Человѣкъ, опустившійся въ тюрьмѣ, дошедшій до самаго безшабашнаго хулиганскаго индивидуализма, — такая же жертва, какъ тѣ, кого повѣсили или застрѣлили, кого изувѣчилъ тюремный режимъ, голодъ, холодъ, сырость. Мнѣ скажутъ: это невѣрно, ибо не всѣ опускаются въ тюрьмѣ. Но вѣдь точно такъ же не всѣ получаютъ въ тюрьмѣ чахотку, не всѣ выходятъ оттуда калѣками. Крѣпкіе выдерживаютъ, слабые гибнутъ. И нельзя осудить человѣка за то, что онъ не богатырь, за то, что онъ средній, слабый человѣкъ!

Конгрессъ „евгениковъ“.

Еще одна наука заявила о своемъ существованіи: въ Лондонѣ въ началѣ іюля состоялся конгрессъ „евгениковъ“. Что это за

наука? — спроситъ читатель. Основатель ея, Франсисъ Голтонъ, опредѣляетъ ея задачи такъ: евгеника „изучаетъ тѣ причины, которыя, подвергнутыя общественному контролю, могутъ улучшить или испортить расовыя свойства будущихъ поколѣній“, а по словамъ нашего соотечественника, кн. П. А. Кропоткина, участника этого конгресса, цѣль евгеники — „узнать, какъ улучшить сумму того зародышеваго матеріала, который передается въ человѣкѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Достигнуть этого улучшенія можно различными путями: улучшить его непосредственно здоровою жизнью, здоровой обстановкою, здоровыми понятіями о воспроизведеніи и т. п. Второй путь, это — сохранить въ чистотѣ зародышевый матеріалъ, полученный отъ предыдущихъ поколѣній. Третій путь, это — отборъ лучшихъ представителей расы и, наконецъ, мѣры предупреждающія передачу матеріала, поврежденнаго худою обстановкою и болѣзнями“.

Цѣли, какъ видитъ читатель, для нашего времени, чреватаго различнаго рода „соціальными болѣзнями“, принимающими все болѣе и болѣе грозный видъ, — несомнѣнно заслуживающія вниманія и серьезныя.

Въ какую же форму они отлились у „евгениковъ“ ? Съ этимъ насъ знакомятъ корреспонденты русскихъ газетъ.

Люди, пишетъ г. Діонео („Од. Л.“) сковываютъ другихъ людей цѣпями; но еще крѣпче люди сковываютъ самихъ себя доктриной, выдуманной ими же. Самыя крѣпкія цѣпи можно сбить. Онѣ спадаютъ тогда сразу, и тогда члены черезъ нѣкоторое время пріобрѣтаютъ первоначальную гибкость. Доктрину, т.-е. путы ума, сбить очень трудно. И даже тогда, когда она падаетъ, остается на всю жизнь глубокій рубецъ, если не раны.

Горечь положенія заключается въ томъ, что человѣкъ, повидимому, не можетъ жить безъ умственныхъ путъ. Когда однѣ изъ нихъ сбиты, человѣкъ придумываетъ новыя.

Теперь такими новыми путами, которыми хотятъ сковать человѣка, является „евгенизмъ“ или „добророжденство“, т.-е. изученіе причинъ, находящихся подъ контролемъ общества и ведущихъ къ возрожденію или къ вырожденію націи.

При извѣстномъ талантѣ, при наличности „научнаго дальтонизма“, т.-е. при неумѣніи различить цѣлыя группы явленій, можно построить всю исторію человѣчества на какомъ угодно базисѣ: религіозномъ, экономическомъ, географическомъ, расовомъ и даже кулинарномъ. При извѣстномъ талантѣ можно доказать также, что данный народъ будетъ прогрессировать только тогда, когда уподобится громадному конскому заводу. И это доказываетъ теперь „добророжденцы“. Въ демократическихъ странахъ принято думать, что среда имѣетъ громадное вліяніе. Парламенты стремятся не только уничтожить эксплуатацію чужого труда, но принимаютъ также мѣры къ оздоровленію городовъ, къ улучшенію жилищъ трудящихся массъ, къ увеличенію числа школъ. Въ демократическихъ странахъ государство все болѣе и болѣе принимаетъ на себя заботу о подрастающемъ поколѣніи. Города не только строятъ „нормальныя“ помѣщенія для народныхъ школъ, но заботятся также о томъ, чтобы дѣти не сидѣли тамъ голодными. Такимъ путемъ демократическое государство думаетъ возродить націю.

Теперь являются „добророжденцы“ (евгенисты) и категорически заявляютъ: „Улучшеніемъ окружающихъ условій вы не только не усовершенствуете націю, но, напротивъ, поведете къ вырожденію ея“.

„Возьмемъ для иллюстраціи чахотку, для борьбы съ которой выработанъ теперь въ Англіи широкій, дорого стоющій планъ,— говоритъ Хавелокъ Эллисъ. Въ настоящее время эта болѣзнь уноситъ безчисленное множество жертвъ, причиняетъ много страданій и стоитъ обществу громадныхъ денегъ. Въ высшей степени важно вступить съ туберкулезомъ въ упорную борьбу, обратить серьезное вниманіе на всѣхъ жертвъ ея и, если возможно, вылечить ихъ. Но посмотримъ на полученные результаты. Повидимому, нѣкоторые полагаютъ, что чахоточный, когда оставляетъ санаторій, совершенно здоровъ и является потому вполнѣ желательнымъ гражданиномъ.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности мы имѣемъ совершенно иное. Въ лучшемъ случаѣ, болѣзнь только задержана. Паціентъ навсегда останется хрупкимъ; здоровье его постоянно останется ниже нормальнаго. Ухудшеніе и катастрофа возможны въ любой моментъ. И если болѣзнь дѣйствительно пустила глубокіе корни, то ее остановить невозможно. Еще болѣе важно то, что хилость, составляющая отличительную черту больного, будетъ передана имъ по наслѣдству дѣтямъ. Такимъ образомъ, явятся новые разсадники болѣзни. Вполнѣ возможно, что, если понимать буквально, чахотка не наслѣдственна. Но никто не станетъ отрицать, что слабое здоровье и ослабленная жизненная энергія, представляющія собою почву для чахотки, легко передаются по наслѣдству. Въ такомъ случаѣ является организмъ, предрасположенный къ чахоткѣ, если не къ душевной болѣзни и къ слабоумію. Въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ въ Шотландіи и въ Англіи процентъ

больныхъ чахоткой постепенно понижался. Съ другой стороны, есть нѣкоторое основаніе предполагать, что процентъ душевно-больныхъ все повышается и что душевно-больные и слабоумные особенно легко становятся жертвами чахотки. Эти душевно-больные и слабоумные рождаются въ семьяхъ, въ которыхъ были чахоточные. Такимъ образомъ, возникаетъ вопросъ: не ухудшаемъ ли мы положеніе дѣлъ, если боремся съ чахоткой, а все остальное оставляемъ какъ раньше? Насъ не должно удивлять поэтому, если есть люди, утверждающіе что чахоточная бацилла, представляющая собою зародышъ чахотки, представляетъ собою нѣсколько грубый, но очень дѣйствительный коррективъ, задерживающій размноженіе неприспособленныхъ. И если завтра чахоточная палочка была бы окончательно уничтожена, то это явилось бы національнымъ бѣдствіемъ. Мы еще не подготовлены къ окончательному исчезновенію бациллы. Конечно, мы должны продолжать нашу борьбу съ чахоткой, потому что она слишкомъ медленно уничтожаетъ неприспособленныхъ и представляетъ опасность для приспособленныхъ, но необходимо сознаться, что вопросъ нѣсколько сложнѣе, чѣмъ кажется на первый взглядъ. Требуются радикальныя измѣненія самаго метода приближенія къ вопросу".

Въ чемъ же должна состоять „радикальная перемѣна", о которой говоритъ Хавелокъ Эллисъ? Очень просто: необходимо усвоить методы не врачей, а американскихъ и австралійскихъ „сеттлеровъ", „удалявшихъ" индѣйцевъ и негроидовъ. Американскіе засельщики съ этою цѣлью отправляли краснокожимъ въ подарокъ фланелевыя сорочки и одѣяла съ оспенныхъ больныхъ. Такимъ образомъ, цѣлыя племена исчезали въ нѣсколько недѣль. Австралійскіе фермеры поступали еще проще: они угощали дикарей лепешками изъ муки съ мышьякомъ, или мясомъ, отравленнымъ стрихниномъ.

Въ Западной Австраліи и въ Тасманіи примѣнялся методъ еще болѣе упрощенный: на дикарей устраивали облавы какъ на волковъ. Въ одномъ мѣстѣ близъ Перта толпу дикарей загнали въ морскую бухту, кишащую акулами. „Сеттлеры", такимъ образомъ, искусственно помогали „отбору приспособленныхъ". Нѣчто подобное проектируютъ „добророжденцы"; но только „непріятелемъ" являются не индѣйцы и не негроиды, а слабоумные. Отъ нихъ, по утвержденію Хавелока Эллиса, все зло на свѣтѣ. Чтобы возродить общество, необходимо не улучшеніе внѣшнихъ условій, а возможно болѣе полное „устраненіе" слабоумныхъ".

Какъ это сдѣлать, читатели „Бюллетеней" уже имѣютъ представленіе *): стерилизація или обезпложиваніе „слабоумныхъ" — вотъ та мѣра, которая не только энергично защищается американскими учеными — „евгениками", но и уже практически примѣняется въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки. Тѣ же мѣры проповѣдывались и на конгрессѣ.

„Слѣпы протеи, — оканчиваетъ свою корреспонденцію г. Діонео, — до извѣстной степени слѣпы кроты; ничего не видятъ днемъ совы; но слѣпѣе всѣхъ люди, сковавшіе свой умъ доктриной. Въ такомъ случаѣ даже порядочные, не злые и не глупые люди могутъ договориться до жестокихъ глупостей. Предо мною объемистый томъ, содержащій всѣ французскіе, нѣмецкіе и англійскіе доклады, прочитанные въ Лондонѣ на первомъ конгрессѣ „добророжденцевъ". Я раскрываю докладъ доктора Девенпорта и читаю: „Совершенно безполезно издавать законы, препятствующіе вступленію въ бракъ слабоумныхъ, потому что „неприспособленный" всегда найдетъ женщину, согласную жить съ нимъ... Единственный способъ для предупрежденія размноженія слабоумныхъ — стерилизація или сегрегированіе ихъ. Дальше излагаются „законы" Менделя и Гальтона для доказательства, что „стерилизація" необходима. Я раскрываю докладъ профессора біологіи въ Кембриджскомъ университетѣ Пюнетта и съ удивленіемъ узнаю, что добророжденцы не столковались еще между собою относительно того, дѣйствительно ли универсаленъ законъ о наслѣдственности аббата Менделя. „Въ настоящее время всѣ наши свѣдѣнія относительно наслѣдственности основаны на наблюденіяхъ надъ растеніями и, отчасти, надъ четвероногими животными". „Наши свѣдѣнія слишкомъ скудны, чтобы на нихъ строить какое-нибудь законодательство".

Съ одной стороны, свѣдѣнія, основанныя на наблюденіяхъ надъ городомъ, а съ другой — „стерилизація неприспособленныхъ"? Затѣмъ, какъ опредѣлить степень слабоумія. „Динамометры для измѣренія умственныхъ и моральныхъ качествъ еще не изобрѣтены", — говоритъ одинъ изъ докладчиковъ, знаменитый Лорія".

Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что „стерилизаторы" не представляли изъ себя исключительнаго теченія на конгрессѣ. „Уже въ первый день собраній конгресса, пишетъ корреспондентъ „Рѣчи" С. И. Р., рѣзко выдѣлились два теченія. Одно ставило характеръ человѣка и здоровье организма всецѣло въ зависимость отъ окружающей среды, а другое, не отрицая вліянія среды, выдвигало наслѣдственность главнымъ факторомъ вырожденія или улучшенія

*) См. „Бюлл." № 14-15 „Радикальная борьба съ преступностью и вырожденіемъ".

человѣческаго рода. Оба исходили изъ одного ученія Дарвина, оба основывались на теоріи эволюціи, но одно теченіе считало протоплазму главной лабораторіей жизни, а другое находило, что сытный обѣдъ и мягкая постель можетъ измѣнить и самое лабораторію и создать новую протоплазму".

Это второе чисто „соціальное" теченіе было представлено такими представителями науки, какъ Шиллеръ, проф. Оксфордскаго университета, Геккель, извѣстный авторъ „Загадокъ міра" и „Гуманизма", проф. Девинъ и др.

„Шиллеръ особенно настаивалъ на томъ, чтобы государство направляло всѣ усилія свои на выращиваніе могучихъ характеровъ и способныхъ людей. Первымъ долгомъ государства онъ считаетъ именно отысканіе способныхъ людей. „Общественное устройство, — сказалъ онъ, — не дающее развиваться способностямъ, не только плохо, но обречено на гибель... Евгеническій идеалъ ничуть не анти-демократиченъ, онъ анти-эгалитаренъ. Онъ допускаетъ умственное и моральное превосходство одного надъ другимъ. Но признаніе превосходства другого полезно для общества и ничуть не умаляетъ достоинства признающаго, такъ какъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и послѣдній имѣетъ какія-либо превосходства надъ другими".

По мнѣнію Шиллера, евгеника не нуждается ни въ какомъ законодательствѣ. Она дѣло соціальнаго чувства, и если законодательство явится, то оно будетъ лишь признаніемъ выводовъ, къ которымъ пришли общественное мнѣніе и опытъ. И замѣчательно, что Шиллеръ находитъ въ современномъ англійскомъ воспитаніи съ его системой стипендій, выдаваемыхъ не въ зависимости отъ бѣдности, а отъ способностей учащагося, и съ его спортомъ и др. чисто англійскими особенностями, вѣрнѣйшій путь осуществленія евгеническихъ принциповъ.

Изъ другихъ докладовъ соціальнаго характера слѣдуетъ отмѣтить еще докладъ итальянскаго экономиста Лоріа, старавшагося доказать, что богатство ни въ коемъ случаѣ не можетъ служить признакомъ или мѣриломъ способностей человѣка. Лоріа вообще отрицаетъ существованіе связи между экономическимъ и психофизическимъ превосходствомъ. Бѣдность не порокъ — и съ точки зрѣнія евгеники.

Американскій профессоръ Коллогъ въ своемъ сообщеніи представилъ рядъ фактовъ, доказывающихъ, вопреки мнѣнію иныхъ шовинистовъ, вредное вліяніе войнъ на развитіе расъ. Поражающую картину вырожденія дали докладчики, говорившіе о вліяніи алкоголя. Интересны и и любопытны были сообщенія о вліяніи разныхъ факторовъ на внѣшній видъ и характеръ людей. Такъ, по словамъ директора сумасшедшаго дома въ Туринѣ, Антоніо Марро, отъ слишкомъ молодыхъ родителей родятся воры, а отъ старыхъ — мошенники. Конечно, попадаются и хорошія дѣти, но, будучи директоромъ сумасшедшаго дома, Марро ихъ не наблюдалъ. Другой итальянецъ, профессоръ римскаго университета Серджи совершенно разсѣялъ старыя „предубѣжденія" насчетъ связи между шириною лба и способностями. Выраженіе „хоть семи пядей во лбу" является теперь полнымъ анахронизмомъ. Дѣятельность мозга можетъ быть великой и при маломъ объемѣ его, какъ и наоборотъ: мозгъ въ три обхвата можетъ быть лѣнивымъ и тупымъ. Но что особенно должно разочаровывать, это увѣреніе Серджи, что черепа людей, жившихъ въ третичную эпоху, ничѣмъ не отличались отъ череповъ современныхъ англичанъ.

Вотъ тебѣ прогрессъ и эволюція!

Самъ Серджи сознаетъ, какой ударъ онъ наноситъ своимъ сообщеніемъ теоріи эволюціи, той самой теоріи, безъ которой евгеникѣ и дня нельзя было бы просуществовать. Но что дѣлать! — говоритъ онъ, — фактъ останется фактомъ. Но фактъ ли это? Впрочемъ, пусть объ этомъ спорятъ ученые.

При конгрессѣ была устроена довольно обширная „евгеническая" выставка, состоявшая изъ портретовъ, родословныхъ таблицъ, разныхъ діаграммъ и рисунковъ, иллюстрировавшихъ случаи вымиранія и вырожденія, какъ и наоборотъ: развитія и роста разныхъ семействъ. Были показаны примѣры закона наслѣдственности Менделя, результаты разныхъ измѣреній и изслѣдованій, предпринятыхъ въ школахъ, больницахъ, тюрьмахъ и разныхъ другихъ учрежденіяхъ; даны параллели разныхъ жизненныхъ карьеръ въ зависимости отъ разныхъ условій внѣшней среды и внутреннихъ, наслѣдственныхъ качествъ. И тутъ же я увидѣлъ таблицу о стерилизаціи въ Индіанѣ. Ставка на сильныхъ! И мнѣ почему-то сразу представилась слѣдующая картина. Не въ Благовѣщенскѣ ли это было? Широкая и глубокая рѣка. На одномъ берегу „сильные" яростно толкаютъ слабыхъ въ воду. А съ другого берега двое — трое слабыхъ, маленькихъ, тщедушныхъ смѣло бросаются въ воду и съ опасностью для жизни спасаютъ утопающихъ. Кто „сильные", кто болѣе нуженъ обществу и человѣчеству, кто передастъ потомству больше наслѣдственныхъ преимуществъ?

Благосклонный читатель! я знаю твой отвѣтъ: ты стоишь на томъ берегу, съ котораго спасаютъ утопающихъ, а не стерилизуютъ „больныхъ и порочныхъ".

Отзывы о книгахъ.

* **Антоновъ, Н. Р.** 001:2

См. порядк. № 9.

1. **Бахтинъ, Н. Н.** 016:792

„Обзоръ пьесъ для дѣтскаго и школьнаго театра". СПБ. 1912. изд., „Русской школы".

Подъ именемъ дѣтскаго и и школьнаго театра Н. Бахтинъ разумѣетъ написанные для дѣтей маленькіе пьесы, разыгрываемыя обычно дѣтьми же въ семейныхъ и школьныхъ спектакляхъ.

Авторъ добросовѣстно и подробно разбираетъ существующій для этихъ случаевъ репертуаръ, распололоживъ его по рубрикамъ: пьесы на библейскіе сюжеты, сказочные, историческіе, національные, городскіе, деревенскіе и пр. Давая о каждой техническія постановочныя свѣдѣнія, онъ при этомъ оцениваетъ также ихъ пригодность въ эстетическомъ и воспитательномъ отношеніи.

Онъ совершенно правъ, когда предостерегаетъ противъ пьесъ слащавыхъ и чрезмѣрно морализующихъ, каковы, напримѣръ, пьесы Кл. Лукашевичъ, но съ одной чертой его общаго взгляда на воспитательное значеніе театра для дѣтей нельзя согласиться.

Допуская, и вполнѣ основательно, только спектакли въ тѣсной семейной или школьной среди, безъ всякой публичности, которая развивала бы въ дѣтяхъ-актерахъ тщеславіе и самонадѣянность,—авторъ въ то же время прямо рекомендуетъ развивать въ дѣтяхъ путемъ спектаклей драматическій инстинктъ, какъ своего рода психическую гимнастику, которая, расширяя сферу ихъ пониманія другихъ людей, включаетъ въ себѣ основы эстетическаго чувства.

Мы полагаемъ, что для этой цѣли существуютъ иные пути, болѣе вѣрные и менѣе обоюдоострые; на долю же дѣтскаго спектакля, свободнаго отъ этическихъ задачъ, слѣдуетъ оставить только роль эстетически-развивающаго зрѣлища и вообще удовольствія, праздника.

Съ этой точки зрѣнія на первомъ мѣстѣ въ дѣтскомъ театрѣ должны бы стоять,—какъ это, впрочемъ, и указываетъ авторъ,—кукольные, тѣневые спектакли, танцы, пантомимы и хоровое пѣніе. (—ій. „Рѣчь", 1912—178).

2. **Успенскій, П. Д.** 133 (01)

Символы Таро. Философія оккультизма въ рисункахъ и числахъ. Спб. 1912. Стр. 48. Ц. 70 к.

П. Д. Успенскій, авторъ двухъ любопытныхъ и содержательныхъ книгъ—„Четвертое измѣреніе" и „Tertium organum", посвятилъ небольшую брошюру гадательнымъ картамъ Таро. Къ сожалѣнію, эта работа смѣлаго изслѣдователя, сумѣвшаго показать важное значеніе многихъ вопросовъ, къ которымъ у насъ „не принято" относиться серьезно,—значительно слабѣе предыдущихъ. Въ сущности въ брошюрѣ г. Успенскаго заслуживаетъ вниманія только ея тема. Карты Таро достовѣрно извѣстны съ XIV в., но преданіе приписываетъ изобрѣтеніе ихъ жрецамъ древняго Египта. Литература о Таро громадна: въ нее входятъ сочиненія Сенъ-Мартена, Элифаса Леви, де-Гюайта, О. Вирта и др. Изслѣдователи Таро видятъ въ 78 картахъ этой колоды ключъ ко всѣмъ тайнамъ мірозданія; они считаютъ, что, вдумываясь въ составъ этой гадательной колоды и комбинируя символы отдѣльныхъ картъ, можно возстановить всѣ тѣ истины, которыя были извѣстны мудрецамъ погибшей Атлантиды и завѣщаны ими жрецамъ Египта... Безспорно, было бы интересно провѣрить подлинную древность символовъ Таро, сдѣлать критическій выводъ всѣхъ его толкованій и на этомъ прочномъ основаніи оцѣнить философское значеніе этой „гадательной колоды картъ". Г. Успенскій не пошелъ этимъ путемъ, но, давъ весьма краткій историческій очеркъ Таро, рѣшилъ, что „ключемъ къ Таро должна являться фантазія". Исходя изъ такого рѣшенія, г. Успенскій позволилъ себѣ переставлять установленный порядокъ картъ, измѣнять названіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, соединять ихъ въ произвольныя пары и потомъ произвольно фантазировать на тему о ихъ значеніи. Для того, чтобы подобная свободная фантазія получила значеніе серьезное, нужны совершенно исключительныя способности къ интуиціи, которыхъ, на нашъ взглядъ, г. Успенскій не обнаружилъ. Отказавшись отъ болѣе скромной роли—познакомить русскаго читателя съ историческими судьбами Таро, онъ далъ только рядъ замысловъ, весьма произвольныхъ и сомнительной философской цѣнности. Наиболѣе же интересныя мысли, встрѣчающіяся въ толкованіяхъ г. Успенскаго, принадлежатъ не ему, но заимствованы имъ изъ обширной литературы оккультизма. (В. Брюсовъ. „Рус. М." 1912—7).

3. **Вундтъ, В.** 136.4

Проблемы психологіи народовъ. Переводъ Н. Самсонова. М. 1912.

Будучи родоначальникомъ современной экспериментальной психологіи, Вундтъ является и создателемъ такъ называемой психологіи народовъ (Völkerpsychologie), шесть объемистыхъ томовъ которой уже увидѣлъ свѣтъ. Вундтъ, какъ всегда, обратился непосредственно къ опыту, къ конкретной дѣйствительности, и далъ въ своей психологіи народовъ подлинное пополненіе и доразвитіе психологіи индивидуальной. Можно соглашаться или не соглашаться съ Вундтомъ въ цѣломъ рядѣ его детальныхъ соображеній и выкладокъ. Самая же мысль выдѣлить въ особую психологическую дисциплину изслѣдованіе такихъ общечеловѣческихъ (общезначимыхъ, какъ выражается Вундтъ) чертъ человѣческой психики должна быть признана чрезвычайно удачной, а осуществленіе ея—научнымъ фактомъ громадной важности. Что касается до данной книжки Вунд-

та, то она предназначена для перваго ознакомленія съ проблемами и содержаніемъ болѣе обширнаго труда. Она составлена изъ четырехъ статей, написанныхъ въ разное время и по разнымъ поводамъ, но въ своей совокупности вполнѣ удовлетворительно сочетающихся въ отдѣльную книгу. Въ первой статьѣ говорится о задачахъ и методахъ психологіи народовъ и устанавливается ея мѣсто среди другихъ сосѣднихъ ей дисциплинъ. Вторая статья трактуетъ нѣсколько спеціально вопросъ о происхожденіи языка. Третья статья посвящена вопросу объ отношеніяхъ между индивидуумомъ и націей и высказываетъ цѣлый рядъ интересныхъ соображеній противъ крайняго психологическаго индивидуализма. Наконецъ, четвертая статья,—по нашему мнѣнію, самая интересная,—отдана критикѣ прагматизма и прагматическаго ученія о религіи. Особенно важно здѣсь указаніе Вундта на то, что прагматизмъ въ своемъ ученіи о религіи впадаетъ въ тотъ самый раціонализмъ и интеллектуализмъ, который имъ такъ энергично повсюду оспаривается. Чрезвычайно цѣнны также критическія замѣчанія по поводу предложенной Трельчемъ „религіозной теоріи познанія“. Самъ Вундтъ является сторонникомъ генетической психологіи религіи, отвергая всецѣло прагматизмъ англо-американцевъ. (Б. Я—ко. „Рус. Вѣд.“ 1912—182).

4. Штекель, В., д-ръ. 151

Что на днѣ души таится... Изд. „Жизнь и душа“. Авториз. перев. съ нѣм. подъ ред. д-ра М. В. Вульфа. Одесса. 1912. Стр. 133. Ц. 75 к.

Въ этой книжкѣ подъ нѣсколько претенціознымъ заглавіемъ собраны газетные фельетоны, объединенные общею цѣлью популяризовать психологическое ученіе извѣстнаго вѣнскаго психіатра З. Фрейда. Болѣе требовательныхъ и интеллектуально-воспитанныхъ читателей книжка оттолкнетъ своимъ намѣренно развязнымъ и несерьезнымъ фельетоннымъ стилемъ, который такъ хорошо удается французамъ и такъ рѣзко идетъ менѣе поворотливымъ нѣмцамъ. Тѣмъ не менѣе надо признать, что въ отношеніи средняго читателя и въ частности непривыкшихъ къ научной мысли женщинъ (для которыхъ книжка можетъ быть интересной особенно, т. к. содержитъ много наблюденій надъ дѣтской психологіей) очерки д-ра Штекеля достигаютъ своей цѣли и даютъ дѣйствительно живое и увлекательное изложеніе на отдѣльныхъ жизненныхъ вопросахъ, основныхъ идей „психоанализа“ Фрейда. Входить по существу въ разборъ этого ученія здѣсь не мѣсто; достаточно указать, что психологическая проницательность Фрейда въ изслѣдованіи вліянія безсознательной сферы—и въ особенности раннихъ безсознательныхъ или полусознательныхъ проявленій сексуальныхъ инстинктовъ на нормальное и ненормальное сознаніе совершенно безспорна. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако наблюденія эти касаются столь тонкой и трудно уловимой области, что, будучи выражены въ общей формѣ, легко ведутъ къ грубымъ преувеличеніямъ, а иногда и къ прямымъ искаженіямъ. Отъ такихъ преувеличеній и неосторожностей не свободны и размышленія Штекеля, которыя въ цѣломъ должны быть все же признаны весьма полезными въ особенности для цѣлей самообразованія по педагогикѣ. (С. Франкъ. „Рус. М.“ 1912—7).

5. Гомперцъ, Г. 151.2

Ученіе о міровоззрѣніи. Т. I. Перев. В. Базарова и Б. Столпнера. Изд. „Шиповникъ“. (Библ. соврем. философіи. Вып. IX). Спб. Ц. 4 р. Стр. 568.

„Ученіе о міровоззрѣніи“ Г. Гомперца есть безспорно одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній современной нѣмецкой философіи. Съ его направленіемъ трудно вполнѣ согласиться, но оно доставляетъ радостное ощущеніе свѣжести и проницательности. Въ своемъ міровоззрѣніи Гомперцъ близокъ къ Бергсону (котораго совсѣмъ не знаетъ), и его книга есть лишнее свидѣтельство жизненности того направленія, главнымъ вождемъ котораго является Бергсонъ и которое сводится къ уясненію ограниченности отвлеченнаго знанія. Гомперцъ называетъ свое ученіе „патэмпиризмомъ“ (т. е. эмпиризмомъ чувства) и примыкаетъ изъ нѣмецкихъ мыслителей главнымъ образомъ къ Якоби и Шлейермахеру, изъ новыхъ—преимущественно къ Авенаріусу. Относительно каждой изъ существенныхъ философскихъ проблемъ просвѣчивается развитіе ея пониманія въ основныхъ философскихъ направленіяхъ, которыя Гомперцъ, сочетая классификаціи Канта и Гегеля, дѣлитъ на анимизмъ, метафизику, „идеологію“ (старый эмпиризмъ, сводящій все къ „идеямъ“ или представленіямъ), критицизмъ и патэмпиризмъ. „Патэмпиризмъ есть точка зрѣнія, которая сводитъ формальныя начала знанія (категоріи, напр., понятіе субстанціи, тождества, отношенія, формы) къ конкретнымъ переживаніямъ эмоціональнаго характера. Разсматриваемая какъ психологія познанія, книга Гомперца должна быть признана одной изъ лучшихъ послѣ „Критики чистаго опыта“ Авенаріуса, по новизнѣ и богатству мыслей. Гораздо болѣе спорно ея значеніе какъ опыта новой гносеологіи. Предчувствуя нареканія въ психологизмѣ, авторъ въ особой главѣ оговаривается, что сведеніе основныхъ началъ знанія къ „чувству“ еще не предрѣшаетъ характера результатовъ изслѣдованія, и обѣщаетъ, что въ своей онтологіи (доселѣ еще не вышедшей; по-нѣмецки вышелъ только томъ II, посвященный „Неологіи“, т. е. ученію о мышленіи) онъ докажетъ непреложность къ чувству самаго различія между объективнымъ и субъективнымъ. Если это такъ, то авторъ по меньшей мѣрѣ повиненъ въ неудачной терминологіи, т. к. сведеніе знанія къ „чувству“ совершено неизбѣжно вызываетъ впечатлѣніе субъективаціи знанія; а нѣкоторыя мѣста его книги (какъ, напр., объясненіе реальнаго тождества изъ чувства „непрерывности я“) показываютъ, что самого автора его терминологія увлекла на противорѣчивый путь психологизма. Въ дѣйствительности это есть нѣчто большее, чѣмъ чисто терминологическая ошибка. Книга Гомперца есть проявленіе того же умонастроенія, которое представлено и „прагматизмомъ“; законное сомнѣніе въ универсальности отвлеченнаго знанія ведетъ здѣсь къ скептическому міровоззрѣнію, для котораго знаніе есть только отраженіе практическихъ нуждъ (въ „прагматизмѣ“) или же—какъ у Гемперца—субъективныхъ „настроеній“. Въ этомъ отношеніи книга Гомперца есть интереснѣйшій симптомъ

философскаго кризиса и даетъ особенно яркій образецъ „импрессіонизма“ въ философіи, вполнѣ аналогичнаго худож. импрессіонизму и декадентству. Но и здѣсь, какъ и въ области искусства, ясно, что импрессіонизмъ есть лишь болѣзненный (хотя, б. м., психологически необходимый) переходъ отъ устарѣлой „разсудочности“ къ объективной интуиціи.

Переводъ вполнѣ правиленъ, но, къ сожалѣнію, пестритъ ненужными иностр. словами: „провизорный“, „базировать“ и т. п. (С. Франкъ. „Рус. М.“ 1912—7).

6. **Рожковъ, Н.** 151.2

Основы научной философіи. Спб. 1911 г. Стр. 134. Ц. 60 к.

Послѣ бѣглыхъ экскурсій въ исторію европейской философіи, которую г. Рожковъ почему то ведетъ отъ бл. Августина, совершенно забывая о греческихъ и римскихъ философахъ, и бѣглыхъ же замѣчаній о русской философіи, авторъ приступаетъ къ построенію собственной научной теоріи познанія и возможнаго на ея основѣ философскаго міросозерцанія. Всякія смѣны въ области философскихъ системъ разсматриваются г. Рожковымъ съ точки зрѣнія развитія психологіи отдѣльныхъ классовъ, которое въ свою очередь сводится къ измѣненіямъ въ народномъ хозяйствѣ. Но, повидимому, и самъ авторъ не особенно вѣритъ въ возможность такихъ легкихъ объясненій смѣны тѣхъ или иныхъ философскихъ ученій. По крайней мѣрѣ, въ своихъ разсужденіяхъ о Кантѣ г. Рожковъ, не задумываясь, пишетъ (стр. 28): „Такъ какъ Кантъ опредѣлилъ развитіе нѣмецкаго общества своего времени, то его философія достигла настоящаго успѣха и большого вліянія въ Германіи лишь во-второй половинѣ XIX в.“ Но если Кантъ могъ опередить свое время, слѣдовательно, онъ былъ въ извѣстной степени независимъ отъ него; въ такомъ случаѣ при чемъ же тутъ психологія классовъ, степень развитія народнаго хозяйства и т. д.? Освѣдомленность г. Рожкова въ исторіи философіи очень слаба. Напр., кто можетъ узнать философію Фихте по такой характеристикѣ, которую мы находимъ на стр. 33. „Фихте пытался уничтожить, устранить кантовскій дуализмъ тѣмъ, что признавая практическій разумъ только продолженіемъ развитія чистаго разума, т. е. полагая, что долженствованіе, нравственныя правила развиваются изъ бытія“. Трудно исказить Фихта хуже, чѣмъ это сдѣлано въ приведенной цитатѣ. Или, напр., такое опредѣленіе имманентной школы на стр. 73: „по ученію имманентной школы мышленіе имманентно бытію, т. е. гдѣ есть бытіе, тамъ есть и „мышленіе“. Такое опредѣленіе имманентной философіи безспорно подходило бы скорѣе къ спиритизму или панпсихизму.

Г. Рожковъ—убѣжденный и крайній сторонникъ энергетическаго міропониманія. Энергія для него не эвристическая конструкція, не методическое понятіе, не символическое выраженіе для ряда физическихъ процессовъ, какъ у Маха и его русскихъ учениковъ, а единственная и конкретная и доступная нашему опыту *реальность*. Г. Рожковъ съ плеча превращаетъ энергію въ какую-то метафизическую субстанцію, при помощи которой онъ думаетъ объяснить и всѣ явленія природной, общественной и индивидуальной жизни. Энергетикой у него обусловливается этика и эстетика. Государство, религія, философія, искусство, литература, мораль, направленія общественной и политической мысли— все это только различныя превращенія общественной энергіи. На стр. 134 мы узнаемъ, что энергія, къ которой сводится вся міровая жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, при свѣтѣ современнаго естествознанія, есть ничто иное, какъ электричество.

Во всей книгѣ г. Рожкова мы нашли только одну удачную мысль, съ которой мы глубоко согласны. Вотъ она (стр. 4): „въ наше время нельзя быть невѣждой не только потому, что въ каждомъ человѣкѣ живо стремленіе къ знанію, но, и главнымъ образомъ, по той причинѣ, что наука нашего времени не мертвая безплодная схоластика, а жизненное знаніе, уясняющее, въ въ концѣ концовъ, самые основные, больные, жгучіе „проклятые“ вопросы жизни“. (Л. Лашкевичъ. „Рус. М.“ 1912—7).

7. **Целль, Э. д-ръ.** 151.3

Разумно ли животное? (Новый взглядъ на душу животнаго.) Переводъ съ нѣмецк. В. Соколова. Стр. 192. Изд. К. Тихомірова. М. 1912 г. Ц. 80 к.

Разсматриваемая книга относится къ числу тѣхъ, которыя должны подкупить читателя громкимъ заглавіемъ и развязностью изложенія. Содержаніе книги представляетъ собою наборъ плохо склеенныхъ между собою разсужденій на разныя темы объ остротѣ органовъ чувствъ животныхъ и объ ихъ психикѣ. Авторъ пишетъ тономъ, характернымъ развѣ только для анонимныхъ газетныхъ фельетонистовъ и хроникеровъ. Онъ „разбиваетъ“ одни авторитеты, покровительственно соглашается съ другими и побѣдоносно полемизируетъ съ какими-то авторами статей и замѣтокъ нѣмецкихъ газетъ и охотничьихъ листковъ. Мѣстами это звучитъ комично, мѣстами пренепріятно... Въ книгѣ есть много совершенно справедливыхъ упражненій справедливыхъ указаній на существованіе извѣстнаго соотношенія въ степени остроты органовъ чувствъ, но все это не ново, а выводы, дѣлаемые изъ этого авторомъ и толкованія его о психикѣ животныхъ наивны и совсѣмъ неосновательны...

... Что докторъ Целль написалъ много анекдотическихъ, псевдо-„научныхъ“ замѣтокъ для какихъ-нибудь нѣмецкихъ газетъ и календарей— это не удивительно. Что онъ собралъ ихъ вмѣстѣ и выпустилъ въ свѣтъ въ видѣ одной книги съ очень громкимъ названіемъ и развязнымъ предисловіемъ, это тоже мало удивительно. Но зачѣмъ понадобилось эту книгу переводить на русскій языкъ, и зачѣмъ издаетъ ее большая книжная фирма? — Это очень удивительно. (Е. Елачичъ „Соврем.“ 1912—7).

8. **Прокошевъ, П. А., проф.** 2(4—15)

Религіозный кризисъ на Западѣ Европы. (Модернизмъ.)

Появленіе въ литературѣ—настоящей брошюры является весьма своевременнымъ. Вопросы религіи въ послѣднее время особенно сильно занимаютъ мыслящее общество, и интересъ къ этимъ вопросамъ вызвалъ въ свѣтъ немало книгъ и брошюръ на темы, связанныя съ этими вопросами. Но брошюра профессора Прокошева, въ ко-

торой онъ касается послѣдовательнаго развитія религіознаго кризиса на Западѣ Европы, выдѣляется среди ряда изданій по аналогичнымъ вопросамъ. Начало религіознаго кризиса на западѣ профессоръ Прокошевъ относитъ къ концу XIX вѣка, когда по всему континенту Западной Европы прокатились раскаты грома негодованія папы Пія X, проклинавшаго современную реалистическую науку, свободу научнаго изслѣдованія, стремленія къ научнымъ открытіямъ, исканіе новыхъ формъ жизни, — потому что все это не отвѣчало стремленіямъ папы и рѣзко шло противъ его ученій. Не даромъ нѣмецкій ученый Вармундъ выразился о Піи X, что онъ хотѣлъ „надѣть кандалы не только на тѣло, но и на душу“ каждаго католика. Воинственныя выступленія папы были не безъ повода: они знаменовали, что приближается финалъ той тысячелѣтней трагедіи, которая по словамъ де-Скроховскаго, „создала гордыня человѣческая въ лицѣ папы—мнимаго намѣстника Величайшаго Смиренника — Христа“. Вѣчно ищущая, вѣчно стремящаяся впередъ душа человѣка не въ состояніи безконечно пребывать въ мертвящихъ путахъ формализма и догматизма. Она ищетъ новыхъ путей, гдѣ бы свободно проявлялись ея стремленія, гдѣ нашла бы просторъ критическая мысль. Но папа знаетъ одинъ только девизъ: никакого довѣрія человѣческому разуму, никакого мѣста свободному критическому изслѣдованію, а взамѣнъ всего этого — „слушаться папу и не возбуждать вопросовъ“. Естественно, что прогрессивная мысль на Западѣ не могла въ концѣ концовъ не вынести протеста противъ столь стѣснительныхъ поползновеній папы. Появилось новое движеніе, захватившее своими волнами не только территоріи западно-европейскихъ государствъ, но территорію великой сѣверо-американской республики. Это новое движеніе рѣзко отличается отъ всѣхъ предшествовавшихъ религіозныхъ движеній, такъ какъ въ идеѣ своей посягаетъ на руководящую роль папы въ области религіи. Это движеніе, именуемое модернизмомъ, является сознательнымъ и бурнымъ протестомъ противъ того, къ чему стремится папская власть. Въ противовѣсъ папскому авторитету модернисты, выдвигаютъ начала индивидуальной совѣсти. Не голосъ папы, а болѣе властный голосъ совѣсти долженъ быть рѣшающимъ въ вопросахъ религіи. По ученію модернистовъ, религія находится въ процессѣ непрерывной эволюціи, сообразно съ мѣняющимися соціальными условіями жизни и различными направленіями человѣческаго духа, и поэтому ее нельзя подчинить мертвымъ формамъ схоластики и догматизма: религія должна быть той религіей духа, въ которой примиряются безъ компромиссовъ требованія разума, съ требованіями совѣсти...

Вотъ, въ общихъ фразахъ содержаніе чрезвычайно интересной брошюры проф. Прокошева, которую можно отнести къ научно-историческимъ работамъ по вопросу о религіозномъ кризисѣ на Западѣ—вообще, и въ частности—о борьбѣ живой мысли со схоластикой. Къ взятой на себя задачѣ — освѣтить возможно ярче и подробнѣе существующее и продолжающее развиваться новое движеніе въ религіозной жизни Запада Европы—проф. Прокошевъ отнесся съ большимъ вниманіемъ и обективностью, при чемъ въ доказательство тѣхъ или иныхъ выводовъ и посылокъ онъ приводитъ факты научно-провѣренные и, такимъ образомъ, изслѣдованіе проф. Прокошева является цѣннымъ трудомъ для спеціалистовъ. Однако и не спеціалистами брошюра эта прочтется съ интересомъ, — этому способствуетъ живой, увлекательный языкъ и образныя сравненія, къ которымъ проф. Прокошевъ прибѣгаетъ для болѣе наглядняго поясненія своей мысли. (Вит. Ткачукъ „Истор. Вѣстн“. 1912—7).

9. **Антоновъ, Н. Р., свящ.** 2:001

Русскіе свѣтскіе богословы и ихъ религіозно-общественное міросозерцаніе. Т. I. 1912. Стр. 426—LVI. Ц. 2 р.

Несмотря на обширное предисловіе, выясняющее замыселъ и задачи настоящей книги, остается все-таки неяснымъ, зачѣмъ понадобилось автору объединить въ одномъ сочиненіи литературныя характеристики столь разнородныхъ по назначенію и по всей природѣ писателей и обществ. дѣятелей, какъ Н. Н. Аксаковъ, С. Д. Бабушкинъ, Н. А. Бердяевъ, С. Н. Булгаковъ, гр. П. А. Валуевъ, А. В. Васильевъ. Судя по предисловію, исходнымъ пунктомъ являлась для автора проблема отношенія *церкви и интеллигенціи*, заставившая его обратиться къ ближайшему выясненію типа и формы религіозности свѣтскихъ мыслителей, и тѣмъ восполнить существующій въ русской литературѣ пробѣлъ „подробнаго синтетическаго изслѣдованія о свѣтскомъ богословіи“. Если принять во вниманіе, что первый томъ такого синтетическаго изслѣдованія, по входящимъ въ него характеристикамъ писателей обусловленъ алфавитнымъ порядкомъ и что въ дальнѣйшихъ томахъ авторъ предполагаетъ уловить въ свою синтетическую сѣть такихъ разнородныхъ дѣятелей, какъ Д. С. Мережковскій, К. П. Побѣдоносцевъ, А. А. Козловъ и д-ръ Шиловъ, то тщетность предпріятія автора — въ смыслѣ полученія какой-нибудь объединяющей конструкціи должна стать очевидной... (С. Аскольдовъ. „Рус. М.“ 1912—7).

10. **Корвинъ-Милевскій, гр.** 254:282](47.6)

О реформѣ римско-католическаго духовенства въ Сѣверо-западномъ краѣ. 35 стр. Вильна. 1912 г. Ц. 20 к.

Имя автора этой интересной брошюры, какъ видно, литовскаго дѣятеля и бывшаго вліятельнаго члена Государственнаго Совѣта, ушедшаго изъ него по чисто принципіальнымъ побужденіямъ, достаточно извѣстно русскому обществу и пользуется его заслуженными симпатіями. Это—честный, умный, прекрасно образованный, независимый консерваторъ, въ лучшемъ, благородномъ смыслѣ этого слова.

Тѣмъ авторитетнѣе и цѣннѣе его разоблаченія о жизни католическаго духовенства, которыя онъ дѣлаетъ на основаніи своего продолжительнаго жизненнаго опыта и непосредственнаго, личнаго знакомства съ дѣломъ.

Вопреки нашимъ ходячимъ представленіямъ о ксендзахъ, какъ образованныхъ и ловкихъ фанатикахъ-пропагандистахъ католицизма, авторъ рисуетъ ихъ въ совершенно обратномъ видѣ: „большинство ксендзовъ страдаютъ вовсе не какими-то идеалами, а поголовно — алчностью и составляютъ вовсе не армію фанатическихъ пропагандистовъ, а просто особый родъ людей, занятыхъ главнымъ образомъ накопленіемъ денегъ и, въ

нерѣдкихъ случаяхъ, явнымъ развратомъ, что, дѣйствительно, авторъ обстоятельно далѣе и подтверждаетъ.

Въ общемъ изъ брошюры выносишь впечатлѣніе, что недавній скандальный процессъ Мацоха—далеко не исключеніе, а довольно типичная бытовая картина изъ жизни римско-католическаго духовенства; не даромъ различныя „сестры", „дэвошки", „терціарки", „дамы-патронессы", „тетушки и племянницы", „легальныя и нелегальныя семьи"—пестрятъ чуть не на каждой страницѣ брошюры.

Корень зла авторъ усматриваетъ въ томъ, что католическое духовенство Сѣверо-западнаго края вербуется почти исключительно изъ рядовъ некультурнаго крестьянства, разсматривающаго духовное служеніе, какъ предметъ выгоднѣйшей эксплоатаціи. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, онъ предлагаетъ рядъ серьезныхъ оздоровительныхъ реформъ, среди которыхъ выдвигаетъ и начало общественнаго представительства въ церковно-приходской жизни. (Пр.-доц. Покровскій. „У. Рос." 1912—180).

11. **Ясевичъ-Бородаевская, В.** 281.93.01(09)

Борьба за вѣру. Историко-бытовые очерки и обзоръ законодательства по старообрядчеству и сектантству въ его послѣдовательномъ развитіи. Съ 4-мя фотографическими таблицами. Спб. 1912. Ц. 4 р.

Это—сборникъ статей съ многочисленными приложеніями, которыя занимаютъ около половины книги. Среди статей есть, несомнѣнно, такія, которыя представляютъ интересъ. Таковы статьи, гдѣ авторъ разсказываетъ о своихъ впечатлѣніяхъ и наблюденіяхъ надъ сектантами. Остальное уже не носитъ характера оригинальности. Правда, весь текстъ автора проникнутъ хорошимъ чувствомъ, благорасположеніемъ ко всѣмъ гонимымъ за религіозныя убѣжденія и искренней вѣрой въ благодѣтельность религіозной свободы. Въ заключеніе въ главѣ „Гоненія и насилія продолжаются" авторомъ собраны факты о нарушеніи религіозной свободы за послѣдніе годы. Книга г-жи Ясевичъ — книга полезная, поучительная и въ значительной своей части интересная. Но, думается, авторъ придаетъ слишкомъ уже большое значеніе своему труду. Для автора это понятно, потому что этотъ трудъ—„дѣло" его жизни, потому что жизнь сектантовъ стала, какъ говоритъ авторъ, „моимъ горемъ, моими страданіями". Врядъ ли, однако, эту интимную сторону дѣла, этотъ внутренній лиризмъ слѣдовало выносить на страницы обращенія къ читателямъ въ книгѣ, посвященной въ значительной своей части историко-юридическимъ этюдамъ. Эти этюды очень несамостоятельны и ничего новаго въ литературу не вносятъ. Приложенія, сдѣланныя къ книгѣ и значительное ее удорожающія, также нельзя признать вполнѣ цѣлесообразными. (С. В. „Рус. Вѣд." 1912—187).

* **Корвинъ-Милевскій, гр.** 282:254](47.6)
См. поридк. № 10.

12. **Гольдцингеръ,** проф. 297(02)

Лекціи объ исламѣ. Приложена статья Г. Вамбери. Культурное движеніе среди русскихъ татаръ. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Черновой. Изд. „Брокгаузъ-Ефронъ". 1912. Стр. XI+302. Ц. 1 р.

„Современное человѣчество"—такъ называется новая серія книгъ, въ составъ которыхъ входитъ трудъ Гольдцингера. Полный комплектъ этой серіи составитъ „библіотеку обществознанія", которая будетъ содержать около трохъ десятковъ томовъ разныхъ иностранныхъ авторовъ и весьма разнообразнаго содержанія; редактировать это новое издательское предпріятіе будетъ г. Бикерманъ. Какъ ни велики, быть можетъ, его заслуги въ качествѣ журналиста, но навязанное ему руководительство серьезной и дорогой коллекціей книгъ по весьма широкой программѣ представляется дѣломъ весьма рискованнымъ. Разобраться въ великомъ богатствѣ западно-европейской научной литературы и выбрать подходящіе для русскаго читателя труды о современномъ человѣчествѣ—было бы болѣе подстать цѣлой коллегіи ученыхъ спеціалистовъ, чѣмъ скромному журналисту. Что даютъ для познанія современнаго человѣчества „Лекціи объ исламѣ"? Очень мало. Читатель жестоко ошибется, понадѣясь при помощи этой книги заглянуть за кулисы современнаго броженія мусульманскихъ народовъ. Лишь нѣсколько замѣчаній Гольдцингера и особенно приложенная къ его лекціямъ статья Вамбери затрагиваютъ эту тему. Въ цѣломъ же трудъ будапештскаго профессора—совсѣмъ другого поля ягода: его книга, прекрасная монографія по исторіи религіи. Именно съ этой стороны и слѣдуетъ рекомендовать ее читателямъ. Кто интересуется религіознымъ сознаніемъ во всѣхъ его развѣтвленіяхъ, кто привыкъ къ серьезному ученію и хотя бы въ общихъ чертахъ знакомъ съ прагматической исторіей магометанства, для того изслѣдованіе Гольдцингера окажется очень интереснымъ. Авторъ большой знатокъ ислама и строго объективный изслѣдователь.

...Проводники ислама и его мученики, ученые и схоластики, инквизиторы и свободные мыслители, реакціонеры и реформаторы—всѣ они проходятъ передъ читателями, очерченные безъ французскаго блеска, безъ художественной выпуклости, но умѣло и интересно. Издана книга сѣро и дорого. (Пант. „Истор. Вѣстн." 1912—7).

13. **Барановъ, В. О.** 301

Основныя начала общественнаго устройства. СПБ.

Въ брошюркѣ докторъ философіи Барановъ старается доказать, что правда вытекаетъ изъ требованій человѣческаго разума. Она есть первое, основное начало общественнаго устройства; второе основное начало есть справедливость; оно вытекаетъ изъ велѣній нравственнаго чувства, присущаго каждому; третье основоположное начало есть порядокъ, и онъ вытекаетъ изъ требованій необходимости. Авторъ успѣваетъ поговорить и о свободѣ воли, и о категорическомъ императивѣ, и объ эгоизмѣ и альтруизмѣ. Онъ признаетъ кантовскую формулу категорическаго императива, но дополняетъ его требованіемъ соразмѣрять свое поведеніе не только съ наименьшими требованіями, какія возможно поставить всѣмъ, но и увеличивать ихъ, сообразно

съ чувствуемой въ себѣ каждымъ моральной силой. Такимъ образомъ, формула справедливости такъ выражается: „поступай такъ, чтобы твой поступокъ не уменьшалъ, а увеличивалъ сумму счастья людей". Книжечка г. Баранова представляетъ скорѣе программу, чѣмъ изслѣдованіе. Это, повидимому,—конспектъ намѣченнаго труда. (М. Чуносовъ. „Бирж. В.". 1912—13086).

14/15. [. . . . .] 328 (47)

Что дѣлала и что сдѣлала третья Государственная Дума. Спб. 1912. 56 стр. Ц. 5 коп.—Русское государственное хозяйство и бюджетъ (Бюджетная работа Г. Думы). Спб. 1912. 55 стр. Ц. 5 коп.

Обѣ названныя брошюры, содержаніе которыхъ видно изъ заглавій, недурно обрисовываютъ всю дѣятельность правительства, Государственной Думы и Государственнаго Совѣта за пять лѣтъ совмѣстнаго труда, направленнаго главнымъ образомъ и въ существенномъ на то, чтобы оставить подольше незыблемыми всѣ старые устои россійской государственности. Не менѣе ярко выступаетъ въ нихъ безсиліе оппозиціи сдѣлать что-либо для народа въ Думѣ, выбираемой на основаніи закона 3-го іюня 1907 года, нынѣ усиленнаго еще болѣе. Изложеніе всей думской работы въ брошюрѣ настолько содержательно и объективно, что ихъ можно рекомендовать для чтенія всѣмъ избирателямъ. Единственное, о чемъ слѣдуетъ пожалѣть, что изложеніе недостаточно популярно для брошюръ такой дешевой цѣны, дѣлающей ихъ доступными любому грамотному крестьянину или рабочему. (А. Н—скій. „Рус. Вѣд." 1912—176).

16. **Соболевъ, М. Н.** 33(075)

Элементарный учебникъ политической экономіи для коммерческихъ училищъ и для самообразованія. Спб. 1912. 232 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Книга проф. Соболева имѣетъ всѣ данныя для заслуженнаго успѣха. Въ сравнительно небольшомъ объемѣ она даетъ, можно сказать, максимумъ содержанія; изложеніе отличается ясностью, и простотой, и эти качества дѣлаютъ учебникъ проф. Соболева вполнѣ доступнымъ для того контингента читателей, который онъ имѣетъ въ виду. Но написать учебникъ, который одновременно годился бы и какъ руководство для среднихъ коммерческихъ учебныхъ заведеній, и какъ пособіе для самообразованія,—дѣло въ высшей степени трудное,—неудивительно поэтому, что распланировка книги проф. Соболева, именно съ точки зрѣнія указанной ея двойственной задачи, не вполнѣ безупречна. Авторъ, несомнѣнно, считался со спеціальными задачами коммерческой школы,—но, мнѣ кажется, считался не въ достаточной мѣрѣ: въ учебникѣ, предназначенномъ для коммерческихъ училищъ, слѣдовало бы удѣлить больше мѣста и вниманія торговлѣ и всему, съ нею соприкасающемуся; въ такомъ учебникѣ была бы на мѣстѣ сравнительно подробная характеристика экономической роли, а также и самой организаціи оптовой и розничной торговли; слѣдовало бы дать понятіе о механизмѣ торговли такими товарами, какъ хлѣбъ, скотъ и животные продукты и т. п. на западѣ и у насъ: едва ли можно было обойти молчаніемъ такое у насъ, въ Россіи, все еще важное явленіе, какъ ярмарочная торговля; слѣдовало бы упомянуть о такомъ характерномъ для новѣйшей торговли явленіи, какъ универсальные магазины; не лишнее было бы подробнѣе коснуться вопроса о торговой политикѣ и въ частности—дать нѣкоторыя свѣдѣнія о таможенной политикѣ нашего отечества; слѣдовало бы подробнѣе выяснить механизмъ и экономическое значеніе вексельнаго курса и учетнаго процента, выдвинуть на болѣе самостоятельное мѣсто вопросъ о торгово-промышленной конъюнктурѣ и о чередованіи эпохъ промышленнаго оживленія застоя и кризиса и т. д. Съ точки зрѣнія задачъ самообразованія всѣ эти вопросы имѣютъ—если не считать послѣдняго—болѣе или менѣе второстепенное значеніе,—но зато на первый планъ выступаетъ другое обстоятельство: пособіе для самообразованія, хотя бы самое элементарное, всегда должно имѣть въ виду такого читателя, который не остановится на прочтеніи даннаго руководства, а захочетъ итти дальше въ своемъ ознакомленіи съ данной научною дисциплиною. Оно должно поэтому давать хотя бы самыя краткія указанія относительно литературы даннаго предмета, которыя могли бы послужить читателю руководящею нитью для углубленія въ предметѣ. Въ учебникѣ проф. Соболева такого рода указаній нѣтъ вовсе. А затѣмъ такую науку, какъ политическая экономія, едва ли можно излагать для ищущаго самообразованія читателя въ видѣ свода категорически формулированныхъ опредѣленій и положеній. Въ политической экономіи все, начиная съ самыхъ первыхъ основъ, спорно, и по каждому вопросу существуетъ множество взаимно другъ друга исключающихъ взглядовъ. Чтобы дать читателю правильное представленіе о дѣйствительномъ положеніи экономической науки, слѣдуетъ,—мнѣ кажется,—всегда подчеркивать эту спорность, шаткость и неустановленность ея опредѣленій и положеній. Между тѣмъ, у проф. Соболева въ двухъ только, если я не ошибаюсь, случаяхъ (цѣнность, торговая политика) выдвинуты и подчеркнуты существующія въ наукѣ или въ практикѣ различныя точки зрѣнія, какъ правило же изложеніе ведется, такъ сказать, въ аподиктической формѣ, безъ какого-либо намека на существующіе въ наукѣ споры и разномыслія.

Еще нѣсколько словъ по поводу общаго расположенія матеріала. Проф. Соболевъ отступаетъ въ этомъ отношеніи отъ общепринятой послѣдовательности: производство—обмѣнъ—распредѣленіе, и вопросы распредѣленія трактуетъ *раньше* вопросовъ обмѣна. Это связано, однако, съ тѣмъ неудобствомъ, что при изложеніи, въ особенности теоріи ренты, частью и теоріи заработной платы, ему приходится выхватывать отдѣльные куски теоріи цѣнъ, которые было бы гораздо удобнѣе излагать въ общей связи ученія о цѣнахъ, а затѣмъ уже только имѣть въ виду при изложеніи теоріи ренты или заработной платы.

Я не знаю, конечно, въ какой мѣрѣ проф. Соболевъ пожелаетъ посчитаться съ приведенными замѣчаніями при новомъ изданіи книги. Но и въ томъ видѣ, какъ она есть, она, несомнѣнно, займетъ почетное мѣсто среди популярныхъ руководствъ политической экономіи. (А. Кауфманъ. „Рѣчь". 1912—206).

17/18. **Литвиновъ-Фалинскій, В.** 331.823(47)

Какъ и для чего страхуются рабочіе. Спб. 1912 г. Стр. 140. Ц. 35 к. — Его же. Новые законы о страхованіи рабочихъ. Спб. 1912 г. Стр. 364. Ц. 3 р.

Первая изъ этихъ книжекъ, очень дешево и опрятно изданная, даетъ, кромѣ полнаго текста только что распубликованныхъ (въ концѣ іюля) законовъ о страхованіи рабочихъ, удачно составленное популярное изложеніе ихъ. Изложеніе это разбито на 35 небольшихъ главокъ, изъ которыхъ каждая посвящена отдѣльному, почти всегда удачно поставленному вопросу. Эта маленькая книжка заслуживаетъ самаго широкаго распространенія, — широкіе круги рабочихъ могутъ получить по ней не только точное, но въ общемъ и достаточно полное представленіе о своихъ новыхъ правахъ и обязанностяхъ, а также и объ общей картинѣ вводимаго страхованія ихъ и о перспективахъ, имъ открываемыхъ.

Вторая книга представляетъ попытку комментаріи къ законамъ 23 іюня. Достоинствомъ комментаріевъ г. Литвинова-Фалинскаго является его прекрасная освѣдомленность въ исторіи разработки закона и прохожденія его черезъ законодательныя инстанціи, а также въ административной практикѣ учрежденій, примѣняющихъ и толкующихъ законъ. Въ первой ея части, въ рядѣ небольшихъ очерковъ, изложены основныя положенія вводимаго у насъ страхованія рабочихъ въ связи съ характеристикой современной постановки обезпеченія у насъ рабочихъ на случай болѣзни. Въ дальнѣйшихъ частяхъ книги помѣщенъ текстъ всѣхъ страховыхъ законовъ съ постатейными разъясненіями ихъ, заимствованными изъ объяснительныхъ записокъ къ министерскимъ законопроектамъ, а также изъ журналовъ и докладовъ комиссій нашихъ законодательныхъ палатъ. Здѣсь же даны и тексты законовъ безъ разъясненій, а также выдержки изъ отдѣльныхъ частей свода законовъ, ссылки на которыя имѣются въ новыхъ страховыхъ законахъ. Имѣется, наконецъ, въ книгѣ и алфавитный предметный указатель.

Справедливость обязываетъ сказать, что новый комментарій г. Литвинова-Фалинскаго будетъ очень полезнымъ подспорьемъ для всѣхъ, кто заинтересуется или соприкоснется съ дѣломъ страхованія рабочихъ. (Б. Э. „Рѣчь“ 1912—213).

19. **Мыслављскій, Н.** 333.5(47)

Поземельная община въ Россіи. М. 1912 г. Ц. 80 к.

Книжка г. Мыслављскаго носитъ подзаголовокъ: „Опытъ историко-критическаго очерка взглядовъ на происхожденіе, развитіе и типы русской поземельной общины“. Цѣль ея — отвѣтить на вопросъ... есть ли русская поземельная община институтъ, извнѣ привнесенный въ крестьянскую среду, или же основа для нея жила и проявлялась въ поземельныхъ отношеніяхъ издавна, развившись исторически до своего современнаго типа путемъ естественной переработки государственной регламентаціи, проникавшей въ сферу свободныхъ ранѣе поземельныхъ отношеній“, — а затѣмъ еще „выяснить степень соотвѣтствія различныхъ современныхъ формъ и типовъ общиннаго землепользованія съ тѣми проявленіями общиннаго начала, которыя возможно засвидѣтельствовать въ историческомъ прошломъ русскихъ поземельныхъ отношеній“. Задача — читатель видитъ—благодарная, особенно въ первой ея части, и г. Мыслављскій разрѣшаетъ ее въ смыслѣ своего второго „или“: онъ признаетъ естественное развитіе общинно-уравнительныхъ формъ, но трансформированное подъ напоромъ государства и приспособленное къ публично-правовой роли, привнесенной извнѣ.

Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы г. Мыслављскій удовлетворительно справился съ взятою на себя задачей. Мы находимъ въ его книжкѣ изложеніе взглядовъ ряда авторовъ и обзоръ кой-какого фактическаго матеріала, но не находимъ въ ней никакого „историко-критическаго очерка“, который долженъ былъ бы уяснить эволюцію и взаимную связь идей, касающихся даннаго вопроса. Самый матеріалъ, трактуемый г. Мыслављскимъ, весьма не полонъ и производитъ впечатлѣніе совершенной случайности. Но, что главное, — г. Мыслављскій совершенно не прослѣживаетъ той преемственности развитія взглядовъ, прослѣдить которую должно было бы быть его главнѣйшею задачей. Въ частности, онъ даже не затрагиваетъ вопроса о вліяніи, какое оказали на историковъ изслѣдованія современныхъ общинно-земельныхъ распорядковъ. Если ко всему этому прибавить неотчетливое и расплывчатое изложеніе, въ которомъ иногда нелегко добраться до существенныхъ пунктовъ излагаемыхъ авторомъ взглядовъ, то придется притти къ заключенію, что поставленная г. Мыслављскимъ задача и послѣ выхода его книжки ждетъ своего разрѣшенія. (А. Кауфманъ. „Рѣчь“. 1912—206.)

20. **Закъ, Л. С.** 334:68

Формы экономической самопомощи въ области ремесленнаго труда. Съ приложеніемъ очерка Н. Л. Ароновича „О профессіональномъ образованіи ремесленниковъ“. Спб. 1912 г. Ц. 75 к.

Настоящая книга издана „Обществомъ ремесленнаго и земледѣльческаго труда среди евреевъ въ Россіи“. Интересуясь вопросами самодѣятельности еврейскаго населенія, ибо со стороны государственной и мѣстной власти ея ждать наивно, общество это рѣшило познакомить интересующихся вопросами ремесленной кооперації съ тѣмъ, что сдѣлано въ этой области въ другихъ странахъ, а также и среди еврейскаго населенія Россіи.

Книга распадается на нѣсколько главъ, при чемъ каждая глава посвящена особому виду кооперації. Такимъ образомъ читатель послѣдовательно знакомится въ краткомъ обзорѣ съ возникновеніемъ и судьбой различныхъ формъ ремесленной кооперації въ различныхъ странахъ. Въ настоящее время, когда вопросъ объ устойчивости мелкой формы промышленности продолжаетъ служить предметомъ споровъ и разногласій, обстоятельно написанная книга г-на Зака, несомнѣнно прочтется съ интересомъ. (М. Н. „Рус. Вѣд.“ 1912—164).

21. **Шапошниковъ Н. Н.** 339

Теорія цѣнности и распредѣленія.

Критическое изслѣдованіе о новѣйшихъ теченіяхъ въ экономической теоріи. М. 1912. II+235. Ц. 1 р. 50 к.

Книга Н. Н. Шапошникова является отголоскомъ оживленія теоретической мысли въ новѣйшей экономикѣ. Авторъ, самъ примыкающій къ математической школѣ экономистовъ, поставилъ своей задачей изложить и критически разсмотрѣть новѣйшія теоріи распредѣленія въ связи съ ученіемъ о цѣнности. Его книга распадается на двѣ части: первая, служащая введеніемъ, даетъ очеркъ теоріи цѣнности, а вторая, составляющая главное содержаніе сочиненія, посвящена распредѣленію. Здѣсь авторъ не ограничивается разборомъ новѣйшихъ теорій (Бемъ-Баверка, Вихера, Кларка, Карвера и др.), не останавливается и на теоріяхъ классиковъ и Маркса. Теоріи Тюнена посвящена особая глава.

Главное вниманіе автора обращено на ученія о такъ называемыхъ нетрудовыхъ доходахъ (прибыль и рента) въ работахъ экономистовъ австрійской и англо-американской школъ. Въ особенности онъ останавливается на попыткѣ построить теорію распредѣленія на такъ-называемой „идеѣ вмѣненія", заключающейся въ томъ, что на долю каждаго фактора производства приходится при распредѣленіи въ народномъ хозяйствѣ продуктовъ производственной дѣятельности та часть цѣнности этихъ продуктовъ, которая создана участіемъ въ производствѣ даннаго фактора. На этой мысли, принадлежащей въ сущности Тюнену, и строится теорія распредѣленія, какъ процесса, обусловливаемаго естественными законами хозяйственной дѣятельности, а не переходящими причинами, дѣйствующими только въ опредѣленной исторической обстановкѣ.

Въ результатѣ своихъ изслѣдованій г. Шапошниковъ приходитъ къ отрицательному выводу относительно разсмотрѣнныхъ имъ ученій и выражаетъ сомнѣніе относительно самой возможности построить абстрактно-дедуктивную теорію распредѣленія.

Изъ сказаннаго ясно, насколько самая тема работы молодаго экономиста интересна для всѣхъ, занимающихся вопросами экономической теоріи. Книга г. Шапошникова вводитъ читателя въ кругъ проблемъ, широко разработанныхъ современной политической экономіей, и даетъ полное и отчетливое представленіе о нѣкоторыхъ новѣйшихъ теченіяхъ экономической мысли, съ которыми далеко не всегда знакомы даже экономисты, не занимающіеся спеціально теоріей. Это одно уже составляло бы заслугу автора, особенно если принять во вниманіе значительную трудность сводной работы подобнаго рода. Но книга г. Шапошникова заключаетъ въ себѣ и немаловажный критическій матеріалъ. Авторъ не даетъ исчерпывающаго разбора изложенной имъ теоріи, ограничиваясь скорѣе критическими замѣчаніями о нихъ, но многое изъ того, что онъ высказываетъ при этомъ, интересно и цѣнно. Жаль только, что г. Шапошниковъ слишкомъ сжато выражаетъ свои собственные взгляды, иногда въ ущербъ ясности и убѣдительности изложенія. Нѣкоторыя его положенія,—напримѣръ, о сущности техническаго прогресса, о законѣ убывающей доходности капитала, о томъ, что всѣ рабочіе въ современномъ народномъ хозяйствѣ должны найти работу и др.,—требовали бы гораздо болѣе подробной разработки. (А. Мануиловъ. „Рус. Вѣд. 1912—182).

22. **Коптевъ, Д. А. и Латышевъ, С. М.** 343(47)(003)

Уголовное уложеніе (Статьи, введенныя въ дѣйствіе). С.-Петербургъ 1912 г., стр. 1128. Ц. 4 р. 50 к.

Когда уголовное уложеніе 22-го марта 1903 г. станетъ полностью дѣйствующимъ закономъ,—совершенно непзвѣстно. Между тѣмъ отдѣльныя статьи и главы его уже примѣняются, и требуютъ отъ юристовъ подробнаго ознакомленія, какъ съ общими началами новаго уложенія, такъ и съ тѣми мотивами и соображеніями, которые привели къ окончательной редакціи тѣхъ или иныхъ статей. Гг. Коптевъ (статсъ-секретарь Гос. Совѣта) и С. М. Латышевъ (помощникъ статсъ-секретаря) задались цѣлью дать въ руки юристамъ-практикамъ весь законодательный матеріалъ, необходимый для изученія тѣхъ раздѣловъ уголовнаго уложенія, которые введены въ дѣйствіе въ настоящее время. Кромѣ текста, общей части и спеціальныхъ статей по официальному изданію, составители привели подъ каждой статьей извлеченіе изъ трудовъ редакціонной комиссіи и журналовъ особаго совѣщанія, особаго присутствія и общаго собранія Гос. Совѣта. Всѣ эти выдержки даны настолько подробно, что онѣ могутъ вполнѣ замѣнить ознакомленіе съ подлинными трудами законодательныхъ учрежденій, которые при этомъ стали библіографической рѣдкостью. Кромѣ того, составители дали подробныя извлеченія изъ рѣшеній сената и главнаго военнаго суда, которыя тоже дѣлаютъ излишнимъ обращеніе къ самимъ рѣшеніямъ.

Указатели вопросовъ, возникшихъ въ судебной практикѣ по поводу примѣненія статей уголовнаго уложенія, и предметный указатель значительно увеличиваютъ практичность этого полезнаго труда, который можно смѣло рекомендовать всѣмъ юристамъ-практикамъ. (М. И. „Рѣчь" 1912—206).

23. **Рудинъ, Н.** 343.19(47)

Законъ о преобразованіи мѣстнаго суда. Спб. 1912. Ц. 3 р.

Въ настоящемъ изданіи приведенъ полный текстъ одобреннаго Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой и Высочайше утвержденнаго 15-го іюня 1912 г. закона о преобразованіи мѣстнаго суда. „Временныя правила о волостномъ судѣ" снабжены постатейными объясненіями на основаніи докладовъ комиссіи Государственнаго Совѣта и согласительной комиссіи и преній въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Пренія въ законодательныхъ учрежденіяхъ впрочемъ крайне слабо использованы авторомъ для сдѣланныхъ имъ комментаріевъ. Это въ особенности бросается въ глаза относительно преній въ Государственной Думѣ. Статьи новаго закона, касающіяся мирового суда, приведены безъ всякихъ объясненій. Изложенію закона предпосланъ вступительный очеркъ о реформѣ мѣстнаго суда, предоставляющій пересказъ мѣстной объяснительной записки министра юстиціи къ законопроекту. Во вступительномъ очеркѣ изложены также проекты комиссіи по судебнымъ реформамъ Государственной Думы, особой ко-

миссіи Государственнаго Совѣта и согласительной комиссіи. Книга—простой справочникъ, въ которомъ собранъ законодательный матеріалъ. Почему только такого рода компилятивныя изданія обычно выпускаются по весьма высокой цѣнѣ? (Н. І. „Рус. Вѣд.“ 1912—176).

24. [. . . . .] 343.915 (082).

Дѣти-преступники. Сборникъ статей съ предисловіемъ и подъ редакціей М. Н. Гернета, съ 15 фотографіями въ текстѣ и съ приложеніемъ библіографическихъ указаній. — Книгоизд. „В. И. Знаменскій и К⁰“.

Сборникъ состоитъ изъ статей, являющихся результатомъ огромной коллективной работы, начатой по иниціативѣ г. Гернета.

Въ первой части помѣщены двѣ статьи: С. А. Гуревича — „Отвѣтственность юныхъ преступниковъ по русскому законодательству“ и Х. М. Чарыхова — „Отношеніе дѣйствующаго уголовно-процессуальнаго законодательства къ малолѣтнимъ и несовершеннолѣтнимъ въ Россіи“. Во второй части сборника мы находимъ статьи разныхъ авторовъ, посвященныя факторамъ и особенностямъ дѣтской преступности въ Москвѣ, причемъ изслѣдованія касаются каждаго мирового участка г. Москвы.

Въ третьей части сборника мы находимъ статьи М. К. Заменгофа „Мѣры пресѣченія и наказанія, примѣняемыя къ юнымъ преступникамъ“, П. В. Всесвятскаго „Несовершеннолѣтніе въ тюрьмѣ“, гдѣ отмѣчена вся отрицательная сторона этихъ мѣръ борьбы съ преступностью дѣтей и проч.

Въ концѣ третьей части помѣщена статья А. Н. Тройкина „Общіе выводы“. Въ „приложеніяхъ“ сборника напечатаны: образецъ статистическаго листка анкеты участниковъ семинарія, образцы бумагъ дѣлопроизводства дѣтскаго суда въ С.-П. и указатели литературы: 1) указатель русской литературы о малолѣтнихъ преступникахъ, 2) иностранная литература о нихъ, 3) литература объ алкоголизмѣ дѣтей и 4) иностранная литература о дѣтскихъ судахъ.

Вся коллективная работа участниковъ семинарія, равно какъ статьи сборника, проводятъ ту мысль, что „дѣтская преступность и проституція—явленія, неразрывно связанныя съ соціальнымъ укладомъ нашего общества“ и что борьба съ этими недугами должна вестись посредствомъ воздѣйствія на порождающія ихъ причины. (І. Матернъ. „У. Рос.“ 1912—174).

*) **Бочаровъ, П. В.** 355 : 613.

См. порядк. № 28.

25. [. . . . .] 371 (09)

Очерки по исторіи педагогическихъ ученій. Изъ серіи: Воспитаніе въ семьѣ и школѣ, педагогическая академія въ очеркахъ и монографіяхъ, подъ общей ред. проф. А. П. Нечаева. М. 1912.

„Очерки“ представляютъ собою коллективный трудъ, выполненный по общему плану. Составъ его: исторія педагогики и ея задачи, образовательныя стремленія Возрожденія, Локкъ (В. В. Успенскій); педагогическія идеи античнаго міра, Песталоцци, педагогическія идеи Г. Спенсера съ краткимъ обзоромъ движенія англійской педагогической мысли въ XIX столѣтіи (В. Н. Ивановскій); соціальная педагогика Наторпа (Н. Н. Лапшинъ); І. Ф. Гербартъ и его школа (А. Ф. Музыченко); христіанство и средневѣковая педагогика, Я. А. Коменскій (А. В. Ельчаниновъ); Ж. Ж. Руссо (А. А. Красновскій); Ф. А. Вольфъ и неогуманисты (Н. Н. Смирновъ); основныя положенія системы воспитанія Фридриха Фребеля (Е. С. Додюлина). Такъ какъ матеріалъ этотъ расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ, то получается въ общемъ связная исторія педагогическихъ идей, правда, съ древнихъ временъ до начала XIX столѣтія написанная преимущественно въ видѣ очерковъ общаго движенія, а начиная съ XIX вѣка—фрагментарно, въ видѣ очерковъ, посвященныхъ отдѣльнымъ мыслителямъ. Въ книгу намѣренно не включены статьи, касающіяся спеціально судебъ русской педагогики или характеризующія современныя теченія педагогической мысли, такъ какъ статьи эти войдутъ въ особый томъ „Педагогической Академіи“. Авторы статей старались оттѣнить лишь наиболѣе существенные моменты въ исторіи педагогическихъ ученій. Читатели, желающіе болѣе углубиться въ изученіе того или другаго вопроса, могутъ воспользоваться богатыми библіографическими указаніями, приложенными ко всѣмъ статьямъ, кромѣ сжатаго изложенія Наторпа, сдѣланнаго г. Лапшинымъ. Эти библіографическія указанія нужно поставить въ заслугу составителямъ сборника, такъ какъ они заполняютъ весьма ощутительный пробѣлъ. Въ общемъ русская литература по педагогикѣ обогатилась очень цѣннымъ новымъ пособіемъ. (Н. С—овъ „Рус. Вѣд.“ 1912—83).

* **Менстровъ, М.** 371 : 891.7.09](081).

См. порядк. № 46.

* **Морозовъ, Николай.** 5+91] : 517.

См. порядк. № 26.

26. **Морозовъ, Николай.** 517 : [5+91.

Функціи. Наглядное изложеніе дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія и нѣкоторыхъ его приложеній къ естествознанію и географіи. Изд. К—ва „Сотрудникъ“. Спб.—Кіевъ, 1912. Стр. 464. Ц. 3 р. 50 к.

Наша, какъ оригинальная, такъ и переводная литература очень бѣдны хорошими сочиненіями по математикѣ, въ особенности, популярными сочиненіями, которыя давали бы ясное и отчетливое представленіе о математикѣ, ея значеніи и роли въ различныхъ областяхъ знанія и, въ особенности, о пользованіи ею, какъ однимъ изъ надежнѣйшихъ методовъ въ естествознаніи.

Поэтому появленіе этой книги можно только привѣтствовать. Авторъ съ крайней простотой и наглядностью излагаетъ проблемы математическаго анализа, незамѣтно и легко вводя даже неопытнаго читателя въ область высшей математики, въ область безконечно малыхъ величинъ.

Несмотря на громадное значеніе математики, она, къ сожалѣнію, благодаря сухости изложенія, отсутствію наглядности и какой-то кастовой зам-

кнутости математиковъ (вспомнимъ еще Платона, написавшаго на своихъ дверяхъ; „Не математикъ не входи“) пользуется чуть ли не самой незначительной популярностью среди всѣхъ другихъ наукъ и въ особенности это можно сказать о такъ называемой, высшей математикѣ, принципы которой въ сущности такъ просты и доступны.

Н. А. Морозовъ своей книгой, можетъ быть, до нѣкоторой степени исправитъ этотъ грѣхъ математиковъ. Въ его книгѣ все основано на принципѣ наглядности. Каждая функція у него имѣетъ свою конкретизацію въ видѣ соотвѣтствующей графики. Давая методы дифференцированія и интегрированія функцій, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ и 23 таблицы для вычисленія частныхъ значеній этихъ функцій съ точностью, вполнѣ достаточной для цѣлей естествознанія. Читается книга, благодаря хорошему языку, очень легко. („Вѣст. Зн.“ 1912—6).

27. **Міэ, Г.** 577.2.

Жизнь и ея проявленія. Переводъ съ нѣмецк. съ измѣненіями и дополненіями С. Нагибина и Л. Кречетовича. 249 стр., 164 рис. Изд. Сабашниковыхъ. М. 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

Авторъ въ рядѣ главъ разсматриваетъ всѣ главнѣйшія и характернѣйшія проявленія жизни животныхъ и растеній. Начиная съ общихъ понятій о живомъ существѣ и съ основныхъ элементовъ живого существа—клѣтки, авторъ переходитъ къ тканямъ, одно и многоклѣточнымъ живымъ существамъ...

...Книга обнимаетъ собою почти всѣ главнѣйшіе вопросы общей біологіи, и надо отдать автору справедливость — ему прекрасно удалось въ небольшомъ, относительно, объемѣ ясно, достаточно полно и притомъ вполнѣ серьезно изложить столько разнообразнаго матеріала. Не всѣ главы одинаково удались, но общее впечатлѣніе книга производитъ прекрасное, и книга эта хорошо вводитъ читателя въ кругъ вопросовъ общей біологіи.

Лучше всего удались главы, знакомящія съ міромъ бактерій и съ ихъ огромною ролью въ экономіи природы, въ особенности въ ходѣ круговорота азота. Очень хорошо описаны новыя ученія о ферментахъ и объ иммунитетѣ. Менѣе удачны главы объ эволюціонныхъ теоріяхъ и главы о сообществахъ. Онѣ слишкомъ кратки и мало что даютъ. Неудобно тоже говорить, что Ламаркъ былъ просто одинъ „изъ важнѣйшихъ предшественниковъ Дарвина“, — это и несправедливо, да и невѣрно. Также слишкомъ кратки и данныя о взглядахъ Де-Фриза. Въ послѣдней главѣ допущено невѣрное освѣщеніе сообщества муравьевъ и пчелъ, которыхъ авторъ напрасно именуетъ „государствомъ“, хотя и самъ признаетъ это не совсѣмъ правильнымъ. Слѣдуетъ также отмѣтить, что книга Гуго Міэ переведена очень хорошо и снабжена множествомъ очень цѣнныхъ примѣчаній и дополненій. Благодаря этому книга не только не хуже подлинника, какъ это обыкновенно случается, но опредѣленно лучше его. Очень умѣстны и интересны особыя дополненія, помѣщенныя въ концѣ книги. Въ нихъ кратко, но хорошо и понятно, даются понятія о принципѣ устройства ультра-микроскопа, приводятся интересныя данныя о скорости размноженія бактерій, о ферментахъ, объ образованіи пола, распространеніи жизни въ міровомъ пространствѣ о объ аналогіяхъ нѣкоторыхъ проявленій жизни съ процессами, наблюдаемыми у кристалловъ.

Книгу эту хочется рекомендовать каждому, кто хотѣлъ бы серьезно ознакомиться съ основными вопросами общей біологіи, не прибѣгая къ обширнымъ спеціальнымъ сочиненіямъ.

Издана книга вполнѣ удовлетворительно, если не считать довольно большого числа опечатокъ. (Е. Елачичъ. „Соврем.“ 1912—7).

28. **Бочаровъ, П. В.** 613:355

Основы военной гигіены для юнкеровъ и офицеровъ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

Въ широкомъ смыслѣ военная гигіена есть наука о сбереженіи здоровья солдатъ.

Предметъ ея составляетъ выясненіе значенія для здоровья и развитія солдата — воздуха и свѣта, тепла и холода, одежды и обуви, воды и пищи; изученіе условій совмѣстной казарменной жизни мирнаго времени; оцѣнка солдатской амуниціи и снаряженія и крайнихъ предѣловъ затраты силъ въ смыслѣ работы, отдыха и сна во время похода и войны.

Написанная авторомъ по этому предмету книга едва ли можетъ назваться учебникомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова: въ учебникахъ мы обыкновенно привыкли встрѣчать сухое, официальное изложеніе, книгу же г. Бочарова можно скорѣе отнести къ разряду живо, интересно и общедоступно написанныхъ трактатовъ, сохраняющихъ, однако, при всемъ этомъ свой вполнѣ научный характеръ.

Во введеніи авторъ говоритъ, что изученіе военной гигіены немыслимо безъ знакомства съ анатоміей, физіологіей и съ ученіемъ о движеніи, поэтому и начинаетъ свой курсъ съ изученія условій жизни на открытомъ воздухѣ, разсказавъ предварительно о составѣ воздуха, его физическихъ свойствахъ и разъяснивъ гигіеническое значеніе солнечнаго свѣта.

Перейдя затѣмъ къ вопросу объ условіяхъ жизни въ жилѣ, авторъ даетъ гигіеническую оцѣнку способовъ искусственнаго освѣщенія.

Во второй части затронуты вопросы питанія; здѣсь г. Бочаровъ подробно говоритъ о припасахъ растительнаго и продуктахъ животнаго происхожденія, о спиртныхъ напиткахъ и походныхъ консервахъ.

Третья и послѣдняя часть книги трактуетъ о лагерной и боевой жизни.

Книга читается легко и, несмотря на серьезность трактуемыхъ ею вопросовъ, порою вызываетъ улыбку читателя нѣкоторыми юмористическими вставками, напоминающими обычный стиль генерала Драгомирова. (В. Д—цевъ. „Гол. М.“ 1912—185).

* **Закъ, Л. С.** 68:334

См. порядк. № 20.

* **Фрейдъ, Зигмундъ, проф.** 75:92(V)

См. порядк. № 52.

29. **Хованскій, Дм.** 792(47.71)

Больной вопросъ. (Къ вопросу о

возрожденіи украинскаго народнаго театра). 20 стр. Харьковъ, 1912.

Основная мысль этой брошюры, по существу, совершенно правильна: современный украинскій театръ агонируетъ.

Всѣмъ хорошо извѣстно, что отсутствуютъ сейчасъ въ этомъ театрѣ три основныхъ элемента каждаго театра: авторъ, артистъ и зритель.

Автора нѣтъ, потому что нѣтъ украинской драматической литературы, могущей удовлетворить современнаго зрителя; зрителя нѣтъ, потому что „гопакъ да горилка", эта ось малороссійскаго репертуара, больше не могутъ создать зрительнаго зала; и наконецъ, нѣтъ артистовъ, потому что Кропивницкій и Карпенко-Карый умерли, Заньковецкая и Манько потускнѣли, а молодежь, что поталантливѣе, ушла на великорусскія сцены.

Все это понимаетъ и авторъ брошюры. И, тѣмъ не менѣе, онъ надѣется, что можно еще вызвать снова къ жизни малороссійскій театръ. Мѣры, которыя онъ предлагаетъ, туманны, наивны, сумбурны; дѣло не въ антрепренерахъ, жаждущихъ наживы (гдѣ ихъ нѣтъ!), не въ драконовскихъ контрактахъ и небольшомъ жалованьи артистамъ (этому такъ сравнительно легко помочь!), а въ томъ, что нельзя возрождать то, что не можетъ не умереть, ибо малороссійскій театръ есть уже отсталыя, давно нами пережитыя формы драматическаго творчества. Нѣтъ и потребности въ его возрожденіи: иначе явилась бы и національная драматическая литература и талантливые артисты.

Брошюра написана, очевидно, „на-спѣхъ", а напечатана еще небрежнѣе. (В. Волинъ. „Стол. М.", 1912—256).

* **Бахтинъ, Н. Н.** 792:016

См. порядк. № 1.

30. **Бангъ, Г.** 839.81—3

Полное собраніе сочиненій, томъ IX: „На пути". М. 1912. Кн-во „Современныя проблемы". Ц. 1 р.

Это одно изъ лучшихъ произведеній покойнаго датскаго беллетриста. Съ реалистической картиной соннаго, захолустнаго міра соединяется здѣсь простая, но необыкновенно грустная и трогательная житейская исторія. Главная героиня романа, молодая жена начальника маленькой желѣзнодорожной станціи Бая, по имени Катинка, принадлежитъ къ наиболѣе свѣтлымъ, привлекательнымъ женскимъ образамъ въ творчествѣ Банга. До поры до времени Катинка готова была считать себя почти счастливой или по крайней мѣрѣ не задумываться надъ вопросомъ о томъ, счастлива ли она съ мужемъ, которому всегда недоставало тонкости и настоящаго чутья и который послѣ ея смерти долженъ былъ вскорѣ забыть ее. Но вотъ она встрѣчаетъ совершенно случайно на своемъ пути человѣка, гораздо болѣе чуткаго, отзывчиваго, сумѣвшаго ее оцѣнить. Невольная симпатія къ нему незамѣтно переходитъ,—она это чувствуетъ,—въ любовь. Но Катинка не изъ тѣхъ женщинъ, которыя способны бороться за свою любовь или нарушать изъ-за нея то, что она считаетъ своимъ долгомъ. Когда она ясно видитъ, что полюбила, она не мечтаетъ о счастьѣ и только умоляетъ любимаго человѣка скорѣе уѣхать и никогда болѣе не возвращаться. Онъ дѣйствительно уѣзжаетъ съ болью въ сердцѣ, чтобы навсегда сохранить въ своей памяти ея образъ, — но молодая женщина не можетъ вынести этого потрясенія, которое она сама добровольно вызвала; она начинаетъ тосковать, задумываться, чахнуть, и все это завершается довольно скоро почальной развязкой. Въ данномъ случаѣ Германъ Бангъ лишній разъ показалъ, какъ много можно извлечь изъ простого, несложнаго сюжета, какой интересъ способны представить въ освѣщеніи опытнаго, талантливаго беллетриста переживанія тѣхъ людей, мимо которыхъ быть можетъ, проходимъ въ жизни, даже не замѣчая ихъ. Безхитростный разсказъ о томъ, какъ зачахла и сгорѣла бѣдная Катинка Бай, соединяется въ романѣ съ весьма остроумной подчасъ характеристикой мѣстныхъ жителей, которыхъ можно постоянно видѣть на желѣзнодорожной станціи. (Ю. В. „Рус. Вѣд." 1912—176).

31/35. **Іенсенъ, Іог.** 839.81—3

Собраніе сочиненій. Томы V, VI, VII, VIII, IX. Изд. В. М. Саблина. М. 1911—1912. Ц. каждаго тома 1 р.

Семьдесятъ пять произведеній — разсказы, очерки, повѣсти, путевые наброски, характеристики, стихотворенія въ прозѣ — входитъ въ составъ этихъ пяти томовъ собранія сочиненій Іенсена въ русскомъ переводѣ. Отдѣльно стоитъ большая, занимающая цѣлый томъ, повѣсть „Ледникъ"; остальныя вещи распадаются на нѣсколько цикловъ: „Экзотическія новеллы", „Интермеццо", „Лѣса", „Новый Свѣтъ", „Крестьянская культура", „Ютландскіе разсказы", „Мины". Среди этихъ десятковъ произведеній найдутся такія, которыя можно было смѣло не переводить: они ничѣмъ не выдаются да и не типичны для Іенсена. Но въ общемъ эти пять томовъ даютъ понятіе объ отличительномъ характерѣ и размѣрахъ дарованія датскаго беллетриста. Творчество его отличается разнообразіемъ и богатствомъ мотивовъ,—но это достоинство можетъ показаться недостаткомъ въ трехъ случаяхъ: когда оно соединяется съ отсутствіемъ цѣльности, переходитъ въ какую-то пестроту и смѣшеніе разнородныхъ взглядовъ, симпатій и художественныхъ идеаловъ. Въ „Ледникѣ" Іенсенъ, подобно братьямъ Рони въ ихъ „доисторическихъ" романахъ, старается возсоздать ледниковый періодъ, изобразить жизнь и нравы первобытныхъ людей; это — одна изъ наиболѣе оригинальныхъ по замыслу его вещей. Какъ авторъ „Ютландскихъ разсказовъ", онъ является типичнымъ скандинавомъ, правдиво, детально и съ любовью описывающимъ народную жизнь, захолустный бытъ, своеобразный обликъ природы, — выводящимъ выхваченныя изъ жизни фигуры съ характернымъ для нихъ міросозерцаніемъ и оригинальнымъ юморомъ. На ряду съ этимъ Іенсену свойственно стремленіе изображать все необычайное, красочное, незатронутое культурой, непохожее на европейскую дѣйствительность. Среди его „Экзотическихъ новеллъ" найдутся интересныя и яркія вещи, въ которыхъ невольно привлекаетъ вниманіе мѣстный колоритъ, дѣйствительно талантливая передача мало знакомой и чуждой для насъ жизни; и въ нѣкоторыхъ другихъ его произведеніяхъ, — напримѣръ группѣ очер-

ковъ „Лѣса"— экзотизмъ играетъ значительную роль. Человѣкъ съ трезвымъ, реалистическимъ міросозерцаніемъ, отводящій много мѣста бодрымъ, энергичнымъ мотивамъ, онъ создаетъ и такія вещи, которыя бьютъ по нервамъ и производятъ впечатлѣніе гнетущаго кошмара („Зимняя ночь", „Кондигнотъ", „Насѣкомыя" и др.), а съ другой стороны—приближается иногда къ уголовно-сенсаціонному жанру, хотя бы нѣсколько облагороженному... Талантъ автора сказывается во многихъ случаяхъ, но недостатокъ внутренняго единства также бросается въ глаза. (Ю. В. „Рус. Вѣд." 1912—170).

36. **Ленерю, М.** 84—2/3.

„Живая". Легенда. — „Освобожденные". Драма. Перев. съ франц. М. 1912. Книгоизд. „Звѣзда".

О французской беллетристкѣ Маріи Ленерю заговорили сравнительно недавно, когда ея фантастическій разсказъ „La vivante" былъ премированъ на одномъ литературномъ конкурсѣ, выдѣленный изъ полутораста произведеній, которыя поступили на разсмотрѣніе жюри. Шумный успѣхъ выпалъ на долю ея пьесы „Les affranchis", которая вызвала въ различныхъ органахъ печати рядъ крайне сочувственныхъ, иногда даже слишкомъ восторженныхъ отзывовъ. Въ настоящее время и „La vivante", и „Les affranchis" переведены по-русски и выпущены отдѣльнымъ изданіемъ. Что касается легенды Ленерю, то значеніе этой небольшой вещицы, представляющей собою новую,—довольно оригинальную, правда,—варіацію на тему объ оживающей и одухотворяющейся статуѣ, несомнѣнно, было все-же нѣсколько переоцѣнено. Въ пьесѣ можно найти гораздо больше интереснаго, и вообще она заслуживаетъ вниманія во многихъ отношеніяхъ. Если о ней сочувственно отозвались между прочимъ нѣкоторые замѣтные парижскіе литераторы, это вызвано было отчасти ея художественными достоинствами, но, быть можетъ, болѣе всего ея идейнымъ содержаніемъ. „Освобожденные" — одна изъ такъ-называемыхъ pièces à thèse, затрогивающихъ какой-нибудь боевой вопросъ и пытающихся дать посильное его разрѣшеніе. Г-жа Ленерю сама говоритъ въ своемъ предисловіи, что ее волнуетъ „вѣчная проблема добра и зла" и что именно эту проблему она имѣла въ виду затронуть въ пьесѣ; тутъ же она полемизируетъ съ тѣми, кто хотѣлъ найти въ „Освобожденныхъ" слѣды вліянія Ницше. Дѣйствительно, не можетъ быть рѣчи о настоящей ницшеанской струѣ въ пьесѣ Ленерю, хотя главный герой, Филиппъ Алькье, и выведенъ сильной личностью, типичнымъ индивидуалистомъ, создателемъ новой морали, сводящейся къ слѣдованію природѣ, пользованію всѣми житейскими благами, торжеству властной воли, презирающей всѣ условныя понятія и традиціонныя нравственныя нормы. Но этотъ философъ, заявляющій въ своихъ лекціяхъ и статьяхъ, что „все позволено", въ частной жизни является до поры, до времени настоящимъ аскетомъ, ничѣмъ не подтверждаетъ на дѣлѣ своихъ теоретическихъ построеній. Изобразить душевныя переживанія Алькье въ критическій моментъ, когда онъ впервые поддается сильному искушенію, долженъ отъ отвлеченныхъ теорій перейти къ конкретному случаю и принять извѣстное рѣшеніе, — вотъ что между прочимъ хотѣла французская писательница. Пьеса безусловно наводитъ на много мыслей и можетъ вызывать толки и споры; въ художественномъ отношеніи ей мѣстами вредятъ длинноты и отсутствіе настоящаго дѣйствія. (Ю. В. „Рус. Вѣд." 1912—187).

37. **Зиловъ, Л.** 891.7—1

Дѣдъ. К-во „Метели". М. 1912 г.

Многіе ли изъ нынѣшнихъ поэтовъ способны написать стихотворную поэму въ 3 тысячи слишкомъ строкъ? Левъ Зиловъ, не смутясь, продѣлалъ этотъ большой фокусъ и написалъ весьма длинную поэму, даже слишкомъ длинную.

Талантливъ ли авторъ? Его талантливость несомнѣнна, и многое ему удается прекрасно. Явленія обыденщины, медленный ходъ жизни, охваченной властью прошлаго, вліяніе пережитковъ и наслѣдій, отъ которыхъ нѣтъ силъ освободиться... Далѣе: внѣшніе предметы человѣческаго обихода, съ ихъ особой физіономіей, съ назойливостью ихъ существованія и ихъ власти надъ человѣкомъ, старинные дома, обжитые комнаты съ шорохами и запахами, унылые переулки и деревянныя дачи,—все, на чемъ лежитъ „тавро не-жизни, тлѣна скудный ликъ", и, наконецъ, пейзажъ и жанръ, типично-русская крикливая суетня на волжскихъ пароходахъ, — во всемъ этомъ авторъ увѣренный хозяинъ. Особенно же ему удаются детали и мелкія черты. Но этихъ деталей излишне много въ его поэмѣ; въ каждой строфѣ эти подробныя въ мелкихъ чертахъ описанія.

Зато движенія въ поэмѣ очень мало. Ея дѣйствіе не разливается, а медленно ползетъ, и читатель тонетъ въ лабиринтѣ однообразно-четкихъ описаній.

...Сѣрой и будничной декораціи, которой авторъ снабдилъ свою поэму, вполнѣ соотвѣтствуетъ и внутренній ея духъ, ея идея. Авторъ достигъ своей цѣли: его герой, молодой литераторъ, на самомъ дѣлѣ юноша-старикъ. И онъ, и его еще молодая жена Кадя, слишкомъ податливы на обывательскую обстановку, ихъ души стиснуты въ тискахъ, и сами они все время движутся подъ слишкомъ низкими потолками. (П. Кожевниковъ. „У. Рос." 1912—185).

38. **Рудичъ, В.** 891.7—1

Четвертый сборникъ стиховъ. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1912.

Пусть въ нихъ есть недостатки и, въ то же время, какъ пріятно читать эти несовершенные стихи! Въ поэзіи Вѣры Рудичъ что-то подкупаетъ, отъ ея стиховъ не оторваться. Они запоминаются, они какъ-то освѣжаютъ и умиротворяютъ душу. Но развѣ не простой водой утоляютъ жажду? Развѣ вода подчасъ не слаще самыхъ пряныхъ напитковъ? Для нашихъ дней поэзія Вѣры Рудичъ имѣетъ особенную цѣну—эта поэзія таитъ въ себѣ то, чего намъ особенно не хватаетъ,—въ ней—чистота и свѣжесть чувствъ, правдивость и наивность выраженія. Что изъ того, что у этихъ стиховъ такія обычныя риемы, такой простой покрой,—зато эти стихи богаты духомъ и чувствомъ, зато въ этихъ стихахъ волнуется душа живая. И потому о стилистикѣ не помышляешь, наоборотъ, радуешься ея отсутствію. На примѣрѣ брюсовской риторики мы ясно видѣли, какъ умираютъ мысль и чувство въ замы-

рованномъ склонѣ пустозвонной версификаціи. Да и вообще убѣдились наглядно, что погони за блескомъ и украшеніями не привела поэзію къ добру—такъ стоитъ ли жалѣть о побрякушкахъ, когда нашлось „единое на потребу“—истинное поэтическое чувство, когда говоритъ человѣкъ свое слово тепло и понятно, безъ лжи и расчета. Написанныя „старомодно“, стихи Вѣры Рудичъ на фонѣ современности являются по содержанію новыми и несравнимыми. Въ царствѣ ходульнаго демонизма, въ морѣ трагической фразеологіи, въ толпѣ чухломскихъ потрисателей, въ неистовомъ шумѣ пустозвонства—и вдругъ: безъ грима, безъ котурновъ, безъ архангельской трубы,—брови на мѣстѣ, лобъ чистъ, губы спокойны, на лицѣ—ни румянъ, ни пудры, бутафорскія крылья сняты, поэтъ снова человѣкъ, какъ человѣкъ,—и походка, и разговоръ, и чувства—все обыкновенное, доступное, неумышленное. Но развѣ это не то, что намъ и нужно, развѣ не мечтаемъ о трезвости, ясности, спокойствіи и правдивости въ литературѣ? Поетъ простая открытая душа—какъ же къ такому голосу теперь не прислушаться? Задушевность, сердечность, искренность Вѣры Рудичъ—все это располагаетъ къ ея поэзіи болѣе, чѣмъ самыя изысканныя риомы, самые утонченные образы—къ произведеніямъ другихъ стихотворцевъ. Среди стихотворцевъ Вѣра Рудичъ—поэтъ, ибо ея слова животворятъ и волнуютъ, ибо каждое изъ нихъ доносится въ душу. (А. Бурнакинъ. „Нов. Вр.“ 1912).

39. **Догановичъ, А.** 891.7—3

„Три“. Бытовые очерки. Изд. В. С. Спиридонова. М. Ц. 40 к.

Изящно изданная книжка заключаетъ въ себѣ три очерка, которые ранѣе были помѣщены въ „Русской Мысли“. Каждый очеркъ имѣетъ вполнѣ законченный характеръ, но между ними есть внутренняя связь въ эволюціи основного женскаго типа, который, при нарастаніи, претерпѣваетъ послѣдовательные фазисы своего развитія въ связи съ измѣненіемъ условій окружающей его среды. Героини очерковъ—изъ среды домашней прислуги. „Старая“—типъ отживающій, это—тѣ „послѣдніе могикане“, которые для нашего времени уже кажутся странными, малопонятными. Если хотите, „старыя“ слишкомъ идеальны въ своемъ смиреніи, въ своей преданности и привязанности. Но онѣ положительно „красивы“ духовно. „Питерячка“ — порожденіе переходнаго времени. Это то, что мы теперь имѣемъ, и оно уродливо, скверно. „Новая“—типъ еще нарождающійся. Это одна изъ сознательныхъ, но пока не сформировавшаяся, а въ будущемъ она явится (должна явиться) желаемымъ типомъ прислуги.

Всѣ три типа очерчены ярко и выпукло. Бытъ описанъ тонко; видно, что авторъ умѣетъ наблюдать и проникать въ тайники человѣческой души. Лучшимъ по исполненію надо признать первый—„Старая“, самымъ оригинальнымъ третій—„Новая“. Въ „Питерячкѣ“ всего детальнѣе разработанъ бытъ.

Языкъ хорошій, образный.

„Новая“ переведена на нѣмецкій языкъ. Несомнѣнно, прежде всего фабула обратила на себя вниманіе, а затѣмъ и умѣніе автора дать жизненное изображеніе еще, такъ сказать, предчувствуемаго типа. Здѣсь не только фактъ, но и пожеланія автора видѣть, какъ фактъ, то, что еще намѣчается жизнью. Несомнѣнно, желательно, чтобы „новыя“ смѣнили собою „питерячекъ“. (А. В. „Ил. Обозр. Гол. М.“ 1912—181).

40. **Калій. (А. М. Селитренниковъ).** 891.7—3

„Спириты“ и др. юмористическіе разсказы. Изд. 2-е т-ва М. О. Вольфъ. Спб., 1912. Ц 1 р.

Волна юмористики, захлестнувшая въ послѣдніе годы многихъ нашихъ писателей, создавшая цѣлый кадръ увеселительныхъ журналовъ съ присяжными смѣхотворами, совсѣмъ нечаянно, самымъ краешкомъ лизнула нѣкоего г. Калія.

Волна это сдѣлала шутя, безо всякой мысли о послѣдствіяхъ, а г. Калій принялъ все за чистую монету, прикосновеніе волны за поцѣлуй. И совершенно не основательно вообразилъ себя юмористомъ.

Написалъ „сатирическій романъ“ и два тома „юмористическихъ разсказовъ“, первый изъ которыхъ только-что вышелъ вторымъ изданіемъ.

Второе изданіе указываетъ уже на нѣкоторый успѣхъ автора, на то, что его читаютъ и къ его произведеніямъ относятся съ интересомъ.

Объяснить это явленіе я затрудняюсь—оно относится къ одной изъ многихъ неразрѣшимыхъ загадокъ современности.

Весь первый томъ г. Калія построенъ на шаткомъ фундаментѣ старыхъ анекдотовъ и гдѣ-то уже прочитанныхъ, часто полузабытыхъ, но все-таки извѣстныхъ шутокъ.

Самаго главнаго для юмориста, т.-е. юмора у г. Калія нѣтъ. Вполнѣ напрасно думаетъ онъ, что кого-нибудь насмѣшитъ его сравненіе легкихъ тучекъ съ аэропланами, гонимыми ночнымъ бризомъ, или названіе луны—свѣтиломъ городской управы („На берегу моря“). Едва ли вызоветъ улыбку даже признаніе дачной хозяйки о томъ, что она сварила вареньe изъ муравьевъ съ пескомъ („На дачѣ“). Слишкомъ ужъ печальны и жалки подобныя „остроты“.

Но, однако, книга г. Калія вышла вторымъ изданіемъ. Значитъ, кто-нибудь читаетъ же ее, значитъ есть поклонники у новаго юмориста?.. (О. Леонидовъ. „Ил. Об. Гол. М.“ 1912—181).

40. **Ленскій, Вл.** 891.7—3

Пѣсня крови. Романъ. С.П.Б., книгоизд. „Прогрессъ“. Ц. 1 р. 25 к.

Для малоодаренныхъ писателей серьезныя темы, глубокія проблемы—всегда сущая гибель. Здѣсь ярче всего обнаруживается ихъ творческое слабосилье, безкрылость полета ихъ скудной фантазіи и обидная ограниченность ея маленькаго размаха.

Новый романъ Вл. Ленскаго—„Пѣсни крови“ вполнѣ подтверждаетъ нашу мысль. Существовалъ онъ, какъ лирикъ, и пѣлъ пѣсни на разные лады. Бывали въ нихъ порою вспышки искренняго чувства, бывали и поддѣлки подъ него сентиментальнаго свойства, но все же его можно было терпѣть. Но вотъ захотѣлось ему стать большимъ писателемъ, трактующимъ больные вѣковѣчные вопросы,—и сразу сказалась вся мизерность его дарованія, нищенская скудость его изобразительныхъ средствъ.

Неровная борьба за душу и тѣло краснаго юноши двухъ женщинъ, изъ которыхъ одна—во-

площеніе страсти, грѣха, а другая—чистоты и невинности; борьба и томленіе въ душѣ этого юноши, то стремящагося и поднимающагося въ высь, къ тихому ангелу, то падающаго и погружающагося въ бездну, въ омутъ гаремныхъ страстей; окончательная побѣда тѣла, крови надъ лучшими стремленіями человѣческой души, надъ Платоновскимъ Эросомъ и гибель, физическая и нравственная, этого юноши, главнаго героя произведенія—вотъ основные элементы композиціи этого романа, въ которомъ авторъ пытается вновь поставить старую, но вѣчно юную проблему о борьбѣ, на почвѣ половыхъ отношеній, двухъ началъ: грѣха и святости, тѣла и духа, бѣсовскаго и ангельскаго.

Но какъ безнадежно шабловенъ онъ въ этомъ произведеніи, какъ поразительно мелокъ въ своихъ „исканіяхъ“ и какъ безпомощна, до обидности жалка, его безкрасочная трафаретная кисть! Поддѣлки (скорѣе всего даже безсознательныя) невыдержанныя, фальшивыя, подъ стиль и настроеніе Роденбаха (въ тихихъ лирическихъ мѣстахъ) или Катула Мендеса (въ бурныхъ страстяхъ)—это въ лучшихъ, счастливыхъ случаяхъ; общій же тонъ и характеръ удивительно какъ напоминаетъ г-жу Вербицкую со всѣми ея ложными, кричащими эффектами, поразительными, внезапными совпаденіями, счастливыми и несчастными; безчисленными, нудными и жалкими повтореніями и неумнымъ, всегда встрѣчающимся у бездарностей, многословіемъ. Авторъ, даже въ доступной ему степени, не сросся со своими героями, не подумалъ, не прояснилъ ихъ себѣ до конца.

Словомъ, ни со стороны композиціи, ни со стороны стиля и ни со стороны обрисовки характеровъ „Пѣсня крови“ не выдерживаетъ никакой критики, явно изобличая неспособность г. Ленскаго серьезнѣе относиться къ своему небольшому дарованію, познавать размѣры своихъ скромныхъ силъ и соразмѣрять съ ними тѣ задачи, которыя онъ можетъ и долженъ себѣ ставить (А. Д. „Рѣчь“. 1912—206).

42/43. **Амфитеатровъ, А. В.** 891.7—4

Собр. соч. Т. XIV. Славные мертвецы. – Т. XV. Мутные дни. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“. Спб. 1912. Ц. по 1 р. 50 к.

Всегда и во всемъ фельетонистъ (оговариваемся: ничего худого мы этимъ сказать не хотимъ) Амфитеатровъ владѣетъ давно утраченнымъ, въ наши дни рѣдко встрѣчающимся умѣніемъ — разговаривать. Онъ настоящій „разговорщикъ“, могущій живо и интересно бесѣдовать, когда угодно и о чемъ угодно, быстро воспламеняющійся, охотно все воспринимающій, и, главное, настолько талантливый, что его газетныя и журнальныя бесѣды не блекнутъ долгое время спустя на строгихъ страницахъ книги. „Что не подвластно мнѣ?“—можетъ сказать онъ. Нѣтъ, кажется, такого мелкаго явленія въ общественной, литературной или политической жизни, на которое не отозвался бы Амфитеатровъ всѣмъ пыломъ своего страстнаго, безгранично общительнаго темперамента. Превосходно, хотя не безъ семинарской тяжеловатости начитанный, много видѣвшій и еще больше слышавшій Амфитеатровъ сталъ лѣтописцемъ нашихъ дней, но не тѣмъ медлительнымъ лѣтописцемъ, который обращается къ позднему потомку.

Упорствуя, волнуясь и спѣша, онъ пишетъ для современника, пишетъ съ скоропалительностью экспресса, но при этомъ не терпитъ крушеній, не сходитъ съ рельсъ факта, вѣренъ тому политическому знамени, подъ которое сталъ во второй половинѣ своей писательской карьеры. Общественная жилка бьется въ немъ сильнѣе, чѣмъ литературная, и критикъ онъ слабый, съ излишнимъ политическимъ уклономъ, но читатель всегда найдетъ въ немъ интереснаго собесѣдника. Нельзя не отмѣтить и недостатка, повидимому, органическаго. Любитъ г. Амфитеатровъ поговорить о себѣ самомъ и фамильярно похлопать по плечу и того, о комъ пишетъ, и читателя. Набросанные имъ портреты современниковъ субъективно-пристрастны, но многими чертами воспользуется когда-нибудь историкъ. (Н. Л. „Нов. Ж.“ 1912—5).

44. **В. В. и Н. В.** 891.7—84

Мысли Пушкина, СПБ. 1912.

Въ стихахъ, прозѣ и перепискѣ Пушкина, въ воспоминаніяхъ его современниковъ заключается множество мыслей великаго писателя de rebus variis et aliis quibusdam, „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“, остроумныхъ и глубокихъ. Антологія мыслей и замѣчаній Пушкина, при условіи ея полноты, при осторожной и точной выработкѣ пріемовъ собиранія, можетъ дать тонкій, невыдыхающійся букетъ геніальнаго ума, источникъ неисчерпаемыхъ наслажденій для всякаго мыслящаго человѣка и полезную справочную книгу для тѣхъ, кто изучаетъ Пушкина. У насъ уже существуетъ подобный сборникъ, изданный четверть вѣка назадъ А. Н. Сальниковымъ („Пушкинъ въ его изрѣченіяхъ и характеристикахъ“), задуманный довольно хорошо, судя по программѣ, но сдѣланный спустя рукава. Не лучше составленъ сборникъ гг. В. В. и Н. В. Плавъ широкъ: тутъ не только черты основнаго міровоззрѣнія, но и частные выводы и примѣненія общихъ мыслей и „житейская мудрость“, и „отзывы о писателяхъ“. Выборъ матеріаловъ произведенъ неумѣло и неполно; особенно плохо использованы письма. Составители не умѣютъ даже цитировать...

...Множество существенныхъ пропусковъ, а мелочей и ни къ селу, ни къ городу нендущихъ выдержекъ еще больше. Очевидно составители взялись за кодексъ мыслей Пушкина только съ ножницами, но безъ малѣйшаго представленія о необходимости предварительно выяснить себѣ міровоззрѣніе великаго человѣка и основные пріемы затѣянной работы. (Н. Л. „Соврем.“ 1912—7).

Новыя книги.

Издатели и авторы приглашаются присылать редакціи „Бюллетеней“ по одному экземпляру вновь выходящихъ книгъ для напечатанія о нихъ своевременно подробныхъ свѣдѣній въ очередныхъ выпускахъ.

0 Общія сочиненія.

1. **Толстопятовъ, В. М.** 025.4

Десятичная классификація, карточная система и вертикальный способъ храненія, въ примѣненіи къ организаціи библіотеки, архива чертежей и регистраціи дѣловыхъ бумагъ. Воронежъ. 1912. II. 111 стр.

Содержаніе: Предисловіе.—Международный Библіографическій Институтъ и Бюро въ Брюсселѣ и его библіографическій каталогъ. (Общая организація, Систематическая классификація библіографій по десятичной системѣ, Редактированіе библіографическихъ карточекъ).—Примѣненіе десятичной классифиціи, карточной системы и вертикальнаго способа храненія бумагъ въ сл. Пути Юго-Восточныхъ ж. д. (Организація технической библіотеки, организація архива чертежей, примѣненія къ дѣлопроизводству, регистрація геодезическихъ инструментовъ).—Приложенія: Основныя и дополнительныя таблицы систематической классификаціи библіографіи по десятичной системѣ.—Таблицы классификаціи сл. Пути Юго-Вост. жел. дор.—Таблица классификаціи техническихъ циркуляровъ сл. Пути Юго-Восточныхъ ж. д.

2. [. . . . .] 082

Библіотека „Новой Земли“. Изд. журнала „Нов. Земля“. М. 1912. №№ 1—16. Ц. 55 коп. сотня безъ пересылки.

В. Брихничева. Легенда.—Ея же. Пламенное сердце. Пророчество о Новой Землѣ.—В. Свенцицкій. Христосъ въ дѣтской, разск.—І. Брихничевъ. Какого же хотѣлъ рожд. подарка. Изъ тюремныхъ воспоминаній.—Н. Клюевъ. Лѣсныя были.—І. Брихничевъ. Послѣднія слова великихъ людей. Вып. 1-й—В. Свенцицкій. О свободномъ человѣкѣ.—І. Брихничевъ. Огонь принесъ я на землю.—Т. Карлейль. Крестьянинъ-святой. — Еп. Михаилъ. Христіанство—не мораль. — В. Свенцицкій. Поэтъ голгоѳскаго христіанства.—І. Брихничевъ. Соврем. реформаторы.—І. Брихничевъ. Что такое голгоѳское христіанство? — С. Аникинъ. Когда откроются райскія двери.—Э. Кросби. Христіанское ученіе въ дѣйствительной жизни. П. Клюевъ. Братскія пѣсни. (Пѣсни голгоѳскихъ христіанъ).

3. **Абрамовъ, И.** 087.1

Что говорятъ забытыя могилы. Подъ редакціей и съ предисловіемъ М. В. Новорусскаго. Библіотека для юношества. Книга 7-я. Спб. 1912. Изд. кн-ства „Жизнь и знаніе“. 175 стр. Съ рис. Ц. 65 коп.

4. **Андерсенъ, Г.** 087.1

Гадкій утенокъ. „Библ. нашихъ дѣтей“ № 101. Перев. М. Благовѣщенской. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1912. Ц. 5 к. Стр. 24.

5. **Андерсенъ, Г.** 087.1

Дикіе лебеди. Перев. М. Благовѣщенской. Съ 3 рис. „Библ. нашихъ дѣтей“. № 100. Спб. 1912. Ц. 10 к. Стр. 40. Изд. О. Н. Поповой.

6. **Андерсенъ, Г.** 087.1

Дѣвочка со спичками. „Библ. нашихъ дѣтей“. № 102. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 5 к. Стр. 8.

7. **Андерсенъ, Г.** 087.1

Ель. „Библ. нашихъ дѣтей“. № 103. Изд. О. Н. Поповой. Перев. М. Благовѣщенской. Съ 1 рис. Спб. 1912. Ц. 5 к. Стр. 21.

8. **Андерсенъ, Г.** 087.1

Маргаритка. Пер. Благовѣщенской. „Библ. нашихъ дѣтей“. № 104. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 5 к. Стр. 11.

9. **Топеліусъ, З.** 087.1

Даръ морского царя. Сказка. Пер. М. Благовѣщенской. „Библ. нашихъ дѣтей“ № 106. Изд О. Н. Поповой. Спб. 1912. Ц. 10 к. Стр. 28.

10. **Топеліусъ, З.** 087.1

Жемчужина Адальмины. Сказка. Пер. М. Благовѣщенской. Съ рис. „Библ. нашихъ дѣтей“ № 105. Спб. 1912. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 5 к. Стр. 22.

11. **Топеліусъ, З.** 087.1

Милосердый—богатъ. Чти отца твоего и матерь твою. Пер. М. Благовѣщенской. Съ рис. Изд. О. Н. Поповой. „Библ. нашихъ дѣтей“ № 107. Спб. 1912. Ц. 5 к. Стр. 19.

1 Философія.

12. **Сентъ-Ивъ-д'Альвейдръ.** 133

Ключи Востока. Тайны рожденія.—Полъ и любовь.—Тайна смерти. Согласно указаніямъ восточной каббалы. Перев. М. А. Радынскаго. Подъ ред. А. В. Трояновскаго. Спб. 1912. Изд. журн. „Изида“. 44 стр. Съ рис.

13. **Джемсъ, В.** 149.928

Прагматизмъ. Новое названіе для нѣкоторыхъ старыхъ методовъ мышленія. Популярныя лекціи по философіи. Переводъ съ англійскаго П. Юшкевича съ приложеніемъ статьи переводчика. (Библіотека современной философіи. Вып. I). Спб. 1912. Изд. „Шиповникъ“, 2-е 237 стр. Ц. 1 р. 50 к.

14. **Владимірскій, Н. А.** 16(075)

Логика. Курсъ гимназическій. (Съ приложеніемъ критическихъ замѣтокъ и разсужденій по нѣкоторымъ вопросамъ логики и гносеологіи). Казань. 1911. 175 + 101 стр. Ц. 1 р.

15. **Алексѣевъ, П. С.** 178.1

Чѣмъ помочь великому горю? Какъ остановить пьянство. Борьба съ пьянствомъ. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. 8-й. М. 1912. Изд. 5-е. 47 стр.

2 Религія.

16. **Штрейслеръ, Фр.** 294.3

Буддизмъ, его исторія и сущность. Пер. съ нѣм. Ю. Стеклова. Изд. „Наука и Искусство“ № 6. Спб. 1912. Ц. 20 к. Стр. 123.

Содержаніе: Предисловіе. Историческій очеркъ. Содержаніе трехъ Питанъ, священныхъ книгъ первыхъ буддистовъ. Ученіе Будды. Школа внутри буддизма.

17. **Штрейслеръ, Фр.** 297

Коранъ. Основы исламскаго вѣроученія. Перев. съ нѣм. подъ ред. И. Ю. Маркона. Изд. „Наука и Искусство“ № 5. Спб. 1912. Ц. 10 к. Стр. 63.

Содержаніе: Магометъ. Главныя намѣренія Магомета. Коранъ въ цѣломъ. Догматы корана. Мораль. Правила религіознаго церемоніала. Полицейскія правила. Гражданское право. Уголовное право. Политическія предписанія. Послѣдствія распространенія магометанскаго ученія.

3 Соціальныя науки.

18. **Тахтаревъ, К. М.** 301

Очерки по исторіи первобытной культуры. Съ предисловіемъ проф. М. М. Ковалевскаго. (Народный Университетъ. Серія наукъ общественно-гуманитарныхъ). М. 1912. Изд. к-ва „Польза“, В. Антикъ и К°, 2-е. 240 стр. Съ рис. Цѣна 1 р. 25 к.

19. **Ляховъ, Арс.** 308(47)

Основныя черты соціальныхъ и экономическихъ отношеній въ Россіи въ эпоху Импер. Александра I. (Опытъ опредѣленія общаго абриса народно-хозяйственнаго цѣлаго). М. 1912. Ц. 1 р. 25 к. Стр. 169.

Содержаніе: Введеніе.—О литературѣ.—Географическая и популяціонистическая характеристика странъ.—Народно-хозяйственное наслѣдіе страны.—Вліяніе государства и права на экономическое развитіе страны.—Вліяніе сосѣдства.—Земледѣльческій строй.—Строй промышленности.—Общій характеръ культуры эпохи.—Отношеніе идей времени къ рабству.—Отношеніе русской мысли эпохи къ существовавшему правовому и политическому укладу.—Самосознаніе эпохи.—Соціальныя мечты и думы „подлаго“ народа.—Перечень главнѣйшей литературы предмета.

20. **Энджель, Норманъ.** 323.1 : 355

Великое заблужденіе. Этюдъ о взаимоотношеніяхъ военной мощи націй къ ихъ экономическому и соціальному прогрессу. Переводъ съ англійскаго. М. 1912. 319 стр. Ц. 2 р.

21. **Барклай-де-Толли, Э.** 332.7

Общества взаимнаго кредита. Учрежденіе. Организація. Веденіе дѣлъ. Спб. 1912. Изданіе В. Кечеджи-Шаповалова. 101 стр. + табл. Цѣна 80 коп.

22. **Богоносъ, А. С.** 333.5(47)

Какъ уничтожить узкополосицу. (Для крестьянъ). М. 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 77 стр. Съ рис. Ц. 12 к.

23. **Тютчевъ, А. П.** 336.2(47)

Правила и порядокъ взысканія съ крестьянъ долговъ частныхъ и казенныхъ. Спб. 1912. Изд. юрид. кн. маг. Анисимова. 152 стр. Ц. 65 к.

Содержаніе: Высочайше утвержденное положеніе 19-го февраля 1861 г., Высочайше утвержденныя мнѣнія Государственнаго Совѣта 23-го іюня 1899 г. и 12-го марта 1903 г., Именные Высочайшіе Указы Правительствующему Сенату 27-го августа и 5-го октября 1906 года, съ добавленіемъ соотвѣтствующихъ статей свода законовъ, указовъ Правительствующаго Сената, разъясненій Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ и Юстиціи и Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія и приложеніемъ нѣкоторыхъ формъ исковыхъ прошеній, подаваемыхъ въ судебныя мѣста по дѣламъ о взысканіяхъ съ крестьянъ частныхъ долговъ.

24. **Нюренбергъ, А. М.** 336.271 (003)

Уставы объ акцизныхъ сборахъ по оффиц. изд. 1901 г., измѣн. и дополн. по дѣйствующимъ продолженіямъ и позднѣйшимъ узаконеніямъ съ сенатск. и министерск. разъясненіями и съ прилож. правилъ и инструкціи М-ва Фин., а также алфавитно-предметнаго и хронологич. указателей. М. 1912. Изд. кн. маг. „Правовѣдѣніе“. И. К. Голубева. XIX + 1140 стр.

* **Энджель, Норманъ.** 355 : 323.1

См. порядк. № 20.

25. **Эмтэ.** 359(47)

На подводной лодкѣ. Изъ дневника участника минувшей войны. Книга первая. М. 1912. Изд. 2-е. 117 стр. Ц. 80 к.

26. [.....] 371(03)

Практическая школьная энциклопедія. Настольная книга для народныхъ учителей и др. ближайшихъ дѣятелей въ области народнаго образованія, подъ общей редакціей Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. Изд. журнала „Для народнаго учителя“. М. 1912. Ц. 3 руб. 50 к. Стр. 819.

Отъ редакціи: „Выпуская настоящую „Энциклопедію“, мы преслѣдовали двоякую цѣль: съ одной стороны мы имѣли въ виду помочь учителю и вообще дѣятелю по народному образованію ориентироваться въ вопросахъ школьнаго и внѣшкольнаго образованія въ ихъ желательной постановкѣ; съ другой—указать, что и какъ нужно дѣлать, чтобы внести въ постановку школьнаго дѣла тѣ улучшенія, которыя диктуются въ настоящее время передовой педагогической мыслью.

Книга распадается на четыре отдѣла. Въ первомъ трактуются вопросы, связанные съ работой учителя въ школѣ; во второмъ нашли себѣ мѣсто вопросы самообразованія учителя; третій посвященъ дѣятельности учителя, какъ культурнаго работника, внѣ школы; наконецъ, въ четвертый

вошли разнаго рода справочныя свѣдѣнія. По каждому вопросу даются руководящая статья и указывается литература. При этомъ вездѣ, гдѣ это представляется возможнымъ, главное вниманіе обращено на практическую сторону вопроса, т.-е. указано, какъ то или иное начинаніе провести въ жизнь"...

* **Степанецъ, Б.** 371 : 93(Т)

См. порядк. № 119.

4 Филологія.

27. [.....] 42 : 491.7

Русско-англійскіе разговоры съ очеркомъ англійской грамматики, вокабулами на важнѣйшія темы, указатель трудностей произношенія и пр. Пособіе для практическаго изученія языка, руководство въ путешествіи за границей. Сост. по новѣйшимъ изданіямъ подъ редакціей Charles Mayo, Bachelor of Arts, University of Cambridge. Изд. т-ва А. А. Левенсонъ. М. 1912. Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 к. Стр. 525.

28. **Басовъ, С.** 491.7—1

Какъ правильно писать по-русски. Справочникъ, составленный по Гроту и новѣйшимъ указаніямъ академическихъ словарей. „Изд. „Наука и Искусство" № 7. Спб. 1912. Цѣна 20 коп. Стр. 160.

Содержаніе: Орѳографическій словарь. Правила правописанія. Раздѣленіе словъ при переносахъ. Знаки препинанія.

29. **Александровъ, А.** 491.7—1](075)

Наглядное изученіе русскаго правописанія. Правила, картинки, рукописный и печатный текстъ для списыванія. Пособіе для учащихся, составленное согласно даннымъ современной экспериментальной психологіи. Изд. типогр. „Прогрессъ", 2-е, исправл. и дополн. Ч. 1 и 2-я. 1912. Ц. 30 к. и 40 к. Стр. 108 и 135.

30. **Алексѣевъ, В. и Заборскій, А.** 491.7—1](075)

Сборникъ упражненій въ правописаніи. Примѣнительно къ курсу этимологіи. Для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. М. 1912. Изд. И. Д. Сытина. 139 стр. Ц. 30 к.

31. **Шапошниковъ, И. Н.** 491.7—5](075)

Наглядная практическая грамматика. Для городскихъ и сельскихъ нач. училищъ, съ приложеніемъ темъ, плановъ, и картинокъ для устныхъ и письменныхъ сочиненій. Ч. II. Этимологія и синтаксисъ. Шрифтъ рукописный. Съ рисунками. Изд. 2-е, исправл. и значительно дополн. „В. В. Думновъ, н-ки бр. Салаевыхъ". М. 1912. Ц. 45 к. Стр. 160.

32. **Новосельскій, С. М.,** уч. 491.7—8] (075)

Азбука для обученія письму и чтенію русскому и церковно-славянскому. Доходъ съ изд. поступитъ въ спеціальныя средства Соболево-Воробьевской женской учит. семинаріи. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1912. Ц. 20 к., въ папкѣ 30 к.

Содержаніе: таблицы рисованія, уроки чтенія и письма (въ связи съ свободнымъ рисованіемъ), чтеніе послѣ азбуки и начатки церк.-сл. грамоты.

33. **Ананьинъ, В., Гусаковъ, В. и др.** 491.7—87](075)

Живой родникъ. Третья книга для чтенія въ школѣ и дома. Ананьинъ, В., Гусаковъ, В., Макаровъ, Г., Насимовичъ, А., Чернышевъ, Н., Чукаевъ, Н. М. 1912. Изд. И. Д. Сытина. 524 стр. Съ рис. Ц. 75 к.

* [.....] 491.7 : 42

См. порядк. № 27.

5 Чистыя науки.

34. **Васильева, Л. В. и Кащенко, Б. П.** 5(075)

Руководство къ преподаванію курса начальнаго природовѣдѣнія. Ч. I. Земля, вода и воздухъ. М. 1912. Изд. т-ва „Міръ". 173 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

35. **Виноградовъ, С. П.** 516/7(02)

Краткій курсъ аналитической геометріи и дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій. М. 1912. 261+III стр. Ц. 2 р. 20 к.

* **Виноградовъ, С. П.** 517(02)

См. порядк. № 35.

36. **Ривошъ, О. А.,** инж.-техн. 531

Начатки механики. Изд. „Наука и Искусство". № 11. Спб. 1912. Ц. 20 к. Стр. 125.

37. **Ярховскій, И. О.** 531.51

Всемірное тяготѣніе, какъ слѣдствіе образованія вѣсомой матеріи внутри небесныхъ тѣлъ. Кинетическая гипотеза и вытекающія изъ нея слѣдствія въ области физики, химіи, геологіи, метеорологіи и космогоніи. Въ 2-хъ частяхъ. Часть первая. Подъ ред. инж. В. И. Ярковскаго и Вл. И. Ярковскаго. Спб. 1912. Изд. 2-е, доп., об-ва технологовъ. XX+268 стр.+1 портр. Ц. 2 р. 50 к.

38. **Григорьевъ, Г. М.** 534

Бесѣда о звукѣ. Изд. „Наука и Искусство". № 12. Спб. 1912. Ц. 10 к. Стр. 62.

39. **Григорьевъ, Г. М.** 536

Бесѣда о теплотѣ. Съ 11 рис. въ текстѣ. Изд. „Наука и Искусство". № 13. Спб. 1912. Ц. 15 к. Стр. 123.

Содержаніе: Температура. Термометръ. Измѣненіе размѣровъ тѣлъ при изм. ихъ температуръ. Количество теплоты. Уравниваніе тепловыхъ состояній. Плавленіе и затвердѣваніе. Испареніе и сжиженіе. Кипѣніе. Пары. Работа и энергія. Теплота—энергія. Механическая теорія тепла.

40. [.....] 537

Электричество. Переработано съ нѣмецкаго изданія подъ редакціей препод. Спб. Политехническ. инст. Г. А. Люсть. Изд. „Наука и Искусство". № 3. Спб. 1912. Ц. 20 к. Стр. 125.

41. **Фурнье д'Альбъ, Э.** 537/8

Теорія электроновъ. Общедоступное изложеніе современной теоріи электричества и магнетизма. Пер. подъ ред. проф. В. И. Эсмарха. М. 1912. Изд. В. М. Саблина. 255 стр. Ц. 1 р. 50 к.

* **Фурнье д'Альбъ, Э.** 538

См. порядк. № 41.

42. **Тумскій, К. И.,** инж. 54(075)

Начала химіи. Краткое общедоступное изложеніе основныхъ понятій химіи для общеобраз. и спеціальныхъ училищъ (техническихъ, промышленныхъ, коммерческихъ, горныхъ, ремесленныхъ, желѣзнодорожныхъ, сельскохоз., военныхъ, фельдшерскихъ и пр.) и для самообразованія. Съ 25 гравированными на деревѣ рис. Изд. автора. М. 1912. Ц. 1 р. Стр. 196.

43. **Блюхеръ, И.** 546

Химія (неорганическая). Перев. съ нѣм. подъ ред. Ю. С. Залькинда, препод. Спб. Техн. инст. Изд. „Наука и Искусство". № 2. Ц. 15 к. М. 1912. Стр. 95.

44. **Лядовъ, Е. С.,** д-ръ мед. 546.43:57:61

Радій, его значеніе въ біологіи и медицинѣ. Очеркъ. Изд. „Наука и Искусство". № 8. Спб. 1912. Ц. 15 к. Стр. 68.

Содержаніе: Открытіе радія. Альфа, бета и гамма—лучи и ихъ природа.—Эманація радія. Продукты превращенія радія.—Радій въ примѣненіи къ медицинѣ. Леченіе злокачественныхъ опухолей.

* **Лядовъ, Е. С.,** д-ръ. 57:546.43

См. порядк. № 44.

45. **Шрейдеръ, Д. И.** 572(52)

Страна Восходящаго Солнца. Разсказы о японцахъ. Съ 21-мъ рис. и картой. Изд. 6-е. О. Н. Поповой. Спб. 1912. Ц. 25 к. Стр. 95.

Содержаніе. Японія прежде и теперь.—Первыя впечатлѣнія. — Японцы, японки и ихъ обычаи. — Трудъ японца; бракъ и семейная жизнь.—Японская деревня.—Красоты природы.—Изобрѣтательность японцевъ. — Японскія увеселенія.—Школы, фабрики. — Приморскіе портовые города Японіи.—Вліяніе англичанъ.—Японская улица. — Армія и флотъ. — Японскія рѣдкости.—Религія японцевъ.

46. **Инфатьевъ, П.** 572(584)

Тамыръ. Разсказъ изъ жизни среди туркменъ и хивинцевъ. Хива и ея населеніе. Очеркъ. Жизнь народовъ Россіи. Земля и люди. Географическая библіотека. № 21. Спб. 1912. Изд. кн. маг. П. В. Луковникова. 48 стр. Съ рис. Ц. 17 к.

47. **Инфатьевъ, П.** 572(×94.4)

Дочь Шуленги. Разсказъ изъ жизни карагасовъ. Минусинскіе инородцы вообще и карагасы въ частности. Очеркъ. Жизнь народовъ въ Россіи. Земля и люди. Географическая библіотека. Спб. 1912. Изд. П. В. Луковникова. 20 стр. Съ рис. Ц. 11 к.

48. **Инфантьевъ П.** 572(×94.512)

Жертва вогула. Разсказъ изъ жизни вогуловъ. Чары шамановъ. Изъ путевыхъ впечатлѣній въ странѣ вогуловъ. Вогулы. Очеркъ. Жизнь народовъ Россіи. Земля и люди. Географическая библіотека. № 19. Спб. 1912. Изд. П. В. Луковникова. 46 стр. Съ рис. Ц. 17 к.

49. **Шмидтъ, Н. Ю.,** пр.-доц. 576.3

Клѣтка и ея жизнь. Очеркъ. Съ 31 рис. въ текстѣ. Изд. „Наука и Искусство". № 9. Спб. 1912. Ц. 15 к. Стр. 95.

Содержаніе: Клѣточное строеніе органовъ. Число клѣтокъ въ организмѣ. Составныя части клѣтки. Строеніе протоплазмы. Строеніе ядра. Форма клѣтокъ. Движеніе клѣтки. Чувствительность клѣтки. Питаніе клѣтки. Ростъ и размноженіе клѣтки. Смерть клѣтки. Клѣтка — организмъ.

50. **Крыжановскій, И.,** д-ръ. 576.8

„Бактерій". Очеркъ подъ ред. д-ра мед. Е. С. Лядова. Изданіе „Наука и Искусство". № 10. Спб. 1911. Ц. 15 к. Стр. 96.

Содержаніе: Значеніе бактеріи. Формы бактеріи. Хемотаксисъ.—Питаніе и размноженіе бактеріи. Дѣйствіе температуры, свѣта. — Дѣленіе бактеріи, образованіе споръ. Средства борьбы съ бактеріями. Разведеніе бактерій. — Болѣзнетворныя бактеріи. Яды бактерій. Серотерапія. Возбудители туберкулеза, чумы, холеры, проказы, сифилиса.

51. **Генкель, А. Г.,** пр.-доц. 581.1

О жизни растеній. Съ 50 рис. въ текстѣ. Изд. „Наука и Искусство". № 15. Спб. Ц. 15 к. Стр. 93.

Содержаніе: Предметы ботаники; ея дѣленіе на отдѣлы. Сущность жизни; дыханіе и питаніе растенія. Обмѣнъ силъ у растеній; ихъ органы. Сѣмя, корень, стебель, листъ. Ихъ строеніе и работа. Цвѣтокъ растенія. Плоды; размнож. растеній. Понятіе о системѣ растеній. Литературныя указанія и заключеніе.

52. **Слѣпцова, М.** 581.1

Какъ воюютъ между собой растенія. Спб. 1912. Изд. М. Н. Слѣпцовой. 31 стр. Съ рис. Ц. 8 к.

53. **Тиммъ, Р.,** д-ръ. 589

Низшія растенія. Переводъ и вступительная статья А. Г. Генкеля. Дешевая библіотека естествознанія. № 10. Спб. 1912. Изд. Брокгаузъ и Ефронъ. 202 стр. Съ рис.

6 Прикладныя науки.

* **Лядовъ, Е. С.,** д-ръ. 61:546.43

См. порядк. № 44.

54. **Добровольская, Н. А.,** д-ръ мед. 613

Общедоступная гигіена. Изд. „Наука и Искусство". № 4. Спб. 1912. Ц. 10 к. Стр. 63.

Содержаніе: Предисловіе. Ученіе о сохраненіи здоровья. Воздухъ. Свѣтъ. Одежда. Жилище. Пищевыя вещества. Уходъ за тѣломъ. Тѣлесныя движенія. Сонъ. Продукты выдѣленія и отбросы.

55. **Севостьяновъ, Н. С.,** д-ръ. 616.0

Повторительный курсъ по общей патологіи. Составленный по программѣ медицинской испы-

тательной комиссіи. Харьковъ. 1912. Изд. книгоизд. В. П. Замѣрицъ. 108 стр. Ц. 1 р. 20 к.

56. **Лядовъ, Е. С.**, д-ръ мед. 616.2

Чахотка и борьба съ нею. Изд. „Наука и Искусство". О. Ривошъ и К°. Спб. 1912. Библ. № 1. Ц. 10 к. Стр. 72.

57. **Мендельсонъ, А. Л.**, д-ръ мед. 616.8

Неврастенія. Изд. „Наука и Искусство". № 16. Спб. 1912. Ц. 15 к. Стр. 78.

Содержаніе: Сущность и причины неврастеніи. Признаки неврастеніи. Формы неврастеніи. Распространенность неврастеніи. Предупрежденіе и леченіе неврастеніи.

58. [.....] 62(03)

Народная энциклопедія научныхъ и прикладныхъ знаній. Томъ III. Техническій. Харьковское общество распространенія въ народѣ грамотности. М. 1912. 386+XXIII стр. Съ рис.

59. **Кинцбруннеръ, К.** 621.3

Болѣзни электрическихъ машинъ, ихъ признаки, причины и способы устраненія. Перев. съ англ. подъ ред. И. Я. Перельмана. М. 1912. 191 стр. Съ рис. Ц. 80 к.

60. **Варгинъ, В.** 63(47.2)

Простые расчеты по организаціи крестьянскаго хозяйства въ Сѣверной Россіи. Лекціи, читанныя на краткосрочныхъ курсахъ для крестьянъ-хозяевъ. Съ сѣвооборотной таблицей въ краскахъ. Спб. 1912. Изд. А. Ф. Девріена. 75 стр. 1 табл. Ц. 45 к.

61. **Гертопанъ, А. В.**, агрономъ. 632

Болѣзни и поврежденія воздѣлываемыхъ растеній, вызываемыя грибками и низшими растеніями. Для крестьянъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1912. Ц. 12 к. Стр. 46.

62. **Кусковъ, П. В.**, агр. 633

Воздѣлываніе люцерны и костра безостаго. Пособіе для земледѣльцевъ юго-вост. полосы Россіи, прилегающихъ къ ней черноземныхъ губерній и степного юга. Изд. 3-е А. Ф. Девріена. Спб. 1912. Съ 23 рис. въ текстѣ. Ц. 30 коп. Стр. 55.

63. **Александровъ, Н. А.** 634.1(47.2/3)

Промышленный сельскій садъ. Практическое руководство къ устройству доходнаго плодоводства въ средѣ сельскаго населенія среднихъ и сѣверныхъ губерній. М. 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 124 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

64. **Павловскій, Н. Н.** 635.2

Многолѣтники. Лучшія и новѣйшія разновидности многолѣтнихъ цвѣтовъ и уходъ за ними. Курскъ. 1912. 28 стр. Ц. 20 к.

65. **Групе, Марго.** 646.5](075)

Новое рукодѣліе. Книга для школы и семьи, составленная согласно съ новыми программами для женскихъ среднихъ школъ, учительскихъ семинарій и т. д. Вып. I. I. Значеніе и задачи новаго рукодѣлія. II. Работы для маленькихъ. III. Различныя отрасли рукодѣлія. Со многими рисунками работъ. Съ нѣмецкаго Н. Оттели. М. 1912. Изд. И. Горбунова-Посадова. 80 стр. Ц. 50 к.

66. **Бурштейнъ, М. І.** 657

Бухгалтерское самообразованіе. Общедоступное руководство для самостоятельнаго изученія счетоводства. Вып. 1-й. Одесса. 1912. Изд. счетовод. кабин. „Коммерсантъ". 16 стр.

67. **Эрастовъ В.** 68(47—22)

Къ вопросу о роли ремесленнаго обученія въ жизни русской деревни. М. 1912. 125 стр.

7 Изящныя искусства.

68. **Первухинъ, Л. П.** 65(07)

Новая полная школа самообученія живописи. Изученіе живописи по новѣйшимъ упрощеннымъ методамъ, практическая школа, дающая возможность въ непродолжительное время сдѣлаться художникомъ, живописцемъ и рисовальщикомъ. Подробное описаніе пріемовъ, приспособленій и красокъ, необходимыхъ при рисованіи съ оригиналовъ и натуры. Въ 5-ти частяхъ и 7-ми отдѣлахъ. Съ атласомъ копій съ оригиналовъ знаменитыхъ художниковъ для копированія. М. 1912. Изд. книгоизд. Брилліантовой, 3-е. 272 стр.+13 лист. рис. Ц. 2 р. 50 к.

* **Вольфрумъ, Филиппъ.** 78:92(B)

См. порядк. № 114.

69. [.....] 796

Футболъ „Association". Правила, исторія, тренировка, тактика, игра. Подъ редакціей М. Роммъ. Перев. съ англ. М. Пампель и М. Роммъ. М. 1912. Изд. маг. А. А. Биткова. 120 стр. Съ рис. Ц. 85 к.

8 Литература.

70. **Байронъ.** 82—1

Донъ-Жуанъ. Библ. всемірной литературы. Европейскіе классики. Пер. П. Козлова подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Съ иллюстраціями. Изд. „Окто". М. 1912. Ц. 1 р. Стр. 238.

71. **Байронъ.** 82—1

Сочиненія въ двухъ томахъ. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Т. I. Съ 34 рис. въ текстѣ и 12 иллюстр. на отд. листахъ. Изд. „Окто". М. 1912. Ц. въ перепл. 2 р. 50 к. Стр. 280+III.

Изъ предисловія: „Предлагаемое изд. сочиненій Байрона содержитъ въ себѣ 60 лирическихъ сочиненій, поэмы: Гяуръ, Абидосская Невѣста, Корсаръ, Лара, Шильонскій узникъ, Мазепа и Беппо"...

72. **Байронъ.** 82—1

Сочиненія въ двухъ томахъ. Томъ II. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго съ 12 рис. въ текстѣ и 8 иллюстр. на отдѣльныхъ листахъ. Изд. „Окто". М. 1912. Ц. 2 р. 50 к. въ переплетѣ. Стр. 312.

Содержаніе: „Донъ Жуанъ", перев. Н. А. Козлова, со статьей поч. академика А. Н. Веселовскаго.—Примѣч. къ „Донъ-Жуану".—„Манфредъ", перев. П. А. Козлова, со ст. поч. акад. А. Н. Веселовскаго.—„Каинъ", перев. Н. А. Каленова, со ст. поч. акад. А. Н. Веселовскаго.

73. **Байронъ.** 82—1

Чайльдъ-Гарольдъ. Библ. всемірной литер. Европейскіе классики. Перев. В. Фишера. Съ иллюстр. Изд. „Окто". М. 1912. Ц. 50 к. Стр. 79.

74. **Уайльдъ, Оскаръ.** 82—84

Афоризмы. Перев. кн. Д. Л. Вяземскаго. Спб. 1912. 116 стр.

75. **Писторіусъ, Фр.** 83—3

Черный капитанъ или освобожденіе отъ ига рабства. Разсказъ (перев. съ нѣм.). М. 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 96 стр.

76. **Лагерлефъ, Сельма.** 839.7—3

Вифлеемскій младенецъ. Легенда. Переводъ со шведскаго Маріанны Ганзенъ. Спб. 1912. Изд. Вятск. т-ва (Нар. Б-ка). 29 стр. Ц. 8 к.

77. **Лагерлефъ, Сельма.** 839.7—3

Кладезь мудрецовъ. Легенда. Переводъ со шведскаго Маріанны Ганзенъ. Спб. 1912. Изд. Вятск. т-ва (Нар. б-ка). 14 стр. Ц. 50 к.

78. **Лагерлефъ, Сельма.** 839.7—3

Платъ святой Вероники. Легенда. Переводъ со шведскаго Маріанны Ганзенъ. Спб. 1912. Изд. Вятск. т-ва (Нар. Б-ка.) 56 стр. Ц. 14 к.

79. **Бурже, Поль.** 84—3

Женское сердце. Романъ. Переводъ О. А. Лобасовой. Общедоступная библіотека. № 51—54. Спб. 1912. Изд. русск. кн. т-ва „Дѣятель". 285 стр. Ц. 50 к.

80. **Коппе, Франсуа.** 84—3

Виновный. Романъ. Переводъ Евг. Желѣзновой. Общедоступная библіотека. № 81—83. Спб. 1912. Изд. рус. книжн. т-ва „Дѣятель". 220 стр. Ц. 30 к.

81. **[Нотари]** 85—2

Дебри жизни. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Сюжетъ взятъ изъ романа итальянскаго писателя Нотари. Театральная библіотека „Златоцвѣтъ" подъ ред. Н. Туркина. М. 1912. 56 стр. Ц. 1 р. 50 коп.

82. **Амичисъ-де, Эдмондо.** 85—3

Сердце. (Школьные товарищи). Переводъ съ итальянскаго А. Рѣпиной, подъ ред. Н. Васина. М. 1912. Изд. М. В. Клюкина. 279 стр. Съ рис. Ц. 85 к.

83. **Сальгари, Э.** 85—3

Маякъ, разсказъ—и другіе разсказы. М. 1912. 112 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

84. **Сальгари, Э.** 85—3

Смертельные враги и другіе разсказы. М. 1912. 112 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

85. **Агѣевъ-Трофимовъ, Н. Г.** 891.7—1

Стихи и пѣсни. Изъ карельскаго быта. Спб. 1912. 48 стр.

86. **Шумаковъ, Д.** 891.7—2

На аэропланѣ смекалки. (Сонъ школьника.) Фантастическая пьеса въ 4 картинахъ. Изд. „Сосны", 2-е. Спб. 1911. „Театръ ученика" № 1. Ц. 35 к. Стр. 32.

87. **Булгаковъ, П.** 891.7—3

Двѣ доли. Разсказъ. Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа. М. 1912. Изд. М. В. Клюкина. 45 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

88. **Куликъ-Другомировъ, Ф. Ф.** 891.7—3

Въ царствѣ чудесъ. Легенды и сказки разныхъ народовъ. Варшава. 1912. Изд. „Общедоступн." кн. маг. 100 стр. Съ рис.

89. **Кутлеръ, А. А.** 891.7—3

На хуторѣ. Романъ изъ жизни землевладѣльца. М. 1913. 240 стр. Ц. 1 р.

90. **Леонтьевъ, К.** 891.7—3

Собраніе сочиненій. Томъ I. Романы и повѣсти. М. 1912. Изд. В. М. Саблина. 665 стр. Ц. 1 р. 75 к.

91. **Немировичъ-Данченко, Вас.** 891.7—3

Собраніе сочиненій. Томъ X. Очаги свободы. (Очерки, разсказы, впечатлѣнія). Всемірная библіотека. Спб. 1912. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". 259 стр. Ц. 1 р. 50 к.

92. **Никитинъ, В.** 891.7—3

Вѣкъ пережить — не поле перейти. Разсказъ изъ жизни кантонистовъ (1830—1855 г.г.). Одесса. 1912. Изд. Изд-ва „Ювентусъ", 2-е. 56 стр. Ц. 20 к.

93. **Писарева, Ю. Е.** 891.7—3

Безъ предразсудковъ. Романъ въ двухъ частяхъ. Варшава. 1912. 152 стр. Съ портр. Ц. 1 р.

94. **Толстой, Л. Н.** 891.7—2/3

Посмертныя художественныя произведенія. Томъ 1. Дьяволъ. Фальшивый купонъ. Послѣ бала. Алеша Горшокъ. Что я видѣлъ во снѣ. Отъ ней всѣ качества. Живой трупъ. Записки Ѳедора Кузьмича. М. 1912. Изд. т-ва „Образованіе", доп. 248 стр.

95. **Толстой, Л. Н.** 891.7—3

Собраніе сочиненій. III серія. Двадцать второй томъ. М. 1912. Изд. В. М. Саблина. 536 стр. Ц. 1 р.

96. **Толстой, Л. Н.** 891.7—3

Таинственный старецъ Ѳедоръ Кузьмичъ. Съ предисловіемъ и заключеніемъ гр. Амори. Спб. 1912. XVI+93 стр. Съ рис. Ц. 75 к.

* **Вѣтринскій, Ч.** 891.7 : 92(D)

См. порядокъ. № 115.

* **Кудринскій, Ѳ. А.** 891.7 : 92(N)

См. порядокъ. № 117.

97. **Пасынковъ, Н. В.** 891.7.09

Очерки по исторіи новой русской литературы. А. Грибоѣдовъ, А. Пушкинъ, М. Лермонтовъ и Н. Гоголь. Вып. II. Плоцкъ. 1812. Изд. автора. 244+II стр. Ц. 1 р. 20 к.

98. **Кудринскій, С. А.** 891.7.09(075)

Курсъ новой русской литературы въ органически-конспективномъ видѣ. Вып. II. (Бѣлинскій, Тургеневъ, Достоевскій, Некрасовъ, А. Толстой, Островскій, Гончаровъ и Л. Толстой). Учебное пособіе для учащихся послѣднихъ классовъ ср. уч. заведеній. Вильна. 1912. Ц. 50 к. Стр. 132.

99. **Рошалъ, Е. А.** 891.7.09(075)

„Борисъ Годуновъ", драма Пушкина. Пособіе для учащихъ и учащихся. Всероссійская Ученическая Библіотека. Варшава. 1912. Изд. книгоизд. С. Г. Стракуна. 72 стр. Ц. 25 к.

100. **Рошалъ, Е. А.** 891.7.09(075)

„Гроза", драма Островскаго. Пособіе для учащихъ и учащихся. Всероссійская Ученическая Библіотека. Варшава. 1912. Изд. книгоизд. С. Г. Стракуна. 80 стр. Ц. 25 к.

101. **Рошалъ, Е. А.** 891.7.09(075)

„Мертвыя Души". Пособіе для учащихъ и учащихся. Всероссійская Ученическая Библіотека. Варшава. 1912. Изд. книгоизд. С. Г. Стракуна. 112 стр. Ц. 35 к.

102. **Рошалъ, Е. А.** 891.7.09(075)

„Обломовъ", романъ Гончарова. Пособіе для учащихъ и учащихся. Всероссійская Ученическая Библіотека. Варшава. 1912. Изд. книгоизд. С. Г. Стракуна. 70+1. Ц. 25 к.

103. **Рошалъ, Е. А.** 891.7.09(075)

„Отцы и Дѣти", романъ Тургенева. Пособіе для учащихъ и учащихся. Всероссійская Ученическая Библіотека. Варшава. 1912. Изд. книгоизд. С. Г. Стракуна. 63 стр. Ц. 20 к.

104. **Рошалъ, Е. А.** 891.7.09(075)

„Рудинъ", романъ Тургенева. Пособіе для учащихъ и учащихся. Всероссійская Ученическая Библіотека. Варшава. 1912. Изд. книгоизд. С. Г. Стракуна. 96 ст. Ц. 30 к.

105. **Алейхемъ-Шоломъ.** 892.4—3

Собраніе сочиненій. Томъ седьмой. Въ мірѣ звуковъ. Единственный разрѣшенный и одобренный авторомъ переводъ съ еврейскаго Ю. І. Пинуса. М. 1912. Изд. Книгоизд. „Современ. Проблемы". 381 стр. Ц. 1 р. 25.

106. [. . . .] 895.6—1](082)

Японская Лирика. Переводы А. Брандта. Спб. 1912. 98 стр.

9 Исторія и географія.

107. [. . . .] 9(03)

Народная энциклопедія научныхъ и прикладныхъ знаній. Томъ VIII. Историческій. Полутомъ 2. Харьковское общество распространенія въ народѣ грамотности. М. 1912. II+412 стр. Съ рис.

108. **Бочкаревъ, В. Н.** 9(47)„18"](02)

Исторія Россіи XIX в. Стенографическія лекціи, читанныя на моск. педагогическихъ курсахъ об-ва восп. и учит. въ 1911/12 гг. М. 1912. 436 стр.

109. **Шарковъ, В.** 9(47)„1812"

Отечественная война, или нашествіе Наполеона на Россію 1812—1912. Спб. 1912. Изд. Книгоизд. „Освобожденіе". 45 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

110. **Георгіевскій, Г. П. и Эйнгорнъ, В. О.** 9(47)„1812"(082)

Юбилейный Сборникъ 1812 г. Отечественная Война. Ея причины и исходъ. Московскій Университетъ, Губернская гимназія и другія учебныя заведенія Москвы въ 1812 г. Для учащихся среднихъ учебныхъ заведеній старшаго возраста. Подъ ред. В. И. Комаринцкаго. М. 1912. Изд. Моск. Учебн. Округа. 66 стр. съ рис.+5 портр. Ц. 30 к.

111. **Карповъ, А. Б.** 9(47.8)

Уральцы. Историческій очеркъ. Часть 1-ая. Яицкое войско. Отъ образованія войска до переписи полковника Захарова (1550—1725 гг.). Уральскъ. 1912. 2+904+2+96+VI+4 стр.+10 лист. рис. Ц. 3 р. 50 к.

112. **Давыдкинъ, М. и Селезневъ, Н.** 91(075)

Географія для народныхъ училищъ. Со многими рисунками въ текстѣ и двумя роскошными картами. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1912. Ц. 45 к. Стр. 152.

113. [. . . .] 91(47)(075)

Географія Россіи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составленъ М. Сперанской, Е. Орловой, А. Скобѣевой, С. Менделѣевой, П. Ордынскимъ, П. Тереховымъ. Съ 6-ю картограммами, 3 діаграммами, 2 картами и 210 рис. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1912. Ц. 1 р. Стр. 286.

114. **Вольфрумъ, Филиппъ** 92(B):78

Іоганнъ Себасіанъ Бахъ. Разрѣш. авторомъ перев. съ 2-го нѣмецк. изданія Е. Браудо. Со вступительной статьей и примѣчаніями переводчика. Съ 16 иллюстр. внѣ текста, 20 факсимиле и нотными примѣрами. М. 1912. Изд. П. Юргенсона. XXI+252 стр. съ рис. Ц. 3 р.

115. **Вѣтринскій, Ч. (Вас. Е. Чешихинъ)** 92(Д):891.7

Ѳ. М. Достоевскій въ воспоминаніяхъ современниковъ, письмахъ и замѣткахъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1912. Ц. 1 р. 10 к. Стр. 336.

Содержаніе: I. Вступительная статья о Достоевскомъ. — II. Хронологическая канва. — III. Воспоминанія и письма современниковъ о Достоевскомъ. — IV. Письма Достоевскаго. — V. Замѣтки и статьи Достоевскаго.—VI. Литература о Достоевскомъ.

116. **Степанецъ, Б.** 99(L)

М. В. Ломоносовъ. Вильна. 1912. Ц. 25 к. Стр. 22.

117. **Кудринскій, Ѳ. А.** 92(N):891.7

П. С. Никитинъ. Вильна. 1912. Ц. 25 к. Стр. 22.

118. [. . . .] 92(S)

Стасюлевичъ М. М. и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ ред. М. К. Лемке. Съ 2-мя портретами. Т. III. Спб. 1912. VI+789 стр. Ц. 4 р.

119. **Степанецъ, Б.** 92(T):371

Л. Н. Толстой, какъ педагогъ. Вильна. 1912. Ц. 25 к. Стр. 30.

Содержаніе журналовъ.

„Аполлонъ“. (1912—6) М. Волошинъ, Константинъ Богаевскій. — Кн. С. Волконскій, Адольфъ Апа, — М. Д. Calvocorressi;. Музыкантъ нашихъ дней — Арнольдъ Шенбергъ. — Swastica Письмо изъ Лондона.—Я. Тугенгольдъ. Письмо изъ Парижа.—Paolo Buzzi. Письмо изъ Италіи.— Кн. С. Волконскій. Празднества въ Геллерау. — Вл. Пястъ. Е. Зноско-Боровскій, В. Каратыгинъ. Новыя книги.—Н. Гумилевъ. Письма о русской поэзіи. — А. Л. Художественныя вѣсти съ Запада.

„Библіотекарь“. (1912 — вып. II). Е. Ветчинкина. Изъ практики одной библіотеки.—А. Войнинъ—Сяноженецкій. Положеніе вопроса о дезинфекціи книгъ. — П. Богдановъ. Библіографія русской спеціальной литературы. — Е. Гейницъ. Изъ иностранной литературы и жизни. — Хроника. — Справочный отдѣлъ. — Сводъ рецензій за мартъ, апрѣль и май 1912 г.

„Вѣстникъ Знанія“. (1912—8). Юбилей Отечественной войны. — Сергѣй Одинокій. Богатыри. Сказаніе о русскихъ войнахъ. Былины.—И. Костиновъ. Александръ I и Наполеонъ. — Д. Олевичъ. Война 1812 г. и ея причины.—Э. С. Среди книгъ и журналовъ. — Научное обозрѣніе: Анри Пуанкаре. — О пепельномъ свѣтѣ луны. — Атомизмъ и строеніе атома. — Динамическая теорія кристаловъ. — Коллоиды. — Организмъ и среда.— Проблема питанія.—Условія питанія и полъ потомства и др.—Библіографія.

„Для Народнаго Учителя“. (1912 — 11). Н. Раевскій. Фонетическій методъ обученія грамотѣ.— М. Левицкая. Внѣшкольное народное образованіе въ Вѣнѣ. А. Шараповъ. Работы учащихъ приходскихъ училищъ г. Вологды по составленію программъ для 4-годичнаго курса начальныхъ училищъ. — Е. Барановъ. Учителя въ туземныхъ школахъ на Кавказѣ.—Учительскіе курсы истекшимъ лѣтомъ. — А. Корольковъ. Работы по народному образованію въ Москвѣ. — В. Линдъ. Библіографія. — С. С. Изъ писемъ учителей. — Законъ о высшихъ начальныхъ училищахъ. — Новыя правила о народныхъ библіотекахъ.

„Жизнь для всѣхъ“. (1912 — 8) К. Фофановъ. Убѣгающій городъ, стих. — Е. Милицына. Страшная сказка.—Ал. Богдановъ. Изъ цикла „Русь“, стих. — Б. Кронинъ. Ирисы. — В. Нагорный. „Брызги“, стих. — А. Осиповъ. Евсеичъ, разсказъ. — А. Владимировъ. Отчизнѣ, стих. — Р. Кумовъ. Гвоздики Вольтера, разсказъ.—Вл. Евгеніевъ. Апостолъ свободы и соціальной справедливости.—А. Долговъ. Всероссійскій съѣздъ фельдшеровъ въ С.-Петербургѣ. — Н. Войтовъ. Въ ссылку. — К-нъ Шелонникъ. Изъ записокъ крестьянина. — Ѳ. Рындинъ. Поѣздка въ Туркестанъ.—М. Р. Измѣненіе устава о воинской повинности. — В. Поссе. Памяти А. Ф. Анненскаго. — С. Я. Россети. — В. Поссе. Въ поискахъ Россіи.—И. Вѣтровъ. Теософія и христіанство.— Библіографія.

„Запросы Жизни“. (1912—33). Н. И. Коробка. Общество и партіи. — Л. Мартовъ. Двѣ „судебныя ошибки“.—Antoisse Guilland. Вліяніе Ж. — Ж. Руссо на женщинъ. — Д-ръ Р. Салингеръ. Вильгельмъ Вундтъ.—За недѣлю. — Соц.-эконом. обозр.—Фельетонъ.

„Запросы Жизни“. (1912—34). С. Мстиславскій. Отечественная Война. — Р. М. Бланкъ. Одесскій сумбуръ.—Н. И. Коробка. Литературное обозрѣніе.— Д-г Benno Jaroslav. Теорія и практика. — Силь Вора. (Лондонъ). Генералъ Бутсъ.—За недѣлю.—Наука и техника.

„Запросы Жизни“. (1912—35). А. Веселовъ. Задачи момента.— А. Кларъ. Геніи между собой. — А. В. Луначарскій. Французская литература. — Д-ръ Г. Ганслмайеръ. Современное лѣченіе бѣшенства.—А. Бернгарди. Китайскіе анекдоты.— За недѣлю.— Соц.-экономич. обозр. — Наука и техника.

„Новая Жизнь“. (1912—7). Ф. Сологубъ. Слаще яда, ром. (Продолж.). — Л. Вилькина. Сонетъ, стих.—А. Свирскій. Одиночество, разск.—Б. Верхоустинскій. Я на зарѣ приду опять, стих.— Фр. Хух. Питтъ и Фоксъ, ром. (Продолж.). Пер. К. Жихаревой. — И. Рукавишниковъ. Прочь, стих.—Ив. Коноваловъ. Нравы и типы современной деревни. (Деревенская хроника)—Е. Аничковъ. Бѣлые павлины нашей скуки.—Л. Клейнбортъ. Крахъ души (Виннинченко. „На вѣсахъ жизни“). — Гр. Софоновъ. Китайская смута.— П. Берлинъ. Обремененные.—Н. Череванинъ. О выборныхъ перспективахъ. — Л. Мартовъ. Два декаданса. Письмо изъ Франціи.—П. Славинъ. Пушечная династія. — П. Б. Памяти Н. Ф. Анненскаго.—Критика и библіографія.

„Новости Дѣтской Литературы“. (1912 — 12). И. Владиславлевъ. Обзоръ популярной юбилейной литературы, посвященной 1812 году.—Ѳ. Капицъ. Обзоръ указателей дѣтскихъ книгъ.—Списокъ вышедшихъ за мѣсяцъ дѣтскихъ книгъ. — Рецензіи на новыя дѣтскія книги. — Хроника.— Алфавитный указатель за годъ.

„Новый журналъ для всѣхъ“. (1912—8.) Б. Лазаревскій. Два брака.—А. Чапыгинъ. Одинокая жизнь.—Д. Лондонъ. Пурпурная смерть.—Ф. Сологубъ. Н. Минскій. Стих.—Л. Пущинъ. Ликъ русскаго народа.—Н. Березинъ. Новыя теоріи наркоза. — Л. Герасимовъ. Наполеонъ I. — Б. Энгельгардтъ. Новыя школы на Западѣ.—Л. Сиротскій. Японскій Петръ Великій. — В. Брусянинъ. Романистъ-соціалистъ.—П. Славинъ. Текущая жизнь: Кишиневскій періодъ русской исторіи.—П. Б. Страницы прошлаго.—П. Берлинъ. А. С. Суворинъ.—Новыя книги.

„Русская Мысль“. (1912—8). Д. А. Абельдяевъ. Тѣнь вѣка сего. Записки Абашева. (Продолж.)— П. Вальми. Семья Бериль, ром. Пер. съ фр. Б. Рунтъ.—Ф. Сологубъ. Три, стих.—Б. Садовскій. Яблочный царекъ, разск.—М. К. Первухинъ. Когда луна красна, какъ кровь... Изъ итальянскихъ впечатлѣній.—В. Брюсовъ. Алтарь побѣды, повѣсть. (Продолж.)—Луи ла-Роза. Преступленіе Германа Шульца, разск.—В. Мюллеръ. Былины и историч. пѣсни въ качествѣ обрядовыхъ.—Наблюдатель. Націоналистическія и національныя теченія въ третьей Думѣ.— Л. Галичъ. Расширеніе Германіи.—А. Глѣбовъ. Борьба за національную школу въ Австріи.— С. О. Марголинъ. Письма о національностяхъ и областяхъ. Еврейское ремесло, его нужды и культурное значеніе.—Г. Н. Штильманъ. Второй прусскій парламентъ.—А. Щепетевъ. Русскіе въ Парижѣ. — П. Струве. Памяти Н. Ф. Анненскаго.—Н. Наживинъ. Письмо въ редакцію.— Въ Россіи и за границей.—Критическое обозрѣніе.

„Русское Богатство“. (1912—8.) Вл. Короленко. О Николаѣ Ѳеодоровичѣ Анненскомъ. — А. Петрищевъ. Надгробное.—В. Семевскій. Къ характеристикѣ Н. Ѳ. Анненскаго. — Вл. Табуринъ. Прасковея-Пятница. (Окончъ.) — А. Погодинъ. Польша передъ возстаніемъ 1830 г.— Н. Олигеръ. По амнистіи. — С. За желѣзной рѣшеткой. (Окончъ.) — С. Гаринъ. У далекаго моря.—В. Мякотинъ. Очерки соціальной исторіи Малороссіи.—Льюъ Милль. Разсказы—М. Ганфманъ. Явочный періодъ свободы столичной печати.—Діонео. Изъ Англіи.—А. В. П. На очередныя темы. (Продолж.)—А. Петрищевъ. Хроника внутренней жизни.—Н. С. Русановъ. Обозрѣніе иностранной жизни.

„Свободное Воспитаніе“. (1911—12 г.—11). Умственное развитіе дѣтей, поступающихъ въ московскія городскія школы. Докладъ, прочитанный въ Московскомъ Педагогическомъ Кружкѣ. — Программа вопросовъ для изслѣдованія конкретныхъ представленій и понятій у дѣтей, поступающихъ въ городскія школы. Сост. Московскимъ Педагогическимъ Кружкомъ.—Опытъ преподаванія въ двухъ младшихъ классахъ городской начальной школы. Сост. кружкомъ городскихъ учительницъ.—Е. Горбунова и И. Цунгеръ. Нѣсколько словъ о начальномъ преподаваніи.—В. К. Отовсюду.—А. Зеленко. Современные реформаторы образованія и воспитанія. Англія. 1. Школы аристократическаго типа.

„Свободное Воспитаніе“. (1911—12 г.—12). И. Горбуновъ-Посадовъ. 28 августа—день рожденія Л. Н. Толстого.—Его же. Когда и какъ появилось „Руководство для учителя“ Л. Н. Толстого.—„Руководство для учителя“ Л. Н. Толстого. — А. Зеленко. Современные реформаторы образованія и воспитанія. Англія. II. Универ. экспериментальная школа въ Манчестерѣ. (Проф. Финдлей.)—Н. Оттели. Новыя вѣянія въ обученіи рукодѣлію въ женскихъ школахъ.—П. Р. Радосавлевичъ. Соціальная педагогика. Съ англ. Л. Ш. — Н. Крупская. Л. Толстой въ оцѣнкѣ французскаго педагога.—С. Д—нъ. Изъ книги и жизни. Учителя въ бесѣдѣ съ Л. Н. Толстымъ.—Предварительная программа на 1912—13 г. Женевскаго Педагогическаго Института Ж.-Ж. Руссо.—Новыя изданія Спб. О-ва содѣйствія дошкольному воспитанію.—Н. К. Отовсюду.—Указатели статей, помѣщ. въ „Своб. Восп.“ за 1911—12 г.

„Современный Міръ“. (1912—8.) С. Гусевъ-Оренбургскій. Призракъ. (Окончаніе.)—С. Клычковъ. Лѣсъ. Стих.. — Н. Олигеръ. Бабушкина смерть, разск.—Б. Садовскій. Августъ, стих.— А. Бибикъ. Къ широкой дорогѣ, роман. (Продолженіе.) — Вс. Кожевниковъ. Улица, стих.— С. Головачевскій. Девятый валъ, стих. — Дж. Гэлсуорси. Патрицій, романъ. Переводъ съ англійскаго Э. К. Пименовой. (Продолж.) — А. Гжималъ-Сѣдлецкій. Диверсія, новелла. Переводъ съ польскаго Д. Морозова.—М. Сикъ. Три красныя розы, разск. Переводъ съ норвежскаго Е. Благовѣщенской.—Демьянъ Бѣдный. Басни 1. Сборъ, 2. Хороводъ, 3. Бавя.—Н. Розановъ. Карлъ Марксъ и русскіе люди сороковыхъ годовъ. — М. Соболевъ. Организація потребителей.—Е. Смирновъ. Смотря по обстоятельствамъ... (Къ вопросу о такъ наз. преемственности думскихъ работъ.) — В. Фриче. Поэты-рабочіе. — В. Зеленко. Откровенныя рѣчи. (Письмо изъ Москвы.)—Л. Мартовъ. Третья Дума.—Б. Веселовскій. Государственная Дума и мѣстныя нужды. — К. Войдемюллеръ. За рубежомъ. Второй актъ. (По поводу турецкихъ событій.) — І. Ларскій. Вопросы текущей жизни. Предъ узаконеніемъ.—В. Львовъ-Рогачевскій. Въ мірѣ звуковъ.—Вл. Краинфельдъ. Памяти Н. Ѳ. Анненскаго.—Критика и библіографія.

„Что и какъ читать дѣтямъ“. (1912—11.) Е. Елачичъ. О чтеніи дѣтьми книгъ по естествознанію.—Обзоръ новыхъ изданій соч. Клейна.—Обзоръ отд. „Жизнь и приключенія въ царствѣ животныхъ“ серіи „Въ помощь народной школѣ“, изд. И. Д. Сытина.—Обзоръ новыхъ изд. Сытина для дѣтей школьнаго возраста. — Разборъ журнала „Солнышко“.—Отзывы о книгахъ.

Книги, поступившія въ редакцію.

(Съ 1 августа по 1 сент.)

Изд. т-ва И. Д. Сытина.

А. Р. Историческая переписка о судьбахъ православной Церкви. 50 к.
Пушкинъ. Избр. соч. для дѣтей школьнаго возраста. 60 к.
Его же. Евгеній Онѣгинъ. 20 к.
Гоголь. Тарасъ Бульба. 20 к.
Костинъ, И. Т. Правописаніе и экспериментальная психологія. 30 к.
Географія Россіи для ср.-уч. заведеній. Сост. М. Сперанская, Е. Орлова, А. Скобѣева, С. Менделѣева, С. Ордынскій, П. Тереховъ. 1 р.
М. Давыдкинъ и Н. Селезневъ. Географія для народныхъ учителей. 45 к.
А. В. Гартопанъ. Болѣзни и поврежденія воздѣлываемыхъ растеній. 12 к.
О. В. Кайданова. Огонь и человѣкъ. 25 к.

Изд. „Польза“, В. Антикъ и К°.

В. Е. Игнатьевъ, др.-мед. Физическое воспит. 1 р. 60 к.
Г. Сенкевичъ. Въ пустынѣ и дебряхъ. 50 к.
Г. Мало. Безъ семьи. 30 к.
Л. Е. Мей. Царская невѣста. 10 к.
Его же. Псковитянка. 10 к.
Н. Бронштейнъ. Русско-франц. словарь. 50 к.
Де-Сегюръ, гр. Походъ въ Россію. 50 к.
В. Пичета. Причины Отеч. войны. 10 к.
Т. Сократова (Алабина). Наполеонъ въ Россіи. 10 к.
В. Реймонтъ. Мужики. IV. Лѣто. 40 к.
Ч. Диккенсъ. Колокола. 10 к.
Ст. Пшибышевскій. Сумерки. 30 к.
С. Михаэлисъ. „1812“. Вѣчный сонъ. 30 к.

Изд. „Наука и Искусство“, О. Ривошъ и К°.

Е. С. Лядовъ. Чахотка и борьба съ нею. 10 к.
И. Блюхеръ. Химія (неорганическая). 15 к.
Электричество. Под. ред. Г. А. Люстъ. 20 к.
Н. А. Добровольская. Общедоступная гигіена. 10 к.

Фр. Штрейслеръ. Коранъ. 10 к.
Его же. Буддизмъ, его исторія, сущность. 20 к.
С. Басовъ. Какъ правильно писать по-русски. 20 к.
Е. С. Лядовъ. Радій и его значеніе въ біологіи и медицинѣ. 15 к.
П. Ю. Шмидтъ. Клѣтка и ея жизнь. 15 к.
И. Крыжановскій. „Бактеріи". 15 к.
О. Ривошъ. Начатки механики. 20 к.
Г. М. Григорьевъ. Бесѣда о звукѣ. 10 к.
Его же. Бесѣда о теплотѣ. 15 к.
А. Г. Генкель. О жизни растеній. 15 к.
А. Л. Мендельсонъ. Неврастенія. 15 к,

Изд. О. Н. Поповой.

З. Топеліусъ. Даръ морского царя. 10 к.
Его же. Милосердный — богатъ. Чти отца твоего и матерь твою. 5 к.
Его же. Жемчужина Адальмины. 5 к.
Андерсенъ. Дикіе лебеди. 10 к.
Его же. Ель. 5 к.
Его же. Гадкій утенокъ. 5 к.
Его же. Дѣвочка со спичками. 5 к.
Его же. Маргаритка. 5 к.
Шрейдеръ, Д. И. Страна Восходящаго Солнца. 25 к.
С. М. Новосельскій. Азбука. 20 к.

Изд. „Окто".

Байронъ. Сочиненія въ 2-хъ томахъ. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Тт. I и II по 2 р. 50 к.
Его же. Донъ-Жуанъ. 1 р.
Его же Чайльдъ-Гарольдъ. 50 к.
Русско-англійскіе разговоры. 1 р. 25 к.

Изд. В. С. Спиридонова.

К. Н. Добрынинъ. Памятный годъ (1812 г.). 2 р. 75 к.
П. Т. Корзуновъ. Родная нива. Букварь. 20 к.
Его же. Статьи, вопросы и планы для письменныхъ изложеній. 35 к.
Устный счетъ въ предѣлахъ 1000. 20 к.
С. В. Рилицкій. Отечественная война въ звукахъ родной лиры. 20 к.
Н. А. Саввинъ. Систематическій орѳографическій сборникъ. 35 к.
А. П. Постниковъ. Учебникъ физики. Ч. I. 1 р. 20 к.

Изд. И. Горбунова-Посадова.

М. Групе. Новое рукодѣліе. 50 к.
Н. Горбуновъ-Посадовъ. Къ русскимъ учителямъ начальной, средней и высшей школы. 35 к.
Ф. Джюветтъ. Берегите ваше здоровье. 35 к.
Вальтеръ Въ царствѣ природы. Кн. 2-я. 85 к.
Н. М. Тулайковъ. Неурожай 1911 г. и задачи агрономіи юго-вост. Европ. Россіи. 10 к.
Е. Горбунова и И. Цунгеръ. Живыя числа, живыя мысли, руки за работой. 35 к.

Библіотека „Новой Земли" № 1 — 16. Изд. журнала „Новая Земля".
Д. Шумаковъ. На аэропланѣ смекалки. Издан. „Сосны". 35 к.
Н. Шапошниковъ. Наглядная практическая грамматика. Изд. В. В. Думновъ, Н-ки бр. Салаевыхъ. 45 к.
Практическая школьная Энциклопедія. Подъ ред. Тулупова и Шестакова. Изд. журн. „Для народнаго учит.". 3 р. 50 к.
К. И. Тумскій. Начала химіи. 1 р.
И. В. Кусковъ. Воздѣлываніе люцерны, костра безостаго. Изд. А. Ф. Девріена. 30 к.
Кудринскій, Ѳ. А. Н. С. Никитинъ. 25 к.
Его же. Курсъ новой русск. литер. Вып. II. 50 к.
Степанецъ, Б. Л. Н. Толстой какъ педагогъ. 25 к.
Его же. М. В. Ломоносовъ. 25 к.
Оккультная библіотека №№ 1, 2, 3, 8 и 9.
А. Александровъ. Наглядное изученіе русскаго правописанія. Ч. 1 и 2. 30 к. и 40 к.
Д-ръ мед. Сегаль — Библія, ея философія, этика и религія. 1 р.
L. Waldstein. Подсознательное „я". Изд. „Наука". 60 к.
Свами Вивекананда. Практическая Веданта. Изд. Н. Шеерманъ. 50 к.
Ж. де-Нерваль. Сильвія. Октавія. Изида. Аврелія. Изд. К. Ф. Некрасова. 1 р.
П. Моранъ. Павель I до восшествія на престолъ (1754 — 1796). Изд. К. Ф. Некрасова. 3 р.
Арс. Ляховъ. Основныя черты соціальныхъ и эконом. отношеній въ Россіи въ эпоху Александра I. 1 р. 25 к.

Издатели: { В. Крандіевскій. / В. Носенковъ.

Редакторъ В. Крандіевскій.

Типографія В. М. САБЛИНА. Москва, Петровка, д. Обидиной. Телефонъ № 131-43.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
„ПРОВИНЦІЯ“.

С.-Петербургъ, Стремянная ул., 6.

Новыя изданія ВЯТСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА, вышедшія изъ печати въ 1912 г.:

Дмитріева. Червонный хуторъ. 1 р. 25 к.
Маминъ-Сибиракъ. Дикое счастье. 1 р.
Дмитріева. Волки. 7 к.
Дмитріева. Ее всѣ знаютъ. 4 к.
Сѣрошевскій. Пустынный островъ (печ.).
Сѣрошевскій. Матросы корабля „Надежда“ (печ.).
Де-фо. Робинзонъ Крузо. 1 р.
Твенъ. Приключенія Тома. 50 к.
Киплингъ. Волчій пріемышъ. 80 к.
Киплингъ. Рикки-Тикки. 10 к.
Киплингъ. Маленькій Тумай. 10 к.
Киплингъ. Слонъ-буптовщикъ. 5 к.
Киплингъ. Чудо Пуранъ Богата. 8 к.
Золя. Наводненіе. 7 к.
Ибаньесъ. Въ морѣ. 4 к.
Лагерлефъ. Платъ Святой Вероники. 14 к.
Лагерлефъ. Кладезь мудрецовъ. 5 к.
Лагерлефъ. Виолеемскій младенецъ. 8 к.
Лагерлефъ. Краспошейка. 5 к.
Уйда. Нюренбергская печь. 8 к.
Гюго. Соборъ Парижской Богоматери (печ.).
Лагерлефъ. Путешествіе мальчика по Швеціи (печ.).
Доде. Прекрасная Нивернеза (печ.).
Эберсъ. Іисусъ Навинъ. 50 к.
Очаповскій. Мофъ объ Іо. 15 к.
Очаповскій. Сказаніе о городѣ Троѣ. 12 к.
Слобожанскій. Европа (печ.).
Клейнъ. Звѣздный міръ. 40 к.
Фабръ. Осы. 45 к.
Фабръ. Пчелы. 35 к.
Говардъ. Комнатная муха. (печ.).

Каталоги Склада и примѣрные списки Школьныхъ и Народныхъ Библіотекъ по требованію безплатно.

Книжный магазинъ и складъ „ТРУДЪ“ С. Скирмунта.

МОСКВА, Тверской бульв., д. 26. Тел. 34-54.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

1) **Нольде, Б.** баронъ, проф. Очерки русск. Государственн. права. Спб. 1911 г. Стр. 544. Ц. 3 р. 2) **Корфъ, С.,** баронъ. Право опубликов. парламентск. отчет. Спб. 1911 г. Стр. 44. Ц. 40 к. „Право“. 3) **Чистяковъ, П. С.** Къ предстоящимъ выбор. въ Государств. Думу 4-го соз. Спб. 1912 г. Стр. 18. 4) **Кипучъ, Л.** Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу 3-го іюня 1907 г. М. 1912 г. Стр. 55+1 табл. Ц. 30 к. 5) **Данъ, Ф.** Выборы въ Государственную Думу по Положенію 3-го іюня 1907 г. (Разъясн. избират. закона.) Спб. 1912 г. Стр. 30+1. Ц. 5 к. 6) [.....] Полож. о выбор. въ Государств. Думу. (Св. Зак. т. I, ч. II.) Изд. 1907 г. по Продолженію 1910 г. Алфавит. указат. Дополненія. Спб. 1912. Изд. неофиц. „Всеобщей библіот.“. Стр. 168. Ц. 20 к. въ перепл.—30 к. 7) **Саатчіанъ, А. Л.** Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу. Спб. 1911. Изд. Юридическ. магаз. Зубкова. Стр. XXII+77, 7 табл. Ц. 1 р. 50 к. 8) **Столыпинъ, П. А.** Сборн. рѣчей, произнесенн. въ засѣдан. Государствен. Совѣта и Государствен. Думы. (1906—1911 гг.) Спб. 1911. Изд. Логачева. Стр. 130. Ц. 1 р. 50 к. 9) **Коркуновъ, Н.,** д-ръ. Госуд. право. Русск. Государств. право. Т. II, ч. особенная, изд. 6-е подъ ред. и съ дополн. М. Горенберга, прив.-доц. Спб. ун. Спб. 1909. Стр. IX+739. Ц. 3 р. 50 к. 10) **Романовскій, В.** Государств. учрежденіе древней и новой Россіи. М. 1911. Изд. І. Кнебель. Стр. 452. Ц. 2 р. 11) **Лазаревскій, Н.** Лекціи по русск. Государств. праву. Т. II. Административ. право, ч. I. Органы управленія. Спб. 1910. Стр. 276. Ц. 2 р. 12) **Гамбаровъ, Ю.** Свобода и ея гарантія. Популярн. соціально-юридич. очерки. Спб. 1910 г. Стр. VIII+279. Ц. 1 р. 50 к. 13) Къ вопросу о 96 ст. Основн. Государственн. Законовъ под. ред. чл. Гос. Думы И. И. Дмитрюкова. Спб. 1909. Кн-во „Націонализмъ и Прогрессъ“. Стр. 24. Ц. 25 к. 14) **Ближній.** Государств. Дума и Государств. оборона. Обзоръ дѣятельн. Госуд. Думы 3-го созыва, 1908—1909 гг. по Государств. оборонѣ. Согласно стенограф. отчета о засѣд. Государ. Думы. Спб. 1909. Кн-ство „Націонализмъ и Прогрессъ“. Стр. 137. Ц. 80 к. 15) Конституція Германской Имперіи и главнѣйшія изъ относящихся до общегосударств. законодательства статей конституціонныхъ актовъ другихъ иностранныхъ государствъ. Спб. 1910 г. Стр. 123. Ц. 50 к.

СЪ 1-го СЕНТЯБРЯ 1912 ГОДА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на двухнедѣльный журналъ новаго типа

(4-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 4—5 печатныхъ листовъ большого формата въ два столбца.

Задача журнала „Бюллетени Литературы и Жизни"— по возможности всесторонне отражать картину идейной, духовной жизни страны. Все временное, скоропреходящее, хотя бы и сенсаціонное, но нехарактерное для жизни человѣческаго духа, журналомъ „Бюллетени" совершенно игнорируется, какъ ненужный балластъ, только затемняющій подлинное лицо жизни. Наоборотъ, изъ массы печатнаго матеріала журналъ выбираетъ главнымъ образомъ то, что не носитъ харатера случайности, а имѣетъ *длительный интересъ, интересъ, такъ сказать, вѣчности, что раскрываетъ жизнь въ ея основѣ, что углубляетъ душу читателя и расширяетъ его умственный кругозоръ.* Библіографическій отдѣлъ журнала „Бюллетени" представленъ въ такомъ, можно сказать, исчерпывающемъ видѣ, какъ ни въ одномъ изъ существующихъ общихъ журналовъ. Библіографія въ томъ видѣ, какъ она ведется въ „Бюллетеняхъ", необход. для самаго широкаго круга читателей.

ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТЪ ЖУРНАЛА РАЗСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 3 р. Допускается разср.: 1 р.—къ 1 сент., 1 р.—къ 1 янв. и 1 р.—къ 1 мая. За границу на годъ—5 р. Для сельскихъ учителей **при непосредственномъ обращеніи въ контору журнала** подписная цѣна на годъ — 2 р. 50 к.

Подписка принимается во всѣхъ книжн. магаз. и почт.-телеграфн. учрежден. имперіи. При перемѣнѣ адреса нужно прилагать 20 к. ═══ Цѣна отдѣльнаго №—20 к. Продажа производится во всѣхъ столичныхъ книжныхъ магазинахъ, въ газетн. кіоскахъ и на ст. жел. дор.

Книгоиздательства приглаш. присылать исключительно на имя редакціи новыя книги для помѣщенія о нихъ въ журналѣ библіограф. свѣдѣній. ═══ Имѣются полн. компл. журн. „Бюллетени" за 1910—11 и 1911—12 гг. Цѣна комплекта 1-го года — 2 р., 2-го — 3 р. съ пересылкой.

Адресъ конт. и ред.: Москва, Хлѣбный пер., д. 1. **1-е отд. конт.:** Тверской бульв., д. 26, кн. маг. „Трудъ С. Скирмунта". **2-е отд. конт.:** С.-Петербургъ, Стремянная, д. 6, кн. складъ „Провинція".

РЕВМАТИЗМЪ и ЛОМОТА

на простудной почвѣ излѣчиваются ЮЖНОЙ ЖИДКОСТЬЮ

„МАГО".

Испытанное средство при хроническихъ и острыхъ болѣзняхъ. (Изготовл. въ Крыму.)
Продается во иног. аптек. и аптекарск. маг.
Единств. предст. Бр. Н. и И. АРѢШЕВЫ.
Москва, Тверская, Настасьинск. п., д. 7, кв. 2.
ОТД. Ц. Тел. 286-23.
Брошюры высылаются безплатно.
Не излѣчившимся по предъявл. удостовѣренія врача деньги возвращаются обратно.

Цѣна безъ пересыл. больш. фл. 1 р. 50 к. Высыл. наложен. платеж.

Типографія В. М. САБЛИНА. Москва, Петровка, д. Обидиной. Телефонъ № 131-34.

ц. 20 к.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

№ 2. Сентябрь. 1912.

(Четвертый годъ изданія.)

СОДЕРЖАНІЕ

1) „Вѣчная религія“. (Ученіе Ведапты.)

2) **О роли „подсознательнаго“ въ жизни человѣка.** (О вліяніи „подсознательнаго“ на творчество. О вліяніи „подсознательнаго“ на формированіе характера.)

3) **Блаженство творчества.**

4) **И. С. Тургеневъ по новымъ матеріаламъ.** („Пріятели“. О ссорѣ Тургенева съ Толстымъ. Конецъ и „конецъ“. Послѣднее земное странствіе. Первый выходъ „лишняго человѣка“. Тургеневъ — юмористъ.)

5) **Новые романы.** („Пѣсня крови“, Вл. Ленскаго.—„Слаще яда“, Ѳ. Сологуба.—„Озеро“, Н. Русова.—„1794 годъ“, Вл. Реймонта и „Краса жизни“, Ст. Жеромскаго.—„Боги жаждутъ“, А. Франса.)

6) **Эволюція революціонныхъ настроеній за желѣзной рѣшеткой.**

7) **Какъ сказывается „безвременье“ въ средѣ русскихъ эмигрантовъ.**

8) **Исповѣдь Азефа.**

9) **О бракѣ.**

10) **Неврастенія и ея причины.**

11) **Эманація радія въ примѣненіи къ медицинѣ.**

Отзывы о книгахъ.—Новыя книги.—Содержаніе журналовъ.—Книги, поступившія въ редак.

Цѣна: на ½ г.—1 р. 50 к. На годъ—3 р.

Редакція и контора:
Хлѣбный переулокъ, домъ 1.
Телеф. 44-67.

Отдѣленія конторы: 1) Тверской бульв., д. 26, книжн. маг. „Трудъ“. Тел. 34-54. 2) Петербургъ, Стремянная, 6, кн. складъ „Провинція“.

МОСКВА.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
„ПРОВИНЦІЯ“.

С.-Петербургъ, Стремянная ул., 6.

ПОСТУПИЛИ ПОЛНОСТІЮ НА СКЛАДЪ
ПОРТРЕТЫ
изданія В. П. Водовозовой.

Портреты писателей, ученыхъ и общественныхъ дѣятелей.

(Фототипіи размѣра 8×6 верш.)

С. Аксакова
Л. Андреева
В. Бѣлинскаго
В. Вересаева
В. Верещагина
В. Гаршина
А. Герцена
Н. Гоголя
И. Гончарова
М. Горькаго
А. Грибоѣдова
Д. Григоровича
Г. Державина
Н. Добролюбова
Ѳ. Достоевскаго
В. Жуковскаго
С. Иванова
Н. Карамзина
С. Ковалевской
А. Кольцова
В. Короленко
П. Кропоткина
И. Крылова
П. Лаврова
П. Лесгафта
М. Лермонтова
М. Ломоносова
І. Лукашевича
А. Майкова
Л. Мельшина (П. Я.)
Д. Менделѣева
И. Мечникова
Н. Михайловскаго
А. Мицкевича
Н. Морозова
С. Муромцева
С. Надсона
Н. Некрасова
И. Никитина
М. Новорусскаго
А. Островскаго
Н. Пирогова
Д. Писарева
А. Плещеева
М. Попова
А. Пушкина
М. Салтыкова-Щедрина
Г. Сенкевича
Вл. Соловьева
А. Толстого
Л. Толстого (нов. порт.)
И. Тургенева
Г. Успенскаго
К. Ушинскаго
Д. Фонвизина
Н. Чернышевскаго
А. Чехова (съ портр. Браза)
А. Чехова (съ фот. въ шляпѣ)
Т. Шевченко.

Портреты иностранныхъ писателей, ученыхъ и обществен. дѣятелей.

(Фототипіи размѣра 8×6 верш.)

Цѣна портрета 25 коп.

Лорда Байрона
Кнута Гамсуна
Дж. Гарибальди
В. Гёте
Г. Гейне
Ч. Дарвина
Э. Зола
Г. Ибсена
А. Лавуазье
Ф. Лассаля
К. Маркса
Дж. Маццини
Дж. Ст. Милля
Гюи де-Мопассана
Ф. Ницше
Л. Пастёра
И. Песталоцци
И. Тэна
В. Шекспира
Ф. Шиллера.

Портреты философовъ.

Аристотеля
Ф. Бэкона
В. Вундта
Г. В. Ф. Гегеля
Г. Л. Гельмгольца
Р. Декарта
Эм. Канта
Ог. Конта
Г. В. Лейбница
Платона
Сократа
Г. Спенсера
Б. Спинозы
І. Г. Фихте
Ф. В. І. Шеллинга
Шопенгауэра.

Портреты композиторовъ.

І. Баха
Л. Бетховена
Р. Вагнера
Д. Верди (нов. портр.)
А. Глазунова
М. Глинки
Ш. Гуно
А. Даргомыжскаго
Ф. Листа
Ж. Мейербера
Ф. Мендельсона
І. Моцарта
Н. Римскаго-Корсакова
А. Рубенштейна
П. Чайковскаго
Ф. Шопена
Ф. Шуберта
Р. Шумана.

Цѣна портрета 25 коп.

Стѣнные портреты большого формата.

(9×12 вершковъ.)

Н. Гоголя
А. Кольцова
М. Лермонтова
Н. Некрасова
И. Никитина
А. Пушкина
И. Тургенева

Цѣна 75 коп. за экземпляръ.

ТАКСА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

Передъ текстомъ:

1 стр. . . . . 50 р.
1/2 стр. . . . . 30 р.
1/4 стр. . . . . 20 р.
1/8 стр. . . . . 15 р.

Послѣ текста:

1 стр. . . . . 35 р.
1/2 стр. . . . . 20 р.
1/4 стр. . . . . 14 р.
1/8 стр. . . . . 8 р.
1 строка петита . . 50 к.

№ 2 — Сентябрь 1912 г.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на г.—3 р.; на 8 м.—2 р.; на 1/2 г.—1 р. 50 к. и на 1 м.—35 к. За границу: на г.—5 р.; на 1/2 г.—2 р. 50 к.

Цѣна отдѣльнаго № 20 к.
Перемѣна адреса 20 к.

Редакція и главн. контора: Москва. Арбатск. пл., Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 44-67.

„Вѣчная религія".

(Ученіе Веданты.)

> Боги не создавали людей по своему образу, но человѣкъ создалъ боговъ.
>
> *„Практическая Веданта"*.

„Въ наше время, когда матеріалистическія идеи достигли въ своемъ развитіи необычайной силы, когда человѣкъ почти совсѣмъ забылъ, повидимому, свою божественную природу, благодаря все растущей зависимости своей отъ матеріи, и скоро, повидимому, долженъ превратиться въ простую машину для дѣланія денегъ,—въ наше время перемѣна въ духовной области должна быть сдѣлана, и сила для этого уже народилась, идетъ, зазвучалъ голосъ, который разгонитъ надвигающіяся со всѣхъ сторонъ тучи матеріализма и въ недалекомъ будущемъ заставитъ человѣчество вспомнить о своей дѣйствительной природѣ, о своемъ истинномъ назначеніи. И снова, какъ всегда, мѣстомъ, откуда выйдетъ эта сила, будетъ — Азія. Если Востоку понадобится выучиться, какъ дѣлать машины, онъ долженъ притти за этимъ къ Западу, но если Западъ захочетъ узнать, что такое міръ духовный, что такое Богъ, что такое душа человѣка, узнать, въ чемъ тайна и смыслъ міра, онъ долженъ сѣсть у ногъ Востока и слушать"...

Такъ говорилъ въ Нью-Іоркѣ индійскій религіозный мыслитель Свами Вивекананда, ученикъ знаменитаго проповѣдника Шри-Рамакришны-Парамагамзы, въ одной изъ своихъ публичныхъ рѣчей, посвященной памяти учителя.

Послушаемъ же мудрость Востока. Ex oriente lux... Послушаемъ, въ чемъ философія „практической Веданты", которую излагаетъ С. Вивекананда въ своей книжкѣ, носящей это заглавіе и переведенной теперь и на русскій языкъ (изд. И. Шейерманъ).

О Шри-Рамакришнѣ авторъ говоритъ, что „провозгласить и сдѣлать яснымъ основное единство всѣхъ религій было дѣломъ, совершить которое и былъ посланъ мой учитель. Другіе учителя человѣчества учили каждый своей религіи, которыя и носятъ ихъ имена, но этотъ великій учитель XIX вѣка не хотѣлъ ничего для себя, онъ оставилъ нетронутыми всѣ религіи, потому что онъ понялъ, что въ дѣйствительности всѣ онѣ — лишь части единой, вѣчной религіи". Итакъ, въ чемъ сущность этой *единой, вѣчной религіи*, какъ постигаетъ ее Востокъ?

Религія эта, знакомая и Западу, особенно изъ философіи Фейербаха, Ницше — религія человѣкообожія, но только человѣкобожіе, понимаемое по-своему, въ духѣ восточной мистики.

„Человѣчество всегда представляется мнѣ подобнымъ людямъ, замерзающимъ въ снѣгу и требующимъ, чтобы имъ не мѣшали спать, и которые на попытки вытащить ихъ и спасти говорятъ: „Не мѣшайте намъ спать; въ снѣгу такъ сладко спать". Они охотно замерзнутъ въ этомъ снѣ. Вотъ какова наша природа. Въ продолженіи всей нашей жизни мы замерзаемъ съ ногъ до головы и все-таки требуемъ, чтобы намъ не мѣшали спать. Поэтому стремись всѣми своими силами подняться къ идеалу и достичь его и не вѣрь тѣмъ, кто хочетъ принизить его до твоего низменнаго пониманія. Но если придетъ кто-нибудь и скажетъ тебѣ, что религія несетъ въ себѣ наивысшее стремленіе этой жизни, то будь готовъ итти съ нимъ рука объ руку.

Веданта не проповѣдуетъ невозможнаго идеала, какимъ бы онъ высокимъ ни казался, она только говоритъ: „Вотъ идеалъ: „Это — ты". „Ты есть Богъ".

Это конечный результатъ всѣхъ ея ученій. Всѣ ея умственныя изысканія приводятъ къ сознанію, что человѣческая душа чиста и всезнающа и что суевѣріе о ея рожденіи и смерти есть полнѣйшая безсмыслица.

Душа не имѣетъ никакой формы, а то, что лишено формы, должно быть вездѣсущимъ. Время и пространство существуетъ лишь въ разумѣ человѣка. Законъ причинности не можетъ существовать безъ идеи послѣдовательности во времени. Слѣдовательно, пространство, время и законъ причинности существуютъ лишь въ умѣ человѣка, а такъ какъ Атманъ (душа) не умъ и такъ какъ онъ лишенъ всякой формы, то онъ долженъ быть внѣ времени, внѣ пространства, внѣ закона причинности, т.-е. онъ безконеченъ. Но двухъ или нѣсколькихъ безконечностей быть не можетъ, — слѣдовательно, въ мірѣ можетъ быть только одна душа. Такимъ образомъ, человѣкъ дѣйствительный есть единый, безконечный, вездѣсущій Духъ, а человѣкъ, какимъ онъ намъ кажется, есть лишь ограниченіе этого дѣйствительнаго Человѣка. Въ этомъ смыслѣ всѣ миѳологіи, всѣ легенды, всѣ преданія справедливы: человѣкъ, какимъ онъ намъ кажется, какъ бы онъ великъ ни былъ, есть только туманное отраженіе Человѣка дѣйствительнаго, стоящаго за нимъ. Человѣкъ дѣйствительный духъ, будучи внѣ закона причинности, внѣ пространства и времени долженъ быть совершенно свободенъ. Человѣкъ кажущійся, отраженіе, ограниченъ временемъ, пространствомъ, закономъ причинности и поэтому онъ связанъ или, какъ говорятъ нѣкоторые изъ нашихъ мыслителей, кажется связаннымъ, а въ дѣйствительности и онъ не связанъ. Всякій человѣкъ-духъ безконеченъ, поэтому нельзя и говорить о рожденіи и смерти. Какъ земля не можетъ никуда упасть, такъ какъ ей некуда упасть,—въ безконечности нѣтъ ни верха, ни низа,—такъ и душа не можетъ ни притти, ни уйти: откуда она придетъ, куда пойдетъ? Когда человѣкъ перестаетъ думать о прошломъ, о будущемъ, о томъ, что станетъ съ нимъ потомъ, когда онъ отброситъ всякую мысль о своемъ тѣлѣ, — это знакъ того, что онъ поднялся на высшую ступень сознанія. Ни тѣло, ни умъ не составляютъ человѣка, они преходящи, но духъ, что за ними, пребываетъ вѣчно. И умъ, и тѣло безпрерывно и постоянно измѣняются; это рѣки, каждая капля которыхъ течетъ, но всю совокупность капель мы признаемъ все же одной рѣкой; это какой-то вѣчный вихрь измѣненій. Но безконечный духъ не измѣняется, — измѣняться можетъ только то, что ограничено. Мое тѣло можетъ двигаться, ваше можетъ двигаться, всякая частица вселенной находится въ постоянномъ движеніи, но вселенная въ ея цѣломъ не можетъ двигаться. Движеніе относительно; я двигаюсь по отношенію къ столу, всякій атомъ движется по отношенію къ другимъ атомамъ, но по отношенію къ чему будетъ двигаться безконечная вселенная въ ея цѣломъ? Это безконечное единство, несомнѣнно, неподвижно, абсолютно; это Единое дѣйствительное. И наша дѣйствительность, дѣйствительный человѣкъ—въ безконечномъ, а не въ ограниченномъ. Какъ ни удобно, можетъ быть, считать себя маленькимъ, ограниченнымъ, всегда мѣняющимся существомъ, но это лишь самообманъ, старый самообманъ,— нѣтъ, вы дѣйствуете чрезъ все въ мірѣ, вы живете въ каждомъ біеніи каждаго сердца! Только тотъ живетъ, кто перенесъ свою жизнь въ жизнь міра, въ другихъ; когда же мы дѣлаемъ центромъ жизни наше тѣло, наши крошечные интересы, тогда мы умираемъ, тогда мы узнаемъ страхъ смерти. Страхъ смерти можетъ человѣка только тогда побѣдить, когда онъ ясно пойметъ, что пока есть одна жизнь въ мірѣ, онъ будетъ жить: „я во всемъ, во всякомъ тѣлѣ, во всякой жизни: я вселенная, вся вселенная мое тѣло—какъ могу я умереть, пока остается хотя небольшая частица ея?“ Что представляютъ собою, въ сущности, всѣ эти идеи о Богѣ, религіи, о томъ, что будетъ тамъ, за могилой? Почему человѣкъ ищетъ Бога? Почему во всякомъ народѣ, при всякомъ состояніи общества человѣкъ жаждалъ высокаго идеала совершенства,—въ Богѣ, въ человѣкѣ?.. Да потому, что все это уже есть въ человѣкѣ. Это бьется ваше сердце, а вы не понимаете и думаете, что это что-то внѣшнее. Это Богъ, живущій внутри васъ, побуждаетъ васъ искать Его, осуществить, воплотить Его. И послѣ долгихъ поисковъ вездѣ и всюду, въ церквахъ, на землѣ, на небѣ, мы, завершая кругъ, наконецъ, возвращаемся назадъ, къ нашей душѣ и находимъ, что Тотъ, Кого мы искали по всему свѣту, о Комъ мы плакали, къ Кому взывали въ нашихъ храмахъ, на Кого смотрѣли какъ на тайну всѣхъ тайнъ, скрытую въ заоблочномъ мірѣ, Онъ оказывается къ намъ ближе всего близкаго, Онъ—мое Я, сущность моей жизни, мое тѣло, мой духъ: „Я есмь Ты и Ты еси Я“. Въ этомъ истинная природа человѣка — признайте ее, проявляйте ее! Не то, что надо стараться быть чище, — вы уже чисты, не то, что надо стремиться къ совершенству,—вы уже совершенны въ вашей сущности. Міръ это только ширмы, за которыми скрывается Дѣйствительность.

Душа никогда не рождалась и никогда не

умретъ, и всѣ предположенія о томъ, что я умру и страхъ смерти возникли единственно изъ суевѣрія. Но столь же суевѣрна и мысль, что я что-либо могу или не могу сдѣлать, такъ какъ *я могу сдѣлать все*. Прежде всего Веданта проповѣдуетъ людямъ „довѣріе къ самому себѣ“. Подобно тому, какъ нѣкоторыя религіи міра признаютъ атеистомъ того человѣка, который не вѣритъ въ личнаго, внѣ его самого сущаго Бога, Веданта называетъ атеистомъ того, кто не вѣритъ въ себя самого. Атеизмомъ Веданта считаетъ невѣріе въ свою собственную душу.

Однако вѣра въ самого себя не должна быть себялюбивой, такъ какъ Веданта въ то же время проповѣдуетъ единство, любовь, и довѣріе къ самому себѣ должно охватывать всѣхъ и животныхъ, такъ какъ все едино. Веданта совершенно не считается съ идеей, что жизнь животныхъ иная, чѣмъ жизнь людей. Если жизнь человѣка безсмертна, то безсмертна и жизнь животныхъ, и различіе состоитъ не въ томъ, что жизнь животныхъ иная, чѣмъ наша, а въ томъ, что это различныя степени проявленія одной и той же жизни.

Между травою и деревомъ разница очевидна, но если смотрѣть на нихъ съ высокой горы, то разница эта исчезаетъ, и дерево и трава намъ кажутся одинаковыми. То же и съ точки зрѣнія Высшаго — все равно, и если вѣрить въ одного Бога, то животныя и высшія созданія должны быть для него одно и то же, иначе бы Богъ не былъ добрымъ Богомъ, такъ какъ Богъ, пристрастно относящійся къ своимъ дѣтямъ, называемымъ людьми, и жестокій къ своимъ дѣтямъ — дикимъ звѣрямъ, былъ бы хуже демона.

Тотъ человѣкъ стоитъ на высшей ступени, который можетъ сказать про самого себя: „Я знаю самого себя въ совершенствѣ“.

Развѣ знаете вы, сколько могущества, силы и энергіи скрыто въ этомъ вашемъ внѣшнемъ человѣкѣ? И какой ученый узналъ, что есть въ человѣкѣ? Прошли милліоны лѣтъ со времени появленія на землѣ человѣка, и несмотря на это проявилась только безконечно малая часть его могущества. Кто осмѣлится сказать, что мы слабы? Кто можетъ знать, что живетъ подъ этой внѣшней приниженностью? Какъ можешь ты знать, что есть въ тебѣ? Въ тебѣ океанъ безграничной силы и блаженства. Единственное, къ чему мы должны прислушиваться, это есть Атманъ (душа). Слушай денно и нощно, что ты—эта душа. Повторяй это днемъ и ночью, пока оно не отзовется въ каждой каплѣ твоей крови, пока оно не перейдетъ въ твою плоть. Насыти все тѣло свое однимъ этимъ идеаломъ: „Я есмь порожденная, никакой смерти неподчиненная, блаженная, всевѣдущая, всемогущая, вѣчно прекрасная душа“. Думай объ этомъ день и ночь, пока идеалъ этотъ не станетъ частью твоей жизни. Размышляй объ этомъ, и дѣйствіе не замедлитъ проявиться. Отъ полноты сердца заговоритъ уста, и будетъ дѣйствовать рука, и то, что казалось теоріей, проявится на дѣлѣ. Наполнись идеаломъ и, что бы ты ни дѣлалъ, думай о немъ, — тогда всѣ твои поступки преобразятся, обожествятся, возвысятся могуществомъ мысли, такъ какъ если человѣкъ могучъ, то мысль всемогуща. Наполнись мыслью твоего всемогущества, твоего величія и твоего великолѣпія. О, зачѣмъ намъ было рождаться и расти во всѣхъ этихъ суевѣрныхъ и разслабляющихъ идеяхъ о нашей немощности и испорченности!

Почти всѣ вы вѣрите, что духовъ не существуетъ, и все-таки, войдя въ темноту, вы ощущаете какую-то робость, потому что вамъ съ дѣтства была вбита въ голову идея страха. Изъ этого слѣдуетъ, что и вы также не въ правѣ воспитывать въ другихъ подобныя идеи, несмотря на страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ или передъ ненавистью друзей. *Будь господиномъ всего.* Чему болѣе высокому можетъ научить религія? Единство вселенной и твердая вѣра въ себя.

Постояннымъ напоминаніемъ о его слабостяхъ нельзя помочь человѣку; самое лучшее дать ему лѣкарство и такое, которое привело бы его къ сознанію имѣющихся уже въ немъ силъ и такимъ образомъ заставило бы его забыть о своей немощи. Вмѣсто того, чтобы говорить человѣку, что онъ грѣшникъ, Веданта придерживается противоположнаго способа и говоритъ: „Ты чистъ и совершененъ, и все, что ты называешь грѣхомъ, не принадлежитъ тебѣ. Все это лишь низшая ступень проявленія; проявись, если можешь, на болѣе высокой ступени“. Сдѣлать это мы всѣ можемъ, этого не слѣдуетъ забывать, и никто не долженъ говорить: „Нѣтъ я этого не могу“. Не говори такъ, потому что мы обладаетъ неизмѣримыми силами. Само время и пространство ничто въ сравненіи съ твоей природой; ты можешь все сдѣлать, такъ какъ я всемогущъ.

Это основныя черты нравственнаго ученія Веданты, и чѣмъ мы глубже вникаемъ во всѣ его частности, тѣмъ больше убѣждаемся, что ученіе это можетъ быть практически проведено въ нашу повседневную жизнь, въ городскую и деревенскую обстановку, въ жизнь каждой народности, каждаго отдѣльнаго человѣка. Религія, которая не можетъ помочь человѣку, кто бы онъ ни былъ и къ какому бы сословію ни

принадлежалъ, не имѣетъ никакой цѣны, а есть только теорія для избранныхъ. Религія, если она хочетъ помочь человѣчеству, должна быть способной сдѣлать это, въ какомъ бы положеніи человѣкъ ни находился, будетъ ли онъ въ пучинѣ нравственнаго паденія или на недосягаемой высотѣ чистоты. Она должна быть въ состояніи помогать человѣчеству во всѣхъ случаяхъ, только тогда и будутъ выполнены принципы Веданты, идеалъ религіи или какъ бы его ни называли.

Будь свободенъ! Не надѣйся ни на что и ни на кого. Я вполнѣ увѣренъ, что если вы оглянетесь на вашу жизнь, то найдете, что вы всегда напрасно искали помощи отъ другихъ; такъ какъ каждый разъ, какъ вы получали помощь, она приходила изъ вашего внутренняго міра; вы получали только плоды того, что вы сами себѣ приготовили, хотя и надѣялись всегда на помощь извнѣ. Если вы понаблюдаете полныя пріемныя богатыхъ людей, то вы увидите, какъ просители всегда надѣются чего-нибудь добиться отъ богачей, но никогда ничего не получаютъ. Таковы же и наши жизни: мы постоянно надѣемся и никогда не достигаемъ цѣли. „Брось эту надежду“, говоритъ Веданта. „Зачѣмъ тебѣ надѣяться? У тебя же есть все!“ Ты же король, Самъ, на что же тебѣ еще надѣяться? Если король сойдетъ съ ума и начнетъ ходить по своей собственной странѣ, ища короля, то онъ никогда не найдетъ его; онъ можетъ обойти всѣ деревни, всѣ города въ своей странѣ, можетъ заходить въ каждый домъ, можетъ плакать, стонать и жаловаться, но онъ никогда не найдетъ короля, потому что онъ самъ—этотъ король. Лучшее — знать, что мы сами короли, и бросить это безсмысленное исканіе короля. Такъ говоритъ Веданта, и въ сознаваніи себя королемъ заключается наше счастье и успокоеніе. Прекратите глупое исканіе и тогда продолжайте играть свою роль во вселенной.“

О роли „подсознательнаго“ въ жизни человѣка.

Область „подсознательнаго“ въ духовной жизни человѣка въ послѣднее время все чаще и чаще останавливаетъ на себѣ вниманіе ученыхъ психологовъ. И это совершенно понятно, такъ какъ разсматриваемая область играетъ очень большую роль въ индивидуальной жизни человѣка.

Недавно въ русскомъ переводѣ вышла книга Вальдштейна подъ заглавіемъ—„*Подсознательное я*“. Въ ней дается подробное описаніе міра подсознательнаго, а также выясняется то огромное вліяніе, которое этотъ міръ оказываетъ на формированіе человѣческаго темперамента и, въ частности, творческихъ его способностей.

Всѣ знанія, которыми обладаетъ человѣкъ относительно самого себя и окружающаго,—пишетъ Вальдштейнъ,—происходятъ отъ впечатлѣній. Впечатлѣнія всегда регистрируются и, однажды воспринятыя, они обладаютъ способностью долго сохраняться и въ своей совокупности образуютъ то, что мы называемъ памятью.

Всѣ впечатлѣнія, которыя дѣйствуютъ на насъ извнѣ и которыя воспринимаются нашими высшими органами чувства, можно раздѣлить на двѣ категоріи, которыя иногда переходятъ одна въ другую. Слушая, напримѣръ, разговоръ, мы получаемъ впечатлѣніе не только отъ произносимыхъ словъ, но одновременно и отъ шума въ воздухѣ, его температуры, запаховъ, формъ, красокъ, свѣта, тѣней, къ которымъ присоединяются еще всѣ тѣ тонкія ощущенія, которыми мы обязаны осязанію вообще и чувствительности кожи въ частности. Все это ассоціируется съ выслушанными мыслями. Чѣмъ болѣе мы исключаемъ вліяніе окружающаго, тѣмъ проще наши ощущенія, а слѣдовательно и вытекающія изъ нихъ воспріятіе и регистрація обращенной къ намъ рѣчи. Съ другой стороны, чѣмъ менѣе мы въ состояніи исключить ассоціирующіяся подсознательныя впечатлѣнія, тѣмъ менѣе отчетливымъ, въ силу своей сложности, будетъ воспоминаніе о полученныхъ сознательныхъ впечатлѣніяхъ, такъ какъ наше вниманіе не могло быть въ данномъ случаѣ совершеннымъ. Поэтому мы отличаемъ *сознательныя* впечатлѣнія отъ *подсознательныхъ*, которыя сочетаются съ ними, хотя и не входятъ въ узкій кругъ нашего вниманія. Мы активны и избирательны по отношенію къ сознательнымъ и лишь пассивны къ подсознательнымъ впечатлѣніямъ, но все же и эта послѣдняя категорія впечатлѣній постоянно регистрируется и образуетъ составную часть нашей памяти. Всякій, конечно, признаетъ то обстоятельство, что такъ называемыя подсознательныя впечатлѣнія гораздо многочисленнѣе, чѣмъ тѣ, которыя мы называемъ сознательными. Поэтому наша память составляется въ значительно большей степени изъ подсознательныхъ, чѣмъ изъ сознательныхъ впечатлѣній. Содержаніе подсознательныхъ впечатлѣній даетъ направленіе нашимъ настроеніямъ, нашимъ мыслямъ и нашимъ поступкамъ. Поэтому та часть нашей памяти, которая со-

стоитъ изъ подсознательныхъ впечатлѣній и ихъ аггрегатовъ, должна играть большую роль въ нашей индивидуальной жизни.

О вліяніи „подсознательнаго“ на творчество.

Сознательныя впечатлѣнія и ихъ удержаніе въ памяти опредѣляютъ интеллектуальнаго, соображающаго, обдумывающаго человѣка. Изъ всего же, что поднимается изъ глубинъ, изъ богатаго матеріала подсознательныхъ впечатлѣній образуется эмоціональный, непосредственный, страстный человѣкъ. Сознательное „я“ руководитъ поступками человѣка, направленными на окружающее: оно обращаетъ его вниманіе на отвѣтственность по отношенію какъ одушевленнаго, такъ и неодушевленнаго міра, а также по отношенію къ самому себѣ. Всѣ желанія, инстинктивныя влеченія, нецѣлесообразныя напряженія обуздываются сознательнымъ началомъ человѣка. Именно сознательное „я“ главнымъ образомъ выполняетъ концентрирующія, т.-е. исключающія и подавляющія, т.-е. сдерживающія, функціи. Если бы этого не было, человѣкъ разрушилъ бы преграды, поставленныя ему цивилизованнымъ обществомъ; тогда преобладали бы семейныя, національныя особенности, и общественная работа такъ же, какъ и соціальный порядокъ, были бы немыслимы. Именно сознательное „я“ регулируетъ работы человѣка, и усиліе именно его концентрирующей способности утомляетъ нервную систему своими стараніями исключить всѣ тѣ впечатлѣнія, которыя въ это время являются незваными. Отъ нихъ можно отдохнуть только во время безсознательнаго состоянія сна или во время состоянія пассивнаго воспріятія впечатлѣній, доходящихъ до насъ; безсознательное „я“ получаетъ возможность отдыха тогда, когда мы безъ цѣли и желанія отдаемся созерцанію. Въ это время покоя умъ погружается въ художественное настроеніе, тѣсно связанное съ нашей эмоціональной жизнью, ибо какъ она, такъ и художественное настроеніе исходятъ изъ подсознательнаго „я“.

Было бы тѣмъ не менѣе несправедливо считать, что активность свойственна только сознательному „я“, что подсознательное „я“ способно лишь на функціи воспріятія, т. к. бываютъ случаи, когда активныя и продуктивныя дѣйствія человѣческой энергіи происходятъ непосредственно изъ источниковъ подсознательнаго. Такъ, напр., созданія генія станутъ понятными лишь тогда, если предположить, что они порождаются непосредственнымъ дѣйствіемъ той части человѣческой психики, которая освобождена отъ цѣпей, наложенныхъ на человѣка другой интеллектуальной ,воспитанной по прописямъ, частью его психики. Художникъ часто сознается намъ въ томъ, что онъ самъ не умѣетъ объяснить, какимъ образомъ появилась его лучшая работа; лишь иногда онъ можетъ произвольно достигнуть той же степени творческаго вдохновенія. Каждому изъ насъ извѣстны состоянія, во время которыхъ намъ кажется, будто какая-то сила, въ которой мы не можемъ отдать себѣ отчета, говоритъ изъ насъ или дѣйствуетъ. Бываютъ моменты, когда умъ, повидимому, освобождается отъ вліянія избирательныхъ рѣшеній воли, когда прекращается самокритика, и когда концепціи, мысли или формы свободно вступаютъ въ жизнь. Трудныя задачи, запутанныя положенія преодолѣваются съ изумительной легкостью, и если въ этотъ моментъ мы неожиданно возвращаемся къ нашему обыкновенному состоянію, намъ кажется, будто мы упали съ высоты, будто въ то время въ насъ обитала другая, болѣе мощная индивидуальность. У насъ есть названіе для подобныхъ моментовъ,—мы ихъ называемъ „вдохновеніемъ“. Самое слово это показываетъ, что мы ищемъ объясненія внѣ насъ, вмѣсто того, чтобы найти его въ глубинѣ нашего подсознательнаго „я“, ростки котораго посажены, быть можетъ, въ далекомъ нашемъ дѣтствѣ, развиты окружающей насъ средой и умножены происшествіями, которыя находились внѣ нашего контроля. Возможно, что они были невѣдомы даже тѣмъ, кто заботился о содержаніи нашего умственнаго развитія. Это заботливо руководившее нами духовное воспитаніе, далекое отъ того, чтобы развить фундаментъ нашего настроенія до вдохновенной продуктивности, было лишь постольку дѣйствительнымъ, поскольку оно насъ возвращало къ нашему обычному трезвому, раціональному состоянію. Такъ, Шекспиръ своимъ подсознательнымъ „я“ познавалъ безъ особыхъ усилій истины, которыя оставались скрытыми для сознательнаго духа мыслителя. И только силой своего подсознательнаго „я“ Фидій творилъ въ мраморѣ и бронзѣ, Рафаэль писалъ Мадоннъ и сочинялъ свои симфоніи Бетховенъ. Безполезны попытки объяснить эти художественныя явленія съ точки зрѣнія чистаго высшаго сознанія, и поэтому безуспѣшны аналитическія изслѣдованія, которыя должны были бы сдѣлать понятными работу генія. Мы видимъ ее, мы восхищаемся ею, но прослѣдить ее мы не можемъ никогда. Именно въ силу геніальности генія воспріятіе идетъ къ предмету не по путямъ высшаго сознанія, а безъ намѣренія, безъ анализа, безъ индукціи. То, что кажется намъ результатомъ

мельчайшихъ наблюденій и кропотливаго взвѣшиванія, схвачено художникомъ непосредственно и подсознательно. Это, по моему мнѣнію, элементарный процессъ ничѣмъ не стѣсненной воспріимчивости, которая у насъ, нормальныхъ людей проявляется рѣдко и случайно, тогда какъ у поэта или продуктивнаго художника она является почти постояннымъ состояніемъ. У обыкновенныхъ людей это настроеніе зависитъ большей частью отъ отсутствія сознательной мысли, между тѣмъ какъ у поэта и художника оно составляетъ постоянное и активное душевное состояніе. Такіе умы не столько потомки своихъ прямыхъ предковъ, сколько всего рода человѣческаго. Отсюда универсальность и безошибочная мудрость ихъ произведеній и абсолютная красота формъ. Всегда вызывало удивленіе то, что Шекспиръ, воспитаніе котораго въ томъ узкомъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ это слово, было, по всей вѣроятности, самымъ простымъ, дошелъ до того, что могъ открывать истины, доступныя пониманію лишь людей, наиболѣе освѣдомленныхъ въ различныхъ научныхъ отрасляхъ. Это можетъ быть объяснено лишь только тѣмъ предположеніемъ, что онъ ихъ воспринималъ непосредственнымъ взглядомъ, не затуманеннымъ всевозможными деталями методическаго изслѣдованія и анализа, которыми вооружены люди науки. Глаза поэта привыкли къ яркому свѣту и сильнымъ впечатлѣніямъ, которыя незванно доходятъ до него, удерживаются имъ безъ усилія и преображаются. Его воспріимчивость острѣе, чѣмъ наша, т. к. его подсознательное „я“, съ самаго ранняго дѣтства вскормленное самой природой, развивалось естественнѣе въ силу того, что было свободно отъ суживающихъ впечатлѣній опредѣленнаго воспитанія. Здѣсь лежатъ также и причины слабости геніальнаго человѣка. Выраженія его мыслей могутъ быть для сознательнаго критическаго ума слишкомъ неопредѣленны и сложны. Шелли, напр., часто видитъ запахи, чувствуетъ тѣни и свѣтъ и подпадаетъ подъ вліянія безтѣлесныхъ призраковъ. Такое сильное развитіе подсознательнаго „я“ объясняетъ, кромѣ того, многія личныя погрѣшности художника. Его преобладающее личное настроеніе дѣлаетъ его небрежнымъ по отношенію къ обществу, въ которомъ все же онъ принужденъ постоянно вращаться. Этимъ, понятно, объясняется его пренебреженіе къ отвѣтственности передъ обществомъ, семьей и государствомъ: „У него недостатки отъ его качествъ“.

Изъ всего вышесказаннаго становится яснымъ, почему сумасшествіе и геніальность признаются до извѣстной степени родственными въ своемъ происхожденіи.

Невозможно понять поэта или художника въ ихъ работахъ только путемъ анализа вполнѣ развившейся ихъ индивидуальности или ихъ воспитанія, ихъ окружающей среды и всего того, въ чемъ художникъ себя сознательно проявляетъ. Основательное изученіе тѣхъ подсознательныхъ впечатлѣній, изъ которыхъ образовалась подсознательная часть ихъ психики, и которыя въ особенности многочисленны и сильны въ раннемъ дѣтствѣ, скорѣе приведетъ къ ясному опредѣленію ихъ главныхъ характерныхъ чертъ и къ полнѣйшему пониманію ихъ работы.

Одна писательница, знаменитая своими сказками и стихами, разсказывала о своихъ наблюденіяхъ надъ собою во время работы. Дѣйствующія лица ея новеллъ и драмъ являлись ей внезапно, случайно, въ то время какъ она работала или была занята чѣмъ-либо другимъ. Сначала они являлись лишь неясно обрисованными, а затѣмъ въ опредѣленныхъ формахъ, съ отчетливыми чертами и жестами. Иногда они исчезали, затемнялись дѣйствительными образами ея обыденной жизни, но затѣмъ они появлялись снова и пріобрѣтали постепенно свойства, присущія живымъ существамъ. Они сгруппировывались, разговаривали, спорили, даже думали, и все это совершенно независимо отъ воли автора. „Такимъ образомъ“, разсказывала она, „они становились частью моей жизни, какъ будто вступали въ нее, и подъ конецъ они, несомнѣнно, подчинили бы меня себѣ, если бы я не продолжала сознавать свою обособленность отъ нихъ“. А съ теченіемъ времени въ различные періоды ея жизни, при различныхъ обстановкахъ, эти человѣческіе образы достигали такой степени жизненности и съ такой силой пробирались въ сферу ея вниманія, что ея собственной сознательной жизни начинала грозить опасность быть подавленной ими. И лишь для того, чтобы освободиться отъ ихъ принужденія, ей приходилось разсказывать все, что дѣлалось въ ея душѣ, независимо отъ ея воли. И въ то время, когда она описывала всю лихорадочную дѣятельность, которая представлялась ея умственному взору (ея перо не поспѣвало за жизнью въ ея фантастическомъ мірѣ, въ которомъ она была лишь зрителемъ), она часто бывала тронута до слезъ или же радостно возбуждалась положеніями и картинами, которыя развертывались передъ нею. Такимъ образомъ, побуждаемая этимъ другимъ „я“, она была въ состояніи работать до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, чисто физическая усталость не заставляла ея остановиться. Если случайно, шагая въ это время по комнатѣ, она видѣла себя въ зеркалѣ, она едва

узнавала себя; такъ измѣнилось ея выраженіе лица: „Оно мнѣ казалось“, говорила она, „чѣмъ-то другимъ, и я должна была дѣлать усиліе, чтобы придать чертамъ своего лица обычное выраженіе“. Такое произведеніе впослѣдствіи при чтеніи обыкновенно находили удачнымъ. Когда же сознательные моменты и намѣренно направленное къ извѣстной цѣли желаніе мѣшали художественному настроенію, тогда достоинство ея произведеній понижалось вслѣдствіе искусственныхъ выраженій и несовершенства формы. Такими моментами пробужденнаго сознанія часто на время прерывалась нить происшествій и логическая связь между характерами и поступками дѣйствующихъ лицъ.

Вальдштейнъ утверждаетъ, что впечатлѣнія ранняго дѣтства или позднѣйшихъ лѣтъ для того, чтобы оказать свое вліяніе на творческую фазу эстетическаго настроенія, должны быть восприняты именно подсознательной частью нашей памяти. Пробужденіе этого подсознательнаго душевнаго состоянія—единственное условіе чисто-художественной концепціи и вполнѣ художественной продукціи. У современнаго же реалиста или импрессіониста процессъ творчества противоположенъ этому. Онъ подробнѣйшимъ образомъ анализируетъ реальные предметы и затѣмъ добросовѣстно построяетъ ихъ снова. Онъ отдается во власть своей критической способности и призываетъ къ участію какъ разъ ту духовную силу, которая мѣшаетъ чистому созерцанію; онъ считается съ добытымъ опытомъ и при этомъ совершенно упускаетъ изъ виду правильный выборъ всѣхъ чисто художественныхъ впечатлѣній. Ибо для чистаго и полнаго наслажденія художественнымъ произведеніемъ необходимо, чтобы при воспріятіи его настроеніе было аналогично тому, въ которомъ это произведеніе было задумано. Эстетическое настроеніе основано на подсознательномъ „я“, и поэтому оно родственно элементамъ, образующимъ это послѣднее. Оно, главнымъ образомъ, пассивно—воспріимчиво, созерцательно, чисто индивидуально, безотчетно и поэтому свободно отъ намѣренности и сознательнаго подбора. Кромѣ того, сила наслажденія находится въ зависимости отъ отсутствія анализирующихъ и интеллектуальныхъ усилій, которыя могли бы ослабить интенсивность наслажденія и измѣнить его качество.

Писатель, художникъ, музыкантъ ослабляетъ для себя и слушателей чистое впечатлѣніе художественной работы, если онъ сознательно примѣняетъ законы конструкціи, которые формулировались съ теченіемъ времени. Этимъ самымъ онъ невольно портитъ свою работу и понижаетъ ея цѣнность, какъ непосредственнаго творенія. Быть можетъ, при этомъ онъ создастъ новый элементъ наслажденія, который, однако, по своему происхожденію чуждъ искусству. Онъ обращается къ другой нашей способности, а именно—къ нашему интеллекту. Быть можетъ, такая интеллектуальная радость для односторонне развитого ума будетъ выше чисто эстетической; мало того, по мнѣнію моралиста, преднамѣренность указываетъ на идею, которая имѣетъ большую цѣну, чѣмъ наслажденіе чистыми формами, красками, гармоніей тоновъ.

Поэтому основной характеръ эстетической радости опредѣляется участіемъ подсознательнаго „я“, а степень ея зависитъ отъ составныхъ элементовъ этой части нашей памяти. По этой причинѣ часто въ высокой степени интеллигентные люди совершенно безучастно относятся къ музыкѣ, такъ какъ этотъ родъ искусства касается совершенно непосредственно подсознательной области, вызываетъ чисто художественное настроеніе и одного изъ насъ трогаетъ до слезъ, другого утѣшаетъ и воодушевляетъ. Исключительно свойствами нашего подсознательнаго „я“ обусловливается то, какъ и въ какой степени насъ что-либо захватываетъ.

Было бы интересно подробнѣе изслѣдовать подсознательное „я“ въ его отношеніяхъ къ художественнымъ произведеніямъ. Можно было бы притти къ формулировкѣ извѣстныхъ законовъ, научно обосновывающихъ эстетику. Пока, однако, мы только подчеркнемъ фактъ, что художественное произведеніе такъ же, какъ эстетическое удовольствіе въ его чистой формѣ, есть функція подсознательнаго „я“, и что изученіе творческаго генія художниковъ и вкусовъ, свойственныхъ данной націи и данной эпохѣ, должно производиться съ глубокимъ пониманіемъ ихъ подсознательныхъ особенностей. Чтобы найти и узнать послѣднія, мы должны вернуться къ дѣтству художника и познакомиться съ окружавшей его средой, условіями и происшествіями того времени, которыя, вмѣстѣ взятыя, оказывали вліяніе на его подсознательное „я“. Если художественное произведеніе становится, помимо своего настоящаго назначенія, средствомъ для проведенія идеи или намѣченной цѣли, его чистота, какъ созданія искусства, нарушается, и оно лишается возможности вызывать эстетическое настроеніе. Пусть такое художественное произведеніе значительно въ другомъ отношеніи, но эта значительность низшаго порядка, цѣнная для археолога, историка искусства или коллекціонера!

О вліяніи „подсознательнаго“ на формированіе характера.

Говоря о воспитаніи ребенка, мы обыкновенно имѣемъ въ виду старанія снабдить его массой впечатлѣній, которыя сознательно воспринимаются и сохраняются для пользованія ими въ будущемъ. Когда воспитатели человѣчества говорятъ о „культурѣ“, мы понимаемъ подъ этимъ слѣдованіе предписаніямъ, запечатлѣннымъ въ точной формулировкѣ именно той частью нашей духовной личности, которая составляетъ наше сознательное „я“. Но въ то время, какъ вниманіе родителей, учителей, политическихъ и моральныхъ воспитателей обращено на одну часть психики, все, что окружаетъ дѣтей, каждое ощущеніе собственнаго тѣла, каждый инстинктъ, происходящій изъ функціональной дѣятельности органовъ, — все это даетъ памяти огромную сумму впечатлѣній, которыя образуютъ подсознательное „я“.

Въ то время, какъ способности, происходящія изъ нашего сознательнаго „я“, служатъ извѣстнымъ цѣлямъ и, говоря иначе, обусловливаютъ извѣстное отношеніе къ внѣшнему міру, подсознательное „я“ дѣйствуетъ импульсивно, не сообразуясь съ послѣдствіями, и стремится лишь удовлетворить нашу внутреннюю, истинно элементарную природу. Какъ важно поэтому, чтобы все, окружающее ребенка и образующее его темпераментъ, было бы заботливо подобрано! Ни приказанія, ни увѣщеванія не важны такъ въ это время, какъ старательно подобранный и постоянный примѣръ, безъ замѣтныхъ для ребенка стараній и намѣренности, который даетъ начало истинной личной культурѣ, ибо послѣдняя зависитъ не отъ намѣреній, а отъ импульса.

И если источникъ эстетическаго настроенія и любви къ прекрасному находится въ нашемъ подсознаніи, то какъ важно въ такомъ случаѣ безпрестанно вводить въ дѣтскую душу впечатлѣнія красоты и гармоніи и отстранять отъ нея все безобразное и некрасивое! Эти требованія могутъ быть выполнены и бѣдными и богатыми. Предметы, окружающіе ребенка, люди, составляющіе обыкновенно его общество, даже краски обстановки должны быть старательно подобраны. Солнечные лучи и свѣжій воздухъ должны имѣть свободный доступъ не только для здоровья тѣла, но и для того, чтобы создавать естественно-радостное настроеніе. Вся обстановка дома, а главнымъ образомъ жесты и поведеніе тѣхъ, съ кѣмъ соприкасается ребенокъ, по возможности должны быть проникнуты чистой радостью и тонкостью чувствъ.

Изъ этихъ никѣмъ не сознаваемыхъ (и менѣе всего ребенкомъ) первичныхъ впечатлѣній, собирающихъ вокругъ себя силы наподобіе катящейся лавины, составляются элементы будущихъ эмоцій, настроеній, поступковъ, имѣющихъ рѣшающее значеніе въ исторіи индивидуума и государствъ. Эти элементы болѣе важны, чѣмъ все, что мы можемъ найти въ мемуарахъ, какъ бы интимны они ни были, или въ „тайныхъ“ архивахъ. Поразительныя колебанія аффектовъ, страсти, оказывающія вліяніе на все существованіе мужчинъ и женщинъ, расовые и религіозные предразсудки, потрясающіе основы государства и общественную жизнь, создающіе и разрушающіе славу, поворачивающіе колесо прогресса обратно въ темноту временъ,—причину всего этого должно искать въ этихъ малыхъ началахъ и въ уголкахъ подсознательной человѣческой памяти. Въ интимномъ кругу семьи, гдѣ, казалось бы, стараются вполнѣ сознательно развить лучшія соціальныя намѣренія, безчисленныя необдуманныя замѣчанія и нападки на какой-либо классъ, религію, расу могутъ впослѣдствіи возродиться въ нѣкоторыхъ поступкахъ необузданной страсти и злобнаго средневѣковаго преслѣдованія.

Я могу лишь намѣтить линіи,— говоритъ далѣе Вальдштейнъ,—по которымъ можно провести систему воспитанія и исправленія. Стоитъ только признать значеніе развитія подсознательнаго „я“, и этимъ будетъ уже много выиграно. Въ этомъ случаѣ надо было бы ту часть обученія, которая теперь считается наиболѣе важною, сдѣлать въ нѣкоторомъ родѣ второстепенною. Что же касается высшей степени образованія, то обстановка, въ которой обучается ребенокъ, важнѣе чѣмъ преподаваніе; самъ учитель и его манера важнѣе, чѣмъ содержаніе его уроковъ. Этимъ общимъ причинамъ внимательные родители или заботливый врачъ часто и приписываютъ дурныя вліянія на здоровье, на моральный тонъ юной души и на состояніе нервовъ. Начало столь частаго въ наше время нервнаго разстройства можно прослѣдить еще въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Нѣкоторые случаи безсонницы, отсутствія аппетита и общаго безпокойства были вызваны въ ребенкѣ возбуждающей его обстановкой. Впечатлительность дѣтской души пробуждается слишкомъ рано, т.-е. въ такое время, когда важнѣе всего было бы, чтобы кругомъ господствовали спокойствіе и регулярность. Впослѣдствіи въ жизни, какъ уже сказано, способъ преподованія важнѣе, чѣмъ содержаніе преподаванія. Даже къ формѣ книгъ, къ печати, бумагѣ и переплетамъ не слѣдуетъ относиться небрежно. Система дѣтскихъ садовъ и наглядное обученіе принесли съ собой въ высшей степе-

ни цѣнныя улучшенія, но и здѣсь слѣдовало бы относиться заботливѣе къ мелочамъ, съ виду будто и незначительнымъ. На художественный вкусъ ребенка не можетъ не оказать вреднаго вліянія обученіе его всякимъ плетеніямъ изъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ полосокъ въ самомъ некрасивомъ красочномъ сочетаніи, пѣніе смѣшныхъ пѣсенъ или заучиваніе сентиментальныхъ стиховъ. Хотя такое преподованіе направлено на нашъ интеллектъ съ цѣлью вліять на сознательную часть души, многое однако, изъ выученнаго такимъ способомъ остается непонятнымъ, и вслѣдствіе этого вступаетъ въ заколдованный кругъ подсознательнаго „я“.

Часто люди, интересующіеся воспитаніемъ и имѣющіе полную возможность наблюдать, съ сожалѣніемъ отмѣчали, что нѣкоторыя дѣти, въ особенности въ періодѣ развитія, гибнуть подъ тяжестью школьнаго обученія. Со времени появленія женскихъ гимназій о дѣвочкахъ можно это сказать съ еще большей увѣренностью, чѣмъ о мальчикахъ. Понятно, фактъ этотъ былъ использованъ противниками женскаго образованія, которые причиной своей оппозиціи выставляли именно коренную неприспособленость женщинъ къ такого рода напряженію. Гдѣ недостаточно было бы обыкновенныхъ аргументовъ, тамъ придумывали физическія причины и всякія сказки о наслѣдственности. Мнѣ кажется, что и здѣсь пониманіе сущности подсознательнаго приведетъ не только къ вѣрному взгляду на положеніе вещей, но и къ столь необходимой реформѣ первоначальнаго образованія будущей женщины-студентки. Въ ранней юности впечатлѣнія неопредѣленны и безсознательны и главнымъ образомъ вслѣдствіе своей большой цѣпкости образуютъ подсознательную память, изъ которой и составляется подсознательное „я“; поэтому, чѣмъ болѣе развивается эта часть дѣтской души, тѣмъ выше становится впослѣдствіи способность къ впечатлѣніямъ и вытекающая изъ нея сила настроенія. Съ каждымъ душевнымъ напряженіемъ пробуждаются въ дѣтяхъ настроенія, которыя имѣютъ отношеніе къ сознательнымъ впечатлѣніямъ и ассоціируются съ ними; но поэтому послѣднія становятся болѣе или менѣе неясными, и пониманіе ихъ вслѣдствіе этого затрудняется. Такимъ образомъ, сознательное и подсознательное „я“ находятся въ постоянной борьбѣ другъ съ другомъ, а способность къ впечатлѣніямъ все болѣе и болѣе повышается. Положеніе же дѣвушекъ и ихъ жизнь въ семьѣ болѣе, чѣмъ у мальчиковъ, способствуетъ росту той части души, которая воспринимаетъ впечатлѣнія. Очень можетъ быть, что въ этомъ направленіи до извѣстной степени имѣютъ рѣшающее значеніе и нѣкоторыя физическія свойства. Неудивительно поэтому, что дѣвушки въ гимназіяхъ чаще страдаютъ первыми разстройствами, чѣмъ мальчики.

Если тѣлесныя привычки, предразсудки и антипатіи, наблюдаемыя въ дальнѣйшей жизни, происходятъ изъ подсознательнаго „я“, не указываетъ ли это на то, что въ этой же части души нужно искать и причинъ глубокой любви и привязанности? Развѣ не разумно предположить, что въ самые ранніе годы въ подсознательной памяти формируются неясные прототипы послѣдующихъ картинъ, которыя внезапно наполняютъ сердце съ силой и настойчивостью, для которыхъ невозможно найти другого разумнаго объясненія, и которыя часто даже противорѣчатъ сознательнымъ склонностямъ, какъ это бываетъ, напримѣръ, у страстно влюбленнаго. Несомнѣнно, что причиной любви „съ перваго взгляда“ можетъ быть какое-нибудь подсознательное воспоминаніе изъ раннихъ впечатлѣній, какое-нибудь сходство, которое можетъ совершенно безсознательно выплыть въ нашей памяти.

Наше религіозное чувство развивается первоначально не посредствомъ разума; въ его происхожденіи сознательное „я“ не играетъ никакой роли. Религія нашей родины—наша религія, какъ бы ни было велико впослѣдствіи вліяніе на нее нашего интеллекта. И если мы впослѣдствіи привыкаемъ не обращать вниманія на обрядовую сторону религіи и приписываемъ деталямъ культа лишь второстепенное аллегорическое значеніе, то этимъ мы недостаточно оцѣниваемъ существенную роль, которую играли въ раннемъ періодѣ нашего духовнаго развитія эти обряды и обычаи, ибо они, находясь въ тѣсной связи съ весьма тривіальными, но постоянно повторяющимися событіями нашего дѣтства, образуютъ значительную часть подсознательнаго „я“. „Церковный колоколъ запечатлѣлъ въ нашихъ душахъ Бога“.

Итакъ, начала подсознательнаго „я“ могутъ быть отнесены къ самому раннему періоду человѣческой жизни. Можно было бы подробнѣе изложить, чѣмъ это здѣсь сдѣлано, что нашъ характеръ зависитъ отъ свойства подсознательныхъ и тѣсно ассоціированныхъ съ ними впечатлѣній. Можно было бы доказать, что нѣкоторыя особенности, мысли и поступки, которые за неимѣніемъ другого объясненія часто приписываются наслѣдственности, происходятъ отъ раннихъ часто повторяющихся впечатлѣній, полученныхъ и сохраненныхъ подсознательно. Такимъ, образомъ, формируется не только самый характеръ подсознательной части души, но и объемъ его, сила и могущество. Какъ все ор-

ганическое, такъ и характеръ развивается въ зависимости отъ упражненія его. Если все, что окружаетъ молодую душу, разсчитано на то, чтобы обогатить ее неопредѣленными и разнообразными впечатлѣніями, если удовлетвореніе инстинктивныхъ стремленій прибавляется къ суммѣ ассоціацій, создающихъ сильные импульсы, то понятно, что пропорціонально имъ неизбѣжно будетъ расти впечатлительность. Въ такихъ случаяхъ въ послѣдующей жизни въ мысляхъ и поступкахъ, работѣ и игрѣ возьметъ перевѣсъ подсознательная часть души. Страсти, какъ хорошія, такъ и дурныя все больше будутъ подпадать вліянію импульсовъ. Сознательное „я“, интеллектуальная часть души, будетъ подавлено. Послѣдствія поступковъ, мыслей и словъ не будутъ приниматься въ разсчетъ, а на первомъ планѣ будетъ стоять удовлетвореніе импульсивныхъ желаній. Кромѣ того, всѣ внѣшнія раздраженія непосредственно будутъ вызывать въ нервной системѣ эмоціи и реакціи, которыя, въ свою очередь, могутъ создать ненормальныя состоянія, въ концѣ-концовъ совершенно недоступныя контролю.

Поэтому чрезвычайно важно, чтобы подсознательное „я“ и все, что способствуетъ его развитію, находилось подъ правильнымъ наблюденіемъ и было избавлено отъ анормальныхъ вліяній. Надо сдерживать всякое возбужденіе фантазіи ребенка, всякую рѣзкую эмоцію, избѣгать всякой внезапной перемѣны обстановки. И хотя для развитія гибкаго молодого ума слишкомъ ранняя сосредоточенность такъ же вредна, какъ и упражненіе его памяти, которая развивается медленно, потому что зависитъ отъ ассоціаціи, все же слѣдуетъ мало-по-малу расширять поле точныхъ наблюденій. Въ природѣ, созерцаніе которой въ высшей степени благотворно дѣйствуетъ на подсознательное „я“, мы можемъ найти простѣйшій матеріалъ для развитія интеллектуальной сознательной части молодой души. Умѣніе отличать постоянные признаки явленій природы отъ случайныхъ должно быть главнымъ предметомъ реалистическаго метода воспитанія, ибо въ природѣ всѣ ассоціаціи чрезвычайно ясно соотвѣтствуютъ нормальнымъ функціямъ, въ ней самымъ наглядымъ образомъ проявляются законы причинности во всей своей полнотѣ и независимости отъ воли человѣка.

Всѣ работы человѣка, за исключеніемъ лишь одного чистаго искусства, въ большей или меньшей степени отмѣчены опредѣленной цѣлью и стремленіемъ къ пользѣ. Куда бы въ городѣ мы ни обратили свой взглядъ, мы всюду встрѣчаемъ предметы, которые показываютъ прямое и цѣлесообразное стремленіе, создавшее ихъ. Поэтому молодая душа наполняется мыслями, которыя отвлекаютъ ее отъ внѣшняго вида предметовъ къ тому, что скрыто въ нихъ. Деревня же сама по себѣ дѣйствуетъ на ребенка своимъ совершенствомъ; каждое произведеніе природы завершено въ себѣ самомъ, и наблюденіе надъ нимъ ведетъ къ такому спокойствію души, соединенному съ единствомъ намѣренія, какое есть въ душѣ каждаго кристалла, каждаго растенія, каждаго насѣкомаго. Въ городѣ душа не можетъ найти успокоенія, такъ какъ особенности его богатой планами и намѣреніями жизни чрезвычайно мѣшаютъ сосредоточенности, тогда какъ въ деревнѣ свобода наблюденій, укрѣпляющая сознательное и подсознательное „я“, въ высшей степени благопріятствуетъ концентраціи. Слѣдуетъ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что пожалуй, большинство великихъ мужей исторіи провели свое дѣтство въ деревнѣ, и такъ же интересно, съ другой стороны, что городская жизнь способсуетъ вырожденію.

Развитіе молодой души одна изъ самыхъ трудныхъ задахъ, какую себѣ можно представить, потому что она не только требуетъ высокой степени знанія, но и тончайшаго такта и основательнаго пониманія глубочайшей сущности ребенка. Способность правильно обращаться съ ребенкомъ не приходитъ къ намъ сама по себѣ, она требуетъ серьезнаго размышленія и большого труда.

Я полагаю, что нѣтъ надобности повторять все, что въ этомъ отношеніи говорено было хорошаго и плохого о вліяніи воспитательницъ, гувернантокъ и учителей. Передача воспитательнаго и руководящаго материнскаго вліянія въ чужія руки, особенно въ самые ранніе годы ребенка, по меньшей мѣрѣ весьма рискованна.

Планъ воспитанія, котораго слѣдуетъ придерживаться при желаніи установить равновѣсіе между подсозательнымъ и сознательнымъ „я“ ребенка, долженъ быть въ каждомъ индивидуальномъ случаѣ инымъ. Въ одномъ случаѣ хорошо поощрять склонности къ созерцанію, между тѣмъ какъ въ другомъ слѣдуетъ исключать вліяніе неопредѣленныхъ впечатлѣній, пріучая ребенка выбирать впечатлѣнія и сознательно наблюдать. Самонаблюденія Дарвина заключаютъ въ себѣ убѣдительное предостереженіе. Онъ разсказываетъ, что его способность наслаждаться музыкой постепенно ослабѣвала по мѣрѣ того, какъ усиливалась способность точнаго наблюденія и аналитическаго изслѣдованія. Это сообщеніе отнюдь не исключительное: точно такъ же, какъ и явленіе обратное этому, а именно: развивающаяся склонность къ

искусству ослабляетъ способность точнаго наблюденія.

Но не только душевное развитіе здороваго ребенка должно занимать вниманіе родителей; они должны также думать о томъ, что большое количество душевныхъ разстройствъ происходитъ непосредственно отъ неразумнаго воспитанія. Изученіе извѣстныхъ семейныхъ чертъ съ полнымъ пониманіемъ ихъ значительности и своевременное противодѣйствіе имъ посредствомъ развитія нормальныхъ и сдерживающихъ умственныхъ силъ въ замѣтной степени уменьшило бы появленіе функціональныхъ разстройствъ и даже уменьшило бы количество душевныхъ заболѣваній. Иногда такія особенности могутъ быть также обусловлены у родителей и у дѣтей извѣстными анормальными ощущеніями со стороны органовъ. Въ такихъ случаяхъ требуется разумное врачебное вмѣшательство.

Блаженство творчества.

Огромная, сложная и глубоко интересная проблема психологіи творчества до сихъ поръ для пытливаго ума человѣческаго представляетъ трудно разрѣшимую задачу. Психологія *научнаго* творчества въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія. Вотъ почему каждое свидѣтельство компетентнаго лица о природѣ творчества вообще представляетъ огромный интересъ. Тѣмъ болѣе интересно свидѣтельство такого популярнаго научнаго авторитета, какъ Вильгельмъ Оствальдъ, основатель энергетическаго ученія.

„Запросы Жизни“ (№ 36), отмѣчая появленіе на нѣмецкомъ книжномъ рынкѣ сборника статей знаменитаго ученаго подъ заглавіемъ „Der energetische Imperativ“, дѣлаютъ выдержку изъ разсказа Оствальда о зарожденіи его ученія.

„Знаменитый „монистъ“ уже съ давнихъ поръ не мирился съ дуализмомъ матеріи и энергіи, установленнымъ Робертомъ Мейеромъ. Среди цѣлаго ряда вопросовъ, вызванныхъ размышленіями на эту тему, передъ нимъ совершенно неожиданно и съ особенной рѣзкостью выступилъ вопросъ: „Что было бы, если бы существовала только одна энергія, а матерія была бы только ея побочнымъ продуктомъ?“ Этотъ вопросъ точно гвоздемъ сверлилъ мозгъ геніальнаго ученаго, и почти полгода спустя, подъ вліяніемъ овладѣвшей имъ мысли, онъ ощутилъ въ своей душѣ одно изъ тѣхъ внутреннихъ переживаній, которыя знакомы лишь новаторамъ въ области идей. Вотъ какъ разсказываетъ самъ Оствальдъ объ этихъ внутреннихъ переживаніяхъ своихъ:

„По какимъ то обстоятельствамъ мнѣ нужно было поѣхать въ Берлинъ (это было весною 1888 или 1890 г.) и вечеромъ мнѣ пришлось бесѣдовать по поводу овладѣвшихъ мною революціонныхъ научныхъ идей съ нѣсколькими изъ моихъ ученыхъ коллегъ, которые, конечно, и не думали относиться къ нимъ серьезно; своими неистощимыми насмѣшками надъ моей энергетикой они скорѣе старались отбить у меня всякую любовь къ ней. Это однако не оказывало ни малѣйшаго вліянія на неудержимое развитіе овладѣвшей мною идеи въ подсознательной сферѣ моего духа. Поздно возвратившись домой и проспавъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, я вдругъ проснулся, тревожимый все тѣми же мыслями, и не могъ больше думать о снѣ.

„Рано утромъ, около 4 или 5 час., я отправился изъ своей гостиницы въ Тиргартенъ; тамъ подъ яркими лучами солнца, въ это дивное весеннее утро я переживалъ въ душѣ какое-то торжественное ликованіе, какое-то, поистинѣ, новое откровеніе духа. Птицы щебетали и перепархивали съ вѣтки на вѣтку; золотисто-зеленая листва сверкала подъ свѣтло-голубымъ небомъ; бабочки, собиравшія медъ съ цвѣтовъ, грѣлись на солнцѣ; и самъ я испытывалъ какой-то удивительный подъемъ духа, бродя въ этомъ царствѣ весенней природы. Все окружающее казалось мнѣ чѣмъ-то новымъ, непривычнымъ, точно впервые переживалъ я восторгъ, восхищаясь этой роскошью, этимъ великолѣпіемъ окружавшей меня природы. Охватившее меня тогда настроеніе я могу сравнить только съ самыми возвышенными чувствами, волновавшими меня въ пору моей юной любви, со времени которой прошелъ уже добрый десятокъ лѣтъ. Идея энергетическаго творенія вселенной всецѣло овладѣла моей мыслью; весь процессъ мышленія совершался во мнѣ въ этомъ направленіи не только безъ всякаго мозгового усилія, но сопровождался еще чувствомъ какого-то неизвѣданнаго наслажденія; казалось точно я самъ, по слову библіи, сотворилъ каждую вещь и помѣстилъ въ рай и каждой изъ нихъ далъ настоящее имя.

„Это было истиннымъ моментомъ рожденія моей энергетики. То, что въ первую минуту внезапнаго зарожденія въ моемъ мозгу, казалось мнѣ еще чуждымъ, непривычнымъ по новизнѣ своей, теперь сдѣлалось частью моего собственнаго существа. Занимавшая меня идея постепенно созрѣвала въ подсознательной сферѣ моего духа и, точно внезапно распустившійся

цвѣтокъ, явилась въ готовомъ видѣ; и мнѣ оставалось только восхищеннымъ взоромъ послѣдовательно разсмотрѣть ея отдѣльныя части, чтобы цѣликомъ охватить это новое твореніе во всемъ его совершенствѣ.

„Это удивительное настроеніе держалось во мнѣ въ теченіе всего утра; и я не уставалъ проникать своимъ внутреннимъ взоромъ все дальше и дальше въ открывшіеся передо мною чудные и необозримые горизонты. Затѣмъ началъ постепенно пробуждаться огромный городъ и захватилъ меня въ свой шумный водоворотъ. Такъ какъ мнѣ надо было посѣтить нѣкоторыхъ изъ своихъ коллегъ, то я и воспользовался этимъ, чтобы подѣлиться съ ними своими мыслями. Впослѣдствіи они мнѣ разсказывали, что я произвелъ на нихъ впечатлѣніе какого-то пророка или ясновидца. Они и раньше смотрѣли на меня, какъ на субъекта, слишкомъ впечатлительнаго и склоннаго къ причудливымъ идеямъ, но въ такомъ состояніи они меня еще никогда не видали. Долженъ прибавить, что и я самъ впослѣдствіи никогда не переживалъ подобнаго состоянія. Я никогда потомъ не переживалъ такого интенсивнаго счастья, хотя и позднѣе мнѣ суждено было испытать не мало моментовъ восторженнаго настроенія, возбуждаемаго зарожденіемъ возвышенныхъ идей.

„Страстное желаніе вызвать въ моихъ коллегахъ такой же острый интересъ къ новымъ идеямъ, какой испытывалъ я самъ, во всякомъ случаѣ не имѣло никакого успѣха. Они уже привыкли выслушивать отъ меня всякія нелѣпыя идеи, которыя не пользовались никакимъ кредитомъ въ наукѣ того времени, и потому отнеслись совершенно равнодушно къ моему новому открытію. Не могу сказать, чтобы такое отношеніе хоть сколько-нибудь смутило меня; въ моихъ глазахъ это не было ни признакомъ тупого педантизма, ни проявленіемъ какой-либо злобы съ ихъ стороны. Пережитый мною духовный восторгъ самому мнѣ казался столь необыкновенно чуднымъ, что я легко могъ себѣ представить, какъ трудно было бы путемъ простого словеснаго сообщенія пробудить хотя бы приблизительно такое же настроеніе въ другихъ, не участвовавшихъ непосредственно въ этомъ интимномъ праздникѣ души“.

И. С. Тургеневъ.

(Новые матеріалы.)

М. Лемке, редакторъ изданія „М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ“, сопровождаетъ недавно выпущенный въ свѣтъ третій томъ этой необъятной „Переписки“ слѣдующимъ поясненіемъ: „Настоящій томъ можетъ быть названъ „тургеневскимъ“, настолько онъ полностью посвященъ всесторонней характеристикѣ И. С. Тургенева и его близкихъ“. Дѣйствительно, Тургеневу отведена добрая половина книги. Здѣсь онъ фигурируетъ и прямо, въ собственныхъ письмахъ, и косвенно—въ письмахъ, бумагахъ Анненкова, Стасюлевича, Полины Віардо и др.

Очень кстати подоспѣла еще одна серія „тургеневскихъ“ матеріаловъ—очерки М. Гершензона въ „Рус. Вѣд.“: „Изъ жизни и творчества И. С. Тургенева“. Все вмѣстѣ даетъ нѣсколько новыхъ или по крайней мѣрѣ подновленныхъ страницъ біографіи И. С.

„Пріятели“.

Ближайшій другъ Тургенева, извѣстный въ свое время критикъ П. В. Анненковъ, послѣ смерти И. С. разобравшій его огромный архивъ, сообщилъ М. М. Стасюлевичу, что онъ „изнемогаетъ, перечитывая все это, но особенно жалобы на людскую несправедливость со стороны неудачниковъ, просьбы о пособіи, благодарности за поощренія и проч.“ Въ другомъ мѣстѣ—въ одной изъ сохранившихся бумагъ Анненкова—мы читаемъ, что въ числѣ „вкладчиковъ“ тургеневскаго архива имѣется цѣлая „толпа начинающихъ литераторовъ, которые сообщали И. С. свои планы, замыслы, свои произведенія, получали каждый одобреніе и напутствіе“...

О любопытныхъ, подчасъ трогательныхъ, подчасъ курьезныхъ, отношеніяхъ между авторомъ „Отцовъ и дѣтей“—корифеемъ литературы и этой „толпой начинающихъ литераторовъ“ мы узнаемъ кое-что изъ писемъ самого Тургенева и Анненкова и примѣчаній редактора. Разбросанныя тамъ и сямъ черточки такъ прекрасно рисуютъ всѣмъ извѣстную душевную мягкость и экспансивность нашего славнаго романиста.

„У меня здѣсь (въ Парижѣ) есть пріятель, очень дѣльный и хорошій человѣкъ... Пріятель этотъ честенъ, какъ Гарибальди, но бѣденъ, какъ Иръ, и потому желалъ бы получить корреспонденцію въ какой-нибудь русскій журналъ или газету“... „Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ посылаю Вамъ статью моего молодого пріятеля“... Сколько такихъ „молодыхъ пріятелей“, а въ особенности „пріятельницъ“ Тургенева можно было бы насчитать по его письмамъ къ покойному редактору „Вѣст. Евр.“! Всѣхъ ихъ, вмѣстѣ съ ихъ статьями, разсказами, переводами, корреспонденціями онъ

усиленно, горячо рекомендуетъ благосклонному вниманію строгаго редактора,—горячо, убѣжденно, но иногда весьма-таки робко. ...„А теперь у меня есть до Васъ просьба, для сообщенія которой я нуждаюсь въ смѣлости, потому что всѣ мои „досюлевшія“ рекомендаціи этого рода оказались плохими“,—скромно сознается онъ Стасюлевичу.

„Насчетъ повѣсти, сочиненной дѣвицей Б.,—кается Тургеневъ въ другой разъ,—скажу, что я вообще себя хорошимъ критикомъ не признаю — вѣроятно потому, что читаю между строками и т. д“.

Но онъ бывалъ и еще откровеннѣе: „Вы, можетъ быть, знаете, что я способенъ ошибаться въ критическихъ моихъ сужденіяхъ—въ хорошую сторону—т.-е. я способенъ увлекаться и даже заслужилъ по этому поводу эпиграмму покойнаго Щербины [1]),— именно во избѣжаніе этого я не удовлетворился единичнымъ чтеніемъ (повѣсти „одной русской барышни“), и если ошибаюсь теперь—то уже тутъ нечего дѣлать и надо махнуть на меня рукою, какъ на критика!“

Къ какимъ редакціоннымъ недоразумѣніямъ и мѣрамъ предосторожности приводили легко даваемыя Тургеневымъ рекомендаціи, видно изъ воспоминанія Л. З. Слонимскаго. Тургеневъ часто рекомендовалъ печатать такія произведенія начинающихъ писателей, которыя явно не заслуживали этой чести. Получивъ одну такую рукопись съ рекомендательнымъ письмомъ Тургенева, М. М. внимательно прочелъ ее и убѣдился въ полной непригодности ея къ печати; онъ написалъ объ этомъ Тургеневу, при чемъ высказалъ предположеніе, что рекомендація дана имъ, вѣроятно, по добротѣ сердечной безъ прочтенія рукописи. Тургеневъ отвѣчалъ откровеннымъ разсказомъ о томъ, какъ ему приходится противъ воли исполнять настоятельныя просьбы людей, которымъ онъ вовсе не сочувствуетъ; въ данномъ случаѣ онъ, дѣйствительно, хотѣлъ только отдѣлаться отъ навязчиваго автора, но на будущее время онъ условился, что только та его рекомендація будетъ имѣть серьезное значеніе, которая будетъ сопровождаться обѣщаніемъ продержать корректуру рекомендуемаго разсказа, а всякіе одобрительные отзывы безъ подобной оговорки могутъ быть оставляемы редакціей безъ вниманія. Съ тѣхъ поръ не возникало уже никакихъ недоразумѣній на этой почвѣ.

Поддержка, какую оказывалъ Тургеневъ своимъ молодымъ собратьямъ по перу, шла иногда гораздо дальше совѣтовъ, одобреній, протежированія. Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ: „Посылаю Вамъ статью моего молодого пріятеля Шполянскаго—о Гизо. Кажется, вещь дѣльная и годится въ „Вѣстникъ Европы“. Если можете дать за нее руб. 75 за листъ (всего 2 л.), дайте; если нѣтъ—то все-таки помѣстите, — ужъ я заплачу“... А въ слѣдующемъ письмѣ Тургеневъ извѣщаетъ: „Молодой Шполянскій возбуждаетъ во мнѣ искреннее сочувствіе. —Умирая съ голоду, онъ одинъ никому не протягиваетъ руки;—такъ ужъ я рѣшилъ солгать и сказать ему, что Вы приняли его статью—и выслали мнѣ за нее 150 фр. (50 р. за листъ). Онъ сначала долго сомнѣвался, однако, наконецъ, взялъ эти деньги и далъ мнѣ прилагаемую расписку. Теперь одно изъ двухъ: либо Вы найдете эту статью неудобною къ печати—либо Вы найдете цѣну слишкомъ незначительною для „В. Е“.—Въ обоихъ случаяхъ прошу Васъ не выдавать меня“.

А вотъ какой характерный фактъ выудилъ Анненковъ изъ архива своего друга. „Представьте,—пишетъ онъ Стасюлевичу,—есть и такіе, которые рекомендовали ему воспользоваться преміей, кажется, „Нивы“ за лучшую повѣсть, посидѣть для два-три и полученную премію выдать какъ пособіе просителю. Вы думаете, Тургеневъ былъ возмущенъ наглостью просителя? Нимало. Онъ отыскалъ его и облагодѣтельствовалъ“.

Къ ссорѣ Тургенева съ Толстымъ.

Въ бумагахъ Стасюлевича сохранилось нѣсколько листовъ, написанныхъ рукою П. В. Анненкова. Оказалось, что здѣсь, между прочимъ, изложенъ „эпизодъ изъ жизни Тургенева“ — ссора его съ Л. Н. Толстымъ (27 мая 1861 г. въ имѣніи Фета-Шеншина). Исторія эта уже довольно подробно освѣщена въ печати—въ воспоминаніяхъ Фета, въ біографіи Толстого и еще раньше самимъ Анненковымъ. Но кое-что въ сохранившейся рукописи послѣдняго дополняетъ прежде извѣстное, извѣстное въ отрывкахъ, въ сокращенной передачѣ.

Анненковъ нашелъ въ архивѣ Тургенева записочку Толстого (отъ 8 окт. 1861 г.) такого содержанія:

„Милостивый Государь! Вы называете въ письмѣ своемъ мой поступокъ *безчестнымъ;* кромѣ того вы лично сказали мнѣ, что вы „дадите мнѣ въ рожу“; а я прошу у васъ извиненія, признаю себя виноватымъ и отъ вызова отказываюсь. Графъ Л. Толстой.“

[1]) Въ „Сонникѣ“ Щербины сказано: „Тургенева во снѣ видѣть—предвѣщаетъ получить тонкую способность сумѣть откопать талантъ тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ, хотя бы это было даже въ государственныхъ людяхъ Россіи“.

Въ Спасскомъ Тургеневымъ получена была другая записочка отъ него.

„Надѣюсь, что ваша совѣсть вамъ уже сказала, какъ вы неправы передо мной, особенно въ глазахъ Фета и его жены. Поэтому напишите мнѣ такое письмо, которое бы я могъ послать Фетамъ. Если же Вы находите, что требованіе мое несправедливо, то извѣстите меня. Я буду ждать въ Богусловѣ. Л. Толстой.“

Письмо Фета Тургеневу въ концѣ ноября 1874 г., о которомъ первый изъ нихъ говоритъ въ нѣсколькихъ словахъ на стр. 303 тома II своихъ „Воспоминаній“:

„Милостивый Государь, Иванъ Сергѣевичъ!

Смѣло можете читать мое письмо: благовоспитаніе d'un enfant de bonne maison застраховываетъ отъ оскорбленій съ моей стороны. Вы правы. Послѣднее Ваше письмо окончательно меня изумило. Мы знаемъ, что Л. Толстой не поступится ни для кого своимъ убѣжденіемъ. Я только что отъ него и, вопреки его совѣту, отвѣчаю на письмо Ваше.

До сихъ поръ я, въ нашихъ преніяхъ, только защищался отъ рѣзкихъ нападокъ. Теперь я вынужденъ говорить о Васъ. Сошлись мы съ Вами вслѣдствіе тожества не соціальныхъ, а художественныхъ инстинктовъ. Вы знаете, какъ я дорожилъ этимъ качествомъ, упрямо закрывалъ передъ другимъ глаза. Въ прошломъ году Вы написали, что Вамъ надоѣли эстетическія тонкости и ео ipso оставили меня лицомъ къ лицу съ несимпатической стороной Вашей. На этомъ словѣ слѣдовало мнѣ прекратить съ Вами переписку и всякую солидарность. Но мнѣ было жаль прекраснаго прошлаго—въ этомъ моя вина. Я никогда ничего не говорилъ про Васъ за-глаза, чего не сказалъ бы въ глаза. Я не способенъ сказать той безсмысленности, какую мнѣ приписали. Но дѣло не обо мнѣ, а объ Васъ и несимпатическомъ для меня качествѣ. На него, въ свое время, мѣтко указано нѣжно любившимъ Васъ Ник. Ник. [1]). Это—крайняя избалованность и необузданный эгоизмъ. Перехожу къ фактамъ... Вы задумались надъ брошенной въ лицо Толстого, незаслуженной дерзостью и когда я въ Спасскомъ занкнулся просить Васъ о человѣческомъ окончаніи этого дѣла,—Вы зажали мнѣ ротъ дѣтски-капризнымъ крикомъ, котораго я все по той же симпатіи наслушался отъ Васъ вдоволь. Вы сами знаете, насколько наши отношенія пострадали отъ невозможной катастрофы съ дядей Ник. Ник. И тутъ голосъ мой замолкъ передъ Вашимъ эгоистичнымъ капризомъ. Удивительно ли, что Вы, въ послѣдній разъ въ Мценскѣ, не говорю при дамахъ, а при Петрушѣ Барановѣ дозволили себѣ отвернуться отъ моей неоконченной рѣчи и обратиться въ сторону, что изумило мальчика, воспитаннаго въ законахъ приличія. Мальчикъ не изумился бы, если бы зналъ, что это у Васъ въ обычаѣ, что Вы когда-то простояли цѣлый вечеръ спиной къ его матери, а затѣмъ къ Ковалевской. Съ тѣхъ поръ, какъ на мои замѣчанія о „Дымѣ“ Вы мнѣ отвѣчали дерзостью, я замолчалъ о Вашихъ писаніяхъ; это не помѣшало Вамъ продолжать бранить меня въ лицо, какъ поэта. Необходимо припомнить, что послѣ катастрофы съ Толстымъ—послѣдній энергически просилъ меня не упоминать Вашего имени при немъ. Но зная Васъ, въ сущности, за хорошаго человѣка, я не поддался Толстому: онъ отвернуся отъ меня. Я подумалъ: „отворачивайся, я ничего худого не сдѣлалъ и не хотѣлъ тебя обидѣть!“ Однажды, дѣлая сначала видъ, что не замѣчаетъ меня, въ театральномъ маскарадѣ, Толстой вдругъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:—„Нѣтъ, на Васъ сердиться нельзя“, и протянулъ мнѣ руку. Съ тѣхъ поръ мы снова разговариваемъ съ нимъ о Васъ, безъ всякаго раздраженія. Послѣдняя выходка Ваша—саро d'opera. Вмѣсто, чтобы прекратить непріятную переписку, Вы вышли съ голословнымъ обвиненіемъ, кромѣ одного выраженія: *страсть къ преувеличеніямъ*, а затѣмъ опять *„и п—рныя привычки“* (читай—позорныя). Какъ это опредѣлительно и вѣрно! Какія это привычки (позорныя)? Оказывается—ни единой! Позволяю Вамъ всѣ ихъ перепечатать на всѣхъ діалектахъ. Что касается гиперболъ, то ни одинъ психологъ не призналъ Гамлета лгуномъ за его 40000 братьевъ. Въ послѣднемъ письмѣ торжествуетъ Ваша метода диспутовъ. Вамъ указываютъ на разительный примѣръ Вашей невоздержности на оскорбленія, а Вы пишите объ уваженіи къ Толстому и въ доказательство дозволяете себѣ инсинуацію о людяхъ, достойныхъ быть забросанными грязью. Какъ это любезно, справедливо и главное логично! Прочитавъ Ваши два послѣднихъ письма ко мнѣ, Толстой сказалъ: „Понимаю: Шеншинъ говоритъ, что Тургеневъ говоритъ, что Полонскій говоритъ, что Маркевичъ говоритъ, будто Фетъ говорилъ, что Тургеневъ говорилъ. Какъ подымать такую сплетню?“ Вы подняли ее потому, что не вѣрили ей. Вы слишкомъ хорошо знаете, что я не способенъ сказать такой глупости, какъ *„жажда въ Сибирь“*. На такія умныя слова у меня мозгу не хва-

[1]) Н. Н. Тургеневъ, дядя И. С., бывшій управляющій его имѣніями.

тить. Но Вамъ нужно было людей посмотрѣть, себя показать, какъ это дѣлали всю жизнь. Вы могли бы прогнать старика-дядю, не обижал его, Вы могли бы разойтись съ Толстымъ, со мной и вообще съ человѣкомъ изъ противоположнаго лагеря, не швыряя обидами, но это значило бы, что дѣйствительно боишься руки замарать. Нечего церемониться съ человѣкомъ, стоящимъ по смыслу статьи Тютчева—„Россія и революція“ въ противоположномъ съ нами лагерѣ. Мы, начиная съ самого Тютчева, считаемъ ихъ заблуждающимися, они ругаютъ насъ подлецами. Таковъ духъ самаго лагеря. Не одинъ дядя Ник. Ник. призналъ въ Васъ избалованнаго, М-me Віардо не разъ обзывала Васъ при мнѣ un sauvage. Въ ея дружеской шуткѣ скрыта глубокая правда. Я просто боюсь Васъ, ибо считаю способнымъ написать дерзость, забывъ, что мы двадцать пять лѣтъ были пріятелями, что мы оба одной ногой въ могилѣ и что браниться или, по выраженію Петерб. Литерат.—заушаться, можно въ крайнемъ случаѣ, лицомъ къ лицу, а не на 3000-верстномъ разстояніи. Какъ жаль, что Вы нагнулись подымать эту сплетню и вынудили настоящее объясненіе. Раскланиваясь навсегда, я все-таки не смѣшиваю милаго, талантливаго автора „Записокъ охотника“ съ формой enfant terrible, въ которую отлили послѣднія неблагопріятныя въ воспитательномъ отношеніи условія жизни. Страсть—вещь естественная и законная, но нельзя въ искуственномъ обществѣ все соразмѣрять ею и оправдывать. Выйдутъ уходы за Инсаровыми да Базаровыми, т.-е. выйдетъ по мѣткому, хотя и не совсѣмъ деликатному, сравненію нѣкоего критика—собачья свадьба. Кромѣ каждаго изъ нихъ есть еще чужія личности и благовоспитаніе требуетъ къ нимъ хотя отрицательной вѣжливости.

Dixi. Думайте, что хотите, но не безпокойтесь отвѣчать.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть, милостивый государь, Вашимъ покорнѣйшимъ слугой. А. Шеншинъ.“

Вотъ еще какое письмо получилъ Тургеневъ въ Спасскомъ въ апрѣлѣ 78 г. изъ Тулы:

„Въ послѣднее время, вспоминая о моихъ съ Вами отношеніяхъ, я къ удивленію своему и радости почувствовалъ, что я къ Вамъ никакой вражды не имѣю. Дай Богъ, чтобы въ Васъ было то же самое. По правдѣ сказать, зная какъ Вы добры, я почти увѣренъ, что Ваше враждебное чувство ко мнѣ прошло еще прежде моего.

„Если такъ, то пожалуйста подадимте другъ другу руку и пожалуйста совсѣмъ до конца простите мнѣ все, чѣмъ я былъ виноватъ передъ Вами.

„Мнѣ такъ естественно помнить о васъ только хорошее, потому что этого хорошаго было такъ много въ отношеніи меня. Я помню, что Вамъ я обязанъ своей литературной извѣстностію, и помню какъ Вы любили и мое писаніе и меня. Можетъ быть, и вы найдете также воспоминанія обо мнѣ, потому что было время, когда я искренно любилъ Васъ.

„Искренно, если Вы можете простить меня, предлагаю Вамъ всю ту дружбу, на которую я способенъ. Въ наши годы есть одно благо—любовныя отношенія съ людьми, и я буду очень радъ, если между нами опѣ установятся. Гр. Л. Толстой“.

Тургеневъ не могъ забыть этого письма и сколько разъ возвращался къ нему! Особенно воззваніе Толстого къ старому его благорасположенію подѣйствовало на него весьма сильно. Это была слабая струна его и хотя онъ говорилъ въ припадкѣ раздраженія, что никогда въ сущности не любилъ Толстого, но встрѣтить живую память о себѣ въ такомъ человѣкѣ и послѣ 17 лѣтъ вражды, всего пережитаго наединѣ, упрековъ совѣсти и ближайшихъ и горячихъ упрековъ друзей, чему мы имѣли примѣръ въ письмѣ Фета—это было счастье, способное вызвать слезу, какъ оно и случилось въ самомъ дѣлѣ.

Конецъ и „Конецъ“.

За четыре мѣсяца до смерти Тургенева Анненковъ писалъ Стасюлевичу изъ Парижа о болѣзни его:

„А въ Парижѣ у меня нѣтъ никакого дѣла, кромѣ весьма страшнаго вопроса о жизни или смерти Тургенева. Я его видѣлъ, вижу въ Буживалѣ и еще буду видѣть тамъ же. Не буду говорить, что при первомъ свиданіи онъ—недвижимый на своей постели—расплакался, и если бы я поддался горькому чувству, захватившему мнѣ горло,—вышла бы невыносимая сцена. Но мысль, что онъ ждалъ моего пріѣзда, какъ ободряющаго явленія—спасла и его и меня. Только на возвратномъ пути къ себѣ и въ каретѣ я отдался впечатлѣніямъ, задержаннымъ при встрѣчѣ съ больнымъ—а потомъ они уже составили постоянный душевный гнетъ, не покидающій меня ни на часъ. Дѣло плохое, но не конченное: идетъ борьба между невообразимо мучительнымъ недугомъ и невообразимо сильнымъ организмомъ. Недѣлю тому назадъ, онъ, казалось, совсѣмъ погибалъ:

страданія дошли до такой невѣроятной силы, что разсудокъ его помѣшался, подорванный отчасти и количествомъ морфія, введеннаго въ его кровь: онъ требовалъ яда, просилъ смерти, прогналъ отъ себя наиболѣе близкихъ ему лицъ, называя ихъ всѣхъ заговорщиками, свершающими надъ нимъ легальное убійство и называя M-me Viardot, какъ сама она мнѣ говорила—страшной женщиной, перещеголявшей леди Макбетъ. Шесть дней продолжался кризисъ и однакожъ онъ одолѣлъ его. Съ ужасомъ и со слезами онъ вспоминалъ о немъ, помня всѣ его подробности и прибавивъ, что если когда нибудь онъ возвратится къ литературной дѣятельности, то опишетъ физическія страданія, приводящія къ безумію. „Я былъ на днѣ моря и видѣлъ чудовища и сцѣпленія безобразнѣйшихъ организмовъ, которыя никто еще не описывалъ, потому что никто не воскресалъ послѣ такихъ спектаклей". Мысль, что подобныя страданія могутъ еще возобновиться, приводила его въ неописанный ужасъ, и онъ жадно слушалъ опроверженія ея. Вообще утѣшающее и ободряющее слово друзей, вовремя и умно сказанное, теперь необходимо ему, какъ подкрѣпляющее лекарство для новыхъ приступовъ злѣйшей, когда-либо мною видѣнной болѣзни".

О послѣднихъ дняхъ жизни писателя мы узнаемъ слѣдующее изъ письма П. Віардо.

„Дней за пятнадцать до своей кончины,—сообщала она Стасюлевичу,—онъ велѣлъ позвать меня къ постели. Онъ сказалъ мнѣ, со слезами на глазахъ, что хочетъ просить у меня большой услуги,—услуги, которой никто другой въ мірѣ, кромѣ меня, не можетъ оказать ему. „Я хотѣлъ бы написать разсказъ, который у меня въ головѣ, но это слишкомъ утомило бы меня, я не смогъ бы".—„Такъ диктуйте его мнѣ,—говорю я.—Я пишу по-русски не быстро, но полагаю, что при извѣстномъ терпѣніи съ вашей стороны, это мнѣ удастся".—„Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнулъ онъ.—Если я стану диктовать по-русски, я захочу придать своему разсказу литературную форму, буду останавливаться на каждой фразѣ, на каждомъ словѣ, чтобы искать и выбирать выраженія, а я чувствую себя неспособнымъ къ такой напряженной, такой утомительной работѣ. Нѣтъ, нѣтъ, я хотѣлъ бы диктовать вамъ на разныхъ извѣстныхъ намъ обоимъ языкахъ, по мѣрѣ того, какъ буду находить подходящіе слова и обороты фразъ, которые лучше и скорѣе всего выразятъ мою мысль, а вы изложите все это по-французски". Такъ и было дѣло. Мы тотчасъ взялись за работу, и, послѣ нѣсколькихъ короткихъ сеансовъ, я прочитала ему свою редакцію разсказа „Конецъ" въ томъ видѣ, въ какомъ вы его имѣете, и онъ былъ совершенно удовлетворенъ имъ. Этотъ разсказъ, дѣйствительно, прелестенъ, и, читая его, чувствуешь себя совершенно растроганнымъ при мысли, что это была послѣдняя творческая вспышка великаго ума. Бѣдный Тургеневъ! Для него было такое наслажденіе диктовать этотъ разсказъ, что онъ хотѣлъ немедленно начать такимъ же образомъ со мной большую подготовительную работу къ большому роману, который былъ имъ задуманъ. Но,—увы!—болѣзнь ухудшалась, и онъ могъ продиктовать только имена дѣйствующихъ лицъ."

Понятіе объ этомъ предсмертномъ произведеніи Тургенева даетъ намъ отрывокъ изъ письма его друга Анненкова.

„Что касается до анекдота о грубомъ помѣщикѣ, продолжающемъ ругаться съ простымъ людомъ и послѣ эманспипаціи и найденномъ съ проломленной головой на большой дорогѣ, то это пятокъ страничекъ, продиктованныхъ Тургеневымъ передъ смертью смѣсью французскаго языка съ нѣмецкимъ и даже итальянскимъ. Г-жа Віардо передала его по-французски, но, конечно, не могла сохранить или сообщить ему обычную прелесть разсказа".

Разсказъ былъ предложенъ г-жей Віардо для напечатанія въ „Вѣстн. Евр.", но М. М. Стасюлевичъ не рѣшился дать ему мѣсто въ своемъ журналѣ, какъ видно, именно потому, что сотрудница автора „не могла сохранить или сообщить" словамъ, продиктованнымъ ей, „обычную прелесть разсказа"...

Послѣднее земное странствіе.

Въ то время, какъ душа скончавшагося Тургенева отбывала положенное ей „хожденіе по мукамъ", тѣло его тоже проходило рядъ мытарствъ.

Передъ смертью И. С. выразилъ желаніе быть похороненнымъ на петербургскомъ Волковомъ кладбищѣ, рядомъ съ Бѣлинскимъ. Сколько хлопотъ и всякихъ „неожиданностей" стоило удовлетвореніе этого желанія покойнаго, показываютъ письма и корреспонденціи (въ „Новостяхъ") Стасюлевича, которому выпала тяжелая честь встрѣтить на границѣ останки Тургенева, доставить гробъ въ Петербургъ и быть главнымъ распорядителемъ похоронъ.

Долго—цѣлыхъ 17 дней—пришлось ждать разрѣшенія правительства на перевезеніе тѣла. Наконецъ, разрѣшеніе дано [1]). Но... „Возвра-

[1]) Необходимо указать въ поясненіе, что всевозможныя препятствія, какія чинились по-

тившись домой (пишетъ Стасюлевичъ женѣ), нашелъ депешу изъ Буживали: получено разрѣшеніе ввезти въ Россію, а они просили въ Петербургѣ. Но въ разрѣшеніи объ этомъ умалчивается. Они мнѣ говорили, что если въ разрѣшеніи не будетъ упомянутъ Петербургъ, то они похоронятъ въ Père Lachaise!! Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится"...

„Сегодня,—писалъ онъ черезъ день,—была панихида по Тургеневѣ въ Казанскомъ соборѣ, церковь была полна, но не было никого ни изъ высшаго общества, ни изъ правительственныхъ сферъ. Лавровъ можетъ теперь сказать, что онъ торжествуетъ: его хитрость ему удалась вполнѣ, т.-е. ему повѣрили".

Съ дороги въ Вержболово Стасюлевичъ извѣщаетъ: „Теперь скоро пріѣдемъ въ Вильну, а вечеромъ въ 7 ч. 30 м. будемъ на границѣ, гдѣ я и переночую: тѣло должно прибыть завтра утромъ, если не опоздаютъ. Во всякомъ случаѣ, вслѣдствіе *распоряженій*, оно пролежитъ на границѣ до утра понедѣльника, чтобы пріѣхать въ Спб. во вторникъ, 27-го, въ 10 ч. 20 мин. утра. Сколько гадостей, сколько мерзостей—и не перескажешь, а писать—такъ никогда не кончишь! И теперь не знаю, не приготовляютъ ли мнѣ въ Вержболовѣ какой-нибудь сюрпризъ. Я думаю, что первая половина имени *Вержболово* есть французская и происходитъ отъ слова verge—розги, россійская эмблема порядка".

А изъ Вержболова нѣсколько дней спустя: „До сихъ поръ запрещено извѣщать станціи о томъ, что завтра ѣдетъ тѣло, а на вопросы: „когда?" отвѣчаютъ: „еще не извѣстно!" Не желаютъ, чтобъ по дорогѣ чествовали Тургенева. Памятны для меня были эти три дня, не только въ этомъ году, но и въ теченіе всей моей жизни! Вѣдь можно подумать, что я везу тѣло Соловья-Разбойника! Соловья—да! но Разбойника—нѣтъ! Но зато какое мнѣ здѣсь всѣ оказываютъ сочувствіе, начиная отъ начальства до послѣдняго солдата. Какой здѣсь прелестный священникъ и какую милую и теплую рѣчь онъ сказалъ сегодня послѣ панихиды! Что-то будетъ во вторникъ? Ихъ глупость употребляла всѣ усилія, чтобъ вызвать безпорядки, но надобно думать, что это имъ не удалось. Придется на всякой станціи отворять дверь и допускать къ покойнику, если это не будетъ воспрещено, а кажется, что будетъ, по посмотрю! Меня будетъ эскортировать здѣшній жандармскій офицеръ до Вильны.—„Вы мнѣ вѣрно позволите съ вами ѣхать", сказалъ онъ мнѣ сегодня.—„Это для меня столько же неожиданно, сколько пріятно!"—отвѣчалъ я ему. Съ Вильны, вѣрно, поѣдетъ другой. Бѣдный, бѣдный Тургеневъ! прости имъ ихъ прегрѣшенія вольныя и невольныя: не вѣдятъ бо, что творятъ!! Если бы я описалъ подробности этихъ трехъ дней въ Вержболовѣ,—лѣтъ черезъ 20 не повѣрятъ, что все это было возможно. Въ Эйдкуненѣ все знаютъ—и тамъ глубоко возмущены нашимъ скудоуміемъ!

„Допускать къ покойнику", какъ и предвидѣлъ Стасюлевичъ, было воспрещено, и послѣднему на пути въ Петербургъ приходилось пускаться на хитрости, чтобы только дать возможность почитателямъ Тургенева, собиравшимся на каждой большой станціи въ огромномъ количествѣ, хоть издали увидѣть гробъ.

...„Въ Вильнѣ мы нашли всю платформу буквально занятою народомъ, но также не было видно ни вѣнковъ, ни приготовленій къ литіи. Вѣроятно, мы и отсюда отъѣхали бы, не открывая траурнаго вагона, но распорядитель [1]) нашелъ нужнымъ, сдѣлавъ большой переѣздъ, освидѣтельствовать, не оттянулись ли въ пути ремни, которыми былъ прикрѣпленъ тяжелый гробъ къ катафалку, и нѣтъ ли, вслѣдствіе того, какой опасности для гроба сдвинуться и обрушиться на полъ; вмѣстѣ съ рабочимъ онъ вошелъ въ вагонъ, и, только благодаря этому обстоятельству, собравшаяся публика увидала гробъ. Рабочій, дѣйствительно, перетянулъ всѣ ремни, вытянувшіеся отъ сотрясенія въ пути 40-пудоваго гроба, а распорядителю пришлось въ это время принимать въ вагонъ массу вѣнковъ, которыхъ мы, подъѣзжая, и не замѣтили".

Первая литія состоялась только уже въ Лугѣ.

„Въ 6 часовъ, рано утромъ, мы нашли въ Лугѣ большую толпу людей, ожидавшихъ прибытія поѣзда, а духовенство—въ облаченіи. Вслѣдствіе того распорядитель немедленно открылъ вагонъ; первое состоявшееся въ пути заупокойное служеніе и притомъ въ такой ранній часъ—на окраинѣ неба разступились дождевыя тучи и загорѣлась заря, обѣщавшая тотъ прекрасный день, какимъ отличалось

гребенію Тургенева въ родной землѣ, вызваны были главнымъ образомъ перепечатаннымъ въ катковскихъ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" письмомъ извѣстнаго революціонера-эмигранта П. Л. Лаврова въ „Justice" (нѣсколько дней спустя послѣ кончины Тургенева), гдѣ онъ доводилъ до всеобщаго свѣдѣнія, что Тургеневъ ежегодно вносилъ, по собственной инициативѣ, 500 фр. въ кассу изданія русскаго революціоннаго органа „Впередъ".

[1]) Стасюлевичъ въ корреспонденціяхъ скромно говорилъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.

время процессіи Тургенева,—все это произвело глубокое впечатлѣніе на собравшихся, и нельзя было не тронуться видомъ этой глубоко-печальной и вмѣстѣ отрадной картины рано вставшихъ людей, чтобы не пропустить случая поклониться праху одного изъ нашихъ немногихъ. Около 9 часовъ мы прибыли въ Гатчину, гдѣ насъ встрѣтилъ, можно сказать, чуть не весь городъ: такая густая толпа стояла на всемъ протяженіи станціонной платформы. Посреднѣ помѣщались, въ стройномъ порядкѣ, воспитанники гатчинскаго института; впереди ихъ пѣвчіе и духовенство въ полномъ облаченіи. По открытіи вагона вся толпа моментально обнажила головы, священнослужители вступили въ самый вагонъ, и началась панихида съ участіемъ большого хора пѣвчихъ, стоявшихъ передъ вагономъ. Во время службы очень скоро раздались одинъ за другимъ всѣ три звонка, и поѣздъ долженъ былъ бы тронуться, прервавъ богослуженіе и увезя съ собою вмѣстѣ духовенство; публика въ виду того пришла больше чѣмъ въ недоумѣніе и не знала, чѣмъ это можетъ кончиться. Къ счастью, несмотря на третій звонокъ, свистка не было дано, а потому священники, не прекращая богослуженія, успѣли другъ за другомъ выбраться изъ вагона въ одеждѣ, неудобной для крутого спуска и съ кадиломъ въ рукахъ. Но зато едва распорядитель успѣлъ задвинуть и запереть тяжелую дверь траурнаго вагона, какъ поѣздъ тронулся, и ему пришлось вскочить въ свой вагонъ на ходу; только благодаря ловкости кондуктора, спеціально приставленнаго къ этому вагону и успѣвшаго подхватить распорядителя на лету, послѣдній успѣлъ благополучно попасть въ вагонъ, а нашъ и безъ того печальный поѣздъ избавился отъ лишняго печальнаго случая. Между тѣмъ, богослуженіе продолжалось на платформѣ, а поѣздъ, подвигаясь все скорѣе и скорѣе по направленію къ своей теперь уже близкой цѣли, вскорѣ превратился въ темное пятно, совсѣмъ исчезнувшее за пригоркомъ".

Послѣдніе отголоски мрачной исторіи съ похоронами Тургенева слышатся въ той безконечной бюрократической волокитѣ, которую вызвалъ петербургскій градоначальникъ Грессеръ своимъ протестомъ противъ постановленія Городской Думы объ ассигнованіи на тургеневскія похороны 3000 руб. (ассигнованныхъ, кстати замѣтить, послѣ скандальныхъ преній въ двухъ думскихъ засѣданіяхъ). Опротестовалъ онъ постановленіе Думы потому, что этотъ расходъ не относится-де къ пользамъ города и его обывателей, и слѣдовательно не согласенъ съ ст. 140 Город. Положенія 1870 г. Съ этимъ протестомъ согласилось большинство Петербургскаго по городскимъ дѣламъ присутствія и постановленіе Думы отмѣнило. На рѣшеніе сего Присутствія Дума принесла жалобу въ Правительствующій Сенатъ. Ни въ 1-мъ Департаментѣ, куда поступила жалоба, ни въ Общемъ Собраніи Департаментовъ Сената рѣшенія не состоялось, за разногласіемъ сенаторовъ, и дѣло поэтому перешло въ Государственный Совѣтъ, который согласился съ сдѣланнымъ Сенату предложеніемъ Министра Юстиціи за введеніемъ въ дѣйствіе новаго Городового Положенія 1892 г., не разсматривая дѣло по существу, производство его прекратить. 2 апрѣля 1895 года Государь утвердилъ мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Такимъ образомъ, только уже 12 лѣтъ спустя послѣ своей смерти нашъ знаменитый писатель могъ, наконецъ, успокоиться въ гробу, успокоиться за мѣсто своего вѣчнаго успокоенія на Волковомъ кладбищѣ, рядомъ съ Бѣлинскимъ...

Первый выходъ „Лишняго человѣка".

Въ одномъ изъ своихъ, указанныхъ выше, очерковъ М. Гершензонъ въ „Рус. Вѣд." знакомитъ любителей родной литературы съ новонайденной (среди бумагъ Никитенко) драмой— вѣрнѣе, драматической поэмой — юноши-Тургенева „Стено". Эта вещь—едва ли не первая проба пера. Написана она въ 1834 г., значитъ, когда Тургеневу было всего 16 лѣтъ.

Художественный вѣсъ ея, какъ уже можно предположить заранѣе, весьма ничтоженъ („она во всѣхъ отношеніяхъ крайне плоха, какъ говорится, ниже критики", опредѣляетъ г. Гершензонъ); зато біографическое значеніе ея авторъ очерка оцѣниваетъ очень высоко.

Дѣйствіе происходитъ въ Римѣ. Мужской раздвоенности, разъѣдающей мысли героя драмы Стено Тургеневъ противопоставилъ цѣльную и наивную женскую душу въ образѣ сестры рыбака Джаконо—Джуліи, которая, ухаживая за больнымъ Стено, полюбила его беззавѣтно. Стено остается къ ней равнодушенъ, и Джулія умираетъ отъ нераздѣленной любви. Джакопо, обезумѣвъ, убиваетъ надъ ея трупомъ врача, потомъ, опомнившись, бѣжитъ убить Стено, но находитъ его уже бездыханнымъ: Стено за нѣсколько минутъ до того обрываетъ свою жизнь револьвернымъ выстрѣломъ, не изъ-за Джуліи, а чтобы положить конецъ своимъ душевнымъ терзаніямъ.

Это первое произведеніе Тургенева, говоритъ М. Гершензонъ,— оказывается во многихъ отношеніяхъ замѣчательнымъ. Въ немъ пора-

жаетъ прежде всего глубина и сложность вопросовъ, волновавшихъ 16-тилѣтняго отрока, и еще болѣе, можетъ-быть, тождество этихъ вопросовъ *по существу* съ тѣми, которые занимали его впослѣдствіи на протяженіи долгихъ лѣтъ. „Стено“—не случайное подражаніе байроновскому „Манфреду“, оно не стоитъ особнякомъ въ творчествѣ Тургенева: чрезъ поэмы 1840-хъ годовъ оно органически примыкаетъ къ его позднѣйшимъ произведеніямъ, какъ первое звено единой цѣпи или какъ первый отпечатокъ единаго развивающагося въ опытѣ міровоззрѣнія.

Поразительно, какъ неуклонно мысль Тургенева шла по одному и тому же пути отъ юности до зрѣлаго возраста; 26-ти лѣтъ онъ поглощенъ тѣмъ же вопросомъ, какъ и въ 16 лѣтъ: отчего происходитъ распаденіе природнаго единства въ человѣкѣ и что оно есть—благо или зло? Въ 40-хъ годахъ послѣдній вопросъ былъ для него уже окончательно рѣшенъ; всѣ его поэмы этого времени написаны на эту же тему и всѣ даютъ тотъ же отвѣтъ, какой данъ въ „Разговорѣ“: распаденіе личности есть уродство и зло, цѣльность и непосредственность чувства — здоровье и благо. Отсюда въ этихъ поэмахъ противопоставленіе женской цѣльности мужскому безволію, мужской рефлексіи, — мотивъ, намѣченный уже, хотя и въ иномъ освѣщеніи, въ „Стено“. Вмѣстѣ съ тѣмъ вниманіе Тургенева обращается отъ метафизическихъ причинъ болѣзни, каковы двойственность человѣческаго духа и неразрѣшимость вѣчныхъ вопросовъ, къ бытовымъ условіямъ, которыя ее питаютъ (таковы поэмы „Параша“, „Андрей“),— и такъ послѣдовательно, все время на почвѣ того же вопроса, совершается переходъ къ его позднѣйшимъ повѣстямъ и романамъ. Раздумье о раздвоеніи личности и о цѣльномъ человѣкѣ проходитъ красной нитью черезъ все это творчество; Стено — первый изъ „лишнихъ людей“ Тургенева, Джулія — первая изъ его сильныхъ цѣльностью духа дѣвушекъ, но только съ обратнымъ знакомъ.

Съ этой точки зрѣнія подражательность „Стено“ теряетъ всякое значеніе. Трагедія Стено, какъ и юноши изъ „Разговора“, — трагедія самого Тургенева. Черезъ десять лѣтъ послѣ того, какъ былъ написанъ „Стено“, Тургеневъ прямо обрисовалъ *самого себя* тѣми же чертами, какими обрисованъ Стено. Въ „Посвященіи“ къ „Разговору“ онъ разсказываетъ, какъ онъ бродилъ вечеромъ среди великой тишины, исполненный раздумья:

„... Спящій міръ дышалъ безсмертной красотой...
Но глазъ не поднималъ и проходилъ я мимо;
О жизни думалъ я, объ Истинѣ святой,
О всемъ, что на землѣ намъ неразрѣшимо.
Я небо вопрошалъ... и тяжко было мнѣ, —
И вся душа моя пресытилась тоской...
А звѣзды вѣчныя спокойной чередою
Торжественно неслись въ туманной вышинѣ“.

Это — раздумье Стено и его же тоска: и здѣсь — то же противопоставленіе истерзаннаго духа гармоничной красотѣ мірозданія, какъ въ „Стено“.

Было бы, разумѣется, любопытно знать, въ силу какихъ причинъ и въ частности подъ какими литературными вліяніями такъ рано овладѣли Тургеневымъ міровая скорбь и рефлексія. Можетъ-быть, это и удастся сдѣлать современемъ, когда будетъ хоть сколько нибудь изучена исторія молодости Тургенева, теперь еще совсѣмъ неизвѣстная. Но каковы бы ни были результаты такого изслѣдованія, они не могутъ подорвать достовѣрности фактовъ, устанавливаемыхъ путемъ сличенія произведеній Тургенева съ его личными признаніями. Путь отъ „Стено“ къ поэмамъ 40-хъ годовъ есть путь, пройденный самимъ Тургеневымъ въ его внутреннемъ развитіи за эти годы; идея „Стено“ не случайно запала въ душу Тургенева: вся его внутренняя работа въ ближайшіе десять лѣтъ совершается вокругъ этой же идеи.

Тургеневъ — юмористъ.

Молодость все-таки остается молодостью. Тургеневъ, снѣдаемый упорной тоской и глухою внутренней тревогой, умѣлъ однако при случаѣ и смѣяться отъ души и пошутить.

М. Гершензонъ передаетъ намъ содержаніе другого ранняго, тоже до сихъ поръ неизданнаго произведенія Тургенева — разсказа „Похожденія подпоручика Бубнова“. Какой контрастъ между этой шалостью пера и мрачными, слишкомъ серьезными поэмами, написанными въ тотъ же періодъ (разсказъ относится къ 1842 г.).

„Похожденія подпоручика Бубнова“ представляютъ и самостоятельный, чисто-литературный интересъ.

„Подпоручикъ Бубновъ гулялъ однажды по одной изъ улицъ уѣзднаго городка Ч... Во всю длину этой улицы находилось только 3 дома— 2 направо, 1 налѣво. Улица эта была безъ малаго съ версту. — Такъ какъ до вечера оставалось часа два, не болѣе, то старыя мѣщанки, хозяйки упомянутыхъ домовъ, заблаговременно заперли ставни, загнали куръ и улеглися спать. Подпоручикъ Бубновъ шелъ, заложа руки въ карманы и предаваясь по обыкновенію любимымъ размышленіямъ о томъ, что бы

онъ сталъ дѣлать, если бъ онъ былъ Наполеономъ?

„Къ подпоручику Бубнову совершенно внезапнымъ образомъ подошелъ человѣкъ небольшаго роста — въ весьма странной одеждѣ; Бубновъ принялъ было его за помѣщика Телушкина, только-что пріѣхавшаго изъ-за границы; самъ онъ, правда, и не имѣлъ чести лично знать г-на Телушкина, — но успѣлъ уже наслышаться о мудреныхъ и чудныхъ его нарядахъ... Однако при первомъ словѣ незнакомца онъ совершенно разувѣрился... Незнакомецъ, подойдя къ подпоручику Бубнову, произнесъ небрежно и скороговоркою: „Я — чортъ“.

Такъ начинается разсказъ. Очевидно, а изъ дальнѣйшаго будетъ еще яснѣе, что подпоручикъ Бубновъ пьянъ до безчувствія.

Встрѣтивъ со стороны Бубнова недовѣріе, чортъ немедленно доказываетъ ему свое естество: приказываетъ крапивѣ, въ изобиліи разросшейся вдоль безконечныхъ заборовъ, проплясать казачка, что та и исполняетъ на-славу; потомъ протаскиваетъ свои ноги чрезъ ротъ и сквозь затылокъ, подбрасываетъ въ воздухъ собственныя глаза, а въ заключеніе предлагаетъ Бубнову на память свой носъ, который тотъ и прячетъ въ боковой карманъ своего сюртука.

Чорту отъ Бубнова ничего особеннаго не нужно: онъ просто пришелъ поболтать съ нимъ отъ скуки. Они идутъ дальше по улицѣ въ дружеской бесѣдѣ; тутъ между прочимъ чортъ, чтобы позабавить Бубнова, придравшись къ слову, снялъ съ него голову, — „подпоручикъ Бубновъ хотѣлъ-было удивиться, да безъ головы удивляться невозможно“;— чортъ повертѣлъ головой Бубнова, поднесъ ее къ носу и чихнулъ въ нее, потомъ поставилъ ее опять на туловище подпоручика,— и послѣдній тотчасъ разинулъ ротъ и проговорилъ: „Желаю здравствовать!“

Такъ пріятно проводя время, вышли они изъ города и вошли въ лѣсъ. Здѣсь на старомъ, засохшемъ дубу сидѣлъ старый воронъ и протяжно каркалъ. „Этотъ воронъ былъ въ сущности ворониха или въ самой сущности чортова бабушка. У чорта не было никогда матери, но бабушка есть“. Чортъ представилъ Бубнова своей бабушкѣ, предупредивъ его ни въ какомъ случаѣ не креститься, и вслѣдъ за тѣмъ предложилъ ему откусить кончикъ его, чортова, хвоста, для чего и поднесъ этотъ пушистый и мягкій кончикъ къ самымъ губамъ подпоручика и даже всунулъ ему немного въ ротъ. Бубновъ запротестовалъ, ссылаясь на то, что хвостъ этотъ, навѣрное, очень невкусенъ; но чортъ увѣрилъ его, что хвостъ будетъ какъразъ того вкуса, какого онъ, Бубновъ, пожелаетъ. Бубновъ пожелалъ огурца съ медомъ,— откусилъ,— и хвостъ дѣйствительно оказался точно этого вкуса, только чуть-чуть отдавалъ сѣрой.

Но тѣмъ самымъ подпоручикъ, какъ видно, всецѣло отдался во власть бѣсовской силы. Не успѣлъ онъ проглотить кончикъ чортова хвоста, какъ они очутились въ опрятной комнатѣ, гдѣ въ большихъ старинныхъ креслахъ сидѣла старуха съ большимъ носомъ и щелкала орѣхи. Это была та же чортова бабушка. Чортъ на минуту вышелъ, чтобы надѣть рога,— у старухи съ Бубновымъ разговоръ не кленлся, и она, соскучившись, вдругъ вскочила, подхватила подпоручика и пустилась съ нимъ въ плясь, приговаривая:

Подпоручикъ,
Мой амурчикъ,
Попляши со мной, голубчикъ.

Вернувшійся чортъ успокоилъ старуху, извинился за нее передъ Бубновымъ и, чтобы доставить ему удовольствіе, кликнулъ свою внучку, — молоденькую, съ крошечнымъ еще хвостикомъ, Бабебибобу. Она съ пріятностью присѣла Бубнову, сказала „Ахъ“! и стыдливо бросилась на шею прабабушкѣ; Бубновъ поклонился, щелкнулъ шпорами и замѣтилъ, что Бабебибобу — не русское имя, на что чортъ благодушно отвѣтилъ: „Мы иностранцы“. Бабебибобу предложила ему прогулятся съ нею по саду и тутъ безъ предисловій заявила ему, что любитъ его; онъ уже готовъ былъ отвѣчать ей взаимнымъ признаніемъ, но вдругъ замѣтилъ, что у нея глаза сжимаются и расширяются, ноздри раздуваются, зубы заостряются... Ему показалось, что онъ — мышь, а она — кошка. Поэтому онъ заявилъ, что не можетъ воспользоваться ея благорасположеніемъ. И тутъ онъ увидалъ себя стоящимъ одной ногой на верхушкѣ высочайшаго столба, другая его нога развѣвалась по вѣтру, какъ флагъ, а по намыленному столбу съ усиліемъ вскарабкались разнаго вида чертенята: очевидно, онъ былъ назначенъ наградой побѣдителю. Бабебибобу носилась вокругъ него по воздуху и язвительно смѣялась.

Подпоручикъ въ ужасѣ воззвалъ къ чорту,— и мигомъ все исчезло: они снова были въ саду, чертъ пригласилъ его въ домъ закусить.

За столомъ усѣлись бабушка, чортъ, Бабебибобу и подпоручикъ. Большая закрытая миска вошла въ комнату, присѣла и прыгнула на столъ. Завязался разговоръ. Чортъ высказалъ намѣреніе женить Бубнова на Бабебибобу. Бубновъ встревожился: „А если будутъ дѣ-

ти?"—подумалъ онъ.—Какого они будутъ званія? Дворяне, что ли? Или что за люди? Ихъ не примутъ ни въ какой кадетскій корпусъ!" Взглянувъ на Бабебибобу, онъ увидалъ, что она смотритъ на него, щуря глазки и улыбаясь, и водитъ краснымъ язычкомъ по бѣлымъ, острымъ зубкамъ. „Она меня съѣсть!" — закричалъ въ ужасѣ подпоручикъ. „На здоровье",— замѣтилъ чортъ; Бубновъ разсвирѣпѣлъ, хотѣлъ вскочить, чтобы уйти, — кресло, на которомъ онъ сидѣлъ, удержало его; онъ началъ-было: „Сгинь же, бѣсовское племя, во имя..." Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ перекреститься, его схватили и бросили въ миску, потомъ приправили уксусомъ, масломъ, горчичей, тертымъ порохомъ, сѣрой и пр. и съѣли,— съѣли до послѣдней косточки, подъ звуки разныхъ увертюръ, разыгрываемыхъ оркестромъ грѣшниковъ.

Разсказъ кончается такими строками: „На другое утро нашли подпоручика Бубнова въ той же улицѣ уѣзднаго города Ч... Онъ лежалъ лицомъ къ забору и былъ красенъ какъ ракъ. Его привели въ чувство; онъ съ испугомъ долго глядѣлъ кругомъ, началъ болтать всякій вздоръ, увѣрялъ, что онъ чувствовалъ себя въ трехъ вовсе ему чуждыхъ желудкахъ, и только къ вечеру пришелъ въ себя. Онъ никогда не могъ забыть своего знакомства съ чортомъ и часто поговаривалъ: „Если бы я былъ Наполеономъ, уничтожилъ бы я всѣхъ чертей!".— Впрочемъ жилъ до глубокой старости, не вышелъ въ отставку и умеръ младшимъ поручикомъ".

Новые романы.

Критикъ „Совр. Слова" Ал. Ожиговъ посвятилъ три фельетона разбору романовъ Вл. Ленскаго, О. Сологуба и Н. Русова. Выводы, къ которымъ приходитъ онъ по поводу этихъ романовъ, далеко не утѣшительные. Судите сами...

„Пѣсня крови" Вл. Ленскаго.

„На рынкѣ сейчасъ какая-то мертвая точка,— пишетъ Ал. Ожиговъ по поводу романа Вл. Ленскаго.—Нѣтъ сдвига въ опредѣленную сторону. Всѣ прежніе кумиры повалились. Новыхъ не родилось. Изчезла спеціальная порнографическая и пинкертоновская литература, что свидѣтельствуетъ о подъемѣ здороваго читательскаго вкуса. И только неизмѣнно осталось одно, въ достаточной мѣрѣ печальное явленіе— это преобладаніе на читательскомъ рынкѣ произведеній пресловутой г-жи Вербицкой, этого яркаго воплощенія литературной пошлости, безвкусія и низменности, соединенныхъ, по выраженію г. Саши Чернаго, „съ грязнымъ саломъ половымъ".

Конечно, есть литераторы, которымъ лавры г-жи Вербицкой не даютъ спать. Немного нужно таланта, чтобы сдѣлаться Вербицкой. Нужна лишь нѣкоторая чуткость къ улицѣ, ея вкусамъ, ея страстямъ и страстишкамъ, ея настроеніямъ, ея мечтаніямъ. Бульварный писатель современнаго газетнаго типа давно пересталъ удовлетворять большую публику. Она выросла изъ уровня страшныхъ романовъ съ безконечными убійствами, невозможными приключеніями и непремѣннымъ участіемъ во всѣхъ уголовныхъ перипетіяхъ лицъ съ громкими аристократическими титулами. Нужно современной толпѣ нѣчто новое, болѣе утонченное и пикантное, болѣе дразнящее нервы и одурманивающее воображеніе. Г-жа Вербицкая нашла дорогу къ сердцу читателей изъ низовъ. Романы ея имѣютъ чрезвычайно большое распространеніе. И понятно, что ея слава не можетъ не тревожить писательскихъ сердецъ, скроенныхъ и сшитыхъ по мѣркѣ г-жи Вербицкой.

И нашелся такой „геркулесъ" русской литературы, который рѣшилъ помѣряться силами съ г-жей Вербицкой. Нашелся смѣльчакъ, который вызвалъ на единоборство писательницу съ низовъ литературы, ея подвальныхъ этажей и притоновъ. И, рѣшительно идя по стопамъ своей конкурентки, этотъ „атлетъ" полагаетъ, что онъ изничтожитъ г-жу Вербицкую.

И въ такой роли выступаетъ предъ нами совсѣмъ не новичекъ въ литературѣ, отравленный честолюбіемъ и желаніемъ немедленно же снять вѣнокъ съ г-жи Вербицкой и возложить на свою главу. Въ такой роли выступаетъ уже писатель съ именемъ, писатель, о которомъ менѣе всего можно было бы до сихъ поръ сказать, что онъ стоитъ на дорогѣ пошлости и глупаго мѣщанства.

Это—Вл. Ленскій. Онъ выпустилъ въ свѣтъ новый романъ „Пѣсня крови", романъ, написанный по рецепту кухни г-жи Вербицкой. Не знаемъ, оцѣнятъ ли его тѣ низы, которые питаютъ г-жу Вербицкую. Быть можетъ, они и устроятъ ему тріумфъ. Что касается серьезной литературы, то она можетъ только съ недоумѣніемъ и чувствомъ горечи остановиться предъ этимъ новымъ явленіемъ, предъ вторженіемъ грубаго рынка въ литературу, предъ этимъ увлеченіемъ неземной пошлостью со стороны дѣятеля, который до сихъ поръ былъ, по крайней мѣрѣ, серьезенъ.

Много, конечно, у насъ сдѣлано въ литера-

турѣ мерзостей съ тѣхъ поръ, какъ вопросъ былъ поставленъ на очередь. Поставленъ онъ былъ вполнѣ естественно. Цензурная вакханалія до 17-го октября дѣлала литературу искусственно якобы цѣломудренной. Цензора была блюстителями добрыхъ нравовъ. Цензора охраняли общественную нравственность. Даже научная книга для врачей Крафтъ-Эбинга были однажды изъята за безнравственность. А между тѣмъ, вопросы пола—одни изъ тѣхъ, которые всегда тревожили литературную мысль всѣхъ народовъ. Убрать при помощи грубаго росчерка краснымъ карандашомъ изъ жизни этотъ вопросъ—невозможно. И понятно, когда литература получила возможность говорить обо всемъ свободно, половой вопросъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ на ряду съ политическими вопросами и злобами дня. Теперь обрушиваются на „Санина“ Арцыбашева. Можно и не быть поклонникомъ этого писателя вообще и въ частности этого романа, но нельзя не признать, что въ немъ этотъ вопросъ трактуется наиболѣе чисто и художественно. Вслѣдъ за нимъ потащились цѣлою фалангою даровитые и бездарные писатели, которые торопливо старались работать надъ этой темой, уже по-старчески смакуя и распуская сладострастную слюну, спекулируя на запретной до сихъ поръ темѣ. Но „Санинъ“ былъ плодомъ здороваго протеста противъ лицемѣрія людей, общества и цензуры, которая до сихъ поръ покрывала своимъ запретомъ естественное стремленіе искусства изобразить цѣлый рядъ чувствъ и переживаній, свойственныхъ людямъ и играющихъ въ ихъ жизни громадную психологическую роль. Можно критиковать „Санина“, можно видѣть въ немъ сложную апологію грубой плоти. Но нельзя отрицать того, что въ этомъ романѣ нѣтъ пошлости и смакованія, нѣтъ игры на низменные вкусы, нѣтъ заигрыванія, тѣмъ болѣе, что въ немъ трактуется не только одинъ вопросъ о тѣлѣ, но и масса другихъ жизненныхъ вопросовъ.

Извѣстно, что гр. Л. Толстой написалъ удивительную главу „Анны Карениной“, въ которой описывается первая брачная ночь Кити и Левина. Глава эта не увидѣла свѣта. Не потому, чтобы русская цензура наложила на нее запретъ. Русская цензура не знаетъ этой главы. Была же она изъята изъ романа въ силу той домашней цензуры, которая такъ тяжко отражалась на геніальномъ писателѣ. Когда-нибудь мы узнаемъ содержаніе этой главы, повидимому, хранящейся въ Москвѣ въ Историческомъ Музеѣ. Великій геній интересовался половымъ вопросомъ,—мы это хорошо знаемъ. Но та глава, про которую мы говоримъ, была написана имъ еще въ ту пору его творчества, когда онъ не увлекался новыми своими философскими и религіозными тягами и когда онъ подходилъ къ половому вопросу, какъ чистый художникъ, желающій отразить въ своихъ произведеніяхъ жизнь въ ея полнотѣ и цѣликомъ. И быть можетъ, напрасно, поэтому, г. Вересаевъ въ „Современномъ Мірѣ“ выражалъ сожалѣніе, что Толстой не описалъ этого удивительнаго, загадочнаго, страшнаго и краснаго акта общенія между мужчиной и женщиной. Быть можетъ, эти страницы есть и ждутъ своего череда, чтобы изумить насъ своими красотами.

Конечно, если Толстой заходилъ такъ далеко въ своихъ художественныхъ изысканіяхъ, то понятно, что литературѣ вообще свойственъ этотъ предметъ, эта запретная недавно тема. И обрушиваться на литературу за то, что она отдаетъ вниманіе такого рода темамъ, значитъ быть лицемѣромъ, такимъ же лицемѣромъ, какими были добрые старые цензора, красными чернилами заливавшіе авторскія страницы, посвященныя раскрытію тайнъ пола.

„Пѣсня крови“ это — пѣсня тѣла. Если бы на новомъ произведеніи г. Ленскаго лежала хотя малѣйшая печать серьезности, пытливости художественной мысли, ея алканія правды—можно было бы простить многое въ этомъ романѣ — „Пѣсня крови“. Но дѣло въ томъ, что г. Ленскій пошелъ какъ разъ грязными тропами въ своемъ художественномъ анализѣ загадокъ пола. Пошелъ путями улицы, дешеваго рынка, на которомъ царитъ г-жа Вербицкая. Литература осталась въ сторонѣ. На первый же планъ выдвинулась порнографія, которая и завладѣла совершенно авторомъ.

Конечно, г. Ленскій хотѣлъ быть оригинальнымъ. Ему было бы пріятно отличиться отъ г-жи Вербицкой, дабы отнять у нея ея дешевыя лавры. Но выдумки у него не хватило. Пошелъ ея путями.

Правда, онъ оставилъ въ покоѣ всякаго рода политическія идеи и революцію, которую такъ охоча эксплоатировать г-жа Вербицкая. Но все же его писанія не поднялись выше уровня смакованія постельныхъ переживаній, альковныхъ ощущеній и спальныхъ радостей. И вмѣстѣ съ тѣмъ, потерявъ всякую художественную перспективу, утративъ чувство мѣры и всякое чутье, г. Ленскій погрузился въ тину самыхъ, прямо говоря, глупыхъ пріемовъ литературнаго творчества.

Герой его романа — двадцатилѣтній юноша, простецкаго званія, конторщикъ, лишенный, повидимому, всякаго развитія. Въ жизни у него нѣтъ никакихъ интересовъ, кромѣ интересовъ пола. Это настоящій Гальтиморъ. И авторъ,

повидимому, преднамѣренно очистилъ его отъ всякой интеллигентной оболочки, чтобы показать въ первобытной красотѣ всѣ половыя переживанія молодого человѣка. Очищенный же отъ интеллигентной оболочки герой заставляетъ удивляться: чѣмъ же онъ плѣняетъ женщинъ, кромѣ своего краснаго румянца и пушка на губахъ?

И сію чистку отъ интеллигентности г. Ленскій произвелъ столь тщательно, что даже оставилъ въ сторонѣ его душу. Переживаній этой души мы не видимъ и не знаемъ. Просто, видимъ предъ собой юнца, по-животному взбѣсившагося страстью. Его бы полечить, пожалуй. А онъ выведенъ г. Ленскимъ въ качествѣ положительнаго героя.

Всѣ положенія романа, встрѣчи, знакомства, страсти и приключенія, — все это сплошная, неумная и бездарная выдумка, сочиненная, надуманная, осложненная фантазіей весьма небольшого калибра.

Буквально словечка нѣтъ въ простотѣ: все съ ужимкой. Грубый буквальный вымыселъ рѣзко рѣжетъ слухъ. Отсутствіе какого бы то ни было психологическаго явленія дѣлаетъ романъ совершенно лишеннымъ всякаго смысла. Какъ авторъ ни старается красивымъ стилемъ восполнить пустоту содержанія, ему это не удается. И этотъ приторный половой соусъ, которымъ, какъ саломъ, пропитана каждая страница, въ концѣ концовъ, возбуждаетъ только отвращеніе. Люди — какія-то грязныя животныя. Профессіональная горизонталка ничѣмъ не отличается отъ дѣвушки, которую авторъ рисуетъ, какъ идеалъ женской чистоты и невинности. Каждая женщина смотритъ у него глазами хищницы и готова броситься въ объятія мужчины. Каждый мужчина только и живетъ переживаніями самца, ищущаго въ женщинѣ только самку.

Прибавьте къ этому полное отсутствіе жизни въ романѣ. Онъ точно происходитъ на какой-нибудь другой планетѣ. Люди сбились въ тѣсную кучу и живутъ интересами самыми узкими и ограниченными. Люди самыхъ разнообразныхъ, казалось бы, общественныхъ положеній, въ сущности, варятся въ одномъ маленькомъ котлѣ. Сталкиваются, идя разными путями, все же чуть ли не ежесекундно. И бѣдность авторской фантазіи, буквально, видна въ каждой строчкѣ романа, гдѣ все совершается по волѣ случая, безъ котораго авторъ рѣшительно не зналъ бы, какъ ему раздѣлаться со всѣми своими героями.

Печально и грустно. Если бездарная г-жа Вербицкая можетъ сказать, что у нея есть еще болѣе бездарный ученикъ, то намъ придется сказать, что литературная пошлость требуетъ рѣшительной съ ней борьбы. Эту пошлость пора бы бойкотировать".

„Слаще яда" Ѳ. Сологуба.

(„Новая Жизнь".)

„Послѣдній романъ Сологуба,— пишетъ критикъ — невольно заставляетъ, заставляетъ насильно, вопреки искреннимъ и пламеннымъ желаніямъ души, поставить вопросъ, страшный вопросъ: не изсякла ли уже чаша творчества писателя, не испита ли имъ уже вся чаша, ему данная щедро одѣлившей его природой, не разбавленное ли только вино въ ней находится?

Пусть будущее рѣшитъ этотъ вопросъ. Мы, русскіе, не умѣемъ цѣнить талантовъ. Это правда. Мы ихъ умѣемъ горячо и огненно полюбить, но любить прочно и долго, хорошимъ однолюбіемъ мы не умѣемъ. Мы хотимъ отъ таланта слишкомъ многаго. Чтобы онъ вѣчно горѣлъ и грѣлъ насъ. А когда огонь продолжаетъ свѣтить прежнимъ свѣтомъ и грѣть насъ прежнимъ своимъ тепломъ, мы, избалованныя дѣти безпутно даровитой славянской расы, уже скучаемъ, ждемъ новаго и тоскуемъ, когда прежній богъ не творитъ новыхъ чудесъ, какъ будто бы боги способны только дѣлать чудо, какъ будто бы это ихъ профессіональная обязанность.

Вотъ почему очень не хотѣлось бы разсматривать романъ въ свѣтѣ той опасности, которую каждый чуткій читатель не можетъ не почувствовать, пробѣгая страницы „Слаще яда". Онъ слишкомъ повторяетъ старое сологубовское. Онъ не новъ. Онъ приторенъ. Мы предпочли бы новый сладкій ядъ приторности старыхъ манеръ, старыхъ пріемовъ, старыхъ переживаній и старыхъ отношеній въ жизни. Но будемъ бережно относиться къ таланту. Онъ повторяетъ все свое старье. Будемъ ждать, что онъ же претворитъ его и въ новизну, яркую, красивую и еще болѣе магнитную, чѣмъ это было встарь, во времена взошедшей надъ Сологубомъ звѣзды славы.

„Слаще яда" — это единая, перманентная, абсолютная любовь. Любовь, родившаяся въ источникахъ чистой дѣвичьей души, въ четырнадцать лѣтъ почувствовавшей въ себѣ біеніе пульса жизни, смутно его понявшей и оставшейся, какъ монахиня, вѣрной своимъ первоначальнымъ сдвигамъ. Была такая милая и славная дѣвочка Шаня, которая въ раннюю пору вмѣсто грезъ и ожиданій, вмѣсто смутной тоски предчувствій, прямо влюбилась въ юношу Женю Храмова. Влюбилась и рѣшительно сказала

себѣ и повторяла это другимъ, что она будетъ вѣкъ ему вѣрна и болѣе ничего въ жизни не признаетъ.

Трогательно это однолюбіе. Быть можетъ, весь ужасъ всѣхъ трагедій современнаго сердца именно въ томъ и заключается, что это сердце неспособно къ однолюбію и что оно треплется по чужимъ и несродственнымъ сердцамъ слишкомъ долго, чтобы истасканнымъ притти къ своему послѣднему прибѣжищу и полюбить, когда это уже поздно. И г. Сологубъ хотѣлъ, повидимому, воспѣть всѣми струнами своего многозвучнаго таланта это однолюбіе и божественность его для людей. Но далеко это однолюбіе отъ насъ, и пришлось поэтому фантазировать, измышлять, пріукрашать и прямо-таки говорить неправду про жизнь.

Любовь всегда у г. Сологуба особенная. Онъ не мыслитъ, не воспринимаетъ, не понимаетъ, не представляетъ себѣ любви отроческой въ чистомъ ея видѣ. Точно такъ же онъ не воспринимаетъ человѣческой красоты въ чистомъ ея видѣ. А всегда съ прибавкой ярко выраженнаго пола и выраженныхъ страстей тѣла. Того тѣла, которое такъ воспѣвается г. Сологубомъ, но которое представляется всегда ему пропитаннымъ электрическими токами влеченій, хотя бы и совершенно грубаго зоологическаго свойства.

И вотъ это-то грубое приведеніе всѣхъ земныхъ страстей къ одному знаменателю проходило и проходитъ всегда ярко у Сологуба. И въ романѣ „Слаще яда“ видно тоже очень рельефно.

Милая Шаня плѣняетъ. Но каждый разъ эта прелесть бутона, только что раскрывающагося, мутится мутью зоологическихъ повадокъ автора. Ухитряется и онъ привести четырнадцатилѣтнюю Шаню и семнадцатилѣтняго Женю непремѣнно въ баню, гдѣ такъ сладострастно пахнетъ березовыми вѣниками и въ которой остался еще раздражающій запахъ только что мывшихся нагихъ тѣлъ. Правда, эту баню г. Сологубъ оцѣломудриваетъ: дѣти приходятъ сюда не въ тотъ моментъ, когда эта сладострастная баня служитъ цѣлямъ омовенія. Но все же настроеніе бани закрадывается невольно въ душу дѣтей. И какъ ни старается г. Сологубъ ихъ изобразить идеально-чистыми, однако, невольно и въ немъ прорывается его вѣчный Драконъ и пишетъ онъ о дѣтяхъ такъ:

„Шанинъ нѣжный полушопотъ, ея быстрое дыханіе и отуманенные взоры, взволнованная кровь и ярко-зардѣвшіяся щеки, жаркія руки, блуждающія, вздрагивающія прикосновенія, ласковыя улыбки, долгіе смущенные поцѣлуи“...

И такъ во всемъ планѣ. Съ одной стороны, эта великая перманентная единая любовь. А съ другой — грязная муть сладострастія, съ которымъ никакая единая любовь не можетъ ужиться тѣсно и органически. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, смаковать всѣ переживанія тѣла и въ то же время порывами божественной чистоты стремиться къ высямъ, которыхъ и боги-то не достигли, по крайней мѣрѣ, тѣ боги, которымъ поклоняется г. Сологубъ. И въ этомъ отношеніи авторъ прямо является предателемъ по отношенію къ собственной своей идеѣ. Онъ жаждетъ изобразить Шаню въ лучахъ свѣтлыхъ и знойно-красивыхъ. А выходитъ, что сія дѣвица просто понадѣялась на словеса юнца, обѣщавшаго на ней жениться, а потому и рѣшительно думаетъ только о немъ, не отказывая себѣ въ удовольствіи поблудить мыслями и порываніями.

Романъ незаконченъ. Но все въ немъ видно. Конечно, единая любовь останется единой. Конечно, разъ есть единая любовь, то она пребудетъ вѣчной, хотя бы весь земной шаръ кричалъ этой любви, что она, какъ безумная, пошла не потому пути и нашла не того человѣка. Конечно, единая любовь, пройдя черезъ всѣ испытанія, очистится въ горнилѣ новыхъ радостей, которыя открываются только тѣмъ, кто позналъ, что душа пустяки, а весь смыслъ жизни въ наготѣ, которая и душу себѣ подчиняетъ и покоряетъ,

Все это, однако неубѣдительно. Все слишкомъ носитъ въ себѣ и на себѣ слѣды оторванной отъ жизни мысли, самодовлѣющей, самовлюбленной и мнящей себя пророческой.

Это ли надо русской мятущейся жизни?“

„Озеро“ Н. Русова.

Занявшись разборомъ романа Н. Русова, Ал. Ожиговъ отмѣчаетъ, между прочимъ, такого рода „современность“ этого романа:

„Любопытна, въ сущности, въ немъ только одна черта, — это стремленіе автора погрузить разночинную душу въ грязь жизни и вознести благородную душу дворянской дѣвицы на высоту крайнюю. Сопоставленіе довольно наивное, и даже неумное. Но авторъ старается облечь его въ скромныя одежды, ничего не подчеркивая и заставляя, поэтому, своихъ главныхъ героевъ говорить отъ своего имени. И всѣ симпатіи и всѣ ухищренія автора клонятся къ тому, чтобы возвеличить дворянскую душу и возвысить ее до просто-таки комичныхъ высотъ. Цѣль довольно запоздалая, но, конечно, она придется по душѣ современнымъ теченіямъ, направленнымъ къ возрожденію старыхъ дворянскихъ традицій. Какъ и „Отчій домъ“, и

послѣдній романъ г. Русова будутъ привѣтствовать въ черномъ станѣ.

Любопытно, что, параллельно рисуя семьи,— исконно-дворянскую и купечески-крестьянскую,— авторъ старается всѣми силами поднять первую. Даже безпутный отецъ Анны (героини) рисуется болѣе положительными красками, чѣмъ глава семьи Топорковыхъ, готовый отбить у своего сына невѣсту, чтобы сдѣлать ее своей любовницей. Въ параллели тщательно подчеркивается противоположность между благородствомъ традицій дворянскихъ и отсутствіемъ традицій въ купеческо-крестьянскомъ слоѣ, только что вышедшемъ на арену общественной жизни.

И отъ этого стремленія автора, во что бы то ни стало, навязать читателю свои заданія и убѣдить его въ справедливости своихъ выводовъ, производятъ отталкивающее впечатлѣніе. Точно по заказу совѣта объединеннаго дворянства написанъ этотъ романъ, точно онъ долженъ сыграть роль въ избирательной кампаніи.

Романъ этотъ типиченъ. Онъ расчитанъ на общественную безпутицу и на развалъ мнѣній и настроеній общественныхъ. Точно авторъ думаетъ: „Авось, проскочу“. Нѣтъ, не проскочитъ. На немъ печать такой расшущенности, что остается только радоваться тому, что г. Русова до сихъ поръ замѣтили лишь черносотенные критики“.

Разсматриваемый романъ даетъ г. Ожигову поводъ говорить о специфической нестротѣ нынѣшней нашей беллетристики.

„Нестрота — вотъ признакъ изящной современной литературы. Она давно выбилась изъ-подъ опеки толстыхъ журналовъ, выбилась изъ-подъ опеки опредѣленнаго общественнаго настроенія, выбилась изъ-подъ опеки критики. И пошла своими путями. Къ худу ли это или къ добру, — судить пока преждевременно. Но во всякомъ случаѣ теперь отвѣтственность у нея выросла значительно. И требованія къ ней могутъ быть предъявленны повышенныя. Но нельзя сказать, чтобы это послѣднее условіе выполнялось. Читательскій рынокъ разросся, тоже пошелъ своими путями развитія, но уровень требованій къ литературѣ не особенно примѣтно повысился. На читательскомъ рынкѣ появилось очень много самозванцевъ литературы. Раньше, прежде чѣмъ выйти на самостоятельную дорогу, писатель долженъ былъ пройти обязательно журнальный стажъ. Теперь его не нужно. Писатель издаетъ свои произведенія непосредственно. Это по западному образцу. Но какъ часто это бываетъ, такой образецъ не всегда является наилучшимъ и не всегда гарантируетъ наилучшее.

Это одно изъ условій современной нестроты литературы. Если строго судить, то литература и должна быть нестрой: вѣдь нестра сама жизнь, нестры всѣ жизненныя явленія и жизненныя краски, нестры людскія отношенія, нестры переходящія жизненныя настроенія. Но современная нестрота менѣе всего обусловливается фотографичностью современной литературы. А скорѣе тѣмъ разваломъ, который, въ ней замѣчается послѣ всѣхъ бурь и треволненій. Разваломъ, который даетъ основаніе выступать на ея поприще всѣмъ незваннымъ и неизбраннымъ.

Нестрота можетъ быть гармонична и красива; можетъ быть и сумбурна, точно послѣ вавилонскаго столпотворенія. Вотъ эта-то сумбурная нестрота и не можетъ быть признана положительной и не можетъ служить благотворнымъ признакомъ литературнаго оживленія“.

„1794 годъ“ Вл. Реймонта и „Краса жизни“ Ст. Жеромскаго.

Объ этихъ новинкахъ польской литературы и связи ихъ съ преобладающимъ настроеніемъ новѣйшей польской беллетристики разсказываетъ въ „Рус. Вѣд.“ Л. Козловскій.

По его словамъ историческій романъ Вл. Реймонта „1794 годъ“ (печатающійся въ журналѣ „Tygodnik Ilustrowany“) — самое яркое явленіе въ текущей польской художественной литературѣ. Авторъ „Мужиковъ“ и „Земли обѣтованной“, обнаруживший свое мастерство въ изображеніи современной жизни и разныхъ слоевъ польскаго общества, отъ интеллигенціи до крестьянства, вступилъ въ новую для него область творчества и смѣлой, яркой, кистью сталъ набрасывать фигуры и сцены изъ эпохи послѣдняго раздѣла Польши. Идея романа — глубокое разложеніе, идущее сверху внизъ отъ двора и магнатскихъ круговъ къ шляхтѣ, и вызывающее слабый пока патріотическій и гражданскій протестъ въ демократическомъ населеніи Варшавы, въ немногочисленной интеллигенціи, увлекающейся идеями французской революціи, въ части дворянства и войска.

Любопытной картиной нравовъ, царившихъ въ высшемъ польскомъ обществѣ того времени, является изображаемая Реймонтомъ сцена великосвѣтскаго пикника, устроеннаго въ разгаръ трагическихъ событій 1794 года.

„Веселое общество расположилось у опушки лѣса, на берегу Нѣмана, среди большой поляны, покрытой роскошной травой и усѣянной рѣдкими дубами.

Одѣтые по послѣдней модѣ, словно выкроенные изъ моднаго журнала, кавалеры располо-

жались у ногъ своихъ дамъ, усѣвшихся на коврахъ и подушкахъ; влюбленныя пары разгуливаютъ, держась въ отдаленіи; лакеи въ бѣлыхъ ливреяхъ разносятъ напитки... Но все это надоѣло. Несмотря на всѣ старанія изысканныхъ хозяекъ пикника, общество скучаетъ, и для увеселенія его придумывается развлеченіе, мало гармонирующее съ изысканнымъ французскимъ стилемъ этого бала на лонѣ природы: какой-то шляхтичъ, „первый питухъ въ государствѣ“, берется осушить залпомъ цѣлый боченокъ вина. Опытъ кончается зрѣлищемъ, отъ котораго съ отвращеніемъ отвертываются присутствующіе и въ ужасѣ бѣгутъ дамы... Но вотъ найдена новая забава. Княжнѣ Четвертынской захотѣлось выпить молока, но молока не оказалось, и на поиски его отправляются нѣсколько офицеровъ.

Они возвращаются, подталкивая отчаянно ревущую корову, а за ними съ громкимъ плачемъ бѣжитъ крестьянская дѣвочка.

— Есть молоко, но кто же доить будетъ?

— Конечно, я сама,— рѣшительно заявляетъ княжна.

Но такъ какъ корова „отвратительно пахнетъ“, то предварительно моютъ вымя одеколономъ и обливаютъ всю корову духами при неудержимомъ хохотѣ дворни. Затѣмъ корову торжественно ведутъ на коверъ, нѣсколько слугъ держатъ ее за ноги, шею и хвостъ, и княжна, усѣвшись на подушкѣ, начинаетъ доить.

— Божественная картина! Sublime! Очаровательно! Invoyable! — посыпались восторженные возгласы, когда княжна надоивъ полвазы, поднялась и воскликнула:

— Кто жаждетъ, того напою настоящимъ нектаромъ!

Конечно у всѣхъ оказалась жажда, но лишь немногіе коснулись устами этой божественной чаши; одинъ изъ счастливцевъ замѣтилъ странное явленіе: корова черная съ бѣлымъ, а молоко фіолетовое.

— Въ самомъ дѣлѣ, да вѣдь это чудо! Фіолетовое молоко — удивляются всѣ.

— И даже пахнетъ фіалками,— убѣжденно замѣтила одна изъ дамъ.

— Княжна доила въ перчаткахъ,— разсмѣялся офицеръ, первый замѣтившій чудесное явленіе.

Княжна подняла руки. Фіолетовыя вышитыя золотомъ перчатки стали совершенно бѣлыми въ пальцахъ и на ладоняхъ: отъ молока сошла краска.

— Такъ кончаются всѣ чудеса,— замѣтилъ кавалеръ, получившій за это изъ устъ княжны прозвище „противнаго вольтеріанца“.

Молоко, разумѣется, было вылито на землю, а злополучная корова съ негодованіемъ прогнана, но вниманіе общества теперь привлекла крестьянская дѣвочка, которая, словно остолбенѣвъ, смотрѣла на всю эту сцену.

— Если ее переодѣть, получится лѣсная дріада,— замѣтила графиня Камелли.

Нѣсколько дамъ подхватили эту мысль, поймали дѣвочку и несмотря на отчаянные вопли и плачъ повели въ кусты и стали переодѣвать.

Между тѣмъ солнце зашло, сумерки опустились на лѣсъ и поляны; стали готовиться къ отъѣзду. Поднялись суета, бѣготня, крики на слугъ. Большинство экипажей уже готово тронуться въ путь.

Вдругъ изъ чащи блеснули факелы, показалось шествіе: толпа фавновъ, играющихъ на флейтахъ, вела растерянную и стыдящуюся пастушку, наряженную нимфой; на свѣтлыхъ цвѣта льна волосахъ былъ вѣнокъ цвѣтовъ; она была почти нагая, покрытая лишь гирляндами травъ и зелени, платьице, приподнятое съ боковъ выше колѣнъ, открывало ея худыя грязныя ноги. Она шла, испуганная, ошеломленная, и на ея подкрашенномъ личикѣ слезы оставляли глубокій слѣдъ, но въ ея дѣтскихъ глазахъ свѣтился восторгъ...

Буря восторговъ разразилась при видѣ пастушки, исполненной столь дикой красоты...

— Мы поймали лѣсную русалку,— заявила дама, усаживая дѣвочку въ одинъ изъ экипажей, вытянувшихся длинной вереницей.

Впереди каждаго экипажа заняли мѣста два конныхъ гайдука съ факелами и трубачъ. Трубачи заиграли, и веселый кортежъ тронулся. Но въ веселую музыку неожиданно врѣзался дикій вопль:

— Мой ребенокъ! Отдайте ребенка! — и лохматая фигура мужика уцѣпилась за экипажъ, въ которомъ была наряженная русалкой дѣвочка.

— Глупый пейзанинъ,— сказала дама, всовывая ему въ руку золотой,— придешь завтра во дворецъ и получишь свое сокровище.

Но въ это время на мужика наѣхалъ лошадью одинъ изъ офицеровъ и съ крикомъ: „Пошелъ вонъ, а то засѣку“ огрѣлъ его нагайкой.

Мужикъ свалился со стономъ на землю, ему отвѣтилъ отчаянный крикъ изъ кареты, но все потонуло въ звукахъ трубъ, грохотѣ экипажей и топотѣ копытъ.

Мчится веселый кортежъ и неожиданно сталкивается съ другимъ. Навстрѣчу скачетъ во весь опоръ полусотня казаковъ, конвоирующихъ карету, изъ которой несется крикъ: „Помогите, спасите!“. Это по распоряженію Сиверса уво-

зятъ въ Россію депутата-патріота, присутствіе котораго на сеймѣ было нежелательно.

Происходитъ замѣшательство и свалка. Нѣсколько польскихъ офицеровъ бросаются отбивать захваченнаго въ плѣнъ патріота, но русскій офицеръ, участникъ пикника, улаживаетъ конфликтъ, и оба кортежа разъѣзжаются: кутящее общество ѣдетъ своей дорогой, а конвоирующая казаками карета, изъ которой слышится заглушенный крикъ о помощи, несется дальше на востокъ..."

Въ романѣ Реймонта — цѣлый рядъ сценъ, рисующихъ глубокій упадокъ правящаго сословія Польши,— дворянства,— веселящагося на развалинахъ государства, равнодушно смотрящаго на сеймъ, выносящій резолюціи подъ угрозой русскихъ штыковъ, на захватъ и раздѣлъ польскихъ земель. Таково большинство; противъ него стоитъ меньшинство, охваченное патріотическимъ негодованіемъ. Негодованіе это и вылилось въ возставіи Костюшки. Послѣдняго пока мы еще не видимъ въ романѣ Реймонта, мы лишь присутствуемъ при нарастаніи патріотическаго протеста. Выразителемъ его является главный герой романа — молодой польскій офицеръ Заремба. Сначала онъ возмущался, негодовалъ и краснѣлъ при видѣ отдѣльныхъ проявленій разложенія того общества, къ которому онъ принадлежитъ, но затѣмъ онъ постигаетъ истину, что дѣло здѣсь не въ отдѣльныхъ личностяхъ и не въ частностяхъ, а въ томъ, что подгнилъ весь строй жизни; онъ чувствуетъ, что стараго спасти нельзя, что нужно строить новое. „Онъ чувствовалъ,— говоритъ Реймонтъ,— то же, что чувствуетъ мужикъ при видѣ поваленной вѣтромъ избы своей и разграбленнаго ворами добра своего. Онъ посмотритъ прямо въ глаза своей долѣ, измѣритъ всю величину своего бѣдствія, вздохнетъ глубоко, поплюетъ на руки и, схвативъ топоръ, примется за работу". То же самое переживаетъ и Заремба. Онъ „понимаетъ, что все прошло, покрыто плѣсенью и ржавчиной, что нужно строить, начиная съ фундамента". Въ этомъ сравненіи мы узнаемъ Реймонта — автора „Мужиковъ". Въ его глазахъ „мужикъ"— вотъ та сила, которая способствуетъ строить будущее, на которую можно съ упованіемъ положиться. И для него движеніе Костюшки, сумѣвшаго вовлечь въ дѣло и крестьянство, это — лишь первый опытъ демократическаго строительства въ Польшѣ.

Характеренъ, однако, тотъ фактъ, что Реймонтъ, этотъ самый яркій представитель соціальнаго романа въ новѣйшей польской литературѣ, отъ проблемы соціальной перешелъ къ проблемѣ національной, отъ изображенія отдѣльныхъ слоевъ, на которые разслоилась современная Польша,— къ изображенію судебъ народа.

Въ этой эволюціи писатели, надо думать, сказался современный моментъ въ настроеніи польской интеллигенціи. Моментъ этотъ — усиленіе интереса къ національной проблемѣ, къ проблемѣ жизненности Польши, какъ національнаго цѣлаго.*)

Перемѣна эта отразилась и въ творчествѣ двухъ наиболѣе талантливыхъ представителей новѣйшей польской литературы — Реймонта и Жеромскаго. Въ особенности рѣзко сказалось это новое настроеніе въ послѣднихъ произведеніяхъ Жеромскаго. Пѣвецъ скорби соціальной и тоски всечеловѣческой, авторъ „Бездомныхъ" и „Исторіи грѣха", сталъ въ послѣднее время больше пѣвцомъ скорби національной. Этой скорбью ярко окрашена послѣдняя повѣсть Жеромскаго („Uroda zycia", „Краса жизни"), вызывающая сейчасъ много толковъ въ польской печати.

Герой повѣсти Жеромскаго — молодой русскій офицеръ польскаго происхожденія Петръ Розлуцкій, окончившій съ отличіемъ высшую военную школу и посланный служить въ Польшу. Родъ Розлуцкихъ имѣетъ двѣ вѣтви, польскую и русскую, и въ семейныхъ отношеніяхъ Петра Розлуцкаго сталкиваются и перекрещиваются польскія и русскія вліянія. Дѣдъ Петра Розлуцкаго — старый генералъ, принимавшій участіе, — и очень усердное, въ усмиреніи польскаго возстанія 1863 года, но отецъ Петра перешелъ на сторону повстанцевъ и былъ разстрѣлянъ. Петръ воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ въ духѣ русскаго патріотизма и пріѣзжаетъ на мѣсто своей службы враждебно настроеннымъ въ отношеніи къ Польшѣ. Но подъ вліяніемъ новыхъ связей, знакомства съ родственниками польской линіи и въ особенности подъ вліяніемъ воспоминаній объ отцѣ, о трагической смерти котораго онъ узнаетъ впервые здѣсь, въ душѣ молодого офицера происходитъ переломъ, и послѣ тяжелой внутренней борьбы, послѣ глубокаго кризиса, онъ, не умѣвшій говорить по-польски, приходитъ къ сознанію, что онъ — полякъ, отказывается отъ блестящей карьеры, переходитъ въ станъ побѣжденныхъ.

Жеромскій, заставившій своего героя,— русско-польскаго происхожденія,— вернуться къ своимъ предкамъ и стать полякомъ, далекъ, однако, отъ шовинистическихъ тенденцій, и въ изображеніи польскаго общества не щадитъ

*) Читатель нашего журнала вспомнитъ здѣсь разсужденія Ал. Закржевскаго по этому же вопросу изъ статьи его о Здѣховскомъ, переданной у насъ въ № 20—21.

отрицательныхъ чертъ, смѣло касается больныхъ сторонъ польской жизни. Петръ въ повѣсти Жеромскаго — какъ бы потомокъ Зарембы, героя Реймонта; онъ представляетъ собой вѣру въ неумирающую жизненную силу польскаго народа. Петръ, чувствуя связь съ прошлымъ, стремится къ будущему и уходитъ отъ настоящаго.

„Боги жаждутъ“ Анатоля Франса.

(„Совр. Міръ“.)

Мы уже имѣли случай удѣлить вниманіе А. Франсу, какъ автору романа „Боги жаждутъ“. Теперь рѣчь идетъ о самомъ романѣ. Ему посвящена, въ числѣ прочихъ, статья Л. Гроссмана („Юж. Мысль“).

Тлетворное дѣйствіе революціи,—говоритъ онъ,—вотъ основная идея этого новаго историческаго романа. Для воплощенія ея Анатоль Франсъ выбираетъ своимъ героемъ молодого художника, ученика знаменитаго Давида, Эвариста Гамелена, избраннаго въ составъ присяжныхъ революціоннаго трибунала. Эварнстъ влюбленъ, или, вѣрнѣе, холодно переживаетъ романъ съ дочерью стараго продавца эстамповъ. Революція исказила его художественное дарованіе, совершенно загасивъ принципами своей условной эстетики проблески его первыхъ творческихъ опытовъ; она истребила въ корнѣ его юношескую нѣжность и совершенно извратила его способность любить, заморозивъ отвлеченными теоріями дореволюціонной философіи непосредственность всѣхъ его переживаній. Дѣйствіе террора сказывается въ той особенной „ужасающей добродѣтели“, которая заставляетъ прежняго художника ежедневно вотировать за десятки смертныхъ приговоровъ. Анатоль Франсъ готовитъ, впрочемъ, своему герою достойное возмездіе: съ паденіемъ Робеспьера гибнетъ на эшафотѣ и его яростный сторонникъ Гамеленъ.

Эволюція этого робкаго и кроткаго художника въ безпощаднаго тирана и палача даетъ возможность развернуть съ особенной полнотой основную идею романа. Все извращается и гибнетъ въ водоворотѣ разошедшихся страстей толпы. Нѣтъ, кажется, ни одного человѣческаго переживанія, которое бы не приняло подъ вліяніемъ этихъ оглушительныхъ внѣшнихъ ударовъ чудовищно безобразныхъ очертаній.

Ан. Франсъ описываетъ пагубное вліяніе революціи на одно изъ самыхъ завѣтныхъ человѣческихъ чувствъ — любовь. Заговорщики незамѣтно для себя ожесточаются, якобинцы неспособны любить.

Въ эпоху террора влюбленные объясняются на условномъ языкѣ писемъ „Новой Элоизы“, и Руссо, диктующій изъ гроба законы новому правительству, предписываетъ влюбленнымъ способы и образцы для выраженія ихъ чувствъ. Когда женихъ, преподнесшій своей подругѣ обручальное кольцо съ изображеніемъ головы Марата, узнаетъ о своемъ прежнемъ соперникѣ, аристократѣ эмигрантѣ, непосредственное чувство ревности ослабляется въ немъ соображеніями общественнаго характера, и обольщеніе любимой женщины возмущаетъ его, главнымъ образомъ, какъ „моральный и соціальный фактъ“.

Люди, неспособные любить, совершенно гаснутъ душевно, лишаются драгоцѣнной возможности понимать окружающихъ и мало-по-малу доходятъ до самой безпощадной жестокости. Таково одно изъ печальнѣйшихъ дѣйствій революціи. Преданность республикѣ преображается въ культъ неслыханной несправедливости, гражданская добродѣтель становится ужасающей свирѣпостью. Исторія художника, превратившагося въ палача, изображаетъ съ преувеличеннымъ сгущеніемъ красокъ эту основную идею романа. Изумительно кроткій въ дѣтствѣ, Эварнстъ становится чудовищно кровожаднымъ въ революціонномъ трибуналѣ и, чѣмъ сильнѣе говоритъ въ немъ голосъ воображаемаго долга, тѣмъ многочисленнѣе жертвы, ежедневно отсылаемыя имъ подъ ножъ „святой гильотины“...

Таково дѣйствіе эпохи. Такъ формируются души, когда вокругъ переполнены тюрьмы, когда судьи, обвинители и палачи представляютъ собой одно цѣлое, одну глухую и безумную голову, одну возмущенную и растерянную душу, какое-то единое мистическое животное, которое однимъ только естественнымъ отправленіемъ своихъ функцій непрерывно сѣетъ ужасъ и смерть. Такъ создаются люди въ эпохи, когда требованія мнимаго героизма уничтожаютъ въ людяхъ все человѣческое, когда братья приговариваютъ къ смертной казни сестеръ, любовники состоятъ шпіонами при своихъ возлюбленныхъ, повсюду идетъ, не прекращаясь, фантастическій „пиръ во время чумы“, и революціонные боги жаждутъ все новыхъ потоковъ крови...

Таковъ, въ бѣглыхъ чертахъ, эскизъ французской революціи въ послѣдней книгѣ Анатоля Франса.

Если всмотрѣться въ замыселъ романа, можно прійти къ заключенію, что первоначальная задача Анатоля Франса не выходила изъ круга его обычнаго міровоззрѣнія и даже находилась въ преемственной связи съ его прежней философіей. Онъ рѣшилъ выступить въ своемъ новомъ романѣ противъ революціоннаго фана-

тизма, защищая всѣхъ угнетенныхъ, искалѣченныхъ, раздавленныхъ и погибшихъ въ катастрофахъ общественныхъ переворотовъ. Безвинность жертвъ и свирѣпость кажущейся добродѣтели, вотъ что стремился онъ отмѣтить въ хаотическомъ сумбурѣ революціи. Но потому ли, что чисто художественный даръ Франса измѣнилъ ему въ его новой книгѣ, потому ли, что великіе перевороты немыслимо описывать и разбирать съ одной только предвзятой стороны, исключая изъ поля зрѣнія всѣ остальныя безчисленныя грани и формы ихъ,—во всякомъ случаѣ изъ замысла Анатоля Франса получилось нѣчто въ высшей степени тенденціозное и рѣзко антихудожественное. Съ чисто партійной узостью онъ отбрасываетъ отъ событій знаменитой эпохи все, что способно въ ней вдохновлять поэта или прельщать моралиста, и собираетъ вокругъ своихъ якобинцевъ столько мерзости и злодѣйствъ, что герои его превращаются въ какихъ-то мелодрамическихъ манекеновъ, а весь романъ представляется злостной клеветой на одну изъ значительнѣйшихъ эпохъ исторіи.

Слишкомъ велики по своимъ размѣрамъ и количеству нагроможденные здѣсь ужасы и гнусности. Революціонные судьи не только кровожадны, они съ утонченной жестокостью издѣваются надъ своими жертвами.

Одна изъ гражданокъ является къ вліятельному члену конвента съ ходатайствомъ за своего „брата“. Судья неумолимъ. Но слезы просительницы дѣйствуютъ на него, наконецъ, самымъ непредвидѣннымъ образомъ.

„При видѣ слезъ, лицо его измѣнилось. Оно стало багровымъ и громадныя челюсти задвигались, точно жернова. Ротъ наполнился слюной.

— Гражданка, не безпокойтесь. Все будетъ сдѣлано.

И открывъ небольшую дверь, онъ толкнулъ просительницу въ маленькій салонъ, омеблированный, какъ будуаръ кокотки. Жюли была готова на всѣ жертвы, чтобъ спасти своего возлюбленнаго. Но когда она поднялась и стала поправлять свою юбку, то взгляды ихъ встрѣтились и она поняла, что жертва ея была напрасна.

— Вы обѣщали, что моего брата выпустятъ на свободу,—пробормотала она.

Онъ засмѣялся.

— Я тебѣ сказалъ, гражданка, что все будетъ сдѣлано, т.-е., что законъ будетъ примѣненъ, вотъ и все. Я сказалъ, что тебѣ нечего безпокоиться. Это сущая правда. Революціонный трибуналъ—судъ правый“.

Такова одна изъ типичнѣйшихъ сценъ этой революціонной мелодрамы.

Эволюція революціонныхъ настроеній за желѣзной рѣшеткой.

Въ статьѣ „Вульгаризированный индивидуализмъ у насъ и за границей“ („Вюл. № 1) былъ уже отмѣченъ вдумчивый и серьезный очеркъ г. С. въ „Русск. Бог.“, посвященный быту и психологической эволюціи нашего „тюремнаго населенія“ послѣднихъ лѣтъ. *) Окончаніе этого очерка затрагиваетъ оборотную сторону разлагающаго вліянія тюремной рѣшетки. Это—широкая и въ массѣ своей печальная картина „поправѣнія“, подъ которой авторъ очерка разумѣетъ отказъ отъ борьбы, примиреніе съ тѣмъ, противъ чего революціонеръ прежде неудачно боролся. „Поправѣвшій“ примиряется иногда только пассивно, заглушая въ себѣ ненависть и просто воздерживаясь отъ участія въ соціальной и политической борьбѣ а иногда начинаетъ славословить то, что раньше проклиналъ, и предавать проклятію то, за что раньше готовъ былъ умереть. Въ душѣ „поправѣвшаго“ въ концѣ концовъ изсякаетъ самая потребность протеста, потребность движенія впередъ, къ какому бы то ни было идеалу“.

Нечего и говорить, что картина эта типична не только для психологической эволюціи невольниковъ тюрьмы, но и вообще для всей русской жизни современнаго упадочнаго періода. Этимъ никого не увидишь, это—„общее мѣсто“. Но, съ другой стороны, жизнь, время отъ времени, выдвигаетъ на фонѣ этого „общаго мѣста“ такія детали, такіе своеобразные штрихи, которые невольно привлекаютъ къ себѣ вниманіе. Есть эти штрихи и въ картинѣ г. С.

Въ галлереѣ явно „поправѣвшихъ“,—начиная отъ „воплощенія вѣчной покорности—аграрника-крестьянина Гаврилова, озлобленныхъ солдатъ и матросовъ-повстанцевъ и кончая удручающимъ моральнымъ ренегатствомъ рабочаго-интеллигента и замаскированнымъ ренегатствомъ просто интеллигентовъ,—какъ-то одиноко и замѣтно выдѣляется фигура рабочаго Желѣзняка. Молодой, энергичный, умный,—въ тюрьмѣ онъ ревностно занимался естественными науками и математикой.

„Наверстываете?“—спросилъ его однажды г. С.—„Нѣтъ, не наверстываю. Просто на другіе рельсы сталъ“. И вотъ какъ поясниль онъ своему заинтересовавшемуся собесѣднику эту образную мысль:

— Я считаю, что зря потерялъ тѣ годы, когда

*) См. „Русск. Бог.“ №№ 6, 7 и 8. С. „За желѣзной рѣшеткой“. (Рѣчь идетъ по преимуществу о политическихъ заключенныхъ.)

учился только, чтобы для кружка или массовки зарядиться! И книги тѣ не нужны мнѣ были, и знанія тѣ—или вѣрнѣе та поддѣлка подъ науку—все это было для меня лишнее. Эхъ! Если бы мнѣ съ самаго начала правильный путь указали, какъ учиться, сколько бы я уже сдѣлать успѣлъ! А теперь 8 лѣтъ жизни и притомъ лучшіе годы зря пропали.

— Какъ такъ зря?

— Конечно, зря! Что я теперъ знаю? Вотъ только въ тюрьмѣ, какъ слѣдуетъ, грамотно писать выучился и прошелъ кое-что. А на волѣ, что я за эти годы сдѣлалъ, что видѣлъ?

— Мнѣ передавали, что вамъ удавалось дѣлать не меньше, чѣмъ другимъ. А видѣли и пережили мы всѣ достаточно.

Желѣзнякъ скептически улыбнулся:

— Вы все на политику сворачиваете. А я вовсе не объ этомъ. Что мнѣ съ того, что я 5 лѣтъ вмѣстѣ съ другими возился надъ „развитіемъ классоваго самосознанія и сплоченности пролетаріата?“ Вѣдь это—не жизнь. Вѣдь есть что-то выше, значительнѣе, этого. А этого настоящаго я и не замѣтилъ...

— Вы какъ-то туманно выражаетесь. „Выше“, „значительнѣе“, „настоящее“... Что это такое?

— Да сама жизнь, какъ она есть, со всѣмъ тѣмъ, что можно отъ нея взять.

— А развѣ борьба—не жизнь?

— Нѣтъ, только часть жизни! Задворки жизни, необходимое зло! Не больше этого! Я, товарищъ, знаю рабочихъ, знакомъ и съ рабочимъ движеніемъ и со всѣмъ тѣмъ, что вы, какъ соціалъ-демократъ, будете мнѣ о рабочемъ движеніи говорить. И я вотъ что скажу. Борьба для рабочихъ только потому и нужна, что безъ нея рабочій классъ въ цѣломъ не получитъ доступа къ жизни. Наука, литература, искусство, театръ—все для него закрыто. Даже лучшіе уголки земли для него закрыты. Онъ, какъ слѣпой кротъ подъ землею, живетъ. А жизнь нужна ему. Отсюда историческая необходимость борьбы пролетаріата. Я борьбу признаю. Но она—только средство, а жизнь—цѣль. И глупо средство ставить выше цѣли и цѣнить наравнѣ съ цѣлью. Глупо ради чего бы то ни было другого отказаться отъ жизни съ ея красотой!

Желѣзнякъ говорилъ увѣренно и съ воодушевленіемъ, какъ о вещахъ, о которыхъ онъ много думалъ. Я первый разъ встрѣчался съ подобной постановкой вопроса у бывшаго революціонера-рабочаго и потому слушалъ его съ интересомъ.

— Вѣдь я могъ—говорилъ онъ:—прямымъ путемъ, никого не дожидаясь, вступить въ жизнь. А вмѣсто того пошелъ самымъ труднымъ путемъ... жизнь прошла мимо меня, и я не видалъ ея. И сколько рабочихъ сдѣлало ту же ошибку!

— А какъ же должны были бы всѣ они поступить?

— Да мало ли есть путей? Учиться! Черезъ желѣзнодорожное училище, черезъ ремесленную школу, черезъ какое-нибудь штейгерское или электро-техническое училище можно въ люди выйти. А въ крайнемъ случаѣ—просто пошелъ бродяжить, хоть безъ гроша въ карманѣ! Трудно развѣ по образу пѣшаго хожденія всѣ страны исходить, все видѣть, все слышать! Пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ! Пока у насъ будетъ революція, да конституція, да парламентъ, да борьба за соціализмъ, да пока мы до соціализма доберемся — не только насъ самихъ—дѣтей нашихъ въ живыхъ не будетъ, внуковъ нашихъ кости въ землѣ сгніютъ. Значитъ, сколько поколѣній напрасно жизнь свою отдали! Сколько людей, ради какого-то туманнаго будущаго, отъ жизни, отъ настоящаго отказались? А я жить хочу здѣсь, теперь, и ни для кого, ни для чего не откажусь я отъ этого.

— Т. е., вы проповѣдуете погоню за личнымъ мѣщанскимъ благополучіемъ?

— Я не знаю, какъ вы назовете то, что я проповѣдую, но вамъ трудно безпристрастно судить объ этомъ. Вы вѣдь въ какой обстановкѣ выросли? Вы гдѣ только не побывали, чего только не видѣли, прежде чѣмъ революціонеромъ сдѣлались. Наука, искусство, культурная жизнь—все для васъ было открыто, всего вы попробовали. Значитъ, вы отъ жизни все, что могли, получили и, когда насытились, встали изъ-за стола. Вы отъ этого отказались, чтобы больше получить. А мы? Я про себя вамъ скажу. Въ театрѣ я за всю жизнь раза два-три былъ и то на самыхъ дурацкихъ пьесахъ. Въ книжкахъ я снимки съ картинъ знаменитыхъ художниковъ разсматриваю, а картины настоящей никогда не видалъ... Только лубки видѣлъ, да иконы. На берегу моря я никогда не былъ, горъ никогда не видѣлъ настоящихъ. Кромѣ южныхъ трехъ-четырехъ губерній, ничего, какъ есть, не видалъ. Что же изъ жизни я взялъ: дымныя улицы, мастерскія, да наше подполье! Нѣтъ, мало мнѣ этого. Я теперь читаю какую-нибудь книгу—хоть по біологіи, хоть по геологіи или по астрономіи, и прямо до слезъ обидно становится, что прошлые годы не употребилъ я на то, чтобы жить, учиться, пользоваться всѣмъ міромъ. Вѣдь могъ я это сдѣлать, а погнался за призракомъ.

Желѣзнякъ замолчалъ, но за тѣмъ снова заговорилъ:

— Мнѣ не матеріальныхъ жертвъ жалко. Нѣтъ. Я бы съ радостью голодалъ, я босикомъ бы всю Европу исходилъ, чѣмъ угодно добывая себѣ кусокъ хлѣба, только бы видѣть жизнь. Мнѣ жалко безплодно потраченныхъ лѣтъ и силъ своихъ. Вѣдь ихъ не вернешь.

— Значитъ, съ революціей вы навсегда порвали?—спросилъ я Желѣзняка.

— Навсегда. Я уважаю революціонеровъ, какъ честныхъ и искреннихъ людей, уважаю ихъ за ихъ нравственную силу. Но съ вами я не пойду. Для меня вы—слѣпые люди, вы за призракомъ гонитесь, когда достаточно протянуть руку, чтобы взять все, чего хочешь... Впрочемъ васъ обращать въ свою вѣру я не намѣренъ, но и вы меня не агитируйте. У меня свой путь, у васъ—свой. Лучше вы мнѣ здѣсь о силикатахъ объясните: въ геологіи здѣсь что-то запутано изложено...

Переспорить его,—заключаетъ г. С.,—было невозможно. Въ немъ не было стремленія къ мѣщанской сытости или къ чувственнымъ наслажденіямъ жизни, и въ его страстной любви къ жизни, въ его стремленіи все взять отъ нея не было ничего пошлаго, отталкивающаго. Но все же и въ отказѣ Желѣзняка отъ борьбы, въ его желаніи не измѣнить жизнь, а взять ее такой, какова она есть, въ его своеобразномъ индивидуализмѣ мнѣ чуялось дѣйствіе желѣзной рѣшетки".

Рядомъ съ этой несомнѣнно неординарной индивидуальностью, ставшей „на другія рельсы", невольно обращаетъ на себя вниманіе трагическій образъ другой крупной индивидуальности изъ той же галлереи г. С.

„Есть лица, которыя въ тысячной толпѣ бросаются въ глаза, которыя съ перваго же раза врѣзаются въ память, такъ что впослѣдствіи забыть ихъ невозможно. У Матвѣя было такое лицо: блѣдное, продолговатое лицо, обрамленное мягкой свѣтлой бородой, темно-каштановые длинные волосы и глаза необыкновенно красивые, глубокіе, полные какой-то невыразимой нѣжной грусти. Спокойная, ласковая улыбка и эти грустные глаза какъ-то странно противорѣчили грубой тюремной обстановкѣ и царившей въ тюрьмѣ нервной озлобленности.

Матвѣй былъ однимъ изъ видныхъ анархистовъ на югѣ Россіи. За нимъ числилось нѣсколько громкихъ дѣлъ, и среди товарищей онъ пользовался огромнымъ вліяніемъ. Его цѣнили, какъ человѣка необыкновенной нравственной чистоты, какъ вдумчиваго анархиста и какъ дружинника выдающейся смѣлости. Мнѣ казалось страннымъ, чтобы этотъ человѣкъ съ постоянной ласковой улыбкой на устахъ и съ этимъ нѣжнымъ взглядомъ грустныхъ глазъ могъ быть хорошимъ боевикомъ. Но мнѣ разсказали про его дѣла, про его отстрѣлы, и оказалось, что онъ дѣйствительно способенъ былъ биться, какъ левъ.

Я никогда ни раньше, ни позже не встрѣчалъ человѣка, который относился бы къ товарищамъ съ такой добротой и мягкостью, какъ Матвѣй. Онъ умѣлъ какъ-то особенно вліять даже на самыхъ дикихъ и озлобленныхъ людей. И малокультурные экспропріаторы, относившіеся къ политикѣ враждебно и вызывающе, благоговѣли передъ нимъ.

Какъ-то я высказалъ ему свое удивленіе, какъ удается ему ладить съ совершенно дикими, нравственно-неразвитыми людьми. Онъ объяснилъ секретъ своего вліянія.

— Вы, товарищъ, какъ и всѣ, привыкли судить людей, хороши они или плохи. И, какъ судья, вы подходите къ каждому человѣку. А это озлобляетъ человѣка и дѣлаетъ его вашимъ врагомъ, хотя бы вы и ничѣмъ не оскорбили его. Судью всякій невольно ненавидитъ. Но сколько вы ни судите, вы человѣка никогда не поймете. Вы вѣдь не знаете ни того, что онъ думаетъ и чувствуетъ, ни того, какъ сталъ онъ такимъ, какимъ вы его встрѣтили. А я знаю, что никого судить я не въ силахъ и не сужу людей, какъ не сужу цвѣтовъ въ полѣ или облаковъ въ небѣ. Приговоровъ я не выношу никому, а принимаю всѣхъ людей, какъ они есть. Вѣдь хорошее что-нибудь есть въ каждомъ...

Въ бесѣдахъ и спорахъ со своими товарищами-анархистами Матвѣй часто возвращался къ этой темѣ: анархистъ не долженъ быть судьей, не долженъ судить человѣка.

На этой почвѣ у него выходили любопытныя разногласія съ товарищами.

Товарищи его были анархисты-коммунисты направленія заграничнаго органа „Буревѣстникъ" (довольно близкаго къ кропоткинскому ученію). Они признавали терроръ экономическій и политическій, Матвѣй же рѣшительно отрицалъ право анархистовъ прибѣгать къ личному террору.

— Вѣдь прежде, чѣмъ убить инженера, или пристава, или министра, вы обсуждаете его вину, вы судите его, вы выносите свой приговоръ. А судить человѣка анархистъ не можетъ. Судить человѣка—значитъ отрицать его свободу.

Но странно: исходя изъ этихъ положеній, Матвѣй не приходилъ къ отрицанію террора. Онъ признавалъ терроръ, какъ средство борьбы, но только особый и странный терроръ, который подъ названіемъ „безмотивнаго" проповѣдывался въ Россіи „бунтарцами". Проявле-

ніемъ его былъ знаменитый взрывъ въ кофейнѣ Либмана въ Одессѣ.

— Здѣсь вы никого не судите,—защищалъ Матвѣй идею „безмотивнаго“ террора: — Вамъ дѣла нѣтъ до Иванова, Сидорова, Карпова и до того, какіе они люди,—плохіе или хорошіе. Вы боретесь съ буржуазіей вообще, вотъ гдѣ вашъ врагъ. Вы бросаете бомбу въ кофейную, въ толпу на улицѣ, въ театръ, въ вагонъ трамвая, и вамъ дѣла нѣтъ до того, кто попадаетъ подъ ея осколки. Невинные пострадаютъ? Такъ что же? Вѣдь мы не судьи, передъ нами нѣтъ виновныхъ. Всѣ невинные. Развѣ Плеве или Сипягинъ виноваты, что они были такіе, а не другіе? Убивать для анархиста — самое ужасное, но если уже нужно убивать— убивай, закрывши глаза. Какъ молнія убиваетъ, а не такъ, какъ убиваетъ судья и палачъ.

Матвѣй былъ „безмотивникомъ“, т. е. принадлежалъ къ самому крайнему и нелѣпому теченію русскаго анархизма. Но, когда онъ развивалъ свои крайніе взгляды, меня охватывало странное чувство: мнѣ казалось, что этому человѣку легче было бы взойти на костеръ за свои убѣжденія, чѣмъ поднять руки на ближняго, какимъ бы злодѣемъ ни былъ этотъ ближній. И все же, повинуясь велѣнію внутренняго голоса, считая, что это нужно, онъ пойдетъ въ толпу, гдѣ будутъ и старики и дѣти, и твердой рукой, не колеблясь, броситъ бомбу, хотя каждый стонъ раненаго имъ человѣка будетъ для него мучительнѣе смерти.

Въ сужденіяхъ о людяхъ, въ бесѣдахъ Матвѣй обнаруживалъ всегда столько чуткости и оригинальности, что я считалъ его вполнѣ интеллигентнымъ человѣкомъ. Совершенно случайно открылъ я, что во многихъ вопросахъ Матвѣй невѣжественъ, какъ ребенокъ.

Въ тюрьмѣ Матвѣй началъ писать стихи. Эти стихи были неправильны и временами безграмотны. Но было въ этихъ стихахъ столько чувства, столько любви къ міру и столько тихой красоты, что товарищи переписывали ихъ въ тетрадки и заучивали на память.

Въ слѣдственной камерѣ я просидѣлъ вмѣстѣ съ Матвѣемъ нѣсколько мѣсяцевъ. Затѣмъ его взяли изъ камеры, переодѣли въ казенное отрепье и заковали въ кандалы, хотя судъ предстоялъ еще не скоро. Снова встрѣтилъ я его въ коридорѣ уже послѣ перехода въ башню. За то время, пока я его не видалъ, онъ сильно осунулся, исхудалъ. Въ грязномъ сѣромъ бѣльѣ, съ кандалами на ногахъ онъ какъ будто еще рѣзче выдѣлялся изъ окружающей арестанской среды. На губахъ его была прежняя добрая улыбка, а глаза смотрѣли еще печальнѣе.

Я не успѣлъ поговорить съ нимъ, но вечеромъ удалось переправить ему въ камеру маленькую записку. На другой день я получилъ отъ него отвѣтъ, который сильно удивилъ меня.

„Товарищъ, вы спрашиваете, какъ я живу. Плохо, очень плохо, дорогой товарищъ. Меня мучатъ какія-то странныя мысли, которыхъ я раньше не зналъ. Чудится, будто вся земля и эти стѣны вокругъ насъ стонутъ отъ муки, отъ страданій и преступленій, которыми люди наполнили свою жизнь. Особенно ночью, когда заснетъ тюрьма, слышенъ этотъ стонъ. Я слышу его, какъ слышу голосъ человѣка, который говоритъ со мной. Земля ропщетъ. Земля устала и не хочетъ принимать трупы, падающіе на нее. Кровь стоитъ кругомъ лужами. Вотъ, двинешь рукой,—и пальцы уйдутъ въ липкую теплую кровь. Ступишь на землю — и ноги будутъ въ крови. И надъ всѣмъ этимъ хохотъ, какой-то ужасный хохотъ, хохотъ сатаны. Этотъ хохотъ, какъ удары молота, падаетъ въ уши. Надъ нами хохочетъ сатана, надъ нами, которые хотѣли разбить его царство. Товарищъ, дорогой товарищъ! Развѣ вы не слышите этого хохота? „Мое царство вѣчно“, смѣется сатана. „Вы не сломите его, вы только головы свои разобьете объ стѣны, которыми я окружилъ васъ“. Уже тысячи лѣтъ хохочетъ сатана, и кто услышалъ его хохотъ, тотъ, какъ безумный, бросается на него и гибнетъ. И насъ всѣхъ велъ этотъ хохотъ. Насъ обманулъ этотъ хохотъ...“

Меня удивило это письмо, и первая моя мысль была, что писавшій его сошелъ съ ума. Но я вспомнилъ, какъ смотрѣлъ онъ на меня вчера на корридорѣ... Нѣтъ, онъ не сумасшедшій! Вѣроятно, онъ просто выразилъ въ аллегорической формѣ терзающую его тоску. Но что значитъ его слова о хохотѣ сатаны, который велъ и обманулъ насъ? Неужели и онъ палъ духомъ?

Опять переправилъ я ему записку, полную словъ ободренія и дружбы. Черезъ два дня пришелъ отвѣтъ.

„Вы не поняли меня, товарищъ,—писалъ Матвѣй.—Развѣ я жалѣю о томъ пути, который я выбралъ? Нѣтъ, если бы я имѣлъ тысячу жизней, я бы всѣ ихъ прожилъ такъ же, какъ провелъ я свою короткую жизнь, и пусть всѣ они кончаются висѣлицей. Пусть всѣ они будутъ полны муки, но иначе я жить не хочу. И про своихъ погибшихъ друзей я скажу то же... Вѣдь у меня было много друзей, съ которыми у меня все было общее,— и мысли, и чувства. Всѣ они погибли, и я теперь остался одинъ, ожидая своей очереди.

Они должны были погибнуть. Я самъ бы отправилъ ихъ на гибель... Однажды, на дѣлѣ мнѣ пришлось пристрѣлить раненаго товарища, чтобы онъ не попался въ руки враговъ. Онъ самъ просилъ насъ объ этомъ. Но товарищамъ тяжело было сдѣлать это, а я любилъ его, какъ родного брата. Я обнялъ его, поцѣловалъ его въ послѣдній разъ, приложилъ свой маузеръ къ его виску и выстрѣлилъ. Онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза, когда я стрѣлялъ, и сказалъ: „Благодарю“! Но онъ не кончилъ слова. И я смотрѣлъ ему въ глаза и видѣлъ, какъ разлетѣлся его черепъ... Легче бы было умереть сто разъ, чѣмъ сдѣлать это. Но я и теперь бы это сдѣлать. Мы должны были погибнуть всѣ, такъ какъ мы услышали хохотъ сатаны, и онъ звалъ насъ. Но жизнь улучшить мы не могли. Зло въ мірѣ вѣчно, такъ какъ владыка міра—сатана. И онъ вызываетъ людей на борьбу съ собою только для потѣхи. Хохотомъ вызываетъ ихъ впередъ и хохочетъ, когда они гибнутъ. Вѣдь бороться можно двумя оружіями: любовью и насиліемъ. Любовь — это оружіе Христа. А насиліе — оружіе сатаны. И когда мы слышимъ хохотъ сатаны, мы какъ безумные бросаемъ оружіе Христа, какъ безумные хватаемся за оружіе сатаны. А сатана хохочетъ, видя наше безуміе. Мы же съ оружіемъ сатаны бросаемся на владыку міра, на князя насилія и гибнемъ. И тогда опять хохочетъ сатана. И хохотъ его пробуждаетъ новыхъ борцовъ. Лучшіе юноши и дѣвушки идутъ на борьбу и гибнутъ, такъ что земля не успѣваетъ впитывать кровь и принимать трупы. А хохотъ сатаны надъ землею съ каждымъ днемъ становится громче и громче. И скоро онъ заглушитъ всѣ звуки...“

Къ этому хохоту сатаны снова и снова возвращалась его измученная мысль. Повидимому, это была галлюцинація, преслѣдовавшая его.

Онъ еще нѣсколько разъ писалъ мнѣ и въ одномъ изъ писемъ пытался подвести итогъ своимъ измѣнившимся взглядамъ. Къ моему изумленію оказалось, что онъ эволюціонировалъ въ сторону толстовскаго непротивленства:

„Самымъ лѣвымъ революціонеромъ,—писалъ онъ, — былъ Христосъ. И его тактика самая крайняя, самая противоположная тому, что есть. А мы, вмѣсто того, чтобы пользоваться въ борьбѣ его средствами, приняли пріемы борьбы нашихъ враговъ...“

Такимъ образомъ, террористъ - „безмотивникъ“ превратился въ тюрьмѣ въ толстовца-христіанина.

Отчасти его привело къ этому развитіе его стараго правила — не судить человѣка. Но было въ его эволюціи также и нѣчто иное: и для него, сильнаго и смѣлаго, оказалась слишкомъ ужасной борьба съ ея безчисленными безплодными жертвами. Онъ, быть можетъ, не отказался бы отъ борьбы, если бы могъ на свои плечи принять всѣ жестокіе удары ея. Но душа его не выдержала, подъ конецъ, зрѣлища земли, залитой кровью. Нервы не выдержали ежедневныхъ казней и убійствъ. И смѣхъ подгулявшаго надзирателя въ коридорѣ — или, быть можетъ, смѣхъ сошедшаго съ ума смертника въ секреткѣ—смѣхъ надъ трупами породилъ въ немъ рядъ галлюцинацій. Невыносимый ужасъ жизни сломилъ его разумъ, обратилъ его къ мистикѣ и фантасмагоріямъ.

Матнѣя судили за грабежъ, въ которомъ онъ не участвовалъ. На судѣ онъ отказался отъ защиты и сказалъ всего нѣсколько словъ:

— Я не дѣлалъ этого дѣла. И вы это знаете. Но вамъ нужно повѣсить меня, какъ анархиста. Вашъ судъ — только комедія, и участвовать въ ней я не буду. Что хотите сдѣлать со мной, дѣлайте открыто и прямо.

Его, разумѣется, приговорили къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Послѣдній разъ я видѣлъ его въ окнѣ секретки наканунѣ казни. Онъ стоялъ у рѣшетки спокойный, какъ-будто примиренный со всѣми. И когда мы проходили мимо него, онъ смотрѣлъ на насъ своими печальными, ласковыми глазами и тихо намъ улыбался. Я никогда не забуду ни этихъ глазъ, ни этой улыбки“.

Какъ сказывается безвременье въ средѣ русскихъ эмигрантовъ.

Картина эмигрантской жизни (въ частности парижскихъ эмигрантовъ), которую даетъ В. Винниченко въ своемъ послѣднемъ романѣ „На вѣсахъ жизни“,—весьма неприглядна. Соотвѣтствуетъ ли изображеніе дѣйствительности? Намъ уже приходилось отмѣчать недовѣріе критики, склонной видѣть въ этомъ романѣ даже клевету на русскихъ политическихъ эмигрантовъ. Къ такимъ голосамъ присоединяется и Антонъ Крайній—въ августовской книжкѣ „Рус. Мысли“: „Я знаю эмигрантовъ,—заявляетъ онъ въ своей замѣткѣ „Беллетристическія воды“, — всякіе есть; но романъ г. Винниченко мнѣ кажется, если не клеветой на нихъ и на ихъ жизнь, то во всякомъ случаѣ написаннымъ отъ дурного взгляда“.

Но въ той же книжкѣ журнала помѣщено „письмо изъ Франціи“ А. Щепетева, подъ за-

главіемъ: „Русскіе въ Парижѣ“. И то, что констатируетъ этотъ авторъ, во многихъ отношеніяхъ, увы!—совпадаетъ съ „вымысломъ“ писателя-художника.

Въ эмигрантской средѣ г. Щепетевъ различаетъ два основныхъ элемента: собственно революціонеровъ, революціонеровъ-„профессіоналовъ“ и впутавшагося въ революцію обывателя. Начинаетъ авторъ свои наблюденія съ этого послѣдняго.

„Нельзя сказать, чтобы, особенно на первыхъ порахъ, онъ, эмигрантъ-обыватель почувствовалъ себя здѣсь вполнѣ въ своей тарелкѣ. Но „взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ“. И вотъ, чтобы доказать, что онъ дѣйствительно „дюжъ“ и притомъ въ достодолжной степени, онъ началъ забирать въ своемъ революціонизмѣ все выше и выше тономъ (благо начальство здѣсь не запрещаетъ), пока не добрался, наконецъ, съ Божьей помощью до „предѣла, его же не прейдеши“, до геркулесовыхъ столповъ чистѣйшаго анархизма.

Не искушенный въ словесной эквилибристикѣ, не привыкшій съ помощью софизмовъ выдавать видимость революціонизма за его сущность, онъ отъ теоретическихъ положеній тотчасъ же перешелъ къ практическимъ выводамъ. Рѣшивъ разъ навсегда, что „буржуазная республика“ столь же непріемлема для него, какъ и отечественные порядки, онъ призналъ допустимыми и въ ея предѣлахъ всѣ тѣ средства борьбы, которыя примѣнялись имъ на родинѣ. И даже болѣе того. Лишенный въ большинствѣ случаевъ какихъ бы то ни было средствъ къ существованію, кромѣ революціонной филантропіи, безъ языка, часто безъ необходимыхъ здѣсь техническихъ знаній, онъ рѣшилъ не церемониться съ „частной собственностью“ вообще, „со всѣми этими сытыми буржуями“: консьержами, лавочниками, поставщиками и т. п., и въ случаѣ „прижимокъ съ ихъ стороны простонапросто имъ не платить, по счетамъ, предусмотрительно мѣняя въ такихъ случаяхъ районы своего жительства.“

Не церемонится онъ и съ авторитетами.

„По своей наивности обыватель представлялъ себѣ когда-то вождей и руководителей революціоннаго движенія, если не сверхчеловѣками, то все же существами особенными, немножко не отъ міра сего и во всякомъ случаѣ отличными отъ обыкновенныхъ смертныхъ. И когда онъ ихъ увидѣлъ теперь здѣсь вблизи, въ ихъ домашней обстановкѣ, увидѣлъ, что всѣ его кумиры въ концѣ-концовъ такіе же обыватели, какъ и онъ, развѣ въ иномъ лишь масштабѣ; что какъ и всѣ прочіе смертные, они далеко не равнодушны ко многимъ житейскимъ благамъ; что здѣсь за границей они въ концѣ-концовъ живутъ, „какъ всѣ“: хлопочутъ о завтрашнемъ днѣ, обзаводятся квартирками, женятся, плодятъ дѣтей и даже, грѣшнымъ дѣломъ, перекидываются иногда въ картишки,— когда онъ увидѣлъ все это, онъ вознегодовалъ, провозгласилъ кумиры низвергнутыми и объявилъ бунтъ.

Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ дѣло дошло даже до того, что многіе изъ „генераловъ“ были приравнены къ прочимъ „сытымъ буржуямъ“ и подверглись самымъ безцеремоннымъ денежнымъ вымогательствамъ.

— Давай денегъ, а то морду побью, — въ такую недвусмысленно-враждебную форму отлились отношенія между верхами и низами эмиграціи. Правда, формула эта не получала широкаго распространенія, и „крайнее теченіе низовъ“ представилось всего лишь десяткомъ-двумя весьма сомнительныхъ элементовъ, быть можетъ, даже направляемыхъ искусной рукой со стороны, но уже самая возможность ихъ появленія представляла собою фактъ глубоко скандальный и неслыханный въ лѣтописяхъ русской эмиграціи. И дѣло въ концѣ-концовъ не въ самыхъ фактахъ, а въ тенденціи, несомнѣнно живущей въ сознаніи широкихъ слоевъ эмигрантской бѣдноты, слишкомъ осязательно сознающей всю пропасть экономическаго неравенства, которая отдѣляетъ ихъ отъ ихъ богатыхъ или же просто обезпеченныхъ товарищей.

Обнаруживается это обыкновенно на вечерахъ и балахъ, устраиваемыхъ обычно съ благотворительной цѣлью то тою, то другою изъ здѣшнихъ революціонныхъ группъ. Рѣдкій изъ этихъ „баловъ“ обходится безъ скандаловъ и владѣльцы многихъ залъ отказываютъ теперь русскимъ въ помѣщеніи. Скандалы эти устраиваются обычно всюду одними и тѣми же лицами и носятъ приблизительно одинаковый характеръ. Часовъ до 12, пока идетъ концертное отдѣленіе, все проходитъ относительно благопристойно. Но часу такъ въ первомъ, во второмъ ночи вламывается ватага „добрыхъ молодцевъ“ и, само собой, немножко ужъ „на взводѣ“.

— Товарищи, ваши билеты,—уже заранѣе, обезкураженнымъ тономъ пробуютъ остановить ихъ распорядители.

— Мы безработные,—слѣдуетъ недопускающій возраженій отвѣтъ, и такъ какъ считается почему-то несомнѣннымъ, что балъ и есть самое подходящее мѣсто для безработныхъ, то послѣ кратковременныхъ пререканій ихъ пропускаютъ въ залу. Да и нельзя не пропустить, ибо иначе они проложатъ себѣ дорогу „силой“.

— Да, но полиція? — можетъ спросить чи-

татель. Полиція, конечно, весьма радикальное средство, но дѣло въ томъ, что къ услугамъ полиціи даже республиканскіе соціалисты принципіально не прибѣгаютъ, и въ этомъ весь секретъ безнаказанности скандалистовъ. А кромѣ того, они все-таки „товарищи“. Не потому, чтобы они состояли въ какихъ-нибудь партіяхъ,—они уже давно ихъ оставили,—а потому, что они эмигранты, бывшіе революціонеры и безработные.

Впрочемъ, я отвлекся. Вернемся къ нашимъ „добрымъ молодцамъ“. Что они теперь намѣрены дѣлать? Потолкавшись между своими, бросивъ разсѣянный взглядъ на подмостки, на публику, они прямой дорогой отправляются къ буфету.

— Нельзя ли вотъ закусить безработнымъ? У другихъ буржуевъ, небось, деньги, а у насъ ничего. А мы тоже люди, въ тюрьмахъ сидѣли. Кровь проливали...

Въ буфетѣ уже предупреждены насчетъ возможнаго нашествія и снабжены „директивами“.

— Закусить хотите, товарищи? Пожалуйста. Вотъ вамъ бутерброды, чай, апельсины.

— Да вы что, смѣяться, что ли, хотите? Другіе буржуи, небось, шампанское хлещутъ, а для насъ и вина простого жалко. Для кого вечеръ-то устраиваете? Для насъ же, для безработныхъ!...

Въ результатѣ всѣхъ пререканій кто-нибудь изъ этой теплой компаніи завладѣваетъ бутылками, стоящими на стойкѣ, и спасается бѣгствомъ. Его примѣру слѣдуютъ и другіе:

— Чего на нихъ смотрѣть, ребята?!...

Происходитъ комическая сцена. Мародеровъ окружаютъ, уговариваютъ, усовѣщиваютъ, даже упрекаютъ, въ очень легкой формѣ, конечно. Но всѣ попытки обойтись съ ними „по-хорошему“ не приводятъ ни къ чему. Бутылки исправно опустошаются, и компанія оказывается уже на „второмъ взводѣ“. А послѣ этого слѣдуютъ скандалы въ непосредственномъ смыслѣ этого слова, въ формѣ дракъ, пьяныхъ безобразій и т. п. Тяжело ходить на эти „балы“. Такое впечатлѣніе дикости, убожества и мрачной безысходной тоски остается отъ всѣхъ этихъ загнанныхъ, измученныхъ и безкопечно запутавшихся во всемъ людей, по недоразумѣнію попавшихъ въ революцію и бьющихся теперь, какъ рыба объ ледъ, въ чуждыхъ имъ условіяхъ.

А сколько ихъ теперь здѣсь и изъ какихъ только слоевъ они ни вербуются...

Вотъ примѣръ, чрезвычайно краснорѣчивый въ этомъ отношеніи. На квартиру одной очень извѣстной въ Парижѣ революціонной дѣятельницы явилась лѣтомъ молоденькая эмигрантка. Хозяйки квартиры какъ разъ не было въ городѣ, а проживала тамъ временно ея пріятельница. Такъ какъ вновь пріѣзжая оказалась въ самомъ безысходномъ положеніи (безъ мѣста, безъ денегъ) и такъ какъ при ней были рекомендательныя письма, ее пріютили и вообще всячески позаботились о ней. Однако съ перваго же дня она поразила своей крайней неразвитостью и нѣсколько страннымъ выборомъ сюжетовъ для разговоровъ. Такъ, напримѣръ, въ первый же вечеръ по прибытіи она „проситъ позволенія“ у своей хозяйки „посмотрѣть ея тѣло“, затѣмъ освѣдомляется, гдѣ бы можно было найти здѣсь такой домъ... Знаете, для невинныхъ дѣвушекъ... Ей лишь сказали, „что въ Парижѣ такъ легко устроиться“. Затѣмъ, поощренная тономъ доброжелательства, какимъ ей даются благіе совѣты „учиться“, „изучать языкъ“ и т. п., она сообщила нѣсколько интимныхъ подробностей изъ своей біографіи, не оставляющихъ никакого сомнѣнія насчетъ ея общественнаго положенія. Выясняется съ полной очевидностью, что это одно изъ „погибшихъ, но милыхъ созданій“, впутавшееся въ революцію на почвѣ какого-то уголовно-политическаго дѣла и теперь обстоятельно помышляющее о соотвѣтственномъ устройствѣ своей жизни въ Парижѣ. Конечно, „скандалъ въ благородномъ семействѣ“!

А какъ себя чувствуютъ здѣсь, на чужбинѣ, не у дѣлъ сами „профессіоналы“, революціонеры въ настоящемъ смыслѣ слова?

„Плохо, конечно, очень плохо. Если они еще вѣруютъ въ „грядущій подъемъ“ и съ часа на часъ ожидаютъ „девятаго вала“, они приходятъ въ полное отчаяніе, когда даютъ себѣ отчетъ въ упадкѣ энергіи, разочарованіи и даже моральномъ разложеніи самыхъ „передовыхъ кадровъ“. Но эти дѣйствительно вѣрующіе пасчитываются единицами. Подавляющее большинство, это — „разочарованные“ и „потерявшіе надежду“. Одни признаются въ этомъ открыто и рѣшительно устраняются даже отъ самой видимости дѣла, которая здѣсь для многихъ служитъ утѣшеніемъ и оправданіемъ. Другіе же тщательно прячутъ свое маловѣріе и больше всего озабочены, какъ бы чѣмъ не соблазнить единаго отъ „малыхъ сихъ“. Но истинная сущность ихъ оптимизма сама, что называется, лѣзетъ и выпираетъ изъ всѣхъ угловъ ихъ политическаго міровоззрѣнія и для „малыхъ сихъ“ представляетъ, пожалуй, еще большій соблазнъ, чѣмъ прямое признаніе въ своемъ безсиліи.

„Пропала охота, потерянъ вкусъ къ общественной дѣятельности, увлекаюсь теперь музыкой (или живописью, или поэзіей)“ — такъ обычно мотивируется явное уклоненіе отъ обще-

ственно-революціонныхъ дѣлъ. Политика оставлена, а на смѣну ей пришли изящныя искусства. Увлеченіе стало почти всеобщимъ. У однихъ объявились вдругъ голоса, открылись музыкальные таланты. У другихъ оказались „недюжинныя способности къ живописи“. Третьи, наконецъ, занялись стихотворствомъ. Нашлись даже меценаты...

Такимъ образомъ, огромное большинство многочисленной эмигрантской колоніи въ Парижѣ, утомившись „политикой“, иначе говоря, ежедневнымъ безплоднымъ и нуднымъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, заинтересовалось другими областями жизни. Въ какой степени этотъ интересъ диктуется дѣйствительно насущными потребностями и запросами, а не является лишь результатомъ моды, объ этомъ я судить не берусь. Знаю только, что экономическія, политическія и соціологическія темы утеряли даже и для революціонно-эмигрантскихъ круговъ всю свою былую привлекательность и уступили мѣсто вопросамъ эстетики. Вчерашніе антагонисты по вопросу о значеніи экономическаго фактора въ исторіи, объ аграрной программѣ, объ экспропріаціяхъ соединились сегодня въ единодушномъ преклоненіи передъ архаизмомъ въ живописи, модернизмомъ въ литературѣ и т. п. Еще усердные недавно посѣтители „рефератовъ“ и групповыхъ собраній стали теперь завсегдатаями выставокъ Дюранъ-Рюеля или Вертхейма, усердными посѣтителями концертовъ Колонна и разныхъ пріѣзжихъ знаменитостей, наконецъ, прилежными чтецами самоновѣйшихъ русскихъ альманаховъ.

Героемъ дня, такимъ образомъ, въ эмигрантской средѣ вмѣсто вчерашняго „теоретика“ и „организатора“ выступилъ эстетъ. Эстетъ, конечно, типически колоніальный, т.-е. весьма дешеваго сорта и еще болѣе подозрительной марки, но, несомнѣнно, пользующійся успѣхомъ, въ особенности у прекрасной половины русской колоніи, и умѣло устраивающій свои денежныя дѣла при помощи многочисленныхъ займовъ у своихъ адептовъ. Онъ, конечно, имморалистъ, поклонникъ всяческихъ вычурностей и въ любви, и въ искусствѣ, немножко анархистъ (такъ, больше въ философскомъ значеніи), немножко консерваторъ. Правда, въ практической жизни его эстетическія потребности подвергаются слишкомъ большимъ испытаніямъ: его папаша — зажиточный купецъ въ Варшавѣ или въ Лодзи или же мелкопомѣстный дворянинъ нашихъ среднихъ губерній — ограничиваетъ его бюджетъ всего лишь какими-нибудь 50—60-тью рублями, на которые, что называется, не разгуляешься. Но при помощи упомянутой способности пользоваться карманомъ своего ближняго и въ отношеніи разныхъ развлеченій устраиваться на чужой счетъ, онъ въ общемъ благоденствуетъ, тѣмъ болѣе, что весь эстетизмъ пріобрѣтенъ имъ въ концѣ-концовъ „по дешевкѣ“.

Впрочемъ, мода на „эстетовъ“, присяжныхъ „донжуановъ“ и вообще разнаго сорта сверхчеловѣковъ, повидимому, тоже начинаетъ проходить. По крайней мѣрѣ, таково мое личное впечатлѣніе. Все меньше и меньше становится теперь наивныхъ людей, а кромѣ того и жизнь постоянно предъявляетъ свои требованія. Революція окончилась, годы идутъ, и надо же въ концѣ-концовъ подумать объ устройствѣ своей личной жизни. Вѣдь не до старости же жить на 100 франковъ въ мѣсяцъ, а то даже и на меньшую сумму? И вотъ понемногу всѣ начинаютъ „устраиваться“ уже въ самомъ Парижѣ за предѣлами русской колоніи. Одинъ работаетъ въ какой-то конторѣ, другой изучилъ стенографію и дактилографію и получилъ мѣсто въ большомъ коммерческомъ учрежденіи. А вотъ инженеръ, работающій въ качествѣ простого рабочаго на автомобильномъ заводѣ. Одинъ мой знакомый, въ жизни никогда не бравшій въ руки ножницъ и иглы, сдѣлался теперь портнымъ и, кажется, недурно зарабатываетъ. Другой, бывшій студентъ, сдѣлался мѣховщикомъ, а его товарищъ — угольщикомъ. Конечно, мѣсто найти не такъ легко, не легко также и удержаться на немъ, особенно при нашихъ россійскихъ привычкахъ и постоянныхъ попыткахъ демонстрировать „борьбу классовъ“ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Но времена мѣняются. Когда, что называется, „не до жиру, а быть бы живу“, приходится забывать и о „классовой борьбѣ“, и о нравственной обязанности „будить сознаніе“ и т. п. и т. п. Приходится просто-напросто держаться за мѣсто и дорожить репутаціей добросовѣстнаго и аккуратнаго рабочаго. А кромѣ того, дѣйствуетъ, несомнѣнно, и примѣръ. Конечно, русская колонія въ Парижѣ не вошла еще до сихъ поръ во французскую жизнь и держится попрежнему нѣсколько особнякомъ, но даже издали эта французская жизнь дѣйствуетъ на нее, заставляетъ задумываться, а въ концѣ-концовъ приноравливаться и перенимать многое.

На ряду съ этимъ умѣньемъ французовъ жить, умѣньемъ устраиваться даже при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ невольно (и часто слишкомъ рѣзко) бросается въ глаза всяческая бѣдность, убогость, а главное — безпорядочность, даже нелѣпость нашей жизни. „Мы еще не умѣемъ жить, мы не умѣемъ еще достаточно цѣнить нашей жизни, ни ее устраивать“ —таковъ неизбѣжный, хотя и очень горь-

кій, но тѣмъ не менѣе правильный выводъ, который дѣлается русскими въ Парижѣ. „Мы еще слишкомъ слабо пріобщились къ культурѣ,“ — можно еще добавить къ этому.

Итакъ, окружающая атмосфера труда, дѣловитости и непрерывныхъ заботъ объ устройствѣ своей личной жизни начинаетъ оказывать на русскую колонію свое дѣйствіе. Общественныя дѣла свелись къ утомительному и нездоровому переливанію изъ пустого въ порожнее, жизнь „богемы“ — рестораны, кафе, бульвары — тоже понемногу утрачиваетъ свою прелесть, и праздное, бездѣятельное перебиваніе со дня на день начинаетъ томить своей скукой, однообразіемъ и пустотою. И, какъ реакція, повсюду замѣтно теперь стремленіе къ труду, къ упорядоченію и урегулированію своей личной жизни. Далеко не всѣмъ, конечно, это удается, отчасти благодаря слишкомъ ужъ не блестящимъ денежнымъ обстоятельствамъ, отчасти застарѣлымъ дурнымъ привычкамъ, не поддающимся никакому режиму, никакой дисциплинѣ, — но какъ тенденція, какъ „благое намѣреніе“, стремленіе это, повторяю, замѣтно положительно повсюду. Во всякомъ случаѣ налицо имѣются нѣкоторые признаки.

Прежде всего, люди стали дорожить своимъ временемъ. Научились его экономить, распредѣлять, утилизировать наиболѣе выгоднымъ и пріятнымъ образомъ.

Затѣмъ значительно повысилось желаніе учиться. Учиться — не для „саморазвитія“ или „выработки міросозерцанія“, какъ-то было когда-то, а для ближайшихъ практическихъ цѣлей: для лучшаго заработка, для карьеры, — короче для лучшаго устройства своей личной жизни.

Впрочемъ, когда рѣчь идетъ объ учащихся, разумѣютъ обычно студентовъ и студентокъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, сосредоточивающихся по преимуществу на медицинскомъ, словесномъ и отчасти математическомъ факультетахъ. И здѣсь тоже наблюдается интересное явленіе. Революціонно-эмигрантскіе и студенческіе круги не соприкасаются тѣсно между собою, какъ было когда-то. И во всякомъ случаѣ не эмиграція задаетъ тонъ въ случаяхъ этого соприкосновенія. Теперь не неглижируютъ учебными дѣлами изъ-за чисто колоніальныхъ соображеній и рефератовъ, не размышляютъ много надъ вопросомъ о томъ, возможно ли спокойно учиться и работать здѣсь, во Франціи въ то время, какъ на родинѣ и т. д. и т. д. Замѣчается какъ разъ обратное явленіе. Учащійся элементъ русской колоніи воздѣйствуетъ на эмигрантскій, — воздѣйствуетъ не словомъ, не поучительными рѣчами, а живымъ примѣромъ“.

Такъ говоритъ парижскій наблюдатель. Его слова о неумѣніи нашихъ эмигрантовъ жить и устраиваться подъ чужимъ небомъ можно дополнить однороднымъ замѣчаніемъ А. Крайняго изъ вышеупомянутой статьи „Беллетристическія воды“.

„Удивительна душа русскаго писателя, русскаго дѣятеля, вообще русскаго человѣка. Вотъ, попалъ Горькій въ Европу. Бѣда, не спорю; но, вѣдь, Европа не тюрьма и въ Европѣ люди живутъ, отъ нихъ можно чему-нибудь научиться, не забывая Россіи. Нѣтъ, Горькій какъ слѣпой, не видитъ, не слышитъ, не интересуется. Живетъ въ глуши, точно въ ссылкѣ. Напряженно мечтаетъ о Россіи, напряженно пишетъ о Россіи, о русскихъ людяхъ, которыхъ уже не знаетъ. Пишетъ по воспоминанію, по узкимъ догадкамъ, — и фальшиво-призрачны его повѣсти, и жалостно-безатмосферны его романы. Если бы Горькій былъ чистымъ художникомъ, — дѣло, вѣроятно, обстояло бы лучше: но немногимъ лучше. Странное русское свойство — задыхаться безъ Россіи, какъ рыба безъ воды, — близко въ той или другой степени каждому изъ насъ. Странное... и, кажется, печальное свойство. Герценъ, человѣкъ недюжинной силы и, главное, человѣкъ культуры, — даже его изъѣла эмиграція; какое страданіе слышится въ его завѣтѣ: лучше... лучше все, только никогда, ни въ какомъ случаѣ, не дѣлаться эмигрантомъ. А вотъ китайскій вождь революціи двадцать лѣтъ былъ эмигрантомъ, двадцать лѣтъ пробылъ въ Европѣ, а потомъ взялъ да и сдѣлалъ революцію на родинѣ. У насъ же не только общественные дѣятели тотчасъ разѣваютъ ротъ и зарываются въ песокъ, попавъ въ Европу, но и писатели нѣмѣютъ, никнутъ, или несутъ упрямую и ненужную чепуху. Устоя какого-то нѣтъ, и тотъ же Горькій, исповѣдуя человѣчество и соціализмъ въ сердцѣ своемъ, по плоти своей — націоналистъ.

Печально русское свойство растерриваться и гибнуть вдали отъ родины; однако, есть въ немъ, съ другой стороны, и что-то трогательное, милое, глубокое; оно можетъ, *могло бы*, проявляться не слабостью, а силой. То-есть не растерриванье, конечно, а вотъ эта крѣпкая, плотяная связь со своей землей, съ языкомъ, со своимъ народомъ. Тутъ любовь, — а любовь всегда сила, — если только она сознательна, не слѣпой инстинктъ. Растерянные, гибнущіе — не плохи; только по-русски еще слѣпы, неразумны, — воистину некультурны“.

Наблюденія г. Щепетева, конечно, не претендуютъ на исчерпывающую полноту. Онъ говоритъ объ эмигрантахъ, революціонный пылъ

которыхъ смѣнился усиленнымъ интересомъ къ искусству. Но вотъ передъ нами яркій примѣръ метаморфозы совсѣмъ въ иномъ родѣ.

Въ романѣ В. Винниченко — читатель помнитъ—одна изъ героинь жалуется: „Вырвали у насъ кусокъ такъ называемой души, лишили общественной жизни, образовали пустоту на одной сторонѣ, и мы склоняемся въ другую. А такъ какъ природа не любитъ покоя и чрезмѣрнаго отклоненія, то и заполняетъ намъ пустоту,—кому картами, кафе, виномъ, кому любовью, кому Богомъ, кому сатаной“...

Кому—Богомъ... У г. Щепетева этого не показано. Зато изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что, подобно тому какъ на родинѣ революціонный энтузіазмъ у многихъ переплавился въ увлеченіе уже не искусствомъ, модернистическими теченіями, а мистикой и религіозными вопросами,—такъ и въ эмигрантскихъ кругахъ, случается, „заполняютъ пустоту“ чисто религіозныя переживанія. И какъ все здѣсь, въ здѣшнихъ условіяхъ — религіозная „эволюція“ тоже проявляется въ иныхъ случаяхъ необычайно рѣзко, ярко, настолько необычно, что вызываетъ споръ: затменіе ли разсудка это, или озареніе высокой души?..

Мы имѣемъ въ виду Андрея Кузьмина, „президента Красноярской республики“, „графа“, какъ его почему-то называли въ эмигрантской колоніи.

Кузьминъ, проживъ болѣе шести лѣтъ въ Парижѣ, какъ извѣстно, нынѣшней весной вернулся въ Россію и добровольно отдался въ руки властямъ — подъ вліяніемъ овладѣвшаго имъ религіознаго экстаза. Теперь, въ виду предстоящаго суда надъ нимъ, парижскіе корреспонденты нашихъ газетъ познакомили русскую публику съ этой загадочной личностью. Отзывы получились діаметрально противоположные. Во всякомъ случаѣ, личность и судьба Андрея Кузьмина весьма замѣтны на фонѣ современности и должны возбуждать интересъ не въ однихъ только судьяхъ его.

Андрей Кузьминъ—питомецъ кіевскаго политехникума. Въ годы студенчества это былъ нѣсколько сентиментальный, наивный и довѣрчивый юноша. Онъ стоялъ въ сторонѣ отъ студенческихъ кружковъ, общественной жизнью интересовался мало и усердно занимался въ институтѣ. Всѣ, знавшіе Кузьмина, говорили про него: „Вотъ человѣкъ, будущее котораго какъ на ладони: получитъ дипломъ, поступитъ на службу, женится, обзаведется дѣтьми“.

Такъ бы оно, вѣроятно, и случилось. Но тутъ, къ несчастью для Кузьмина, подоспѣла мобилизація запасныхъ, и нежданно-негаданно долговязый и неуклюжій студентъ облачается въ мундиръ прапорщика запаса саперныхъ войскъ.

Манчжурскую кампанію Кузьминъ дѣлаетъ въ составѣ желѣзнодорожнаго батальона. Мягкій сердцемъ, неопытный молодой „запасный интеллигентъ“ (такъ называли въ арміи прапорщиковъ запаса) не избѣжалъ участи многихъ участниковъ послѣдней войны. Наши военныя неудачи, царившій безпорядокъ,—все это дѣйствовало на него удручающе. Въ немъ пробуждались недовольство, неудовлетворенность, тоска. Но недовольство его было чисто-пассивное, и, вѣроятно, самъ Кузьминъ удивился бы, если бы ему въ то время кто-нибудь сказалъ, что онъ станетъ революціонеромъ.

Однако, это случилось. Уже когда пришли на мѣсто, въ Красноярскъ,—событія, совершенно неожиданно для него самого, выдвинули Кузьмина на первый планъ, а революціонная волна вынесла его на свой гребень.

Мягкостью, умѣніемъ войти въ интересы младшихъ Кузьминъ притягивалъ къ себѣ сердца. Два — три теплыхъ слова дѣйствовали порою сильнѣе, чѣмъ самыя зажигательныя рѣчи. Незамѣтно росло вліяніе Кузьмина на окружающихъ, и такъ же незамѣтно и неустанно какая-то скрытая сила выталкивала его на первое мѣсто.

Его избираютъ членомъ гарнизоннаго совѣта. Съ нимъ, съ прапорщикомъ запаса (теперь это кажется, конечно, страннымъ) совѣщаются генералы, начальники частей, губернаторъ, административныя и выборныя городскія власти. Только его, Кузьмина, вліяніемъ сохраняется въ городѣ порядокъ, только благодаря ему въ Красноярскѣ не происходило тогда никакихъ эксцессовъ. Онъ приказываетъ охранять банки, губернатора, думу, ставитъ караулъ даже къ тюрьмѣ. Его ручательство за спокойствіе въ городѣ обезпечиваетъ правильность выборовъ въ новую городскую думу. Городская дума постановляетъ выразить Кузьмину благодарность, сословія ему шлютъ адресы, самъ губернаторъ его благодаритъ. А въ то же время подходитъ карательный отрядъ генерала Меллеръ-Закомельскаго,—и картина рѣзко мѣняется...

Кузьминъ спасается бѣгствомъ. Послѣ тысячи приключеній, онъ попадаетъ въ Парижъ. Но тутъ, съ первыхъ же шаговъ знакомства Кузьмина съ заграницей, его душа отравляется цѣлымъ рядомъ неудачъ и разочарованій. Тогда онъ начинаетъ искать спасенія въ наукѣ. Съ непомѣрными матеріальными затрудненіями ему удается попасть въ Парижѣ въ высшую инженерную школу. Годъ усиленной работы, полуголоднаго существованія... Но все же школа окончена. Съ двумя инженерскими дипломами

въ карманѣ Кузьминъ нѣсколько лѣтъ влачитъ грустное эмигрантское мыканье по мѣстамъ, гдѣ возможно „подработать“, т.-е. недѣлю, другую имѣть работу.

Для Кузьмина началась непрерывная полоса разочарованій, недоразумѣній и всяческихъ невзгодъ. Они тяжелымъ пластомъ ложились на его душу и постепенно совершенно надломили его психику. Его друзья стали замѣчать въ немъ крупную перемѣну. Онъ сталъ очень задумчивъ; его интересовали исключительно религіозныя темы и въ частности, какъ возвысить современную православную церковь. Самоуглубленіе его доходило до того, что у рабочаго станка на французской фабрикѣ Кузьминъ начиналъ проповѣдь по-русски, забывая, что окружающіе его не понимаютъ. Французы, конечно, смѣялись надъ нимъ.

— У французовъ нѣтъ Бога, — рѣшилъ Кузьминъ и отказался окончательно имѣть съ ними дѣла.

Его „мысли вслухъ“, ночныя бдѣнія, безпричинная раздражительность заставили его друзей обратиться къ врачамъ. Заключеніе врачей было весьма рѣшительно и опредѣленно: въ Кузьминѣ уже умеръ нормальный человѣкъ, а взамѣнъ его среди людей вращается субъектъ, „иллюминованный“ разными маніями и, главнымъ образомъ, религіозной. И дѣйствительно, рѣчь его была порывистой, онъ часто останавливался, искалъ словъ и не находилъ.

Болѣзнь обострялась; больного всецѣло охватила идея, что онъ „призванъ“ свершить религіозный подвигъ, что ему необходимо пострадать и освятить страданіями предназначенное ему свыше дѣло.

Убѣдившись, что среди друзей онъ не находитъ сочувствія своему настроенію, и что ему не по силамъ изгнать изъ ихъ душъ дьявола невѣрія, Кузьминъ рѣшилъ возвратиться въ Россію и искать тамъ арену для религіознаго подвига. Передъ отъѣздомъ онъ собралъ своихъ друзей для прощанія. Друзья, зная, что ему угрожаетъ въ случаѣ возвращенія въ Россію, приняли всѣ мѣры, чтобы помѣшать осуществленію намѣренія Кузьмина.

Кузьминъ, казалось, покорился, но, оказалось, не надолго. Онъ обратился въ китайскую миссію съ предложеніемъ отправить его въ Китай въ качествѣ брата милосердія для борьбы съ чумой. Миссія вѣжливо, но рѣшительно отклонила его предложеніе.

Не найдя сочувствія и отклика въ людяхъ, не найдя дѣла, онъ ушелъ въ самого себя, въ свои религіозныя переживанія.

Всѣ его мысли сосредоточились на Богѣ. Ни о чемъ другомъ онъ уже не говорилъ. Кого бы онъ ни встрѣчалъ,—первая его фраза была: „Давайте поговоримъ о Богѣ“.

Онъ началъ искать адептовъ для пропаганды своихъ религіозныхъ идей, неясныхъ, запутанныхъ и таинственныхъ. И, конечно, не находилъ. Онъ сталъ искать „богородицу“, которая пошла бы за нимъ и поддержала бы его ученіе. Религіозныя, мистическія идеи причудливо переплетались въ этомъ ученіи съ странными, порой дикими идеями о половыхъ отношеніяхъ...

„Богородицы“ тоже не находилось, и „графъ“ совершенно отошелъ отъ людей. По цѣлымъ днямъ лежалъ онъ на диванѣ, читая на распѣвъ Евангеліе; ѣлъ мало и то только вегетаріанскую пищу; страшно похудѣлъ; и на костистомъ желтомъ лицѣ лихорадочно горѣли большіе упрямые глаза.

— „Всѣ вы маловѣры“, — съ раздраженіемъ говорилъ онъ рѣдкимъ своимъ посѣтителямъ: — „ну, да ужъ недолго мнѣ быть съ вами, скоро, скоро уйду я отъ васъ; близится мой день“...

Въ апрѣлѣ этого года „графъ“ внезапно исчезъ.

„Иду исполнить волю пославшаго меня“,— такъ мотивировалъ онъ свое бѣгство изъ Парижа единственному товарищу, съ которымъ поддерживалъ еще сношенія.

Въ такомъ свѣтѣ представляютъ намъ бывшаго „президента красноярской республики“ корреспонденты „Рус. Сл“. и „Рѣчи“. Совершенно иначе объясняетъ религіозный подъемъ этого эмигранта въ „Утрѣ Россіи“ Н. Минскій.

Религіозныя разсужденія Кузьмина,—пишетъ онъ, — вращались около одной центральной мысли о томъ, что вѣрить и страдать за вѣру одно и то же. Религіозность безъ подвига, безъ подвижничества казалась Кузьмину пустой игрой ума. Къ Толстому онъ относился съ рѣзкимъ порицаніемъ именно за то, что Толстой за свою долгую жизнь много размышлялъ и писалъ о вѣрѣ, но не страдалъ за вѣру. — „Это — не мученикъ, а мучитель“,—говорилъ онъ, осуждая бѣгство Толстого изъ Ясной Поляны, причинившее его близкимъ столько горя.

Въ первыя свиданія съ Кузьминымъ я спорилъ съ нимъ, возражалъ, что цѣль религіи— приносить не страданія, а послѣднее утѣшеніе въ страданіяхъ, указывалъ на то, что и Христосъ лишь принималъ страданія, но не искалъ ихъ и молился о томъ, чтобы чаша шла мимо. Но вскорѣ я пересталъ спорить съ Кузьминымъ, а только прислушивался къ его словамъ съ удвоеннымъ вниманіемъ. Ясно было, что въ этихъ словахъ сказывается не та или другая мысль, которую можно опровергнуть, а

цѣлый душевный строй, создавшійся давно и глубоко, чуть ли не въ глубинахъ стихійнаго народнаго сознанія. Устами Кузьмина говорила народная совѣсть, которая отождествляетъ религію со страданіями потому, что она отождествляетъ жизнь съ грѣхомъ. Революціонеръ Кузьминъ, слѣдуя за Христомъ, направился на путь отреченій, ведущій къ святости, какъ лѣтъ 15 тому назадъ на этотъ путь неожиданно выбрался декадентъ Александръ Добролюбовъ. И подобно тому, какъ Добролюбовъ былъ признанъ своими близкими психически больнымъ и временно заключенъ въ лечебницу, такъ и интеллигентные друзья Кузьмина не могли не видѣть въ его религіозныхъ переживаніяхъ симптомы религіознаго помѣшательства: идеалъ аскезы не соизмѣримъ съ интеллигентнымъ сознаніемъ. Но можно быть увѣреннымъ, что народъ отнесся бы къ Кузьмину иначе и если бы призналъ въ его исканіяхъ безуміе, то развѣ лишь то, которое „разумнѣе разума“.

Кузьмина нельзя считать раскаявшимся революціонеромъ. Онъ отрекся отъ революціонной дѣятельности не во имя другихъ политическихъ программъ. Онъ отрекся отъ всякой борьбы, отъ всякаго мірского дѣла — во имя одолѣній внутреннихъ и невидимыхъ. Онъ отрекся прежде всего отъ своей воли, и раньше, чѣмъ вернуться въ Россію, отправился на Аѳонъ испросить на этотъ поступокъ благословенія старца. Бесѣда Кузьмина со старцемъ представляется мнѣ крайне патетической. Кузьминъ зналъ, на что онъ идетъ, но и старецъ, выслушавъ его исповѣдь, зналъ, на что его посылаетъ. И тѣмъ не менѣе онъ благословилъ его роковой шагъ, ибо тамъ, гдѣ проснулась жажда внутренняго мира, уже нѣтъ мѣста ни страху, ни укрывательству, ни лжи, ни борьбѣ.

Исповѣдь Азефа.

Нельзя пройти мимо послѣдней статьи В. Бурцева („Matin“), гдѣ онъ, такъ сказать, даетъ отчетъ своей аудиторіи, — а аудиторія этого публициста-историка одна изъ самыхъ многолюдныхъ въ мірѣ: такъ великъ всеобщій интересъ къ задаваемымъ его разоблаченіями психологическимъ загадкамъ, — отчетъ о свиданіи своемъ съ Азефомъ.

Свиданіе ихъ состоялось по иниціативѣ самого Бурцева, получившаго со стороны свѣдѣнія о мѣстонахожденіи Азефа. Письменно предложилъ онъ ему встрѣтиться гдѣ-нибудь лично, съ цѣлью „всесторонне освѣтить истину“, обѣщая полную безопасность. Азефъ предложеніе принялъ и условился предстать передъ Бурцевымъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ „Grand Café Bristol“.

„Въ моментъ моего прихода, — сообщаетъ В. Бурцевъ, — кофейня была переполнена народомъ. Напрасно мои глаза отыскивали того, кого я имѣлъ основаніе считать моимъ самымъ неумолимымъ врагомъ, ненавидѣвшимъ меня насмерть за сдѣланныя мною о немъ разоблаченія.

Но вотъ, въ глубинѣ зала, поднялся изъ-за стола высокій, плотный субъектъ, пристально въ меня всматривающійся.

Я узналъ Азефа, несмотря на произведенныя имъ въ своей внѣшности измѣненія.

Когда я подошелъ къ нему, онъ стоялъ, упершись обѣими руками въ столъ, опустивъ голову и согнувшись, какъ бы желая войти въ землю; его плечи словно давила какая-то неимовѣрная тяжесть.

Послѣ минутнаго стѣснительнаго молчанія,— долженъ ли я упоминать о томъ, что я испытывалъ не только въ эту минуту, но и въ теченіе всего свиданія?—завязалась бесѣда.

— Никто не знаетъ о моемъ путешествіи. Я пріѣхалъ совершенно одинъ, — повторилъ я Азефу уже написанное мною въ письмѣ, чтобы его успокоить.

— Я тоже,—сказалъ онъ,—одинъ здѣсь.

Наши взгляды встрѣтились: его взглядъ избѣгалъ моего; такъ смотритъ затравленный звѣрь.

— Итакъ, поговоримъ... Здѣсь намъ нечего опасаться. Никто насъ не услышитъ и не поймѣтъ.

— Во всякомъ случаѣ,— началъ Азефъ, — я и не могъ явиться сюда иначе, какъ одинъ. Съ той ночи, когда я скрылся изъ Парижа, я не видѣлъ никого ни изъ охранной полиціи, ни изъ партійныхъ дѣятелей. Я часто читалъ въ газетахъ, что меня все еще считаютъ на службѣ въ охранѣ. Ничего подобнаго. Я никогда не возвращался въ Россію. Вы—первый человѣкъ, съ которымъ я встрѣчаюсь, не скрываясь подъ чужимъ именемъ.

Первымъ съ Азефа сорвалъ маску я — и первымъ же я увидѣлъ его безъ маски...

И тотчасъ же Азефъ высказалъ мнѣ на какіе результаты отъ нашей встрѣчи онъ надѣется:

— Во всемъ томъ, что обо мнѣ писалось, меня лично и мою дѣятельность выставляли въ ложномъ свѣтѣ. Я не хочу умирать, пока не будетъ возстановлена истина. Я обязанъ это сдѣлать ради моихъ дѣтей. Они должны знать, кто, на самомъ дѣлѣ, ихъ отецъ...

Когда Азефъ произнесъ слова: „моихъ дѣтей",—его лицо преобразилось, голосъ смягчился и сталъ полнымъ печали

Часто, въ теченіе нашей бесѣды онъ возвращался къ вопросу о своихъ дѣтяхъ, и каждый разъ мнѣ слышались въ его голосѣ сдавленныя, сдержанныя рыданія.

Я понялъ, что этотъ ужасный человѣкъ не думалъ уже ни о чемъ, кромѣ своихъ дѣтей, и ничего, кромѣ нихъ, не видѣлъ въ цѣломъ мірѣ.

— Я хочу,—продолжалъ онъ,— чтобы мои товарищи (Азефъ остановился и поправился), чтобы мои бывшіе товарищи судили меня. Я принесу на нихъ судъ доказательства, подтверждающія мои слова Я никогда не былъ охранникомъ и постоянно презиралъ и ненавидѣлъ всѣхъ, принадлежащихъ къ охранѣ. Все, что я дѣлалъ,—я дѣлалъ во имя революціи. Я совершилъ большую ошибку, бѣжавъ изъ Парижа. Объясненія съ моими товарищами было бы достаточно, чтобы выяснить всѣ детали моего дѣла. Но я не могъ... Мнѣ было нестерпимо стыдно, меня терзали угрызенія совѣсти... Я сознавалъ, что мои руки обагрены кровью...

— Что вы хотите этимъ сказать? — перебилъ я Азефа.

— Вотъ что: въ 1908 году, не имѣя никакого желанія и не придавая этому особаго значенія, я назвалъ генералу Герасимову имя Распутиной. Организованное за нею наблюденіе открыло заговоръ, и она была повѣшена...

Забылъ ли Азефъ, что одновременно съ нею было вздернуто на висѣлицу еще пять революціонеровъ? Онъ ни слова не сказалъ о нихъ, словно ставя себѣ въ вину лишь предательство въ отношеніи одной Распутиной, матери, оставившей двухъ дѣтей.

Однако Азефъ продолжаетъ свой разсказъ, или, вѣрнѣе, свою исповѣдь, которую я слушаю съ томительнымъ, щемящимъ душу чувствомъ. Онъ разсказываетъ мнѣ всю свою жизнь съ давно прошедшихъ лѣтъ, когда онъ еще юношей-студентомъ университета предложилъ полиціи свои услуги за пятьдесятъ рублей жалованья въ мѣсяцъ. Разсказъ невольно заставляетъ его открыть мнѣ цѣлый рядъ совершенныхъ имъ предательствъ, многочисленныхъ и ужасныхъ.

Онъ объяснилъ мнѣ, что приходилось предавать однихъ, чтобы спасать другихъ, что онъ долженъ былъ умышленно проваливать одни заговоры (по преимуществу задуманные не тою партіей, къ которой онъ принадлежалъ), чтобы только успѣшно довести до конца другіе, лично имъ организованные и руководимые, какъ выступленія противъ Плеве, великаго князя Сергѣя Александровича, адмирала Дубасова.

— Полиція,—продолжалъ Азефъ,—слѣпо въ меня вѣрила. И я этимъ пользовался, по большей части играя ею и принося ей въ жертву лишь то, что было невозможно отъ нея замолчать и скрыть.

Наша бесѣда длилась уже болѣе четырехъ часовъ. Я не могъ вести ее долѣе. Мы прервали ее и возобновили затѣмъ, во второй разъ и въ третій — на слѣдующій день. Онъ мнѣ разсказалъ всю свою жизнь—въ его субъективномъ освѣщеніи само собою понятно, но обѣщая въ случаѣ надобности подтвердить свои слова доказательствами.

Для начала, чтобы подтвердить правоту своего заявленія, что онъ уже не находится на службѣ въ полиціи съ того дня, какъ съ него была сорвана маска, Азефъ показалъ мнѣ письма Ратаева, бывшаго начальника русской политической полиціи въ Парижѣ, Герасимова, бывшаго начальника петербургской политической полиціи и другихъ лицъ.

— Я хочу, чтобы меня судили,—повторялъ онъ. — Я этого требую ради моихъ дѣтей. Я заранѣе преклоняюсь передъ приговоромъ, каковъ бы онъ ни былъ. Если это будетъ смертный приговоръ, я его самъ приведу въ исполненіе.

Ранѣе, чѣмъ разстаться со мною, Азефъ признался, что, рѣшаясь на свиданіе, онъ счелъ полезнымъ составить свое завѣщаніе, хотя и не испытывалъ особой боязни передъ встрѣчей со мною.

Это завѣщаніе было мнѣ Азефомъ показано.

Оно начиналось перечисленіемъ условій, при которыхъ онъ обязался со мною встрѣтиться; далѣе слѣдовали распоряженія относительно его дѣтей и имущества.

Это навело меня на мысль въ концѣ нашей бесѣды коснуться вопроса о вознагражденіи Азефа за его услуги русской полиціи.

Онъ началъ съ 50 рублей въ мѣсяцъ, затѣмъ сталъ получать 100 и современемъ дошелъ до 500 и даже до 1000 рублей въ мѣсяцъ.

И пока онъ объ этомъ говорилъ, голова его была низко опущена, глаза смотрѣли въ землю, слова произносились съ трудомъ и цифры девегъ, полученныхъ Азефомъ за предательство, давили его горло. Съ величайшимъ напряженіемъ онъ сдерживалъ заставлявшее его трепетать волненіе и удерживалъ слезы.

2 сентября Бурцевъ получилъ отъ Азефа письмо съ просьбою назначить судъ надъ нимъ.

„Въ составѣ суда,—пишетъ Азефъ,—должны

участвовать мои бывшіе товарищи, знавшіе меня. Желательно, даже необходимо, присутствіе В. Л. Бурцева.

Желательно также присутствіе на судѣ и моей жены, которая передала бы затѣмъ моимъ дѣтямъ свои впечатлѣнія и воспоминанія.

Я безусловно подчинюсь всякому приговору суда, вплоть до смертной казни, и только ставлю одно условіемъ: судъ долженъ объявить мнѣ приговоръ, а я уже самъ приведу его въ исполненіе въ теченіе 24 часовъ съ момента объявленія приговора. Это время неоходимо мнѣ для предсмертныхъ распоряженій, а также для свиданія съ дѣтьми, если только свиданіе это разрѣшитъ моя жена.

Если предложеніе о судѣ надо мной будетъ принято, центральный комитетъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ долженъ объявить объ этомъ въ „Matin“. Я тотчасъ же прибуду въ Парижъ, о чемъ и сообщу В. Л. Бурцеву.

Подробные протоколы засѣданій суда должны быть опубликованы немедленно по приведеніи приговора въ исполненіи.

Въ теченіе 24 часовъ между приговоромъ и приведеніемъ его въ исполненіе я прошу меня держать взаперти во избѣжаніе побѣга.

Приговоръ долженъ быть опубликованъ за подписями всѣхъ судившихъ меня и В. Л. Бурцева.

Отвѣта на это мое предложеніе я буду ждать до 3-го декабря 1912 года. Если до этого срока судъ не состоится, я буду считать себя свободнымъ отъ настоящаго предложенія“.

О бракѣ.

Образовавшееся въ прошломъ году „Международное Общество защиты материнства и сексуальной реформы“ обратилось съ новымъ воззваніемъ „къ женщинамъ и мужчинамъ всѣхъ культурныхъ странъ“, подъ которымъ фигурируютъ подписи извѣстныхъ ученыхъ, писателей, феминистокъ, политическихъ дѣятелей и т. п.

„Половая жизнь современности, — говорится въ воззваніи, — изобилуетъ явленіями, которыя тормозятъ прогрессъ, наносятъ непоправимый вредъ совершенствованію человѣчества и стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи не только съ блестящей показной стороной нашей культуры, но, какъ говоритъ наука, подрываютъ и самыя условія нашего развитія.

Половая жизнь во всѣхъ классахъ общества стоитъ подъ знакомъ проституціи. Купля-продажа „любви“ — господствующая форма половыхъ отношеній. Любовь загрязнена неразлучными съ нею венерическими болѣзнями, которыя разрушаютъ мозгъ народа и дѣлаютъ бракъ неспособнымъ выполнять высшее свое назначеніе — служить продолженію рода. Мы же лицемѣрно скрываемъ, какую огромную власть имѣетъ надъ нами половое влеченіе, волнующее нашу кровь, и противоставляемъ всѣмъ губительнымъ послѣдствіямъ половой распущенности систему замалчиванія, расчищая тѣмъ почву для широкаго распространенія въ обществѣ всяческихъ половыхъ эксцессовъ.

На главной аренѣ дѣйствія полового подбора, при заключеніи браковъ, пагубная зависимость „любви“ отъ „денегъ“, роковая связь между влеченіемъ сердца и экономическими интересами вредно отражается на здоровьѣ и жизнеспособности потомства.

Въ нашемъ обществѣ достоинство брака, настоящаго моногамнаго супружества, союза по свободному соглашенію, этой идеальной формы половыхъ отношеній, оцѣнивается не съ точки зрѣнія его истинной живой сущности, характера взаимоотношеній супруговъ, ихъ личныхъ свойствъ и готовности нести отвѣтственность, налагаемую бракомъ, а исключительно съ точки зрѣнія устойчивости его внѣшней, формальной стороны. Въ основу брака положенъ сковывающій его мертвый принципъ нерасторжимости. Брачные союзы, несчастливые по большей части, ведутъ къ супружеской невѣрности, къ измѣнѣ долгу на дѣлѣ или, еще чаще, въ мысляхъ. Къ тому же, соціальныя и экономическія условія, которыми въ нашемъ обществѣ обставлено вступленіе въ бракъ, и уродливыя законодательныя постановленія обрекаютъ многія тысячи мужчинъ и женщинъ на безбрачіе въ ихъ лучшіе годы и лишаютъ ихъ радостей жизни и надежды на потомство. Такимъ образомъ современный бракъ, вмѣсто того чтобы способствовать прогрессу, только задерживаетъ его.

Благодаря браку, существуютъ внѣбрачныя отношенія, вслѣдствіе чего они подвергаются преслѣдованію. И преслѣдованія эти направлены не противъ мужчинъ. Мужчина создалъ для себя двойную мораль. И во имя этой морали незамужняя мать изгоняется изъ общества, незаконный ребенокъ встрѣчаетъ презрѣніе и лишается правъ; все это гибельно отражается не только на матери ребенка, но и на всемъ обществѣ, обрекающемъ на погибель и вырожденіе самую цѣнную свою часть — нарождающееся поколѣніе.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ вмѣшательство частной благотворительности оказываетъ существенную помощь пасынкамъ общества; но такой помощи недостаточно. Вредныя послѣдствія по-

ловыхъ эксцессовъ могутъ быть предотвращены лишь при условіи искорененія ихъ причинъ, т.-е. путемъ пересозданія нравственныхъ воззрѣній и установленія цѣлесообразныхъ законодательныхъ мѣропріятій.

Обществу предстоитъ совершить огромную работу въ области охраны материнства и реформированія обычаевъ половой жизни. Чтобы объединить всѣ силы, стремящіяся къ этимъ цѣлямъ, въ Дрезденѣ 30 сентября 1911 года основался „Международный союзъ для охраны материнства и реформированія половой морали“.

Считая, что стремленіе къ оздоровленію половыхъ отношеній и усовершенствованію человѣческой расы не встрѣчаетъ для себя преградъ въ національныхъ и территоріальныхъ границахъ, нашъ союзъ зоветъ подъ свои знамена всѣ общества, союзы, кружки всѣхъ культурныхъ странъ, а также отдѣльныхъ лицъ, мужчинъ и женщинъ, желающихъ работать на указанномъ нами поприщѣ.

Борясь съ язвами современной общественной жизни, будя въ современномъ поколѣніи сознаніе своей отвѣтственности передъ потомствомъ, мы протягиваемъ руку будущему. Добро пожаловать всѣмъ, кто хочетъ рядомъ съ нами бороться за существованіе этихъ великихъ цѣлей!

Съ тѣмъ, что здѣсь читаемъ мы о современномъ бракѣ, любопытно сопоставить статью И. Безобразова, тоже недавно появившуюся въ („Од. Л.“),—„Идея брака“. Мысли, высказанныя одесскимъ журналистомъ, лишній разъ показываютъ, какая эта запутанная, головоломная проблема — половая проблема, какъ много нантрудвѣйшихъ вопросовъ таитъ она въ себѣ и какую по истинѣ „огромную работу предстоитъ совершить“ названному Обществу „въ области реформированія половой морали“, если не оставаливаться на полпути, на компромиссахъ и палліативахъ.

Ко мнѣ,—разсказываетъ г. Безобразовъ,—зашла моя старая знакомая Александра Петровна.

Она пришла за совѣтомъ. Посовѣтоваться относительно сына.

Я,—объясняетъ авторъ,—хорошо знаю сына Александры Петровны Никиту, т.-е. думаю, что знаю. Никита оставленъ при университетѣ; онъ занимается исторіей искусства, онъ въ противоположность многимъ ученымъ удивительно чувствуетъ красоту формы и красокъ. Увлекаясь картинами и статуями, прошелъ онъ чистымъ мимо живой женщины. Онъ много живетъ воображеніемъ и мечтаетъ о созданіи новой Венеры, которая совмѣщала-бы чувственность греческой Аѳродиты, съ духовностью будущей, еще не явившейся, Евы. Никита очень любитъ свою мать и всегда находится подъ ея благодѣтельнымъ вліяніемъ.

— Такъ вотъ,— продолжала Александра Петровна,— вы слышали, что было съ моимъ Никитушкой?

— Да, мнѣ разсказывали; онъ заболѣлъ нервнымъ разстройствомъ. Явленіе самое обыкновенное въ наше время.

— Я очень встревожилась. Доктора посовѣтовали мнѣ помѣстить его въ санаторію. Въ самомъ дѣлѣ, дома его не убережешь отъ него самого. Мы всѣ ведемъ самый антигигіеническій образъ жизни; уже одно то, что ложимся спать въ два часа ночи и работаемъ залномъ по 12 часовъ подъ-рядъ. Теперь Никита вышелъ изъ санаторіи и вполнѣ здоровъ. Только врачъ предупредилъ меня, что съ нимъ можетъ случится рецидивъ и что необходимо принять всякія мѣры предосторожности.

— Догадываюсь, вашъ сынъ все еще остается невинной дѣвушкой?

— Да, но счастью, я сумѣла удержать его отъ обычнаго разврата.

— И теперь хотите женить его?

— Вы угадали мою мысль.

— А онъ сопротивляется?

— До извѣстной степени. Я нашла очень симпатичную молодую дѣвушку, т.-е. я не искала ея, а только теперь стала поддерживать ее. Елена Никифоровна влюбилась въ Никиту. Она очень хорошенькая.

Александра Петровна посмотрѣла на меня испытующимъ взглядомъ, разсчитывая встрѣтить одобреніе. Я не люблю вмѣшиваться въ чужую жизнь и мнѣ не хотѣлось давать совѣтъ въ дѣлѣ, исходъ котораго предугадать невозможно.

— Вы какъ будто мнѣ не сочувствуете?— спросила удивленнымъ тономъ Александра Петровна.— Развѣ вы измѣнили свое мнѣніе? Вы тоже доказывали, что юноша наравнѣ съ молодой дѣвушкой долженъ хранить свою невинность до брака.

— Я отъ этого не отказался. Таковъ идеалъ. Но вотъ теперь вы хотите женить Никиту съ гигіенической цѣлью. Это меня очень огорчаетъ. Вы женщина, несомнѣнно, передовая, вы здравомыслящая феминистка и вдругъ вы извращаете идею брака.

— Для меня не совсѣмъ ясно, что вы хотите сказать. Развѣ бракъ имѣетъ свою собственную идею?

— Въ практической жизни не имѣетъ, но долженъ имѣть. Вы совершенно со мной согласны, что руководствоваться надо идеаломъ, хотя-бы и недостижимымъ въ настоящую минуту.

Брачная пара должна осуществлять идею брака, тогда только становится она парой людей, а не двумя индивидуальностями. Одинъ и одинъ всегда два, но далеко не всегда пара. За то одна идея и еще одна идея, сложенныя вмѣстѣ, должны составлять одну идею, а никакъ не двѣ. Бѣда заключается въ томъ, что въ большинствѣ случаевъ нечего складывать, ни тутъ, ни тамъ нѣтъ ни малѣйшаго признака идеи. Поясню вамъ свою мысль яснѣе. Каждый человѣкъ долженъ осуществлять въ жизни извѣстную идею. Геніальнѣйшій философъ, когда-либо существовавшій въ мірѣ, Платонъ, училъ, что существенное содержаніе каждой вещи заключается въ идеѣ, а внѣшняя форма — явленіе второстепенное, соотвѣтствующее идеѣ. Къ сожалѣнію, человѣчество до этого еще не дошло. Люди живутъ случайно, не понимая, какая въ нихъ вложена идея, не стараясь уяснить самимъ себѣ свою собственную идею. Одинъ торгуетъ, потому что папаша оставилъ ему капиталъ, другой становится священникомъ, потому что отецъ отдалъ его въ духовную семинарію, третій поступаетъ на государственную службу, потому что такъ дѣлали всѣ его предки и ничего лучшаго онъ выдумать не можетъ. Всѣ производятъ по принужденію какую-то работу, которой очень мало интересуются. Подъ принужденіемъ я разумѣю нужду въ деньгахъ или желаніе возвыситься надъ другими, сдѣлать карьеру, т.-е. въ концѣ-концовъ тоже получить болѣе высокій окладъ. Если-бы не нужны были деньги, нѣкоторые люди по прирожденной лѣни предавались-бы абсолютному покою, болѣе дѣятельные придумывали-бы себѣ какія-нибудь занятія, но совсѣмъ другія, чѣмъ теперь. Если присмотрѣться къ дѣятельности людей—и пролетарской массы, и интеллигенціи, мы увидимъ, что они ремесленники.

— А люди должны были-бы быть художниками, не такъ-ли? — прервала меня Александра Петровна.

— Вотъ именно художниками. Искусство имѣетъ идею. Ремесло—это бездушный механизмъ. Много пишутъ о реформѣ брака, но, по моему, начинаютъ съ конца, а не съ начала. Сколько не толкуй, нужно-ли вѣнчаться или не нужно, дѣло отъ этого не мѣняется. Представители обоего пола все-таки будутъ соединяться, и какъ-бы мы ни называли это соединеніе—бракомъ или свободнымъ союзомъ, внутреннее содержаніе любовной связи отъ этого не мѣняется.

— Совершенно вѣрно. Сами-же вы говорите, почему-же вы не хотите, чтобы сынъ мой женился?

— Погодите, Александра Петровна, я не договорилъ. Реформу брака надо начинать съ начала. Каждый человѣкъ долженъ не механически исполнять нѣкоторыя дѣйствія, а носить въ себѣ извѣстную идею и стремиться къ ея осуществленію. На такой основѣ и бракъ будетъ представляться въ иномъ видѣ. Мужчина будетъ соединяться съ женщиной не потому, что они одарены взаимнымъ природнымъ влеченіемъ, не потому, что одинъ хочетъ жить на счетъ другого, не потому, что ему нужна хозяйка, а ей — покровитель. Нѣтъ, вовсе не потому. Идея индивидуума мужского пола будетъ притягиваться идеей женской особи и будетъ происходить слияніе идей. Двѣ однородныя идеи отъ слиянія станутъ плодотворнѣе и сильнѣе, но все-же, превратятся въ одну идею. Такимъ образомъ, идея брака заключается въ соединеніи двухъ индивидуальностей, исполняющихъ одинаковое въ жизни назначеніе и по духу вполнѣ однородныхъ.

— Вы говорите: будетъ. Вы увѣрены, что такое великолѣпіе дѣйствительно наступитъ? — спросила Александра Петровна.

— Если человѣчество способно къ усовершенствованію, да. Но не надо обманываться; нравственный прогрессъ идетъ чрезвычайно медленно. И внукамъ нашимъ, и правнукамъ будетъ еще очень далеко отъ идеала...

— Отъ этого все-таки не легче намъ, живущимъ теперь,—замѣтила со вздохомъ Александра Петровна.

— Никто не говорилъ, что жизнь человѣческая должна быть легка, и ни въ какую философію, кромѣ эпикурейской, это не входитъ. Все-же, если относиться съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ тому, что произойдетъ черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ, мы до пояса погрязнемъ въ стоячемъ болотѣ. Мнѣ кажется, что всѣ наши поступки мы должны соизмѣрять съ отдаленнымъ идеаломъ, дѣлая нѣкоторыя уступки нашему теперешнему несовершенству. Хотя мы еще очень далеки отъ идеи брака, все-же случается, что въ супружествѣ объединены общіе интересы. Всего ближе подходятъ къ этому крестьяне. Это особенно замѣтно въ патріархальныхъ деревняхъ, питающихся исключительно землей. Мужъ и жена дѣлаютъ одну и ту-же работу, ихъ интересуетъ больше всего состояніе полей и урожай. Вы можете возразить мнѣ, что въ крестьянской избѣ на первомъ планѣ стоятъ матеріальные интересы и физическіе аппетиты. Не спорю, за то брачная пара находится въ равновѣсіи и у нея могутъ быть даже нѣкоторыя идеалистическія стремленія, напр., вѣра въ Бога. Баба страдаетъ отъ грубости мужа, но при смягченіи нравовъ она очень скоро избавится отъ этого страданія.

Въ интеллигентной средѣ такого равновѣсія почти не бываетъ. Мужъ смотритъ въ одну сторону, жена въ другую. Развѣ при этихъ условіяхъ спальня можетъ объединять? Напротивъ, она вноситъ много горечи въ женскую жизнь.

— Во всякой квартирѣ имѣется все-таки спальня. Я убѣдилась, что мой Никитушка не можетъ прожить однимъ созерцаніемъ мраморныхъ статуй.

— Вы ослѣплены материнскою любовью, оттого вы готовы пожертвовать самыми завѣтными своими мыслями. Не забывайте, что эротическій моментъ не можетъ быть цѣлью брака, хотя-бы потому, что онъ только моментъ и не отличается длительностью. Всю жизнь тянется идея и даже старость не въ силахъ сокрушить ее. За идеей должна слѣдовать эротика.

— Все, что вы говорите вѣрно, вѣрно въ теоріи. А на практикѣ моему сыну грозитъ сумасшедшій домъ.

— Постарайтесь предотвратить эту опасность. Но не жертвуйте для этого живымъ человѣкомъ, не губите идею брака. Внушите ему, что для излеченія болѣзни всѣ средства хороши. Пусть принесетъ онъ въ жертву тѣло и сохранитъ свой духъ здравымъ и бодрымъ. Для неизбѣжнаго жертвоприношенія найдется и мимолетная жрица.

Неврастенія и ея причины.

Обозрѣватель научныхъ новостей въ „Бирж. Вѣд.“, нѣкто Синусъ, даетъ не лишенныя интереса свѣдѣнія о неврастеніи, этой „модной болѣзни“ нашего вѣка, которая послѣ склероза является самой распространенной среди привилегированныхъ классовъ. Кто только не боленъ ею, гдѣ только о ней не говорятъ, чего только на нее не сваливаютъ. А между тѣмъ, на вопросъ, что такое неврастенія, даже медики не даютъ точнаго отвѣта.

Вотъ, напримѣръ, какъ пространно опредѣляетъ ее проф. Дельбэ (Delbet) въ своей новѣйшей работѣ, напечатанной въ „Revue de Paris“.

„Неврастенія характеризируется, главнымъ образомъ, апатіей, грустью. Неврастеникъ всегда чувствуетъ усталость. Чувство это, угнетающее его, даетъ себя знать въ особенности по утрамъ. Мускульный трудъ требуетъ съ его стороны усилія, не соотвѣтствующаго результатамъ. Воля его безсильна. Умственный трудъ — еще тяжелѣе для него. Если ему и удается сосредочить на чемъ-нибудь свое вниманіе, то развѣ на нѣсколько минутъ. Ведя бесѣду, онъ не въ состояніи собрать аргументы, а тѣмъ болѣе — извлечь ихъ. Рѣшивъ поступить такъ-то, онъ тотчасъ же жалѣетъ, что не рѣшилъ поступить иначе. Факты не производятъ на него надлежащаго впечатлѣнія, не оставляютъ на немъ соотвѣтствующаго слѣда. Онъ не увѣренъ ни въ томъ, что онъ видитъ, ни въ томъ, что онъ дѣлаетъ. Онъ во всемъ сомнѣвается. Спускаясь, напримѣръ, по лѣстницѣ (примѣръ характерный), онъ спрашиваетъ себя, заперъ-ли онъ дверь на ключъ. Сначала этотъ вопросъ даже удивляетъ его. Такъ какъ двери онъ заперъ, то онъ продолжаетъ спускаться. Но неувѣренность его все возрастаетъ и, уже спустившись внизъ, онъ возвращается, чтобы убѣдиться, дѣйствительно-ли дверь заперта. Одинъ извѣстный парижскій врачъ, впавъ въ неврастеническое состояніе, звонилъ среди ночи къ своимъ паціентамъ, чтобы убѣдиться, не прописалъ-ли онъ лекарства въ ядовитыхъ дозахъ“.

Не довольствуясь этимъ пространнымъ опредѣленіемъ, Дельбэ добавляетъ, что неврастенію не слѣдуетъ смѣшивать съ истеріей. Разница — существенная. Неврастеникъ сознаетъ свое состояніе, можетъ быть, ухудшаетъ его этимъ сознаніемъ, тогда какъ истерикъ (истеричка) выдумываетъ. Тѣ внушеніе и самовнушеніе, которыя играютъ такую большую роль при истеріи, почти не имѣютъ значенія при неврастеніи, связанной неизмѣнно съ апатіей и потому именно такъ трудно поддающейся вліянію. Страдающій истеріей — творецъ своей болѣзни; страдающій неврастеніей — жертва ея.

Переходя къ причинамъ, создающимъ въ наше время такое большое количество неврастениковъ, приходится искать ихъ прежде всего въ переутомленіи — физическомъ, умственномъ и нравственномъ, связанномъ самымъ тѣснымъ образомъ съ необыкновеннымъ техническимъ прогрессомъ нашей эпохи. Вотъ уже три четверти вѣка, какъ люди сдѣлались слишкомъ могущественными. У нихъ не хватаетъ времени приспособляться къ перемѣнамъ, ими же созданнымъ.

Когда-то наука отличалась почти исключительно теоретическимъ характеромъ и широкаго практическаго значенія, во всякомъ случаѣ, не имѣла. Пользовались силою вѣтра, воды, и это — все. Примѣненіе пара открыло новую эру. Законъ сохраненія энергіи явился своего рода откровеніемъ. Люди научились превращать теплоту въ движеніе, движеніе — въ электричество. Наконецъ, они стали сноситься на огромныхъ разстояніяхъ безъ помощи проводовъ.

Всѣ эти чудесныя открытія кореннымъ образомъ измѣнили человѣческую жизнь. Мы не можемъ оказывать вліянія на время и пространство; первое протекаетъ все съ тою же правильностью, пространство осталось все тѣмъ же. А между тѣмъ, для насъ и то, и другое, относительно говоря, измѣнились. Средняя продолжительность жизни, можетъ быть, уменьшилась. Но, если принять во вниманіе, что за тотъ же промежутокъ времени мы теперь можемъ сдѣлать гораздо больше, чѣмъ люди прежнихъ временъ, то получится, что жизнь, въ сущности, удлинилась. Путешествія, отнимавшія нѣсколько дней, совершаются теперь въ нѣсколько часовъ. Дѣла, требовавшія сложныхъ переговоровъ и переписки въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, заканчиваются теперь въ теченіе нѣсколькихъ минутъ по телефону.

Но всѣ эти побѣды надъ временемъ и пространствомъ имѣютъ обратную сторону. Когда-то извѣстія изъ Индіи или Китая приходили въ Европу черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда они представляли уже собою прошедшее. Теперь они доходятъ къ намъ въ тотъ же день, еще въ трепетномъ, такъ сказать, состояніи, нерѣдко въ состояніи незаконченности, почему они и волнуютъ насъ несравненно больше, чѣмъ волновали человѣчество прежнихъ временъ. Помимо того, каждое крупное событіе, на какой бы точкѣ земного шара оно ни совершалось, почти моментально отзывается повсюду. Катастрофы, войны, столкновенія, приготовленія къ войнѣ лихорадочно настраиваютъ и волнуютъ насъ, какъ бы далеки отъ насъ они ни были. Каждый день приноситъ новость, нарушающую нашъ покой. И все это до времени утомляетъ нашу нервную систему.

Къ этимъ общимъ причинамъ присоединяются и спеціальныя. Требованія къ жизни растутъ, а жизнь становится все труднѣе. На каждомъ шагу — недовольные судьбой, считающіе, что на жизненномъ пиру они обдѣлены, что они по своимъ способностямъ имѣютъ право на лучшую долю.

Значительное вліяніе въ наше время имѣетъ также политическая и соціальная борьба, неизбѣжно связанная съ пораженіями и разочарованіями. Одинъ русскій говорилъ профессору Дельбэ: „Съ крушеніемъ нашихъ надеждъ въ 1906 г. мы впали въ неврастенію и предались алкоголизму“. О другомъ нашемъ соотечественникѣ, попавшемъ въ Сибирь, профессору Дельбэ разсказали слѣдующее:

Ему удалось бѣжать. Путемъ чрезвычайныхъ усилій онъ добрался до одной изъ китайскихъ гаваней. Здѣсь онъ нанялся матросомъ на корабль, отправлявшійся въ Америку. По Соединеннымъ Штатамъ онъ проѣхалъ, какъ желѣзнодорожный служащій. Затѣмъ нанялся матросомъ на другой корабль, на которомъ добрался до Гавра. Наконецъ, онъ попалъ въ Парижъ, откуда далъ знать о себѣ роднымъ, людямъ со средствами. Но на этомъ усиліе его воли, достигшее высшаго напряженія, рушится. Онъ впадаетъ въ глубочайшую меланхолію и, въ припадкѣ отчаянія, кончаетъ самоубійствомъ.

Дельбэ считаетъ этотъ случай яркимъ примѣромъ современной неврастеніи, вызванной политическимъ разочарованіемъ, крушеніемъ политическихъ надеждъ.

Немало способствуетъ неврастеніи и ночная жизнь, которую ведетъ въ городахъ современное человѣчество. Мы сами лишаемъ себя солнца, свѣта, лучей — этихъ могучихъ источниковъ и возбудителей жизни. Лучшее доказательство, насколько они намъ необходимы,— лѣченіе свѣтомъ, оказывающее такое благодѣтельное дѣйствіе на людей съ расшатаннымъ организмомъ. Очевидно, что въ дневной атмосферѣ содержатся элементы, имѣющіе для живой матеріи важное значеніе.

Наконецъ, извѣстную роль въ современной неврастеніи играютъ: распространившаяся фальсификація продуктовъ и разрушительное дѣйствіе микробовъ, тѣсно связанное съ нашимъ образомъ жизни, скученность построекъ, продолжительное пребываніе въ закрытыхъ помѣщеніяхъ и т. п.

Изъ области первичныхъ причинъ неврастеніи, изъ области нравственныхъ причинъ переходимъ теперь въ область физическихъ.

Принято думать, что сильныя боли, какого бы характера онѣ ни были, вызываютъ неврастенію. Дельбэ несогласенъ съ этимъ и приводитъ въ примѣръ невралгію, мучительныя боли которой вызываютъ сильное возбужденное состояніе, какъ разъ противоположное неврастеніи.

Но зато разстройства внутреннихъ органовъ, въ особенности желудочныхъ, безспорно сопровождаются, какъ слѣдствіемъ, неврастеніей. Въ медицинѣ существуетъ теченіе, по которому, какъ разъ наоборотъ, неврастенія вызываетъ желудочныя разстройства. Дельбэ — не сторонникъ этого теченія. Нельзя отрицать, конечно, связи нервной системы съ желудкомъ. Извѣстны случаи, когда мысль о какой-нибудь непріятной пищѣ вызываетъ рвоту. Но это случаи исключительные. Зато медицинѣ извѣстна цѣлая область явленій, гдѣ желудочныя пораженія и язвы сопровождаются всѣми характерными признаками неврастеніи. И Дельбэ, хирургъ по спеціальности, приводитъ рядъ примѣровъ, когда неврастениковъ лѣчили отъ нервовъ, а,

въ концѣ концовъ, оказывалось, что причина ихъ неврастеніи — разстройство въ органахъ пищеваренія. И какъ только разстройство это становилось предметомъ надлежащаго лѣченія, неврастенія проходила.

Въ доказательство, насколько важенъ въ данномъ случаѣ правильный діагнозъ, Дельбэ приводитъ слѣдующій случай. У парижскаго хирурга Костэня (Castaigne) была паціентка, очень нервная, у которой онъ опредѣлилъ язву въ желудкѣ. Соотвѣтственно тому ей назначенъ былъ строгій режимъ. Тяготясь этимъ, паціентка отправилась къ другому врачу — спеціалисту по нервнымъ болѣзнямъ. Этотъ врачъ отмѣняетъ строгій режимъ и предписываетъ покой. Больная истощенная режимомъ хирурга, возвращается къ прежней пищѣ. Но черезъ три недѣли язва доводитъ свое разрушительное дѣйствіе до конца и больная умираетъ отъ остраго перитонита.

Другая, не менѣе частая причина неврастеніи — аппендицитъ, явленія котораго долго принимались за нервныя. Морисъ де-Флери, характеризуя типическаго неврастеника, говоритъ, что это — субъектъ, лишенный аппетита и насыщающійся или, точнѣе, утомляющійся ѣдой съ первыхъ же кусковъ. Но эта ложная сытость, сопровождающаяся иногда даже рвотою,— какъ разъ характернѣйшій признакъ хроническаго аппендицита. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда медицина не знала этой болѣзни, страдающихъ ею лѣчили, какъ тяжело нервныхъ больныхъ. Но это случается сплошь и рядомъ и теперь, въ особенности въ тѣхъ трудныхъ случаяхъ, когда внѣшніе признаки сходны до обмана. Дельбэ приводитъ изъ своей практики слѣдующій случай.

Ему пришлось лѣчить молодого человѣка, неврастеническое состояніе котораго съ каждымъ днемъ ухудшалось. На видъ онъ былъ здоровъ. Ѣлъ достаточно, но къ пищѣ чувствовалъ какое-то отвращеніе. Разстройство пищеваренія выражалось горькою отрыжкою. Болѣе ярко, чѣмъ эти болѣзненно-желудочные симптомы, выражены были симптомы неврастеническіе. Нотаріусъ по профессіи, онъ продалъ контору, удалился отъ людей и впалъ въ глубокую меланхолію. Взглядъ его уже сталъ производить такое же впечатлѣніе, какъ у душевно-больного, и окружающіе были увѣрены, что ему въ ближайшіе дни грозитъ сумасшествіе. Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, пока родные не согласились на давно уже предложенное хирургомъ удаленіе обнаруженнаго имъ аппендицита. Тогда только паціентъ, котораго все время лѣчили, какъ душевно-больного, пришелъ въ нормальное состояніе.

Дельбэ доказываетъ еще, также цѣлымъ рядомъ примѣровъ, что неврастенія находится въ тѣсной связи съ болѣзнями послѣродовыми и, вообще, соприкасающимися съ акушерствомъ. Но въ эту область, какъ слишкомъ спеціальную, мы за нимъ не послѣдуемъ. Для насъ достаточно знать, что хирургія, показавшая уже намъ такъ много чудесъ своего искусствъ, пришла на помощь и столь распространенной болѣзни нашего времени — неврастеніи.

Эманація радія въ примѣненіи къ медицинѣ.

За послѣднее время,— пишетъ М. С. въ „Рус. Вѣд.“— весьма серьезную роль въ радіумтерапевтической практикѣ начинаетъ играть эманація радія. Какъ извѣстно, долго остававшееся совсѣмъ непонятнымъ цѣлебное дѣйствіе очень многихъ, бѣдныхъ солями, минеральныхъ водъ и грязей теперь объясняется присутствіемъ въ нихъ въ большихъ или меньшихъ количествахъ радіевой эманаціи. Всѣ лѣчебныя воды, употребляющіяся какъ для питья, такъ и для ваннъ (какъ и грязи), содержатъ въ растворѣ выносимую ими изъ нѣдръ земли (изъ радій содержащихъ породъ) эманацію и благодаря ей оказываются болѣе или менѣе радіоактивными. Въ настоящее время можно уже считать неподлежащимъ сомнѣнію тотъ фактъ, что успѣхъ лѣченія этими водами обусловливается,— если, быть-можетъ, и не всецѣло, то по крайней мѣрѣ главнѣйшимъ образомъ,— поступленіемъ заключающейся въ нихъ эманаціи внутрь организма. Но какими же, спрашивается, путями она попадетъ туда? Замѣтимъ прежде всего, что черезъ кожу она, какъ и всякій другой газъ, совсѣмъ не проходитъ. Когда больной сидитъ въ ваннѣ, то онъ воспринимаетъ въ себя только ту эманацію, которая выдѣляется изъ воды и вмѣстѣ съ воздухомъ вдыхается легкими, гдѣ она быстро поглощается кровью и разносится затѣмъ по всему тѣлу. Это—первый и самый главный путь. Второй — кишечникъ, въ которомъ она всасывается черезъ слизистую оболочку изъ принимаемой внутрь минеральной воды,— всасывается однако же медленно и въ очень малыхъ количествахъ, такъ что для введенія въ кровь черезъ кишечный каналъ достаточныхъ для терапевтическихъ цѣлей дозъ интересующаго насъ тѣла нужны бываютъ повторные, частые (въ теченіе дня) пріемы довольно значительныхъ порцій воды. Слѣдуетъ приба-

вить, что поглощенная тѣмъ или другимъ путемъ эманація очень не долго остается въ организмѣ: она весьма быстро выдѣляется наружу, — главнѣйшимъ образомъ черезъ легкія, отчасти же и черезъ почки. Это выдѣленіе начинается тотчасъ же послѣ выхода больного изъ ванны или послѣ пріема минеральной воды, и не проходитъ обыкновенно даже и часа, какъ нельзя уже бываетъ открыть даже и слѣдовъ радіоактивнаго газа ни въ выдыхаемомъ воздухѣ, ни въ мочѣ.

Но если все это такъ, то, очевидно, старый, практикующійся съ незапамятныхъ временъ методъ лѣченія болѣзней минеральными водами и грязями можетъ быть съ выгодою замѣненъ другимъ, болѣе раціональнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы сажать, напримѣръ, больнаго въ ванну, во время пребыванія въ которой онъ поглощаетъ легкими неопредѣленныя, но всегда очень малыя количества выдѣляющейся изъ воды или грязи и разсѣвающейся въ воздухѣ эманаціи,— его такъ или иначе можно заставлять вдыхать эманацію, получаемую прямо отъ радіоактивныхъ препаратовъ. Крайне важное практически преимущество такого метода по сравненію со старымъ заключается въ томъ, что при немъ очень легко можно, соображаясь съ характеромъ болѣзни и состояніемъ больнаго, вполнѣ точно дозировать вдыхаемый радіоактивный газъ, можно затѣмъ пускать его въ ходъ, если нужно въ такомъ обиліи или въ такой концентраціи, въ какихъ онъ никогда не встрѣчается въ естественныхъ минеральныхъ источникахъ, можно, наконецъ, держать паціента въ болѣе или менѣе, насыщенной этимъ газомъ атмосферѣ, если потребуется даже очень продолжительное время (многими часами). Само-собой разумѣется, что при такихъ условіяхъ и лѣченіе болѣзней должно идти скорѣе и болѣе успѣшно, чѣмъ при назначеніи ваннъ и пр. Въ виду этого эманаціонная терапія примѣняется за послѣднее время все чаще и чаще, причемъ она съ цѣлью усиленія ея дѣйствія комбинируется иногда, если позволяютъ мѣстныя условія, съ обычнымъ пользованіемъ больныхъ минеральными водами и грязями.

Лѣченіе эманаціей практикуется разными способами, изъ которыхъ укажемъ на слѣдующіе. Черезъ сосудъ, наполненный водянымъ растворомъ сильно активной бромистой соли радія, пропускается чистый кислородъ, который при прохожденіи своемъ въ видѣ безчисленныхъ пузырьковъ черезъ жидкость увлекаетъ съ собою постоянно образующуюся въ послѣдней эманацію и, насыщенный ею и смѣшанный затѣмъ въ опредѣленной пропорціи съ воздухомъ, поступаетъ или въ другой сосудъ, или пріемникъ (пигаляторъ), откуда прямо и вдыхается больнымъ черезъ трубку, или же въ особенную тщательно закрытую камеру, или кабину, въ которой онъ равномѣрно распредѣляется при помощи спеціальнаго вентилятора и въ которую помѣщается (обыкновенно часа на два) большая или меньшая, смотря по величинѣ кабины, группа больныхъ (выдыхаемая послѣдними углекислота быстро поглощается, и воздухъ въ камерѣ остается все время чистымъ). Такого рода эманаторіями пользуются въ клиникахъ и врачебныхъ кабинетахъ... Въ прошломъ году профессоромъ Несслеромъ (Дрезденъ) созданъ былъ въ Теплицѣ довольно большой эманаторій другого типа. Для полученія эманаціи здѣсь употребляются не препараты радія, а проводимая изъ источника естественная минеральная радіоактивная вода. Послѣдняя нагнетается помпою въ заложенную въ полу лѣчебной комнаты густую сѣть тонкихъ металлическихъ трубокъ, въ верхнихъ стѣнкахъ которыхъ продѣланы очень многочисленныя мелкія отверстія. Поступая въ трубчатую сѣть подъ значительнымъ давленіемъ, она бьетъ изъ этихъ отверстій поднимающимися вверхъ до потолка и разсыпающимися при этомъ тонкими струйками, падаетъ затѣмъ внизъ въ видѣ густого мелкаго дождя и по особымъ стокамъ удаляется изъ помѣщенія. Дважды проходя въ мелко раздробленномъ видѣ, черезъ воздухъ комнаты, она отдаетъ ему заключающуюся въ ней (въ очень небольшомъ количествѣ) эманацію, содержаніе которой въ немъ за время работы помпы при поступленіи все новыхъ и новыхъ массъ воды постепенно все болѣе и болѣе увеличивается и, смотря по надобности, можетъ быть доводимо до любой высоты... Устраиваемые вблизи цѣлебныхъ источниковъ эманаторіи этого типа имѣютъ, по всѣмъ видимостямъ, большую будущность. Они уже проектируются во многихъ мѣстахъ, между прочимъ въ разныхъ пунктахъ богатой минеральными водами Богеміи и прежде всего въ знаменитомъ центрѣ монополизированной государствомъ радіевой индустріи, въ городѣ Іоахимсталѣ, превращаемомъ въ настоящее время на государственныя средства въ обширный и хорошо обставленный курортъ. Не лишнимъ считаемъ добавить къ сказанному, что помимо упомянутыхъ есть еще и другіе способы снабженія эманаторіевъ эманаціей. Такъ, напримѣръ, въ лѣчебныя залы или кабины можно пускать не воду, какъ въ Теплицѣ, а предварительно выдѣленные изъ нея тѣмъ или другимъ путемъ (нагрѣваніемъ, разрѣженіемъ воздуха въ закрытомъ резервуарѣ) газы, со всей содержащеюся въ водѣ эманаціей. Можно

затѣмъ пользоваться для той же цѣли тѣми свободными газами, которые изъ многихъ минеральныхъ источниковъ выдѣляются въ большомъ изобиліи и обыкновенно отличаются несравненно большимъ (иногда въ 5—10 и даже болѣе разъ) содержаніемъ эманаціи, чѣмъ сама вода.

Обращаясь къ практикѣ примѣненія эманаціи, мы замѣтимъ прежде всего, что вопросъ о физіологическомъ вліяніи послѣдней остается еще далеко не вполнѣ выясненнымъ. Пока-что можно считать установленнымъ только тотъ фактъ, что поглощаемая и разносимая кровью по всѣму тѣлу эманація активируетъ, усиливаетъ дѣятельность разныхъ ферментовъ, играющихъ первостепенно важную роль въ процессахъ всяческихъ превращеній и обмѣна веществъ въ тѣлѣ, чѣмъ, надо думать, и объясняется благопріятное вліяніе ея на общее состояніе организма. Въ виду этого уже *a priori* можно было заключить, что эманаціонная терапія должна давать хорошіе результаты во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзненныя разстройства возникаютъ вслѣдствіе ослабленія или замедленія упомянутыхъ процессовъ и пониженія энергіи и быстроты обмѣна (метаболизма). Сюда относятся между прочимъ подагра и хроническій сочленовный ревматизмъ, для лѣченія которыхъ обычно и пользуются, какъ извѣстно, минеральными водами и грязями и при которыхъ примѣненіе эманаціи практиковалось за послѣднее время многими врачами-изслѣдователями въ довольно широкихъ размѣрахъ. Очень многочисленные, считающіеся сотнями опыты такого примѣненія показали, что если и не во всѣхъ, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ эманація, какъ и слѣдовало ожидать, является прекраснымъ лѣчебнымъ средствомъ при названныхъ страданіяхъ.

При подагрѣ, обусловливаемой накопленіемъ въ крови мочевой кислоты и отложеніемъ ея (въ видѣ уратовъ или мочекислыхъ солей) въ сочлененіяхъ и другихъ частяхъ тѣла, подъ вліяніемъ эманаціонной терапіи довольно скоро получаются слѣдующіе результаты: боли ослабѣваютъ и прекращаются, мочевая кислота начинаетъ, съ одной стороны, усиленно выдѣляться черезъ почки, а съ другой — энергично окисляться и распадаться и въ концѣ-концовъ почти совсѣмъ исчезаетъ изъ крови, причемъ ураты въ отложеніяхъ растворяются, всасываются въ кровь и затѣмъ переходятъ въ мочу; благодаря этому опухоли и воспаленіе пораженныхъ тканей проходятъ, и больной или совсѣмъ выздоравливаетъ, или же состояніе его рѣзко улучшается. Аналогичныя явленія при лѣченіи эманаціей наступаютъ и при крайне, какъ извѣстно, упорномъ и неподатливомъ хроническомъ сочленовномъ ревматизмѣ (если только онъ представляется не въ слишкомъ застарѣлой формѣ, при которой нормальныя ткани уже разрушены и выздоровленіе невозможно): чаще всего уже недѣли черезъ двѣ наблюдается весьма значительное уменьшеніе, а иногда и полное исчезновеніе болей и опухолей больныхъ сочлененій, подвижность которыхъ, если она была ограничена или утрачена, въ большой или меньшей степени возстановляется. Таковы въ общихъ чертахъ эффекты эманаціональной терапіи по отзывамъ большинства практиковавшихъ ее врачей. Укажемъ здѣсь для примѣра на поучительные результаты опытовъ проф. Гиса и его ассистента д-ра Гудцента, черезъ эманаторій которыхъ (при университетской клиникѣ въ Берлинѣ) прошли уже сотни больныхъ упомянутыхъ категорій. Къ началу прошлаго года число лѣченныхъ ими эманаціей паціентовъ доходило до 128-ми чел. (теперь ихъ насчитывается уже свыше 400); изъ нихъ было 100 ревматиковъ и 28 подагриковъ. По даннымъ изъ доклада Гиса въ берлинскомъ медицинскомъ Обществѣ (въ январѣ прошлаго года), 5 чел. изъ общаго числа первыхъ (за исключеніемъ 6-ти сомнительныхъ), т.-е. $5_3{}^0/_0$ совершенно излѣчились, у 29-ти чел. ($30^0/_0$) наступило почти полное выздоровленіе, у 45-ти чел. (около $48^0/_0$) — весьма значительное улучшеніе, и только у 15 чел. ($16^0/_0$) лѣченіе осталось безрезультатнымъ. Изъ числа же подагриковъ 24 чел. (около $86^0/_0$) отчасти вполнѣ выздоровѣли, отчасти сильно поправились. Такіе результаты съ полнымъ правомъ могутъ быть названы прекрасными. Добавимъ къ сказанному, что эманація часто оказывается, какъ о томъ свидѣтельствуетъ практика, очень полезной и при остромъ сочленовномъ ревматизмѣ, при діабетѣ, при туберкулезѣ, при упорныхъ, неподдающихся лѣченію другими средствами невралгіяхъ и пр. Какъ читатель видитъ, существующая всего еще только безъ году недѣля эманаціонная терапія начинаетъ уже играть весьма серьезную роль въ медицинѣ, и если что пока еще мѣшаетъ широкому распространенію ея, такъ это — исключительно только ея дороговизна.

Книги поступившія въ редакцію.

(Съ 1 сент. по 20 сент.).

Изд. „Дѣятель“.

П. Бурже. Женское сердце. 50 к.
И. А. Добролюбовъ. Литер. мелочи прошлаго года. 10 к.
Его же. Органическое развитіе человѣка въ связи съ его умств. и нравств. дѣятельностью. 10 к.
Ф. Коппе. Виновный. Ром. 10 к.

Изд. „Посредникъ“.

Л. Н. Толстой. Разсказъ для дѣтей. 1½ к. и 2 к. — Ходынка. 2 к. и 3 к. — Отецъ Василій. Іером. Исидоръ. 2 к. и 3 к. — Отецъ Сергій. 6 к. и 7 к. Фальшивый купонъ. 6 к. и 7 к. — Послѣ бала. 2 к. и 3 к. — Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ. 5 к. и 6 к. — Что я видѣлъ во снѣ. 2 к. и 3 к. — Тихонъ и Маланья. Идилія. 5 к. и 6 к. — Кто убійца. О судѣ. Два спутника. 2 к. и 3 к. — Отъ ней всѣ качества. 2 к. и 3 к. — Исторія улья съ лубочной крышкой. 1½ и 2 к. — Записки сумасшедшаго. 2 к. и 3 к. — Посмертныя записки старца Ѳедора Кузьмича. 4 к. и 5 к. — Записки матери. 2 к. и 3 к. — И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ. 6 к. и 7 к. — Дьяволы. 6 к. и 7 к. — Дѣтская мудрость. 5 к. и 6 к. — Хаджи-Муратъ. 14 к. и 16 к.

И. Абрамовъ. Что говорятъ забытыя могилы. Изд. „Жизнь и Знаніе“. 65 к.
І. Брамовъ. Въ пути. Пьеса. 75 к.
А. Сорокинъ. Золото. Монодр. Изд. „Звѣзда“. 50 к.
О. Бюркленъ, проф. Сборникъ задачъ по аналитической геом. Изд. „Звѣзда“. 50 к.
Б. Филатовичъ. Разсказы. Кн. 2-я. 65 к.
Dr. R. Birkhäuser. Практическія свѣдѣнія по глазнымъ болѣзнямъ для врачей не-спеціалистовъ. Изд. „Космосъ“. 1 р.
Э. Гирке, проф. Краткій курсъ патологической анатоміи. Изд. „Космосъ“. 1 р. 25 к.
Г. Тумимъ. Букварь. Дѣтскія очки. Изд. Сытина. 25 к.
Сборникъ ариѳметич. задачъ, въ предѣлѣ первой сотни. Сост. группой учащихъ въ нач. школахъ Москвы. Изд. Сытина. 15 к.
А. Г. Бернашевскій и Г. Васильевъ. Живой счетъ. Ч. III. Изд. Сытина. 20 к.
І. Мюллеръ. Моя система для дѣтей. Изд. „Красота и Здоровье“. 75 к.
Е. Елачичъ. О душевной дѣятельн. животныхъ. 80 к.
Проложеніе телеграфа черезъ океанъ. 35 к.
М. И. Коноровъ. Учебная коллекція психологическихъ приборовъ и таблицъ. 25 к.
Ф. Кейра. Воображеніе и различныя формы его у ребенка. 40 к.
„Вокругъ жизни“. Литер. сборникъ молодыхъ авторовъ. 90 к.
Щербаковъ, инж. Электричество и природа. 45 к.
С. Шпицеръ. И. А. Гончаровъ. I. Опытъ біогр. и характеристики. II. Два неизд. отрывка. Изд. „Школа“. 40 к.
В. Чернышевъ. Упрощеніе русск. правописанія. 2-е изд. автора. 50 к.

Отзывы о книгахъ.

45. **Ульяновъ, Н. А.** 014.3:05(47)

Указатель журнальной литературы (Алфавитный, предметный, систематическій.) Вып. I. Изд. „Наука". М. 1912. Ц. 90 к.

Авторъ этой книжки ставитъ себѣ двѣ задачи: дать наивозможно полный перечень журнальныхъ статей и замѣтокъ послѣднихъ 5-и лѣтъ и систематическую обработку по отдѣламъ собраннаго такимъ путемъ матеріала. Съ другой стороны, авторъ желаетъ помочь читателю ориентироваться въ этомъ журнальномъ матеріалѣ, и собственно отличительной чертой указателя Н. А. Ульянова, придающей ему очень крупную цѣнность, и является то, какъ онъ выполнилъ эту вторую задачу. Весь механически собранный матеріалъ разбитъ по „предметамъ", по рубрикамъ и потомъ отдѣльныя рубрики сведены въ отдѣлы, систематизированы. Алфавитный указатель, благодаря этому, дополнился предметнымъ и систематическимъ. Читатель не только имѣетъ передъ собою „всю полноту содержанія журналовъ" за послѣдніе годы, онъ сразу находитъ всѣ статьи, написанныя по тому или иному вопросу. (Е. Колосовъ. „Завѣты" 1912—1.)

Очень полезная и крайне нужная работа. Легко найти необходимый матеріалъ, легко ориентироваться въ расположеніи рубрикъ. Ясность, послѣдовательность, стройность и вдобавокъ — полнота—вотъ качества, характеризующія трудъ г. Ульянова. Большое и искреннее спасибо скажетъ ему каждый интеллигентный работникъ, который будетъ пользоваться его указателемъ. (А. Мезіеръ. „Рус. Шк." 1912—2.)

46. [. . . . .] 016:352(47):338

Изданія земствъ 34-хъ губерній по общей экономической и оцѣночной статистикѣ, вышедшія за время съ 1864 г. по 1-е января 1911 г. Спб. 1911 г.

Настоящее изданіе является первымъ по счету изданіемъ оцѣночнаго дѣлопроизводства департамента окладныхъ сборовъ. Новое изданіе департамента принадлежитъ перу извѣстнаго работника по библіографіи земской статистики В. Ф. Караваева, первый выпускъ болѣе пространнаго обзора котораго съ критическими замѣчаніями и интересными погубернскими очерками составителя вышелъ еще въ 1906 г. Выпущенная теперь работа В. Ф. Караваева содержитъ простой библіографическій перечень названій книгъ и брошюръ, а также главнѣйшихъ докладовъ и журналовъ, касающихся оцѣнки недвижимыхъ имуществъ по законамъ 8-го іюня 1893 года и 18-го января 1899 года; по каждой губерніи они дѣлятся на четыре рубрики: 1) изданія общаго экономическаго характера, 2) оцѣнка недвижимыхъ имуществъ, 3) текущая статистика и 4) почвенныя изслѣдованія. Въ корректурныхъ листахъ погубернскіе обзоры были разосланы во всѣ земскія оцѣночно-статистическія бюро, которыя имѣли, такимъ образомъ, возможность внести свои дополненія и поправки. Такимъ образомъ, осуществленное департаментомъ изданіе выполнено В. Ф. Караваевымъ при широкомъ содѣйствіи оцѣночныхъ отдѣленій губернскихъ земскихъ управъ, что и придаетъ изданію особую цѣнность и значеніе. Въ результатѣ работы, такъ серьезно обставленной, получилось изданіе, которое вызываетъ лишь одно маленькое замѣчаніе. Повидимому, оцѣночно-статистическія отдѣленія при просмотрѣ корректурныхъ листовъ не совсѣмъ ясно отдавали себѣ отчетъ о той степени полноты, какой должны отвѣчать вносимыя ими дополненія, а потому не по всѣмъ губерніямъ съ достаточной полнотой отмѣчены журналы губернскихъ оцѣночныхъ коммиссій (неполны губерніи Владимірская, Вологодская, Казанская, Курская и др.) и земскія картографическія изданія (не отмѣчены карты дачъ генеральнаго и спеціальнаго межеванія, напр., по губерніямъ Орловской и Курской, въ то время какъ аналогичныя изданія по Ярославской и Екатеринославской губерніямъ отмѣчены). (А. „Рус. Вѣд." 1912—116.)

Весьма полезны пособіемъ для лицъ, интересующихся такъ или иначе земской статистикой, слѣдуетъ считать книгу, сост. Караваевымъ. („Вѣст. Е." 1912—3.)

47. **Кирѣевскій, И. В.** 081

Полное собр. соч. въ двухъ томахъ подъ ред. М. Гершензона. М. 1911. Т. I. Стр. V+287; т. II. Стр. 300+II. Ц. 4 р.

Новое, весьма изящное изданіе сочиненій Кирѣевскаго, какъ признаетъ самъ редакторъ, воспроизводитъ текстъ перваго (1861 г.), отличаясь отъ него: 1) тѣмъ, что въ немногихъ мѣстахъ возстановлены цензурные пропуски: 2) тѣмъ что *добавлены* статьи о Баратынскомъ, стихотворенія и нѣкоторыя письма К.; 3) тѣмъ, что исключены вошедшія въ I изд. выдержки изъ автобіографіи Стеффенса, переведенныя въ 1844 г. матерью К.—А. Н. Елагиной для „Москвитянина"; наконецъ 4) тѣмъ, что текстъ, напечатанный въ I изд. въ общемъ хронологическомъ порядкѣ, теперь раздѣленъ на 3 отдѣла: философскій, литературно-критическій и беллетристическій; письма же составляютъ собственно четвертый отдѣлъ, напечатанный вслѣдъ за беллетристикой во II томъ.

Я думаю, что Кирѣевскій интересенъ довольно широкимъ кругамъ читателей, и при болѣе дешевой цѣнѣ всякая библіотека сочла бы необходимымъ его выписать. Спеціалисты же и любители русской литературы, конечно, могутъ быть благодарны издателю и за то изданіе, которое дано теперь. (А. Корниловъ. „Рус. М." 1912—1.)

Редакторъ новаго изданія сочиненія И. В. Кирѣевскаго „считалъ полезнымъ ихъ переизданіе", такъ какъ „надо привести общество къ первоисточнику тѣхъ идей, которыя въ немъ борются". Врядъ ли кто-нибудь другой согласится съ этимъ аргументомъ г. Гершензона и призна-

етъ въ сочиненіяхъ Кирѣевскаго „первоисточникъ“ борющихся въ нынѣшнемъ обществѣ идей. Дѣйствительная роль этихъ сочиненій совсѣмъ иная, и самъ К. для современнаго общества является не болѣе, какъ видимымъ представителемъ любопытнаго, но давно и безвозвратно прошедшаго момента въ развитіи русской общественной мысли. Сообразно этому произведенія К. имѣютъ въ настоящее время исключительно историческое значеніе. Большая публика, надо думать, отнесется къ новому ихъ изданію съ полнымъ равнодушіемъ и будетъ въ этомъ случаѣ совершенно права: и какъ философъ, и какъ литературный критикъ, К. давно отжилъ свое время. Другое дѣло — лица, спеціально занимающіяся исторіей умственнаго движенія въ Россіи. Съ точки зрѣнія ихъ интересовъ новое изданіе соч. К. слѣдуетъ, конечно, привѣтствовать. („Рус. Бог.“ 1912—2.)

48. **Эфронъ, С.** 087.1

Дѣтство Книгоизд. „Оле-Лукойе“. М. 1912 г. Ц. 1 р.

„Дѣти — это міра нѣжныя загадки, только въ нихъ спасеніе, только въ нихъ отвѣтъ!“ эти строчки „дѣтской“ поэтессы Марины Цвѣтаевой взялъ эпиграфомъ къ своей книгѣ Сергѣй Эфронъ. Этимъ эпиграфомъ предопредѣляется содержаніе всей книги. „Дѣти—нѣжныя загадки“— это положеніе иллюстрируется нѣсколькими граціозно написанными новеллами. Въ самомъ положеніи есть нѣкоторая фальшивость. Дѣти — всегда загадки, но не внѣшнее, безсильное нѣсколько, прилагательное „нѣжныя“ надо поставить. Дѣти—это огромная, волнующаяся, всегда нѣсколько темная тема. Пусть утрированные, больные, калѣченные, уже вкусившіе грѣха дѣти Ремизова („Прудъ“, „Чортикъ“), но всегда въ этой странной загадкѣ — ребенокъ — есть что-то смутно-тревожное, острое, темное. Дѣти — ангелы, которымъ предстоитъ пасть, и тѣнь грѣха уже лежитъ на нихъ. Въ книгѣ Эфрона все очень нѣжно, чуть-чуть слащаво. Дѣти слишкомъ ужъ чистенькіе, причесанные. Все взято слишкомъ внѣшне, и нѣтъ ни одного волнующаго намека. Для дѣтей эта книга будетъ не интересна. Дѣти не поймутъ всѣхъ изысканныхъ тонкостей въ духѣ Анатоля Франса. Взрослые не найдутъ отвѣта на „загадку міра“. Но, несмотря на крупный внутренній недостатокъ, „Дѣтство“ все же очень пріятная книга. Чувствуется творческая свѣжесть, задуманъ и написанъ каждый разсказъ съ большимъ вкусомъ. Отмѣчая недостатки, не можемъ не привѣтствовать молодого автора, появляющагося, кажется, въ первый разъ. (С. Ауслендеръ. „Рѣчь“. 1912—234.)

Эта свѣжая и пріятная книга, очевидно, написана не для дѣтей и потому, намъ кажется, что кромѣ взрослыхъ, ею особенно заинтересуются и дѣти. Отсутствіе моральныхъ тенденцій и всякихъ маленькихъ пролетаріевъ, униженныхъ и благородныхъ, придаетъ характеръ искренности и правдивости. Можетъ быть, нѣкоторые разсказы слишкомъ незначительны, но авторъ все передаетъ съ такою естественною граціей и высказываетъ такую тонкую наблюдательность, что извѣстную мелкость письма, а иногда и самаго содержанія ему охотно прощаешь. Остается только пожелать, чтобы авторъ также поразсказалъ намъ что-нибудь и о взрослыхъ. Впрочемъ, если его больше привлекаетъ дѣтскій міръ, который имъ, конечно, не исчерпанъ, мы и за то благодарны. (М. Кузминъ. „Аполлонъ“. 1912—3—4.)

49. **Аскольдовъ, С.** 1 (К) : 92

Алексѣй Александровичъ Козловъ. Изъ серіи „Русскіе мыслители“. К-во „Путь“. М. VIII + + 218.

Возстановить образы и ученія позабытыхъ русскихъ мыслителей, вскрыть присущее имъ богатство идей и самобытность міропредставленія и тѣмъ содѣйствовать выявленію и укрѣпленію въ насъ самостоятельнаго философскаго духа,—такова та заслуживающая высшаго одобренія и всяческаго поощренія задача, которую поставило себѣ к-во „Путь“, приступивъ къ опубликованію данной серіи монографій.

Монографія о Козловѣ написана хорошимъ русскимъ языкомъ и читается легко и съ интересомъ, несмотря на нѣкоторую растянутость изложенія и встрѣчающіяся изрѣдка излишнія повторенія. Монографія распадается на двѣ части. Въ первой дается описаніе жизни и личности Козлова, рисующее его характеромъ оригинальнымъ, одареннымъ проникновеннымъ умомъ, не отдѣляющимъ мысли отъ дѣла. Вторая часть посвящена ученіямъ Козлова. Она характеризуетъ его какъ убѣжденнаго панпсихиста, для котораго весь пространственно-временный міръ представляетъ лишь совокупность состояній сознанія сознающаго субъекта; въ самомъ сознающемъ субъектѣ непосредственно открывается нѣкоторое субстанціальное единство, а сущее являетъ собой систему субстанцій, находящихся во взаимоотношеніяхъ и регулируемыхъ божественной первосубстанціей. Козловъ является ученикомъ и послѣдователемъ Лейбница, Лотце, и Тейхмюллера.

Къ сожалѣнію, авторъ не ограничивается изложеніемъ и исторической оцѣнкой философскихъ ученій Козлова. Онъ вводитъ въ монографію злободневные интересы и со страшными натяжками старается изъ типичнаго и крайняго раціоналиста, видящаго въ философіи науку, отрицающаго мистизимъ, проблему Бога разсматривающаго лишь какъ одну изъ философскихъ проблемъ, сдѣлать предтечу современной россійской „религіозной философіи“, руководимой Булгаковымъ, Бердяевымъ и пр. Намъ думается, что Козловъ является, какъ-разъ наоборотъ, представителемъ западнаго раціонализма и былъ однимъ изъ подготовителей того философскаго „западничества“, которое у насъ нынче намѣчается. (Б. Я-ко „Рус. Вѣд.“ 1912—158.)

А. А. Козловъ, профессоръ философіи въ кіевскомъ университетѣ, игралъ въ эволюціи русской философской мысли совершенно самостоятельную роль.

Русское интеллигентное общество 70—80 гг., воспитанное на матеріалистическихъ теоріяхъ, относилось къ философіи крайне индеферентно, считая, что ее вполнѣ замѣняютъ частныя науки, особенно—естественныя. При общей философской некультурности доходило, и часто, до прямого смѣшенія философіи съ метафизикой Послѣдняя же давно была предана анафемѣ. При такихъ условіяхъ началъ свою дѣятельность Козловъ.

Основной задачей своей Козловъ положилъ отстаиваніе правъ и интересовъ философіи, какъ „основной и царственной науки среди другихъ наукъ“. Самъ большой и, несомнѣнно оригинальный мыслитель, онъ, однако, сознательно ограни-

чилъ себя простой защитой гонимой философской мысли, принося, такимъ образомъ, „жертву на алтарь всеобщей истины и лишь немногое удѣляя радостямъ личнаго почина“, какъ замѣчаетъ Аскольдовъ. Сквозь всѣ испытанія, этотъ огонекъ „всеобщей истины“ онъ донесъ до той поры, когда въ концѣ столѣтія русская философія начала возрождаться.

Панпсихизмъ, признаніе, что все сущее есть духъ—такъ, не претендуя, однако, на точность опредѣленія, можно охарактеризовать личную философскую позицію Козлова. Она развита имъ въ рядѣ діалоговъ, озаглавленныхъ „Бесѣды съ петербургскимъ Сократомъ“.

Крупнѣйшими изъ другихъ работъ Козлова являются: Философія, какъ наука“. „Философія дѣйствительности, изложеніе системы Дюринга“ и „Современныя направленія въ философіи“. („Сар. Вѣст.“ 1912—194.)

50. **Лапшинъ, И.** 152

Вселенское чувство. Изд. т-ва М. О. Вольфа: „Свободное знаніе“. Спб. и М. Ц. 60 к.

По глубокому убѣжденію И. И. Лапшина, всякія попытки привести въ систему и понимать буквально повторяющіяся съ большимъ однообразіемъ на всемъ протяженіи исторіи человѣческой мысли описанія мистическаго воспріятія должны кончиться полнѣйшей неудачей: всѣ представленія мистиковъ, черпаемыя ими изъ „сверхразумнаго“ познанія Бога, содержатъ, по взгляду Л., роковое внутреннее противорѣчіе. Наиболѣе характерной чертой мистиковъ Л. считаетъ присущее имъ стремленіе разсматривать абсолютъ „какъ нѣчто, лежащее выше всѣхъ конечныхъ опредѣленій мысли, „выше не только множественности, пространства и времени, но также и законовъ мышленія, напр., законовъ противорѣчія. Мистики допускаютъ слияніе субъекта съ объектомъ, т. е. уничтоженіе пространственныхъ и временныхъ условій нашего существованія, а пространство и время, по коренному убѣжденію Л., являются логически необходимыми формами всякаго существованія. Такимъ образомъ, идеи мистиковъ, понимаемыя буквально, въ глазахъ автора „Вселенскаго чувства“ оказываются совершенною безсмыслицей. Но все же Л. полагаетъ, что подобная оцѣнка мистики была бы односторонней: въ описаніи такъ наз. „мистическаго воспріятія“, по воззрѣнію Л., мы имѣемъ неточное, аллегорическое изображеніе широко распространеннаго и весьма возвышеннаго душевнаго состоянія, которое Л. называетъ „универсальнымъ аффектомъ“ (по примѣру Дюринга) или „вселенскимъ чувствомъ“ и которое, говоря коротко, сводится будто бы къ окрашенному радостнымъ аффектомъ переживанію „высшихъ цѣнностей“ (интеллектуальныхъ моральныхъ и эстетическихъ) и связанному съ нимъ „самозабвенію“, т. е. мысленному, а отнюдь не реальному, какъ учатъ мистики, возвышенію надъ пространственными и временными условіями бытія испытывающаго подобный аффектъ существа. „Вселенское чувство“, по убѣжденію Л., является подлинной основой всякаго философскаго паѳоса, и въ доказательство этой мысли онъ дѣлаетъ рядъ сопоставленій относящихся къ интересующему его вопросу взглядовъ, принадлежащихъ философамъ самыхъ разнообразныхъ направленій, начиная отъ такихъ мистиковъ, какъ Шеллингъ и Вл. Соловьевъ, и кончая столь прозаическимъ реалистомъ, какъ Авенаріусъ.

Брошюра Л. представляетъ значительный интересъ прежде всего удачнымъ подборомъ типическихъ тирадъ изъ произведеній очень большого числа авторовъ, въ числѣ которыхъ мы находимъ, на ряду съ Платономъ, Аристотелемъ, Плотиномъ даже такія имена, какъ Башкирцева и Вересаевъ. Въ высшей степени спорными являются выводы автора и его классификація. Вообще надо сказать, что гносеологическія воззрѣнія Л. помѣшали ему дать болѣе положительную оцѣнку мистики, живой интересъ и подчасъ даже сочувствіе къ которой у него какъ будто не гармонируетъ съ тѣми чисто-позитивистическими выводами, къ которымъ онъ приходитъ. (А. Огневъ. „Рус. М.“ 1912—1.)

На добрыхъ три-четверти книжка состоитъ изъ цитатъ, плохо, а то и совсѣмъ не связанныхъ между собою. Вмѣсто „общедоступнаго очерка“ со „всесторонней обработкою предмета“ получается груда сырого матеріала, который предоставляется обрабатывать самому читателю. Правда, мѣстами г. Лапшинъ пытается говорить и отъ себя; но лучше бы онъ ужъ и не пытался. Чтобы показать, съ какимъ писателемъ имѣемъ мы дѣло, приводимъ мѣсто, гдѣ формулируется центральная идея книги: „Совершенно въ иномъ видѣ намъ представятся стремленія мистиковъ, если мы попытаемся отбросить ихъ претензіи на сверхразумное познаніе и попытаемся перевести ихъ темную рѣчь на общепонятный философскій языкъ... Для этой цѣли придадимъ тѣмъ отрицательнымъ признакамъ „мистическаго“ воспріятія, которые выставляются мистиками, не абсолютное, а относительное значеніе, чѣмъ сразу же упразднятся всѣ претензіи на „сверхразумность“ познанія, и въ то же время описываемое ими душевное состояніе окажется сходнымъ съ психическимъ явленіемъ, которое я назвалъ бы, по примѣру Дюринга, „универсальнымъ аффектомъ“ или „вселенскимъ чувствомъ“ и заключающимъ въ себѣ слѣдующіе признаки“ (стр. 31—32). Даже тамъ, гдѣ г. Лапшину удается справиться съ русскою граматикою, у него получается все-таки нѣчто невыносимо тягучее, нудное, тусклое и сбивчивое.

Скучно, да и безполезно, разбираться въ путаныхъ разсужденіяхъ автора о „вселенскомъ чувствѣ. Нашъ ученый обучался наукѣ не у людей науки, а у „незабвеннаго Вл. С. Соловьева“ (стр. 27, 83), у „несравненнаго Джордано Бруно“ (стр. 54), котораго онъ называетъ „Джіордано“, у безподобнаго Канта, у божественнаго Платона, у Спинозы, у Аристотеля, и благодаря этому имѣетъ о наукѣ такое же понятіе, какое въ добрые средніе вѣка имѣли незабвенные и несравненные „ангелическіе“, „серафическіе“ и иные „докторы“. Четыре вѣка исторіи современнаго естествознанія ровно ничему его не научили. Онъ воображаетъ вмѣстѣ съ „докторами“, что не существуетъ иного истолкованія явленій природы, кромѣ сведенія ихъ къ „божественному началу міра“, что научныя обобщенія выводятъ насъ (идеально) за предѣлы природы, „восхищаютъ“ въ царство абсолютово. Это значитъ, что онъ даже представить себѣ не въ состояніи науки, независимой отъ теологіи. (А. С. „Совр. М.“ 1912—5.)

51. **Бердяевъ, Н.** 159

Философія свободы. Изд. „Путь“. М. 1911. Стр. 280. Ц. 2 р.

Основной темой книги Н. А. Бердяева являет-

ся проблема познанія съ точки зрѣнія христіанства,—христіанская гносеологія, сказали бы мы, если бы терминъ „гносеологія", не имѣлъ для автора столь одіознаго смысла. Въ разрѣшеніи этого вопроса Б. стоитъ на точкѣ зрѣнія Фр. Баадера, о преобладающемъ вліяніи котораго свидѣтельствуютъ многія мѣста книги. Эту т. зр. слѣдуетъ признать по существу совершенно необычной для современной философской мысли,—противорѣчащей всѣмъ ея многовѣковымъ навыкамъ. Если современный интеллектъ съ большимъ трудомъ можетъ допустить, что философія, какъ научное знаніе, можетъ приводить къ религіи и оправдывать тѣ или иныя истины религіозной метафизики, то мысль о томъ, что не философія оправдываетъ религію, а религія философію, что не отъ разума надо исходить для познанія высшей истины, но обратно—интуитивное познаніе религіозной истины нисходитъ къ разуму, его оправдываетъ и дѣлаетъ своимъ орудіемъ,—эта мысль принадлежитъ къ числу тѣхъ, которымъ не можетъ посчастливиться на философскихъ нивахъ нашего отечества. И надо признать извѣстную смѣлость въ авторѣ, рѣшившемся стать на такую точку зрѣнія, рѣшившемся призвать на скамью подсудимыхъ нынѣ всесильную гносеологію, которая, какъ онъ говоритъ, слишкомъ привыкла къ роли судьи, слѣдователя и прокурора. Въ этомъ освобожденіи отъ опеки и авторитета по существу низшихъ инстанцій человѣческаго духа и заключается то основаніе, въ силу котораго авторъ называетъ свою точку зрѣнія философіей свободы. Кромѣ смѣлости, мы видимъ въ послѣднемъ философскомъ предпріятіи автора его прежній писательскій талантъ и темпераментъ. Но, къ сожалѣнію, видимъ и прежнее отсутствіе „педагогическаго" такта. Тѣмъ, кто привыкъ думать, что солнце обходитъ вокругъ земли, нельзя противопоставлять простое утвержденіе, что земля обращается вокругъ солнца. Необходимы же аргументы. Кто бы ни оказался въ концѣ-концовъ судьей—религіозное ли сознаніе или гносеологія, но право быть судьей должно быть доказываемо, и притомъ нѣкоторыми общими, и для той и для другой стороны средствами. И лишь по обоснованіи этого права, судья можетъ произносить краткія и выразительныя резолюціи. Но для доказательства этого права, необходимо обратиться къ помощи того „малаго" разума, который, по взгляду Б., есть лишь вторичное начало въ метафизической эволюціи человѣка. Эта метафизическая вторичность, которой въ извѣстномъ смыслѣ нельзя не признать, нисколько не мѣшаетъ ему быть однимъ изъ надежнѣйшихъ путей для того, чтобы возвратиться въ свое отечество—„большой" разумъ. Вообще, основной ошибкой Б., въ разсматриваемомъ сочиненіи, мы считаемъ то, что онъ не уяснилъ себѣ, къ какой аудиторіи онъ обращается... Наилучшими главами книги, мы считаемъ посвященныя вопросу о вѣрѣ и знаніи (гл. II), разбору интуитивизма Лосскаго (гл. IV), о мистикѣ и церкви (гл. VII) и посвященное Гюисмансу, прилож. „Утонченная Отвианда". (С. Аскольдовъ „Рус. М." 1912—1.)

Врядъ ли есть другое слово, которое было бы способно породить такую путаницу, такую, можно сказать, извращенность понятій, какъ слово свобода... Сколько крови, пота и слезъ пролито человѣчествомъ въ борьбѣ за свободу, а она все еще остается мечтою будущаго, идеаломъ, уходящимъ въ туманную даль грядущаго... Г. Бердяевъ, выражась его любимымъ словомъ, дерзаетъ вывести человѣчество изъ этого тяжелаго положенія, внести порядокъ и гармонію туда, гдѣ до сего времени царствовали хаосъ и безконечная путаница, озарить яркимъ свѣтомъ своего озаренія тупикъ, въ который зашла современность, и указать истинный путь къ свободѣ.

Г. Бердяевъ пишетъ не такъ, какъ пишутъ прочіе смертные современники. Нынѣ всѣ, кто думаетъ и пишетъ, думаютъ и пишутъ о „чемъ-то", а не „что-то"; и только одинъ г. Б. беретъ на себя смѣлость среди этого многоголосаго хора говорящихъ о „чемъ-то", сказать свое „что-то". Само собою разумѣется, что онъ не аргументируетъ, не доказываетъ, и не опровергаетъ: онъ просто декретируетъ, онъ издаетъ манифестъ, который не нуждается ни въ какой аргументаціи. У него есть своя страна, въ которой онъ является суверенным повелителемъ. Онъ заявляетъ съ гордостью: „Законы моей страны — не гносеологическіе законы, въ своей странѣ я не совершаю гносеологическихъ преступленій, потому что такой буржуазной классификаціи не существуетъ на моей родинѣ". Да и какъ можно требовать доказательствъ отъ человѣка, который пишетъ: „Доказательство всегда есть насиліе, принужденіе, доказательство есть одинъ изъ соблазновъ, которыми мы ограждены отъ истины".

Полюбить міръ вещей невидимыхъ — вотъ завѣтное желаніе г. Б., полюбить—чтобы повѣрить. Ибо онъ испугался міра видимаго, испугался и хочетъ уйти изъ него. И страшитъ его въ этомъ эмпирическомъ мірѣ не то, что этотъ міръ—ограниченъ, что онъ узокъ и тѣсенъ для него,—нѣтъ его страшитъ прежде всего, именно безграничность, отсутствіе *конца*. Исторія для него имѣетъ смыслъ лишь въ томъ случаѣ, „если будетъ конецъ исторіи, если будетъ въ концѣ воскресеніе, если встанутъ мертвецы съ кладбища міровой исторіи". Его не удовлетворяетъ то, что онъ можетъ работать для счастья будущихъ поколѣній, онъ хочетъ самъ наслаждаться этимъ будущимъ и потому требуетъ воскресенія плоти. Вовторыхъ, г. Б. страшитъ въ этомъ мірѣ слабость человѣка, ибо онъ безсиленъ и немощенъ, и для спасенія его необходимо вмѣшательство Бога, божественной благодати. Поэтому, какъ бы ни иронизировалъ г. Б. надъ дѣйствительностью эмпирическаго міра, какъ бы онъ ни относился къ ней свысока,—ясно, что корень такого отношенія лежитъ въ чувствѣ страха передъ этой дѣйствительностью. И вотъ, чтобы освободиться отъ этого гнета, отъ этого испуга, г. Б. и строитъ свою „философію свободы". Что же значитъ быть свободнымъ, по мнѣнію г. Б.? Выражаясь его терминами, это значитъ преодолѣть насилія даннаго намъ эмпирическаго міра, т.-е., повѣрить въ существованіе міровъ иныхъ, въ существованіе Бога, божественной благодати, въ Страшный судъ и въ воскресеніе мертвыхъ. Но какъ же возможно осуществить это преодолѣніе? Сдѣлать это, оказывается, до чрезвычайности просто: достаточно только объявить, что бытіе заболѣло. „Міръ боленъ", объявляетъ г. Б.: „въ одинъ изъ моментовъ мистической діалектики, въ моментъ распри Творца и творенія, бытіе заболѣло тяжкой болѣзнью, лицо бытія покрыто сыпью..."

Медленно, со скрипомъ, поворачивается колесо исторіи, льется человѣческая кровь, міръ борется за свободу. И вотъ въ этотъ міръ приходитъ г. Б. и проповѣдуетъ: „покайтеть, ибо приблизилось царство Божіе". Обѣщаетъ настоящую, абсолютную свободу... въ „духѣ". А пока что, „во плоти" предлагаетъ оставить борьбу за свободу земную, относительную. Слишкомъ ужъ это старо, и врядъ ли соблазнитъ многихъ даже изъ „малыхъ сихъ". (І. Цвиговатовъ. „Завѣты". 1912—5.)

52. **Кирѣевъ, А. А.** 2+32](04)

Сочиненія. Ч. І. Церковно-богословскія статьи. Стр. 487. Ч. ІІ. Политика и полемика. Стр. 452. Ц. за двѣ части 7 р.

Какъ нельзя болѣе кстати въ моментъ напряженнаго интереса къ дѣламъ православной церкви, переживающей страдную пору, появились сочиненія ген. А. А. Кирѣева. Въ широкой публикѣ имя его обычно связывается съ поддержкой старокатоликовъ и защитой дуэлей. Но это собственно лишь два эпизода изъ его богословской и публицистической дѣятельности. Кругозоръ его былъ гораздо шире. Славянофилъ старой благородной школы, онъ не мыслилъ славянофильства безъ православія, а православія безъ соборности. Поэтому послѣдніе годы его жизни были согрѣты близостью осуществленія этой идеи. Но если бы онъ дожилъ до нашихъ дней, не постигло бы его горькое разочарованіе, не обострилось ли бы въ немъ чувство обиды за попранную церковь? Мы увѣрены, что сочиненія ген. Кирѣева сейчасъ найдутъ еще болѣе широкій кругъ читателей, чѣмъ онъ имѣлъ ихъ при жизни. („Нов. Вр." 1912—12938.)

...Книга А. А. Кирѣева заключаетъ цѣлую лѣтопись славянской жизни за послѣдній періодъ, съ чуткими откликами на вопросы и событія, волновавшія славянскій міръ, и рисуетъ А. А. Кирѣева, какъ одного изъ выдающихся знатоковъ и усердныхъ работниковъ на почвѣ вопросовъ церкви и славянскаго единенія, какъ главныхъ основъ величія и силы Россіи. (Н. Ледеръ. „Истор. В." 1912—7.)

* **Кирѣевъ, А. А.** 32+]2(04)

См. порядк. № 52.

* **Изгоевъ, А.** 32(47):92(С)

См. порядк. № 87.

53. [. . . . .] 33(03)

Народная энциклопедія научныхъ и прикладныхъ знаній. Т. XII. Политическая экономія. Изд. Харьковскаго о-ва распространенія въ народѣ грамотности. М. 1911.

Настоящій томъ „Народной энциклопедіи" на 382+VIII стр. текста крупной печати заключаетъ въ себѣ не только „политическую экономію" въ обычномъ смыслѣ этого слова. Теорія политической экономіи занимаетъ немногимъ больше половины книги. Остальное же содержаніе ея составляютъ „сельско-хозяйств. экономія", „финансовая наука" и „статистика" съ демографіей. Въ составленіи книги, редактированной профессорами В. Ф. Левитскимъ и А. Н. Анцыферовымъ, принимали участіе 14 лицъ.

Получается такое впечатлѣніе: издатели задались цѣлью собрать какъ можно больше именъ со всѣхъ концовъ Россіи, „имена" согласились написать на избранныя ими темы въ предѣлахъ трехъ наукъ; редакторы отдали присланныя статьи въ наборъ, указавъ ихъ расположеніе, приблизительно соотвѣтствующее расположенію матеріала въ учебникахъ, но оставивъ въ неприкосновенности какъ всѣ пропуски, такъ и всѣ излишества. Въ результатѣ—довольно печальное зрѣлище.

Небрежность редакторской работы сказывается во всемъ. Между прочимъ, къ большей части главъ приложенъ списокъ пособій для читателя, при многихъ же важныхъ главахъ такого списка не имѣется; въ діаграмахъ не было относительныхъ чиселъ. Подборъ табличныхъ „разныхъ статистическихъ свѣдѣній", приложенныхъ въ концѣ книги, довольно скучный.

Не надо, впрочемъ, думать, что содержаніе каждой главы или статьи, взятой въ отдѣльности, неудачно или не стоитъ на должной высотѣ. Напротивъ можно указать цѣлый рядъ отдѣловъ, выполненныхъ очень хорошо... Но есть главы, выполненіе которыхъ нельзя признать удачными, даже если взять ихъ въ отдѣльности.

Въ общемъ слѣдуетъ воздержаться отъ рекомендаціи этой книги читающей публикѣ. Начинающіе пусть обратятся къ соотвѣтствующимъ учебникамъ и популярнымъ курсамъ, которые имѣются въ достаточномъ количествѣ; ихъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить лежащая передъ нами книга. Читатели же, достаточно освѣдомленные въ трактуемыхъ вопросахъ могутъ быть увѣрены, что книга имъ ничего не дастъ. Нѣкоторый интересъ могутъ представить развѣ только иныя мѣста „финансовой науки", сильно разбавленной публицистикой.

Издана книга хорошо. („Рус. Бог." 1912—5.)

54. **Козьминыхъ-Ланинъ, И. М,** инж. 331.825 (47.31)

Врачебная помощь фабрично-заводскимъ рабочимъ въ уѣздахъ Московской губерніи. Ц. 1 р. 25 к. Москва.

Предметомъ своей новой работы инж. И. М. Козьминыхъ-Ланинъ взялъ вопросъ о врачебной помощи на фабрикахъ и заводахъ всей Московской губерніи (безъ города Москвы). Въ рядѣ цѣнныхъ таблицъ авторъ обработалъ данныя, относящіяся къ 1907 г. Изслѣдованіе охватило 464 промышленныхъ заведенія, съ 187.899 рабочихъ. Всѣ фабрики разбиты авторомъ на нѣсколько категорій, и какъ по категоріямъ ихъ такъ и по каждому, поименно, заведенію приводится подробнѣйшія — въ абсолютныхъ и %-хъ числахъ — свѣдѣнія, касающіяся организаціи и стоимости врачебной помощи. Чисто-врачебная часть цитируемой книги сопровождается весьма цѣнной другой: таблицами съ распредѣленіемъ рабочихъ по группамъ производствъ, полу и возрасту. Эти данныя обнимаютъ собою 80,7% отъ всего числа рабочихъ Московской губ. Если принять во вниманіе замѣчаніе автора о способѣ собиранія имъ свѣдѣній и системѣ провѣрки ихъ, то приходится сказать, что, благодаря новой книгѣ, мы имѣемъ отнынѣ предъ собой въ первый разъ развернутой всю картину дѣйствительнаго состоянія врачебной помощи на фабрикахъ Моск. губерніи. Вопросъ о врачебной помощи фабричному населенію не сходитъ съ очереди дня въ теченіе всѣхъ послѣднихъ лѣтъ. Для текущаго же момента, въ связи съ закономъ о страхованіи рабочихъ и больничныхъ кассахъ, онъ имѣетъ особенно важное значеніе. И, однако,

нужно сознаться, что по трактуемому вопросу въ нашей литературѣ до сихъ поръ имѣлось слишкомъ мало свѣдѣній. Несомнѣнно, авторъ вложилъ слишкомъ много труда въ составленіе своей книги. Но зато по объему, свѣжести и новизнѣ матеріала, а также широтѣ и многосторонности обработки его новый трудъ почтеннаго автора представляетъ собою положительно выдающуюся работу, въ нѣкоторыхъ же отношеніяхъ — прямо исключительную, до сихъ поръ безъ аналогіи, въ своей области. „Врачебная помощь“ съ ея богатѣйшимъ матеріаломъ должна явиться драгоцѣннымъ источникомъ для дальнѣйшей переработки въ спеціальныхъ монографіяхъ и сдѣлается надолго необходимымъ справочнымъ пособіемъ для каждаго практическаго дѣятеля въ области общественной и фабричной медицины. Можно лишь пожелать одного: чтобы въ слѣдующій разъ авторъ получилъ возможность издать свой трудъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ; съ точки зрѣнія требованій внѣшности— распредѣленія матеріала въ книгѣ и удобства пользованія имъ. Было бы желательно также видѣть распредѣленнымъ въ таблицы и тотъ цыфровый матеріалъ, что нынѣ пока оставленъ въ текстѣ; а также хорошо бы видѣть, дополнительно, цыфровые выводы по заболѣваемости рабочихъ и по квалификаціи врачебной — госпитальной (суточной и годовой) и амбулаторной — помощи имъ на фабрикахъ. (Я. „Стол. М.“ 1912—257.)

Къ сожалѣнію, этому „сырому“ матеріалу предпосланъ очень скудный текстъ, въ которомъ общіе выводы и характеристики какъ-то ужъ слишкомъ запрятаны, словно авторъ умышленно уклонялся отъ сообщеній. Не излишняя ли эта „осторожность“? (Вик. Н. Рѣчь“. 1912—127.)

55. **Лосицкій, А. Е.** 333.5(47)

Распаденіе общины. Спб. 1912. 65 стр., съ діаграммой и 5 картогр. Ц. 60 к.

Книжка г. Лосицкаго—докладъ, читанный въ ноябрѣ прошлаго года въ вольномъ экономическомъ обществѣ и около того же времени напечатанный въ двухъ книжкахъ „Соврем. Міра“. Книжка эта представляетъ несомнѣнный интересъ какъ по насущной важности темы, такъ и по обилію тщательно разработаннаго цифрового матеріала. Къ сожалѣнію, авторъ не мало постарался о томъ, чтобы обезцѣнить свою работу. Такому обезцѣненію, несомнѣнно, способствуетъ мелочно-злобный характеръ уснащающій изложеніе партійной или направленской полемики, а съ другой—его рѣзко выраженная предвзятость. Я не послѣдую за г. Лосицкимъ по пути сведенія счетовъ между кадетами, с.-д., трудовиками и т. п. Что касается предвзятости, то она достаточно ясно видна уже изъ самаго заглавія. Указъ 9-го ноября и смѣнившій его законъ 14-го іюня—это, по его терминологіи, „распаденіе“ общины. Для всякаго непредубѣжденнаго человѣка, хотя бы убѣжденнаго въ томъ, что община, вообще, обречена на окончательное распаденіе, названные законодательные акты представляютъ собою насильственное „разрушеніе“ общины,—для г. Лосицкаго это моменты „распаденія“.

Конечно, такого рода предвзятость только запутываетъ самого автора и вводитъ его въ противорѣчіе даже и съ самимъ собой. Г. Лосицкій рѣшительно и не безъ глумленія надъ несогласно мыслящими отрицаетъ значеніе административнаго воздѣйствія, какъ фактора, повліявшаго на географію „укрѣпленій“ по указу 9-го ноября. Если „укрѣпленія“—наряду съ подворными районами—особенно распространились на южномъ и восточномъ черноземѣ, то это просто потому, что это мѣстности съ значительнымъ развитіемъ капиталистическихъ отношеній и денежнаго хозяйства у крестьянъ. Но г. Лосицкій не будетъ отрицать того, что южный и восточный черноземъ—это районъ наиболѣе экстенсивнаго крестьянскаго хозяйства и обычныхъ голодовокъ; а самъ онъ признаетъ, что въ такихъ районахъ, передѣльная община весьма хорошо уживается, что „наиболѣе ея жизненныя формы географически совпадаютъ съ райономъ наиболѣе частыхъ голодовокъ“. Исходя изъ той же своей предвзятой точки зрѣнія, г. Лосицкій не въ мѣру умаляетъ значеніе „укрѣпленій“, предпринимавшихся въ цѣляхъ ликвидаціи надѣловъ и преувеличиваетъ значеніе выдѣловъ укрѣпленныхъ земель къ однимъ мѣстамъ; въ послѣднемъ случаѣ онъ допускаетъ такой способъ вычисленія, который не можетъ не удивить со стороны несомнѣнно опытнаго и свѣдующаго статистика: выдѣлы, по его разсчету, составляютъ весьма почтенный процентъ „укрѣпленной“ земли. Но такой большой процентъ получается благодаря тому, что г. Лосицкій вводитъ въ разсчетъ и разверстанія цѣлыхъ обществъ—явленіе, не имѣющее никакого отношенія къ „укрѣпленіямъ“ по указу 9-го ноября. Исходя все изъ той же точки зрѣнія, онъ признаетъ безусловно благопріятными для хуторского устройства результаты всѣхъ до сихъ поръ производившихся спеціальныхъ мѣстныхъ изслѣдованій.

Нельзя не пожалѣть, чтобы г. Лосицкій продолжалъ свои, очень старательныя работы въ данной области. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не пожелать ему при этомъ больше объективности и безпартійности. (А. Кауфманъ. „Рѣчь“ 1912—157).

Книжка г. Лосицкаго способна произвести впечатлѣніе тщательно выполненной и точно обоснованной работы. Многочисленныя таблицы, сложные и тонкіе разсчеты, выраженные въ цыфрахъ и иллюстрированные въ картограммахъ выводы... У тѣхъ, кто не имѣетъ склонности или возможности возиться съ цыфрами, раскиданными по разнымъ и при томъ несогласованнымъ между собою изданіямъ, легко можетъ явиться желаніе воспользоваться этими, уже готовыми выводами... Но выводы г. Лосицкаго натянуты и натянуты они въ одну сторону: лишь бы доказать быстрое распаденіе, общины,—не разрушеніе, а именно „распаденіе“ „(Рус. Бог.“ 1912—7).

Лосицкій ставитъ себѣ цѣлью „прослѣдить связь“ укрѣпленій и выдѣловъ изъ общины на хутора и отруба за послѣдніе 4—5 лѣтъ „съ болѣе ранними теченіями въ жизни деревни“ Но къ этой задачѣ г. Л. прибавляетъ и новую: по отношенію къ перемѣнамъ въ крестьянскомъ землевладѣніи онъ желалъ бы еще „отмѣтить ихъ особенности, районы ихъ распространенія, постараться подойти къ причинамъ, ихъ обусловившимъ, и констатировать намѣтившіяся ихъ послѣдствія“.—Разрушалась-ли, *вообще говоря*, община въ Россіи до указа 9 ноября, или, наоборотъ, прогрессировала? Данными г. Л. этотъ вопросъ не рѣшается ни въ ту, ни въ другую сторону...—Что касается районовъ распространенія выдѣловъ, то здѣсь матеріалъ г. Л. прежде всего очень и очень устарѣлъ.

Чрезвычайно неудачной оказалась попытка

г. Л. доказать, что хутора у насъ имѣютъ блестящее будущее... (Б. Черневковъ „Завѣты“ 1912—4).

* [. . . . .] 338:352 (47):016

См. порядк. № 46.

56. **Дриль, Д. А.** 343.2

Ученіе о преступности и мѣрахъ борьбы съ нею. Съ приложеніемъ статей М. Слобожанина, А. Ѳ. Кони, М. Ковалевскаго и В. М. Бехтерева. Изд. „Шиповникъ“. Стр. 568. Ц. 4 р.

Основная мысль автора, формулированная на первыхъ же страницахъ книги, заключается въ томъ, что „явленія человѣческой преступности тѣсно связываются и сплетаются съ явленіями общечеловѣческой психики, съ явленіями нравственности (и при томъ нравственности не только самаго нарушителя, но и всего общества), съ явленіями экономическими и, вообще, со всѣми явленіями индивидуальной и общественной жизни. Согласно этому, содержаніемъ его курса является „ученіе о человѣческой преступности, какъ субъективномъ состояніи, предрасполагающемъ къ преступленію, о ея производящихъ причинахъ и дѣйствительныхъ, цѣлесообразныхъ средствахъ борьбы съ нею“. Курсъ преслѣдуетъ двѣ задачи: „возможно болѣе наглядное выясненіе понятія о непреложныхъ сцѣпленіяхъ производящихъ причинъ и ихъ необходимыхъ слѣдствій въ области человѣческой преступности, — иначе говоря, выясненіе понятія о неизмѣнныхъ законахъ природы, этими явленіями управляющихъ“... и „выясненіе того положенія, что средствомъ общественнаго выздоровленія и огражденія общества отъ развращающаго зла преступленія должны служить планомѣрныя усилія, направленныя не только къ развитію физическаго и душевнаго здоровья отдѣльныхъ индивидовъ, но и совокупности ихъ, т. е. общества“. По мнѣнію Д. А. Дриля, уголовное право есть наука прикладная, потому что она имѣетъ опредѣленную практическую цѣль,—борьбу съ преступностью. Если эта цѣль не достигается, значитъ руководящая теорія прикладной науки погрѣшаетъ... Авторъ дѣлитъ исторію уголовнаго права на четыре періода: 1) періодъ общинно-родового быта, 2) періодъ развитія политическаго общества, 3) періодъ философской мысли—зарожденія, развитія и господства такъ называемой „классической“ школы уголовнаго права, и 4) періодъ новѣйшій,—періодъ предпринятаго научнаго изученія явленій преступности и дѣйствительныхъ средствъ борьбы съ нею,—періодъ господства стремленій воздѣйствовать въ сферѣ общественной и индивидуальной на самыя причины преступности. По этимъ четыремъ періодамъ онъ и ведетъ свое изложеніе... Взгляды Д. А. Дриля на „классическую“ школу уголовнаго права, на значеніе юридической догматики и юридическихъ конструкцій не отличаются ни глубиною, ни оригинальностью. Мы не найдемъ этихъ свойствъ и въ тѣхъ частяхъ его труда, гдѣ онъ излагаетъ воззрѣнія „новой“ школы, ученія представителей „научнаго“ направленія. Но книга его, содержа обширный матеріалъ, изложенный ясно, просто и убѣдительно, проникнута большой силой гуманной вѣры въ общественный прогрессъ, горячей любовью къ обездоленнымъ, стремленіемъ къ лучшей, болѣе справедливой оцѣнкѣ павшихъ, къ ихъ возрожденію. Прекрасная нравственная личность покойнаго, отдавшаго столько силъ общественному служенію, свѣтитъ въ этой книгѣ, дѣлая ее дорогою и близкою каждому, кто ищетъ болѣе плодотворныхъ средствъ борьбы съ общественнымъ зломъ во всѣхъ его проявленіяхъ. Къ книгѣ приложены отличный портретъ автора, обстоятельный и любовный біографическій очеркъ М. Слобожанина, двѣ характеристики—одна, принадлежащая перу А. Ѳ. Кони, другая—М. М. Ковалевскаго, и статья В. М. Бехтерева „объективно-психологическій методъ въ примѣненіи къ изученію преступности“, напечатанная въ „Вѣстникѣ Европы“, а затѣмъ мѣстами значительно дополненныя и переработанныя. (Влад. Набоковъ. „Ж. Угол. Пр. и Проц.“ 1912—3).

Настоящее посмертное изданіе труда Дриля должно привѣтствовать во всѣхъ отношеніяхъ. Этимъ не только выполненъ нравственный долгъ передъ памятью покойнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя быть можетъ отчасти, удовлетворена потребность широкихъ круговъ общества глубже уяснить себѣ его гуманные на преступность и преступника взгляды, горячимъ поборникомъ которыхъ онъ оставался всю свою жизнь.

Внѣшней отличительной особенностью этого курса является ясность и непосредственность изложенія. Широкій кругозоръ автора, его всесторонній практическій опытъ, умѣнье пользоваться примѣрами живой дѣйствительности, сдѣлали то, что онъ съ одинаковымъ интересомъ будетъ читаться не только спеціалистомъ, но и лицомъ вообще образованнымъ, для котораго не чужды интересы его ближняго. Нельзя не признать удачной мысль дать въ первомъ посмертномъ изданіи трудовъ Дриля всестороннюю характеристику его, какъ человѣка, ученаго и общественнаго дѣятеля. Съ успѣхомъ выполнена эта задача. Въ лицѣ авторитетныхъ ученыхъ и представителей общественной совѣсти онъ нашелъ здѣсь должное признаніе своихъ заслугъ передъ наукой и обществомъ. (Н. Ленскій. „Ж. Мин. Юст.“ 1912—5.)

57. **Быховскій, В. В.** 347.62(47)

„Бракъ и разводъ“. Библіотека общедоступнаго законовѣдѣнія. Изд. В. М. Саблина. М. 1912. 277+V. Ц. 1 р. 50 к.

Трудъ Быховскаго скорѣе механическая сводка сырого матеріала, чѣмъ его органическая обработка. Правда, вся первая треть его сборника озаглавлена какъ „систематическій очеркъ“ (3—101 стр.). Но она составляетъ самое слабое мѣсто въ его книгѣ по неясности, неполнотѣ, а иногда даже и сомнительности заключающихся здѣсь свѣдѣній.

Такъ, напр., въ самомъ же началѣ книги, въ главѣ объ „условіяхъ брака“, или что то же — о препятствіяхъ къ нему, авторъ не проводитъ рѣзкой черты между условіями только „препятствующими“ браку и условіями его „разрывающими“, что крайне важно въ опредѣленіи дѣйствительности и законности браковъ. Въ излишне пространной главѣ объ „отношеніяхъ между супругами“ авторъ приводитъ цѣлый рядъ противорѣчивыхъ показаній о правѣ жены требовать себѣ отдѣльный отъ мужа видъ на жительство. Тамъ же дѣлаетъ сомнительное утвержденіе о возможности для законно разведенной жены пользоваться правами состоянія ея бывшаго мужа. А на стр. 11-й авторъ ужъ прямо вводитъ въ заблужденіе, когда говоритъ, что въ счетъ трехъ браковъ не включаются браки, признанные

недѣйствительными вопреки опредѣленному постановленію синода отъ 27 апрѣля 1830 года.

Но если „систематическій очеркъ“ г. Быковскаго недостаточно удовлетворителенъ, то собранные имъ матеріалы представляютъ безусловно цѣнное и полезное практическое пособіе для юриста, избавляя его отъ необходимости рыться въ огромной спеціальной законодательной и юридической литературѣ. Очень практичны и приложенные къ сборнику образцы дѣловыхъ бумагъ. Не безполезенъ также и „предметный алфавитный указатель“, имѣющійся въ самомъ концѣ сборника. Жаль только, что онъ составленъ слишкомъ кратко и обще, а то онъ значительно могъ бы исправить главные дефекты сборника. При возможности повторнаго изданія необходимо „Указатель“ разработать внимательно и подробно (пр.-доц. П. А. Покровскій. „У. Рос.“ 1912—202).

Книжка составлена весьма внимательно и со знаніемъ предмета. (Н. І. „Рус. Вѣд.“ 1912 — 209.)

58. **Никоновъ, Б. П.** 347.63(47)

Споръ о ребенкѣ. Законъ и судебная практика по вопросу объ отобраніи родителями своихъ дѣтей отъ постороннихъ лицъ. СПБ. 1911 г. Стр. 72. Ц. 60 коп.

Содержаніе изслѣдованія г. Никонова довольно точно отвѣчаетъ подзаголовку его монографіи; авторъ ограничиваетъ свою задачу исключительно случаями спора родителей ребенка съ посторонними лицами, сознательно исключая изъ сферы своего изслѣдованія вопросъ о спорѣ изъ-за ребенка между родителями. Суженной до такихъ предѣловъ работѣ г. Никонова нельзя, однако, отказать въ полнотѣ; онъ не только подробно останавливается на анализѣ дѣйствующихъ законодательныхъ нормъ по этому вопросу, не только сопоставляетъ ихъ съ законодательствомъ о защитѣ правъ дѣтей въ другихъ государствахъ, но тщательно разбирается въ противорѣчіяхъ судебной практики, правда, неособенно многочисленной по этой категоріи дѣлъ. Въ заключеніе авторъ знакомитъ съ точкой зрѣнія на этотъ вопросъ проекта нашего новаго гражданскаго уложенія и, отмѣчая недостаточность этихъ положеній, пытается намѣтить рядъ коррективовъ къ нимъ. (А. Ельницкій. „Совр. М.“ 1912—2.)

Казалось бы страннымъ, какъ это можно спорить о правѣ на ребенка, какъ на какую-то неодушевленную вещь, а между тѣмъ, съ подобными дѣлами нерѣдко приходится встрѣчаться въ гражданскомъ судѣ. И для тяжущихся будетъ полезной работа г. Никонова, дающая и теоретическій очеркъ того института, „во имя котораго, какъ онъ говоритъ, совершаются эти судебныя жертвоприношенія“, и „колекцію дѣлъ по спору о ребенкѣ“, которая сообщаетъ цѣнныя данныя относительно судебной практики по такимъ дѣламъ, и нѣсколько соображеній о желательныхъ измѣненіяхъ въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ законодательства. (Юристъ. „Россія“ 1912 — 2094.)

59. **Беловъ, Г. фонъ, проф.** 352(43)„04:15“

Городской строй и городская жизнь средневѣковой Германіи. Перев. съ нѣм. Е. П. Петрушевской, подъ ред., съ предисл. и вступит. статьей Д. Петрушевскаго. М. 1912 г. Стр. LXVII+224. Ц. 1 р. 25 к.

До послѣдняго времени на русскомъ языкѣ не было ни одной серьезной работы, которая выяснила бы городской строй средневѣковой Германіи во всемъ его многообразіи. Извѣстные труды Бюхера и Зомбарта, посвященные исключительно экономическимъ вопросамъ, заполняли этотъ пробѣлъ лишь до извѣстной степени. Въ виду этого русскій переводъ книги такого талантливаго ученаго, какъ проф. Беловъ, притомъ сдѣланной превосходно, является вполнѣ своевременнымъ.

Въ своемъ сочиненіи Беловъ яркими красками рисуетъ общую и вмѣстѣ съ тѣмъ очень конкретную картину развитія городской жизни въ Германіи со времени возникновенія въ ней городовъ, начиная отъ римской эпохи и до XVI в. Эта картина даетъ отчетливое понятіе и о политическомъ состояніи нѣмецкихъ городовъ, и объ ихъ экономическомъ значеніи, а главное—о внутреннихъ сторонахъ городского быта: о взаимныхъ отношеніяхъ и образѣ жизни разныхъ группъ городского населенія, о городскихъ архитектурѣ и искусствѣ, о городскомъ правѣ и управленіи и т. д. Это сочиненіе, какъ справедливо указываетъ проф. Петрушевскій, можетъ служить превосходнымъ введеніемъ къ болѣе спеціальнымъ занятіямъ средневѣковой городской исторіей.

Въ русскомъ изданіи, для цѣлей этихъ болѣе спеціальныхъ занятій, приложенъ переводъ слѣдующихъ статей Белова, представляющихъ собой болѣе детальную разработку основныхъ вопросовъ экономической и соціальной исторіи средневѣкового города: „О теоріяхъ хозяйственнаго развитія народовъ вообще и о городскомъ хозяйствѣ нѣмецкаго средневѣковья въ особенности“; „Критика вотчинной теоріи“ и „Историческое мѣсто работы на заказъ“. Въ этихъ статьяхъ, носящихъ полемическій характеръ, Беловъ выступаетъ противникомъ теоріи Бюхера, высказанной имъ въ его трудѣ: „Возникновеніе народнаго хозяйства“. Попутно онъ дѣлаетъ очень цѣнныя критическія замѣчанія и по адресу другихъ ученій о хозяйственной эволюціи средневѣковаго города.

Чтобы дать возможность русскому читателю нѣсколько ориентироваться среди всѣхъ этихъ ученій, редакторъ перевода составилъ прекрасный систематическій обзоръ ихъ, который особенно полезенъ еще и потому, что является на русскомъ языкѣ единственнымъ, если не считать краткихъ свѣдѣній о нихъ въ словарѣ Брокгауза и Евфрона. Въ этомъ обзорѣ превосходно охарактеризованы взгляды на средневѣковый городской строй романистовъ: Эйхгорна, Арнольда, Нича, Вильды, Гирке, Маурера, Зома, Кейтеена, Ритшеля и самого Белова. (С. В—скій. „Рѣчь“. 1912—171).

Фрейбургскій профессоръ Георгъ фонъ-Беловъ принадлежитъ къ числу наиболѣе талантливыхъ представителей современной исторической науки. Слѣдуетъ привѣтствовать выходъ въ свѣтъ сборника его важнѣйшихъ произведеній въ русскомъ переводѣ, подъ ред. проф. Петрушевскаго. Особенно цѣнными являются помѣщенные въ настоящемъ сборникѣ очерки городской жизни и городского строя, дающіе яркую картину средневѣковыхъ общественныхъ условій. Переводъ въ общемъ сдѣланъ не дурно, и многія трудныя

мѣста переданы удачно; но встрѣчаются шероховатости...

Вступительная статьи г. Д. Петрушевскаго, въ которой на протяженіи 68 стр. излагаются различныя теоріи возникновенія городского строя, знакомитъ читателя съ очень важной проблемой исторической науки. Къ сожалѣнію, она написана сухо, и характерныя особенности отдѣльныхъ теорій, отличающія данное ученіе отъ прочихъ, недостаточно оттѣнены, такъ что читателю, незнакомому съ вопросомъ, не совсѣмъ легко будетъ разобраться въ изложенныхъ теоріяхъ. („Русс. Бог." 1912—7.)

* [. . . . .] 352 (47) : 338 : 016

См. порядк. № 46.

60. **Кершенштейнеръ, Г.** 371

Основные вопросы школьной организаціи. (ПБ. Безплатное прилож. къ № 12 газеты „Школа и Жизнь".

Идеи мюнхенскаго реформатора шагъ за шагомъ завоевываютъ вниманіе всего міра. Это вполнѣ естественно при томъ кризисѣ, какой переживаетъ школьное дѣло въ настоящее время—съ одной стороны—и оригинальности и смѣлости выводовъ названнаго педагога—съ другой. Самый вопросъ, поставленный въ заголовкѣ книги, является уже характернымъ показателемъ „вѣяній времени". Въ этомъ исканіи „основныхъ вопросовъ школьной организаціи" сказываются требованія современности съ ея быстрымъ движеніемъ въ сторону всеобщности труда.

Естественно, что у одного изъ виднѣйшихъ современныхъ педагоговъ на первый планъ выставляется трудовой принципъ. На немъ хочетъ построить новую школу Кершенштейнеръ,—этотъ убѣжденный приверженецъ „единаго" основанія въ школьномъ обученіи. Самое общее требованіе мюнхенскаго педагога—„необходимость превращенія нашихъ школъ словеснаго обученія въ школы работы". Цѣль школы—выработать въ ученикѣ „самостоятельность, смѣлую инціативу и научную честность". Только такое воспитаніе (образованіе) можетъ дать „полезнаго человѣка и черезъ него привести къ человѣку „идеальному". „Полезный же человѣкъ—тотъ, кто знаетъ задачу свою и своего народа и имѣетъ силу и волю, чтобы ее выполнить". Отсюда естественно вытекаетъ у Кершенштейнера проблема гражданскаго воспитанія.

Школа должна быть общедоступна и едина. Свобода воспитанія—необходимый элементъ школы. Фундаментъ образованія—трудъ. „Профессіональное образованіе стоитъ на порогѣ общеобразовательнаго", а потому начальная трудовая школа должна быть одна и та же для всѣхъ сословій и только дальше идетъ дифференціація.

Въ разсматриваемой книжкѣ — 7 статей Кершенштейнера: 1) Профессіональное или общее образованіе; 2) Продуктивная работа и ея воспитательное значеніе; 3) Организація народной школы; 4) Школа будущаго—школа работы; 5) Пять основныхъ принциповъ организаціи среднихъ школъ; 6) Образованіе учителей и 7) Проблема народнаго воспитанія.

Въ отдѣльной продажѣ книжка стоитъ 50 коп. (Н. Ог—овъ. „Голосъ". 1912—168).

...У автора есть мысли, что не часто встрѣчаются у практиковъ-педагоговъ. Мимо его книжки нельзя пройти безъ вниманія. Она принадлежитъ къ тѣмъ, которыя вызываютъ на размышленія. Не говоря о частныхъ, вѣдь и основныя мысли Кершенштейнера рѣшаютъ тѣ вопросы, которые стоятъ на очереди и вызываютъ попытки такъ или иначе отвѣтить на нихъ практически: это—книжность обученія, многопредметность, индивидуализація, продолженіе своего образованія за порогомъ школы и др. Тѣмъ, кто возьмется прочесть книгу К., мы очень рекомендуемъ обратить вниманіе на мысли его по послѣднему вопросу. (А. Острогорскій. „Пед. Обозр." 1912—2).

61. [. . . . .] 371

Коллекціи спеціальныхъ пособій для формальнаго развитія и изслѣдованія умственно-дефективныхъ школьниковъ и для занятій въ дѣтскихъ садахъ. Сост. персоналомъ санаторія-школы для дефективныхъ дѣтей д-ра В. П. Кащенко. Съ 7 рис. М. 1912. Стр. 26. Ц. 60 к.

При соблюденіи всѣхъ требованій гигіены умственнаго труда, при любовномъ вниканіи во всѣ душевныя переживанія ребенка, при добросовѣстномъ изученіи его индивидуальныхъ особенностей и характера одаренности—можно развивать духовныя силы дѣтей съ помощью полезныхъ, нужныхъ имъ въ жизни знаній, вводящихъ въ пониманіе духовной культуры взрослыхъ. Такъ именно смотритъ на дѣло, напр., проф. Мейманъ: „Я не могу присоединиться, — говоритъ онъ, — къ требованію новѣйшихъ психологовъ, которые настаиваютъ на введеніи въ народной школѣ особыхъ уроковъ для формальныхъ упражненій памяти, вниманія и т. д.; по моему мнѣнію, мы должны научиться больше пользоваться существующимъ преподаваніемъ для формальнаго умственнаго образованія, и только въ качествѣ вспомогательнаго средства, когда мы имѣемъ дѣло съ отстающими и слабыми дѣтьми, умѣстны особыя формальныя умственныя упражненія. По нашему мнѣнію, въ школахъ для умственно-дефективныхъ дѣтей такія формальныя упражненія не только умѣстны, а прямо-таки необходимы неизбѣжно".

Такую именно задачу — дать систематическій подборъ упражненій для формальнаго развитія способностей и ставитъ себѣ разсматриваемая нами книга. Надо сказать, что задача эта выполнена очень удовлетворительно и, несомнѣнно, книжка д-ра Кащенко окажется очень полезной для вспомогательныхъ школъ, дѣло организаціи которыхъ и у насъ начинаетъ развиваться.

Всего въ книжкѣ помѣщено описаніе 128 упражненій и занятій, раздѣленныхъ на 30 группъ въ постепенной сложности. При помощи ихъ имѣется въ виду развитіе представленій длины, ширины, высоты, толщины, объема, площади, различныхъ формъ, представленія о тупомъ, остромъ, остроконечномъ, представленія о глубинѣ, прямизнѣ, кривизнѣ, выпуклости, вогнутости, выгнутости, о наклонномъ положеніи; развитіе чувства симметріи, представленія о направленіи, о мѣстоположеніи и разстояніи, о количествѣ, о цвѣтѣ; развитіе пониманія планометрическаго изображенія вещей; развитіе представленій о гладкости, шероховатости, мягкости, жидкости, твердости, тяжести, о различныхъ свойствахъ матеріала, о звукахъ и шумахъ, о запахахъ, вкусахъ, о теплѣ, холодѣ; развитіе вниманія и наблюдательности, воображенія; сравненіе сложныхъ представленій; обобщенія и опредѣленія.

комбинаторной способности и ассоціацій. Часть этихъ упражненій заимствована изъ уже существующихъ коллекцій, часть придумана самими авторами — учителями школы для отсталыхъ дѣтей въ санаторіи. Разумѣется, всѣ эти упражненія могутъ служить не только для развитія способностей, но при извѣстныхъ условіяхъ и для ихъ изслѣдованія, для выясненія ихъ роста. Такую же роль эта коллекція можетъ играть въ низшихъ классахъ начальныхъ школъ и дѣтскихъ садахъ. Для формальнаго же развитія способностей нормальныхъ дѣтей въ начальныхъ школахъ и дѣтскихъ садахъ, конечно, гораздо большее значеніе имѣетъ ручной трудъ, рисованіе, лѣпка и подвижная игра всякаго рода. Вообще надо сказать, что всякія упражненія для формальнаго развитія способностей только тогда приносятъ дѣйствительную пользу, когда они дѣлаются дѣтьми охотно и приближаются къ игрѣ. (Н. Румянцевъ. „Рус. Шк.“ 1912 — 3.)

Къ сожалѣнію, авторы не распредѣляютъ пособій по ихъ примѣнимости въ дѣскихъ садахъ и младшихъ отд. начальной школы, что имѣло бы для пользованія пособіями большой практическій смыслъ; въ числѣ категорій формальнаго развитія отсутствіе, напр., развитія эстетическаго вкуса (упражненія на выработку понятій о красивомъ и некрасивомъ и т. д.). Считать это излишнимъ нельзя, такъ какъ съ точки зрѣнія современной педагогики развитіе художественнаго вкуса есть также „умственное развитіе“, имѣющее важное образовательно-воспитательное значеніе. (С. Петровъ. „Пед. Обозр.“ 1912 — 2.)

62. **Дорофеевъ, Н. К.** 371.65

Школьный музей. Опытъ программы и способа составленія школьнаго музея. Люблинъ. 1912. Стр. 221. Ц. 50.

Общія мысли высказаны во введеніи. А дальше 4 главы „полезныхъ и практическихъ свѣдѣній“ кратко и ясно повторяютъ то, что составляетъ азбуку музейнаго дѣла и что давно уже повторялось очень многими учителями новаторами. Гораздо слабѣе вся остальная (и при томъ большая) часть книги. Она страдаетъ недочетами, характерными для провинціальнаго автора, который наѣзжаетъ въ столицы лишь урывками и урывками же собираетъ необходимыя для него свѣдѣнія. Онъ перечисляетъ разные каталоги и прейсъ-куранты, даетъ названіе книгъ, частью старыхъ, частью неимѣющихъ прямого отношенія къ музею... Самая существенная часть книжки: „перечень отдѣловъ музея и ихъ составъ“ является въ то же время и самою неудовлетворительной. Это — простая перепечатка извлеченій изъ различныхъ школьныхъ программъ.

Книжка г. Дорофеева можетъ быть для многихъ полезной. Тѣмъ досаднѣе, что въ намѣченныхъ авторомъ рамкахъ она многаго не договариваетъ, а многое представляется въ невѣрномъ видѣ. Трудно сочинять музейные „опыты“ человѣку, стоящему вдали отъ музеевъ. (М. Новорусскій. „Рус. Шк.“ 1912—4).

Это книжка, которую я не могу назвать иначе, какъ „удивительной“, ибо почти на каждой страницѣ сообщаются такія вещи, что не знаешь, чему больше удивляться—невѣжеству ли автора или, выражаясь мягко, его смѣлости...

Совѣты г. Д. не заключаютъ ничего новаго, изложены же они неуклюжимъ языкомъ и пестрятъ множествомъ опечатокъ, какъ вообще и вся книжка. (Л. Никоновъ. „Изв. пост. ком.“ 1912—3).

63. [. . . . .] 38(47)(063)

Совѣтъ съѣздовъ представителей промышленности и торговли. Статистическій ежегодникъ на 1912 годъ. Подъ ред. завѣд. статист. отдѣломъ совѣта съѣздовъ В. И. Шараго. Спб., 1912. XXII, 227, 121, 173, 15 стр. Цѣна 4 рубля.

Цѣль этого новаго справочника—„дать въ руки лицамъ, интересующимся вопросами экономической жизни Россіи, справочную книгу, въ которой они могли бы найти статистическія данныя, освѣщающія важнѣйшія стороны русскаго народнаго хозяйства“ (III). Потребность въ такого рода изданіи,—какъ справедливо замѣчаетъ редакторъ В. И. Шарый, не устраняется существованіемъ ряда другихъ, болѣе или менѣе систематически выходящихъ справочниковъ, которые либо относятся къ какой-либо одной спеціальной сферѣ, либо оставляютъ желать многаго по своему выполненію. Появляясь въ свѣтъ впервые, данная работа носитъ,— какъ подчеркиваетъ ея редакторъ, — характеръ перваго опыта, который рѣшено было „ограничить главнѣйшими вопросами и готовыми статистическими матеріалами“ (III—IV); въ послѣдующихъ изданіяхъ объемъ сборника предполагается значительно расширить введеніемъ новыхъ отдѣловъ, а также приводить сравнительныя данныя по иностраннымъ государствамъ (VI). Тотъ матеріалъ, который даетъ настоящій первый ежегодникъ совѣта съѣздовъ, сгруппированъ въ три крупныхъ отдѣла или части: пространство и населеніе, сельское хозяйство и промышленность,— финансы и кредитъ,—торговля и пути сообщенія,—и, такимъ образомъ, стремится объять, въ своей совокупности, всѣ существенные моменты хозяйственной жизни страны.

По идеѣ своей статистическое предпріятіе совѣта съѣздовъ безусловно полезно и идетъ навстрѣчу несомнѣнной, до сихъ поръ еще остающейся неудовлетворенною потребности. Исполнено оно,—въ особенности если принять во вниманіе его характеръ, какъ перваго опыта, въ общемъ вполнѣ удовлетворительно, въ смыслѣ какъ подбора матеріала, такъ,—хотя и въ меньшей степени,— его обработки. Особенно цѣнны тѣ небольшія введенія, которыя предпосылаются отдѣльнымъ таблицамъ или группамъ таблицъ, въ совокупности охватывающихъ какую-либо опредѣленную область,—введенія, въ которыхъ дается сжатая характеристика источниковъ, изъ коихъ заимствуются тѣ или другія цифры,—отчасти же и общая цифровая характеристика данной области хозяйственной жизни. (А. Кауфманъ „Рѣчь“. 1912—178).

64. **Конъ, Э.**, проф. и **Пуанкаре, Г.**, акад. 531

Пространство и время съ точки зрѣнія физики. Перев. подъ ред. „Вѣст. опыт. физики“. Изд. „Mathesis“. Одесса. 1911. Стр. 81. Ц. 40 к.

Сущность содержанія этой книжки, трактующей о новѣйшихъ „переживаніяхъ“ физической мысли „въ ея исканіяхъ образа міра“, резюмирована проф. Э. Кономъ въ слѣдующихъ словахъ: „Всѣ явленія протекаютъ въ пространствѣ

и во времени". Место и время служитъ независимыми перемѣнными, а всѣ прочія величины мы стремимся представить въ функціи отъ нихъ. Поэтому первымъ условіемъ существованія физики, какъ науки, является возможность количественно выразить пространство и время. Что это выполнимо,—т.-е. что каждому отрѣзку можно *однозначнымъ образомъ* приписать опредѣленное значеніе въ метрахъ, а каждому промежутку времени — опредѣленное значеніе въ секундахъ, — кажется чѣмъ-то самоочевиднымъ. Однако, наука показала, что это не такъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ наши понятія пространства и времени подверглись коренному измѣненію. Эта перемѣна во взглядахъ и составляетъ предметъ дальнѣйшаго изложенія".

Авторы сдѣлали все возможное, чтобы разъяснить неспеціалисту сущность принципа относительности и новой механики. Но усвоеніе этихъ новыхъ идей трудно и для спеціалиста. Только тогда, когда идеи эти войдутъ въ плоть и въ кровь научнаго міровоззрѣнія, они станутъ доступными для мало подготовленнаго къ ихъ воспріятію читателя. Теперь же даже читателю съ университетскимъ образованіемъ по физикѣ потребуется значительное напряженіе мысли для проникновенія въ глубину идей, о которой трактуется въ этой книжкѣ двумя извѣстными учеными и популяризаторами. (А. П. „Природа." 1912—7—8).

Мы должны быть благодарны одесскому издательству за то, что оно дало русскому читателю маленькую книжку, заключающую въ себѣ переводъ работы Кона и лекціи Пуанкаре, посвященные принципу относительности. Этотъ „принципъ относительности" лежитъ въ основѣ „новой механики", грозящей совершенно разрушить сложную механику Галилея и Ньютона... Читатели, которые заинтересовались бы этимъ ученіемъ, должны обратиться къ самой реферируемой нами маленькой книжкѣ, которая написана популярно, конечно, насколько можно популярно говорить о такомъ необычайно трудномъ вопросѣ. («Рус. Бог.» 1912—7).

65. **Майкельсонъ, А. А.** 535

Свѣтовыя волны и ихъ примѣненія. Перев. подъ ред. и съ примѣч. А. А. Гершуна. Изд. „Физика". Спб. 1912. Стр. 224+X. Ц. 1 р. 20 коп.

Русскій читатель имѣетъ въ своемъ распоряженіи немного такихъ произведеній популярно-научной литературы, которыя можно было бы поставить на одну доску съ превосходной книгой американскаго ученаго А. Майкельсона, выпущенной теперь въ русскомъ переводѣ. Книга эта представляетъ рѣдкое сочетаніе достоинствъ оригинальнаго изслѣдованія съ дѣйствительной доступностью изложенія. Авторъ—самъ выдающійся работникъ въ области физической оптики и касается въ книгѣ преимущественно тѣхъ вопросовъ, въ разрѣшеніи которыхъ ему самому приходилось принимать непосредственное участіе. Этимъ и опредѣляются границы содержанія книги: читатель въ ней найдетъ, главнымъ образомъ, изложеніе явленій и теоріи интерференціи: вслѣдъ за описаніемъ явленія интерференціи и приборовъ, съ помощью которыхъ производятся изслѣдованія въ этой области, авторъ подробно знакомитъ насъ съ примѣненіемъ интерференціонныхъ методовъ къ разрѣшенію различнаго рода теоретическихъ и практическихъ вопросовъ физики: къ измѣреніямъ разстояній и угловъ, къ спектроскопіи, къ выработкѣ „абсолютной" единицы длины, къ изслѣдованію Зеемановa явленія (т. е. вліянія магнитнаго поля на свѣтовыя волны), наконецъ, къ изслѣдованію небесныхъ свѣтилъ. Послѣднюю главу авторъ посвящаетъ эфиру, съ помощью котораго онъ хочетъ дать одно „изъ наиболѣе грандіозныхъ обобщеній современнаго знанія (можетъ быть, — замѣчаетъ авторъ,—оно и невѣрно, но хотѣлось бы, чтобы оно было вѣрнымъ),—именно, что всѣ физическія явленія представляютъ только различныя проявленія разныхъ видовъ движеній одного всепроницающаго вещества—эфира".

Не задаваясь, такимъ образомъ, цѣлью дать полный систематическій курсъ физической оптики, авторъ зато въ той области вопросовъ, которой онъ посвящаетъ свою книгу, ведетъ читателя, такъ сказать, въ самую лабораторію научнаго изслѣдованія: онъ не преподноситъ намъ прямо, какъ нѣчто готовое, послѣднихъ выводовъ науки, но знакомитъ насъ съ самыми методами добыванія научныхъ истинъ, и послѣднія не только много выигрываютъ отъ этого въ своей убѣдительности, но и пріобрѣтаютъ особую эстетическую привлекательность, какъ дѣтище, до извѣстной степени, нашей собственной работы мысли. Какъ будто бы самъ присутствуешь при множествѣ опытовъ, столь изящно задуманныхъ и столь тонко выполненныхъ, которые описываются въ каждой главѣ. („Вѣст. Зн." 1912—3).

Русское изданіе книги Майкельсона отличается отъ оригинала: въ оригиналѣ книга состоитъ изъ восьми главъ; русское же изданіе заключаетъ въ себѣ, кромѣ упомянутыхъ выше восьми главъ, еще пять, добавленныхъ редакторомъ изданія, проф. Хвольсономъ, и его примѣчанія къ каждой главѣ... Проф. Хвольсонъ добавилъ сюда главы, посвященныя диффракціи свѣта, интерференціонным полосамъ и спектральному анализу... Изданіе книги, равно какъ и рисунки, исполнены весьма тщательно. (А. Лѣтникъ. „Рус. М". 1912—2).

. . . Мало удовлетворительны для насъ теперь мысли Майкельсона о значеніи эфирной гипотезы. Со времени появленія его книги (1899 г.) положеніе дѣлъ—и именно подъ замѣтнымъ вліяніемъ его же работъ—радикально измѣнилось. На недостатки въ этомъ отношеніи изложенія Майкельсона указываетъ въ своей замѣткѣ „Современное положеніе вопроса объ эфирѣ" проф. Хвольсонъ, многочисленныя примѣчанія котораго значительно облегчаютъ чтеніе превосходной книги американскаго ученаго. (П. Юшкевичъ, „Нов. Ж". 1912—2).

66. **Лондонъ Дж.** 82(73)—3

Собраніе сочиненій съ предисловіемъ Л. Андреева. Перев. съ анг. подъ ред. А. И. Кудрявцевой. Спб.—1912. Книго-во „Прометей". Томъ II. Обреченные.—Игра. Перев. съ англ. А. В. Каменскаго. Стр. 244. Ц. 1 р. Томъ VI. Голосъ крови и др. разсказы. Перев. Зин. Львовскаго и друг.

Джекъ Лондонъ прозванъ „американскимъ Горькимъ" по сходству судьбы и таланта съ нашимъ писателемъ. Въ произведеніяхъ Джека Лондона—говоритъ о немъ русскій писатель А. Купринъ—чувствуется живая настоящая кровь,

громадный личный опытъ, слѣды перенесенныхъ въ дѣйствительности страданій, трудовъ и наблюденій. Поэтому-то экзотическія повѣсти Лондона производятъ такое чарующее, неотразимое впечатлѣніе. Главныя его достоинства: простота, ясность, дикая, своеобразная поэзія, мужественная красота изложенія и какая-то особенная собственная увлекательность сюжета".

„Читаешь его—говоритъ о Лондонѣ другой крупный писатель, Л. Андреевъ—и словно выходишь изъ какого-то тѣснаго закоулка на широкое лоно морей, забираешь грудью соленый воздухъ и чувствуешь, какъ крѣпчаютъ мускулы, властно зоветъ вѣчно невинная жизнь къ работѣ и борьбѣ".

Англійскій Горькій пишетъ только то, что непосредственно видѣлъ, наблюдалъ и пережилъ. А видѣлъ онъ и испыталъ весьма многое. Въ Лондонѣ онъ спускался лѣтомъ 1902 г. въ подземный міръ столицы Англіи и жилъ бокъ о-бокъ съ людьми голодными и нищими, опустившимися на „дно", извѣдалъ всѣ глубины той „бездны", въ которой погибаетъ громадное число бѣдн. лондон. жителей, не знающихъ куда преклонить главу, и гдѣ достать кусокъ пищи. Судьба этихъ людей изображена въ „Обреченныхъ"—во II томѣ сочиненій Лондона.

Среди этихъ несчастныхъ, погрузившихся въ „бездну", не мало и такихъ, что стоятъ на ея краю: это—рабочіе и мастеровые, борющіеся за свой семейный уголъ, за свой кусокъ хлѣба. Но существованіе ихъ не менѣе ужасно, чѣмъ сидящихъ на самомъ „днѣ": живутъ они крайне стѣсненно, въ смрадныхъ помѣщеніяхъ, среди тяжелой гигіенической и моральной обстановки.

Очень обстоятельно авторъ анализируетъ и причины, доводящія англійскихъ рабочихъ до жизни такой. Главная причина—эксплуатація труда въ условіяхъ капиталистическаго хозяйства. Природа современнаго экономическаго строя такова, что „всѣ люди медлительные и неловкіе, всѣ слабые умственно или физически, или тѣ, у кого не хватаетъ нервной, умственной и физической выдержки и силы, должны опуститься, — иногда сразу, иногда медленно, шагъ за шагомъ, пока всѣ они окажутся на днѣ".

О томъ, какъ эксплуатируется трудъ 1300 тысячъ лондонскихъ рабочихъ, читатель узнаетъ изъ гл. XVIII „Обреченныхъ". Въ слѣдующей XIX гл. авторъ даетъ картину уродливой, отвратительной жизни рабочаго лондонскаго гетто, т. е. восточной части англійской столицы, „гдѣ рѣдко появляются путешественники и гдѣ кишатъ, рождаются и умираютъ два милліона рабочихъ". Знакомство съ жизнью рабочихъ и безработныхъ города Лондона и съ разнообразными формами эксплоатаціи человѣческаго труда, въ связи съ необезпеченностью жизни, происходящей отъ несчастныхъ случаевъ во время работы, приводитъ автора къ слѣд. заключенію, которое звучитъ далеко не парадоксально послѣ всего, что читатель узналъ изъ книги: „Если бы мнѣ былъ предоставленъ выборъ, то я предпочелъ бы жизнь дикаря существованію этихъ людей въ христіанскомъ Лондонѣ".

Иная тема затронута въ разсказѣ „Голосъ крови" въ VI т. соч. Джека Лондона. Это—поэтическая картина жизни и психическихъ переживаній громадной собаки Бека. Какъ заговорилъ въ Бекѣ „голосъ крови" въ новыхъ условіяхъ на канадскихъ золотыхъ пріискахъ, какъ онъ одичалъ и какую громадную силу при этомъ выказалъ Бекъ,—все это, въ связи, конечно, съ картиною людского быта на тѣхъ же пріискахъ, послужило темою для „Голоса крови", самаго большого разсказа въ VI т. сочиненій Джека Лондона. (Н. П. „Вятск. Р." 1912—160).

Мартинъ Иденъ, герой романа того же названія, воспитался въ бурномъ океанѣ жизни рабочихъ кварталовъ, на золотыхъ пріискахъ и на морѣ, гдѣ человѣкъ въ тискахъ капитала становится такъ же сильнымъ, какъ и Ларсенъ, окрѣпшій въ борьбѣ съ морской стихіей. Въ романѣ „Мартинъ Иденъ" снова столкновеніе двухъ міросозерцаній: писатель изъ народа Мартинъ, какъ представитель демократіи и дѣвушка Руѳь, какъ выразительница психологіи буржуазнаго общества. Встрѣтились Мартинъ и Руѳь и полюбили другъ друга, но разошлись, потому что нѣтъ возможности, по толкованію Лондона, примирить два несходныхъ міра. Мартинъ Иденъ побѣдилъ буржуазный міръ силою духа, воплотивъ эту силу въ своихъ писательскихъ работахъ, но, побѣдивъ, отказался отъ Руѳи. Въ борьбѣ онъ растратилъ всѣ свои духовныя силы, опредѣляющія свободную личность и покончилъ самоубійствомъ.

Въ Мартинѣ Иденѣ Лондонъ зарисовалъ типъ анархиста-индивидуалиста и безсознательно подчеркнулъ безплодность одинокой борьбы въ сферѣ американскихъ капиталистическихъ трестовъ.

Въ томѣ мелкихъ произведеній, объединенныхъ названіемъ перваго разсказа—„Вѣра въ человѣка", Д. Лондонъ все тотъ же поклонникъ сильнаго человѣка. Иногда Лондонъ ставитъ своихъ героевъ въ ложное и комическое положеніе, заставляетъ читателя улыбаться, а потомъ вдругъ кончаетъ произведеніе страшной трагедіей. Особенно характернымъ въ этомъ отношеніи является разсказъ „Тысяча дюжинъ". Человѣкъ одной идеи, Давидъ Расмунсенъ везетъ черезъ проливъ яйца, „тысячу дюжинъ", чтобы продать ихъ по пяти долларовъ за дюжину. Претерпѣвъ всѣ ужасы морского пути, искупавшись въ ледяной водѣ, обморозивъ пальцы ноги, Расмунсенъ привозитъ на мѣсто свои яйца и убѣждается, что они испорчены. За товаръ человѣку одной идеи даютъ такъ мало, что онъ кончаетъ самоубійствомъ.

Въ глупое положеніе поставленъ газетнымъ сообщеніемъ и герой разсказа „Вѣра въ человѣка", Гетчинсонъ, золотопромышленникъ, заскучавшій по своей невѣстѣ въ пустынѣ Сѣвернаго океана. Гетчинсонъ послалъ за своей невѣстой друга своего Пентфильда и вдругъ прочелъ въ газетахъ, что другъ его измѣнилъ и самъ женился на прекрасной Мабель. Черезъ нѣсколько времени ни въ чемъ неповинный Пентфильдъ, женившійся на сестрѣ Мабель, привозитъ Гетчинсону его невѣсту. Но, какъ оказалось, Гетчинсонъ съ горя уже женился на туземкѣ и, когда ошибка газетнаго сообщенія выясняется, герой разсказа Лондона чувствуетъ себя весьма странно. Но сильные люди всѣхъ почти произведеній Лондона какъ-то по-своему переносятъ душевныя драмы: могучая духомъ Мабель не умерла отъ горя, и Гетчинсонъ, поставившій невѣсту въ неловкое положеніе, не страдалъ угрызеніемъ совѣсти.

Въ мрачномъ, почти страшномъ разсказѣ „Батаръ" Лондонъ описываетъ жизнь француза Леклера и собаки съ кличкой Батаръ. Отецъ Батара — большой лѣсной волкъ, а отецъ Леклера— цивилизованный европеецъ, и все же Лондонъ

находитъ нѣчто обще-звѣриное и въ собакѣ и въ человѣкѣ. Собака и человѣкъ ненавидятъ другъ друга, но странствуютъ вмѣстѣ. Лондонъ приводитъ сцены борьбы Леклера и Батара, и это дѣйствительно два звѣря. Въ концѣ разсказа описывается судъ Линча надъ французомъ, заподозрѣнномъ въ убійствѣ. Леклеру набросили уже петлю на шею, но судьи пошли еще разъ выяснить улики въ пользу осужденнаго, и вотъ въ этотъ моментъ Батаръ мститъ своему господину и вышибаетъ изъ-подъ его ногъ ящикъ. Леклеръ задыхается въ петлѣ.

Въ „Исторіи Джисъ Укъ" разсказывается о любви обитательницы далекаго сѣвера, смуглолицей Укъ къ бѣлому Нилю Бонверу. Уѣхалъ Бонверъ и бросилъ Укъ, у которой родился отъ него сынъ. Наконецъ, Укъ встрѣчается съ женой Бонвера въ городѣ, куда пріѣхала, чтобы выяснить свое отношеніе къ любовнику. Укъ добровольно уступаетъ Бонвера женѣ его, бѣлолицей красавицѣ, но дѣлаетъ это съ какимъ-то тонкимъ благородствомъ и уступаетъ возлюбленнаго изъ самопожертвованія. Это уже совсѣмъ рѣдкій мотивъ въ произведеніяхъ Лондона.

Джекъ Лондонъ писатель контрастовъ. Фабулы его произведеній всегда занимательны, а иногда даже грубо очерчены. Затрагиваетъ онъ и тонкія душевныя переживанія, но не останавливается на нихъ подолгу. Автора „Морского волка" и „Мартина Идена" влечетъ больше сила и воля, смѣлость мысли и рѣшимость въ поведеніи. Думается, что Д. Лондонъ и другой американскій беллетристъ - демократъ Уптонъ Синклеръ призваны сказать какое-то новое слово въ художественной литературѣ. (В. Брусянинъ. „Ж. для Вс." 1912—8.)

...Прелесть и глубина Дж. Лондона именно въ томъ и состоитъ, что онъ всюду проводитъ тезисъ: человѣкъ—мѣра вещей. Дж. Л. больше всего цѣнитъ въ человѣкѣ силу индивидуальности; его герои всегда люди рѣзко очерченнаго душевнаго склада, сильной воли, недюжинной энергіи, оригинальнаго ума. Всѣмъ они обязаны собственнымъ усиліямъ: обыкновенно это выходцы изъ низовъ и ведутъ ожесточенную борьбу за „мѣсто свое на землѣ". (Нов. Ж." 1912—3.)

67. **Михаэлисъ, Соф.** 839.81 : 9(47)„1812".

1812 годъ. Вѣчный сонъ. Романъ. М. 1912. Ц. 75 к.

„1812 годъ" Михаэлисъ вышелъ на русскомъ языкѣ одновременно въ двухъ изданіяхъ („Современныхъ проблемъ" и Т-ва Сытина). Русскій читатель, однако, ничего не потерялъ бы, если бы произведеніе это, почему-то названное „романомъ", и вовсе не появлялось у насъ. „Романъ" Михаэлисъ представляетъ собою не что иное, какъ пересказъ извѣстныхъ воспоминаній графа Сюгара о походѣ Наполеона въ Россію, — пересказъ, не имѣющій ни художественной цѣнности (здѣсь нѣтъ художественнаго возсозданія историческихъ событій), ни цѣнности историческаго документа, ибо это—„вольный" пересказъ мемуаровъ, гдѣ правда перемѣшана съ вымысломъ. Такимъ вымысломъ является любовное приключеніе Наполеона во время бѣгства изъ Россіи: полузамерзшаго вождя замерзающей арміи раздѣваетъ и согрѣваетъ въ избѣ какая-то дѣвица. Этотъ романическій мотивъ, введенный въ исторію похода 1812 года, очевидно, расчитанъ на очень невзыскательнаго читателя. И невольно возникаетъ вопросъ, кому можетъ понадобиться у насъ эта убогая стряпня, когда къ услугамъ русскаго читателя въ такомъ изобиліи появились разные мемуары и воспоминанія, связанные съ 1812 г. и представляющіе дѣйствительно историческій интересъ? А если кто ищетъ не простого описанія историческихъ событій 12-го года, а ихъ художественнаго возсозданія, то лучше лишній разъ перечесть старую, безсмертную эпопею Толстого, чѣмъ тратить время на такія новыя, но лишенныя всякой цѣнности произведенія, какъ „романъ" Михаэлисъ. (Л. К—скій. „Рус. Вѣд." 1912—170.)

„С. Михаэлисъ высоко ставитъ личность Наполеона, книга полна преклоненія передъ нимъ... Книга читается съ интересомъ... Переводъ и изданіе („Совр. пробл.") вполнѣ удовлетворительны. Цѣна, принимая во вниманіе иллюстраціи, не слишкомъ высока. („Од. Л." 1912—156.)

Трудно представить себѣ что-либо болѣе нелѣпое, чѣмъ этотъ, переведенный съ датскаго, „Историческій романъ". (Вад. Лѣсовой. „Нов. Ж." 1912—8.)

68. **Гиляровская Н.** 891.7—1.

Стихи. Москва. 1912 г. Стр. 72. Цѣна 50.

Мило изданная книжка стиховъ г-жи Гиляровской производитъ пріятное впечатлѣніе своимъ бодрымъ и яснымъ настроеніемъ.

Большинство стихотвореній написаны г-жей Гиляровской на широкія темы: призывъ къ борьбѣ, стремленія къ простору, къ свѣту, къ бодрой, зажигающей душу иллюзіи.

Меньше удается поэтессѣ, какъ по формѣ, такъ и въ смыслѣ созданія поэтическаго образа—стихотворенія элегическаго оттѣнка.

При высотѣ современной стихотворной техники и развившагося до вычурности рельефа поэтическаго образа, стихотворенія г-жи Гиляровской, конечно, не могутъ занимать значительнаго мѣста въ современной поэзіи, но, тѣмъ не менѣе, чувствуется, что пути къ дальнѣйшему совершенствованію въ этомъ направленіи вполнѣ доступны для нея. (А. Нечаева. „У. Рос." 1912—168.)

У книжки Н. Гиляровской нѣтъ... достоинствъ, ея надсонническіе стихи просто скучны. Развлекаетъ только „импрессіонизмъ", въ родѣ: „померкъ хрусталь", „грусть и печаль", „версаль." (В. Гиппіусъ. „Нов. Ж." 1912—1).

Очень мало своего, облика поэта не видно; чувства какъ-то рефлексомъ отражаются въ стихахъ,—то черезъ книгу, то черезъ картину"... (Н. Б. „Путь". 1912—3.)

69. **Ивановъ, Вяч.** 891.7—1

„Cor ardens". Часть вторая. Москва, 1912 г. Книгоиздательство „Скорпіонъ". Цѣна 2 руб.

Этотъ второй томъ стиховъ „Cor ardens" В. Иванова говоритъ о любви и смерти. Смерть представляется В. Иванову не мрачной тѣнью передъ солнцемъ любви, а „дверью любви", „пламеннымъ любви", и даже больше—только смерть „вяжетъ" сердца нерасторжимо.

— Склонилась ближе, шепчетъ: «Умереть,—
Знай: жизнь благословить. Земля — начало
любви. Тебѣ хваленье
Смерть вѣрная землѣ—богоявленье
Любви земной! Насъ таинство вѣнчало
Завѣтныхъ вратъ, чтобъ намъ въ любви
созрѣть

И всю побѣдной славу лицезрѣть
Въ безсмертномъ убѣленьѣ!
Возславь же раздѣленье
Нетлѣнной плоти съ тѣмъ, чему сгорѣть
Завѣщано любовью,
Чтобъ любящимъ смѣситься новой кровью"...

Вячеславъ Ивановъ — поэтъ, душа котораго много знаетъ. И это не даетъ ей возможности жить непосредственно. Его стихи лишены индивидуальныхъ красокъ, а мысли и думы его выглядятъ, какъ чужія. Холодъ этой объективности, въ которомъ глохнетъ собственный голосъ его души — вотъ характерная черта творчества В. Иванова; эта черта рѣзко бросается въ глаза и при чтеніи этой второй части его книги— „Cor ardens".

Стихи, вышедшіе цѣликомъ изъ культурныхъ завоеваній поэтическаго творчества, не могутъ быть цѣнными; такіе стихи — „научные перепѣвы". Въ нихъ нѣтъ самаго главнаго, чѣмъ питается всякое искусство—одинокихъ голосовъ души.

Книга издана изящно. (С. Кванинъ. „Гол. М." 1912 г., 174.)

Долгое время Вяч. Ивановъ, какъ поэтъ, былъ для меня загадкой. Что это за стихи, которые, одинаково бездоказательно, одни разумно хвалятъ, другіе—бранятъ? Откуда эта ухищренность и витіеватость, и въ то же время подлинность языка, изломаннаго по правиламъ чуть ли не латинскаго синтаксиса? Какъ объяснить эту однообразную напряженность, дающую чисто интеллектуальное наслажденіе, и совершенно исключающую „нечаянную радость" случайно найденнаго образа, мгновеннаго наитія? Почему всегда и повсюду вмѣсто лирическаго удивленія поэта передъ своимъ переживаніемъ—„неужели это такъ", мы встрѣчаемъ эпическое (быть можетъ, даже дидактическое), всевѣдѣнное „такъ и должно быть"?

И только прочтя во второй части „Cor ardens'a" отдѣлъ подъ названіемъ „Rosarium", я понялъ, въ чемъ дѣло... Наиболѣе чуткіе иностранцы убѣждены, что русскіе совсѣмъ особенный, странный народъ. Таинственность славянской души— „l'ame slave"—общее мѣсто на Западѣ. Но они довольствуются описаніемъ ея противорѣчій. Безспорно, мы не только переходъ отъ психологіи Востока къ психологіи Запада или обратно, мы уже цѣлый, законченный организмъ; доказательство этому—Пушкинъ, но среди насъ случаются, и какъ норма, возвращаются къ чистотѣ одного изъ этихъ типовъ. Такъ, Брюсовъ—европеецъ вполнѣ и всегда, въ каждой строчкѣ своихъ стихотвореній, въ каждой журнальной замѣткѣ. Вяч. Ивановъ—съ Востока... Стиль—это человѣкъ, а кто не знаетъ стиля Вяч. Иванова съ его торжественными архаизмами, крутыми enjaьement, подчеркнутыми аллитераціями и разстановкой словъ, тщательно затмевающей общій смыслъ фразы. Роскошь тяжелая, одурманивающая, варварская, словно поэтъ не вольное дитя, а персидскій царь въ представленіи древнихъ грековъ.

Какъ же должно относиться къ Вяч. Иванову? Конечно, крупная самобытная индивидуальность дороже всего. Но итти за нимъ другимъ, не обладающимъ его данными, значило бы пускаться въ рискованную, пожалуй даже гибельную авантюру. Онъ намъ дорогъ, какъ показатель одной изъ крайностей, находящихся въ славянской душѣ. Но, защищая цѣлостность русской идеи, мы должны, любя эту крайность, упорно говорить ей „нѣтъ" и помнить, что не случайно сердце Россіи—простая Москва, а не великолѣпный Самаркандъ. (Н .Гумилевъ. „Аполлонъ" 1912—6.)

70. **Marie, A.** S91.7—1

Лирика. Парижъ. 1912.

А. Маріе, повидимому, человѣкъ не безъ дарованія, и можно надѣяться, если только авторъ молодъ, что изъ области неопредѣленныхъ и расплывчатыхъ ощущеній, навѣянныхъ по большей части не жизнью, а книгой, его лирика выйдетъ на широкую и вольную дорогу. Пока что, оба чуть не вся состоитъ изъ перепѣвовъ и подражаній (Брюсову, Бальмонту, Блоку), но эти перепѣвы легки и звучны, и вѣрится, что А. Маріе суждено обрѣсти когда нибудь себя и что не вѣчно поэту риомовать „кубокъ" и „красоту Богъ", наблюдать, какъ „луна изъ серебряной лейки льетъ свой свѣтъ", и, вслѣдъ Бальмонту, выдумывать разныя ненужныя „лирности" и „вечерности". Къ книжкѣ приложено нѣсколько прекрасныхъ рисунковъ Бурделя на мотивы танцевъ Айседоры Дунканъ. („Нов. Ж." 1912—5.)

Стихи А. Маріе, кажется, только первые, еще неокрѣпшіе шаги. но въ нихъ уже чувствуется аристократическая мягкость поступи; легкость, непринужденность ея музыки порою удивительно сильно радуетъ слухъ.

Хороша и эта свойственная этимъ стихамъ „душевная тишь", та тишь, которая дѣлаетъ душу такъ похожей на глубокое, застывшее озеро; и какъ тутъ только сверкающая рябь на поверхности говоритъ, что озеро въ своей глуби волнуется, такъ и тихая душа умѣетъ говорить „сверкающими" словами, словами-искрами.

А. Маріе любитъ слово не само по себѣ, а любитъ слова потому, что они — вспыхивающія искры, зажигающія и освѣщающія душу. („Ил. Обозр. Гол. М." 1912—151.)

Неизвѣстный авторъ, человѣкъ сложной и утонченной души, любитъ стихъ и съ настоящимъ благоговѣніемъ честнаго художества относится къ своей работѣ.

И стихъ повинуется ему, гибко и покорно принимая самыя различныя формы. Съ удовольствіемъ отмѣчаю, что лексиконъ неизвѣстнаго автора очень богатъ, что затрепанныхъ шаблоновъ въ книгѣ почти не встрѣтишь, и даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ явно находится подъ вліяніемъ другихъ поэтовъ (нерѣдко вліяніе Бальмонта и Кузьмина), черезъ навѣянное ими все же сквозитъ что-то своеобразное. Мнѣ думается, авторъ стоитъ на вѣрной дорогѣ и у него есть будущее. (С. Кречетовъ. „У. Рос." 1912—120.)

71. **Тютчевъ, Ѳ. И.** S91.7—1

Полное собраніе сочиненій. Съ критико-біографическимъ очеркомъ В. Я. Брюсова, библіографическимъ указателемъ, примѣчаніями, варіантами, факсимиле и портретомъ. Изд. 6-ое, исправл. и дополн. Редакція П. В. Быкова. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ. Спб., стр. XLVII+694. Цѣна 3 руб.

Тютчевъ уже пересталъ быть поэтомъ „для немногихъ". Современная поэзія взрастила не одно брошенное имъ зерно и разъяснила намеки, заключающіяся въ его лирикѣ. Въ поэзіи Тютче-

ва русское чувство и слово коснулись такихъ сторонъ задушевной жизни, какіе едва-едва мелькаютъ слабыми проблесками даже у всеобъемлющаго Пушкина. Больше, чѣмъ опьяненный „буйствомъ жизни", Фетъ, больше, чѣмъ задумчивый Гамлетъ-Баратынскій, Тютчевъ приблизилъ русскую поэзію къ глубинной жизни души. Онъ поистинѣ самый сильный въ ней пробудитель космическаго чувства, и въ этой области, по вѣрному выраженію Тургенева, онъ „создалъ рѣчи, которымъ не суждено умереть". Шесть изданій его стихотвореній—а для всего непотлаго, серьезнаго, требующаго чуткости, это цифра немалая—говорятъ, что къ этимъ рѣчамъ все внимательнѣе прислушивается читатель.

Примѣчанія П. В. Быкова очень хороши, экономны и сжаты. Весьма обстоятеленъ суховатый очеркъ В. Я. Брюсова. Вообще, новое изданіе—большой шагъ впередъ, и всѣ предыдущія отнынѣ становятся достояніемъ изучающихъ Тютчева спеціалистовъ, сходя съ полки обыкновеннаго читателя. (Н. Л. „Рѣчь" 1912—234).

Съ радостью, какъ свѣтлый праздникъ литературы, приметъ русскій читатель—цѣнитель поэзіи—появленіе полнаго собранія сочиненій того поэта, чье творчество, по справедливому отзыву В. Я. Брюсова, принадлежитъ „къ самымъ значительнымъ, самымъ замѣчательнымъ созданіямъ русскаго духа". (В. Ермиловъ. „У. Рос." 1912—202).

Среди широкой публики имя Тютчева несравненно менѣе извѣстно и популярно, чѣмъ имена Майкова, Полонскаго и Фета, хотя Тютчевъ признается однимъ изъ лучшихъ поэтовъ послѣ пушкинскаго періода. По словамъ великаго романиста И. С. Тургенева, Тютчевъ „выше всѣхъ своихъ собратовъ по Аполлону". Здѣсь, конечно, нѣсколько перехвачено. Фетъ, несомнѣнно, граціознѣе и изящнѣе Тютчева; въ большинствѣ стиховъ Тютчевъ уступаетъ въ живописности Майкову, но Тютчевъ глубокъ, какъ поэтъ-мыслитель, хотя его кругъ не обширенъ. Но правъ Тургеневъ, что отъ стиховъ Тютчева не вѣетъ сочиненіемъ, а „они выросли сами, какъ плодъ на деревѣ".

Тютчевъ необыкновенно живо и тонко чувствуетъ природу, и всѣ стихи, посвященные природѣ, превосходны. Она у него является одухотворенной, полной тайнъ. Но, признавая въ поэтѣ умѣніе изображать природу, критика ставила ему еще въ большую заслугу то, что онъ проникалъ въ самую глубь существа природы, стараясь постигнуть ея таинственную основу. Съ этой же глубиною мыслителя Тютчевъ относился и вообще къ жизни, касаясь движеній человѣческой души.

Настоящее (6-е) изданіе, вышедшее подъ редакціей П. В. Быкова, является самымъ полнымъ, и редакторомъ сдѣлано все, чтобы дать русской публикѣ изданіе произведеній поэта, вполнѣ достойное его имени. Къ книжкѣ приложенъ критико-біографическій очеркъ, написанный Брюсовымъ. По нашему мнѣнію, и доселѣ лучшей біографіей Тютчева остается біографія, написанная И. С. Аксаковымъ, который былъ женатъ на дочери Тютчева. (Кргл. „Гол. М." 1912—202).

72. **Ульяновъ, А.** 891.7—2 : 9(47)„1812"

Врагъ отечества. Драматическій случай изъ временъ войны съ французами въ 1812 г. Пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ для дѣтскаго и народнаго представленія. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1912 г. Ц. 20 коп.

Сюжетомъ для пьесы послужилъ случай, имѣвшій мѣсто въ одной изъ деревень Московской губерніи.

Одинъ французъ, жившій нѣкогда въ Россіи, долженъ былъ съ наступленіемъ военныхъ дѣйствій отправиться во Францію, откуда снова попадаетъ въ Россію.

По причинѣ полученныхъ тяжкихъ поврежденій ноги и руки онъ еле добирается до ближайшей деревни, гдѣ его и укрываетъ пасѣчникъ до тѣхъ поръ, пока мѣстопребываніе француза не дѣлается извѣстнымъ крестьянамъ, которые и хотѣли съ нимъ раздѣлаться „по-свойски", но его выручаютъ пасѣчникъ и знаніе русскаго языка. Французъ, по милости станового, остается „до выздоровленія" въ деревнѣ обучать ребятъ грамотѣ, а дѣвушкамъ — помогать плести кружева.

Сюжетъ незатѣйливъ, но разработанъ живо. Пьеса написана сценично и для внѣшней постановки требуетъ очень немногаго, поэтому ее можно считать вполнѣ пригодной для дѣтскаго и народнаго представленія. (О. Леонидовъ. „Илл. Обозр. Гол. М." 1912—181).

Пьеса для постановки легка, но написана довольно блѣдно и растянуто, хотя все же небезынтересна. (Н. Бахтинъ. „Под. Сб." 1912—7).

73. **Соловьева, П.** (Allegro). 891.7—3

Тайная правда и др. разсказы. Спб. 1912. Стр. 147. Ц. 75 к.

Симпатичный поэтъ, хорошо извѣстный нашимъ читателямъ, оказывается и талантливымъ беллетристомъ: въ этомъ несомнѣнно убѣждаетъ изданный теперь сборникъ разсказовъ П. Соловьевой. Всѣ эти разсказы отличаются оригинальностью замысла и тонкою художественностью исполненія. Искренній, задушевный тонъ дѣлаетъ особенно привлекательнымъ чтеніе такихъ произведеній, какъ „Небывалая" и „Тайная правда". („Вѣст. Евр." 1912—7).

Въ этой книгѣ имѣется всего 6 разсказовъ. Лучшій изъ нихъ поставленъ въ заголовкѣ книги: „Тайная правда"; написанъ онъ интересно и мѣстами даже художественно.

Недурна легенда „О миндальномъ деревѣ", взятая изъ еврейской жизни, и рельефно выставленъ типъ няни (бывшей крѣпостной дѣвушки) въ разсказѣ „Петровна".

Этюдъ „Небывалая" представляетъ собою крайне неудачную попытку войти въ область психопатологіи; два главныхъ дѣйствующихъ лица въ этомъ разсказѣ являются въ обрисовкѣ автора какими-то болѣе чѣмъ странными существами, весьма неопредѣленнаго типа.

Остальные разсказы мало интересны. („Илл. Обозр. Гол. М." 1912—123).

74. **Ждановъ, Л.** 891.7—3:9(438)

Въ стѣнахъ Варшавы. Историческій романъ. Спб. К-ство „Прометей". Т. I и II. Ц. по 1 р. 50 к.

Авторъ взялъ театромъ своего романа польскую исторію въ періодъ отъ Вѣнскаго конгресса 1814 года до дней Листопада — до уничтоженія политической самостоятельности Польши Николаемъ Павловичемъ. Періодъ этотъ былъ очень ярокъ

и, по замѣчанію г. Жданова, до сихъ поръ мало изслѣдованъ даже историками, какъ польскими, такъ и русскими, а въ беллетристикѣ не отраженъ. Г. Ждановъ дѣлаетъ попытку въ своемъ романѣ-хроникѣ отразить въ рядѣ картинъ „всю помянутую эпоху“. Стиль его какой-то старинный, какимъ писали въ доброе старое время Масальскій, Зотовъ и графъ Саліасъ. Много лишняго, длинныя описанія, разговоры, характеристики отъ себя, а не картины. Авторъ словно боится, какъ бы читатель самъ не сдѣлалъ вывода, и спѣшитъ ему подсказать. Вслѣдствіе этого не видишь лицъ, сценъ, картинъ, не слышишь разговоровъ, голосовъ дѣйствующихъ лицъ. Фигуры не проходятъ, а мелькаютъ только тѣни.

Второй томъ кончается смертью цесаревича Константина. Авторъ обѣщаетъ, что съ цесаревичемъ читатель встрѣтится еще на страницахъ его повѣсти, когда выйдетъ его книга, посвященная осажденной Варшавѣ. Пока онъ заявляетъ, что Константинъ „перешелъ изъ этой бурной земной жизни въ иную совсѣмъ неизвѣстную“. („Бирж. Вѣд.“ 1912—3015).

Цѣль автора — не только художественное изображеніе эпохи конституціоннаго польскаго королевства, но и „открытіе“, т.-е. обнаруженіе „внутренняго смысла явленій“, чѣмъ, по мнѣнію г. Жданова, „читатель больше будетъ доволенъ, нежели игрой самого необузданнаго, даже геніальнаго вымысла“. Геніальнаго вымысла въ хроникѣ, дѣйствительно нѣтъ, но нѣтъ также ни намека на какія бы то ни было „открытія“, и нѣтъ ничего художественно-значительнаго. Прежде всего нѣтъ романа, какъ объединяющаго цѣлаго, а есть отдѣльныя сцены, притомъ даже внѣшнимъ образомъ плохо связанныя. Характеры не обдуманы, не обработаны, трактовка ихъ шаблонна. Любовники любятъ, интриганы интригуютъ, поляки пьютъ за отчизну и кричатъ „виватъ“, и всѣ очень скучны. Съ удивительнымъ безвкусіемъ г. Ждановъ вставляетъ въ романъ официальныя бумаги, съ исходящими номерами. Языкъ очень скверенъ. Нельзя не признать, что историческіе источники изучены г. Ждановымъ добросовѣстно, но для романа одного усердія, къ несчастью, мало. Историческій романъ долженъ давать больше, чѣмъ мемуары, письма, официальные акты, но г. Ждановъ для изображенія заинтересовавшей его эпохи, для истолкованія характеровъ ея дѣятелей ничего не сумѣлъ сдѣлать, и страница толковаго учебника больше скажетъ читателямъ, чѣмъ восемьсотъ страницъ скучнаго романа. (Л. „Рѣчь“ 1912—220).

* **Шпицеръ, С.** 891.7:92(Г)

См. порядк. № 53.

75. **Закржевскій, А.** 891.7.09

„Карамазовщина“. Психологическія параллели: Достоевскій, В. Брюсовъ, В. Розановъ, М. Арцыбашевъ. Кіевъ. 1912. Изд. журн. „Искусство“. Стр. 161. Ц. 1 р.

Это довольно интересная книжка по содержанію и довольно любопытная, какъ явленіе. Авторъ, человѣкъ несомнѣнно талантливый, задумалъ прослѣдить моментъ „карамазовщины“ въ произведеніяхъ такихъ разнородныхъ, казалось бы, современныхъ писателей, какъ В. Брюсовъ, В. Розановъ и М. Арцыбашевъ. „Карамазовщину“ А. Закржевскій опредѣляетъ какъ „сладострастіе плоти и духа“, какъ провалы въ нѣдра, гдѣ горѣніе плотское становится огнемъ духа, „съ горизонтами безумія, съ источниками жестокости и изступленія“. Творцомъ—истолкователемъ „карамазовщины“ былъ, конечно, Достоевскій. По автору, есть три Достоевскихъ: тотъ, что находился въ подпольѣ, что проклиналъ, ненавидя, весь родъ человѣческій и упивался мыслью объ его разрушеніи; тотъ, другой, что измѣрилъ глубины плоти и страсти и далъ потрясающую картину „карамазовщины“, и, наконецъ, третій—самый загадочный, пришедшій къ религіозному сознанію пророкъ современныхъ исканій, „пророкъ религіознаго ренесанса нашихъ дней“. Перваго Достоевскаго авторъ воссоздалъ въ книгѣ „Подполье“ (Кіевъ 1911 г.); второму преображенію творчества геніальнаго писателя посвящена настоящая книга. Авторъ выясняетъ въ ней глубоко-внутреннее, патологическое родство Достоевскаго съ современнымъ намъ творчествомъ, но выясняетъ не при помощи рѣзкаго подчеркиванія фактовъ, а такъ, что родство это чувствуется какъ бы само собой, въ процессѣ интуиціи. Въ этомъ—одна изъ особенностей труда г. Закржевскаго: „костякъ“ его анализа, упорнаго и тонкаго, почти не ощущается. И въ этомъ же смыслѣ авторъ довольно удачно осуществилъ извѣстное положеніе О. Уайльда, что „критика есть въ сущности творчество въ высшемъ смыслѣ этого слова, одновременно и созидательное и независимое творчество“.

Но интересная по содержанію книга г. Закржевскаго чрезвычайно любопытна и какъ явленіе. Психологическій анализъ писателя, созерцаніе сущности его творчества сквозь призму собственныхъ переживаній критика, его исканій и запросовъ — таково методологическое исповѣданіе г. Закржевскаго. Т. о., говоритъ онъ, „я живу въ произведеніяхъ разсматриваемаго писателя, живу мыслью и душой; возсоздавая его міръ, творю міръ собственный, міръ моего творчества, міръ моего я“. И это—не пустая фраза. Изложеніе г. Закржевскаго является ни чѣмъ инымъ, какъ параллельнымъ творчествомъ: вскрывая сущность „карамазовщины“, онъ не просто пишетъ „со стороны“, какъ это дѣлаетъ большинство нашихъ критиковъ, а исповѣдуется самъ, какъ бы срастается съ душой писателя и его персонажами. Своеобразная изступленность его мысли, граничащая порой съ безуміемъ, доходитъ до того, что обращаетъ его книгу изъ научнаго (хотя бы и интуитивно-научнаго) изслѣдованія въ явленіе порядка психопатологическаго. Но даже и въ этомъ смыслѣ произведеніе г. Закржевскаго не утрачиваетъ права на наше вниманіе, являясь если не цѣннымъ критическимъ трудомъ, то талантливо написаннымъ человѣческимъ документомъ. (Н. Чужакъ. „Рус. М.“ 1912.—7).

76. **Трубицынъ, Н. Н.** 891.7.09—91

О народной поэзіи въ общественномъ и литературномъ обиходѣ первой трети XIX в. (очерки). Спб. 1912 г. Ц. 2 р. 50 к.

Указанная книга является полезнымъ пріобрѣтеніемъ для занимающихся народной словесностью. Авторъ задался цѣлью обслѣдовать первую треть XIX в. (захвативъ и конецъ XVIII в.) по отношенію къ народной поэзіи и выяснить состояніе послѣдней въ это время. Для выполненія такого плана автору понадобилось пере-

смотрѣть весьма обширный матеріалъ: всѣ журналы того времени, различные сборники пѣсенъ и сказокъ, нотныя изданія, мемуары, записки и т. п., и результатомъ явилась достаточно полная картина состоянія народной поэзіи „въ общественномъ и литературномъ обиходѣ первой трети XIX в.“. Въ своемъ трудѣ П. Н. Трубицынъ даетъ свѣдѣнія о распространенности народныхъ пѣсенъ и сказокъ въ русскомъ обществѣ конца XVIII и начала XIX в., говоритъ о пѣснѣ въ музыкѣ, въ пѣсенникахъ рукописныхъ и печатныхъ, приводитъ извѣстія о собирателяхъ и популяризаторахъ народной пѣсни, разсматриваетъ произведенія народной словесности въ журналахъ и сужденія о нихъ, еще не установившіяся и разнорѣчивыя, слѣдитъ за вліяніемъ народной поэзіи на литературу, за отраженіями ея въ произведеніяхъ писателей, указываетъ на участіе писателей и поэтовъ въ собираніи произведеній народной поэзіи и на ростъ научнаго отношенія къ ней. Уже изъ этого краткаго указанія на содержаніе книги П. Н. Трубицына дѣлается яснымъ, какъ широко ставитъ авторъ свою задачу, но такая широта постановки нѣсколько невыгодно отражается на выполненіи работы: матеріалъ заслоняетъ собою сужденія и выводы автора, видно, что онъ живо заинтересованъ развернувшимся передъ нимъ матеріаломъ и спѣшитъ подѣлиться имъ съ читателями. Вслѣдствіе этого книга П. Н. Трубицына богата библіографическими свѣдѣніями, что является весьма полезнымъ для изученія народной словесности. (Е. „Рус. Вѣд.“ 1912—198.)

Трудъ г. Трубицына по своимъ цѣлямъ и интересамъ близко соприкасается съ работами проф. П. Н. Замотина, касающимся развитія романтизма и народности въ русск. литературѣ XVIII и начала XIX вв. Но г. Трубицынъ старался представить вопросъ о народности детальнѣе и глубже своего предшественника, выйдя за предѣлъ исключительно литературныхъ образовъ въ самый бытъ общества. Плодомъ этого явилось большое накопленіе фактовъ, являющееся въ одно и то же время и сильною и слабою сторонами работы г. Трубицына. Сила матеріала, безспорно, на сторонѣ автора, но выводы, которые онъ изъ него дѣлаетъ, грѣшатъ увлеченіемъ: численность фактовъ наталкиваетъ г. Т—на на такія обобщенія, съ которыми никакъ нельзя согласиться... Мы далеки отъ мысли отрицать большое значеніе труда г. Т. для историковъ литературы.

Всякій, интересующійся народностью въ нашей словесности, найдетъ въ немъ богатый матеріалъ, нѣсколько путеводныхъ нитей для своихъ экскурсовъ въ область народности. Широта литературнаго захвата въ книгѣ г. Т—на такова, что на его трудъ нельзя будетъ ни ссылаться при изученіи народности въ литературѣ XVIII и XIX в. (В. Даниловъ. „Ист. В.“ 1912—8.)

77. **Менстровъ, М.**, св. 891.7.09:371](081)

Вопросы жизни въ поэзіи. 1912 г. Спб., Изд. Тузова. Ц. 1 р.

Это—сборникъ статей на литературныя и педагогическія темы; авторъ имѣетъ въ виду „широкую публику“ и учащуюся молодежь. Исходя изъ того, что „въ службѣ царству Божію, царству свѣта и добра художественная литература занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ“, авторъ проводитъ ту мысль, что эта литература есть та же жизнь, только преобразованная творческой фантазіей и освобожденная отъ примѣси несущественнаго и случайнаго, ибо, будучи не просто только воспроизведеніемъ жизни, но мышленіемъ въ образахъ, художественная литература служитъ и проводникомъ въ обществѣ научно-философскихъ и религіозныхъ идей, настроеній, чувствъ, оплодотворяющихъ творчество писателей. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, авторъ удѣляетъ свое вниманіе тѣмъ художникамъ слова, въ произведеніяхъ которыхъ ярче затрогиваются религіозно-нравственные вопросы. Статьи написаны сжато, тепло, какъ всегда — „не отъ руки, а отъ сердца“. Лучшими надо признать: «Евангеліе въ поэзіи», „Три смерти“, „Звуки небесъ на землѣ“, „Слова жизни“, „Поэтъ-христіанинъ“, „Памяти Мея“, „Религіозные мотивы поэзіи Надсона“, „Нѣтъ точки опоры“, „Проповѣдникъ красоты и моралистъ художественности“. Книга заключаетъ въ себѣ 358 стр., издана прекрасно. По цѣнѣ не дорога. Она умѣстна во всякой школьной и семейной библіотекѣ. Нельзя не пожалѣть о досадныхъ опечаткахъ, которыхъ не мало. (К. „Гол. М.“ 1912—174).

* **Шпицеръ, С.** 891.7.09 : 92(Г)

См. порядк. № 84.

* **Ждановъ, Л.** 9(438)(0 : 8)

См. порядк. № 74.

78. **Шарковъ, В. В.** 9(47)(075)

Учебникъ русской исторіи. Элементарный курсъ съ 78 портретами и 56 рис. Кн-ство Козмана. Одесса. Стр. 210. Ц. 75 к.

Среди множества учебниковъ по русской исторіи, появившихся въ послѣднее время, „элементарный курсъ“ г. Шаркова не затеряется. Онъ найдетъ свое примѣненіе въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и городскихъ училищахъ благодаря тѣмъ достоинствамъ, какъ методологическаго характера, такъ и литературнаго, которыми обладаетъ. Авторъ вступилъ на вполнѣ правильный и нынѣ все болѣе примѣняемый въ педагогическихъ цѣляхъ путь, когда изъ общаго изложенія всего хода русской исторіи рѣшилъ исключить второстепенныя историческія событія, малозначащія имена, лишнія хронологическія даты и оставилъ лишь то, что относится къ крупнымъ дѣяніямъ историческихъ личностей и къ выдающимся событіямъ. Только на крупныхъ явленіяхъ исторіи въ ихъ преемственности и логическомъ развитіи и слѣдуетъ останавливать вниманіе учениковъ младшихъ классовъ. Въ этомъ собственно и заключается понятіе „элементарности“ въ примѣненіи къ педагогикѣ. Отвлеченіе же вниманія хронологическимъ перечисленіемъ возможно большаго количества событій и фактовъ, безъ ихъ объясненія, какъ это дѣлалось въ старыхъ „элементарныхъ“ учебникахъ, есть плохой методъ, не способствующій подготовкѣ ученика къ воспріятію основныхъ фактовъ русской исторіи. Не выходя далеко за предѣлы министерской программы, а наоборотъ, стараясь въ своемъ изложеніи придерживаться ея возможно ближе, г. Шарковъ сумѣлъ, однако, сдѣлать свой учебникъ живымъ и для извѣстнаго возраста интереснымъ. Большое вниманіе имъ отведено культурно-просвѣтительнымъ вопросамъ и развитію русскаго государства, т.-е. вопросы чисто политическіе связаны имъ съ умственнымъ развитіемъ народа; наряду съ дѣя-

ніями государей, служителей церкви и другихъ государственныхъ дѣятелей сообщаются, хотя и краткія, но далеко не лишнія свѣдѣнія объ извѣстныхъ русскихъ писателяхъ, ученыхъ, художникахъ, указывается на ту роль, которую они сыграли въ общемъ ходѣ русскаго прогресса. Авторъ сознательно избѣгаетъ при этомъ тенденціозности въ изложеніи, „ничего не подгоняя ни подъ какія заранѣе намѣченныя теоріи". Преслѣдуя, главнымъ образомъ, доступность изложенія, авторъ употребляетъ простой и въ то же время вполнѣ литературный языкъ.

Ко всѣмъ, только что упомянутымъ достоинствамъ учебника Шаркова, надо прибавить еще обиліе иллюстрацій. (Н. Б. „Рѣчь". 1912—213).

79. **Ключевскій, В.** 9(47)(081)

Опыты и изслѣдованія. Первый сборникъ статей. М. 1912 г. Ц. 2 р. 50 к.

Наконецъ, появился первый томъ статей В. О. Ключевскаго, такъ давно ожидаемый и столь необходимый для каждаго, занимающагося исторіей. Въ первый томъ вошли статьи спеціальнаго характера; это между прочимъ—знаменитыя статьи о происхожденіи крѣпостного права въ Россіи и о составѣ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси. То, что было библіографической рѣдкостью, то, что съ такимъ трудомъ удавалось получить для прочтенія, сдѣлалось теперь доступнымъ. Въ первый томъ вошли и статьи: „Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи", „Русскій рубль XVI—XVIII вв. въ его отношеніи къ нынѣшнему", „Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ" и „Псковскіе споры". Послѣдняя статья, посвященная церковно-общественнымъ отношеніямъ XV в., наименѣе извѣстна широкому кругу читателей, такъ какъ была напечатана въ богословскомъ журналѣ („Православное Обозрѣніе" 1872 г.). Но какъ разъ эта статья, пожалуй, наименѣе блещетъ тѣми достоинствами, которыя отличали обычно филигранно-тонкія работы покойнаго русскаго историка. Въ концѣ перваго тома сдѣланы добавленія А. А. Кизеветтеромъ, дающія нѣкоторые варіанты отдѣльныхъ мѣстъ текста Ключевскаго; это уже, конечно,—для спеціалистовъ. Для читателя-неспеціалиста наибольшій интересъ будетъ представлять, конечно, второй томъ статей В. О. Ключевскаго „Очерки и рѣчи"; третій томъ будетъ посвященъ рецензіямъ. (С. М. „Рус. Вѣд." 1912—176).

80. **Корниловъ, А.** 9(47)„18"](02)

Курсъ исторіи Россіи XIX в. Ч. I и II. М. 1912 г.

Книга г. Корнилова составилась изъ лекцій, читанныхъ имъ въ 1909—10 академическомъ году студентамъ Спб. Политехническаго Института. По собственнымъ словамъ автора, цѣль книги—„помочь ориентироваться въ обстоятельствахъ и событіяхъ окружающей жизни". Это—скорѣе пособіе для самообразованія, нежели попытка научнаго обобщенія событій минувшаго столѣтія. При такихъ условіяхъ требовать отъ автора надлежащимъ образомъ обоснованныхъ выводовъ не приходится. Но тѣмъ болѣе позволительно поставить ему въ укоръ односторонность исходныхъ воззрѣній, результатомъ которой явились существенные пробѣлы и недочеты. Руководящимъ для пониманія исторіи XIX столѣтія является для г. Корнилова то положеніе, что процессъ собиранія государственной территоріи закончился для Россіи еще въ XVIII ст. Это положеніе нельзя принять безъ оговорокъ. Если даже не считать присоединенія Бессарабіи, Финляндіи и Царства Польскаго, процессъ собиранія территоріи въ XIX вѣкѣ продолжился на Кавказѣ, въ Средней Азіи и на Амурѣ... Г. Корниловъ характеризуетъ исторію Россіи въ XIX в., какъ процессъ „раскрѣпощенія сословій и смягченія деспотизма верховной власти", при чемъ, по мнѣнію автора, этотъ процессъ совершался „путемъ борьбы отдѣльныхъ сословій и классовъ между собою и представителей власти съ освободительными стремленіями наиболѣе сознательныхъ и передовыхъ представителей общества". Выраженіе: *смягченіе*, неоднократно подчеркиваемое г. Корниловымъ, предполагаетъ лишь количественныя улучшенія въ образѣ дѣйствій представителя власти; между тѣмъ, предметомъ историческаго изложенія, казалось бы, должны служить качественныя измѣненія въ построеніи самой власти. Характерной для XIX в. является не столько борьба власти и общества, сколько взаимное и все растущее идейное разобщеніе между ними. Говоря о царствованіи Александра I-го, Корниловъ отступилъ отъ точки зрѣнія борьбы; совмѣстная исторія власти и общества въ его освѣщеніи сводится къ колебаніямъ въ личномъ настроеніи императора. Съ особенной силой односторонность сужденій г. Корнилова даетъ себя чувствовать въ изложеніи исторіи крестьянскаго дѣла... („Вѣст. Евр." 1912—8).

81. **Боринъ, Я.** 9(47)„1812"

„За родные очаги". (Война 1812 г.). Ред. В. И. Пичета. М. 1912. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Стр. 160, Ц. 50 к.

Я. Боринъ сдѣлалъ попытку дать связный очеркъ войны 1812 года, безъ всякихъ предварительныхъ объясненій причинъ, безъ указаній на ея слѣдствія. Впрочемъ, о причинахъ, побудившихъ двухъ императоровъ порвать союзъ и начать войну, авторъ говоритъ въ началѣ своей книжки очень бѣгло — иначе, собственно, и не понятна была бы эта война,—но дѣлаетъ онъ это безъ углубленія въ исторію перваго десятилѣтія XIX в., съ событіями котораго тѣсно связана Отечественная война, составляя какъ бы ихъ завершеніе.

Самый ходъ войны г. Боринъ изображаетъ довольно живо, давая рядъ картинъ, на фонѣ которыхъ рѣшается судьба Россіи, но также и судьба величайшаго полководца. Въ общемъ, при чтеніи книжки г. Борина впечатлѣніе получается цѣльное, и читатель легко ориентируется во всѣхъ перипетіяхъ войны. Это достигается благодаря тому, что авторъ поставилъ себѣ совершенно правильную цѣль: фиксировать вниманіе читателя на важнѣйшихъ моментахъ войны и избѣгать по возможности экскурсій въ область второстепенныхъ явленій. Во многихъ мѣстахъ авторъ приводитъ обширныя цитаты изъ дневниковъ и записокъ участниковъ войны, давая самимъ очевидцамъ, со всей, присущей имъ экспрессіей, изобразить наиболѣе выдающіеся моменты этой великой эпопеи. Для знаменитой сцены съ Верещагинымъ, когда Растопчинъ искусно направилъ гнѣвъ народа въ другую сторону и этимъ спасъ свою жизнь, авторъ привелъ большую цитату, въ пять страницъ, изъ

„Войны и Мира“ Л. Толстого. И когда перечитываешь эти строки, вкрапленныя въ историческій очеркъ, изображающій войну 1812 года, только тогда и видишь, какъ геніально великій мастеръ пера сочеталъ голый историческій фактъ съ свободнымъ творчествомъ художника. Книжка г. Борина написана доступнымъ языкомъ и разсчитана, повидимому, на широкую читательскую массу. По тона безпристрастнаго повѣствователя авторъ не сумѣлъ сохранить. Мѣстами прорывается „патріотическій духъ“, совершенно неумѣстный, частое подчеркиваніе „народнаго воодушевленія“, вслѣдствіе чего изображеніе событій получается слишкомъ односторонне. Въ такихъ случаяхъ безпристрастный историкъ долженъ былъ бы на-ряду съ положительными сторонами войны изобразить и ея отрицательныя стороны. Г. Боринъ этого не сдѣлалъ и перегибалъ палку только въ одну сторону; такимъ образомъ, получилась недурно составленная книжка съ дешевымъ патріотическимъ привкусомъ. Надо только отдать автору справедливость, привкусъ этотъ имѣется въ его книжкѣ, сравнительно, въ небольшой пропорціи. (Н. Б-ій. „Рѣчь“. 1912—213).

82. **Пичета, В.** 9(47)„1812“.

Причины Отечественной войны. Историческій очеркъ. „Универсальная библіотека“, № 658. Изд. „Польза“. М. 1912. Стр. 80, Ц. 10 к.

Историческій очеркъ В. Пичеты обнимаетъ эпоху, предшествовавшую войнѣ 1812 года. Онъ состоитъ изъ девяти главъ, въ которыхъ изображаются важнѣйшіе моменты наполеоновскихъ предпріятій. Въ началѣ авторъ выясняетъ отношенія Наполеона въ Англіи, которыми, собственно, и опредѣляется весь дальнѣйшій ходъ событій. Далѣе идутъ послѣдовательно главы: „Россія и Франція въ началѣ XII вѣка“, „Континентальная система“ — эта послѣдняя распадается на три части, въ коихъ достаточно подробно и основательно изображается экономическое и финансовое состояніе Россіи до введенія континентальной системы и тѣ послѣдствія, которыя произвело въ Россіи ея примѣненіе. Здѣсь авторъ приводитъ рядъ цифръ, какъ бы наглядно поясняющихъ экономическое состояніе Россіи до и послѣ введенія континентальной системы. Отсюда читателю становится уже понятнымъ невозможность русско-французскаго союза, требовавшаго большихъ жертвъ. За этой главой слѣдуютъ: „Общество и франко-русскій союзъ“, „Отъ Тильзита до Эрфурта“, „Эрфуртъ“, „Послѣ Эрфурта“, „Подготовка разрыва“ и „Разрывъ“.

Къ достоинствамъ этой небольшой книжки, изложенной бѣгло, надо отнести ея основательность, тотъ скрытый отъ взоровъ читателя фундаментъ, который легъ въ ея составленіе. Спокойный и вмѣстѣ съ тѣмъ безпристрастный тонъ свидѣтельствуютъ о серьезности намѣреній автора, стремившагося дать общую картину тѣхъ событій, которыя, логически развиваясь, привели, къ катастрофѣ 1812 года. Изъ популярныхъ дешевыхъ книгъ по исторіи отечественной войны, предназначенныхъ для широкаго распространенія, брошюра В. Пичеты заслуживаетъ особаго вниманія. (Н. Б. „Рѣчь“. 1912—206.)

* **Михаэлисъ, Софусъ.** 9(47)„1812“(0:8)

См. порядк. № 67.

* **Ульяновъ, А.** 9(47)„1812“(0:8)

См. порядк. № 72.

* **Морозовъ, Николай** 91+5]:517

См. порядк. № 26.

83. **Фрейдъ, З., проф.** 92(В):75

„Леонардо да-Винчи“. К-во „Совр. Проблемы“. 1912 г. Ц. 50 к.

Цѣль настоящей работы проф. З. Фрейда—посредствомъ психоанализа начертить линію душевнаго развитія Леонардо да-Винчи — „этого великаго и загадочнаго человѣка, въ которомъ чувствуются могучія страсти, имѣвшія, однако, возможность только такъ странно слабо проявиться“. Эту его сексуальную безактивность проф. З. Фрейдъ ставитъ въ связь съ незаконнымъ рожденіемъ Леонардо да-Винчи и съ чрезмѣрною любовью его къ матери. Эти два факта, по мнѣнію З. Фрейда, и оказали самое рѣшительное вліяніе на развитіе и на позднѣйшую судьбу Леонардо да-Винчи.

Психоаналитическое изслѣдованіе, примѣненное къ великому человѣку и притомъ опирающееся на скудныя біографическія данныя, конечно, а priori уже заставляетъ критически отнестись къ выводамъ. Но всетаки чтеніе этой интересной книги убѣждаетъ въ серьезности и самой попытки самого анализа. Книга читается съ большимъ интересомъ. (С. К-нъ. „Ил. Обозр. Гол. М.“ 1912—175).

84. **Шпицеръ, С.** 92(Г):891.7

И. А. Гончаровъ. К-во „Школа“. Спб. 1912. Стр. 43. Ц. 40 коп.

„Имѣющійся въ продажѣ недавно вышедшій объемистый трудъ о Гончаровѣ необычайно дорогъ для широкой публики, и моей задачей было выпустить къ столѣтнему юбилею рожденія писателя общедоступное изданіе, что я дѣлаю съ незначительнымъ опозданіемъ“. Это нѣсколько странное предисловіе г. Шпицера къ своей очень скромной по содержанію брошюрѣ, нуждается и въ нѣкоторой фактической поправкѣ. Можно подумать, что до этой брошюры не было популярныхъ для „широкой публики“ очерковъ о Гончаровѣ, но въ дѣйствительности мы имѣемъ таковой хотя бы въ изданіи „Нижегород. Ежегодника“ (брошюра, составленная г. Ч. Вѣтринскимъ). Правда, очеркъ г. Шпицера обстоятельнѣе, въ немъ есть нѣсколько новыхъ подробностей о жизни и личности покойнаго автора „Обломова“, почерпнутыхъ г. Шпицеромъ преимущественно отъ семьи камердинера Гончарова. Кромѣ того, къ брошюркѣ приложено факсимиле отрывка изъ послѣдняго произведенія Гончарова („Май мѣсяцъ въ Петербургѣ“)... Къ сожалѣнію, изложеніе у г. Шпицера со стороны правильности стиля оставляетъ желать очень многаго (про свои матеріалы онъ выражается, напр., что они „лишь впервые только проливаютъ свѣтъ“). („Совр. Сл.“ 1912—1650).

* **Аскольдовъ, С.** 92(К):1

См. порядк. № 49.

85/6. **Кирхейзенъ, Г.** 92(Н)

Женщины вокругъ Наполеона. Пер. съ рукописи Л. И. Коганъ. Ц. 2 р. 50 к. Кн-ство „Заря“. Фредерикъ Масонъ. Наполеонъ и

женщины. Пер. І. І. Гольденберга. Ц. 2 руб. Изд. „Соврем. Проблемы".

Исторія отношеній Наполеона къ женщинамъ не представляетъ ровно никакого политическаго интереса: пока онъ былъ способенъ поддаваться вліянію женщинъ, у него не было власти. Когда онъ захватилъ власть, эта способность прошла. Но это не значитъ, конечно, что исторія отношеній Наполеона къ женщинамъ не представляетъ интереса вообще.

Какъ всякій человѣкъ съ яркой индивидуальностью, Наполеонъ вносилъ и въ увлеченія женщинами много такого, что было только ему одному свойственно. Съ точки зрѣнія психологической поэтому задача написать исторію романовъ Наполеона, изобразить ту сложную кривую чувствъ, которую являла душа Наполеона,—задача увлекательная. Недаромъ одна изъ первыхъ, если не первая, книгъ Масона, посвященныхъ біографическимъ изслѣдованіямъ о Наполеонѣ, называется „Наполеонъ и женщины". Для пониманія души Наполеона романы его даютъ очень много.

Въ книгѣ Масона говорится о томъ, съ какими женщинами Наполеонъ близокъ и какъ его близость съ той или иной женщиной протекала. Великолѣпный знатокъ всей литературы о Наполеонѣ и писатель съ большимъ литературнымъ талантомъ, Масонъ изображаетъ все это въ очень увлекательной формѣ, и его книга, — по-французски, къ сожалѣнію, не по-русски, — читается какъ самый захватывающій романъ. Но книга Гертруды Кирхейзенъ въ общемъ лучше книги Масона. Конечно, у этой дамы нѣтъ того литературнаго таланта, которымъ блещутъ всѣ сочиненія французскаго академика. Но какъ разъ это единственное преимущество въ русскомъ переводѣ исчезло совершенно. Зато г-жа Кирхейзенъ писала на много лѣтъ позднѣе Масона и пользовалась гораздо болѣе обильнымъ матеріаломъ, ибо мемуарная литература о Наполеонѣ,— главный источникъ для свѣдѣній объ его интимной жизни, — сильно пополнилась въ послѣднее время. Кромѣ того г-жа Кирхейзенъ могла пользоваться указаніями своего мужа, Фридриха Кирхейзена, швейцарскаго ученаго, который является въ настоящее время лучшимъ знатокомъ литературы о Наполеонѣ, который выпустилъ подробную библіографію о Наполеонѣ, разросшуюся въ послѣднемъ изданіи въ огромный томъ, и началъ печатать многотомный трудъ, посвященный Наполеону и его времени. Въ отношеніи полноты и свѣжести матеріала книга г-жи Кирхейзенъ стоитъ выше книги Масона.

Но еще вѣрнѣе, что она и шире по содержанію. Масонъ разсматриваетъ отношенія Наполеона только къ тѣмъ женщинамъ, которыми онъ увлекался, которыя будили въ немъ нѣжныя чувства. Г-жа Кирхейзенъ даетъ мѣсто въ своей книгѣ и женщинамъ, съ которыми у Наполеона не было никакой близости, но которыя играли роль въ его жизни. Тутъ и королева Луиза прусская, и Лаура Жюно, герцогиня Абрантесъ и г-жа Сталь, и г-жа Ремюза, и г-жа Тальенъ. Нужно ли говорить, что при такомъ болѣе широкомъ планѣ фигура Наполеона, поскольку она вскрывается въ его отношеніяхъ къ женщинамъ, обрисовывается полнѣе.

Вотъ почему тѣмъ изъ читателей, которые затруднялись бы сдѣлать выборъ между двумя книгами, носящими почти одинаковое названіе, мы совѣтовали бы остановиться на книгѣ г-жи Кирхейзенъ. Кстати и переведена она лучше. (А. Дж. „Рус. Вѣд." 1912. 167).

87. **Изгоевъ, А.** 92(С):32(47)

„П. А. Столыпинъ". Очеркъ жизни и дѣятельности. Біографическая библіотека № 1. М. Кн-во К. Ф. Некрасова. 1912 г. ц. 50 коп. 133 стр.

Писать біографію человѣка черезъ мѣсяцъ-другой послѣ его смерти—дѣло вообще трудное. Но оно становится прямо невозможнымъ, когда рѣчь идетъ о біографіи видныхъ дѣятелей русской бюрократіи. Русская бюрократическая конспирація самая темная, самая непроницаемая. Даже самый отдаленный plusquamperfectum нашей политической жизни доступенъ намъ въ видѣ весьма огрывочныхъ, неясныхъ намековъ и косвенныхъ уликъ, появляющихся на страницахъ мало читаемыхъ изданій. Наша новѣйшая исторія—это для насъ не плодъ систематической работы изслѣдованія, а въ значительной мѣрѣ результатъ внезапно появившихся своекорыстныхъ разоблаченій. И вотъ, если вспомнить, что при этихъ объективно неблагопріятныхъ условіяхъ за дѣло біографіи взялся не болѣе или менѣе объективно настроенный историкъ, а такой весьма субъективный, страстно настроенный политикъ-публицистъ, какъ А. Изгоевъ, то мы поймемъ, почему передъ нами, несмотря на хорошо исполненный портретъ и подробную родословную, не біографія, а п + 1-ая партійно-политическая статья.

Подойдя къ работѣ А. Изгоева съ этой точки зрѣнія, нельзя не вспомнить, что авторъ ея былъ однимъ изъ тѣхъ, кто своей публицистической дѣятельностью поддерживалъ, чуть ли не создалъ легенду „русскаго Бисмарка". А. Изгоевъ убѣжденъ, что П. Столыпинъ былъ человѣкомъ искреннимъ и даже искреннимъ конституціоналистомъ. Путемъ сложныхъ построеній онъ приходитъ къ выводу, что „показавшуюся кощунственной фразу, что „14 марта случилось нѣчто, не нарушившее, а укрѣпившее права молодого русскаго представительства"—Столыпинъ произнесъ вполнѣ искренне.

Если искренность Изгоевъ могъ обнаружить даже здѣсь въ небывалой мотивировкѣ небывалаго „нажима" на наши основные законы, то ясно, что въ другихъ случаяхъ, гдѣ не такъ уже била ярко въ глаза темная игра Столыпина, „искренность" его должна стоять уже внѣ всякихъ подозрѣній. Спорить съ этими психологическими изысканіями не приходится просто потому уже, что въ работѣ А. Изгоева читатель найдетъ не мало фактовъ, въ корнѣ опрокидывающихъ всѣ попытки автора реконструировать передъ нами фигуру искренняго конституціоналиста, погибшаго въ своихъ реформаторскихъ исканіяхъ отъ ударовъ какъ бы внѣ его стоявшей реакціи. „Откровенное нарушеніе закона въ случаяхъ чрезвычайныхъ и обходъ его въ случаяхъ обыденныхъ — такова политическая теорія покойнаго премьера"—говоритъ А. Изгоевъ, очевидно, не замѣчая, какъ эта совершенно правильная и удачная характеристика опрокидываетъ всѣ построенія о конституціонализмѣ и искренности Столыпина.

Не нужно, однако, думать, что работа Изгоева совершенно объективна тамъ, гдѣ онъ касается

только фактовъ. Съ поразительнымъ упорствомъ, говоря о репрессивной дѣятельности Столыпина, авторъ въ центрѣ ея ставитъ преслѣдованія кадетъ и совершенно игнорируетъ тѣ удары, какіе наносились оппозиціи, стоявшей лѣвѣе кадетъ. Наоборотъ, А. Изгоевъ твердо убѣжденъ, что послѣдней мирволили и опять таки, чтобы лишній разъ побить кадетъ. Изгоевъ убѣжденъ, что „нарочно“ во II Думу пропустили много соціалистовъ, чтобы обезсилить кадетъ. Дѣло доходитъ до того, что, по предположенію Изгоева, законъ 3-го іюня рѣшился отдать демократіи вторыя куріи пяти городовъ, въ надеждѣ, что „крайніе лѣвые помогутъ ему (Столыпину) совершенно избавиться отъ кадетъ“.

Такое „кадетоцентрическое“, такъ сказать, міросозерцаніе автора портитъ и ту цѣнную часть его работы, по которой читатели могли бы получить общее представленіе о ходѣ событій въ періодъ Столыпинскаго режима. (С. Ивановичъ. „Запр. Ж.“ 1912)

Какъ полагаетъ г. Изгоевъ, у него получилась „книга, равно далекая и отъ лести, и отъ надругательства“. Нѣсколько иное впечатлѣніе получается у читателя, который не удовлетворенъ двойственностью характеристики, объясняемою не столько двойственностью самаго объекта, сколько двойственнымъ отношеніемъ къ нему автора: при всей склонности и готовности послѣдняго преклониться передъ Столыпинымъ онъ ясно видитъ всю невозможность сдѣлать его „героемъ своего романа“.

Съ внѣшней стороны „очеркъ жизни и дѣятельности“ Столыпина написанъ живо и литературно. Читатели найдутъ въ немъ также нѣсколько интересныхъ сопоставленій и увидятъ, что итогъ дѣятельности Столыпина, даже у предрасположеннаго къ нему біографа получается убійственный. („Рус. Бог.“ 1912—3.)

Г. Изгоевъ даетъ только бѣглый обзоръ пятилѣтняго министерства П. А. Столыпина, коснувшись вскользь первыхъ, мало извѣстныхъ еще фазисовъ его госуд. службы. Есть, однако, факты, краснорѣчиво говорящіе сами за себя. Въ этомъ отношеніи особенно выдаются тѣ страницы книги г. Изгоева, гдѣ поставлено en regard, обѣщанное Столыпинымъ и имъ исполненное—или, въ большинствѣ случаевъ, неисполненное. Освѣщенный, такимъ образомъ, цѣлый періодъ нашей исторіи можетъ остаться непонятнымъ—или невѣрно понятымъ—только для тѣхъ, кто не хочетъ понимать, не хочетъ видѣть. („Вѣст. Е.“ 1912—3.)

Новыя книги.

Издатели и авторы приглашаются присылать редакціи „Бюллетеней“ по одному экземпляру вновь выходящихъ книгъ для напечатанія о нихъ своевременно подробныхъ свѣдѣній въ очередныхъ выпускахъ.

0 Общія сочиненія.

120. **Оствальдъ, В.** 001 : 15

Насущная потребность. Вып. I. Наука и философія. (Die Forderung des Tages). Перев. съ нѣм. С. Алексѣева. Подъ ред. проф. А. В. Сапожникова. Изд. „Совр. Пробл.“. М. 1912. Стр. 332. Ц. 1 р. 25.

Содержаніе: Насущная потребность. Общая энергетика. Къ вопросу о соврем. энергетикѣ. Энергетика и исторія культуры. Границы міра. Современная мистика. Методика. Къ теоріи науки. Теорія и практика. Техника изобрѣтенія. Элементы и соединенія. Основные стехіометрическіе законы и атомистическая теорія. Судьба атома. Перспективы современнаго естествознанія.

121. **Эйхлеръ, Ф.** 02 : 371

Библіотековѣдѣніе внѣшняго порядка въ его отношеніи къ методамъ научнаго изслѣдованія и преподаванія. Перев. съ нѣм. С. П. Бернштейна. Подъ ред. Э. А. Вольтера. Спб. 1912. Изд. газ. „Школа и Жизнь“. 41 стр. Ц. 47 к.

122. **Боднарскій, Б. С.** 025 . 4

Международная десятичная классификація въ примѣненіи къ библіотечному каталогу. (Докладъ на I Всероссійскомъ Съѣздѣ по библіотечному дѣлу). Спб. 1912.

1 Философія.

123. **Waldstein L.** 1 : 371 : 61

Подсознательное „я“ и его отношеніе къ здоровью и воспитанію. Перев. съ нѣм. женщ.-вр. М. А. Фрейденштейнъ. Психотерапевтич. библ. Вып. VII. Изд. „Наука“. М. 1912. Ц. 60 к. Стр. 111.

Содержаніе: Введеніе. Органическія ощущенія. Подсознательныя впечатлѣнія. Настроенія возбужденія. Осязаніе. Вниманіе. Наслѣдственность. Упражненіе. Геній Фейербахъ. Поэтическое настроеніе. Радость, доставляемая искусствомъ. Воспитаніе. Инстинктъ. Культура при воспитаніи дѣтей. Рассовые и религіозные предразсудки. Воспитаніе дѣвушекъ. Значеніе раннихъ впечатлѣній. Э. Келлеръ. Вѣра. Жизнь въ деревнѣ. Индивидуализація.—Смутныя чувствованія. Телепатія. Сонъ и сновидѣнія. Излишнее упражненіе сознательнаго „я“. Безсонница. Измѣненіе настроенія. Аміель. Подсознательное воспоминаніе о болѣзни. Истерія и неврастенія. Самолеченіе истеріи. Гипнотизмъ. Внушеніе. Старческій возрастъ. Душевныя болѣзни. Галлюцинаціи. Счастье. Забота. Суевѣріе. Лѣченіе душевныхъ болѣзней. Впечатлѣнія отъ сложныхъ ощущеній. Преподаваніе музыки слѣпымъ. Audition colorée. Воспроизведеніе и узнаваніе. Дѣйствіе запаховъ. Дѣйствіе нѣкоторыхъ лѣкарствъ. Упражненіе органовъ чувствъ. Нансійская школа и гипнотизмъ. Лурдъ. Эпидавръ. Заключеніе.

124. **Сковорода, Г.** 1 + 92(С)

Собраніе сочиненій. Т. I. Съ біографіей Г. С. Сковороды М. И. Ковалинскаго, съ замѣтками и примѣч. Вл. Бончъ-Бруевича. Портретъ и факсимиле автора. Матеріалы по исторіи и изученію русск. сектантства и старообрядчества, подъ ред. Вл. Бончъ-Бруевича. Спб. 1912. Ц. 4 р. Стр. 542.

Изъ „замѣтки отъ редакціи“: „Собр. соч. Сковороды будетъ въ двухъ томахъ. Въ первый мы помѣстили, кромѣ біографіи Г. С., написанной его другомъ М. И. Ковалинскимъ, всѣ оригинальныя прозаическія произведенія Г. С. Сковороды. Въ второмъ томѣ предполагаемъ помѣстить: 1) всѣ переводныя его работы; 2) стихи; 3) басни; 4) письма, а также 5) подробную библіографію о Сковородѣ; 6) воспомин. современниковъ и нѣкоторые др. матеріалы. Кромѣ того, мы предполагаемъ дать общій очеркъ ученія Г. С. Сковороды въ связи съ народнымъ ученіемъ духовнаго христіанства“.

125. **Изорскій, Н.** 11 (01)

Проблема чужой одушевленности. Введеніе въ теорію метафизическаго знанія. (Критика теоріи проф. А. И. Введенскаго). Изд. Брокгаузъ и Ефронъ. Спб. 1912. Ц. 50 к. Стр. 53.

126. **Коноровъ, М. И.** 15 (075)

Учебная коллекція психологическихъ приборовъ и таблицъ. Съ рисунками аппаратовъ и таблицъ. Спб. 1912. Стр. 38. Ц. 25 к.

Содержаніе: Предисловіе.— Ощущеніе и воспріятіе: 1) Слуховыя. 2) Осязательныя и мускульныя. 3) Зрительныя.—Память.—Воображеніе.— Вниманіе.— Внушеніе.— Мышленіе.— Скорость психо-физіологич. процессовъ.—Работоспособность и утомляемость.—Вліяніе психологич. процессовъ на физіологическіе.—Списокъ сочиненій.—Стоимость аппаратовъ и таблицъ.

* **Оствальдъ, В.** 15 : 001

См. порядк. № 120.

127. **Шамуринъ, Юрій.** 157 „17“

Любовь XVIII вѣка. L'amour du dixhuitième Siècle. М. 1912. Изд. „Образованіе“. 15 стр. + 39 лист. рис.

128. **Езерскій, Ѳ. В.** 17 : 263

Нравственность, ея природа, развитіе, упадокъ. Праздники. (Къ законопроекту о сокращеніи праздничныхъ дней.) Спб. 1912. Изд. автора. 46 стр.

129. **Горбуновъ-Посадовъ, И.** 178 . 1 : 37

Къ русскимъ учителямъ начальной, средней и высшей школы. Учитель и школа въ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ. Изд. библ. И. Горбунова-Посадова. М. 1912. Ц. 35 к. Стр. 80.

Содержаніе: Послѣдствія вліянія пьянства. Употребл. спиртныхъ напитковъ, какъ врагъ народн. просв. Невѣжество, какъ одна изъ причинъ алкоголизма. Употребл. спиртн. напитк. дѣтьми и вліяніе ихъ на дѣтск. разв. Задачи

нач. школы въ борьбѣ съ алкоголизмомъ. Время и успѣшность работы. Лучшій путь къ уму и душѣ дѣтей. Школьные кружки и пр.

2 Религія.

130. **Сегаль, С. А.**, д-ръ мед. 22
Библія, ея философія, этика и религія. Новочеркасскъ. 1910. Ц. 1 р. Стр. 104.
Содержаніе: Введеніе: человѣкъ и его отличіе отъ животныхъ, характеристика жизни, въ отношеніи ея проявленія и теченія, взглядъ на пространство и время.—О Богѣ.—О душѣ человѣка.—О смыслѣ бытія.—О добрѣ и злѣ.—Религія.—Др. вопросы, касающіеся жизни.

131. **Ковалевскій, Е. П.** 257 (47)
Народное образованіе и церковное достояніе въ III Госуд. Думѣ. Рѣчи, доклады, статьи. Части II и III и приложенія. (Новые законы.) Спб. 1912. 187 стр.

* **Езерскій, Ѳ. В.** 263 : 17
См. порядк. № 127.

132. **Рождественскій, Т. С. и Успенскій, М. И.** 281.93.01
Пѣсни русскихъ сектантовъ-мистиковъ. Сборникъ. (Зап. рус. геогр. общества. По отд. этнографіи. Томъ XXXV). Спб. 1912. LV + 871 стр. + 22 лист. рис. + 2 табл.

133. **Сергіевъ, Д. Ѳ.** 291.13
Историческій обзоръ миѳологическихъ теорій. Нѣжинъ. 1912. Изд. инстит. кн. Безбородко. 36 + X стр.

134. **Очаповскій, Л. В.** 292
Миѳъ объ Іо. Древнее греческое сказаніе. Спб. 1912. Изд. Вятск. тов. Народная библіотека. Тип. М. М. Стасюлевича. 59 + 5 стр. Ц. 15 к.

135. **Вивекананда, Свами.** 294
Практическая Веданта. Изд. Н. Шейерманъ. 1912. М. Ц. 50 к. Стр. 94.
Содержаніе: Практическая Веданта.—Религія познанія.—Богъ и человѣкъ.—Мой учитель.—Гимнъ творенія.

3 Соціальныя науки.

136. **Вороновъ, Н. Г.** 301
Основанія соціологіи. М. 1912. Стр. 122. Ц. 75 к.
Содержаніе: Предисловіе. — Личность и группа.—Закономѣрность общественныхъ явленій. — Сила, ея свойства.—Силы сложенныя.—Силы организованныя.

137. **Кузьминъ-Караваевъ, В. Д.** 323.1
Сокольство и идея славянскаго единенія. Спб. 1912. 26 стр. Ц. 50 к.

138. [. . . . .] 324(47)
Кто и какъ можетъ осуществить свои выборныя права. Предвыборный катехизисъ. М. 1912. 67 стр.

* [. . . . .] 328 : 352](47)
См. порядк. № 146.

* **Репьевъ, С. П.** 331 : 657
См. порядк. № 194.

139. **Назаревскій, М. И.**, проф. 333.88(73)
Очерки по исторіи и теоріи коллективно-капиталистическаго хозяйства. Синдикаты, тресты и комбинированныя предпріятія. Томъ I. Часть первая. М. 1912. XIII + 364 Ц. 2 р. 50 к.
Содержаніе: Очерки по исторіи объединенія американскихъ предпріятій.

140. **Змирловъ, К. П.** 343.19
Временныя правила о волостномъ судѣ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введенъ въ дѣйствіе законъ о преобразованіи мѣстнаго суда, Высочайше утвержденный 15 іюня 1912 года. Спб. 1912. Изд. кн. скл. Право. 162 стр. Ц. 60 к.

141. **Фридманъ, Б. Д.** 343.2
Преступленіе и наказаніе по уложенію о наказаніяхъ М. 1912. Изд. В. М. Саблина. 227 стр. Ц. 1 р. 50 к.

142 **Гернетъ, М. Н.** 343.6
Дѣтоубійство. Соціологическое и сравнительно-юридическое изслѣдованіе. Ученыя записки Императорскаго Московскаго Университета. Отдѣлъ юридическій. Вып. сороковой. М. 1912. 318 стр + 12 діаграммъ. Ц. 1 р. 75 к.

143. **Рабиновичъ, А.** 347.6
Родители, дѣти и родственники. М. 1912. Изд. В. М. Саблина. V + 279 + IX стр. + 1 таблица. Ц. 1 р. 50 к.

144. **Гуляевъ, А. И.** 347.7
Векселя. М. 1912. Изд. В. М. Саблина. 2 + 129 стр. Ц. 80 к.

145. **Булаво, М.** 347.965
Дѣловой справочникъ. Какъ обращаться къ судебной защитѣ и составлять разнаго рода дѣловыя бумаги. Псковъ. 1912. 68 стр. Ц. 55 к.

146. [. . . . .] 352 : 328](47)
Что сдѣлала 3-я Государственная Дума для городовъ. Спб. 1912. 83 стр. Ц. 10 к.

147. **Петровъ, П.** 355(47)
Уставъ о воинской повинности. Спб. 1912. 376 стр. Ц. 2 р.

* **Горбуновъ-Посадовъ, И.** 37 : 178.1
См. порядк. № 129.

* **Дамманъ, проф. и Зеебаумъ, Г.** 37 : 616.2
См. порядк. № 183.

148. **Бѣлинскій, В. Г.** 371
Педагогическія сочиненія. Со вступительной статьей Г. А. Фальборка и очеркомъ жизни и педагогической дѣятельности Бѣлинскаго, примѣчаніями и библіографическими указаніями А. Г. Фомина. Спб. 1912. Изд. газеты „Школа и Жизнь“. XII + 259 стр. Ц. 1 р.

149. **Кейра, Фр.** 371
Воображеніе и различныя формы его у ребенка. Очеркъ по экспериментальной психологіи въ приложеніи ея къ интеллектуальному воспитанію. Перев. съ 4-го фр. изд. В. Соллертинскаго. Подъ ред. проф. С. Соллертинскаго. Спб. 1912. Стр. 103. Ц. 40 к.
Содержаніе: Предисловіе. Природа образовъ. Психологическій законъ ассоціаціи и его плодотворность. Различіе видовъ воображенія. Причины и слѣдствія этого различія. Зрительная

память. Слуховой типъ. Моторный типъ. Различныя наклонности у дѣтей. Опасности, которыя можетъ создать исключительная культура одного порядка образовъ. Средній или нормальный типъ. Его относительное превосходство. Необходимость уравновѣшенія образовъ. О нѣкоторыхъ способахъ, которые могутъ гарантировать равновѣсіе образовъ. Заключеніе.

* **Эйхлеръ, Ф.** 371:02
См. порядк. № 121.

* **Waldstein, L.** 371:1:61
См. порядк. № 123.

150. **Демковъ, М. И.** 371:92
Старые и новые педагоги, ихъ жизнь, мысли и труды. Для учащихъ и учащихся въ народныхъ школахъ. М. 1912. Изд. А. Д. Ступина. 182 стр. съ рис. Ц. 75 к.

151. [. . . . .] 372(47.31)
Умственное развитіе дѣтей, поступающихъ въ московскія городскія школы. Докладъ, прочитанный въ Московскомъ Педагогическомъ кружкѣ въ отдѣлѣ начальной школы. Библіотека новаго воспитанія и образованія и защиты дѣтей. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. LXXXV. М. 1912. 16 стр. Ц. 10 к.

152. **[Фонвіель].** 384
Проложеніе перваго телеграфа черезъ океанъ. По книгѣ Фонвіеля изложилъ П. Д. Первовъ, препод. Лазаревскаго института вост. языковъ. М. 1911. Стр. 92. Ц. 35 к.

153. **Шведеръ, Е.** 385(47)
Какъ возникли у насъ желѣзныя дороги. Дешевая библіотека для семьи и школы. М. 1912. Изд. ред. журн. „Юная Россія.“ Тип. К. Л. Меньшова. 16 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

4 Филологія.

154. [. . . . .] 42
Академія иностранныхъ языковъ. Англійскій языкъ. Подъ ред. Джона Томсонъ. III вып. Спб. 1912. Изд. „Благо“. 87 стр. Ц. 1 р.

155. [. . . . .] 43
Академія иностранныхъ языковъ. Нѣмецкій языкъ. Подъ ред. Л. Е. Габриловича. IV выпускъ. Спб. 1912. Изд. „Благо“. 80 стр. Ц. 1 р.

156. [. . . . .] 44
Академія иностранныхъ языковъ. Французскій языкъ. Подъ ред. Пэрнэ. Выпускъ V. Спб. 1912. Изд. „Благо“. 80 стр. Ц. 1 р.

157. **Саввинъ, Н. А.** 491.7—1
Систематическій ороографическій задачникъ. Руководство къ изученію русскаго правописанія — для младшихъ классовъ ср.-уч. заведеній и для городскихъ училищъ. Вып. I. Изд. В. С. Спиридонова. М. 1912. Ц. 35 к. Стр. 96.

158. **Корзуновъ, П. Т.** 491.7—8](075)
Родная нива. Букварь для обученія чтенію и письму. Съ 131 рис. Изд. В. С. Спиридонова. М. 1912. Ц. 20 к. Стр. 56.

159. **Тумимъ, Г. Г.** 491.7—8](075)
Дѣтскія очки. Букваръ и первое чтеніе. Съ рис. О. В. Розановой. Изд. Т-ва Сытина. Стр. 124. Ц. 25 к.

5 Чистыя науки.

160. **Борзовъ, А.** 5(02)
Краткій конспектъ трехъ лекцій Б. П. Кащенко на тему: „Обзоръ пособій по природовѣдѣнію“, читанныхъ 12, 13 и 14 іюля 1912 года на лѣтнихъ курсахъ для учителей. М. 1912. 19 стр.

161. **Бернашевскій, А. и Васильевъ, Г.** 511(075)
Живой счетъ. Иллюстрированный сборникъ ариѳметическихъ задачъ и упражненій для сельскихъ школъ. Ч. III. Подъ. ред. Е. А. Звягинцева. Изд. Сытина. М. 1912. Стр. 120. Ц. 20 к.
Содержаніе: Предисловіе.— Повторительныя упражненія съ числами первой тысячи.— Задачи на числа любой величины.— Составныя именованныя числа.

162. **Горбунова, Е. и Цунзеръ, И.** 511(075)
Живыя числа, живыя мысли, руки за работой. Первый годъ обученія ариѳметикѣ въ школѣ и семьѣ, разработанный на основѣ дѣтской самодѣятельности, на опытѣ и наглядности. Со мног. рис. Кн. 1-я. М. 1912. Изд. „Библ. И. Горбунова-Посадова“. Ц. 35 к. Стр. 132.

163. **Межеричеръ, П. Н.** 511(075)
Учебникъ ариѳметики для среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ и для самообученія. Спб. 1912. Изд. Т-ва „Просвѣщеніе“. 295 стр. Ц. 1 р. 25 к.

164. [. . . . .] 511(075)
Сборникъ ариѳметическихъ задачъ въ предѣлѣ первой сотни. Сост. группа учащихъ въ начальной школѣ г. Москвы примѣнительно къ книжкѣ „Первые шаги въ ариѳметикѣ“. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1912. Стр. 72. Ц. 15 к.

165. **Свѣтловъ, К.** 511(075)
Учебная книга коммерческой ариѳметики. Научный и практическій курсъ. Могилевъ. 1912. 2 + 129 стр. + V табл. Ц. 1 р.

166. [. . . . .] 511(075)
Устный счетъ въ предѣлахъ 1000. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и примѣровъ. Упрощенные способы сложенія, вычитанія, умноженія, дѣленія и упражненія на счетахъ. Для начальныхъ народныхъ училищъ. Составлено „группой учащихъ въ начальныхъ училищахъ г. Москвы“. Под. ред. А. А. Морозова. Изд. В. С. Спиридонова. М. 1912. Ц. 20 к. Стр. 56.

167. **Бюркленъ, О.** проф. 516
Сборникъ задачъ по аналитической геометріи на плоскости. Съ 32 чертежами въ текстѣ. Перев. съ нѣм. А. А. Побѣдоносцева, препод. московск. мужск. гимназіи Крейманъ. Изд. „Звѣзда“, Н. Орфенова. М. 1912. Ц. 50 к. Стр. 177.

168. **Глазенапъ, С.** 52(075)
Космографія для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1912. Изд. Т. З. Глазенапъ. 216 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

169. **Тріумфовъ, В. А.** 53(075)
Конспективный учебникъ физики. Повторительный курсъ для среднихъ учебныхъ заведеній и для поступающихъ въ высшія спеціальныя учебныя заведенія. Вып. первый. Спб. 1912. 63 стр. Съ чертежами. Ц. 1 р.

170. [. . . . .] 53:794
Кое-что о силѣ и матеріи. (Научно-забавная б-ка для семьи и школы. Под. ред. П. Аменицкаго. Выпускъ XIV.) М. 1912. 26 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

171. **Абрамовъ, Ив.** 571
Что говорятъ забытыя могилы. Съ 67 рис. въ текстѣ подъ ред. и съ предисловіемъ М. В. Новорусскаго. Изд. „Жизнь и Знаніе". Спб. 1912. Ц. 65 к. Стр. 174.
Содержаніе: Предисловіе.—Незапамятныя времена.—Стоянки каменнаго вѣка.—Долмены.—Катакомбы.—Курганы.—Скиѳскія могилы.—Какъ мы раскапывали курганъ въ Кубанскихъ степяхъ.—Игрушки дѣтей, жившихъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ въ предѣлахъ Южной Россіи.—Каменныя бабы.—Городища. Исчезнувшія царства и города. — Заключеніе.— Приложенія.

172. **Непокойчицкій, А. А.** 576
Изъ чего создалась жизненная сила и что такое жизнь? Кіевъ. 1912. Изд. автора. 29 стр. Ц. 50 к.

173. **Елачичъ, Е.** 591.1
О душевной дѣятельности животныхъ. Очерки по психологіи животныхъ. Часть первая. Съ 60 рис. Изд. автора. Спб. 1912. Стр. 140. Ц. 80 к.
Изъ предисловія: „Предлагаемая книга является попыткою ознакомить широкіе слои интересующихся не спеціалистовъ съ психологіей животныхъ, поскольку она выяснена современною научною сравнительною психологіею"...

174. **Шлейеръ, А.** 593.1
Въ глубинѣ водъ. Съ 229 красочными изображеніями низшихъ водныхъ животныхъ на 20 таблицахъ. Перев. съ нѣм. А. С. Салтыкова. М. 1912. Изд. В. М. Саблина. Съ рис. Ц. 3 р.

175. **Шлейеръ, А.** 597/8
Рыбы пресмыкающіяся и амфибіи. Пер. съ нѣм. Е. О. и Д. С. М. 1912. Изд. В. М. Саблина. 106 стр. 30 табл. рис. Ц. 3 р.

6 Прикладныя науки.

176. [. . . .] 61(04)
Памятка для помощниковъ врачей. Со статьей д-ра В. Я. Канеля. Кіевъ. 1912. Изд. Книгоизд. „Сотрудникъ". 62 стр.

* **Waldstein, S.** 61:1:371
См. порядк. № 123.

177. **Гиркс, Э., проф.** 611(02)
Краткій курсъ патологической анатоміи. I. Общая часть. Съ 69 рис. въ текстѣ. Перев. съ нѣм. подъ ред. прив.-доц. Моск. у—та А. И. Абрикосова. Изд. „Космосъ". М. 1912. Ц. 1 р. 25 к. Стр. 157.

178. **Севостьяновъ, Н. С., д-ръ.** 611(02)
Повторительный курсъ частной патологической анатоміи. Харьковъ. 1913. Изд. Книгоизд. В. П. Замѣрицъ. 102 стр. Ц. 90 к.

179. **Гертвигъ, О.** 611.013(02)
Элементы эмбріологіи человѣка и позвоночныхъ животныхъ для врачей и студентовъ. Перев. съ 4-го нѣм. изд. подъ ред. В. Я. Рубашкина. Спб. 1912. Изд. К. Л. Риккера. VII+529 стр. Съ рис. Ц. 4 р. 40 к.

180. **Міегутъ.** 612
Вліяніе солнечнаго свѣта на живые организмы. Харьковъ. 1912. 16 стр. Ц. 10 к.

181. **Мюллеръ, І. П.** 613
Моя система для дѣтей. Естественный способъ укрѣпленія здоровья и предохраненія отъ болѣзней. Ч. II для мальчиковъ и дѣвочекъ отъ 5 до 17 лѣтъ. Изд. автора при участіи изд. „Здоровье и красота". Съ 59 иллюстр. въ текстѣ и табл. на отд. листѣ. М. 1912. Стр. 69. Ц. 75 к.

182. **Шхіянъ, А.** 616.2
Туберкулезъ, чахотка и общество. Тифлисъ. 1912. Изд. автора. 56 стр. Ц. 25 к.

183. **Дамманъ, проф. и Зесбаумъ, Г.** 616.2:37
Школа въ борьбѣ съ туберкулезомъ. Перев. подъ ред. д-ра И. И. Трояновскаго. М. 1912. Изд. І. Квебель. 12 стр.

184. **Мендельсонъ, А.** 616.8
О душевныхъ болѣзняхъ. Спб. 1912. Изд. Спб. О-ва грамотности. 54 стр. Съ рис.

185. **Сухановъ, С. А., д-ръ.** 616.8
Патологическіе характеры. Очерки по патологической психологіи. Изд. П. Н. Карбасникова. Спб. 1912. Стр. 380. Ц. 1 р. 75 к.
Содержаніе: Предисловіе. Введеніе. — Психастенія. — Истерія. — Логопатія. — Эпилепсія.—Циклотимія.—Сочетаніе циклотиміи съ психонейрозами.—Заключеніе.

186. **Ющенко, А. И., д-ръ.** 616.8(02)
Сущность душевныхъ болѣзней и біологохимическія изслѣдованія ихъ. Въ 15 лекціяхъ. (Частный курсъ, прочит. студ. стар. сем. Императорскаго Юрьев. Ун.) Спб. 1912. 11+130 стр.

187. **Майстрахъ, Вл.** 619
Общедоступный лѣчебникъ всѣхъ животныхъ. М. 1912. Изд. Е. Коноваловой и К°. 384 стр. съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

188. **Энгельмейеръ, П. Кл.** 62(01)
Философія техники. Вып. I. Общій обзоръ предмета. М. 1912. 96 стр. Съ рис. Ц. 80 к.

189. **Усовскій, Б. Н.** 63
Новое въ сельскомъ хозяйствѣ. Очеркъ современныхъ принциповъ новѣйшихъ открытій и усовершенствованій въ сельскомъ хозяйствѣ. Сельско-хозяйственная библіотека. Спб. 1912. Изд. П. П. Сойкина. 115 стр. Ц. 50 к.

190. **Тулайковъ, Н. М.** 63(47.7)
Неурожай 1911 г. и задача агрономіи Юго-Востока Европейской Россіи. Докладъ на засѣд. о-ва взаимопом. рус. агр. Изд. библ. И. Горбунова-Посадова. М. 1912. Ц. 10 к. Стр. 16.

* **Капнистъ, Р., гр.** 63:657
См. порядк. № 200.

191. **Ипатовъ, Ф.** 632
О вредныхъ насѣкомыхъ для полей, сада, огорода и скота въ крестьянскомъ хозяйствѣ. (Деревенская библіотека, № 44). Спб. 1912. Изд. М. П. Петрова. 34 стр. Съ рис.+3 табл. Ц. 15 к.

192. **Невѣжина, К. М.** 641
Консервы, заготовки и припасы. Практическое руководство къ приготовленію разныхъ ра-

стительныхъ, рыбныхъ и мясныхъ соленій, сушеній, копченій, маринадовъ, консервовъ, колбасъ, сыровъ и пр. Кіевъ. 1912. Изд. „Самопомощь". 64+XVI стр. Ц. 50 к.

193. **Менделѣевъ, И. и Потапова, Д.** 652

Руководство для быстраго и увѣреннаго письма на пишущихъ машинахъ. (Для школъ и самообученія) по разработанному спеціально для русскаго языка, общепринятому въ заграничныхъ школахъ, американскому десяти-пальцевому „слѣпому" методу. Спб. 1912. Изд. И. П. Менделѣева. 96 стр. Съ табл. Ц. 1 р. 50 к.

194. **Репьевъ, С. П.** 657:331

Курсъ общей и фабрично-заводской бухгалтеріи по двойной системѣ. Казань. 1912. 205 стр. Ц. 2 р.

195. **Капнистъ, Р., гр.** 657:63

Упрощенное сельскохозяйственное счетоводство. Полтава. 1912. Тип. И. Л. Фришберга. 75 стр. Ц. 50 к.

7. Изящныя искусства.

196. **Тэкъ, Ипполитъ.** 701(02)

Лекціи объ искусствѣ. (Философія искусства). Ч. I. Перев. съ франц Н. Соболевскаго. Универс. Библіотека. М. 1912. Изд. к-ва. Польза В. Антикъ и К°. 96 стр. Ц. 10 к.

Содержаніе: Природа и возникновеніе художественнаго произведенія.

197. **Конзицка, Г.** 771

Стереографическій аппаратъ съ моментальнымъ затворомъ. Какъ его дешево сдѣлать и какъ имъ снимать. Практ. руков. для мол. фотогр. Пер. съ нѣм. П. Маврикіева. Фотогр. библіотека. Спб. 1912. Изд. М. П. Петрова. 32 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

198. **Евдокимовъ, Б. А.** 778.6

„Цвѣтная Фотографія". Упрощ. способы получ. цвѣтныхъ снимковъ обыкн. камерой. Полное практ. рук. для люб. и фотогр. по производству цвѣтныхъ снимковъ на пластинкахъ „Автохромъ", „Омниколоръ" и „Діоптихромъ". Спб. 1912. Изд. Н. П. Карбасникова. 98 стр.

* [. . . . .] 794:53

См. порядк. № 170.

8. Литература.

199. **Дубровиченко, В.** 8—2(075)

Очерки изъ исторіи драмы. (Отъ „Діонисій" до „Вишневаго Сада"). Очерки и разборы драмат. произв. рус. и иностр. литер. (Пособіе къ прохожденію словесности въ старшихъ классахъ). М. 1912. Изд. „Сотрудникъ Школъ" А. К. Залѣсской. XII+288+III стр. Ц. 1 р.

200. [. . . . .] 8—8

Вокругъ жизни. Литературный сборникъ молодыхъ авторовъ. Подъ ред. Н. С. Молодцова. Хуторъ Тихорѣцкій. 1912. Стр. 137. Ц. 90 к.

Содержаніе: Б. Скоробогатко, Стихотв.— Д. Слѣпенко. Стихотв. Тоска. Безволіе. Дача на горѣ.—И. А. Г.—Начинающій. Стихотворенія.— М. Масловской. Артемъ.—М. Будрикъ. Стихотв.— N. Victor. Воспоминаніе.—В. Брянскій. Стихотв.— И. Молодцовъ. Стих. Въ мірѣ слезъ и печали.— Н. Залетный. Стих.—О. Калибри. Разсказъ невѣсты.—А. В—вая. Стих.—Н. Федорова. Стихи. Курсистка.

201. **Гейне, Генрихъ** 83—1

Книга пѣсенъ. Избр. стихотв. подъ ред. Саши Чернаго. Учебное пособіе по иностр. литер. „Всеоб. библіотека". № 184. Спб. 1912. Изд. Акц. Общ. типограф. дѣла „Герольдъ". 74 стр. Съ пор. Ц. 10 к.

202. **Нерваль, Жераръ, де.** 84—3

Сильвія. Октавія. Изида. Аврелія. Перев. съ фр. Редакція и вступит. статья П. Муратова. Изд. К. Ф. Некрасова. М. 1912. Ц. 1 р. Стр. 268.

Изъ вступит. статьи: „Жераръ де-Нерваль самъ разсказалъ исторію своей жизни,— видѣнія юности въ „Сильвіи", свои годы странствій въ „Октавіи" и „Путешествіи на Востокъ", свою постепенную гибель въ „Авреліи". По страницамъ написанныхъ имъ книгъ и строкамъ его стихотв. можно возстановить съ ужасающей и единственной въ своемъ родѣ яркостью одну изъ самыхъ необыкновенныхъ и трагическихъ исторій человѣческой души"...

* **Гейне, Ансельмъ.** 84(493) : 92(М).

См. порядк. № 240.

203. **Кузьминъ, М.** 891.7—1

Осенніе озера. Вторая книга стиховъ. (Обложка работы С. Судейкина). М. 1912. Изд. К-ва Скорпіонъ. 233 стр. Ц. 1 р. 80 к.

204. **Тютчевъ, Ѳ. И.** 891.7—1

Полное собраніе сочиненій. Съ критико-біограф. очеркомъ В. Я. Брюсова, библіограф. указ., примѣч., варіантами, факсимиле и портр. Ред. изданія П. В. Быкова. Спб. 1912. Изд. т-ва А. Ф. Маркса. XLVII + 694 стр. Ц. 3 руб.

205. **Рклицкій, С.** 891.7—1 : 9(47) „1812"

Отечественная война въ звукахъ родной лиры. Избр. стихотв. для сред. шк. и город. уч. Съ 26 портр. и рис. Изд. В. С. Спиридонова. М. 1912. Ц. 20 к. Стр. 60.

206. **Брамовъ, І.** 891.7—2

Въ пути. Пьеса въ 3-хъ дѣйствіяхъ. М. 1912. Ц. 75 к. Стр. 102.

207. **Сорокинъ, А.** 891.7—2

Золото. Монодрама, 10 иллюстрацій въ текстѣ, вступительная статья А. Сорокина. Монодрама и драма-схема или полидрама. Изд. „Звѣзда" Н. Орфенова. М. 1912. Ц. 50 к. Стр. 94.

208. **Дмитріева, В. І.** 891.7—3

Червонный хуторъ. Романъ. Спб. 1912. Изд. Вятск. Книгоизд. Товарищества. 397+2 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

209. **Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.** 891.7—3

Собраніе сочиненій. Томъ XIII. На попятномъ дворѣ (Профили и зигзаги). Спб. 1912. Изд. т-ва Просвѣщеніе. 271 стр. Ц. 1 р. 25 к.

210. **Толстой, Л. Н.** 891.7—3

Дьяволъ. Изд. „Посредникъ". М. 1912. Ц. 6 к. и 7 к. Стр. 59.

211. **Толстой, Л. Н.** 891.7—3

И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ. Изд. „Посредникъ". М. 1912. Ц. 6 к. и 7 к. Стр. 64.

212. **Толстой, Л. Н.** 891.7—3
Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ. Изд. „Посредникъ". М. 1912. Ц. 5 к. и 6 к. Стр. 45.

213. **Толстой, Л. Н.** 891.7—3
Отецъ Сергій. Изд. „Посредникъ". М. 1912. Ц. 6 к. и 7 к. Стр. 60.

214. **Толстой, Л. Н.** 891.7—3
Посмертныя записки старца Ѳедора Кузьмича. Изд. „Посредникъ". М. 1912. Ц. 4 к. и 5 к. Стр. 32.

215. **Толстой, Л. Н.** 891.7—3
Тихонъ и Маланья. (Разсказъ изъ деревенскаго быта). Идилія. Не играй огнемъ — обожжешься. (Изъ деревенскаго быта). Изд. „Посредникъ". М. 1912. Ц. 5 к. и 6 к. Стр. 48.

216. **Толстой, Л. Н.** 891.7—3
Фальшивый купонъ. Изд. „Посредникъ". М. 1912. Ц. 6 к. и 7 к.

217. **Толстой, Л. Н.** 891.7—3
Хаджи-Муратъ. Изд. „Посредникъ". М. 1912. Ц. 14 и 16 к. Стр. 131.

218. **Филатовичъ, Б.** 891.7—3
Разсказы. Кн. 2. Н.-Новгородъ. 1912. Ц. 65 к. Стр. 202.
Содержаніе: Два счастья. На волю Божію. Поруганіе. Бѣдная плачетъ. Письмо. Чудо. Жертва. Безъ догмы. Исторія одного увлеченія. Михрюткино горе. Русь идетъ. Горе. Двѣ вѣры. Обставители. Зачѣмъ. Лучъ свѣта. Этюды. Соната Quasi una fantasia. Утревникъ. Мытарь и фарисей.

219. **Шмелевъ, И.** 891.7—3
Къ солнцу. Разсказъ. Дешевая библіотека для семьи и школы. М. 1912. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 39 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

220. **Шмелевъ, И.** 891.7—3
Липа и пальма. Разсказъ. Дешевая библіотека для семьи и школы. М. 1912. Изд. журн. „Юная Россія". 45 нен. стр. Съ рис.

221. **Шмелевъ, И.** 891.7—3
Одна дорога. Разсказъ. (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1912. Изд. ред. журн. Юная Россія. 48 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

222. **Шмелевъ, И.** 891.7—3
Послѣдній выстрѣлъ. Разсказъ. Дешевая библіотека для семьи и школы. М. 1912. Изд. ред. журн. Юная Россія. 44 стр. Ц. 12 к.

223. **Шмелевъ, И.** 891.7—3
Пряникъ. Разсказъ доктора. Дешевая библіотека для семьи и школы. М. 1912. Изд. ред. журн. Юная Россія. 3 стр. Съ рис.

224. **Ѳедоровъ-Давыдовъ, А.** 891.7—91
Русскія народныя сказки. Т. 1. М. 1912. 288+ +III стр. Съ рис. Ц. 1 р. 20 к.

225. **Добролюбовъ, Н. А.** 891.7.09
Литературныя мелочи прошлаго года. Изд. Русск. кн. т-ва „Дѣятель". Общедост. Библ. № 76. Спб. 1912. Ц. 10 к. Стр. 96.

226. **Добролюбовъ, Н. А.** 891.7.09
Полное собраніе сочиненій. Под. ред. Е. В. Аничкова. Текстъ обработанъ по 1-му изданію, но журналамъ и рукописямъ. Томъ III. Часть 1-я. Библіотека русскихъ писателей. Спб. 1912. Изд. Русск. Кн. т-ва „Дѣятель". 21+727 стр.
Содержаніе. Литературная критика (статьи и отзывы 1856—8 гг.)

227. **Михайловъ, Дм. Дм.** 891.7.09
Курсъ исторіи русской литературы съ эпохи Петра Великаго до Пушкина и Хрестоматія. Спб. 1912. 389+V стр. Ц. 1 р. 30 к.

228. **Пиксановъ, Н. К.** 891.7.09
Три эпохи: Екатерининская, Александровская и Николаевская. Темы и библіографія. Семинарій по новой русск. литературѣ. Спб. 1912. Стр. 47. Ц. 35 к.

* **Копосовъ, В. А.** 891.7.09 : 92(Г)
См. по порядк. № 238.

229. **Шпицеръ, С.** 891.7.09 : 92(Г)
И. А. Гончаровъ. Спб. 1912. Изд. Кн-ства Школа. Тип. Жизнь IV+43 стр.+1 отд. листъ. Ц. 40 к.
Содержаніе. I) Опытъ біографіи и характеристики. II) Два неизданныхъ отрывка. Разборъ романовъ Гончарова съ характеристикой главныхъ героевъ.

* **Погодинъ, А. Л.** 891.85.09 : 92(М)
См. порядк. № 241.

9. Исторія и географія.

230. **Марковъ, Д. А.** 901
Исторія и географія. Записки по методикѣ. М. 1912. 159 стр. Ц. 1 р.

231. **Карѣевъ, Н.** 9(44)„1789"
Эпоха французской революціи въ трудахъ русскихъ ученыхъ за послѣднія десять лѣтъ (1902—1911 г.). Спб. 1912. Изд. 115 стр. Ц. 60 к.

232. **Чарторыжскій, Адамъ.** 9(47)(003)
Мемуары и его переписка съ Императоромъ Александромъ I. Перев. съ фр. А. Дмитріевой. Ред. и вступ. статья А. Кизеветтера. Томъ I. М. 1912. Изд. к-ва К. Ф. Некрасова. X+366+19 стр. Ц. 2 р. 50 к.

233. **Моранъ, П.** 9(47)„1754 : 1796"] : 92(Р)
Павелъ I до восшествія на престолъ. (1754—1796 гг.) Перев. съ фр. Н. П. Ширяевой. Изд. К. Ф. Некрасова. М. 1912. Ц. 3 руб. Стр. 468+VIII.
Содержаніе: Дѣтство Павла и придворныя дамы. Соперникъ Екатерины II. Первый бракъ. Второй бракъ. Путешествіе въ Европу. Испытанія Павла въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ. Гатчинскій дворъ. Воцареніе.

234. **Добрынинъ, К. И.** 9(47)„1812"
Памятный годъ (1812). Со многр. рис. и портр. Изд. В. С. Спиридонова. М. 1912. Ц. 2 р. 75. Стр. 376.

* **Рклицкій, С. В.** 9(47)„1812"](0 : 8)
См. порядк. № 205.

235. **Гинзбургъ, С. М.**
9(47).„1812"] : (×924)
Отечественная война 1912 года и русскіе евреи. Спб. 1912. Изд. „Разумъ". XII+144+8 стр.+6 лист. рис. Ц. 1 р. 50 к.

236. [. . . . .] 9(×924)(03)
Еврейская Энциклопедія. Сводъ знаній о еврействѣ и его культурѣ въ прошломъ и настоящемъ. Подъ общей ред. д-ра А. Гаркави и д-ра

Л. Каценельсона. Томъ тринадцатый. Проклятіе—Сарагосса. Спб. 1912. Изд. Общ. для Научн. Евр. Знаній, Брокгаузъ-Ефронъ. 960 столбцовъ.

237. **Осиповъ, А.** 91(47.2)

Очерки роднаго края. На Новой Землѣ. Въ шхерахъ. Кемское побережье. Новый годъ на Печорѣ. На верховьѣ Волги. М. 1912. Изд. Д. П. Ефимова. 103 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

* **Демковъ, М. И.** 92 : 371

См. порядк. № 150.

238. **Копосовъ, В. А.** 92(Г) : 891.7

Иванъ Александровичъ Гончаровъ 1812—1912. Краткій очеркъ жизни и творчества. Симбирскъ. 1912. Изд. Симбирск. Учен. Архивн. Комис. 35 стр.+1 портр.

* **Шпицеръ, С.** 92(Г) : 891.7

См. порядк. № 229.

239. **Круковская, Л.** 92(М)

Н. А. Морозовъ. Очеркъ жизни и дѣятельности. „Біограф. библ.". Изд. К. Ф. Некрасова. М. 1912. Стр. 96. Ц. 40 к.

240. **Гейне, Ансельмъ.** 92(М) : 84(493)

Морисъ Метерлинкъ. Біографія - характеристика. Всеобщая библіотека. № 51. Спб. 1912. Изд. Акц. Общ. Тип. Дѣла. 59 стр. Ц. 10 к.

241. **Погодинъ, А. Л.** 92(М) : 891.85

Адамъ Мицкевичъ. Его жизнь и творчество. Томъ I. М. 1912. Изд. В. М. Саблина. 404 стр.+ 11 портр. Ц. 2 р.

* **Моранъ, П.** 92(Р) : 9(47)„1754:1796"

См. порядк. № 233.

* **Сковорода, Г.** 92(С)+1

См. порядк. № 124.

Содержаніе журналовъ.

„Богословскій Вѣстникъ". (1912—7-8). Святаго отца нашего Кирилла архіеп. Александрійскаго толкованіе на евангеліе отъ Іоанна.—Изъ исторіи папства. Е. О-ра.—О древне-христіанской живописи. Изъ лекціи проф. А. П. Голубцова.—Эллинизмъ и христіанство А. А. Спасскаго.—Проф. Моск. дух. акад. П. С. Казанскій и его переписка съ архіеп. Костромскимъ Платономъ. Прот. А. А. Бѣляева.—Критика экономическаго ученія Маркса. М. М. Тарѣева.—Вавилонъ и библія. А. Кондамона.—Волненія крестьянъ въ царств. импер. Александра I. Сим. Аваліани.—Уставныя чтенія. В. П. Виноградова.—Францискъ Бэконъ, его научно-философскія и религіозныя воззрѣнія. Н. Г. Городецкаго.—Журналъ собр. совѣта Моск. дух. акад. за 1911 и 1912 г.—Указатель къ журн. „Богосл. Вѣст." за второе десятил. (1902—1911 гг.).

„Вѣра и Разумъ." (1912—15.) Свящ. В. Кіановскій. Эсхатологія св. ИринеяЛіонскаго въ связи съ современными ему эсхатологическими воззрѣніями (хиліазмъ и гностицизмъ).—Н. Ястремскій. Вѣра и ея свойства.—Н. С. Проданъ. Познаніе и его объектъ. (Продолж.)—Н. Нечаевъ. Къ спекулятивному обоснованію религіозной вѣры. (Продолж.)—Свящ. В. Платоновъ. Русская литература о вселенскихъ соборахъ. (Продолж.)—Прот. Н. Ѳедоровскій. О современномъ мнимо научномъ невѣріи и его несостоятельности.

„Вѣра и Разумъ." (1912—16). Свящ. І. Кіановскій. Эсхатологія св. Иринея Ліонскаго въ связи съ современными ему эсхатологическими воззрѣніями (хиліазмъ и гностицизмъ) (Оконч.)—П. Нечаевъ. (Къ спекулятивному обоснованію религіозной вѣры. (Оконч.)—И. С. Проданъ. Познаніе и его объектъ. (Продолж.)—Н. П. Цвѣткова. Геккель и Гёте.—Свящ. В. Платоновъ. Русская литература о вселенскихъ соборахъ. (Оконч.)—І. Б. Епархіальные миссіонеры, какъ преподаватели „Облеченія расколо-сектанства" въ Духовныхъ семинаріяхъ.

„Вѣстникъ Европы". (1912—9.) П. Боборыкинъ. Грядущее. (Переживанія матери.)—В. Бузескулъ. Современныя темы въ античной Греціи.—В. Эльснеръ. Изъ Шольца, стих.—Л. Клейнбортъ. Тѣнь утренняя. Картинки провинціальной жизни—В. Подкольскій. За гранью.—Мих. Г. Эмиль Верхарнъ. Мотивы его творчества. (Оконч.)—В. Эльснеръ. Изъ Рильке, стих.—В. Медемъ. Къ постановкѣ національнаго вопроса въ Россіи. (Оконч.)—А. Доброхотовъ. Пань. (Изъ Іог. Іоргенсена).—Л. Дейчъ. За рубежомъ.—В. Умановъ-Каплуновскій. Въ волшебный часъ, стих.—С. Штрайхъ. Н. И. Пироговъ и еврейскій вопросъ. (Историко-біог. справка.)—Г. Рейтеръ. Фрау Бюргелинъ и ея сыновья, ром.; пер. М. Славинской.—Вл. Троицкій. Хроника. Поземельный вопросъ въ Прибалтійскомъ краѣ.—Г. М-шинъ. Третій международный кооперативный конгрессъ въ Баденѣ.—П. Берлинъ. Правительство и частныя богатства въ Россіи.—К. Тимирязевъ. Пятый юбилей „новой философіи"—М. Чубинскій. Памяти Д. А. Милютина.—И. Жилкинъ. Провинціальное обозрѣніе.—А. Щепкина. Женщины въ русскихъ университетахъ.—Е. Колтоновская. Джекъ Лондонъ. Собр. соч.—Литературное обозр.—Иностранное обозр.—К. Арсеньевъ. Двѣ смерти.—Вопросы общественной жизни.—Библіогр. листокъ.

„Вѣстникъ Иностр. Литературы". (1912—9.) Заграничная хроника: I. Общ. жизнь. Великая годовщина. Столѣтній юбилей заводовъ Круппа. Парижская жизнь. Франц. кухня. Уличныя вывѣски Парижа. Какъ добываются жемчуга. Ловля жемчуговъ въ Персидскомъ заливѣ.—II. Историч. новости. Новыя свѣдѣнія о Наполеонѣ. Китайская принцесса-писательница.—III. Литература и печать. По поводу 200-лѣтія со дня рожденія Ж.-Ж. Руссо. Конецъ старѣйшей газеты въ свѣтѣ.—IV. Изъ области науки. Злѣйшій бичъ. Женщины въ Персіи. Выставка подъ назв. „Человѣкъ" въ Дармштадтѣ. Англичане и англичанки.—Э. Сорао. Глава коморы, разск. съ итальянскаго.—А. Конанъ-Дойль. Затерянный міръ, ром. Съ анг.—Записки современниковъ 1812 г.—К. и А. Вильямсонъ. Золотое безмолвіе. Съ англ.—К. Гелльрупъ. Вѣчные странники. Съ гол.—Г. Гауптманъ. Атлантида. Съ нѣм.—М.

Прено. Миссенька.—Овечка.—Э. Пардо Басанъ. Атавизмъ.—С. Недзвѣдскій. Разъясненіе.—Л. Пиранделло. Жбанъ.—Л. де-Тэнсо. Убійство по неосторожности.

„Вѣстникъ Психологіи, Криминальной Антропологіи и Педологіи“. (1912—нын. II.) Акад. В. М. Бехтеревъ. О развитіи первично-психической дѣятельности въ теченіи перваго полугодія жизни ребенка.—В. Огроновичъ. Къ вопросу о самоубійствѣ. — Д-ръ Б. Н. Кистерманъ. Проектъ программы для наблюденія развитія рѣчи у дѣтей.—Рефераты: К. Р. Евграфъ. Подсознательная сфера и худож. творчество. (Пв. Гончаровъ).—Д-ръ мед. Н. Крапинскій. Принципы энергетической психологіи. (В. Рабиновичъ).—Adrien Naville. La matière du devoire. (П. А. Сорокинъ).—I. Novicow. Lèchange, phenomène foundamental de l'association hummoine. (П. А. Сорокинъ).—В. Вундтъ. Проблемы психологіи народовъ. (П. Березинъ)—P. Dubois. Воображеніе, какъ причина болѣзни. (П. Березинъ).—Р. Авенаріусъ. О предметѣ психологіи. (П. Березинъ).—Дѣтскіе суды въ Германіи. (В. Мышкисъ).—А. М. Рубашева. Особые суды для малолѣтнихъ и система борьбы съ дѣтскою преступностью. (В. Мышкисъ).—IX съѣздъ криминалистовъ. (В. Мышкисъ).—Парижское совѣщаніе центральнаго бюро международнаго союза криминалистовъ. (В. Мышкисъ).—Сообщенія.

„Вѣстникъ Теософіи“. (1912—9.) А. Безантъ. Основы религіи и нравственности. Пер. В. Пушкиной.—Веданта. Пер. съ сантскр. И. М.—Alba. Изъ дневника теософа. — В. Пушкина. Личныя впечатлѣнія отъ поѣздки въ Англію.—А. Унковская. Письмо о музыкѣ.—А. Франсъ. Месса привидѣній. Пер. Е. П.—Е. Кузьминъ. Дѣти-рыцари.—В. Пушкина. Обозрѣніе теософической литературы.—Alba. Хроника теософическаго движенія. — Н. Т. Хроника жизни. — Изъ газетъ и журналовъ.—М. Каменская. Письмо изъ Индіи. —Другъ читателя. Письмо къ читателямъ.—Вопросы и отвѣты.—Отзывы о книгахъ.

„Для Народнаго Учителя“. (1912—12.) Учитель. Высшія начальныя училища. — М. Левицкая. Внѣшкольное народное образованіе въ Вѣнѣ.—А. Шараповъ. Работы учащихъ приходскихъ училищъ г. Вологды по составленію программъ для 4-годичнаго курса начальныхъ училищъ.—Н. Канатчиковъ. Педагогическіе курсы при учительскомъ домѣ въ Москвѣ въ 1912 г.—Кривоногова. Библіографія.—Законъ о высшихъ начальныхъ училищахъ.—Разныя извѣстія.

„Журналъ Уголовнаго Права и Процесса“. (1912—3) В. И. Ширяевъ. О наказуемости лихоимства. — В. Д. Набоковъ. Къ вопросу объ „опасномъ состояніи“—А. А. Жижиленко. Къ вопросу о мѣрахъ соціальной защиты въ отношеніи опасныхъ преступниковъ.—С. Н. Ордынскій. Къ методологіи опаснаго состоянія преступника. — П. И. Люблинскій. Возрожденіе Мирового Суда.—Л. М. Зайцевъ. Независимость суда.—Статистикъ. Самоубійство, какъ соціальное явленіе. — Современная тюрьма и ея вліяніе. — П. И. Люблинскій. Парижское совѣщаніе центральнаго бюро союза криминалистовъ. — В. Финкъ. О постановкѣ преподаванія уголовнаго права во Франціи.—Е. М. Кулишеръ и В. Н. Новиковъ. Положенія, извлеченныя изъ рѣшеній сената за 1911 и 1912 гг.—Библіографія.—Русская группа Международнаго Союза криминалистовъ.—Приложеніе.

„Завѣты“. (1912—5.) В. Рошинъ. То, чего не было. (Три брата), повѣсть. — С. Городецкій. Прибой, стихъ. — М. Премировъ. Въ церковной караулкѣ.—С. Васовъ. Засуха, стих.—Ал. Окуловъ. Въ осенніе дни, разск. — Амари. Месть, стихъ.—М. Андерсенъ.—Пэксё и Пэлле Завоеватель. Великая борьба, ром. — Н. Клюевъ. Дѣвичьи пѣсни, стих. — М. Мироновъ. Пріемная. Разсказъ изъ жизни рабочихъ. — Н. Огановскій. Къ пересмотру аграрной проблемы. — А. Прибылева. Въ интересахъ истины. — Г. Зиминъ. Фабричная медицина и рабочій вопросъ. — А. К—ій. О томъ, что было. — С. Мстиславскій. Свое и Чужое. — Текущая жизнь. (Обзоры и замѣтки.) — Библіографія. — Книжныя новости. — С. Мстиславскій. Памяти Н. Ф. Анненскаго. — Л. Вѣчевъ. Дѣла и дни.

„Запросы Жизни“ (1912—36.) С. В. Аникинъ. Духовенство и культура.—С. П. Лисенко. На земскихъ „верхахъ“.—Н. Черепанинъ. Фабрично-заводск. промышленность въ Россіи.— Dr. Fritz Huth. Технич. перспективы воздушныхъ сообщеній.— Dr. Iohn Mez. Воздухоплаваніе и культурный прогрессъ.— Альфр. Капюсъ. Благотворители (фельетонъ).—За недѣлю.—Соц.-экономъ. обозрѣніе. — Литерат. обозр. — Библіографія. — Наука и техника.

„Запросы Жизни“. (1912—37.) Проф. П. И. Карѣевъ. О „выборѣ факультета“.—Проф. М. П. Бернацкій. Хозяйственный подъемъ и рабочіе.—Проф. Л. Рисъ. Самоубійство Ноги и политическая религія японцевъ.—А. Фюрстъ. Строеніе вселенной. — Г. Бангъ. Московскій Художественный театръ.— За недѣлю.— Научное обозрѣніе.

„Историческій Вѣстникъ“. (1912—9) С. Шубинскій. Памяти А. С. Суворина. Б. Глинскій. А. С. Суворинъ. (Біограф. очеркъ.)—Б. Глинскій. Торжество Россіи въ борьбѣ съ Наполеономъ.—Н. Лаппо-Данилевская. Жена министра, ром. (Продолж.).—В. Волжинъ. Изъ мемуаровъ.—Г. Ольшанскій. Въ волчьей пасти. (Картина съ натуры).—В. Бертенсонъ. За тридцать лѣтъ. (Листки изъ восп.). (Оконч.).—Н. Россіевъ. Артистическій кружокъ въ Москвѣ (1865—1883). (Оконч.)—Н. Державинъ. „Ученикъ мудрости“. (А. О. Лобзинъ и его литер. дѣятельность).—М. Семеновъ. На выставку.—Н. Несмѣловъ. Первая стычка.—Ф. фонъ-Штейнъ. Неудачный опытъ. (Зубатовщина). —Г. Василька. Святыня вологодской тюрьмы.—Д. Корсаковъ. М. П. Петровскій.—Б. Глинскій. Періодъ твердой власти. (Продолж.)—В. Рудаковъ. Охрана памятниковъ старины.—Б. Гурьевъ. Поѣздка въ Тавризъ. (Оконч.).—В. Умановъ-Калиновскій. Двуногій звѣрь. (Изъ человѣч. документовъ).—П. Поповъ-Пермскій. За други своя. (Разск. изъ аграрныхъ волненій).—М. Мѣщаниновъ. Памяти принца П. Г. Ольденбургскаго.—Кн. Б. Щетининъ. Отрубленный палецъ. (Эпизодъ изъ эпохи Отеч. войны).—М. Клочковъ. Муниципалитетъ и комиссары Москвы, учрежденные французами въ 1812 г.—Ѳ. М—овъ. Наполеонъ въ ссылкѣ.—К. К—товъ. Шіонъ Наполеона въ ссылкѣ.—М. Марина. Петергофская дача № 2.—Н. Лендеръ. (Путникъ). Изъ путевого альбома.—Н. Энгельгардтъ. Давніе эпизоды. Манускрипты композитора Глинки.—С. Окрейцъ. Воспоминанія инсургента.—А. Сѣдой. Императрица-кума.—К. Михайловъ. Воспом. о В. П. Далматовѣ.—Г. Метцнеръ. Воспом. потѣшнаго павловца (1871 г.) — Н. Сергіевскій. Чортова

кукла.—В. ф. Ш. Воспоминанія американца о портсмутской конференціи.—П. Юдинъ. Памятники Н. П. Слѣпцову.— Б. Глинскій. Памяти Н. Э. Анненскаго.—А. Матіясевичъ. Кавказскій музей.—Критика и библіогр.—Заграничныя истор. новости и мелочи.—Смѣсь.

„**Наша Заря**“. (1912—7-8). Л. Мартовъ. Самостоятельныя кандидатуры.—А. Мартыновъ. Аграрныя перспективы.— Вл. Коссовскій. Нѣмецко-чешскій конфликтъ въ австр. рабочемъ движеніи. — Г. Наумовъ. Каковъ желѣзный законъ „заработной платы“.— Астровъ. Страхованіе рабочихъ и очередныя задачи.— А. Ерманскій. Тоже критика.— Ортодоксъ. О посмертныхъ художественныхъ произведеніяхъ Л. Н. Толстого. (Оконч.).—Мих. Павловичъ. Франко-русская морская конвенція.— А. Мартыновъ. Всеобщая забастовка въ Цюрихѣ.— В. Левицкій. Наканунѣ всеобщей забастовки въ Бельгіи.— Н. Череванинъ. Борьба общественныхъ силъ въ выборной компаніи.— А. Б. С-д-ія наканунѣ выборовъ.— А. П. Памяти Н. Ѳ. Анненскаго.— Л. Мартовъ. Письмо въ редакцію.

„**Новая Жизнь**“ (1912—8). Ѳ. Сологубъ. Слаще яда, ром. (Продолж.).— П. Эренбургъ. Сентябрь, стих.— Т. Щепкина-Куперникъ. Арахна, новелла.— Вл. Семичевъ. Шахматы, разск. Фр. Хухъ. Питтъ и Фоксъ, ром. (Оконч.). Перев. К. Жихаревой.— Нат. Крандіевская. „Полынь-трава степной дороги“, стих.— Г. А. Гурьевъ. На порогѣ новаго міросозерцанія.— Проф. В. Сперанскій. Происхожденіе и культурная цѣнность сектантства.— П. Сакулинъ, пр.-доц. Неопубликованный отзывъ современника о Базаровѣ.— Н. Борецкій-Бергфельдъ. Наполеонъ и восточная политика Россіи въ 1812 г.— А. Коллонтай. Двѣ правды.— П. Берлинъ. Интернаціоналъ и русское соціалистическое движеніе. — Н. Вавулинъ. Безумцы предъ судомъ науки и исторіи.—В. Базаровъ. Чего ищемъ мы въ „міросозерцаніи“.— Л. Клейнбортъ. Отклики русской жизни. Клерикалы на часъ.— Л. Василевскій. (Плохоцкій). Россія за ближайшимъ рубежомъ. (Письмо изъ Галиціи).—Критика и библіографія.

„**Педагогическій Сборникъ**“. (1912 — 8). Н. Савинъ. „Поэтъ дѣльцовъ и слабовольныхъ людей“. (Памяти Гончарова).— А. Барсовъ. Литература послѣ Гоголя. „Обрывъ“ Гончарова.— А. Флеровъ. О типѣ нужнаго для школы изданія произведеній художественной литературы.— М. Попруженко. Матеріалы по методикѣ безконечно-малыхъ въ средней школѣ.— Е. Г. Сарминскій. Объусловіяхъ, вліяющихъ на педагогическую работу офицеровъ-воспитателей въ нашихъ кадетскихъ корпусахъ.— А. П. Михневичъ. (Некрологъ).— А. Острогорскій и М. В. С—въ. Памяти А. П. Михневича.— Критика и библіографія.

„**Природа**“. (1912 — 7-8). А. Рождественскій. Ледъ, вода и паръ.—А. Е. Ферсманъ. Очерки по геохиміи, задачи соврем. минералогіи.— Сванте Арреніусъ. Млечный путь.—Проф. А. Рикко. Роль воды при вулканическихъ изверженіяхъ.— Г. Виньеронъ. О вихревыхъ кольцахъ.— А. Десть. Резина.— Ф. Лиммеръ. О цвѣтной фотографіи (способъ выцвѣтанія).— Э. Гадесо. Законъ Менделя.— Проф. А. Абдергальденъ. Искусственное приготовленіе пищевыхъ веществъ.— Д-ръ Э. Бордажъ. Вольтеръ и Бернарденъ де-Сенъ-Піеръ, какъ предшественники современныхъ біологическихъ ученій.— Пр.-доц. Г. Асколи и д-ръ Т. Леньяни. Результаты удаленія мозгового придатка (гипофиза).— Гермафродитизмъ и опред. пола у лягушекъ.— Изъ лабораторной практики.— Научныя новости и хроника.— Смѣсь.— Астрономическія извѣстія.— Метеорологическія извѣстія.— Библіографія.

„**Просвѣщеніе**“. (1912—8-9). Г. Зиновьевъ. Свобода коалиціи.— П. Аксельродъ. Ж.-Ж. Руссо.— Бывшій примиренецъ. Ликвидаторство и единство.— Б—ъ. Ростъ германской соціалъ-демократіи.— Н. Бухаринъ. 13-й съѣздъ итальянской соціалистической партіи.— Очевидецъ. Съ Лены. (Письмо рабочаго).— Ч. Гурскій. Общество заводчиковъ и фабрикантовъ въ С.-Петербургѣ.— Ю. Каменевъ. Объ обязанностяхъ демократа.

„**Современникъ**“. (1912—8). Т. Щепкина-Куперникъ. Ценксъ и Альціона. (Изъ цикла „Метаморфозы“ по Овидію).— Н. Клюевъ. Свадебная, стих.— М. Гершензонъ. Братья Кривцовы. Дворянская хроника по неизд. матеріаламъ. (Продолж.).— Н. А. Сауръ. Любовь. — Шоломъ-Алейхемъ. Блуждающія звѣзды, ром. (Продолж.). — М. Росляковъ. Борисъ и Глѣбъ, разск.— Г. Дж. Уэльсъ. Бракъ, ром. (Продолж.).— И. Таракановъ. Айне-Булакъ. (Записки топографа).— А. Вережниковъ. Въ золотыхъ розсыпяхъ, очеркъ.— В. Моравскій. Насажденіе частнаго землевладѣнія въ Сибири.— І. Бикерманъ. Ж.-Ж. Руссо. (1712—1912).— Гр. Тимофеевъ. А. П. Бородинъ. Жизнь, творчество, неизданныя письма.— Мих. Павловичъ. Великіе желѣзнодорожные и морскіе пути будущаго.— Горцевъ. Государственный кризисъ въ Турціи.— Е. Кускова. Ч. Ф. Анненскій.—Б. Садовскій. Памятникъ рукотворный.—Вл. Бончъ-Бруевичъ. Новый опытъ исторіи сектантства и старообрядчества въ Россіи.—Новыя книги.

„**Современный Міръ**“. (1912—9). М. Горькій. Сказки.— П. Егоровъ. Осенняя печаль, стих.— Е. Лѣткова. Стѣны, разск.— Вс. Кожевниковъ. Ночью на зарѣ, стих.— С. Кречетовъ. Опальный колоколъ, стих.— А. Бибикъ. Къ широкой дорогѣ, ром. (Продолж.).— Б. Верхоустинскій. Стихотв.— Демьянъ Бѣдный. Питомникъ. Гастролеръ, басни. — Дж. Гэлсуорси. Патрицій, ром.— Пер. съ англ. Э. Пименовой (Оконч.).— Дж. Лондонъ. Шутники новаго Гиббона, разск. Пер. съ англ. М. Ванъ.— Н. Рязановъ. К. Марксъ и русскіе люди сороковыхъ годовъ. (Продолж.).— Л. Войтловскій. Очерки психологіи коллективизма.— Е. Адамовъ. Х. Беневенте и театръ въ Испаніи.—Е. Маевскій. Кризисъ въ народничествѣ.— А. Дивильковскій. Нашъ 200-лѣтній современникъ.— К. Вейдемюллеръ. За рубежемъ. Двѣ троицы.— І. Ларскій. Вопросы текущей жизни. Гаданія о Думѣ.— Вл. Кранихфельдъ. Литературные отклики. Купеческій декадансъ.— В. Вольскій. Край завѣсы.— В. Львовъ-Рогачевскій. Въ своемъ домѣ. А. С. Суворинъ.— Критика и библіографія.

„**Что и какъ читать дѣтямъ**“. (1812—12). Мурзаевъ. Картинки въ дѣтскихъ книгахъ.— Ю. Меженинская. Разборъ журнала „Родникъ“.— Отзывы о книгахъ.

Издатели: { В. Крандіевскій. В. Носенковъ.

Редакторъ В. Крандіевскій.

1-ые ЗАОЧНЫЕ КУЛИНАРНЫЕ КУРСЫ.

Полный курсъ лекцій для обученія „Скоромный и постный столъ“, около 1000 рецептовъ кушаній, напитковъ, печенія, компотовъ, вареній, сладкихъ блюдъ, пироговъ и др., слишкомъ 300 стр. убористаго шрифта. Ц. съ перес. налож. плат. 2 р. 60 к. Наставленіе, какъ правильно вести домашн. хозяйство и приготовл. экономн. вкусные и питательн. обѣды, съ прилож. разрѣзки мяса и украш. стола блюдъ, около 100 стр. съ рис. Ц. съ перес. налож. плат. 1 р. 20 к. Обѣ книги вмѣстѣ 3 р. 35 к. (можно марками) съ заказами обращ. исключит. къ Я. К. Петерсу, С.-Петербургъ, Петерб. стор. Большой пр., № 56.

40 дней !!безплатно!! 40 дней

Если вы въ теченіе 40 дней не выучитесь свободно говорить, читать и писать по-нѣмецки, французски, англійски и латински по нашимъ самоучителямъ, составленнымъ по новѣйшему методу (всѣ другіе—рекламы), деньги возвращаемъ обратно. Цѣна самоучит. одного языка съ пересыл. налож. плат. 1 р. 10 к., 2-хъ 1 р. 90 к., 3-хъ 2 р. 80 к., 4-хъ 3 р. 65 к. Заказы испол. един. складъ для всей Россіи. С.-Петербургъ, Петерб. стор., Больш. пр., 56—195. *Я. К. Петерсъ.*

!!ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ВРЕМЕННЫМЪ СЛУЧАЕМЪ!!

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

всемірно-извѣстная новая популярно-научная книга

„ВСЕЛЕННАЯ И ЧЕЛОВѢЧЕСТВО“.

Свыше 860 иллюстрацій, портретовъ и снимковъ съ картинъ: Айвазовскаго, Брюлова, Рафаэля, Рубенса и др.

Колоссальный трудъ д-ра Кремера при участіи знамен. профес. Исторія земли, небесныхъ свѣтилъ, растительн. міра, царства животн. и постепенное культурн. развитіе человѣчества съ доисторическихъ эпохъ до настоящаго времени.

Болѣе 100,000 строкъ убористаго текста на 1560 страницахъ большого формата книги.

Изданіе извѣстной фирмы Коммерціи Совѣтника Н. В. Гаевскаго.

Появленіе въ свѣтъ этой солидной и полезной книги найдетъ въ себѣ откликъ въ каждомъ человѣкѣ стремящемся къ самообразованію.

Отдѣлъ нашей книги „первобытность“ заставляетъ содрогнуться передъ тѣми милліонами, быть можетъ, милліардами лѣтъ, которыя прошли въ постепен. развитіи Вселенной до настоящ. времени.

Не менѣе интересна исторія возникновенія и развитія человѣческаго рода. Значительное мѣсто занимаютъ и такъ называемыя міровыя трагедіи; всемірный потопъ, землетрясенія и наводненія, крушенія цѣлыхъ областей и многихъ тысячъ народа.

Большинство моментовъ постепеннаго развитія природы и человѣчества иллюстрировано, снимки съ цѣнныхъ коллекцій старинныхъ гравюръ Пикара, Дрезденской галлереи, Луврскаго музея, Лондонскаго музея, Эрмитажа и съ нѣкоторыхъ коллекцій американскихъ милліардеровъ.

Книга «Вселенная и Человѣчество» въ другомъ изданіи стоила 33 р. Настоящее изданіе случайно пріобрѣтенное, временно распродается за цѣну, съ упаков. и пересыл., вмѣсто 7 р. за 4 р. 85 к., въ Сибирь на 1 р. дороже. Книга высылается по полученіи денегъ или съ наложенн. платежомъ при задаткѣ 1 р. Задатокъ можно выслать въ заказн. письмѣ почтовыми марками или гербовыми.

Заказы исполняются: Единственный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, Петербургская сторона, Большой проспектъ, № 56. Я. К. ПЕТЕРСЪ.

РЕВМАТИЗМЪ и ЛОМОТА

на простудной почвѣ излѣчиваются ЮЖНОЙ ЖИДКОСТЬЮ

„МАГО“.

Испытанное средство при хроническихъ и острыхъ болѣзняхъ. (Изготовл. въ Крыму.) Продается во миог. аптек. и аптекарск. маг.

Единств. предст. Бр. Н. и И. АРѢШЕВЫ.

Москва, Тверская, Настасьинск. п., д. 7, кв. 2.

ОТД. Ц. Тел. 286-23.

Брошюры высылаются безплатно.

Не излѣчившимся по предоставл. удостовѣренія врача деньги возвращаются обратно.

Цѣна безъ пересыл. больш. фл. 1 р. 50 к. Высыл. наложен. платежъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ и СКЛАДЪ

„ТРУДЪ“

С. СКИРМУНТА.

Москва, Тверской бульваръ, домъ № 26. Телефонъ 34-54.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

1) **Соколовъ, П.** Педагогическая психологія, 1 р. 10 к. 2) **Столица, З.** Воспитаніе нравственности въ подростающемъ поколѣніи. (Книга для родителей). 60 к. 3) **Вагнеръ, К.** Молодое поколѣніе. Ц. 1 р. 90 к. 4) **Каптеревъ, П.** Исторія русской педагогики. Ц. 3 р. 5) **Бахтинъ и Дедюлинъ и др.** Въ помощь семьѣ и школѣ. Дѣтскій садъ. Игрушки. Ц. 1 р. 60 к. 6) **Успенскій, В. и Ивановскій и др.** Очерки по исторіи педагогическихъ ученій. М. 1911 г. Ц. 1 р. 60 к. 7) **Циглеръ, Т., проф.** Исторія педагогики. Спб. 1911 г. Ц. 2 р. 50 к. 8) **Гурлитъ, Л., проф.** Творческое воспитаніе, (моя жизнь съ дѣтьми). М. 1912 г. Ц. 25 к. 9) **Прейръ, В.** Душа ребенка. Наблюденіе надъ духовнымъ развитіемъ человѣка въ первые годы жизни. Спб. 1912 г. Ц. 2 р. 25 к. 10) **Недѣдковъ, А.** Краткая исторія педагогики въ культурно-историческомъ освѣщеніи. Спб. 1912 г. Ц. 1 р. 20 к. 11) [. . . . .] Вопросы педагогической патологіи въ семьѣ и школѣ, подъ ред. Владимирскаго, А. и др. Спб. 1912 г. Ц. 1 р. 12) **Наторпъ, П.** Культура народа и культура личности. Спб. 60 к. 13) **Леви, П.** Раціональное воспитаніе воли. Спб. 1912 г. Ц. 1 р. 14) **Челпановъ, Г., проф.** Сборникъ статей, (Психологія и школа). М. 1912 г. 1 р. 25 к. 15) **Компере, Г.** Умственное и нравственное развитіе ребенка. М. 1912 г. 2 р.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„Вѣра и Разумъ“

въ 1912 году.

Съ 1912 г. журналъ „Вѣра и Разумъ“ вступилъ въ XXIX-ю годовщину своего существованія по прежней программѣ и съ прежнимъ научно-апологетическимъ богословско-философскимъ направленіемъ. Журналъ попрежнему заключаетъ въ себѣ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Въ него входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обозрѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, — однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ. Въ противодѣйствіе всюду проникающему раціонализму и невѣрію журналъ „Вѣра и Разумъ“ ставитъ задачею раскрывать и отстаивать непререкаемую истинность Христовой вѣры, хранимой въ Церкви православной.

Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ помѣщаются разслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи; также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени; болѣе или менѣе пространные переводы ихъ сочиненій и извлеченія изъ нихъ съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ; особенно свѣтлыя мысли философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и всегда составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей какъ языческаго, такъ и христіанскаго міра.

Наконецъ, такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлію замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія по Харьковской епархіи“.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., а за границу 12 р. съ пересылкою.

Типографія В. М. САБЛИНА. Москва, Петровка, д. Обидиной. Телефонъ № 131-34.

ц. 20 к.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

№ 3. Октябрь. 1912.

(Четвертый годъ изданія.)

СОДЕРЖАНІЕ

1) **Востокъ и Западъ.** (Къ пониманію буддизма. Возрожденіе Азіи.)

2) **Эстетическое воспитаніе и религія.**

3) **Любовь и свобода въ воспитаніи.**

4) **„Міръ ловилъ меня, но не поймалъ“.** (Изъ біографіи Григорія Сковороды.)

5) **Дополнительные штрихи изъ жизни Достоевскаго.** (По воспоминаніямъ современниковъ.)

6) **Литературныя перспективы.**

7) **Новыя пьесы.** („Любите жизнь“, А. Федорова. — Пьеса А. И. Куприна. — „Драма въ домѣ“, С. Юшкевича.)

8) **Одна изъ послѣднихъ сказокъ М. Горькаго.**

9) **Одинокій среди людей.** (Памяти Врубеля.)

10) **Молодежь и общество.** (Изъ статьи М. Арцыбашева.)

Отзывы о книгахъ.— Новыя книги.— Содержаніе журналовъ.— Книги, поступившія въ редак.

Цѣна: на ½ г.—1 р. 50 к. На годъ—3 р.

Редакція и контора:
Хлѣбный переулокъ, домъ 1.
Телеф. 44-67.

Отдѣленія конторы: 1) Тверской бульв., д. 26, книжн. маг. **„Трудъ“. Тел. 34-54.** 2) Петербургъ, Стремянная, 6, кн. складъ **„Провинція“.**

МОСКВА.

Открыта подписка съ 1-го октября на 1912—13 г.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ

„Запросы Жизни".

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ КУЛЬТУРЫ и ПОЛИТИКИ,

изд. въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи

проф. М. М. КОВАЛЕВСКАГО (чл. Г. С.) **и Р. М. БЛАНКА**

и сотрудничествѣ: С. В. Аникина, проф. Е. В. Аничкова, С. Ан—ского, акад. К. К. Арсеньева, В. Базарова, Ѳ. Д. Батюшкова, акад. А. Н. Бенуа, проф. М. В. Бернацкаго, Н. Д. Бернштейна, Эдуарда Бернштейна (Берлинъ, чл. Рейхстага), проф. В. М. Бехтерева, І. М. Бикермана, П. Д. Боборыкина, В. Я. Богучарскаго, А. И. Браудо, проф. Родольфа Брода (Парижъ, директоръ „Документовъ Прогресса"), И. К. Брусиловскаго, А. Н. Бранчанинова, О. Е. Бужанскаго, А. Н. Быкова, А. М. Бѣлова, Виктора Вальтера, Л. Василевскаго (Плохоцкаго), проф. А. В. Васильева (чл. Гос. Совѣта), С. А. Венгерова, акад. В. И. Вернадскаго, проф. А. Н. Веселовскаго, Н. А. Виташевскаго, В. В. Водовозова, В. П. Воронцова, проф. Ю. С. Гамбарова, акад. И. Я. Гинцбурга, А. Г. Горнфельда, Максима Горькаго, проф. Н. А. Гредескула, Г. А. Гросмана (Берлинъ), Л. Я. Гуревичъ, Эдуарда Давида (Берлинъ, чл. Рейхстага), И. Л. Давидсона, проф. В. Э. Дена, В. И. Дзюбинскаго (чл. Гос. Думы), Я. И. Душечкина, И. В. Жилкина, П. И. Звѣздича (Вѣна), Ст. Ивановича, Г. Б. Птельсона, проф. Н. И. Карѣева, К. Р. Качоровскаго, А. А. Корнилова, П. И. Коробки, Д. М. Койгена, проф. В. Д. Кузьмина-Караваева, М. И. Кулишера, Е. Д. Кусковой, проф. І. М. Кулишера, Д. А. Левина, Р. Г. Лемберкъ, С. И. Лисенко, А. В. Луначарскаго (Римъ), проф. И. В. Лучицкаго (чл. Гос. Думы), С. В. Любошца, проф. А. А. Мануилова, Л. Мартова, проф. И. П. Мечникова (Парижъ), Н. А. Морозова, С. Мстиславскаго, М. И. Невѣдомскаго, Вас. И. Немировича-Данченко, К. М. Оберучева, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, проф. И. Х. Озерова (чл. Гос. Совѣта), Н. М. Осиповича, Л. Ф. Пантелѣева, проф. Л. І. Петражицкаго, проф. А. Л. Погодина, Г. Я. Полонскаго, проф. А. С. Посникова, А. А. Пресса, М. Б. Ратнера (Вѣна), Н. Н. Рахманова, проф. Н. М. Рейхесберга (Бернъ), Е. В. де-Роберти, Н. А. Рубакина, Н. С. Русанова, А. С. Рѣдько, Я. Л. Сакера, Д. В. Сатурина (Лондонъ), М. А. Славинскаго, Л. З. Слонимскаго, М. Н. Соболева, П. Д. Соколова, Р. М. Стрѣльцова (Берлинъ), М. Г. Сыркина, В. Г. Тана (Богоразъ), проф. Е. В. Тарле, проф. К. А. Тимирязева, В. Ѳ. Тотоміанца, кн. Е. Н. Трубецкого, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго, кн. Г. М. Туманова, А. В. Тырковой, М. Л. Усова, Г. А. Фальборка, Д. В. Философова, проф. М. И. Фридмана, М. Л. Хейсина, Н. Череванина, Н. В. Чехова, М. А. Чеховой, проф. М. П. Чубинскаго, проф. Л. А. Чугаева, Г. И. Чулкова, проф. А. А. Чупрова, Л. И. Шейниса (Парижъ), М. И. Шефтеля, П. Ю. Шмидта, П. И. Шрейдера (Римъ), Л. Я. Штернберга, П. О. Эфрусси, П. С. Юшкевича и сотрудниковъ иностранныхъ журналовъ.

„Les Documents du Progrès" (Парижъ), **„Progress"** (Лондонъ), **„Dokumente des Fortschritts"** (Берлинъ).

Въ программу „Запр. Жизни" входятъ: 1) **Руководящія статьи по очереднымъ вопросамъ политической, экономической, литературн. и научной жизни Россіи и Запада.** 2) **Обзоръ событій послѣдней недѣли.** 3) **Корреспонденціи.** 4) **Соціально-экономическое обозрѣніе.** 5) **Литературное обозрѣніе.** 6) **Научное и техническое обозрѣніе.** 7) **Русская и иностранная библіографія.** 8) **Журналъ журналовъ** (обзоръ русскихъ и иностранныхъ журналовъ и газетъ). 9) **Театръ.** 10) **Искусство.** 11) **Фельетонъ.**

Подписка принимается съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой и дост.: на 1 г. — 5 руб., на 1/2 г. — 2 р. 75 к., на 1/4 г.—1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ — 50 коп., отдѣльный № — 15 коп. За границу: на 1 г.—7 руб., на 1/2 г.—3 р. 50 к., на 1/4 г.—1 р. 75 к., на 1 мѣс.—60 к.

ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА для священниковъ, учителей, учащихся, крестьянъ и рабочихъ при подпискѣ на годъ: 4 р. въ годъ и разсрочка платежа на 3 срока: 1 р. 50 к. при подпискѣ, 1 р. 50 к. — черезъ 1/4 года и 1 руб. — черезъ 3/4 года.

Подписка принимается: въ главной конторѣ „Запросовъ Жизни" — С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. 37, въ почтовыхъ отдѣленіяхъ и въ книжныхъ магазинахъ.

ТАКСА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

Передъ текстомъ:

1 стр. . . . . 50 р.
1/2 стр. . . . . 30 р.
1/4 стр. . . . . 20 р.
1/8 стр. . . . . 15 р.

Послѣ текста:

1 стр. . . . . 35 р.
1/2 стр. . . . . 20 р.
1/4 стр. . . . . 14 р.
1/8 стр. . . . . 8 р.
1 строка петита . . 50 к.

№ 3 — Октябрь 1912 г.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на г.—3 р.; на 8 м.—2 р.; на 1/2 г.—1 р. 50 к., на 2 м.—75 к., на 1 м.—35 к. За-границу на г.—5 р.; на 1/2 г.—2 р. 50 к.

Цѣна отдѣльнаго № 20 к.
Перемѣна адреса 20 к.

Редакція и главн. контора: Москва. Арбатск. пл., Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 44-67.

Востокъ и Западъ.

Когда представляешь себѣ, гдѣ, въ какихъ точкахъ на географической картѣ лежатъ главные культурные центры Запада и Востока, то невольно думаешь: „дистанція огромнаго размѣра!“ Но что сказать о „дистанціи“, какую полужили вѣка между самыми этими культурами?.. Тутъ уже не просто „дистанція“, а цѣлая пропасть. Перестанетъ ли она когда-либо быть „непроходимой“? Суждено ли западному человѣку познать, до конца познать, святая святыхъ Востока? а *тамъ* — постичь *наши* идеалы, душу Запада?..

Къ пониманію буддизма.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ „Бюллетени“ (№ 12), излагая основы ученія буддизма, какъ его толкуютъ представители самой индусской интеллигенціи, остановились и на мнѣніи одного русскаго (И. Книжника) о сущности, значеніи и дальнѣйшей судьбѣ буддизма—мнѣніи довольно пренебрежительномъ. Теперь знакомимъ читателей съ точкой зрѣнія англійскаго писателя, усматривающаго въ буддизмѣ совершенно иные перспективы.

Х. Фильдингъ Холлъ, знатокъ религіозной жизни Индіи, авторъ книги „Душа одного народа“ (бирманцевъ), въ своемъ новомъ трудѣ,— изданномъ уже и на русскомъ языкѣ, подъ названіемъ „Внутренній свѣтъ“, — пытается „объяснить тотъ взглядъ на міръ, человѣческую жизнь, прошлое, настоящее и будущее, который нашелъ свое выраженіе—самое послѣднее, но не окончательное еще, въ буддизмѣ“.

Чтобы быть болѣе доступнымъ пониманію широкой массы читателей, Фильдингъ Холлъ избралъ полубеллетристическую форму. Онъ разсказываетъ о нѣкоемъ европейцѣ, англичанинѣ, который однажды во время своего путешествія по Бирмѣ разбился при паденіи съ лошади и былъ подобранъ въ безсознательномъ состояніи монахами сосѣдняго буддійскаго монастыря.

Медленно поправлялся онъ въ монастырской тиши. Въ этой благодатной, новой для него, тишинѣ, въ долгіе „золотые“ часы „ничегонедѣланія“ — созерцанія незнакомыхъ красотъ природы, и, потомъ, въ бесѣдахъ съ монахами и окрестными поселянами, какъ бы встрепенулась, очнулась его душа и оглянулась на себя и пройденную жизнь.

„Такъ же, какъ и всѣ другіе, провелъ онъ свою жизнь. Никогда не видалъ онъ восхода солнца, а полдень и заходъ являлись для него лишь временемъ, когда нужно было что-нибудь или начинать, или кончать. Луну онъ видалъ мимоходомъ и объ ея измѣненіяхъ узнавалъ изъ книгъ. Не было ни одного дня, который представлялъ бы что-либо болѣе новое или совершенное,—всѣ одинаково отмѣчались календаремъ. Онъ не могъ отличить одной звѣзды отъ другой. Земля была просто мѣстомъ, гдѣ можно было работать, гдѣ находились описанные въ учебникахъ географіи страны и города. Поля существовали для того, чтобы засѣивать ихъ хлѣбными злаками,—горы для того, чтобы подыматься на нихъ и для горныхъ козъ. Моря были путями для кораблей и для улова рыбъ. И все это были мертвыя механическія вещи, управляемыя безсознательными силами, которыя онъ всѣ (такъ онъ думалъ) позналъ. Деревья и растенія, животныя и птицы были немногимъ лучше. Они служили для пищи, спорта и одежды. Ими тоже управляли механическія силы, насиліе и случай. Его религія говорила ему, что міръ дуренъ и безъ душенъ, а наука—что это грубый, несовершенный механизмъ. Что же касается его самого, то міръ былъ для него мѣстомъ, гдѣ онъ могъ работать и развлекаться, — вотъ и все. Другого

отношенія онъ къ міру не имѣлъ. Онъ имѣлъ душу, такъ онъ предполагалъ, а міръ ея не имѣлъ. Эта душа его пребывала на землѣ лишь нѣкоторое, очень не долгое, время, а послѣ куда то исчезала. Для чего же интересоваться міромъ, который былъ такъ мраченъ самъ по себѣ и служилъ такимъ недолгимъ для человѣка жилищемъ?

Онъ былъ похожъ на человѣка, отправившагося на утренней зарѣ въ путь. Быстро шагая, онъ, переходилъ съ вершины на вершину и все находилъ передъ собой новые подъемы. Онъ былъ доволенъ, что шелъ такъ твердо и увѣренно. Наслаждался онъ и одолѣніемъ трудностей, которыя встрѣчались ему, и всѣми удовольствіями пути. И вотъ въ полдень онъ наконецъ присѣлъ отдохнуть. Онъ посмотрѣлъ назадъ, на тотъ путь, который онъ прошелъ, посмотрѣлъ вокругъ во всѣ стороны и удивился. Онъ такъ много прошелъ, но *куда* же онъ пришелъ? Конечно, еще не къ цѣли... Но куда же онъ пойдетъ теперь? Оказывается, у него нѣтъ плана, онъ не знаетъ что лежитъ передъ нимъ, онъ не знаетъ даже, куда ему хотѣлось бы итти и существуетъ ли вообще такое мѣсто, котораго онъ хотѣлъ бы достигнуть. Но къ чему было постоянно карабкаться съ вершины на вершину, открывать то одно, то другое? Для того ли, чтобы, въ концѣ концовъ, ничего не найти? Не кружился ли онъ на одномъ мѣстѣ, и потомъ не пришелъ ли онъ къ тому же мѣсту, отъ котораго шелъ?

Хотя трудъ и удовольствія хороши, —подумалъ онъ,—но въ концѣ концовъ не мѣшало бы и знать, куда это все ведетъ? И приведетъ ли это къ чему-нибудь? Жизнь есть бытіе, но и смерть однако тоже вѣдь часть его. Бытіе включаетъ прошлое, настоящее и будущее. И напряженіе, неустанное, горячее, неразмышляющее напряженіе, не было ли оно нужно и не имѣло ли цѣлью лишь утолить боль и избѣгнуть сознанія, что ни того, чѣмъ мы были, ни того, что мы есть, ни того, чѣмъ мы будемъ, мы не знаемъ!?.. Мы не осмѣливаемся поднять наши глаза отъ земли и посмотрѣть впередъ, такъ какъ мы боимся увидѣть, что мы заблудились и если пришли куда, то только къ смерти.

А тогда? Что же тогда?..

Если то, что было имъ заучено, дѣйствительно было единственной истиной, то къ чему она? Она не дѣлаетъ для людей больше, чѣмъ это дѣлаетъ и ложь: оставляя людей чувствовать себя такими же несчастными, она приводитъ ихъ послѣ полной треволненія жизни къ мѣсту, котораго они совсѣмъ не желали достигнуть".

Изъ новой тишины „золотыхъ часовъ" являлись къ нему все новыя мысли, новые вопросы.

Жизнь заключаетъ въ себѣ еще болѣе цѣнныя вещи, чѣмъ, напримѣръ, власть, государственное устройство, образованіе, энергія, ученость. Радость бытія и спокойствіе бодраго духа во всѣхъ треволненіяхъ жизни, развѣ это ничего не стоитъ? А пониманіе міра, которое согласовалось бы со всей вашей жизнью; и такой взглядъ на смерть, который позволялъ бы смотрѣть на нее безъ страха и отчаянія, и не какъ на уничтоженіе всего, не какъ на царство Ужаса, но какъ на величайшее бытіе... развѣ это не цѣнныя вещи?! Обладать религіей, которая вселяетъ въ душу радость и надежды, а не страхъ, религіей, основаніе которой покоится на истинѣ, имѣющей еще свое великое будущее, развѣ это не представляетъ нѣчто, къ чему нужно стремиться?..

Для Востока религія это — извѣстное міровоззрѣніе, призма, черезъ которую человѣкъ смотритъ на міръ, извѣстный способъ понимать и познавать его. Западъ иначе смотритъ на религію, и, въ своемъ исканіи истины, онъ думалъ найти въ ней мораль, добродѣтель, идеалъ и ученіе. Западъ прежде всего желалъ увидѣть тѣ одежды, въ которыя облекается истина, а не ее самое.

Не существуетъ различныхъ многихъ жизней, но одна, явленная въ разныхъ образахъ, но все-таки одна. Вотъ то, въ чемъ Востокъ былъ убѣжденъ, то, чего Западъ совершенно не постигъ. Западъ изучилъ лишь человѣка. Востокъ душу всего міра. Представленіе Восточныхъ народовъ о человѣкѣ связано съ представленіемъ вообще о всей жизни. Религія у нихъ охватываетъ не только небольшую часть человѣческой души, но все, цѣлую вселенную, насколько они могутъ ее видѣть, и всего, цѣлаго человѣка. Это—вселенская религія—понятіе, совершенно не постигнутое Западомъ. Религія у нихъ присуща всему. Слѣдовательно, чтобы понять ту часть ея, которая касается человѣка, надо отправляться съ самаго начала, потому что человѣкъ уже окончаніе, уже послѣднее въ этомъ мірѣ проявленіе сущаго.

Для Востока жизнь,—такъ, какъ она смотрится черезъ призму религіознаго міровоззрѣнія,—ландшафтъ, облитый солнечнымъ свѣтомъ, радостный и спокойный. Блестятъ воды озеръ, румянятся подъ яснымъ голубымъ небомъ вершины горъ... ясно видны всѣ опасности, пропасти и болота, угрожающія жизни путешественниковъ. Онѣ ясно видны, а потому каждый можетъ остановиться вовремя и избрать себѣ другой путь. Видно, можетъ быть, и не очень

далеко впереди, такъ какъ глаза каждаго смертнаго ограничены, и кажется, что видно меньше, чѣмъ тогда, когда глядишь сквозь туманъ и тѣни, которые даютъ иллюзію безконечной дали... но вѣдь это лишь иллюзія: видно не меньше, и то, что видно, — совершенно понятно. Нельзя принять за твердое тѣло обманчивое облако, или небесную радугу за ворота въ рай. Нечего пытаться видѣть больше, чѣмъ это позволяетъ человѣку его ограниченное зрѣніе: нельзя видѣть противоположныя стороны горъ, нельзя постигнуть основы міра и безконечное пространство: мозгъ и глазъ имѣютъ свои границы. Но можно видѣть все, что нужно, и настолько далеко, насколько это необходимо для жизни каждаго человѣка.

Каждый видитъ передъ собой свою дорогу, всѣ извилины и закоулки ея и знаетъ, куда онъ идетъ. Горизонтъ не окутанъ туманомъ, полнымъ всегда призраковъ и духовъ, и нѣтъ ощущенія страха, какъ передъ чѣмъ то невѣдомымъ.

Конечно, линія, служащая границей его зрѣнію, не есть граница вселенной, граница свѣта и жизни. Нѣтъ, за ней лежатъ другія страны, но онѣ не менѣе прекрасны, и солнце тамъ не менѣе ярко, а поэтому нечего страшиться за будущее, можно быть увѣреннымъ, что всегда будешь видѣть настолько, чтобы знать, куда направить свои шаги. Теченіе времени тонетъ въ вѣчности, тамъ ждетъ человѣка грядущее, полное покоя и красоты того міра, котораго теперь онъ не въ силахъ постигнуть".

Больной уже выздоровѣлъ, другъ, его навѣщавшій, убѣждаетъ его покинуть временный пріютъ, но нашего англичанина никуда не тянетъ изъ тихаго уголка Бирмы. Наоборотъ, его теперь больше всего влечетъ къ себѣ этотъ простодушный народъ, который — казалось ему — владѣетъ истиной и тайной счастія. И вотъ онъ хочетъ проникнуть въ эту *тайну* — онъ изучаетъ наивныя народныя вѣрованія, онъ именно „отправляется съ самаго начала", чтобы понять свѣтлую религію Будды.

— „Такъ никто не дѣлалъ,—говоритъ онъ другу.—Всѣ изучали сразу верхушку. Всѣ поступали такъ, потому что Западъ убѣжденъ, что религія касается только души человѣка, а не его тѣла и вообще всего міра. Я же рѣшилъ начать съ самой основы ихъ".

Полагаютъ, что легенды, традиціи, вѣрованія въ волшебницъ, русалокъ и лѣсныхъ боговъ,—все это лишь плоды воображенія, сказки младенческихъ дней человѣка.

Но что такое воображеніе? — разсуждаетъ онъ.—Развѣ можетъ человѣкъ вообразить что-нибудь, чего бы не было на самомъ дѣлѣ? Словомъ „воображеніе" ничего не объясняется. Воображеніе это то, что отражаетъ въ себѣ образы вещей, которые существуютъ, очевидно, на самомъ дѣлѣ; это магическое зеркало природы. Если зеркало искривлено, то изображенія вещей могутъ быть неправильны, туманны, неясны и слабы. Но хороши они или нѣтъ, все-таки воображеніе есть отраженіе только того, что существуетъ. Если зеркало вѣрно, то оно отражаетъ вѣрно и то, что находится подъ внѣшнимъ видомъ вещей.

Сказать, что вѣрованіе есть плодъ воображенія, значитъ сказать, что оно есть отраженіе чего то. Что же оно отражаетъ? Что это такое дѣйствительно существующее и находящееся передъ стекломъ мысли, которое и отразило образъ его?

Каждый народъ, возникая, приноситъ въ суевѣріяхъ своего младенчества образы первоначальныхъ истинъ. Эти образы есть базисы, на которыхъ строятся всѣ другія истины. Но въ Европѣ они теперь всѣ уничтожены. Они мертвы, а ихъ внѣшнія оболочки вы можете найти еще въ книгахъ, какъ ископаемое въ камнѣ. Правда, они еще не умерли совершенно, но только спятъ, и они оживутъ, когда время придетъ. Истина никогда не умираетъ и не измѣняется вполнѣ, но образъ, въ которомъ она проявляется, можетъ и даже долженъ мѣняться.

Всѣ легенды и народныя вѣрованія, все, во что народъ вѣритъ, въ чемъ онъ убѣжденъ, какъ въ истинномъ, все это притчи о какой то абстрактной истинѣ. Притчи могутъ быть и неясны. Но тогда, когда онѣ только что появились и передавались устно,—онѣ были ясны. Слова и формы старѣютъ. И наконецъ, они могутъ сдѣлаться лишь футлярами, въ которыхъ жизнь уже прекратилась, подобно пустой скорлупѣ, теперь брошенной и мертвой, но въ которой нѣкогда заключалась жизнь.

Слова—лишь средство для выраженія чего то, чего собственно нельзя выразить вполнѣ, они—плоть, чрезъ которую истина можетъ отчасти выявить себя, но они ее воплощаютъ не болѣе, чѣмъ тѣло — жизнь человѣка. Вы можете подробно разобрать какой-либо догматъ вѣры, легенду, традиціи, обычай или какое-либо установленіе, и все же вы можете не найти истины, какъ и тотъ, который, вскрывая мертвое тѣло, думалъ бы найти въ немъ жизнь.

Слова—то же, что и изваянія изъ камня или дерева.

Дикарь грубо высѣкаетъ изъ камня изваяніе божества, вкладывая въ этотъ образъ переживаемые имъ страхъ, надежды, силу, ду-

шевное волненіе; и для него и подобныхъ ему изваяніе воплощаетъ все это. Онъ смотритъ на него и испытываетъ страхъ и надежду; изваяніе для него живой образъ божества. Но для человѣка другой культуры это изваяніе ничего не выражаетъ, оно для него — мертво. Онъ можетъ изслѣдовать матеріалъ, оцѣнить искусство работы, но больше онъ въ немъ ничего не почувствуетъ.

Жизнь познается жизнью черезъ улавливанія ея волненій и колебаній. Умъ познается умомъ, сердце—сердцемъ.

— „Слѣдовательно,—рѣшилъ онъ,—сидѣть и изучать формы, въ которыхъ вѣрованія вылились, было бы пустой тратой времени. Музыка заключается не въ нотахъ на бумагѣ, не въ инструментѣ, не въ пальцахъ играющаго, но въ его сердцѣ и въ сердцахъ тѣхъ, кто, слушая, ею проникаются. Это — эхо. Если вы глухи, вы не услышите ея никогда, хотя вы и слѣдили бы за движеніемъ пальцевъ играющаго. И я былъ глухъ, глухъ и теперь еще. Но я хочу научиться слышать музыку. Я хочу достигнуть умѣнія слышать музыку такъ, какъ слышатъ они. Тогда я познаю всѣ вещи. И когда я буду обладать этимъ ключомъ, когда я научусь слышать, тогда я буду въ состояніи, можетъ быть, выразить мое познаніе въ другихъ словахъ и образахъ, въ такихъ, — которые могутъ быть болѣе поняты всѣми“.

И онъ сталъ учиться слышать „музыку“.

— „Скажи мнѣ,—обращается онъ однажды къ старому монаху, — что такое жизнь? Что такое человѣческая душа, откуда она приходитъ и куда уходитъ?“

На это монахъ говоритъ ему, напомнивъ однако предварительно, что „слова — это недостаточный сосудъ для истины“:

— Отвѣть мнѣ, откуда приходитъ вѣтеръ и куда онъ уходитъ? Жизнь—есть вѣтеръ, вѣющій надъ міромъ. Откуда же и куда онъ идетъ? Онъ идетъ, и движетъ травою, и оживляетъ ее. Не жизнь ли это то, что оживляетъ ее? Приходитъ и уходитъ, и никто не знаетъ для чего и откуда онъ приходитъ, и куда уходитъ,— сказалъ монахъ, нагнулся, сорвалъ стебелекъ и бросилъ его. Тонкій и прямой, — онъ легъ недвижно на землю.

— „Гдѣ теперь жизнь, которая заставляла его двигаться?. Или духъ, который живилъ и двигалъ его, — исчезъ?.. Жизнь есть дыханіе вѣчности“.

По уходѣ монаха, продолжая размышлять о жизни и душѣ, онъ видитъ, какъ вдали по рѣкѣ скользнулъ свѣтъ прожектора съ англійскаго парохода. И онъ вспоминаетъ, какъ туземцы вначалѣ удивлялись электричеству, которое „свѣтитъ изъ ничего“: „Какъ можетъ свѣтъ приходить невидимымъ и свѣтить?“

Теперь онъ самъ задается вопросомъ:

Въ чемъ заключается природа свѣта? И когда лампа разбита и свѣтъ погасъ, куда исчезаетъ энергія, которая проявлялась свѣтомъ? Блуждаетъ ли она, какъ душа (умершаго), безцѣльно въ пустомъ пространствѣ?..

Когда древніе писатели пытались выразить ту мысль, что человѣческая душа не пребываетъ внутри его, но явилась извнѣ, — имъ недоставало словъ, они не обладали соотвѣтствующимъ понятіемъ для того, что имъ нужно было выразить. Мы же теперь можемъ указать на электрическую лампочку: свѣтъ, появляющійся тамъ, является извнѣ, а не продуктъ этой лампочки“.

Такимъ образомъ, онъ наконецъ находитъ истинный символъ жизни—„такой образъ, который можетъ быть болѣе понятенъ всѣмъ“.

„Великій потокъ солнечнаго свѣта состоитъ изъ безконечнаго сонма малыхъ лучей, при чемъ каждый лучъ заключаетъ въ себѣ всѣ свойства этого свѣта; видимые и невидимые—всѣ лучи пребываютъ въ немъ. Каждый маленькій лучъ, который проходитъ сквозь листья, заключаетъ въ себѣ все совершенство, всю сущность и особенность свѣта. Но, воплощенное въ листъ, его проявленіе отличается отъ всѣхъ остальныхъ подобныхъ же проявленій. Мы подобны этимъ лучамъ вѣчнаго солнца. Мы исходимъ непосредственно изъ самаго источника жизни и познанія, какъ лучъ, соединенный со всѣми другими, но который начинаетъ отличаться, какъ только проявляется во плоти.

Солнечный свѣтъ упалъ на лампу, низко висящую противъ окна. Граненое стекло хрусталя раздробило его золотой потокъ на нѣсколько цвѣтныхъ лучей. Они пронизали тѣнь блестящей полосой и упали на стѣну. Вотъ символъ жизни, какъ понимаетъ ее Востокъ; не субстанція—туманная, таинственная, но все же субстанція, заключенная внутри нашихъ тѣлъ, но — лучъ и сила, объединяющіе въ себѣ много лучей и силъ.

Вотъ символъ, который я искалъ, — подумалъ онъ.—Небеса дали мнѣ то, чего я не могъ найти. Этотъ свѣтъ, который исходитъ отъ солнца,—аллегорія жизни, исходящей отъ Бога. Она проявляется на землѣ черезъ многія формы, какъ и свѣтъ—посредствомъ многихъ лучей.

Совершенный бѣлый свѣтъ состоитъ изъ всѣхъ лучей. Онъ состоитъ не только изъ яркихъ, видимыхъ лучей, но всѣхъ,—видимыхъ и невидимыхъ. Наивысшая жизнь не есть какая то отдѣльная часть ея, но вся она въ цѣ-

ломъ; она не отбрасываетъ міръ, но заключаетъ его въ себѣ. Единая Истина слагается изъ всѣхъ истинъ.

— Вотъ, наконецъ, — сказалъ онъ самъ себѣ,—у меня есть ключъ. Я понимаю теперь ихъ міровоззрѣніе. Я понимаю наконецъ вселенную, какъ понималъ ее всегда Востокъ, т.-е. какъ воплощеніе Бога, воплощеніе лучей Его вѣчнаго свѣта.

Найденнымъ „ключомъ“ онъ старается вскрыть глубочайшую тайну Востока — познать, *чѣмъ люди живы* тамъ, въ странѣ Сиддарты-Будды.

„Все равно, богаты ли вы или бѣдны; развиты или глупы, принцъ вы или крестьянинъ,— не въ этомъ главное. Все равно, — каждый имѣетъ свои удовольствія и свои заслуги. Но если вы богаты, умны и счастливы, знайте, что вы заслужили быть таковымъ. Это не случайность, но воздаяніе, и если вы не хорошо воспользуетесь вашимъ преимуществомъ, то вы опять можете сдѣлаться бѣдны и глупы, такъ какъ это вещи все преходящія. Если же вы бѣдны и несчастливы, знайте, что будущее въ вашихъ рукахъ. Если вы теперь такъ низко поставлены, то это только потому, что вы не сумѣли хотѣть быть выше. Будущее даетъ намъ всегда только то, къ чему мы пріуготовимъ себя въ настоящемъ. Нельзя сѣтовать на свою судьбу, говоря: „Ахъ, почему я не родился такимъ-то или такимъ-то?“ Небеса опредѣляютъ положеніе человѣка не по какому то произволу. Блага этого міра не разсыпаются наудачу; жизнь не лотерея и не случайность. Вы есть то, что вы есть не по особой какой милости, или счастливому случаю, но потому, что вы сами создали себя таковыми. Въ будущемъ вы соберете только то, что сѣете теперь.

Все зло нашей жизни отъ тѣла, радость же свойственна нашему духу, душѣ. Чтобы дать радости просторъ, мы должны развить нашу душу, должны ее расширить, сдѣлать значительнѣе и сильнѣе, должны объединить въ этомъ лучѣ свѣта всѣ предыдущіе лучи.

Когда индивидуальность возвышается, то это значитъ,—вся личность (состоящая изъ тѣла и души) возвышается и, такимъ образомъ, становится проявленіемъ высшей души въ болѣе развитомъ тѣлѣ. Тѣло эволюціонируетъ, говоритъ, Западъ, а Востокъ добавляетъ, что истинная эволюція это есть эволюція и тѣла, и души. Когда наши души подымаются на высшую стадію эволюціи, тогда онѣ развиваютъ и тѣ формы тѣла, въ которыя онѣ должны облачаться. Каждая отдѣльная сторона личности, когда она пріобрѣтаетъ большую цѣнность, пріобрѣтаетъ ее совмѣстно съ другой. Вотъ, что подразумѣвается подъ переселеніемъ душъ. Тѣло—конечная вещь, а душа—безконечна и подвержена постоянной эволюціи. Одно тѣло умираетъ, но являются новыя, болѣе способныя отвѣчать на запросы болѣе высокаго духа.

Насколько вы просите, настолько вамъ и дается; насколько вы разовьете свое сознаніе добра, подчините узкое „я“ болѣе широкому и увеличите свою способность не только видѣть добро, но и осуществлять его, настолько вы и вырастете. Таково вѣрованіе буддистовъ; но здѣсь, на Западѣ, не существуетъ такого вѣрованія, и почему человѣкъ родился богатымъ или бѣднымъ, умнымъ или глупымъ, зрячимъ или слѣпымъ, здоровымъ или больнымъ,—объ этомъ мы не имѣемъ никакого представленія. Наша религія совершенно не занимается подобными вопросами, хотя разъясненіе ихъ могло бы оказать существенное вліяніе на нашу ежедневную жизнь. Намъ кажется все или случаемъ, или милостью какой то Великой Силы. И конечно, если все происходитъ случайно, то, вытянувшіе дурные номера недовольны; если же все происходитъ по милости Великой Силы, то многія руки воздымаются съ отчаяніемъ и упреками къ небесамъ, которыя такъ жестоко распорядились ихъ судьбой. И такой несправедливый міръ мы все же принимаемъ, не пытаясь какъ-либо объяснить его и полагая еще при этомъ, что немногими скоропреходящими годами этой жизни мы опредѣляемъ всю нашу грядущую вѣчность. Мы умремъ,—и будемъ судимы, наказаны, или вознаграждены.

Но по вѣрованію Востока судъ надъ нами, вознагражденіе или наказаніе, начинаются не со смерти нашего физическаго тѣла; они дѣйствуютъ во все время нашей жизни. Съ самаго начала міра они управляютъ имъ, двигая его къ какому то великому концу. Если вы больны, бѣдны, несчастливы,—будьте увѣрены, что вы заслужили это, хотя вы и не помните какъ. Вы не можете помнить это, потому что способность памяти принадлежитъ нашему тѣлу, матеріи, черезъ которую проявляется жизнь, и когда умираетъ тѣло, то вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ и память. Да и къ чему послужило бы запечатлѣніе въ вашей памяти всѣхъ незначительныхъ происшествій милліона милліоновъ вашихъ жизней?! Но если память о нихъ и исчезаетъ,—результаты ихъ сохраняются. А поэтому вы и есть то, что вы есть, а другіе — то, что они есть.

Случится ли съ вами что хорошее, или что дурное, на Востокѣ говорятъ: „Вы заслужили это, а то бы это не случилось. Въ этой жизни или въ какой-либо другой, но вы сдѣлали что то, что повело къ этому“.

„Въ этой или въ какой-либо другой жизни“, вотъ въ этомъ то и разрѣшеніе вопроса.

И добро и зло отъ Бога, дьявола не существуетъ, есть только—другое лицо Бога. А поэтому страхъ передъ тѣмъ, что можетъ случиться, этотъ страхъ, — на Западѣ отчасти инстинктивный, а отчасти представляющій и обдуманное ученіе,—отсутствуетъ на Востокѣ. Тамъ не возмущаются настоящимъ и не боятся будущаго. День прекрасенъ; но и ночь также прекрасна, такъ какъ она приноситъ съ собою покой; а покой и грезы, и размышленіе доставляютъ такое наслажденіе...

Смерть это — не ужасъ и не конецъ жизни. Смертью вы кончаете лишь одну главу жизни и начинаете новую. Вы стары и утомлены,— утомлены самимъ собою, вашей ограниченностью, и вашей слабостью,—но въ слѣдующей главѣ вы будете вновь молоды и бодры. За этой вашей жизнью васъ не ждутъ однообразное существованіе въ вѣчности, нѣтъ, вы будете вновь молоды и вновь будете въ мірѣ, полномъ прекрасныхъ вещей, созданныхъ для дѣтей неба.

Религія это есть извѣстное міровоззрѣніе. Таково міровоззрѣніе Востока. И слѣдуетъ помнить, что все это міровоззрѣніе явилось раньше буддизма. Оно—фундаментъ, на которомъ созидался буддизмъ. То, что добавилъ буддизмъ, это — лишь позднѣйшая и дальнѣйшая его истина.

Въ изложенномъ вѣрованіи родился и воспитался тотъ, кто сдѣлался впослѣдствіи Буддой. Оно его тоже удовлетворяло нѣкоторое время; но затѣмъ—произошелъ переворотъ.

Жизнь хороша, но въ насъ живетъ сознаніе, что она можетъ быть еще лучше. Достигнемъ ли мы когда-нибудь того, чтобы наше счастье все увеличивалось, а наши страданія все уменьшались и уменьшались? Или мы будемъ вѣчно существовать въ данныхъ условіяхъ, и пребывать всегда лишь малымъ лучомъ, отдѣленнымъ отъ великаго потока жизни? Слабость человѣка, его ограниченность, его хрупкость начинаютъ тяготить насъ, утомлять насъ и даже, наконецъ, ужасать насъ. Можемъ ли мы это измѣнить? Всегда ли наше существованіе будетъ связано съ тѣломъ? Всегда ли мы будемъ подлежать такимъ ограниченіямъ, какъ теперь? Будетъ ли потокъ нашей жизни устремляться безконечно, безъ начала и безъ конца? Рожденіе и смерть, и вновь рожденіе, и вновь смерть,—неужели такова наша судьба во вѣки вѣковъ? Произойдетъ ли какая перемѣна въ нашихъ радостяхъ и печаляхъ или все то же самое будетъ повторяться изъ вѣка въ вѣкъ? Человѣкъ поднялся высоко, но не можетъ ли онъ подняться еще выше? Или онъ достигъ предѣла?! Уже чувствуется отвращеніе и утомленіе отъ этого вѣчнаго повторенія...

Не отвращеніе отъ того хорошаго, что даетъ жизнь, не отрицаніе міра или отверженіе его праведности,—нѣтъ, но страстная жажда какого-нибудь движенія впередъ; не отъ жизни, но къ еще большей жизни, не къ другой праведности, а къ увеличенію ея...

Уже народилась въ человѣкѣ новая сила: его раскрывающаяся душа,—излученіе свѣта изъ ряда до сихъ поръ пока невидимыхъ лучей.

Какимъ же свѣтомъ освѣтилась раскрывшаяся душа великаго индусскаго принца? Свѣтомъ слѣдующей истины:

„Наши страданія происходятъ отъ нашей обособленности; потому что мы теперь — обособленный, отдѣлившійся отъ вѣчности, лучъ, а совершенное, вѣчное блаженство настанетъ только тогда, когда мы вновь соединимся съ нею.

Нашъ рай это—встрѣча всѣхъ нашихъ маленькихъ душъ съ другими, это объединеніе наше со всѣмъ наилучшимъ, истиннѣйшимъ и прекраснѣйшимъ. Это значитъ—слиться воедино съ тѣми, съ которыми мы не могли здѣсь, на землѣ, близко сойтись, такъ какъ тѣла насъ раздѣляли. Это значитъ — слиться воедино со всей красотой міра, съ сіяніемъ солнца надъ горами, съ величіемъ ночи, съ улыбками водъ; слиться воедино съ доблестью благородныхъ дѣяній, съ душами всѣхъ, кого мы любимъ, съ Великой Силой—со всеобщей единою Жизнью.

Все, что живетъ, заключаетъ въ себѣ единую Жизнь; всѣ истины объединяются въ единой Истинѣ, и всѣ лучи составляютъ единый Бѣлый Свѣтъ. Это единеніе и есть то, что понимаютъ подъ словомъ „Любовь“.

Вотъ что значитъ рай—нирвана. Это—то, чего вы достигнете, если будете смотрѣть на жизнь, какъ на духъ, а не какъ на вѣчно обособленную субстанцію.

Мысль Будды, что зло вытекаетъ изъ современныхъ условій жизни, ея ограниченности и ея сосредоточенія лишь въ отдѣльной ничтожной личности, была понята такъ, что жизнь сама по себѣ вообще—зло, и что идеалы этого ученія ведутъ къ прекращенію жизни, къ ея уничтоженію. Но, когда вы разсѣянное черезъ призму цвѣтное отображеніе свѣта объедините вновь въ одинъ бѣлый свѣтъ, развѣ вы уничтожаете этимъ отдѣльные его лучи?... Идеаломъ индусскаго принца было не прекращеніе, но увеличеніе жизни,—болѣе великій и совершенный, заключающій въ себѣ всѣ лучи, свѣтъ“...

Возрожденіе Азіи.

Для „Запросовъ Жизни“ парижскій профессоръ Родольфъ Брода написалъ статью о возрожденіи Азіи. Авторъ останавливается на разныхъ сторонахъ прогресса, какой теперь обнаруживаютъ азіатскіе народы—и въ области экономическаго развитія, и въ политикѣ, и въ сферѣ науки, искусствъ. Но главный интересъ статьи его—съ точки зрѣнія коренного различія между культурой западной и восточной—въ другомъ: въ томъ, что здѣсь говорится о религіи и философскихъ исканіяхъ.

Азіатъ, по утвержденію французскаго ученаго, охотно признаетъ превосходство европейскаго естествознанія, и никто съ такой жадностью не стремится къ усвоенію его, какъ просвѣщенный китаецъ или индіецъ. Въ то же время онъ энергично отстаиваетъ ту мысль, что философская и моральная культура его народа равноцѣнна европейской, если не выше ея. Нельзя не согласиться, что системы моральной философіи, которая обладала бы такой же совершенной законченностью, такимъ же глубокимъ вліяніемъ на цѣлый народъ и съ такой же послѣдовательностью проводилась бы въ практической жизни въ теченіе многихъ столѣтій, какъ моральная философія Конфуція, на западѣ не существуетъ. Въ то время, какъ Европа еще коснѣла въ грубыхъ религіозныхъ предразсудкахъ, образованные классы Китая уже были свободны отъ всякихъ суевѣрій, были далеки отъ всякаго религіознаго мистицизма и твердо стояли на той точкѣ зрѣнія Конфуція, по которой мы не въ силахъ разрѣшить послѣднихъ сокровенныхъ загадокъ бытія и потому должны оставить всякія метафизическія спекуляціи и сосредоточить всѣ усилія своей мысли на возможно полной разработкѣ моральной системы, соотвѣтствующей порядку человѣческаго общежитія. Эта система оказалась въ замѣчательномъ практическомъ соотвѣтствіи съ соціальными потребностями страны; на нее прежде всего и опираются устои китайской цивилизаціи, которыхъ не поколебали даже военныя потрясенія монгольской эпохи; въ борьбѣ за существованіе Китай показалъ, что его моральная культура—одна изъ величайшихъ культуръ, когда либо выработанныхъ человѣчествомъ.

Точно также и правовая жизнь китайскаго народа вылилась въ причудливо утонченныя формы, и государственная жизнь получила своеобразное развитіе; управленіе государствомъ было поручено классу чиновниковъ, вербовавшихся изъ наиболѣе одаренныхъ сыновъ народа и назначавшихся на должности послѣ сдачи ими строжайшаго экзамена; наслѣдственная и финансовая знать, играющая такую крупную роль въ европейской государственной жизни, въ Китаѣ никакого значенія не имѣла.

Индія также создала рядъ удивительныхъ религіозно-философскихъ системъ и понынѣ усердно занимается дальнѣйшимъ ихъ развитіемъ. Примѣромъ можетъ служить новѣйшая разработка философіи веданты и сліяніе ея съ эволюціоннымъ ученіемъ Ламарка и Дарвина.

Автору этихъ строкъ въ бесѣдѣ съ индійскимъ философомъ Тринатхи, въ Бомбеѣ, пришлось убѣдиться, что сторонники этого направленія цѣликомъ принимаютъ теорію эволюціи съ ея ученіемъ о постепенномъ усовершенствованіи видовъ; но они хотятъ толковать эту идею въ болѣе идеалистическомъ смыслѣ, въ смыслѣ постепеннаго одухотворенія вселенной, въ смыслѣ ряда восходящихъ ступеней отъ сущности природы къ чистой тѣлесности, какъ она выявилась въ кристаллахъ,—къ преобладанію духа въ культурномъ человѣкѣ и затѣмъ далѣе къ чистому духу, который они считаютъ конечнымъ пунктомъ, вершающимъ эволюцію, въ противоположность религіознымъ системамъ запада, помѣщающимъ *духъ*, какъ *творца*, въ началѣ всѣхъ вещей.

Философія веданты, какъ пантеистическое построеніе въ индусской религіи, сдѣланное по современнымъ рецептамъ, имѣла уже плодотворное вліяніе на мысль многихъ философовъ и, между прочимъ, Шопенгера. Въ своемъ стремленіи къ высшему единству эта философія отливается въ такія утонченныя формы религіозной мысли, что становится пріемлемой для современныхъ умовъ.

Часто въ бесѣдахъ съ образованными китайцами и индійцами я замѣчалъ, какъ глубоко убѣждены они въ превосходствѣ нравственной атмосферы Востока, проникнутой духомъ солидарности, надъ господствующей въ Европѣ страстной борьбой своекорыстныхъ интересовъ; въ превосходствѣ идеала внутренняго духовнаго самоуглубленія надъ привычной въ Европѣ работой, направленной къ воздѣйствію на внѣшній окружающій міръ. Мнѣ кажется, что при такой постановкѣ нравственно-философской проблемы, пріобрѣтающей порой, напр., въ сочиненіяхъ Кувшинникова слишкомъ парадоксальную форму, основныя положенія нравственной философіи Востока едва ли пріемлемы. Наша западная наука, именно пользуясь результатами точнаго изслѣдованія, и рука объ руку съ техникой, гораздо больше способствовала отысканію истины, чѣмъ тѣ страстныя исканія ея, которымъ сыны Востока предаются въ процессѣ внутренняго самоуглубленія. И несмотря

на весь нашъ эгоизмъ, котораго, конечно, отрицать нельзя, мы, однако, создали такія альтруистическія цѣнности, какъ христіанство, соціализмъ, современную философію солидаризма и, главное, цѣлый рядъ практическихъ мѣръ для защиты слабыхъ и больныхъ, женщинъ и другихъ жертвъ соціальнаго строя.

Не въ приспособленіи восточныхъ народовъ къ нашимъ политическимъ, военнымъ и экономическимъ учрежденіямъ, какъ ни безспорна ихъ крупная роль въ дѣлѣ распространенія человѣческой цивилизаціи, кроются возможности оплодотворенія нашей собственной цивилизаціи, но въ тѣхъ культурныхъ сферахъ, въ которыхъ были сконцентрированы въ теченіе тысячелѣтій всѣ духовныя силы Востока. Духовныя силы Индіи, создавшія Будду,—духовныя силы Китая, создавшія Конфуція, — съ давнихъ поръ служили источникомъ свѣта для нашей философіи. Онѣ станутъ намъ тѣмъ дороже, чѣмъ ближе мы узнаемъ ихъ. Медленно, но неуклонно будетъ совершаться взаимодѣйствіе между крупными проблемами Востока и Запада, и въ результатѣ этого взаимодѣйствія появятся новыя цѣнности, которыя сдѣлаютъ болѣе плодотворными наши поиски за истиной.

Эстетическое воспитаніе и религія.

Подъ такимъ заглавіемъ въ „Вѣст. Воспит.“ (№ 6) напечатана статья Н. Смирнова, въ которой затрагивается очень важный и интересный вопросъ о связи эстетическаго и религіознаго воспитанія.

Новѣйшая постановка вопроса объ эстетическомъ воспитаніи,— говоритъ авторъ,— глубоко проникнута однимъ плодотворнымъ стремленіемъ—придать ему практическій характеръ. Отсюда вытекаетъ необходимость использовать въ педагогическихъ цѣляхъ все то, что даетъ непосредственно окружающая дѣйствительность.

Не по книжкамъ, не въ музеяхъ и галлереяхъ, не путемъ заграничныхъ путешествій должны дѣти научиться постигать красоту и оцѣнивать прекрасное. Прежде всего должны быть использованы естественные ближайшіе источники. Сюда, во-первыхъ, относится природа, т.-е. жизнь въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Трепещущій лепестокъ и мерцающій лучъ звѣзды, семья шаловливыхъ котятъ и беззаботно порхающія въ солнечномъ блескѣ бабочки, рокотаніе соловья и жужжаніе золотистой пчелы, улица шумнаго города и тихій заброшенный уголокъ въ деревнѣ,—все должно представлять школу прекраснаго, служить пособіемъ къ постиженію красоты. Во-вторыхъ, сюда относится человѣческая жизнь, не поскольку она проявляется въ искусствѣ, а сама по себѣ, во всемъ богатствѣ ея проявленій, въ обнаруженіяхъ духовной красоты человѣческой природы—блесткахъ героизма, нравственныхъ подвигахъ, мужествѣ, великодушіи, любви, которые можемъ подмѣчать въ ближайшихъ къ намъ людяхъ—родителяхъ, товарищахъ, прислугѣ. Здѣсь, въ обыденной обстановкѣ и обыденныхъ житейскихъ отношеніяхъ, „въ активномъ воспріятіи природы и человѣческой жизни“, долженъ ребенокъ получить первыя впечатлѣнія вообще и въ частности эстетически прекраснаго—полюбить красоту, какъ внѣшнихъ формъ: очертаній, красокъ, звуковъ, такъ красоту возвышенныхъ проявленій человѣческой природы.

Среди близкихъ къ намъ источниковъ красоты находится и религія съ ея культомъ—богослуженіемъ,—источникъ, настолько близкій и богатый, что игнорированіе имъ въ дѣлѣ эстетическаго воспитанія дѣтей едва ли можетъ быть вполнѣ оправдано.

Религія, религіозные мотивы дѣятельности, религіозное творчество въ культурной исторіи человѣчества занимаютъ необыкновенно выпуклое мѣсто. Ими освѣщаются самыя разнообразныя стороны жизни у различныхъ племенъ со всѣмъ ихъ культурно-бытовымъ своеобразіемъ. Въ особенности въ отдаленныя эпохи, когда способность къ непосредственному жизнеощущенію была какъ бы шестымъ чувствомъ человѣка, религіозный интересъ захватывалъ людей широко, многообъемлюще. И вотъ, волнуемый цѣлой гаммой переживаній отъ своекорыстно-низменныхъ до величаво-возвышенныхъ, древній человѣкъ чувствовалъ себя обязаннымъ все лучшее отдавать Божеству. Самое понятіе Божества иногда сливалось съ понятіемъ высшей красоты, и тогда въ еще большей степени люди обязывались все прекрасное отдавать въ религіозное служеніе. Были даже цѣлые народы, какъ еврейскій, у которыхъ всякое творчество — политическое, соціальное, художественное, даже научное— всецѣло и исключительно совершалось во имя Бога, посвящалось Богу, вызываясь религіозными мотивами и имѣя цѣлью религіозныя потребности народа.

Психологически все это достаточно понятно и едва ли могло быть иначе. Высшему и лучшему, даже просто сильнѣйшему, съ чѣмъ неразрывно связалось наше собственное существованіе, если не можемъ цѣликомъ отдать самихъ себя, мы отдаемъ изъ своего самое

лучшее, прекрасное. Поэтому лучшія произведенія искусства и само искусство возникли изъ религіозныхъ побужденій, развивались изъ религіозныхъ корней, вокругъ религіозныхъ интересовъ и ради нихъ. Такова фактическая связь прекраснаго (въ искусствѣ) съ религіей, если смотрѣть на эту связь въ перспективахъ исторіи.

Историческія нити не обрываются разомъ, тѣмъ болѣе если прядутся онѣ изъ неизсякаемыхъ источниковъ—основъ личности. Психологія религіозности осталась по существу неизмѣнной, и все то, что отъ вѣка питало религіозное чувство, и теперь не перестало существовать. Можетъ быть, слѣдуетъ отмѣтить лишь, что въ наши дни переживанія религіознаго утончились, въ иныхъ отношеніяхъ облагородились, если подойдетъ это слово. Цѣлый рядъ мотивовъ, вызывающихъ религіозныя эмоціи у дикихъ и малокультурныхъ людей, для насъ теперь не имѣетъ такого значенія. Возможно, что это—одно изъ обстоятельствъ, объясняющихъ ростъ безрелигіозности въ культурныя эпохи: поле религіозной жизни очищается и остается за истинно религіозными.

Сознаніе идеальности нашей природы, безграничности моральныхъ возможностей и въ то же время обидной реальной ограниченности неизбѣжно наполняютъ томленіемъ нашъ духъ и въ 20-мъ вѣкѣ по Р. Х., какъ и въ христіанской древности, и заставляютъ вѣрить, что существуетъ реально это великое идеальное. При всемъ могущественномъ ростѣ нашей власти надъ природой чувство безусловной зависимости отъ универсума влечетъ нашу мысль и направляетъ волю къ этому Безконечновеликому, чтобы въ немъ найти опору для мысли и вѣчно колеблющейся воли. А вмѣстѣ съ этимъ неумирающее, жгучее чувство своего одиночества и низменности духовной попрежнему рождаютъ въ насъ жажду единенія съ Небеснымъ и жажду искупленія, великой, неземной, но на землѣ творящейся искупляющей жертвы. Наконецъ, это необъятно великое, высшее всѣхъ нашихъ о немъ представленій, эта повсюдная тайна, дающая знать о себѣ въ каждомъ атомѣ, каждомъ біеніи нашего собственнаго пульса, влекущее къ себѣ насъ неизрекаемой прелестью повсюду—оно возбуждаетъ и въ насъ, какъ въ древнихъ, чувство проникновеннаго благоговѣнія и всецѣлой преданности.

Эти основныя психологическія пружины религіи въ историческомъ ходѣ облекаются въ извѣстныя схемы, ученія, и вотъ вокругъ такого остова религіи, одушевляемые живымъ настроеніемъ, мы попрежнему ищемъ отдать Богу своему лучшее, что у насъ есть. Какъ и предки наши, мы изъ камней строимъ величественные храмы, украшаемъ ихъ стѣны работами лучшихъ мастеровъ кисти, наполняемъ ихъ своды дивными гимнами, брильянтами осыпаемъ священныя ризы и золотомъ облаченія своихъ священниковъ, горящими главами вѣнчаемъ церковные куполы и, наконецъ, льемъ колокола, чтобы и холодный металлъ прозвучалъ свои воздушныя пѣсни нашему Богу...

И, сверхъ всего, мы воздвигаемъ въ сердцѣ нашемъ таинственные алтари и храмы Невѣдомому Богу:

Тамъ звонъ изъ лучшаго металла,
Онъ самъ собой звучитъ, звенитъ, поетъ...

Звонъ этотъ— наша жизнь съ ея порывами къ добру и свѣту, съ ея творящей силой, рождающей прекрасное въ проявленіяхъ нашей мысли, воли, чувства...

Чѣмъ глубже захватываютъ насъ отмѣченныя переживанія, тѣмъ разнообразнѣе, сложнѣе проявленія нашего религіознаго творчества, тѣмъ богаче символикой нашъ культъ и тѣмъ разубраннѣе наши символы. И совокупность всего, чѣмъ выражается религіозная жизнь—обряды, символическіе знаки и дѣйствія, вся богослужебная обстановка, то, что вообще зовется культомъ, и потомъ то, чѣмъ вызывается все это, самыя переживанія религіознаго характера,—все это и есть тотъ близкій и чрезвычайно богатый источникъ эстетическихъ воспріятій, который долженъ быть использованъ на ряду съ другими средствами эстетическаго воспитанія.

Задача воспитанія вообще сводится къ тому, чтобы изъ ребенка, этого маленькаго звѣреныша, сдѣлать человѣка. Эстетическое воспитаніе преслѣдуетъ тѣ же цѣли, иначе оно теряетъ всякій смыслъ. Неронъ, живыми факелами освѣщающій свои сады, любующійся картиной пожара подожженнаго имъ Рима—моральный уродъ, и эстетическіе интересы не дѣлаютъ его личность цѣннѣе въ нашихъ глазахъ. Художникъ-истязатель кошекъ не внушаетъ въ насъ къ себѣ довѣрія, какъ интеллигентъ, и мы подозрительно относимся къ его эстетизму. Это не подрываетъ того принципа, что красота сама по себѣ прекрасна и самоцѣнна. Но эстетическій міръ можетъ быть использованъ неправильно, односторонне или оказаться совсѣмъ неиспользованнымъ. Красота дѣйствуетъ на душу облагораживающимъ образомъ, расширяетъ внутреннее могущество духа, независимо отъ навязываемыхъ ей отвнѣ цѣлей. Какъ выраженіе гармоніи между идеей и формой, какъ осуществленное совершенство,

она насъ непзмѣнно зоветъ къ идеальнымъ возрастаніямъ, къ совершенству. Но надо, чтобы воспитаніе было дѣйствительно таковымъ—дѣйственнымъ, —т.-е. это свойство прекраснаго должно быть оцѣнено съ точки зрѣнія руководящихъ цѣлей воспитанія, должно быть сознательно выдѣлено и использовано воспитателемъ, какъ могущественный факторъ духовнаго развитія. Даже когда мы пріучаемъ ребенка подмѣчать эстетическое въ природѣ, мы и тогда должны сумѣть заставить ребенка возможно полнѣе почувствовать красоту, чтобы онъ и въ данномъ случаѣ пережилъ своеобразное впечатлѣніе совершенства.

Тѣмъ значительнѣе, цѣннѣе, и особенно въ воспитательномъ отношеніи, проявленія красоты не въ простомъ сочетаніи цвѣтовыхъ или звуковыхъ элементовъ, а въ обнаруженіяхъ духовной человѣческой природы, когда эстетическое и этическое сливаются въ неразъединимой гармоніи. И какъ разъ всѣ истинно человѣческія переживанія превращаютъ носителя ихъ въ нѣчто большее, чѣмъ носитель—въ живого творца красоты, красоты высшаго типа. Религіозныя переживанія цѣликомъ относятся сюда же. Не только субъективно, индивидуальнымъ сознаніемъ они оцѣниваются чрезвычайно высоко, но эта сторона ихъ—самоцѣнность для человѣка—безспорно выражается и объективно, вовнѣ. Вотъ человѣкъ, погруженный въ религіозное созерцаніе, ушедшій въ таинственное переживаніе мистическихъ воспріятій, просто молящійся, Христосъ въ пустынѣ—на картинѣ Крамского. Развѣ подобная картина заключаетъ въ себѣ хотя одну іоту чего-либо отталкивающаго. Наоборотъ, не есть ли это одна изъ наиболѣе обаятельныхъ для глаза картинъ, влекущая къ себѣ всѣ наши симпатіи, совершенно независимо отъ того, можемъ ли мы сами въ настоящій моментъ переживать подобныя состоянія. Передъ нами—чистое золото и внутренно этого ни признавать мы не можемъ.

Созерцаніе молящейся толпы, видъ строгихъ, сосредоточенныхъ, переживающихъ высокія настроенія лицъ, это уже само по себѣ эстетически воспитывающее зрѣлище. И уловить въ чьемъ-либо лицѣ очаровательныя черты духовнаго горѣнія, просто однимъ разъ поймать и понять, почувствовать, какъ могутъ быть могущественны перерождающія религіозныя переживанія—одинъ такой моментъ созерцанія въ эстетико-моральномъ отношеніи стоитъ долгихъ и многихъ часовъ уроковъ, на которыхъ упражняются въ воспитываніи вкуса. Поэтъ сказалъ:

Блаженъ, кто рядомъ славныхъ дѣлъ
Свой вѣкъ украсилъ быстротечный;
Блаженъ, кто жизнію умѣлъ
Хоть разъ коснуться правды вѣчной...
(А. Толстой).

Въ возвышенныхъ переживаніяхъ, въ молитвенномъ умиленіи или религіозныхъ восторгахъ предъ нами налицо именно это касаніе правды вѣчной. Здѣсь прекрасное не въ краскахъ на полотнѣ и не въ бездушіи холоднаго мрамора—предъ нами живая, творящаяся красота, осуществляющаяся въ плоти и крови. Но ничто такъ могуче не вліяетъ на нашу психику, какъ примѣръ. И ничто, никакія слова, отвлеченныя разсужданія не могутъ вселить въ насъ высокую вѣру въ достоинство человѣческой личности, вѣру въ человѣка, безъ которой жизнь страшна, угнетающа, какъ это созерцаніе красоты человѣческаго духа, созерцаніе картинъ, въ которыхъ воспринимаемъ вершинныя точки духовнаго развитія человѣка, укрѣпляющія незыблемо за нимъ его царственное званіе.

Высшія формы эстетическаго всегда заключаютъ въ себѣ качественно высшее содержаніе, моральное ли, или религіозное. Не потому ли образы Гермеса или Аѳродиты чаруютъ людей столько вѣковъ, что эти торсы увѣнчаны божественными ликами? И если можетъ быть рѣчь о воспитаніи высшихъ, сложныхъ эстетическихъ эмоцій, нельзя уйти отъ оцѣнки ихъ качественнаго содержанія.

Но если такъ важно созерцаніе объективнаго воплощенія красоты, то еще болѣе важно непосредственно-личное переживаніе моментовъ духовнаго творчества. Каковы бы ни были по своему качественному содержанію эти переживанія, они даютъ намъ почувствовать нашу собственную самоцѣнность, наше личное духовное величіе и красоту; у насъ вырастаютъ крылья, поднимающія высоко надъ некрасивой дѣйствительностью жизненныхъ буденъ; высшія и лучшія стороны духа возбуждаются еще болѣе. И какъ послѣ сладкаго не захочешь горькаго, такъ эти переживанія вновь и вновь призываютъ насъ къ дѣятельности, къ постоянной работѣ надъ культурой этихъ переживаній, надъ все большимъ и большимъ воплощеніемъ прекраснаго въ жизни своего я. Здѣсь мы научаемся понимать себя, какъ людей, свое сверхъ-животное достоинство, открываемъ источникъ, изъ котораго почерпаемъ свою способность и свое право быть расцѣнщиками дѣйствительности, т.-е. носителями идеаловъ и созидателями идеальнаго. И высшія эстетическія цѣнности куются именно въ этомъ мірѣ идеальныхъ переживаній.

Мнѣ кажется, въ проявленіяхъ религіозной жизни мы сталкиваемся съ наиболѣе доступной

формой идеальныхъ переживаній. Дѣйствительность вообще слишкомъ засасываетъ насъ своей тягучей, осклизлой обыденщиной. Поставленные въ тѣсныя рамки условныхъ бытовыхъ формъ и житейскихъ отношеній, мы какъ-то инстинктивно механизируемъ духовную жизнь и слишкомъ рѣдко переживаемъ истинно человѣческіе восторги. Добившись извѣстнаго рода жизненныхъ удобствъ или слишкомъ захваченные суетой погони за этими удобствами, мы ихъ не культивируемъ, чаще всего иполнѣ удовлетворяясь будничными, лишь въ несобственномъ смыслѣ человѣческими переживаніями, обусловленными нормами законовъ, приличія, привитой насильно привычки. И оцѣнивая все, созданное культурой нашихъ дней для того, чтобы человѣкъ, уставшій отъ суеты, могъ уйти отъ нея и забыться, вмѣстѣ съ Демосеномъ мы могли бы сказать, что всѣ эти пріобрѣтенія „служатъ вѣку“. Даже въ лучшій театръ мы идемъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ только затѣмъ, чтобы развлечься. Наша личность лишь пассивно отдается здѣсь чарамъ прекраснаго, а для духовной гигіены такъ необходимо важно самостоятельное, активное творчество. Между тѣмъ въ храмъ по преимуществу мы идемъ молиться—за настроеніями, и тамъ сознательно ищемъ и намѣренно создаемъ подходящую обстановку для такихъ переживаній.

Все сказанное, мнѣ кажется, можно резюмировать словами Христа: „не мѣшайте дѣтямъ приходить ко Мнѣ!“ Ихъ смыслъ будетъ такой: не затворяйте отъ дѣтей дверей церковнаго храма; пусть они идутъ туда, видятъ и слышатъ все совершающееся тамъ и пусть въ переживаніяхъ опредѣленныхъ настроеній они обогащаютъ свой духъ человѣческимъ содержаніемъ. Пусть это будетъ такъ, потому что этого требуютъ интересы эстетическаго воспитанія.

Въ этой области религіозно-эстетическаго воспитанія дѣло обстоитъ крайне ненормально и часто на долю самихъ дѣтей выпадаетъ вносить поправки въ наши доктринерскія теоріи,

Когда Л. Н. Толстой говорилъ, что въ нашей церкви не осталось ничего, кромѣ „ладана, колоколовъ, парчи и словъ“, то находилось и находится слишкомъ много людей, которые ему вторятъ. Въ результатѣ дѣти часто воспитываются не только внѣ всякаго рода религіозныхъ представленій и переживаній, но имъ даже сознательно прививается ненависть ко всему, что связывается съ религіозной областью. Нечего говорить, что въ эстетическомъ смыслѣ вся область религіозно-культовой красоты въ данномъ случаѣ пропадаетъ совершенно безслѣдно. Едва ли такое положеніе дѣла нормально, и непосредственное дѣтское сознаніе часто вѣрно чувствуетъ здѣсь фальшь. Въ подтвержденіе этого приведу одинъ фактъ. Какъ единичный, онъ имѣетъ незначительную логическую цѣнность, но психологическій смыслъ его очень значителенъ. Въ одной семьѣ, настроенной фанатически-враждебно противъ всего церковно-религіознаго, въ такомъ же настроеніи воспитывались и дѣти. Кромѣ презрительно насмѣшливаго отношенія къ явленіямъ и предметамъ религіознаго характера, они ничего не могли здѣсь встрѣтить. И однажды нянька, вопреки запрещенію родителей, завела дѣтишекъ 4—5 лѣтъ въ храмъ во время службы. Пораженные невиданною картиной, дѣти съ восторгомъ разсказывали дома, что они видѣли. И вотъ что между прочимъ говорилъ одинъ ребенокъ: „мама, мама, тамъ былъ не попъ; тамъ—настоящій священникъ!“ Дѣти такъ привыкли слышать, что въ церкви комендіанничаютъ попы, а попъ—олицетвореніе всякой гнусности и обскурантизма, что для нихъ величественная картина служенія священника, помимо сознательной работы, сразу открыла и опровергла ту ложь, какой напитывало ихъ семейное воспитаніе въ вопросахъ религіи. Въ данномъ случаѣ, именно благодаря эстетической сторонѣ церковной службы, можетъ быть, впервые въ этой семьѣ было произнесено слово „священникъ“ съ его истиннымъ содержаніемъ.

Показанія взрослыхъ въ интересующемъ насъ отношеніи тоже могутъ быть очень цѣнны. Недавно мнѣ пришлось слышать разсказъ студента о своихъ впечатлѣніяхъ отъ концерта Гофмана. Онъ былъ въ восторгѣ, переживалъ чарующія настроенія; ему показалось, что онъ перенесся въ забытые родные края, что онъ—ребенокъ, что онъ стоитъ у пасхальной утрени. И вся гамма радужныхъ пасхальныхъ настроеній наполнила его душу. Передъ нами—интересное сближеніе: музыкальный міръ гофмановской игры и дѣтскія впечатлѣнія пасхальной службы; одно сплетеніе, одинъ неразрывный узелъ. Я не хочу навязывать мысли, что для ребенка богослужебный эстетизмъ равенъ гофмановской музыкѣ для взрослаго. Но извѣстный параллелизмъ самъ собой бросается въ глаза, и будетъ ли правильно игнорировать данныя подобныхъ показаній?

У Добролюбова — трезваго реалиста — есть такое стихотвореніе:

Гимновъ божественныхъ пѣніе стройное
Память минувшаго будитъ во мнѣ;
Видится мнѣ мое дѣтство спокойное
И беззаботная жизнь въ тишинѣ.
Въ ризахъ священникъ-отецъ мнѣ мерещится
Съ словомъ горячей молитвы въ устахъ.

Умъ мой невольно раздумьемъ смущается,
Душу объемлетъ таинственный страхъ.
Съ воспоминаньями, въ самозабвеніи
Дѣтскими чувствами вновь я горю...
Только ужъ губы не шепчутъ моленія,
Только рукой я креста не творю...

Нѣжной элегіей обвѣяны эти строки; онѣ сотканы изъ задушевныхъ, глубокихъ настроеній. И вмѣстѣ съ поэтомъ переживая и радость и тоску его, хочется спросить: могъ ли Добролюбовъ отречься отъ своихъ золотыхъ воспоминаній дѣтства? воспитанный въ церковной атмосферѣ священнической семьи, онъ, когда рука его не могла больше складываться для креста, могъ ли онъ пожалѣть, что имѣлъ эти впечатлѣнія въ дѣтствѣ? Думается, какъ тотъ студентъ, умилившійся передъ дѣтскими воспоминаніями пасхальной утрени, такъ и Добролюбовъ могли лишь благословлять дѣтство, которое дало имъ эти впечатлѣнія.

И жаль становится тѣхъ дѣтей, которыхъ фанатизмъ и жесткое доктриперство взрослыхъ не пускаютъ туда, гдѣ разлито столько красоты и поэзіи.

Религіозныя переживанія это—цѣнности, по которымъ тоскуетъ душа, это— благо, которое существенно принадлежитъ генію человѣчества и дѣлаетъ человѣка человѣкомъ. Субъективно, въ предѣлахъ личнаго сознанія, и болѣе—въ предѣлахъ сознанія человѣчества вообще, религія и религіозныя переживанія съ такихъ точекъ зрѣнія могутъ оцѣниваемы не ниже, чѣмъ научныя пріобрѣтенія. Но я думаю, впрочемъ, нѣтъ особенной нужды обращаться къ какой-либо философской теоріи, чтобы признать опредѣленную, напр., моральную цѣнность за религіозными переживаніями. Едва ли кто станетъ отрицать возвышенность такихъ, напр., религіозныхъ переживаній, какъ чувство благоговѣнія къ Божеству, умиленія передъ Его величіемъ, любви къ Нему, какъ виновнику всего существующаго, какъ осуществленному идеалу. Это—исключительно человѣческія переживанія. Властно захватывая его духовный міръ, они расширяютъ содержаніе его душевной дѣятельности и возвышаютъ, просвѣтляютъ его.

Любовь и свобода въ воспитаніи.

Чѣмъ заслуженно можетъ гордится предъ исторіей переживаемая нами эпоха — такъ это лихорадочной жаждой свѣжаго, здороваго воздуха въ области *воспитанія* подростающаго поколѣнія, неудержимымъ стремленіемъ сказать въ этой области „*новое слово*“. Много цѣннаго, вошедшаго уже въ жизнь, создано этимъ знаменальнымъ движеніемъ, но не меньше цѣнностей находится пока еще въ періодѣ зарожденія. Особенно интересно въ этомъ отношеніи педагогическое теченіе, идущее подъ знаменемъ „свободной школы“.

Въ Хэдли, — сообщаетъ корреспондентъ журн. „Вегет. Обозр.“, г. Л. П., — въ графствѣ Hampshire (Англія), прошлою весною открылась свободная школа для дѣтей. Основатель этой школы, Филиппъ Ойлеръ, давно стремился провести въ жизнь идею свободной школы и для этой цѣли устраивалъ въ разныхъ странахъ такъ называемыя „дѣтскія лагери“. Послѣ успѣшнаго опыта надъ такими лагерями онъ рѣшилъ открыть школу. Основная идея школы — воспитать самостоятельныхъ нравственныхъ людей. Въ сжатомъ видѣ эта идея такъ изложена въ брошюрѣ „Цѣли и идеи школы“.

„Мы не желаемъ вселять *нашихъ* мыслей и идей въ дѣтяхъ, но, придерживаясь первоначальнаго значенія слова, желаемъ „воспитывать“ и „выводить“ то, что есть *въ нихъ*. Поэтому мы даемъ имъ большую свободу и доступность тишины и одиночества, что необходимо для саморазвитія“.

„Мы стремимся сохранить ребенка въ ребенкѣ, чтобы также сохранить ребенка во взросломъ и этимъ сберечь въ немъ удивленіе, вѣру, довѣріе, простоту, энтузіазмъ, воспріимчивость.

Мы предотвращаемъ дѣтей отъ предразсудковъ класса, пола, вѣры, цвѣта, націи. Мы желаемъ воспитать всеобщую любовь, чтобы объединиться со всѣми людьми на почвѣ нужды и чувства.

Мы предпочитаемъ развитіе характера знанію фактовъ, развитіе сердца — развитію ума, самосозерцаніе — созерцанію.

Мы почти совершенно оставляемъ въ сторонѣ правила и дисциплину. Мы даемъ свободу, любовь и довѣріе, то, чего мы всѣ желаемъ.

У насъ нѣтъ ни наградъ, ни наказаній. Справедливыя дѣла сами себя награждаютъ. Болѣзнь и угрызенія совѣсти — достаточныя наказанія за неповиновеніе природѣ и совѣсти. Кромѣ того, работа, направленная на нужды жизни, любима всѣми, особенно дѣтьми, — они никогда не проявляютъ, если они здоровы, нежеланія учиться“.

„Желательно, чтобы знакомство съ природой пріобрѣталось черезъ непосредственное общеніе съ ней; поэтому мы поощряемъ спанье въ лѣсу, лагерныя и прогулочныя компаніи, солнечныя и росистыя ванны, наблюденіе восхода

солнца, насажденіе деревьевъ, выращиваніе сѣмянъ и т. д.

Когда дѣти впервые спросятъ о таинственности рожденія, мы думаемъ, что очень важно дать имъ полное и вѣрное объясненіе. Если родители не чувствуютъ себя способными взять на себя эту обязанность, мы рады взять ее на себя, пользуясь для этого радостными аналогіями изъ природы.

Мы думаемъ, что дѣти при рожденіи такъ же чисты, какъ первый снѣжокъ и что мы либо мараемъ, либо поддерживаемъ эту чистоту.

Умственныхъ наставленій мы не дѣлаемъ. Составъ руководителей состоитъ изъ равнаго числа мужчинъ и женщинъ, которые стараются *жить* согласно тому, чему они хотятъ, чтобы научились дѣти. Любовь для насъ великій учитель. Въ сущности, любовь и есть все, что мы отъ другихъ желаемъ, а опытъ, какъ мы всѣ знаемъ, несравненно болѣе полезенъ, чѣмъ какое-бы то ни было мудрое ученіе. Самое большее, что мы можемъ — это указывать (и это мы должны дѣлать) дѣтямъ путь, но шествіе само пусть будетъ ихъ предпріятіемъ.

Религія для насъ однозначна съ жизнью. Не существуетъ опредѣленнаго времени для молитвы и не исповѣдуется никакая вѣра. Мы стоимъ, гдѣ всѣ вѣры сходятся — на истинѣ. Устраиваются чтенія изъ книгъ священнаго писанія и изъ разныхъ авторовъ, сочиненія которыхъ даютъ радость и ведутъ человѣчество къ совершенству, ибо такія сочиненія тоже священное писаніе.

Инструменты, игрушки и т. п. доставляются. Дѣти могутъ приносить съ собой сырой матеріалъ и выдѣлывать что-нибудь по своимъ способностямъ. Готовыя орудія только сообразняютъ къ ломкѣ и не имѣютъ воспитательнаго значенія. Кромѣ того, дѣтей подготовляютъ съ готовностью одолжать, различіе „моего“ и „твоего“ нами не одобряется. Мы обращаемъ больше вниманіе на существованіе предмета, чѣмъ на обладаніе имъ.

Мы стремимся къ сырой вегетаріанской діэтѣ, сообразуясь съ тѣмъ, что для дѣтей, діэта которыхъ была прежде иная, потребуется нѣкоторое время, чтобы постепенно приблизиться къ этому. Мы предпочитаемъ легкую, просторную, самодѣльную одежду, чувствуя, что отъ постепеннаго пріученія себя къ простой одеждѣ пріобрѣтается здоровье. Простая одежда и сырая пища не только способствуютъ здоровью, но, упрощая жизнь, даютъ время для дѣйствительной жизни“.

Пока школа помѣщена во временномъ помѣщеніи, но проектируется построить домъ по особому плану.

„Онъ будетъ построенъ,— говорится въ той же брошюрѣ „Цѣли и идеи школы“ — исключительно изъ лѣсу, что здоровѣе, нежели изъ камня, кирпича и, въ особенности, металла; онъ будетъ длинный и узкій, обращенный къ югу, такъ чтобы ни жилая комната, ни спальня, ни мастерская не была бы обращена на сѣверъ; онъ будетъ двухъ-этажный, чтобы избѣжать опасности при пожарѣ, и будетъ имѣть длинный балконъ, во всю длину дома, чтобы кровати могли быть выдвигаемы туда для спанья; онъ будетъ на высокомъ мѣстѣ, на песчаномъ грунтѣ, съ широкимъ горизонтомъ впереди и хвойными деревьями вблизи; будетъ свой колодезь для воды для питья. Садъ будетъ заведенъ самими руководителями и дѣтьми, но земля по близости будетъ сохраняться въ дикости, чтобы можно было изучать мѣстные цвѣты и животныхъ. Никакихъ домашнихъ „любимчиковъ“ не будетъ, но доброта будетъ оказана всѣмъ живымъ тварямъ. Мы желаемъ доставить имъ ту же свободу и любовь, которую желаемъ себѣ“.

Кромѣ неразработанности и неполноты нѣкоторыхъ пунктовъ, — замѣчаетъ Л. П., — мое вниманіе было привлечено отсутствіемъ программы образованія. Подумавъ, что такое упущеніе было сдѣлано составителями брошюры намѣренно, ради краткости изложенія главныхъ основъ школы, я обратился къ мистеру Ф. Ойлеру въ числѣ другихъ вопросовъ, со слѣдующимъ: что вы преподаете? На это онъ мнѣ въ письмѣ отвѣтилъ: „Мы ничего не преподаемъ, мы совѣтуемъ, мы подаемъ примѣры, мы помогаемъ, когда дѣти нуждаются въ нашей помощи. Мы стараемся жить такъ, какъ учили Лао-Тзе, Гаутама (Будда), Христосъ и другіе великіе учителя, ибо ученія ихъ въ сущности сходны“.

Такое отсутствіе опредѣленности въ предметахъ преподаванія показалось мнѣ излишнимъ. Нѣкоторая программа занятій науками, полезными для жизни, когда для выборовъ и опредѣленія ихъ объема есть нравственное руководство, очень полезна.

Страннымъ, утопичнымъ можетъ показаться стремленіе къ такому образу жизни и воспитанія, но на самомъ дѣлѣ оно есть та простая, здоровая норма, отъ которой люди такъ настойчиво и легкомысленно стремятся отойти, въ погонѣ за призрачными чувственными благами, выразившимися въ формѣ утонченной, безнравственной цивилизаціи.

„Міръ ловилъ меня, но не поймалъ".

(Изъ біографіи Григорія Сковороды).

Недавно г. Бончъ-Бруевичъ выпустилъ первый томъ сочиненій Г. С. Сковороды, перваго русскаго философа, жившаго полтораста лѣтъ тому назадъ, мысли котораго, тѣмъ не менѣе, представляютъ выдающійся интересъ и для даннаго момента. Къ сочиненіямъ приложена біографія Сковороды, написанная современникомъ и другомъ его М. И. Ковалинскимъ. Въ первую очередь на этой интересной біографіи мы и остановимся. Но предварительно скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ осуществилось изданіе сочиненій Сковороды. Исторія эта крайне любопытна.

На помощь матеріальному осуществленію изданія сочиненій Г. С. Сковороды,— пишетъ Бончъ-Бруевичъ въ предисловіи,— подоспѣли совершенно неожиданныя обстоятельства. Въ концѣ 1909 г. ко мнѣ пришелъ, съ карточкой отъ А. А. Шахматова, просто одѣтый, по виду крестьянинъ южныхъ губерній, нѣкто В. Н. Радзиховскій. Оказалось, что съ А. А. Шахматовымъ онъ познакомился только что, и пріѣхалъ къ нему потому, что узналъ отъ Д. И. Багалѣя, что въ Петербургѣ готовится къ изданію собраніе сочиненій Г. С. Сковороды. Мы вскорѣ хорошо познакомились съ В. Н. Радзиховскимъ. Оказалось, что онъ прежде былъ машинистомъ на Владикавказской ж. д., давно задумывается надъ „вопросами вѣчности", много читалъ и читаетъ, серьезно изучая различные предметы, особенно же его интересуетъ философія. Но то что онъ читалъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, не удовлетворяетъ его. „Все чего-то не хватаетъ"— говорилъ онъ мнѣ. „Все измельчало, все стремится размѣняться на гроши, все пропитано утилитаризмомъ, матеріальной цѣлью, нигдѣ нѣтъ цѣльныхъ натуръ, ищущихъ, высокихъ умовъ, какъ Нитше, Платонъ, Сократъ, Будда, Христосъ,— все ползетъ по землѣ и пригнѣтаетъ и безъ того угнетеннаго человѣка, забиваетъ, опошляетъ его и говоритъ еще: твое счастье въ твоемъ корытѣ... А какъ же міръ? — Вѣчное твореніе? Жизнь, смыслъ жизни? Стремленіе къ разрѣшенію вопросовъ прошлаго и будущаго, вопросы вѣчности, какъ быть съ ними? Куда дѣвать ихъ? Или тоже въ корыто?.. Нѣтъ, не могу я такъ... Душа томится и жаждетъ отвѣтовъ на тысячу вопросовъ..." И онъ развивалъ свои теоріи, обнаруживая большія познанія въ различныхъ областяхъ знанія, но очевидно онъ не могъ еще охватить все накопленное имъ, вылить все свое стремленіе въ логическія построенія, облечь въ плоть и кровь свое философское міровоззрѣніе...

„Рыцари духа исчезли, ихъ нѣтъ, а безъ нихъ — не жизнь, а тоска...— пламенно говорилъ онъ мнѣ. Народъ страдаетъ и мечется не имѣя опоры въ истинныхъ учителяхъ, которымъ были бы дороги безконечныя дали, вопросы вѣчности, а не славы и гордости земной. Вотъ у насъ на Украинѣ былъ такой рыцарь духа Григорій Саввичъ Сковорода, — онъ равенъ тѣмъ — Буддѣ, Сократу, Нитше,—но онъ поверженъ, его схоронили и придавили столѣтнимъ гнетомъ. Его надо поднять, онъ долженъ встать и пойти и зашагать по Руси,— это его страна, онъ тамъ будетъ понятъ. Еще тамъ въ глубинѣ, въ почвѣ страны сохранилось рыцарство духа и живые поймутъ и полюбятъ возставшаго изъ мертвыхъ. Сковорода любитъ дикихъ, природныхъ еленей (оленей), поднимающихся все выше и выше, на высоту лучезарныхъ вершинъ, къ источникамъ кристальныхъ, чистыхъ водъ, піющихъ только отъ источника воды живой. И онъ самъ, такой же быстроногій, гордый и чистый елень, всегда подымался духомъ на вершину горъ человѣческой мысли, все дальше и выше, пища и возвеличивая истиннаго Человѣка, освобождая его отъ всякихъ земныхъ путъ, пища въ чистомъ мышленіи утѣшеніе и счастье, вѣчно стремясь къ вѣчному и безсмертному"...

Съ величайшимъ энтузіазмомъ постоянно возвращался онъ въ нашихъ бесѣдахъ къ Г. С. Сковородѣ, къ его жизни и твореніямъ, являя тѣмъ самымъ разительный примѣръ того, что идеи Г. С. Сковороды, его міросозерцаніе, живы въ народѣ, легко имъ воспринимаются.

Въ одну изъ долгихъ бесѣдъ нашихъ, уходя, какъ бы вскользь, В. Н. Радзиховскій замѣтилъ: „вотъ издать-то вамъ Сковороду будетъ дорого стоить — такъ вотъ я хотѣлъ вамъ сказать — я пришлю вамъ двѣ тысячи рублей,— у меня немножко денегъ отъ отца осталось,— тысячу вернете черезъ годъ тамъ что ли, а тысячу — я у васъ книгами заберу — мнѣ онѣ все равно потребуются"...

Такъ неожиданно и такъ трогательно пришла помощь на изданіе полнаго собранія сочиненій забытаго русскаго философа.

Радзиховскій, между прочимъ, поручилъ Бончъ-Бруевичу отъ его имени обратиться къ читателямъ Сковороды съ слѣдующею просьбою:

„Разсматривая науки съ точки зрѣнія самопознанія въ связи съ древней мудростью, пересматривая и изучая для этого современную и древнюю мысль человѣчества, выразившуюся въ твореніяхъ его учителей и въ памятникахъ народнаго творчества,— я желалъ бы имѣть

обмѣнъ мыслей какъ съ читателями Г. С. Сковороды, такъ и съ тѣми, кто задумывается надъ вопросами вѣчности, кто любитъ философію и ищетъ разрѣшенія ея вопросовъ. Я хотѣлъ бы съ такими людьми войти въ общеніе или лично, или письменно, или даже при посредствѣ литературы, т.-е. тѣхъ трудовъ и работъ, которые имѣютъ эти люди. О моемъ адресѣ можно узнать у В. Д. Бончъ-Бруевича".

„Поставленный между вѣчностью и временемъ, свѣтомъ и тьмою, истиною и ложью, добромъ и зломъ, имѣющій преимущественное право избирать истинное, доброе, совершенное и приводящій то въ исполненіе на самомъ дѣлѣ, во всякомъ мѣстѣ, бытіи, состояніи, званіи, степени есть мудрый, есть праведный. Таковъ есть мужъ, о которомъ здѣсь предлежитъ слово".

Такъ начинаетъ М. И. Ковалинскій біографію Сковороды. И затѣмъ продолжаетъ:

„Григорій сынъ Савы Сковорода родился въ малой Россіи, Кіевскаго намѣстничества, Лубенской округи, въ селѣ Чернухахъ, въ 1722 г. Родители его были изъ простолюдства: отецъ казакъ, мать такого же рода. Они имѣли состояніе мѣщанское посредственно достаточное, но честностью, правдивостью, странноприимствомъ, набожествомъ, миролюбивымъ сосѣдствомъ отличались въ своемъ кругѣ.

Сей сынъ ихъ Григорій, по седьмому году отъ рожденія, примѣтенъ былъ склонностью къ Бого-чтенію, дарованіемъ къ музыкѣ, охотою къ наукамъ, и твердостью духа. Въ церьквѣ ходилъ онъ самоохотно на крилосъ, и пѣвалъ приятно.

По охотѣ его отецъ отдалъ его въ Кіевское училище, славившееся тогда науками. Григорій скоро превозшелъ сверстниковъ своихъ успѣхами и похвалами.

Тогда царствовала Императрица Елисаветъ, любительница музыки и Малороссіи. Дарованія Сковороды къ музыкѣ, и отмѣнно приятный голосъ его, подали случай быть ему выбрану ко двору въ пѣвческую музыку, куда и отправленъ былъ онъ при вступленіи на престолъ Государыни. Онъ не долго находился тамъ. Императрица скоро предприяла путешествіе въ Кіевъ, и съ нею весь кругъ двора. Сковорода прибылъ туда и при возвратномъ отбытіи двора въ С.-Петербургъ, получа увольненіе съ чиномъ придворнаго уставщика, остался въ Кіевѣ и паки началъ учиться.

Кругъ наукъ, преподаваемыхъ въ Кіевѣ, показался ему недостаточнымъ. Онъ возжелалъ видѣть чужіе краи. Скоро представился поводъ къ нему, и онъ воспользовался имъ всеохотно.

Отъ двора отправленъ былъ въ Венгрію генералъ-маіоръ Вишневскій, который, для находившейся тамъ грекороссійской церкви, хотѣлъ имѣть церковниковъ, способныхъ къ службѣ и пѣнію. Сковорода извѣстенъ знаніемъ музыки, голосомъ, желаніемъ быть въ чужихъ краяхъ, разумѣніемъ нѣкоторыхъ языковъ, представленъ былъ Вишневскому одобрительно и взятъ имъ въ покровительство.

Путешествуя съ генераломъ симъ, имѣлъ онъ случай, съ позволенія его и съ помощью его, поѣхать изъ Венгріи въ Вѣну, Офенъ, Презбургъ и прочія окольныя мѣста, гдѣ, любопытствуя по охотѣ своей, старался знакомиться наипаче съ людьми ученостью и знаніями отлично славимыми тогда. Онъ говорилъ весьма исправно и съ особливою чистотою латинскимъ и нѣмецкимъ языкомъ, довольно разумѣлъ еллинскій, почему и способствовался сими доставить себѣ знакомство и пріязнь ученыхъ, а съ ними новыя познанія, каковыхъ не имѣлъ и не могъ имѣть въ своемъ отечествѣ.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ, наполненъ ученостью, свѣдѣніями, знаніями, но съ пустымъ карманомъ, въ крайнемъ недостаткѣ всего нужнѣйшаго, проживалъ онъ у своихъ прежнихъ пріятелей и знакомыхъ. Какъ и сихъ состояніе не весьма зажиточно было, то искали они случая, какъ бы употребиться ему съ пользою его и общественною. Скоро открылось мѣсто учителя поэзіи въ Переяславлѣ, куда онъ и отправился по приглашенію тамошняго епископа.

Сковорода, имѣя основательнѣе и обширнѣе знанія въ наукахъ, нежели каковыя тогда были въ училищахъ провинціальныхъ, написалъ разсужденіе о поэзіи и руководство къ искусству оной такъ новымъ образомъ, что епископу показалось страннымъ и несообразнымъ прежнему старинному обычаю. Епископъ приказалъ перемѣнить и преподавать по тогдашнему обыкновенному образу ученія. Сковорода, увѣренъ будучи въ знаніи своемъ и точности дѣла сего, не согласился перемѣнить и оставить написанныя имъ правила для поэзіи, которыя были простѣе и вразумительнѣе для учащихся, да и совсѣмъ новое и точное понятіе давала объ окой. Епископъ требовалъ отъ него письменнаго отвѣта образомъ судебнымъ черезъ консисторію, для чего онъ не выполнилъ повелѣнія. Сковорода отвѣтствовалъ, что онъ полагается на судъ всѣхъ знатоковъ въ томъ, что разсужденіе его о поэзіи и руководство, написанное имъ, есть правильное и основанное на природѣ сего искусства. При томъ въ объясненіи прибавилъ латинскую по-

словицу: Alia res sceptrum, alia plectrum, то есть иное дѣло пастырьскій жезлъ, а иное пастушья свирѣль.

Епископъ преобратя незнаніе свое въ непослушаніе его, и самомнѣніе о учености своей въ гордость и высокоуміе его, далъ своеручное повелѣніе на докладѣ консисторіи слѣдующее: „Не живяше посреди дому моего творяй гордыню“. По сему Сковорода выгнанъ былъ изъ училища переяславскаго не съ честію. Сей былъ первый опытъ твердости духа его.

Недостатки стѣсняли его крайне, но нелюбостяжательный нравъ его поддерживалъ въ немъ веселость его. Онъ перешелъ изъ училища жить къ пріятелю своему, который зналъ цѣну достоинствъ его, но не зналъ стѣсненія нуждъ его. Сковорода не смѣлъ просить помощи, а пріятель не вздумалъ спросить его о надобности. И такъ переносилъ онъ нужды скромно, молчаливо, терпѣливо, безропотно, не имѣя тогда, какъ только двѣ худыя рубашки, одинъ камлотной кафтанъ, одни башмаки, одни черные гарусные чулки. Нужда обрабатывала въ немъ сердце полезнѣйше и насѣяла въ немъ сѣмена терпѣнія такія, которыхъ плодами угобзясь жизнь его, содѣлала его мудрымъ и щастливымъ.

Духъ его отдалялъ его отъ всякихъ привязанностей и, дѣлая его пришельцемъ, пресельникомъ, странникомъ, выдѣлывалъ въ немъ сердце гражданина всемірнаго, который, не имѣя родства, стяжаній, угла, гдѣ голову преклонити, сторицею больше вкушаетъ удовольствій природы, удовольствій простыхъ, невинныхъ, беззаботныхъ, истинныхъ, почерпаемыхъ умомъ чистымъ и духомъ, не смущеннымъ въ сокровищахъ Вѣчнаго“.

Вскорѣ Сковорода былъ приглашенъ къ богатому помѣщику Т. воспитывать его сына. Но черезъ годъ ему предложили уйти вслѣдствіе того, что онъ своего воспитанника обозвалъ какъ-то „свиною головою“. Спустя, однако, нѣкоторое время, онъ снова поселяется у старика Т., который на этотъ разъ ласково и любовно обошелся съ нимъ. Поселяясь въ деревнѣ, Сковорода „предался любомудрію, т.-е. исканію истины“.

„Часто, въ свободные часы отъ должности своей, удалялся въ поля, рощи, сады, для размышленія. Рано поутру заря спутница ему бывала въ прогулкахъ его и дубравы собесѣдники. Лѣта, дарованія душевныя, склонности природныя, нужды житейскія звали его попеременно къ принятію какого-либо состоянія жизни. Суетность и многозаботливость свѣтская представлялась ему моремъ, обуреваемымъ безпрестанно волнами житейскими и никогда пловущаго къ пристани душевнаго спокойствія не доставляющимъ. Въ монашествѣ увидѣлъ онъ мрачное гнѣздо спершихся страстей, за неимѣніемъ исхода себѣ, задушающихъ бытіе смертоносно и жалостно. Брачное состояніе, сколько ни одобрительно природою, но не пріятствовало безпечному его нраву.

Не рѣша себя ни на какое состояніе, положилъ онъ твердо на сердцѣ своемъ снабдить свою жизнь воздержаніемъ, малодовольствомъ, цѣломудріемъ, смиреніемъ, трудолюбіемъ, терпѣніемъ, благодушествомъ, простотою нравовъ, чистосердечіемъ, оставить всѣ искательства суетныя, всѣ попеченія любостяжанія, всѣ трудности излишества. Такое самоотверженіе сближало его благоуспѣшно къ любомудрію.

Сковорода началъ чувствовать вкусъ въ свободѣ отъ суетностей и пристрастій житейскихъ, въ убогомъ, но безпечальномъ состояніи, въ уединеніи, но безъ растройки съ самимъ собою. Лжемудрствующее самолюбіе, сія преукрашенная дщерь свѣтскаго разума, не могла обаять сердце его. Величественное свойство мыслящаго бытія, волю, углубилъ онъ со всѣмъ умствованіемъ ея и желаніями въ ничтожность свою и повергъ себя въ волю Творца, предавшись всецѣло жизни и любви божьей, дабы промыслъ его располагалъ имъ, яко орудіемъ своимъ, аможе хощетъ и якоже хощетъ“.

Отъ помѣщика Т. Сковорода перекочевалъ въ Харьковское училище, гдѣ, по приглашенію бѣлгородскаго епископа Іоасафа, занялъ должность учителя поэзіи. Это случилось въ 1759 г., когда Сковородѣ было 33 года.

„Отличный образъ его мыслей, ученія, жизни, скоро обратилъ къ нему вниманіе всего общества тамошняго. Онъ одѣвался пристойно, но просто; пищу имѣлъ состоящую изъ зелій, плодовъ и молочныхъ приправъ, употреблялъ оную ввечеру по захожденіи солнца; мяса и рыбы не вкушалъ не по суевѣрію, но по внутреннему своему расположенію; для сна отдѣлялъ отъ времени своего не болѣе четырехъ часовъ въ сутки; вставалъ до зари и, когда позволяла погода, всегда ходилъ пѣшкомъ за городъ прогуливаться на чистый воздухъ и въ сады; всегда веселъ, бодръ, легокъ, подвиженъ, воздержанъ, цѣломудръ, всѣмъ доволенъ, благодушествующъ, униженъ предъ всѣми, словоохотенъ, гдѣ непринужденъ говорить, изъ всего выводящій нравоученіе, почтителенъ ко всякому состоянію людей, посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, раздѣлялъ послѣднее съ неимущими, выбиралъ и любилъ друзей по сердцу ихъ, имѣлъ набожество безъ суевѣрія, ученость безъ киченія, обхожденіе безъ лести“.

Прошелъ годъ. Епископъ Іоасафъ, желая дольше удержать Сковороду при училищѣ, поручилъ игумену Гервасію уговорить его принять монашество, обѣщая довести его скоро до высокаго духовнаго сана. Выслушавъ предложеніе, Сковорода „возревновалъ по истинѣ“ и сказалъ Гервасію: „Развѣ вы хотите, чтобы и я умножилъ число фарисеевъ? Тѣло жирно, пенте сладко, одѣвайтесь мягко и монашествуйте! А Сковорода полагаетъ монашество въ жизни нестяжательной, малодовольствѣ, воздержности, въ лишеніи всего нужнаго, дабы пріобрѣсть всенужнѣйшее, въ отверженіи всѣхъ прихотей, дабы сохранить себя самаго въ цѣлости, во обузданіи самолюбія, дабы удобнѣе выполнить заповѣдь любви къ ближнему, въ исканіи славы Божіей, а не славы человѣческой“.

Изъ Харькова Сковорода переселился къ одному изъ своихъ многочисленныхъ пріятелей въ деревню Старицу въ окрестности Бѣлгорода.

„Старица было мѣсто изобильное лѣсами, водотечами, удоліями благопріятствующими глубокому уединенію. Сковорода, поселясь тамо, паче всего прилѣжалъ къ познанію себя и упражнялся въ сочиненіяхъ относительныхъ къ сему. Въ лишеніяхъ своихъ призывая въ помощь вѣру, не полагалъ оной въ наружныхъ обрядахъ однихъ; но во умерщвленіи самопроизволенія духа, то-есть побужденій отъ себялюбія происходящихъ; въ заключеніи всѣхъ желаній своихъ въ волю всеблагаго и всемогущаго Творца по всѣмъ предпріятіямъ, намѣреніямъ и дѣламъ. Онъ единственно занимался повелѣвать чувству своему и поучать сердце свое не дерзать господствовать надъ порядкомъ промысла Божія, но повиноваться оному во всей смиренности.

Нигдѣ столько не обозрѣваетъ себя человѣкъ, какъ въ уединеніи; и не напрасно сказано древнимъ мудрецомъ: уединенный долженъ быть или царь, или звѣрь. Преобороть скуку, проклятое изчадіе недовольства, занять умъ и сердце упражненіями достаточными, ублажить ихъ есть дѣло не инако, какъ мудраго, обладающаго собою, царя уединеннаго, священника Божія, понимающаго вездѣсущее и всеисполненіе Духа Господня и поклоняющагося ему духомъ.

Сковорода, провождая тамо дни свои въ бодрости духа, веселости, безпечалія, благонадежности, часто говаривалъ при посѣщающихъ его: „ѿ σχολιον! ѿ βιβλιον!“ „О свобода! О наука!“

Епископъ Іоасафъ, не теряя изъ вида Сковороды, желалъ всячески привлечь его снова въ Харьковское училище и извлечь изъ его дарованій пользу для училища. Зная, что онъ не любитъ принужденія, пригласилъ его дружески и предложилъ ему должность учителя, какую хочетъ. Сковорода охотно согласился, но съ тѣмъ, чтобы „преподавать ему классъ, ниже прежняго, синтаксическій: сверхъ того взялся обучать еллинскому языку“.

Среди учениковъ онъ выдѣлилъ одного молодого человѣка съ добрымъ сердцемъ и большими природными способностями, полюбилъ его и сдѣлалъ своимъ другомъ *).

„Сковорода, хотя возбудить мыслящую силу друга своего поучатися не въ книгахъ однихъ, но паче въ самомъ себѣ, откуда всѣ книги родятся, часто, въ собесѣдованіяхъ съ нимъ, раздѣлялъ человѣка на двое: на внутренняго и внѣшняго, называя одного вѣчнымъ, а другаго временнымъ; того небеснымъ, сего земнымъ; того духовнымъ, сего душевнымъ, онаго творческимъ, сего тварьнымъ. По сему раздѣленію, въ одномъ и томъ же человѣкѣ усматривалъ онъ два ума, двѣ воли, два закона, двѣ жизни. Перваго, по божественному роду его, именовалъ онъ Царемъ, Господемъ, Началомъ; другаго же, по земному бытію его, рабомъ, орудіемъ, подножіемъ, тварью. И какъ первому, по преимуществу его, надлежало управлять, начальствовать, господствовать,— другой же долженствовалъ повиноваться, служить, послѣдовать волѣ онаго, то въ надлежащее соблюденіе порядка сего святѣйшія природы приучалъ онъ себя во всѣхъ дѣяніяхъ жизни придерживаться тайнаго гласа внутренняго, невидимаго, и непзъясняемаго мановенія духа, которое есть гласъ воли Божіей и которое люди, чувствуя втайнѣ и послѣдуя движенію его, ублажаются, не повинуясь же побудителю сему и не памятуя онаго, окаеваются. Онъ, испытавъ на самомъ дѣлѣ святость тайнаго руководительства сего, возбуждалъ вниманіе въ другѣ своемъ и въ прочіихъ къ сему святилищу внутреннія силы Божія и часто приглашалъ прислушиваться изреченіямъ сего проницалища нетлѣннаго духа, котораго гласъ раздается въ сердцахъ непорочныхъ яко друга, въ развращенныхъ яко судіи, въ непокорныхъ яко мстителя.

Онъ говаривалъ съ сильнымъ убѣжденіемъ истинны: „посмотри на человѣка и узнай его! Кому подобенъ истинный человѣкъ, Господь сый во плоти? Подобенъ доброму и полному колосу пшеничному. Разсуди же: не стебель съ вѣтвами есть колосъ, не солома его, не полова, не наружная кожица, одѣвающая зер-

*) Этотъ молодой человѣкъ былъ самъ М. И. Ковалинскій.

но, и не тѣло зерна: но колосъ есть самая сила, образующая стебель, солому, тѣло зерна и проч., въ которой силѣ все оное заключается невидимо. Она производитъ все то въ явленіе весною, когда вся внѣшность на зернѣ согнила, дабы не причтено было плододѣйство мертвой землѣ, то-есть гніющей внѣшности, но вся бы слава отдана была невидимому Богу, тайною своею десницею вся дѣйствующему, дабы онъ единъ былъ во всемъ глава, вся же внѣшность прочая — пята. Отъ колоса поступи къ человѣку. Въ колосѣ видѣлъ ты солому, полову, кожицу: но не тамо Богъ. Гдѣ же? — Въ невидимой силѣ растительной: Господь Богъ произростилъ намъ колосъ невидимою силою. Посмотри же на тѣлесность человѣка: не тамо сила Божія! Она въ невидимости его закрылась. Подними же отъ земныя плоти мысли твои и уразумѣй человѣка въ себѣ, отъ Бога рожденна, не сотворенна, въ послѣднее житія время! Сила растительная зерна, глава тѣла всего есть тайная дѣйствительность невидимаго Бога: познай въ себѣ силу разумную, глаголъ Божій, слово вѣчное, десницу Божію, законъ, власть, царство, невидимость, образъ Отца небеснаго! Раскрой сердце твое для принятія вѣры и для обнятія того человѣка, который Отцу своему небесному вмѣсто силы его и вмѣсто десницы его есть во вѣки вѣковъ. Сіе сѣмя твое, зерно твое, есть пространнѣе небесъ и земныхъ круговъ, видимое сіе небо и земля сія въ немъ сокрываются, и тебе ли сіе сѣмя сохранить не возможетъ? Ахъ! Будь увѣренъ, что и самый нечувственный власъ главы твоея, потерявши наличность свою, въ немъ безъ всякаго вреда закроется, сохранится, ублажится! О, сѣмя благословенное, человѣкъ истинный, Божій! Вся видимость есть подножіе его. Самъ онъ въ себѣ носитъ царство, онебеся всякаго просвѣщаемаго имъ и восполня своимъ всеисполненіемъ, возсѣдъ на мѣстѣ десницы (одесную) Отца небеснаго во вѣки.

Симъ, немногимъ извѣстнымъ, правиломъ водясь, онъ принималъ на себя должности, располагалъ упражненія свои и забавы, перемѣнялъ нечаянно мѣстопребыванія, дѣлалъ знакомства, вступалъ въ приязни, принималъ въ дружбу свою и не прежде рѣшался дѣлать что-либо зависящее отъ единственнаго выбора воли его, какъ посовѣтуя со внутреннимъ духомъ, котораго онъ называлъ иногда Минервою. Ибо, какъ Минерва, по баснословію, рождена изъ мозга Юпитерова, такъ духъ нашъ происходитъ отъ Бога.

Какъ Богъ даетъ дарованія духа не въ одну мѣру, но различно, по различію отраслей всецѣлаго, то людей, вступающихъ въ состояніе жизни не по врожденной способности, называлъ Сковорода — людьми безъ Минервы. Такъ часто, видя робкаго военачальника, грабителя судью, хвастуна, богослова, роскошнаго монаха и пр., съ досадою говорилъ: вотъ люди безъ Минервы! Взглянувъ на изображеніе царствующей въ вѣкѣ его Екатерины II, находившееся у друга его въ гостинномъ покоѣ, сказалъ онъ съ движеніемъ: вотъ голова съ Минервою!

Онъ мыслилъ, что щастіе человѣка состоитъ въ томъ, чтобъ узнавъ собственную въ себѣ способность, по оной употребить себя въ жизни. Такъ многіе богословы были бы, можетъ быть, лучшими стрянчими по дѣламъ, многіе учены — разнощиками, многіе судьи — пахарями, военачальники — пастухами, монахи — цѣловальниками и проч.

Отсюда, заключалъ онъ, происходитъ, что одно и тоже самое состояніе жизни — одного ублажаетъ, а другаго окаянствуетъ; одного воинскій санъ прославляетъ, а другаго посрамляетъ; одного царскій вѣнецъ преукрашаетъ благословеніемъ, славою, безсмертіемъ, а другаго низвергаетъ во тьму кромѣшнюю съ проклятіемъ имени его; одного богословіе дѣлаетъ свѣтильникомъ міра, обладателемъ надъ сердцами, славнымъ безъ славы, почетнымъ безъ почестей, а другаго — обманщикомъ, лицемѣромъ, лжецомъ, хвастуномъ, высокомудрствующимъ; одного ученіе возвысило до небесъ, а другаго низвело до ада; одному судейство доставило имя благодѣтеля, а другому — разбойника; одному начальство въ похвалу и честь, а другому — въ хулу и поношеніе; одного монашество освѣтило, а другаго очернило и погубило вовѣки"...

„Занимаясь много другомъ своимъ, возводя умъ его выше обыкновенныхъ познаній, навѣдывался онъ искоренить въ немъ предубѣжденія. Примѣтя, что страхъ смерти и боязнь мертвыхъ обладали мучительно воображеніемъ его, предлагалъ онъ ему важныя чтенія, разрушающія сіе ужасное мнѣніе; бесѣдовалъ часто о началѣ и разснащеніи существъ каждаго въ свое основаніе, говоря, что вѣнцу подобенъ вѣкъ: начало и конецъ въ единой точкѣ заключаются. Отъ зерна колосъ въ зерно возвращается, отъ семяни въ сѣмя яблонь закрывается, земля въ путь земли идетъ и духъ къ духу. Какое, такъ разсуждалъ онъ, есть основаніе перьвоначальное тварей? — Ничто. Воля вѣчная, возжелавъ облещи совершенства свои въ явленіе видимости, изъ Ничего произвела все то, что существуетъ мысленно и тѣлесно. Сіи желанія воли вѣчной одѣлись въ мысленности, мысленности въ виды, виды въ

вещественные образы. Назначено поприще или кругъ каждому существу, по образу вѣчнаго, явить силы свои, то-есть изліяніе невидимаго во временной видимости и паки вступить въ свое начало, то-есть въ свое Ничто. Край первый и край послѣдній есть едино, и сіе едино есть Богъ. Всѣ твари, вся природа суть пріятелище, риза, орудіе: все сіе обветшаетъ, измѣнится; единъ духъ Божій, исполняющій вселенную, пребываетъ вовѣки.

Не довольствуясь бесѣдою о семъ, приглашалъ онъ друга своего въ лѣтнее время прогуливаться поздно вечеромъ за городъ и нечувствительно доводилъ его до кладбища городскаго. Тутъ, ходя въ полночь между могилъ и видимыхъ на песчаномъ мѣстѣ отъ вѣтра разрытыхъ гробовъ, разговаривалъ о безразсудной страшливости людской, возбуждаемой въ воображеніи ихъ отъ усобшихъ тѣлъ. Иногда нѣлъ тамъ что-либо приличное благодушеству; иногда же, удалясь въ близь лежащую рощу, игралъ на флейтраверѣ, оставя друга молодаго между гробовъ одного, яко бы для того, что бъ издали ему пріятнѣе было слушать музыку. Сей, непримѣтно освобождаясь отъ пустыхъ впечатлѣній, мечтательныхъ страховъ, въ спокойствіи сердечномъ внутренно возсылалъ благодареніе Промыслу Божію за ниспосланіе ему мудраго друга и наставника".

Въ 1764 году Сковорода вмѣстѣ съ другомъ своимъ отправился въ Кіевъ.

„Многіе изъ соучениковъ его бывшихъ, изъ знакомыхъ, изъ родственниковъ, будучи тогда монахами въ Печерской лаврѣ, напали на него неотступно, говоря кругомъ, полно бродить по свѣту! Пора пристать къ гавани: намъ извѣстны твои таланты, святая лавра пріметъ тя, аки мати свое чадо, ты будешъ столбъ церкви и украшеніе обители.— Ахъ, преподобные! возразилъ онъ съ горячностію: я столботворенія умножать собою не хочу, довольно и васъ столбовъ неотесанныхъ во храмѣ Божіемъ.

За симъ привѣтствіемъ старцы замолчали, а Сковорода, смотря на нихъ, продолжалъ: риза! риза! коль не многихъ ты опреподобила! Коль многихъ окаянствовала! Міръ ловитъ людей разными сѣтями, покрывая оныя богатствами, честьми, славою, друзьями, знакомствами, покровительствомъ, выгодами, утѣхами и святынею, но всѣхъ нещастнѣе сѣть послѣдняя. Блаженъ, кто святость сердца, т.-е. щастіе свое не сокрылъ въ ризу, но въ волю Господню".

Черезъ два мѣсяца Сковорода вернулся въ Харьковъ. Здѣсь губернаторомъ былъ Щербининъ, „человѣкъ не имѣвшій учебнаго воспитанія, но одаренъ природнымъ здравымъ разумомъ, любитель наукъ, талантовъ, музыки, въ которой и самъ онъ былъ весьма искусенъ и знающъ". Наслышавшись о Сковородѣ, Щербининъ призвалъ его къ себѣ.

— Честной человѣкъ! — обратился онъ къ Сковородѣ,— для чего не возмешъ ты себѣ никакого извѣстнаго состоянія?

— Милостивый государь! — отвѣтствовалъ Сковорода: — свѣтъ подобенъ театру: чтобъ представить на театрѣ игру съ успѣхомъ и похвалою, то берутъ роли по способностямъ. Дѣйствующее лицо на театрѣ не по знатности роли, но за удачность игры вообще похваляется. Я долго разсуждалъ о семъ и по многомъ испытаніи себя увидѣлъ, что не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ низкаго, простаго, безпечнаго, уединеннаго: я сію ролю выбралъ, взялъ и доволенъ.

Губернаторъ, посмотря на него съ удовольствіемъ, полюбилъ его и сказалъ предстоящимъ:

— Вотъ умной человѣкъ! Онъ прямо щастливъ; меньше было бы на свѣтѣ дурачествъ и неудовольствій, если бы люди такъ мыслили.

— Но, другъ мой! — продолжалъ Щербининъ отведя его особенно изъ круга,—можетъ быть, ты имѣешъ способности къ другимъ состояніямъ въ общежитіи полезнымъ, да привычка, мнѣніе, предувѣреніе...

— Если бы я почувствовалъ сего дня,— прервалъ рѣчь Сковорода, — что могу безъ робости рубить турковъ, то съ сего же дня привязалъ бы я гусарскую саблю и, надѣвъ киверъ, пошолъ бы служить въ войско. Трудъ при врожденной склонности есть удовольствіе. Песъ бережетъ стадо день и ночь по врожденной любви и терзаетъ волка по врожденной склонности, не смотря на то, что и самъ подвергается опасности быть растерзанъ отъ хищниковъ. Ни конь, ни свинья не здѣлаютъ сего, понеже не имѣютъ природы къ тому. Склонность, охота, удовольствіе, природа, сила Божія, Богъ есть тоже. Есть склонности, есть природы злыя и сіи суть явленіе гнѣва Божія. Человѣкъ есть орудіе, свободно и вольно подчиняющее себя дѣйствію или любви Божіей, то есть живота, или гнѣва Божія, то есть суда, добра и зла, свѣта или тьмы. Сіе напечатлѣнно ощутительно на кругообращеніи дня и ночи, лѣта и зимы, жизни и смерти, вѣчности и времени. Богъ есть Богъ живота или любви и Богъ суда или гнѣва. Всѣ твари суть грубые служебные органы свойствъ сихъ верховнаго существа: одинъ человѣкъ есть благо-

роднѣйшее орудіе его; имѣющее преимущество свободы и полную волю избранія, а потому и цѣну и отчетъ за употребленіе права сего въ себѣ держащее. Отсюда естественно происходитъ понятіе о правосудіи, милосердіи и благости во Творцѣ. А когда во Творцѣ, то и въ тваряхъ, наипаче же приближенныхъ къ нему даромъ разума. Отсюда власти, правительства, державы, семейства, общества, состоянія, отсюда родители, цари, начальники, воины, судіи, господіе, рабы; но единъ Богъ во всѣхъ и вся въ немъ.

Сковорода, держась приличія того лица, которое избралъ онъ представлять на театрѣ жизни, всегда удалялся знатныхъ особъ, великихъ обществъ и чиновныхъ знакомствъ: любилъ быть въ маломъ кругѣ непринужденнаго обращенія съ людьми откровенными; предпочиталъ чистосердечное обхожденіе паче всякихъ ласкательныхъ пріемовъ, въ собраніяхъ занималъ всегда послѣднее мѣсто, ниже всѣхъ и не охотно входилъ въ бесѣду съ незнакомыми, кромѣ простолюдиновъ.

Любимое, но не главное упражненіе его было музыка, которою онъ занимался для забавы и препровождалъ праздное время. Онъ сочинилъ духовные концерты, положа нѣкоторые псалмы на музыку, такъ же и стихи, пѣваемые во время литургіи, которыхъ музыка преисполнена гармоніи простой, но важной, проницающей, плѣняющей, умиляющей. Сверхъ церковной, онъ сочинилъ многія пѣсни въ стихахъ и самъ игралъ на скрипкѣ, флейтраверѣ, бандорѣ и гусляхъ, приятно и со вкусомъ."

Въ 1766 году Сковорода былъ приглашенъ въ харьковское училище „преподавать благородному юношеству правила благонравія", при чемъ онъ отказался отъ жалованья, „почитая, что удовольствіе, которое находитъ онъ быть въ семъ случаѣ полезнымъ по склонности своей, замѣняетъ ему всякую мзду". Вскорѣ, однако, онъ долженъ былъ оставить это мѣсто, такъ какъ преподаваемое имъ „добронравіе" не понравилось бѣлгородскому епископу.

Сковорода удалился въ глубокое уединеніе. Близъ Харькова было имѣніе помѣщиковъ Земборскихъ, покрытое угрюмымъ лѣсомъ, среди котораго находился пчельникъ съ одною хижиною. Здѣсь и поселился онъ, укрываясь отъ молвы житейской и злословій духовенства.

„Лжемудрое высокоуміе, ве въ силахъ будучи вредить ему злословіемъ, употребило другое орудіе,—клевету. Оно разглашало повсюду, что Сковорода осуждаетъ употребленіе мясъ и вина и самъ чуждается оныхъ. А какъ извѣстно, что такое ученіе есть ересь Манихейская, проклята отъ святыхъ соборовъ, то законословы и дали ему прилагательное имя Манихейскаго ученика. Сверхъ того доказывали, что онъ называетъ вредными, сами по себѣ, золото, сребро, драгоцѣнные вещи, одежды и проч. Какъ же Богъ ничего вреднаго не сотворилъ, а всѣ тѣ вещи имъ созданы, то и заключили, что онъ богохульникъ.

Притомъ, поелику Сковорода удаляется отъ людей, чуждается обществъ, бѣгаетъ состоянія въ общежитіи, скрывается въ лѣса, то и выводили естественнымъ послѣдствіемъ, что онъ не имѣетъ любви къ ближнему, а потому и называли его мизантропомъ, то есть человѣконенавистникомъ.

Сковорода, узнавши о семъ и не желая, чтобъ добрыя и простодушныя сердца соблазнились о немъ сими разглашеніями клеветы, явился въ городъ и, нашедъ въ одномъ собраніи приличный случай къ объясненію правилъ своихъ, говорилъ тако: было время и теперь бываетъ, что для внутренней моей экономіи воздерживаюсь я отъ мясъ и вина. Но потому ли лѣкарь охудшаетъ, напримѣръ, чеснокъ, когда велитъ воздержаться отъ употребленія онаго тому, у кого вредный жаръ вступилъ въ глаза? Все благосотворено отъ всещедраго Творца, но не все всѣмъ всегда бываетъ полезно. Правда, что я сѣтовалъ нѣкоторымъ, дабы они осторожно поступали съ виномъ и мясомъ, а иногда и совсѣмъ отъ того отводилъ ихъ, разсуждая горячую молодость ихъ. Но, когда отецъ младолѣтнему сыну вырываетъ изъ рукъ ножъ и не даетъ ему употребленія оружейнаго пороху, самъ, однако же, пользуясь оными,— то не ясно ли видно, что сынъ еще не можетъ владѣть правильно тѣми вещами и обращать ихъ въ пользу, ради которой онѣ изобрѣтены? Вотъ почему приняли меня за Манихейскаго ученика. Не ложно то, что всякой родъ пищи и питія есть полезенъ и добръ: но надлежитъ брать въ разсужденіе время, мѣсто, мѣру, особу. Не бѣдственно ли было бы сосущему грудь младенцу дать крѣпкой водки? Или не смѣшно ли работавшему въ потѣ лица весь день на стужѣ дровосѣку подать стаканъ молока въ подкрѣпленіе силъ его? Какъ же несправедливо почли меня за Манихея, такъ и недостойно за человѣконенавистника и ругателя даровъ Божіихъ.

Когда Богъ опредѣлилъ мнѣ въ низкомъ лицѣ быть на театрѣ свѣта сего, то должно уже мнѣ и въ нарядѣ, въ одѣяніи, въ поступкахъ и въ обращеніи со степенными, сановными, знаменитыми и почтенными людьми наблюдать благопристойность, уваженіе и всегда помнить мою ничтожность передъ ними. Сіе самъ я стараясь сохранить, и прочимъ совѣ-

товалъ дѣлать такожде, отчего и позналъ я во оклеветаніе. Оглагольники мои, если бы приписывали мнѣ обыкновенныя слабости или пороки, то сносно было бы мнѣ; но сіи языковредные, представляя меня развращающимъ нравы, дѣлаютъ меня еще душегубителемъ, то есть еретикомъ, и подъ симъ видомъ запрещаютъ, отговариваютъ, отсовѣтываютъ вступать со мною въ знакомство, въ бесѣду, въ обращеніе. Я говаривалъ молодымъ людямъ совѣтовать съ своею природою, чтобы они на позорищѣ жизни могли сохранить благопристойность, приличную искуснымъ дѣйствующимъ лицамъ: а если кто взялъ ролю, не совсѣмъ сродную ему, то старался бы какъ можно удачнѣе оную представить, и поступать безъ соблазновъ, дабы хотя нѣсколько жалобы между людьми и роптанія предъ Богомъ на состоянія свои уменьшались.

Слушавшіе тутъ другъ на друга взглядывали и никто ни слова не сказалъ ему на сіе. Сковорода, поклонясь всѣмъ, отправился тогда же въ уединеніе.

Въ Изюмскомъ округѣ, Харьковской губерніи, имѣли жительство дворяне Сошальскіе, которыхъ братъ меньшій просилъ тутъ же Сковороду пожить у него, предлагая ему спокойное пребываніе въ деревнѣ его, гдѣ все по вкусу и охотѣ своей онъ могъ найти, какъ и самого хозяина, пищущаго любви его. Сковорода поѣхалъ съ нимъ въ деревню его Гусинку, полюбилъ мѣсто и хозяевъ и поселился не въ далекомъ разстояніи отъ деревни, въ пасѣкѣ ихъ. Тишина, безмятежіе, свобода возбудили въ немъ всѣ чувствія тѣхъ драгоцѣнныхъ удовольствій, которыя опытомъ извѣстны однимъ мудрымъ и цѣломудрымъ. Многи глаголютъ: (такъ писалъ онъ къ другу своему) что дѣлаетъ въ жизни Сковорода? Чѣмъ забавляется? Азъ же во Господѣ возрадуюся, возвеселюся о Бозѣ Спасѣ моемъ! Радованіе есть цвѣтъ человѣческой жизни,— продолжалъ онъ,— оно есть главная точка всѣхъ подвиговъ; всѣ дѣла косяждо жизни сюда текутъ. Суть нѣкіе, аки безъ главной точки живущіе безъ цѣли, безъ пристани пловущіе. Но о развращенныхъ я не говорю: свое всякому радованіе мило. Азъ же поглумлюся, позабавлюся въ заповѣдехъ Вѣчнаго. Все исходитъ въ скуку и омерзѣніе кромѣ сея забавы, и пути ея, пути вѣчны...

Въ 1770 году Сковорода, согласясь съ Сошальскимъ, поѣхали въ Кіевъ. Родственникъ его, Іустинъ, былъ начальникомъ Китаевской пустыни, что подлѣ Кіева. Сковорода поселился у него въ монастырѣ и три мѣсяца провелъ тутъ съ удовольствіемъ. Но вдругъ примѣтилъ въ себѣ внутреннее движеніе духа непонятное, побуждающее его ѣхать изъ Кіева: слѣдуя сему, по своему обыкновенію, проситъ онъ Іустина, чтобъ отпустилъ его въ Харьковъ. Сей уговариваетъ его остаться. Григорій непреклонно настоитъ отправить его. Іустинъ заклинаетъ всею святынею не оставлять его. Сей, видя не расположеніе Іустина къ отпуску его, пошолъ въ Кіевъ къ пріятелямъ попросить, чтобъ отправили его въ Украйну. Тѣ удерживаютъ его, онъ отговаривается, что ему духъ настоятельно велитъ удалиться изъ Кіева. Между симъ пошелъ онъ на Подолъ, нижній городъ въ Кіевѣ. Пришедъ на гору, откуда сходятъ на Подолъ, вдругъ остановясь, почувствовалъ онъ обоняніемъ такой сильный запахъ мертвыхъ труповъ, что перенесть не могъ и тотчасъ поворотился домой. Духъ убѣдительнѣе погналъ его изъ города, и онъ съ неудовольствіемъ отца Іустина, по съ благоволѣніемъ духа отправился въ путь на другой же день.

Пріѣхавъ черезъ двѣ недѣли въ Ахтырку городъ, остановился онъ въ монастырѣ у пріятеля своего архимандрита Венедикта. Прекрасное мѣстоположеніе и пріязнь добродушнаго монаха сего успокоили его. Тутъ вдругъ получили извѣстіе, что въ Кіевѣ оказалась моровая язва, о которой въ бытность его и не слышно было, и что городъ запертъ уже.

Сердце его дотолѣ почитало Бога, аки рабъ; оттолѣ возлюбило его, аки другъ. И о семъ онъ разсказывалъ другу своему тако: имѣя разженныя мысли и чувствія души моей благоговѣніемъ и благодарностію къ Богу, вставъ рано, пошелъ я въ садъ прогуляться. Первое ощущеніе, которое осязалъ я сердцемъ моимъ, была нѣкая развязанность, свобода, бодрость, надежда съ исполненіемъ. Введя въ сіе расположеніе духа всю волю и всѣ желанія мои, почувствовалъ я внутрь себя чрезвычайное движеніе, которое преисполняло меня силы непонятной. Мгновенно изліяніе нѣкое сладчайшее наполнило душу мою, отъ котораго вся внутренняя моя возгорѣлась огнемъ, и, казалось, что въ жилахъ моихъ пламенное теченіе кругообращалось. Я началъ не ходить, но бѣгать, аки бы носимъ нѣкімъ восхищеніемъ, не чувствуя въ себѣ ни рукъ, ни ногъ, но будто бы весь я состоялъ изъ огненнаго состава, носимаго въ пространствѣ кругобытія. Весь міръ исчезъ предо мною; одно чувствіе любви, благонадежности, спокойствія, вѣчности оживляло существованіе мое. Слезы полились изъ очей моихъ ручьями и растлили нѣкую умиленную гармонію во весь составъ мой. Я приникъ въ себя, ощутилъ аки сыновнее любви увѣреніе, и съ того часа посвятилъ себя на сыновнее повиновеніе духу Божію.

По прошествіи двадцати четырехъ лѣтъ пересказывалъ онъ сіе другу своему съ особеннымъ чувствованіемъ, давая знать, коль близъ насъ есть Богъ, колико промышляетъ о насъ, хранитъ насъ, якоже кокошъ птенцы своя подъ крылѣ своя собравъ, аще мы точіо не удаляемся отъ него во мрачныя желанія воли нашей растлѣнной!

Поживя нѣсколько у отца Венедикта, отправился онъ паки въ Гусинку къ Сошальскимъ, гдѣ и занялся упражненіями сочиненій.

И добрая и худая слава распространилась о немъ по всей Украйнѣ, Малороссіи и далѣе. Многіе хулили его, нѣкоторые хвалили, всѣ хотѣли видѣть его, можетъ быть, за одну странность и необыкновенный образъ жизни его, не многіе же знали его таковымъ, каковъ онъ въ самой точности былъ внутренно.

По разнымъ обстоятельствамъ живалъ онъ у многихъ; иногда мѣсто-положеніе по вкусу его, иногда же люди по Минервѣ его привлекали его проживать нѣкоторое время; непремѣннаго же жилища не имѣлъ онъ нигдѣ, почитая себя пришельцемъ на земли во всемъ разумѣ слова сего.

Харьковъ любилъ онъ и часто посѣщалъ его. Новый тамошній начальникъ, услыша объ немъ, желалъ видѣть его. Сковорода пришолъ къ нему по приглашенію его. Губернаторъ, увидя его въ первой разъ и посмотря на него пристально, спросилъ его: г. Сковорода! о чемъ учитъ Библія? — О человѣческомъ сердцѣ,— отвѣтствовалъ онъ;— поваренныя ваши книги учатъ, какъ удовольствовать желудокъ; псовыя,— какъ звѣрей давить; модныя,— какъ наряжаться; Библія учитъ, какъ облагородствовать человѣческое сердце.

Нѣкто изъ ученыхъ спросилъ его тутъ же: что есть философія?— Главная цѣль жизни человѣческой,— отвѣчалъ Сковорода;—глава дѣлъ человѣческихъ есть духъ его, мысли, сердце. Всякъ имѣетъ цѣль въ жизни; но не всякъ главную цѣль, то есть не всякъ занимается главою жизни. Иной занимается чревомъ жизни, то есть всѣ дѣла свои направляетъ, чтобы дать жизнь чреву; иной очамъ, иной волосамъ, иной ногамъ и другимъ членамъ тѣла; иной же одеждамъ и прочімъ бездушнымъ вещамъ; философія, или любомудріе, устремляетъ весь кругъ дѣлъ своихъ на тотъ конецъ, чтобъ дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, свѣтлость мыслямъ, яко главѣ всего. Когда духъ въ человѣкѣ веселъ, мысли спокойны, сердце мирно,— то все свѣтло, щастливо, блаженно. Сіе есть философія.

Любомудріе, поселясь въ сердцѣ Сковороды, доставляло ему благосостояніе, возможное земнородному. Свободенъ отъ узъ всякаго принужденія, суетности, искательствъ, попеченій, находилъ онъ всѣ свои желанія исполненными въ ничтожествѣ оныхъ. Занимаясь о сокращеніи нуждъ естественныхъ, а не о распространеніи, вкушалъ онъ удовольствій несравненныхъ ни съ какими щастливцами.

Когда солнце, возжегши многочисленныя свѣщи на смарагдотканной плащаницѣ, предлагало щедрою рукою чувствамъ его трапезу, тогда онъ, принимая чашу забавъ нерастворенныхъ никакими печальми житейскими, никакими воздыханіями страстными, никакими разсѣянностями суетными, и вкушая радованія высокимъ умомъ, въ полномъ упокоеніи благодушества говаривалъ: благодареніе всеблаженному Богу, что нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ!

Когда усталость въ размышленіяхъ заставляла его перемѣнить упражненія свои, тогда онъ приходилъ къ престарѣлому пчелинцу, недалеко жительствовавшему въ пчельникѣ, бралъ съ собою въ сотоварищество любимаго пса своего, и трое составя общество, раздѣляли между собою вечерю.

Ночь была ему мѣстомъ успокоенія отъ напряженій мысленныхъ, нечувствительно изнуряющихъ силы тѣлесныя; а легкій и тихій сонъ для воображенія его былъ зрѣлищемъ позорищъ, гармоніею природы представляемыхъ.

Полунощное время имѣлъ онъ обычай всегда посвящать на молитву, которая въ тишинѣ глубокаго молчанія чувствъ и природы сопровождалась богомысліемъ. Тогда онъ, собравъ всѣ чувствія и помышленія въ одинъ кругъ внутрь себя и обозрѣвъ окомъ суда мрачное жилище своего перстнаго человѣка, такъ воззывалъ оныя къ началу Божію: возстаните лѣнивіи и всегда низу поникшія ума моего помыслы! Возвыситеся на гору вѣчности! Тутъ мгновенно брань открывалась и сердце его дѣлалось полемъ рати: само-любіе вооружалось съ міродержителемъ вѣка, свѣтскимъ разумомъ, собственными бренности человѣческой слабостьми и всѣми тварями, нападало сильнѣйше на волю его, дабы плѣнить ея, возсѣсть на престолѣ свободы ея и быть подобнымъ Вышнему. Богомысліе вопреки приглашало волю его къ вѣчному, единому, истинному благу его, вездѣсущему, вся исполняющему, и заставляло его облещись во вся оружія Божія, дабы возмощи ему стати противу кознемъ лже - мудрія. Какое бореніе! Колико подвиговъ! Возшумѣша и смятошася: надлежало бодрствовать, стоять, мужаться. Небо и адъ борются въ сердцѣ мудраго, и можетъ ли онъ быть празденъ, безъ дѣла, безъ подвига, безъ пользы человѣчеству?

Тако за полунощные часы провождалъ онъ въ брашномъ ополченіи противу силъ мрачнаго міра.

Возсіявающее утро облекало его въ свѣтъ побѣды и въ торжествѣ духа выходилъ онъ въ поле раздѣлять славословіе свое со всею природою.

Сей былъ образъ жизни его! Не орю убо, ни сѣю, не куплю дѣю, ни воинствую, такъ писать онъ къ другу своему изъ пустыни; отвергаю же всякую житейскую печаль. Что убо дѣю? Се что, всегда благословяще Господа, поемъ воскресеніе его. Учуся, другъ мой, благодарности: се мое дѣло! Учуся быть довольнымъ о всемъ томъ, что отъ промысла Божія въ жизни мнѣ дано. Неблагодарная воля, есть ключъ адскихъ мученій; благодарное же сердце есть рай сладостей. Ахъ, другъ мой! поучайся въ благодарности, сидяй въ дому, идяй путемъ, засыпая и просыпаясь; пріемли и обращай все во благо; доволенъ сущими: о всемъ приключающемся тебѣ не воздавай безумія Богу; всегда радующеся, о всемъ благодаряще, молися."

Семидесяти двухъ лѣтнимъ старикомъ Сковорода, не видавшій своего друга девятнадцать лѣтъ, пріѣхалъ къ нему въ село Хотетово, Орловской губ.

„Бодрость духа, веселость нрава, мудрая бесѣда, сердце свободное отъ всякаго рабства свѣту, суетности, пристрастіямъ, торжество благодушія, утвержденное на семидесятилѣтнихъ столбахъ жизни возбудили въ другѣ его усыпленныя силы разума, восперили чувствія его, возвысили желанія, устроили волю къ волѣ Вседержителя.

Сковорода привезъ къ нему сочиненія свои, изъ которыхъ многія приписалъ ему; читывалъ оныя самъ съ нимъ ежеденно и между чтеніемъ занималъ его разсужденіями, правилами, понятіями, каковыхъ ожидать должно отъ человѣка, искавшаго истины во всю жизнь не умствованіемъ, но дѣломъ, и возлюбившаго добродѣтель ради собственной красоты ея.

Рѣчь доходила тутъ до разныхъ толковъ или сектъ. Всякая секта, говорилъ онъ, пахнетъ собственностью, а гдѣ собственно-мудріе, тутъ нѣтъ главной цѣли или главной мудрости.

Я не знаю мартынистовъ, — продолжалъ онъ,— ни разума, ни ученія ихъ; ежели они особничествуютъ въ правилахъ и обрядахъ, что бы казаться мудрыми, то я не хочу знать ихъ; если же они мудрствуютъ въ простотѣ сердца, чтобъ быть полезными гражданами обществу, то я почитаю ихъ; но ради сего нѣ для чего бы имъ особничествовать. Любовь къ ближнему не имѣетъ никакой секты: на ней весь законъ и пророки висятъ. Законъ природы, яко само-нужнѣйшій для блага человѣческаго, есть всеобщій и напечатлѣнъ на сердцѣ каждаго, данъ всякому существу, даже послѣдней песчинкѣ. Благодареніе всеблаженному Богу, что трудное сдѣлалъ не нужнымъ, а нужное не труднымъ!

Искапіе философскаго камня, или превращеніе всѣхъ вещей въ золото и содѣланіе состава изъ онаго, да бы продлить человѣческую жизнь до нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, есть остатокъ египетскаго плотолюбія, которое, не могши продлить жизни тѣлесной, при всѣхъ мудрованіяхъ своихъ, нашло способъ продолжать существованіе труповъ человѣческихъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ мумій. Сія секта, говорилъ онъ, мѣряя жизнь аршиномъ лѣтъ, а не дѣлъ, не сообразна тѣмъ правиламъ мудраго, о которомъ пишется: поживе вмалѣ, исполни лѣта долга.

Другъ его доводилъ бесѣду до исторіи св. писанія. Многіе, сказалъ Сковорода, не разумѣя меня или не хотя разумѣть, клевещутъ, яко бы я отвергаю исторію ветхаго и новаго завѣта, потому что признаю и исповѣдаю въ оной духовной разумъ, чувствую богописанный законъ и усматриваю Сущаго сквозь буквальный смыслъ. Я пополняю самъ исторію, а не разоряю: ибо, какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и с. писаніе безъ вѣры; вѣра же есть невидимыхъ извѣщеніе. Когда я хвалю доблесть воина, неустрашимость, мужество, храбрость его, то самъ не уничтожаю нарядовъ его, ни оружія его. Нарядъ, убранство, оружіе воина есть исторія, а разумъ и слава сей исторіи есть духъ воина, дѣло его. Когда я, смотря на прекрасный храмъ произношу похвалами симметрію, пропорцію, великолѣпіе, то, относя сіе къ искусству здателя, къ красотѣ цѣлаго, отвергаю ли, исключаю ли кирпичъ, извѣсть, желѣзо, песокъ, воду, каменщиковъ, ваятелей и проч., какъ будто бы ничего того не бывало? Я удивляюсь разуму храма, но тѣмъ не отмещу наружности онаго.

Читая св. писаніе въ намѣреніи научиться въ немъ богопочитанію, богобоязливости, любви ближняго, повиновенію начальству, покорности ко властемъ придлежащимъ, усовершенію сердца во всѣхъ отношеніяхъ его, когда я найду, на примѣръ, исторію, что Ааронъ первосвященникъ золотого тельца жидовскаго, здѣланнаго ими въ небытность его и поклоняемаго отъ нихъ, бросилъ въ огонь и растопилъ, то я не останавливаюсь тутъ на химической работѣ, помня всегда, что Библія не есть наука химіи, но книга священная, поучающая святости нравовъ человѣка, способнаго внимать ученію ея. Я научаюсь отъ сея исторіи, что сердце чело-

вѣческое не можетъ быть безъ упражненія и что, когда удаляется отъ онаго мысль священная, понятіе истины, духъ разума, то оное мгновенно повергается въ занятія подлыя, неприличныя высокому роду его, и чтитъ, величаетъ, боготворитъ презрѣнное, ничтожное, суетное. Сей разумъ исторіи назидаетъ меня много больше и споспѣшествуетъ внутреннему моему усовершенствованію, нежели, какъ если бы я, узнавши, какъ золото передѣлывать мгновенно изъ всего и все претворять въ оное, занялся хотѣніемъ или упражненіемъ богатитися или химичествовать.

Я вѣрю и знаю, что все то, что существуетъ въ великомъ мірѣ, существуетъ и въ маломъ, и что возможно въ маломъ мірѣ, то возможно и въ великомъ, по соотвѣтствію оныхъ и по единству все исполненіе исполняющаго духа. Но для сего не добиваюсь я знать, какъ и когда раздѣлилъ Моисей море жезломъ въ великомъ семъ мірѣ, въ исторіи я поучаюсь, какъ бы мнѣ въ маломъ моемъ мірѣ въ сердцѣ, раздѣлить смѣсь склонностей, природы непорочныя и растлѣнныя, и провести волю мою непотопленно по пути житейскиго бытія, да бы доставить себѣ во свое время свободу мыслей, то есть веселіе духа или такъ называемое щастіе въ жизни.

Не туда ли воззываютъ насъ оныя слова, часто провозглашаемыя въ храмахъ нашихъ: премудрость прости? Что бо есть простое, аще не духъ? Что сложное, что смѣсь, составъ, сотканіе, аще не плоть, исторія, обрядъ, наружность? Сими словами высокими побуждаемся къ возвышенію мыслей нашихъ выше видимаго обряда служенія, выше буквальнаго смысла, выше историческаго богопочитанія. Распространи разумѣніе словъ сихъ по всему кругу вселенной, по всему лицу бытія твоего, и увидишь невидимаго, силу божію, духъ господень, воскресеніе. Что бо есть воскресеніе, аще не простота, очищенная отъ тлѣннаго состава, отъ множественности, отъ раздѣлимостей?

Иногда разговоръ его съ другомъ касался смерти. Страхъ смерти, говорилъ онъ, нападаетъ на человѣка всего сильнѣе въ старости его. Потребно благовременно заготовить себя вооруженіемъ противу врага сего, не умствованіями,— онѣ суть не дѣйствительны, но мирнымъ расположеніемъ воли своей къ волѣ Творца. Такой душевной міръ пріуготовляется издали, тихо втайнѣ сердца растетъ и усиливается чувствіемъ сдѣланнаго добра, по способностямъ и отношеніямъ бытія нашего, къ кругу занимаемому нами. Сіе чувствіе есть вѣнецъ жизни и дверь безсмертія.

Имѣлъ ли ты когда, продолжалъ онъ, пріятныя или страшныя сновидѣнія? Чувствованія сихъ мечтетельныхъ удовольствій или страха не продолжались ли только до проснутія твоего? Со сномъ все кончилось. Проснутіе уничтожало всѣ радости и страхи сонной грезы. Тако всякъ человѣкъ по смерти. Жизнь временная есть сонъ мыслящей силы нашей. Въ продолженіи сна сего радости и печали, надежды и страхи касаются въ мечтаніи чувствія нашего. Прійдетъ часъ, сонъ кончится, мыслящая сила пробудится и всѣ временныя радости, удовольствія, печали и страхи временности сей исчезнутъ. Въ иной кругъ бытія поступитъ духъ нашъ, и все временное, яко соніе возстающаго, уничтожится. Жена, егда родитъ, младенецъ вступаетъ въ новый порядокъ вещей, новое поприще бытія, новую связь существъ, вмѣсто той, въ каковой находился онъ въ бытность свою во чревѣ матернемъ. И какое тутъ различіе? Чрево матери и великій міръ сей! По вступленіи младенца изъ того въ сей, все предшедшее, тѣснота, мракъ, нечистоты отрѣшаются отъ бытія его и уничтожаются.

Знаю, что многихъ умы ищутъ равновѣсія въ награжденіяхъ и наказаніяхъ, полагая на свои вѣсы, мѣру и число дѣла человѣческія и судъ Божій. Другъ мой! Величайшее наказаніе за зло есть здѣлать зло, какъ и величайшее воздаяніе за добро есть дѣлать добро. Любовь добродѣтели подобна свѣту огня. Зажги огнь, тотчасъ свѣтъ осіяетъ глаза твои; возлюби, возчувствуй охоту къ добродѣтели, тотчасъ сердце твое освѣтится веселіемъ. Исполни, произведи въ дѣло добродѣтели любовь, то корень сердца твоего напоишъ тукомъ блаженства. И какихъ благословенныхъ плодовъ можешъ ожидать отъ сего! Любовь къ порокамъ подобна потушенному огню: погасн огнь, тотчасъ тьма покрыла очи твои; не знаешь куда идешь, нѣтъ тебѣ различія вещей; міръ не существуетъ для тебя лучшею и величайшею частію: се наказаніе уже постигло тебя съ самымъ дѣйствомъ. Да не соблазняютъ тебя казистыя удовольствія развратныхъ! Заглянь внутрь ихъ, тутъ огнь мученій не угасаетъ. Если Богъ вездѣ, то можетъ ли беззаконникъ быть безъ него?— Нѣтъ! Ахъ нѣтъ! Богъ есть въ немъ, судія его, мститель, терніе его, огнь и жупелъ, духъ буренъ, часть чаши ихъ. Духъ и вѣчность есть тоже. Посему разумѣй животъ вѣчный и муку вѣчную"...

Старость, осеннее время, безпрерывная мокрая погода умножили разстройку въ здоровьѣ его, усилили кашель и разслабленіе. Онъ, проживя у друга своего около трехъ недѣль, просилъ отпустить его въ любимую имъ Украйну,

гдѣ онъ жилъ до того и желалъ умереть. Другъ упрашивалъ остаться у него, зиму провести и вѣкъ свой кончить со временемъ у него въ домѣ. Но онъ сказалъ, что духъ его велитъ ему ѣхать, и другъ отправилъ его немедлѣнно.

Напутствуя его всѣмъ потребнымъ, давъ ему полную волю, по праву его, выбрать, какъ хочетъ онъ, куда, съ кѣмъ, въ чѣмъ ѣхать ему, представилъ ему для дороги, въ случаѣ надобности, нужный запасъ, говоря:

— Возьмите сіе; можетъ быть въ пути болѣзнь усилится и заставитъ гдѣ остановиться, то нужно будетъ заплатить...

— Ахъ, другъ мой!—сказалъ онъ:—не уже ли я не пріобрѣлъ еще довѣрія къ Богу, что промыслъ его вѣрно печется о насъ и даетъ все потребное во благовременность?

При разставаніи, обнимая друга, сказалъ:

— Можетъ быть, больше я уже не увижу тебя! Прости! Помни всегда во всѣхъ приключеніяхъ твоихъ въ жизни то, что мы часто говорили: свѣтъ и тьма, глава и хвостъ, добро и зло, вѣчность и время. Духъ мой призналъ тебя способнѣйшимъ принять истину и любить ея".

Г. С. Сковорода скончался 29 октября 1794 года. Передъ кончиною онъ завѣщалъ предать его погребенію на возвышенномъ мѣстѣ близъ рощи и гумна и надъ могилой сдѣлать слѣдующую надпись:

„*Міръ ловилъ меня, но не поймалъ*".

Дополнительные штрихи изъ жизни Достоевскаго.

(По воспоминаніямъ современниковъ).

Богатый матеріалъ, заключающійся въ книгѣ Ч. Вѣтринскаго „Ѳ. М. Достоевскій въ воспоминаніяхъ современниковъ, письмахъ и замѣткахъ", недостаточно нами использованъ въ № 1 „Бюллетеней". Въ воспоминаніяхъ лицъ, близко знавшихъ Достоевскаго, заключается много мелкихъ чертъ, которыя мы не отмѣтили, но которыя между тѣмъ дорисовываютъ яркій образъ покойнаго писателя. Сейчасъ мы восполняемъ этотъ пробѣлъ и извлекаемъ изъ воспоминаній современниковъ наиболѣе характерные для личности Достоевскаго черты.

Изъ воспоминаній А. Савельева.

Признаюсь, ни одна изъ бесѣдъ съ молодыми людьми того времени не оставляла во мнѣ такого глубокаго впечатлѣнія и грустнаго настроенія, какъ мои бесѣды съ Достоевскимъ. Онъ говорилъ всегда тихо, медленно, съ разстановкою; казалось, это происходило вслѣдствіе физическихъ причинъ—особеннаго устройства его груди, легкихъ или дыхательныхъ органовъ (надо вспомнить его горловую болѣзнь передъ поступленіемъ въ училище, на которую указалъ въ письмахъ А. М. Достоевскій), но совсѣмъ не отъ старанія говорить риторически, изящно и убѣдительно. Самое простое воспоминаніе о своемъ дѣтствѣ, какой-нибудь не важный историческій эпизодъ имъ передавались медленно, но прекрасно, съ особеннымъ, ему свойственнымъ, воодушевленіемъ. Онъ, кажется, сознавалъ самъ, какое впечатлѣніе на слушателя производили его разсказы, и потому любилъ говорить обо всемъ съ одинаковымъ увлеченіемъ, хотя нерѣдко по словамъ его замѣтна была желчность, но, съ другой стороны, въ разсказахъ Достоевскаго заключалось столько же теплоты, сколько и правды.

Сколько помню, онъ для его товарищей казался мистикомъ или идеалистомъ. Онъ безропотно покорялся всѣмъ требованіямъ военной службы, несмотря на то, что не имѣлъ къ ней призванія; отъ природы своеобычный, но не своенравный, онъ принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ натурамъ, которыя нелегко мирятся съ идеями и поступками общества, если они бываютъ несогласны съ ихъ убѣжденіями. Такого рода личности не поддаются никакимъ давленіямъ, хотя бы это упорство имъ стоило дорого. Таковъ былъ въ юности Ѳ. М. Достоевскій, такимъ онъ оставался и въ преклонные годы, когда постепенно разрушались его силы, когда въ голосѣ его звучали уже ноты отживающаго человѣка, души прекрасной, а въ глазахъ вспыхивалъ прежній блескъ впечатлительнаго юноши, искавшаго въ людяхъ милосердія и справедливости.

Изъ воспоминаній С. Д. Яновскаго (врача).

Вотъ буквально вѣрное описаніе наружности того Оедора Михайловича, какимъ онъ былъ въ 1846 году: роста онъ былъ ниже средняго, кости имѣлъ широкія и въ особенности широкъ былъ въ плечахъ и въ груди; голову имѣлъ пропорціональную, но лобъ чрезвычайно развитой съ особенно выдававшимися лобными возвышеніями, глаза небольшіе, свѣтло-сѣрые и чрезвычайно живые, губы—тонкія и постоянно сжатыя, придававшія всему лицу выраженіе какой-то сосредоточенной доброты и ласки; волосы у него были болѣе чѣмъ свѣтлые, почти бѣловатые и чрезвычайно тонкіе и мяг-

кіе, кисти рукъ и ступни ногъ—примѣчательно большія. Одѣтъ онъ былъ чисто и можно сказать изящно; на немъ былъ прекрасно сшитый изъ превосходнаго сукна черный сюртукъ, черный казимировый жилетъ, безукоризненной бѣлизны голландское бѣлье и Циммермановскій цилиндръ: если что и нарушало гармонію всего туалета, это не совсѣмъ красивая обувь и то, что онъ держалъ себя какъ-то мѣшковато, какъ держатъ себя не воспитанники военно-учебныхъ заведеній, а окончившіе курсъ семинаристы. Легкія при самомъ тщательномъ осмотрѣ и выслушиваніи оказались совершенно здоровыми, но удары сердца были не совершенно равномѣрны, а пульсъ былъ неровный и замѣчательно сжатый, какъ бываетъ у женщинъ и у людей нервнаго темперамента.

За чаемъ мы бесѣдовали о разныхъ предметахъ, но болѣе всего о медицинѣ, о соціальныхъ вопросахъ, о вопросахъ касавшихся литературы и искусствъ и очень много о религіи.

Во всѣхъ своихъ сужденіяхъ Ѳ. М. поражалъ меня, равно какъ и другихъ въ то время нашихъ знакомыхъ, особенною вѣрностью своихъ взглядовъ, обширною, сравнительно съ нами (хотя мы были съ университетской подготовкой и люди читавшіе) начитанностью и до того глубокимъ анализомъ, что мы невольно вѣрили его доказательствамъ, какъ чему-то конкретному, осязаемому.

Изъ воспоминаній барона А. Е. Врангеля.

Снисходительность Ѳ. М. къ людямъ была какъ бы не отъ міра сего. Онъ находилъ извиненіе самымъ худымъ сторонамъ человѣка,—все объяснялъ недостаткомъ воспитанія человѣка, вліяніемъ среды, въ которой росли и живутъ, а часто даже натурою и темпераментомъ человѣка.

— Ахъ, милый другъ Александръ Егоровичъ, да такими ихъ вѣдь Богъ создалъ!—говаривалъ онъ.

Все забитое судьбою, несчастное, хворое и бѣдное находило въ немъ особое участіе. Его изъ ряда выдающаяся доброта извѣстна всѣмъ, близко знавшимъ его.

Манера его рѣчи была очень своеобразная. Вообще онъ говорилъ не громко, зачастую начиналъ чуть не шопотомъ, но чѣмъ онъ больше одушевлялся, тѣмъ голосъ его подымался звучнѣе и звучнѣе, а въ минуты особаго волненія онъ, говоря, какъ-то захлебывался и приковывалъ вниманіе своего слушателя страстностью рѣчи. Чудныя минуты пережилъ я съ нимъ! Какъ много дало мнѣ сближеніе съ такой прекрасной, богато одаренной натурой! Между нами за все время нашего совмѣстнаго житья не пробѣжала ни одна тучка, не было ни одного недоразумѣнія. Онъ былъ 10-ю годами старше меня, много опытнѣе меня. Не разъ, когда я по молодости моихъ лѣтъ и житейской неопытности приходилъ въ отчаяніе отъ окружающей меня гнусной среды, въ которой я принужденъ былъ работать, когда подчасъ, казалось, силы оставятъ меня въ борьбѣ,—Ѳ. М. всячески поддерживалъ во мнѣ энергію, подбодрялъ меня своими совѣтами и участіемъ. За многое я ему благодаренъ. На многое онъ открылъ мнѣ глаза, и особенно я чту его память за чувство гуманности, которое онъ вселилъ въ меня...

Въ нашей бесѣдѣ въ Копенгагенѣ Достоевскій высказалъ свой взглядъ на женщинъ, и далъ мнѣ поучительный совѣтъ. Затронувъ въ воспоминаніяхъ нашихъ сибирскихъ знакомыхъ, я упомянулъ о коварствѣ и легкомысліи одной сибирской дамы, и въ отвѣтъ на это отъ Ѳ. М. услышалъ слѣдующее: „Будемъ всегда глубоко благодарны за тѣ дни и часы счастья и ласки, которыя дала намъ любимая нами женщина. Не слѣдуетъ требовать отъ нея вѣчно жить и только думать о васъ; это недостойный эгоизмъ, который надо умѣть побороть“.

Изъ воспоминаній Н. Н. Страхова.

Наружность его я живо помню: онъ носилъ тогда (1859 г.) одни усы и, несмотря на огромный лобъ и прекрасные глаза, имѣлъ видъ совершенно солдатскій, т.-е. простонародныя черты лица.

Когда я вспоминаю его, то меня поражаетъ именно неистощимая подвижность его ума, неизсякающая плодовитость его души. Въ немъ какъ будто не было ничего сложившагося, такъ обильно наростали мысли и чувства, столько таилось неизвѣстнаго и непроявившагося подъ тѣмъ, что успѣло сказаться.

Съ чрезвычайною ясностью въ немъ обнаружилось особеннаго рода раздвоеніе, состоящее въ томъ, что человѣкъ предается очень живо извѣстнымъ мыслямъ и чувствамъ, но сохраняетъ въ душѣ неподдающуюся и неколеблющуюся точку, съ которой смотритъ на самого себя, на свои мысли и чувства. Онъ самъ иногда говорилъ объ этомъ свойствѣ и называлъ его рефлексіею. Слѣдствіемъ такого душевнаго строя бываетъ то, что человѣкъ сохраняетъ всегда возможность судить о томъ, что наполняетъ его душу, что различныя чувства и настроенія могутъ проходить въ душѣ, не овладѣвая ею до конца, и что изъ этого глубокаго душевнаго центра исходитъ энергія,

оживляющая и преобразующая всю дѣятельность и все содержаніе ума и творчества.

Какъ бы то ни было, Ѳ. М. всегда поражалъ меня широкостью своихъ сочувствій, умѣньемъ понимать различные и противоположные взгляды. При первомъ знакомствѣ онъ оказался величайшимъ поклонникомъ Гоголя и Пушкина и безмѣрно восхищался ими съ художественной стороны.

Ѳ. М. всегда откладывалъ свой трудъ до крайняго срока, до послѣдней возможности; онъ принимался за работу только тогда, когда оставалось уже въ обрѣзъ столько времени, сколько нужно, чтобы ее сдѣлать, дѣлая усердно. Это была лѣность, доходившая иногда до крайней степени, но не простая, а особенная, писательская лѣность, которую съ большою отчетливостью пришлось мнѣ наблюдать на Ѳ. М. Дѣло въ томъ, что въ немъ постоянно совершался внутренній трудъ, происходило нарастаніе и движеніе мыслей, и ему всегда трудно было оторваться отъ этого труда для писанія. Оставаясь, повидимому, празднымъ, онъ въ сущности работалъ неутомимо. Люди, у которыхъ эта внутренняя работа не происходитъ или очень слаба, обыкновенно скучаютъ безъ внѣшней работы и со сластью въ нее втягиваются. Ѳ. М. съ тѣмъ обиліемъ мыслей и чувствъ, которое онъ носилъ въ головѣ, никогда не скучалъ праздностью и дорожилъ ею чрезвычайно. Мысли его кипѣли: безпрестанно создавались новые образы, планы новыхъ произведеній, а старые планы росли и развивались. „Кстати,—говоритъ онъ самъ на первой страницѣ „Униженныхъ и оскорбленныхъ", гдѣ вывелъ на сцену самаго себя,—мнѣ всегда пріятнѣе было обдумывать мои сочиненія и мечтать, какъ они у меня напишутся, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ писать ихъ, и, право, это было не отъ лѣности. Отчего же?"

Попробуемъ отвѣчать за него. Писаніе было у него почти всегда перерывомъ внутренней работы, изложеніемъ того, что могло бы еще долго развиваться до полной законченности образовъ. Есть писатели, у которыхъ разстояніе между замысломъ и выполненіемъ чрезвычайно мало; мысль у нихъ является почти одновременно съ образомъ и словомъ; они могутъ дать выраженіе только вполнѣ сложившимся мыслямъ, и разъ сказавши что-нибудь, они сказать лучше не могутъ. Но большинство писателей, особенно при произведеніяхъ крупнаго объема, совершаютъ долгую и трудную работу; нѣтъ конца поправкамъ и передѣлкамъ, которыя все яснѣе и чище открываютъ возникшій въ туманѣ образъ. Ѳ. М. часто мечталъ о томъ, какія бы прекрасныя вещи онъ могъ выработать, если бы имѣлъ досугъ; впрочемъ, какъ онъ самъ разсказывалъ, лучшія страницы его сочиненій создались сразу, безъ передѣлокъ, разумѣется, вслѣдствіе уже выношенной мысли...

— Достоевскій—субъективнѣйшій изъ романистовъ, почти всегда создававшій лица по образу и подобію своему. Полной объективности онъ рѣдко достигалъ. Для меня, близко его знавшаго, субъективность его изображеній была очень ясна, и потому всегда на половину исчезало впечатлѣніе отъ произведеній, которыя на другихъ читателей дѣйствовали поразительно, какъ совершенно, объективные образы.

Часто я даже удивлялся и боялся за него, видя, что онъ описываетъ иныя темныя и болѣзненныя свои настроенія. Такъ, напр., въ „Идіотѣ" описаны приступы падучей, тогда какъ доктора предписываютъ эпилептикамъ не останавливаться на этихъ воспоминаніяхъ, которыя могутъ повести къ припадку, какъ приводитъ къ нему зрѣлище чужого припадка. Но Достоевскій не останавливается ни передъ чѣмъ, и, чтобы онъ ни изображалъ, онъ самъ твердо вѣрилъ, что возводитъ свой предметъ въ перлъ созданія, даетъ ему полную объективность. Не разъ мнѣ случалось слышать отъ него, что онъ считаетъ себя совершеннымъ реалистомъ, что тѣ преступленія, самоубійства и всякія душевныя извращенія, которыя составляютъ обыкновенную тему его романовъ, суть постоянное и обыкновенное явленіе въ дѣйствительности, и что мы только пропускаемъ ихъ безъ вниманія. Въ такомъ убѣжденіи онъ смѣло пускался рисовать мрачныя картины; никто такъ далеко не заходилъ въ изображеніи всякихъ паденій души человѣческой. И онъ достигалъ своего, т.-е. успѣвалъ давать своимъ созданіямъ настолько реальности и объективности, что читатели поражались и увлекались. Такъ много правды, психологической вѣрности и глубины было въ его картинахъ, что онѣ становились понятными даже для людей, которымъ сюжеты ихъ были совершенно чужды.

Часто мнѣ приходило въ голову, что если бы онъ самъ ясно видѣлъ, какъ сильно окрашиваетъ субъективность его картины, то это помѣшало бы ему писать; если бы онъ замѣтилъ недостатокъ своего творчества, онъ не могъ бы творить. Такимъ образомъ, извѣстная доля самообольщенія тутъ была необходима какъ почти у всякаго писателя.

Но каждый человѣкъ имѣетъ, какъ извѣстно, не только недостатки своихъ достоинствъ, но иногда и достоинства своихъ недостатковъ. Достоевскій потому такъ смѣло выводитъ на сцену жалкія и страшныя фигуры, всякаго ро-

да душевныя язвы, что умѣлъ или признавалъ за собою умѣнье произносить надъ ними высшій судъ. Онъ видѣлъ Божію искру въ самомъ падшемъ и извращенномъ человѣкѣ; онъ слѣдилъ за малѣйшею вспышкою этой искры и прозрѣвалъ черты душевной красоты въ тѣхъ явленіяхъ, къ которымъ мы привыкли относиться съ презрѣніемъ, насмѣшкою или отвращеніемъ. За проблески этой красоты, открываемые имъ подъ безобразною и отвратительною внѣшностью, онъ прощалъ людей и любилъ ихъ. Эта нѣжная и высокая гуманность можетъ быть вызвана его музою, и она-то давала ему мѣрило добра и зла, съ которымъ онъ спускался въ самыя страшныя душевныя бездны. Онъ крѣпко вѣрилъ въ себя и въ человѣка, и вотъ почему былъ такъ искрененъ, такъ легко принималъ даже свою субъективность за вполнѣ объективный реализмъ.

Какъ бы то ни было, зная его по личнымъ чувствамъ и мыслямъ, я могу свидѣтельствовать, что онъ питалъ своихъ читателей лучшею кровью своего сердца. Такъ поступаютъ призванные, настоящіе писатели, и въ этомъ заключается ихъ неотразимое дѣйствіе на читателей... Въ Достоевскомъ муза и человѣкъ сливались необыкновенно тѣсно.

Обращаюсь къ чисто личнымъ чертамъ. Никогда не было замѣтно въ немъ никакого огорченія или ожесточенія отъ перенесенныхъ имъ страданій, и никогда ни тѣни желанія играть роль страдальца. Онъ былъ безусловно чистъ отъ всякаго дурного чувства по отношенію къ власти; авторитетъ, который онъ старался поддержать и увеличить, былъ только литературный; авторитетъ же пострадавшаго человѣка никогда не выступалъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда во имя его нужно было требовать свободы мысли и слова, доказывать, что его мысли о правительствѣ никто не имѣетъ права считать потворствомъ или угодливостью. Ѳ. М. велъ себя такъ, какъ будто въ прошломъ у него ничего особеннаго не было, не выставлялъ себя ни разочарованнымъ, ни сохраняющимъ рану въ душѣ, а, напротивъ, глядѣлъ весело и бодро, когда позволяло здоровье. Помню, какъ одна дама, въ первый разъ попавшая на редакціонные вечера Михаила Михайловича (кажется, они были по воскресеньямъ), съ большимъ вниманіемъ вглядывалась въ Ѳ. М. и, наконецъ сказала: „Смотрю на васъ и, кажется, вижу на вашемъ лицѣ тѣ страданія, какія вы перенесли...“ Ему были видимо досадны эти слова. „Какія страданія!..“ воскликнулъ онъ и принялся шутить о совершенно постороннихъ предметахъ. Помню такъ же, какъ, готовясь для литературныхъ чтеній, бывшихъ тогда въ большой модѣ, онъ затруднялся, что ему выбрать. „Нужно что-нибудь новенькое, интересное“, говорилъ онъ мнѣ. „Изъ „Мертваго Дома?“ предложилъ я. „Я ужъ часто читалъ, да и не хотѣлось бы мнѣ. Мнѣ все тогда кажется, какъ будто я жалуюсь передъ публикою, все жалуюсь... Это нехорошо“.

Изъ воспоминаній Всеволода Соловьева.

Ѳ. М. работалъ ночью, засыпалъ часовъ въ семь утра и вставалъ около двухъ. Я заставалъ его обыкновенно въ это время въ его маленькомъ, мрачномъ и бѣдномъ кабинетикѣ. На моихъ глазахъ, въ эти послѣднія восемь лѣтъ, онъ перемѣнилъ нѣсколько квартиръ, и всѣ онѣ были одна мрачнѣе другой, и всегда у него была неудобная комната, въ которой негдѣ было повернуться. Онъ сидѣлъ передъ маленькимъ письменнымъ столомъ, только что умывшись и причесавшись, въ старомъ пальто, набивая свои толстыя папиросы, курилъ ихъ одна за другою, прихлебывая крѣпчайшій чай или еще болѣе крѣпкій кофе. Почти всегда я заставалъ его въ это время въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Это сейчасъ же и было видно: брови сдвинуты, глаза блестятъ, блѣдное, какъ воскъ, лицо, губы сжаты.

Въ такомъ случаѣ онъ обыкновенно начиналъ съ того, что молча и мрачно протягивалъ мнѣ руку и сейчасъ же принималъ такой видъ, какъ будто совсѣмъ даже и не замѣчаетъ моего присутствія.

Мало-по-малу онъ одушевлялся... Его живая, горячая мысль переносилась отъ одного предмета къ другому, все освѣщая своеобразнымъ, яркимъ свѣтомъ.

Онъ начиналъ мечтать вслухъ, страстно, восторженно, о будущихъ судьбахъ человѣчества, о судьбахъ Россіи.

Эти мечты бывали иногда несбыточны, его выводы парадоксальны. Но онъ говорилъ съ такимъ горячимъ убѣжденіемъ, такъ вдохновенно и въ то же время такимъ пророческимъ тономъ, что очень часто я начиналъ и самъ ощущать восторженный трепетъ, жадно слѣдилъ за его мечтами и образами, и своими вопросами, вставками подливалъ жару въ его фантазію.

Послѣ двухъ часовъ подобной бесѣды я часто выходилъ отъ него съ потрясенными нервами, въ лихорадкѣ. Это было тоже самое, что и въ тѣ годы, когда, еще не зная его, я зачитывался его романами. Это было какое-то мучительное, сладкое опьяненіе, пріемъ своего рода гашиша.

Въ одно изъ посѣщеній Ѳ. М. много говорилъ о страсти къ рулеткѣ, о всякой страсти, о любви...

— Нѣтъ, кто любитъ, тотъ не разсуждаетъ,— знаете ли, какъ любятъ! (и голосъ его дрогнулъ и онъ страстно зашепталъ): если вы любите чисто и любите въ женщинѣ чистоту ея и вдругъ убѣдитесь, что она потерянная женщина, что она развратна,—вы полюбите въ ней ея развратъ, эту гадость, вамъ омерзительную, будете любить въ ней... вотъ какая бываетъ любовь!..

Весною 1874 г. Достоевскій сидѣлъ на гауптвахтѣ въ качествѣ редактора „Гражданина". Я засталъ Ѳ. М. въ просторной и достаточно чистой комнатѣ. Онъ сидѣлъ за маленькимъ столикомъ, пилъ чай, курилъ свои папиросы, и въ рукахъ его была книга.

— Ну, вотъ и хорошо, что пришли,—ласково заговорилъ онъ,—а то вы совсѣмъ пропали въ послѣднее время. Я собирался даже писать вамъ кой о чемъ, потому что вы мнѣ что-то начинаете не нравиться. Скажите, отчего вы пропали? или на меня сердитесь?... но я думалъ, думалъ... вамъ не за что на меня сердиться.

— Да я и не думаю сердиться, дѣйствительно не за что; напротивъ, я сколько разъ къ вамъ собирался, но вотъ никакъ не могъ собраться: я нигдѣ не бываю; по цѣлымъ днямъ сижу дома.

Онъ задумался.

— Да, вотъ, я такъ и рѣшилъ, такъ оно и есть... вотъ объ этомъ мы и поговоримъ, голубчикъ.

— Видите, что я хотѣлъ вамъ сказать,— заговорилъ Достаевскій,—такъ у васъ не можетъ продолжаться; вы что-нибудь съ собою сдѣлайте... и не говорите и не разсказывайте... я все знаю, что вы мнѣ хотите сказать, я отлично понимаю ваше состояніе, я самъ пережилъ его. Это та же моя первая болѣзнь, можетъ-быть, въ нѣсколько иной формѣ, но въ сущности то же самое. Голубчикъ, послушайте меня, сдѣлайте съ собою что-нибудь, иначе можетъ плохо кончиться... Вѣдь я вамъ разсказывалъ—мнѣ тогда судьба помогла, меня спасла каторга... совсѣмъ новымъ человѣкомъ сдѣлался... И только что было рѣшено, такъ сейчасъ всѣ мои муки и кончились, еще во время слѣдствія. Когда я очутился въ крѣпости, я думалъ, что тутъ мнѣ и конецъ, думалъ, что трехъ дней не выдержу, и — вдругъ совсѣмъ успокоился. Вѣдь я тамъ что дѣлалъ?.. я писалъ „Маленькаго героя"—прочтите, развѣ въ немъ видно озлобленіе, муки? Мнѣ снились тихіе, хорошіе, добрые сны, а потомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ было лучше. О! это большое для меня было счастіе: Сибирь и каторга! Говорятъ: ужасъ, озлобленіе, о законности какого-то озлобленія говорятъ! ужаснѣйшій вздоръ! Я только тамъ и жилъ здоровой, счастливой жизнью, я тамъ себя понялъ, голубчикъ... Христа понялъ... русскаго человѣка понялъ, и почувствовалъ, что и я самъ русскій, что я одинъ изъ русскаго народа. Всѣ мои самыя лучшія мысли приходили тогда въ голову, теперь онѣ только возвращаются, да и то не такъ ясно. Ахъ если бы васъ на каторгу!

Это было сказано до такой степени горячо и серьезно, что я не могъ не засмѣяться и не обнять его...

Я знаю, въ какую тоску, въ какое почти отчаяніе приводили его иногда отсутствіе денежныхъ средствъ, забота о завтрашнемъ днѣ, о нуждахъ семьи. Онъ почти всю жизнь не выходилъ изъ денежныхъ затрудненій, никогда не могъ отдохнуть, успокоиться.

Все это тяжело отзывалось на его произведеніяхъ и почти ни однимъ изъ нихъ онъ не былъ доволенъ. Онъ работалъ всегда торопясь, часто не успѣвая даже прочитать имъ написаннаго. А между тѣмъ вѣдь онъ писалъ не легкіе разсказы. У него иногда, въ горячія, вдохновенныя минуты, выливались глубоко поэтическія сцены, страницы красоты необыкновенной, которыхъ очень много въ каждомъ его романѣ. Но этого было мало; у него бывали глубокія психологическія задачи, въ его головѣ мелькали оригинальныя и замѣчательныя рѣшенія серьезныхъ нравственныхъ вопросовъ. Тутъ минутъ горячаго вдохновенія оказывалось недостаточно, требовалась спокойная работа мысли, а обстоятельства не давали его мысли спокойно работать. Потому-то въ его романахъ такъ много неяснаго, запутаннаго, потому-то его романы, и въ особенности послѣдніе, широко задуманные, въ общемъ производятъ впечатлѣніе только богатѣйшаго матеріала для настоящихъ романовъ.

Больной, измученный, онъ уставалъ больше и больше; но уставалъ не мыслью, не чувствомъ, а просто уставалъ физически. Ему трудно становилось работать, и онъ работалъ медленно. Онъ заранѣе продавалъ свой романъ, который ожидали съ нетерпѣніемъ. Редакція то и дѣло понуждала его выслать скорѣе рукопись. Эти понужденія раздражали его, онъ волновался, спѣшилъ, посылалъ начало и потомъ, торопясь продолженіемъ, почти забывалъ это начало. По мѣрѣ развитія романа явля-

лась необходимость измѣнять то то, то другое, но исполнить этого уже не было возможности— то, что нужно было измѣнить и переработать, оказывалось уже напечатаннымъ. Такимъ образомъ являлись великолѣпные эпизоды, но въ общемъ романъ представлялъ довольно безформенное и во всякомъ случаѣ невыдержанное произведеніе.

Онъ самъ отлично сознавалъ это, и подобное сознаніе для художника являлось горькимъ мученіемъ.

Я помню одинъ случай. Говоря въ одной изъ газетъ о „Подросткѣ“, указывая на прекрасные эпизоды и многія достоинства этого романа, я все же долженъ былъ сказать и объ его недостаткахъ. Черезъ нѣсколько дней я пришелъ къ Достоевскому. Онъ встрѣтилъ меня, какъ человѣка глубоко его оскорбившаго, и между нами произошелъ настолько крупный разговоръ, что я взялъ шляпу и хотѣлъ уходить. Но онъ удержалъ меня, заперъ двери своей рабочей комнатки и началъ оправдываться, доказывать мнѣ, что я ошибался въ статьѣ моей.

Дѣло было въ старикѣ, Макарѣ Ивановичѣ, одномъ изъ самыхъ любимыхъ имъ дѣйствующихъ лицъ „Подростка“.

Онъ сталъ объяснять мнѣ Макара Ивановича. И, конечно, теперь я ужъ не могу взять на себя безпристрастнаго сужденія о „Подросткѣ“: я знаю этотъ романъ не такимъ, каковъ онъ въ печати, а такимъ, каковъ онъ былъ въ замыслѣ автора.

Достоевскій говорилъ часа два, пожалуй, еще больше, и я могъ только сожалѣть о томъ, что не было стенографа, который бы записывалъ въ точности слова его. Если бы то, что онъ говорилъ мнѣ тогда, появилось передъ судомъ читателей, то они увидѣли бы одинъ изъ высочайшихъ и поэтическихъ образовъ, когда-либо созданныхъ художникомъ.

— Такъ вотъ что такое Макаръ!—сказалъ Достоевскій, заканчивая свою горячую рѣчь и мгновенно ослабѣвая. — И неужели вы теперь не согласитесь, что вы написали совсѣмъ не то, что вы меня обидѣли, и я имѣлъ полное право на васъ сердиться?!.

Мнѣ тяжело было говорить ему, что сегодняшній Макаръ не тотъ, о которомъ я говорилъ, судя по напечатанному тексту... Я испугался того впечатлѣнія, которое произвели на него слова мои: онъ сдѣлался вдругъ такимъ страдающимъ, такимъ жалкимъ. Онъ сидѣлъ нѣсколько мгновеній неподвижно, опустивъ голову, сжавъ брови—и вдругъ поднялъ на меня глаза, въ которыхъ не было и тѣни ни недавняго раздраженія, ни недавняго восторга. Эти глаза были кротки и очень печальны.

— Голубчикъ!—сказалъ онъ, особенно задушевно выговаривая свое любимое ласкательное слово,—я знаю, что вы правы, и вы знаете что я люблю то, что вы пишите, потому что вы пишите всегда искренно: но мнѣ было такъ тяжело, что именно вы дотронулись до самого больного мѣста!.. А теперь забудьте, что я наговорилъ, и я тоже забуду... Довольно!.. довольно!..

Онъ предложилъ мнѣ вмѣстѣ пройтись; но на улицѣ былъ такъ мраченъ, молчаливъ и раздражителенъ, что мнѣ стало тяжело, и я съ нимъ простился.

...Вспоминается мнѣ еще одно изъ нашихъ свиданій. Мнѣ нужны были для статьи біографическія свѣдѣнія о Ѳедорѣ Михайловичѣ, и я обратился къ нему за ними. Онъ охотно вызвался сообщить мнѣ все, что о себѣ помнилъ. Началъ, ограничиваясь перечнемъ чиселъ и фактовъ, но скоро, по своему обыкновенію, увлекся, сталъ разсказывать.

— Эхъ, жаль, что вы не можете помѣстить въ статью свою очень много интереснаго изъ моей жизни, но все же запомните, можетъ-быть, потомъ кому-нибудь и скажете. Вы думаете, у меня есть друзья? Когда-нибудь были? Да, въ юности, до Сибири, пожалуй, что были друзья настоящіе, а потомъ, кромѣ самаго малаго числа людей, которые, можетъ-быть, нѣсколько и расположены ко мнѣ, никогда друзей у меня не было. Мнѣ это доказано, слишкомъ доказано! Слушайте, когда я вернулся въ Петербургъ, послѣ стольнихъ-то лѣтъ, меня многіе изъ прежнихъ пріятелей и узнать не захотѣли, и потомъ всегда, всю жизнь друзья появлялись ко мнѣ вмѣстѣ съ успѣхомъ. Уходилъ успѣхъ—и тотчасъ же и друзья уходили. Смѣшно это, конечно, старо, извѣстно всѣмъ и каждому, а между тѣмъ всякій разъ больно, мучительно... Я узнавалъ о степени успѣха новой моей работы по количеству навѣщавшихъ меня друзей, по степени ихъ вниманія, по числу ихъ визитовъ. Расчетъ никогда не обманывалъ. О, у людей чутье, тонкое чутье! Помню я, какъ всѣ кинулись ко мнѣ послѣ успѣха „Преступленія и наказанія“: кто годами не бывалъ—вдругъ явились, такіе ласковые... а потомъ и опять всѣ схлынули, два-три человѣка осталось. Да, два-три человѣка!...

— А друзья были такъ нужны, жилось тяжело, кредиторы за горло хватали, тюрьмой грозили. И это на первыхъ-то порахъ моей новой семейной жизни!.. Четыре года я протосковалъ за границей, а вернуться боялся —

опять то же, опять кредиторы, заключеніе за долги... За границей не разъ бѣдствовать приходилось — не будь Каткова, который всегда выручалъ, просто преподать пришлось бы!.. Ну, стоитъ мнѣ теперь получить большой успѣхъ, большую популярность—столько друзей явится, что и не оберешься. Будутъ и искренніе — о, конечно! только какъ же ихъ распознаешь?! Успѣхъ—это, знаете ли, какая вещь—это величайшій соблазнъ, тутъ всякое чувство мѣры теряется, человѣкъ вдругъ слѣпнетъ и дѣлается слабымъ, проводи его, кто хочетъ, надувай самымъ глубымъ манеромъ—всему повѣритъ, все приметъ за чистую монету...

— Успѣхъ, — продолжалъ онъ, больше и больше оживляясь, — успѣхъ одного служитъ успѣхомъ для многихъ. На чужомъ успѣхѣ многіе строятъ свои планы и достигаютъ коечего: и имъ перепадаетъ кусочекъ... Стоитъ человѣку получить большой, рѣшительный успѣхъ, популярность настоящую, съ которой ужъ нельзя спорить, которую ужъ никакими хитростями не уничтожишь, не уменьшишь — и смотришь: за этимъ человѣкомъ непремѣнно хвостики... хвостики! „Возлѣ виднаго человѣка и меня, дескать, замѣтятъ.“ О, сколько въ такихъ случаяхъ можно сдѣлать интересныхъ наблюденій! только тотъ, за кѣмъ эти „хвостики“, такихъ наблюденій не сдѣлаетъ, ибо вдругъ теряетъ чувство мѣры... Да только что же объ этомъ — поживете, много такого увидите!..

Изъ воспоминаній В. В. Т — вой (Починковской).

Г-жа В. Т — ва была корректоромъ типографіи Траншеля, гдѣ въ 1873 году печатался „Гражданинъ“, во время редакторства Достоевскаго. Наружность О. М. г-жа Т—ва описываетъ такъ:

Это былъ очень блѣдный — землистой, болѣзненной блѣдностью — не молодой, очень усталый или больной человѣкъ, съ мрачнымъ изнуреннымъ лицомъ, покрытымъ, какъ сѣткой, какими то необыкновенно выразительными тѣнями отъ напряженно сдержаннаго движенія мускуловъ. Какъ будто каждый мускулъ на этомъ лицѣ съ впалыми щеками и широкимъ и возвышеннымъ лбомъ одухотворенъ былъ чувствомъ и мыслью. И эти чувства и мысли неудержимо прорвались наружу, но ихъ не пускала желѣзная воля этого тщедушнаго и плотнаго въ то же время, съ широкими плечами, тихаго и угрюмаго человѣка. Онъ былъ весь точно замкнутъ на ключъ,—никакихъ движеній, ни одного жеста, только тонкія, безкровныя губы нервно подергивались, когда онъ говорилъ. А общее впечатлѣніе съ перваго взгляда почему то напомнило мнѣ солдатъ изъ „разжалованныхъ“, какихъ мнѣ не разъ случалось видать въ моемъ дѣтствѣ,—вообще, напомнило тюрьму и больницу и разные „ужасы“ изъ временъ „крѣпостного права“... И уже одно это напоминаніе до глубины взволновало мнѣ душу.

...Мы остались вдвоемъ въ ожиданіи корректуры, О. М. всталъ и, пододвинувъ свой стулъ къ бюро, за которымъ я работала, обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ну, скажите мнѣ, что вы здѣсь дѣлаете? Знаете вы, зачѣмъ вы живете?

Въ первую минуту я растерялась отъ неожиданности, но, кое-какъ овладѣвъ собой, я отвѣчала, что пріѣхала въ Петербургъ учиться.

— Чему же вы здѣсь хотите учиться и гдѣ?...

— Хочу высшаго образованія... А учусь съ помощью книгъ. Я хожу въ публичную библіотеку.

— Но зачѣмъ вамъ это высшее образованіе? Думали вы объ этомъ?

И въ голосѣ и въ лицѣ у него было при этомъ что-то язвительное, онъ не только какъ будто допрашивалъ, но и судилъ, обличалъ...

— Я хочу писать... заниматься литературой,—робко пролепетала я.

И къ удивленію, О. М. не засмѣялся.

— Вы хотите писать? Во-отъ что! — протянулъ онъ. — О чемъ же вы хотите писать? То-есть, что именно: романъ, повѣсть или статью какую-нибудь?

— Я люблю психологическое... внутреннюю жизнь... — бормотала я, боясь взглянуть на него и чувствуя себя совершенно идіоткой.

— А вы думаете, это легко: изображать внутреннюю жизнь?

— Нѣтъ, я не думаю, что это легко. Я потому и учусь... и готовлюсь.

— Писательницъ во всемъ мірѣ только одна, достойная этого имени! — значительно продолжалъ онъ. — Это — Жоржъ-Зандъ! Можете ли вы сдѣлаться чѣмъ-нибудь въ родѣ Жоржъ-Зандъ?

Я застыла въ отчаяніи. Онъ отнималъ у меня всякую надежду на будущность... И не помня себя, точно во снѣ, я безсмысленно повторяла ему: „Я хочу писать!.. Я чувствую потребность... Я только этимъ живу!“.

— Вы только этимъ живете?—серьезно переспросилъ онъ. Ну, если такъ, что жъ, и пишите. И запомните мой завѣтъ: никогда не выдумывайте ни фабулы, ни интригъ. Берите то, что даетъ сама жизнь. Жизнь куда богаче всѣхъ нашихъ выдумокъ! Никакое воображеніе

не придумаетъ вамъ того, что дастъ иногда самая обыкновенная, заурядная жизнь. Уважайте жизнь!

...Одинъ разговоръ особенно памятенъ мнѣ. Было это въ самомъ началѣ іюня, когда, благодаря заботливости Ѳедора Михайловича, мы гораздо раньше кончали работу.

— Куда же это вы такъ спѣшите,—остановилъ онъ меня, когда, окончивъ работу, я взялась за шляпу. — Вѣдь еще рано, десяти еще нѣтъ. Посидите со мной, пока нѣтъ корректуры.

Онъ пересѣлъ поближе ко мнѣ, за конторку, и нѣсколько минутъ молча курилъ и, казалось, о чемъ-то думалъ.

— Ну, куда же вы теперь? — заговорилъ Ѳ. М.—День работали, а вечеромъ... Что вы дѣлаете по вечерамъ?

— Живу!..

— А что значитъ по-вашему это „живу“? Есть у васъ какія-нибудь опредѣленныя идеи? Есть у васъ какой-нибудь идеалъ или цѣль жизни? Или такъ и живете... — „безъ тоски, безъ думы роковой“?

— Нѣтъ, и съ думой, и съ тоской, и съ идеаломъ живу! — съ увлеченіемъ проговорила я, разгоряченная моимъ споромъ.

— И съ идеаломъ? — оживленно переспросилъ Ѳедоръ Михайловичъ. — Съ какимъ же, напримѣръ, идеаломъ? Ну разскажите же мнѣ!

И потому ли, что я все еще была подъ впечатлѣніемъ „идейнаго“ спора съ Демертомъ и на душѣ у меня накипѣло, или голосъ его, тихій и ласковый, подѣйствовалъ на меня, — я, не смущаясь, отвѣтила ему горячимъ и смѣлымъ признаніемъ. Я говорила ему о моихъ мечтахъ и надеждахъ, объ условіяхъ создать самостоятельно любимую дѣятельность, добиться завѣтной цѣли,—и о томъ, что женщинѣ это особенно трудно...

И, вѣроятно, онъ повѣрилъ моимъ словамъ, потому что слушалъ все время не прерывая и, свою очередь, поразилъ меня нежданнымъ признаніемъ:

— А знаете, какой я вамъ сейчасъ скажу комплиментъ? Ужъ навѣрно вы такого ни отъ кого не слыхали.—И, помолчавъ, онъ прибавилъ:—Вы мнѣ чрезвычайно напоминаете мою первую жену. Я вѣдь женатъ и вторично, и отъ второй жены у меня уже двое дѣтей. А впервые я женился еще въ Сибири. И первая жена—вы и лицомъ, и фигурой удивительно на нее похожи; она, бѣдная, умерла отъ чахотки...

— Комплиментъ вамъ тутъ, конечно, не потому, что это была жена моя,—продолжалъ Ѳ. М.:—что же это за комплиментъ! — а потому, что была эта женщина души самой возвышенной и восторженной. Сгорала, можно сказать, въ огнѣ этой восторженности, въ стремленіи къ идеалу. Идеалистка была въ полномъ смыслѣ слова. Да и чиста, и наивна притомъ была совсѣмъ, какъ ребенокъ. Хотя, когда я женился на ней, у нея былъ уже сынъ. Я женился уже на вдовѣ. Ну, что же, вы довольны ли моимъ комплиментомъ? — закончилъ онъ товомъ шутки.

— Очень довольна, Ѳ. М., только боюсь...

— Чего вы боитесь?

— Что вы во мнѣ ошибаетесь, и я недостойна сравненія. Я не всегда такая.

— А вы будьте всегда, — внушительно, строго сказалъ онъ. — Стремитесь всегда къ самому высшему идеалу! Разжигайте это стремленіе въ себѣ, какъ костеръ! Чтобы всегда пылалъ душевный огонь, никогда чтобы не погасалъ! Никогда!

— Ну, а вы мнѣ все-таки не сказали, какой же у васъ идеалъ? — снова началъ онъ, помолчавъ.—Идея-то ваша какая?

— Идеалъ одинъ... для того, кто знаетъ Евангеліе...

— А вы его знаете? — недовѣрчиво спросилъ онъ.

— Въ дѣтствѣ я была очень религіозна и постоянно читала его.

— Но съ тѣхъ поръ, конечно, вы выросли, поумнѣли и, получивъ образованіе отъ высшихъ наукъ и искусствъ...

На углахъ его губъ появилась знакомая мнѣ „кривая“ улыбка. Но въ этотъ разъ она меня не смутила.

— Потомъ, — продолжала я тѣмъ же тономъ, — подъ вліяніемъ науки, религіозность эта стала принимать другія формы, но я всегда и думала, и думаю, что лучше и выше Евангелія ничего у насъ нѣтъ!

— Но какъ же вы понимаете Евангеліе? Его вѣдь разно толкуютъ. Какъ по-вашему; въ чемъ вся главная суть?

Вопросъ, который онъ задалъ мнѣ, впервые пришелъ мнѣ на умъ. Но сейчасъ же точно какіе-то отдаленные голоса изъ глубины моей памяти подсказали отвѣтъ:

— Осуществленіе ученія Христа на землѣ, въ нашей жизни, въ совѣсти нашей...

— И только? — тономъ разочарованія протянулъ онъ.

Мнѣ самой показалось этого мало.

— Нѣтъ, и еще... Не все кончится здѣсь, на землѣ. Вся эта жизнь земная—только ступень... въ иныя существованія...

— Къ мірамъ инымъ! — восторженно ска-

залъ онъ, вскинувъ руку вверхъ къ раскрытому настежь окну, въ которое видѣлось тогда такое прекрасное, свѣтлое и прозрачное іюньское небо.

— И какая это дивная, хотя и трагическая задача — говорить это людямъ! — съ жаромъ продолжалъ онъ, прикрывая на минуту глаза рукою.—Дивная и трагическая, потому что мученій тутъ очень много... Много мученій, но зато — сколько величія! Ни съ чѣмъ несравнимаго... То-есть, рѣшительно ни съ чѣмъ! Ни съ однимъ благополучіемъ въ мірѣ сравнить нельзя!

— И какъ трудно осуществить эту задачу!— робко вставила я, думая о своемъ.

Онъ взглянулъ на меня съ блескомъ въ глазахъ.

— Вы говорите, что хотите писать. Вотъ вы и пишите объ этомъ!..

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Многое съ тѣхъ поръ измѣнилось. Измѣнились не только понятія, но слова. Никто не называетъ теперь Достоевскаго ни „юродивымъ“, ни „свихнувшимся“... Но Достоевскаго обвиняютъ теперь въ придворной религіозности, въ лицемѣрномъ идеализмѣ, въ томъ, что онъ училъ—чему самъ не вѣрилъ; что трагедіей его жизни была неизбѣжная необходимость „являться къ людямъ въ мундирѣ... христіанской морали“; что онъ, какъ Ницше, наединѣ съ собою жестоко смѣялся надъ обманутыми простаками...

Такъ обвиняютъ теперь его... И читая и слушая подобныя обвиненія, я всегда вспоминаю одинъ разсказъ, который мнѣ довелось случайно услышать отъ почтенной старушки, вдовы священника, часто встрѣчавшей Ѳ. М. Достоевскаго въ Знаменской церкви.

Вотъ ея подлинныя слова:

— Онъ всегда къ заутренѣ или къ ранней обѣднѣ въ эту церковь ходилъ. Раньше всѣхъ, бывало, придетъ и всѣхъ позже уйдетъ. И станетъ всегда въ уголокъ, у самыхъ дверей, за правой колонкой, чтобы не на виду. И всегда на колѣнкахъ и со слезами молился. Всю службу, бывало, на колѣнкахъ простоитъ; ни разу не встанетъ. Мы всѣ такъ и знали, что это—Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій,— только дѣлали видъ, что не знаемъ и не замѣчаемъ его. Не любилъ, когда его замѣчали. Сейчасъ отворотится и уйдетъ.

Вотъ здѣсь, мнѣ думается, и была его истинная трагедія. Величайшая, какая можетъ быть на землѣ,—трагедія неугомонной и неподкупной религіозной совѣсти, въ которой палачъ и мученикъ таинственно сливаются иногда воедино. Но тайны этой трагедіи навѣки унесъ съ собою искренній, страстный поборникъ евангельской правды, дивный художникъ ея — Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій. И у людей, признающихъ святую свободу совѣсти, нѣтъ даже права разгадывать эти тайны.

Изъ воспоминаній А. Н. Майкова.

Одинъ почтенный совѣтникъ, который былъ знакомъ съ Достоевскимъ до исторіи Петрашевскаго и не видался съ нимъ и по возвращеніи Ѳедора Михайловича изъ Сибири до прошлаго года, встрѣтился съ нимъ въ одномъ блестящемъ обществѣ.

Старые пріятели, отрекомендованные другъ другу, вспомнили старое знакомство, завязался весьма дружескій разговоръ,— пріятель сказалъ:

— Какое, однако, несправедливое дѣло была эта ваша ссылка.

— Нѣтъ,—коротко, какъ всегда, обрѣзываетъ Достоевскій,—нѣтъ, справедливое. Насъ бы осудилъ русскій народъ. Это я почувствовалъ тамъ только, въ каторгѣ. И почемъ вы знаете,—можетъ быть тамъ, наверху, т.-е. Самому Высшему, нужно было меня привести на каторгу, чтобъ я тамъ что-нибудь узналъ, т.-е. узналъ самое главное, безъ чего нельзя жить, иначе люди съѣдятъ другъ друга, съ ихъ матеріальнымъ развитіемъ; ну-съ, чтобы это самое главное я вынесъ оттуда, потому, что оно пока скрывается только въ народѣ, хоть онъ гадокъ, воръ, убійца, пьяница; такъ чтобъ я вынесъ это оттуда и другимъ сообщилъ, и чтобъ другіе (хоть не всѣ, хоть очень немногіе) лучше стали хоть на крошечку—хоть частичку бы приняли, хоть бы поняли, что въ бездну стремятся, и этого довольно. И этого ужъ много. И изъ-за этого стоило пойти на каторгу.

Какое же впечатлѣніе произвелъ на совѣтника этотъ взглядъ Ѳедора Михайловича на роковое событіе его жизни,—взглядъ, не разъ такъ или иначе выраженный имъ въ его „Дневникѣ писателя?“ Совѣтникъ, отойдя отъ Достоевскаго, съ искреннѣйшимъ сожалѣніемъ качая головою, говорилъ его окружающимъ:

— Экая жалость!

— Что такое?

— Да вотъ, Достоевскій—совсѣмъ сумасшедшій. Богъ знаетъ какой мистицизмъ несетъ.

Литературныя перспективы.

Въ № 1 „Бюллетеней“ говорилось о писателяхъ „живыхъ трупахъ“ и „воскресшихъ Лазаряхъ“. Опять приходится остановиться на

этой печальной темѣ, на сей разъ еще болѣе печальной, такъ какъ здѣсь читатель тщетно сталъ бы искать утѣшительныхъ указаній на „воскресшихъ“ или хотя бы „воскрешающихъ Лазарей“. С. Яблоновскій въ „Рус. Сл.“ съ горечью констатировалъ, что въ нашей литературѣ „изо всѣхъ звуковъ слышится только погребальный звонъ“, а М. Арцыбашевъ старается убѣдить насъ черезъ интервьюера изъ „Утра Россіи“ въ полномъ развалѣ интелигентской мысли и творчества во всѣхъ сферахъ искусства и общественности...

— Что обѣщаетъ въ ближайшемъ будущемъ литература? — спрашиваетъ первый изъ нихъ и дѣлаетъ такой прогнозъ:

„На своемъ вѣку я не помню года, когда на этотъ вопросъ отвѣчали бы болѣе пессимистически, чѣмъ сейчасъ. Просто нечего отвѣтить.

Есть, конечно, рядъ писателей съ давно опредѣлившимся, болѣе или менѣе крупнымъ удѣльнымъ вѣсомъ, но рѣчь идетъ не о нихъ; важно то, что дастъ намъ то новое, что въ теченіе какихъ-нибудь пятнадцати лѣтъ появилось, обрушилось на старыя цѣнности, бурлило, подчасъ пылило, подчасъ сверкало, сначала заставляло хохотать надъ собою, потомъ у многихъ вызывало негодованіе, потомъ заставило обратить на себя гораздо болѣе пристальное вниманіе, заставило надѣяться, ожидать и затѣмъ вдругъ скисло самымъ несомнѣннымъ образомъ, само подписавъ себѣ приговоръ, само объявивъ себя несостоятельнымъ должникомъ.

Ждать богатаго наслѣдства отъ несостоятельныхъ должниковъ не приходится, но можно было думать, что въ то время, какъ одни разорились въ литературной азартной игрѣ, другіе въ это самое время нажили, и когда первые ушли съ усталой душой и вывернутыми карманами, другіе торжественно заняли ихъ мѣста и объявили игру еще крупнѣе.

Но въ томъ-то и дѣло, что одни дѣйствительно ушли, а другіе не являются совершенно. Мѣста вакантны. Первыхъ прямо похоронила критика. Жестоко у насъ теперь это дѣлается: человѣкъ еще дышитъ, еще даже надѣется, а о немъ при немъ прямо и громко говорятъ:

— Скончался.

Даже не „кончается“, а именно „скончался“. И часто прибавляютъ еще громче;

— Туда ему и дорога.

Но никогда не хоронили такъ оптомъ, какъ сейчасъ.

Хоронятъ наскоро, по четвертому разряду, безъ похоронныхъ рѣчей, даже безъ отдѣльной могилы для каждаго покойника.

Какъ въ злую эпидемію, везутъ на общихъ фурахъ, сваливаютъ въ общую могилу, сооружаютъ одинъ общій холмъ.

Отвратительно ремесло могильщика, гробовщика, факельщика. Не умѣю даже представить себѣ психологіи людей, у которыхъ вся жизнь проходитъ въ томъ, что они хоронятъ, — служатъ не дѣлу созиданія, а дѣлу разрушенія. Но, относясь къ этой профессіи отрицательно, развѣ можно бороться съ нею? Развѣ можно мѣшать хоронить, если хоронятъ дѣйствительно мертвыхъ?

Пожалуй, только наклониться съ тревогой:

— Доподлинно ли они умерли?..

Съ этой тревогой читалъ я рядъ погребающихъ статей:

Доподлинно ли умерли всѣ эти хоронимые? Можетъ-быть, еще живы?..

Но плоха надежда на тѣхъ, кого такъ легко принять за мертвецовъ. Если и не умерли, если только въ летаргіи, то и тогда не отъ нихъ ждать намъ тѣхъ силъ, тѣхъ словъ, той живой воды, которыя даютъ радость и содержаніе нашей жизни.

А отъ кого же?

Мѣста вакантны. Нѣтъ даже самозванцевъ.

Помню, лѣтъ восемь назадъ одинъ старый писатель, глядя, съ какимъ энтузіазмомъ принималась въ московскомъ театрѣ пьеса одного изъ нынѣ погребенныхъ, саркастически замѣтилъ:

— Мы присутствуемъ при коронаціи Гришки Отрепьева.

Гришка или не гришка, но все-таки то была коронація, и сбѣжавшійся на коронацію народъ вѣрилъ, что передъ нимъ владыка Божіею милостью.

Кого будутъ короновать теперь? У кого сейчасъ, хотя бы въ видѣ маніи величія, имѣется претензія на литературную корону?..

Нѣтъ даже самозванцевъ. Тихо и уныло сами отстранились вчерашніе претенденты, горько почувствовавъ, что они не дубы и кедры, призванные жить столѣтія, а только овощи, которымъ, какъ извѣстно, свое время, и притомъ время очень краткое. Тѣхъ, кто не отстранился самъ, тѣхъ отстранили,—и мы смотримъ въ пустоту. Смотримъ безъ злорадства,— какая ужъ тамъ радость?—смотримъ съ великимъ страданіемъ. Можетъ-быть, сейчасъ онъ появится, женихъ, грядущій въ полуночи?

А, можетъ-быть, проснется да встряхнется одинъ изъ тѣхъ, кого мы поторопились пріобщить къ сонму умершихъ?..

Ждемъ. А вокругъ насъ уныніе, и тьма, и

жуть, и ночной холодъ, въ которомъ не вѣетъ предразсвѣтнымъ вѣтромъ... Изо всѣхъ звуковъ слышится только погребальный звонъ"...

А вотъ къ какому заключенію пришелъ авторъ „Санина" и „Послѣдней черты" (готовящій къ печати, кстати замѣтить, свой новый романъ—о распадѣ интеллигенціи:)

„Въ области философіи кризисъ интеллигентской мысли сказался чрезвычайно ярко. Всѣ эти богоискательскія, богоборческія и всякія иныя потуги, изувѣченный индивидуализмъ и т. п. являются характернымъ признакомъ „конца".

Современная интеллигенція потеряла „Бога"—Бога, котораго она замѣняла то разумомъ, то идеалами всечеловѣческаго счастья. Теперь это все ею изжито, утрачено, осталась одна великая Пустота.

И на днѣ Пустоты копошатся эти люди, жалко выдумывая маленькихъ божковъ для своего личнаго употребленія, убого распутничая и словоблудя.

Возьмите современную литературу. Общаго лозунга распавшаяся интеллигенція дать не можетъ, ибо литература можетъ быть сильна только при условіи общей задачи, общей спайки. При теперешнемъ положеніи литература превратилась въ большее или меньшее количество книжекъ различной цѣнности,—и больше ничего.

Массѣ нужна литература, дѣлающая дѣло. Худо или хорошо это — вопросъ иной, но это такъ. Ну, а наши литераторы окончательно и безповоротно отъ всякаго дѣла отстали. Теперешняя литература уже не служитъ никакой идеѣ, она просто себѣ пописываетъ и почему-то желаетъ, чтобы читатель (которому ни ѣсть нечего, ни дышать не даютъ!) почитывалъ. Съ какой стати имѣютъ право быть прочитанными современные писатели? Да ровно никакого. Уже не говорю объ отсутствіи у нихъ идейнаго багажа, не говорю о томъ, что ровно никто ровно ничему научиться у нихъ не можетъ, они ни въ смыслѣ художественнаго наслажденія, ни въ смыслѣ развлеченія ничего дать не могутъ.

Слабые и глупые, сами отнюдь некультурные, не имѣющіе въ головѣ ни единой оригинальной мысли, не умѣющіе дать не только истинно художественнаго произведенія, но даже и писать-то занимательно не могущіе, чему же мы научимъ, чѣмъ развлечемъ или облагородимъ? Кромѣ двухъ-трехъ человѣкъ, современные литераторы не думаютъ ни о чемъ, кромѣ личнаго успѣха, газетнаго шума, генеральскаго чина и гонорара. Эта орда прихлебателей по природѣ, которыхъ Богъ хотѣлъ сдѣлать ловцами человѣковъ, безтолково забрасываетъ въ море жизни дырявыя, фестончиками сплетенныя сѣточки и воніетъ, что ничего не попадается, что рыба перевелась, что они обижены. И никому въ скорбную голову не придетъ, что прежде всего надо ихъ самихъ и съ ихними дырявыми сѣтями прогнать въ зашей.

Просто упрекать массу въ некультурности и колоть ей глаза успѣхомъ Вербицкой и Аверченко! Да вѣдь некультурность массы и вызываетъ потребность въ литературѣ. Это—не парадоксъ. А Вербицкая и Аверченко служатъ массѣ: одна преподноситъ суррогатъ учительства, другой—суррогатъ развлеченія, но кто же виноватъ, что кромѣ суррогата и нѣтъ ничего.

Вспомните, какіе авансы выдала масса всѣмъ намъ, когда послѣ революціи кинулась на литературу. Какъ ждала и искала она книгъ, какую бездну премудрости и эстетики была готова находитъ у каждаго, какъ щедро давала деньги и лавры. Мы обрадовались, и возомнили. Теперь—расплата. Масса обманулась въ своихъ надеждахъ, махнула рукой и плюнула... Плевокъ вышелъ сочный, мы захлебнулись въ немъ и безпомощно барахтаемся руками и ногами.

И это не только въ литературѣ, но то же самое и въ другихъ областяхъ искусства: въ живописи, театрѣ и т. д.

Теперешняя интеллигенція изжила себя, на смѣну ей должны явиться другіе люди, и они—уже на порогѣ бодро движущейся жизни.

Этихъ новыхъ людей я жду изъ новаго лагеря, изъ лагеря людей труда, гдѣ нарождаются могучія потребности въ творческомъ боренія съ жизнью, но я далекъ отъ идеологіи соціалдемократизма, которая такъ же изживаетъ себя, какъ и наша современная интеллигенція"...

Новыя пьесы.

Если въ области беллетристики появляющіеся вновь романы и повѣсти оказываются большею частью дышащими на ладанъ или даже мертворожденными дѣтищами своихъ авторовъ, то ужъ про театръ, про современную драматическую литературу нашу можно прямо сказать: „О поле, поле! кто тебя усѣялъ мертвыми костями?.."

Не видя вокругъ себя ничего утѣшительнаго, литературные обозрѣватели жадными очами смотрятъ вдаль, — не ворвется ли хоть откуда-нибудь подлинная яркая жизнь. И вотъ —

ждутъ съ нетерпѣніемъ, охотно забывая свои прежнія разочарованія, ждутъ чего-то незауряднаго и отъ андреевской „Катерины Ивановны“ и отъ найденовской „тети Ави“, и отъ новой пьесы Куприна, обѣщающаго показать намъ невиданнаго „сильнаго человѣка“, и отъ С. Юшкевича.

Что касается новыхъ драмъ Л. Андреева и С. Найденова, подождемъ до ихъ постановки, которая не за горами. Пока же бросимъ взглядъ на то, что уже налицо или что сулитъ намъ болѣе отдаленное будущее.

I.

„Любите жизнь“ А. Ѳедорова.

Пьесу А. М. Ѳедорова, идущую сейчасъ въ Александринскомъ театрѣ, по общему признанію театральныхъ критиковъ, никакъ нельзя отнести къ числу выдающихся или даже просто къ категоріи удавшихся. Интересъ представляетъ собственно не то, что дано въ самой драмѣ, а „тѣ мысли, какія приходятъ въ голову“ вдумчивому зрителю или читателю.

Глава выведенной въ пьесѣ семьи, Годневъ, — дѣлится своими мыслями Д. Овсянико-Куликовскій въ очередной „литературной бесѣдѣ“ („Рѣчь“), — это человѣкъ, который на первый взглядъ и со стороны можетъ показаться не совсѣмъ обыкновеннымъ. Въ дѣйствительности, къ сожалѣнію, характеры этого рода встрѣчаются во всѣхъ слояхъ общества довольно часто.

Это — человѣкъ, если можно такъ выразиться, „двуликій“. Онъ напоминаетъ того „изверга добродѣтели“, которому посвящено одно изъ великолѣпныхъ „стихотвореній въ прозѣ“ Тургенева — „Эгоистъ“. Вы помните: „Онъ былъ безукоризненно честенъ... И гордый сознаніемъ своей честности, давилъ ею всѣхъ: родныхъ, друзей, знакомыхъ... Честность давала ему право быть безжалостнымъ... Не вѣдая за собой ни малѣйшей слабости, онъ не понималъ, не допускалъ ничьей слабости. Онъ вообще никого и ничего не понималъ, ибо былъ весь, со всѣхъ сторонъ, снизу и сверху, сзади и спереди, окруженъ самимъ собою... Онъ даже не понималъ: что значитъ прощать... О, безобразіе самодовольной, непреклонной, дешево доставшейся добродѣтели — ты едва ли не противнѣй откровеннаго безобразія порока!“

Годневъ — человѣкъ, принципа и строгихъ правилъ, ригористъ непреклонный, строгій и самодовольный. Его излюбленныя идеи — трудъ, ограниченіе потребностей, польза, отрицаніе „красоты“, искусства, поэзіи, роскоши и т. д. Онъ говоритъ, что Платонъ былъ правъ, когда, мечтая о своей республикѣ, проклиналъ всѣхъ этихъ служителей искусства, называя ихъ бездѣльниками, которыхъ надо гнать, какъ враговъ человѣчества“...

Годневъ послѣдовательно проводитъ въ жизнь этотъ принципъ. Онъ — человѣкъ искренній. Слово не расходится у него съ дѣломъ. И надо признать, что его ригоризмъ не маска, а въ самомъ дѣлѣ — „лицо“, но только бѣда въ томъ, что, кромѣ этого „лица“, есть у него и другое.

Идея труда и пользы, да и самый ригоризмъ — идея большая. И, какъ всѣ большія идеи, она требуетъ большого ума и широкой натуры. Она безусловно нуждается также, дабы не исказиться, въ гуманности. Этихъ данныхъ у Годнева нѣтъ. Человѣкъ недалекаго ума, узкій, сухой, негуманный, онъ, съ упрямствомъ фанатика, „проводитъ“ свои излюбленныя идеи въ жизнь и — портитъ ее. Въ семьѣ онъ тиранъ и самодуръ, онъ обезличилъ жену и дочь, — и, человѣкъ интеллигентный, съ идеалами и принципами, самъ не замѣтилъ, какъ превратился въ лавочника, весь ушелъ въ грошовые разсчеты, и, вмѣсто трудовой и разумной жизни, создалъ для себя и для семьи жизнь пошлую и грубо-мѣщанскую.

Это и есть его другое „лицо“, можетъ быть, болѣе подлинное, чѣмъ первое.

Любитъ ли этотъ человѣкъ жизнь, какъ таковую? Въ этомъ я сомнѣваюсь. Чтобы любить жизнь, надо, прежде всего, поменьше любить самого себя. Годневъ влюбленъ въ себя и, что еще хуже, несокрушимо вѣруетъ въ себя, въ свое мнимое превосходство, въ свои принципы. При такихъ условіяхъ, радость и прелесть жизни заслоняются другими „цѣнностями“ весьма сомнительнаго достоинства, очень условными и очень бренными. Онѣ легко обезцѣниваются. Какая-нибудь случайность, какихъ всегда много въ жизни, можетъ обнаружить ихъ тщету, — и человѣкъ остается, въ психологическомъ смыслѣ, ни съ чемъ, — съ опустошенной душой, съ изсякшей энергіей жизни. Оттуда — частые случаи самоубійствъ, мотивированныхъ неудачами, потерями, разочарованіемъ.

Въ пьесѣ А. М. Ѳедорова этой глубоко-жизненной драмы нѣтъ. Онъ поставилъ Годнева какъ бы внѣ коллизіи и не прервалъ пити его благополучнаго мѣщанскаго существованія, прикрытаго фикціей идеаловъ, труда, долга, честности и т. д.

Жертвою коллизіи сталъ или, вѣрнѣе, могъ стать сынъ Годнева, Степанъ, молодой чело-

вѣкъ съ художественными задатками, съ артистическими вкусами, съ живымъ чувствомъ „красоты“. Возмущенный деспотизмомъ и тупымъ мѣщанствомъ отца, его черствостью и несокрушимымъ самодовольствомъ, юноша преждевременно и слишкомъ поспѣшно приходитъ въ отчаяніе и — по одному варіанту — кончаетъ самоубійствомъ, а по другому — только приходитъ къ мысли о самоубійствѣ.

Степанъ — прямая противоположность отцу. Ихъ столкновеніе неизбѣжно не только вслѣдствіе непримиримости ихъ воззрѣній и понятій, но, прежде всего, въ силу взаимной антипатіи вытекающей изъ ихъ неумѣнія понять и простить другъ друга. Годневъ-отецъ, съ его сухостью и черствостью, органически неспособенъ понять сына, какъ вообще неспособенъ онъ понимать людей. У него нѣтъ того минимума симпатическаго воображенія, который для этого безусловно необходимъ. Что касается сына, то, какъ художникъ и, слѣдовательно, какъ человѣкъ, одаренный живымъ симпатическимъ воображеніемъ, онъ могъ бы понять отца и простить ему, если не все, то многое. Но сейчасъ этому мѣшаютъ недостатокъ опыта жизни (чрезвычайно важное подспорье способности понимать людей и сочувствовать имъ), эгоизмъ молодости и молодое самолюбіе.

Тѣ же условія нерѣдко мѣшаютъ молодымъ людямъ чувствовать „радость бытія“, быть непосредственно-жизнерадостными. Безпечность и и „безпричинная“ радость существованія въ годы юности — это, къ сожалѣнію, миоъ, по крайней мѣрѣ, въ наше время. Юность слишкомъ часто озабочена и удручена многимъ: и видами на будущее, и противорѣчіями жизни, и очарованіями, и разочарованіями, а всего болѣе — задачей проложить свою дорогу въ жизни, найти свое дѣло и наладить его. Въ возрастѣ, когда такъ хочется уже начать жить, приходится только готовиться къ жизни. Оттуда — меланхолія юности, томная грусть молодости и нерѣдко острое или затяжное отвращеніе къ жизни, даже боязнь жизни, еще не извѣданной.

Положеніе молодого Годнева далеко не столь безнадежно. У него любящая мать, сочувствующая его стремленіямъ и планамъ. Его согрѣваетъ и поддерживаетъ, кромѣ материнской любви, еще и другая, — любовь дѣвушки, одаренной, повидимому, неизсякаемой жизнерадостностью.

При такихъ условіяхъ, самоубійство молодого человѣка (или, по другому варіанту, покушеніе на самоубійство) представляется немотивированнымъ; для его объясненія оставалось бы только прибѣгнуть къ предположенію нервной или душевной болѣзни. Но для этого нѣтъ данныхъ: Степанъ Годневъ представленъ человѣкомъ здоровымъ и нормальнымъ.

Что люди не умѣютъ „любить жизнь“, — это показано (главнымъ образомъ, фигурою Годнева-отца), — такъ, какъ показываетъ это сама жизнь. Стоитъ только оглянуться и присмотрѣться къ людямъ любой среды, чтобы увидѣть признаки или симптомы соціальной болѣзни, которую можно назвать „порчей жизни“. Годневъ портитъ жизнь „трудовымъ идеаломъ“, изъ котораго онъ сотворилъ себѣ кумиръ. Другіе портятъ ее другими кумирами.

Мы не знаемъ, что выйдетъ изъ молодого Годнева и какъ построитъ онъ свою жизнь. Но не устранена возможность опасенія, что и онъ, пожалуй, испортитъ жизнь своимъ культомъ „красоты“ и искусства. Эстетика, если сдѣлать изъ нея кумиръ, способна поработить и сузить личность не меньше какого угодно „мѣщанства“. Если ужъ выбирать изъ двухъ золъ, я, скрѣпя сердце, пожалуй, выбралъ бы „мѣщанство“: оно — далеко не всегда равносильно застою и самодовольной ограниченности — нерѣдко люди, казалось бы, погрязшіе въ „мѣщанской тинѣ“, обнаруживаютъ стремленіе къ чему-то иному, чего у нихъ нѣтъ,— жажду нѣкоторыхъ культурныхъ благъ. Напротивъ, эстетизмъ, доведенный до крайности, грозитъ человѣку пресыщеніемъ, способнымъ притупить или совсѣмъ убить вкусъ къ жизни. Человѣкъ, привыкшій ко всему относиться эстетически, теряетъ способность здраво реагировать на впечатлѣнія и стимулы дѣйствительности. Онъ — гастрономъ въ жизни, въ своей работѣ, въ любви, во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ вещамъ и людямъ. Непосредственная радость бытія ему уже недоступна, его жизненная энергія изсякла. Это психологическій тупикъ, изъ котораго нѣтъ выхода.

Степанъ Годневъ, унаслѣдовавшій отъ матери артистическія наклонности, могъ унаслѣдовать отъ отца нѣкоторое предрасположеніе къ однодейности и къ тому, что можно назвать недостаточною сопротивляемостью личности внушеніямъ избранной карьеры. Годневъ-отецъ говоритъ: я человѣкъ труда, я рабочій человѣкъ и т. д., и забываетъ, что прежде всего нужно быть просто человѣкомъ, которому ничто человѣческое не чуждо. И въ результатѣ выходитъ, что ему чуждо $^9/_{10}$ „человѣческаго“. Возможно, что и Годневъ-сынъ современемъ будетъ говорить: я — художникъ, я — жрецъ красоты и т. д., — и въ результатѣ окажется, что ему чуждо $^9/_{10}$ „человѣческаго“.

Всѣ хотятъ жить, но далеко не всѣ *любятъ жизнь* — тою высшею и просвѣтленною лю-

бовью, которую можно назвать „радостью бытія“. Сравнительно рѣдко чувствуемъ и постигаемъ мы исключительную цѣнность самаго факта существованія человѣка на землѣ, — факта единственнаго, не повторяемаго. Намъ трудно стать на ту точку зрѣнія, которая заставляетъ смотрѣть на жизнь человѣка, какъ на нѣчто „священное“, какъ бы этотъ человѣкъ не былъ ничтоженъ. Жизнь, какъ таковая, какъ самодовлѣющій фактъ, не имѣетъ— въ нашихъ глазахъ — никакой цѣны; мы цѣнимъ только ея соціальную и моральную сторону. Если соціальной цѣнности она не имѣетъ, если она не отвѣчаетъ нашимъ моральнымъ требованіямъ, мы уже смотримъ на нее, какъ на quantité négligeable, — и исчезновеніе этой „величины, которая въ счетъ не идетъ“, представляется намъ даже желательнымъ. Такое грубо-утилитарное и узко-моральное отношеніе къ человѣку вытекаетъ изъ соціальной природы человѣчества. Непосредственная радость бытія парализована или по крайней мѣрѣ, затушевана у насъ привязанностью къ соціальному существованію; животный инстинктъ самосохраненія въ значительной степени заторможенъ дѣйствіемъ соціальныхъ инстинктовъ. Оттуда, между прочимъ, иллюзія, нерѣдко встрѣчающаяся, будто для того, чтобы вернуться къ непосредственной радости бытія, чтобы почувствовать самоцѣнность жизни,— нужно отрѣшиться отъ благъ цивилизаціи, отъ искуственности человѣческой культуры и обратиться къ природѣ. Увы! Тамъ, въ мірѣ природы, дѣло обстоитъ еще хуже, чѣмъ въ нашемъ человѣческомъ міркѣ. У насъ жизнь человѣческая имѣетъ, по крайней мѣрѣ, относительную — соціальную — цѣнность, а тамъ она не имѣетъ никакой. Тамъ она уже не quantité négligeable, а просто нуль. И только въ соціальной средѣ, въ мірѣ развивающейся, идущей впередъ человѣческой культуры есть возможность достичь — въ будущемъ — той высшей ступени развитія, на которой расцвѣтетъ непосредственная, — но уже не животная, а человѣческая, — радость бытія, и самоцѣнность жизни изъ смутно-чаемаго идеала превратится въ простой, обыденный фактъ...

II.

Пьеса А. И. Куприна.

А. Купринъ, послѣ долгаго молчанія, задумалъ выступить въ жанрѣ, для него необычномъ, — выступитъ съ пьесой и съ пьесой весьма оригинальной если не по замыслу, то по разработкѣ сюжета. А замыселъ самъ по себѣ, дѣйствительно, не новъ (въ чемъ признается авторъ заранѣе) — послѣ того, что намъ показали Шекспиръ и Гауптманъ. Праздный гуляка, придураковатый человѣкъ, у одного Сляй („Укрощеніе строптивой“), у другого — Шлюкъ („Шлюкъ и Яу“), захваченные въ безсмысленно пьяномъ состояніи, становятся жертвой остроумной шутки досужаго вельможи. Пьянчужекъ забираютъ съ улицы во дворецъ, моютъ, одѣваютъ въ герцогскія одежды, ставятъ ихъ въ положеніе полномочныхъ властителей и потомъ хохочутъ надъ ихъ дуростями, совершаемыми ими въ новой роли, какая имъ не грезилась.

— Я, — говоритъ Купринъ въ интервью съ сотрудникомъ „Бирж. Вѣд.“, — я исхожу изъ этого же сюжета. Но даю ему совсѣмъ иной наклонъ. Мой герой — не ничтожество, спившееся съ круга, не пьянчужка, у котораго нѣтъ ничего за душой.

Это — сильная натура, морской волкъ, энергичный, талантливый и умный капитанъ корабля, пстый Одиссей, видѣвшій виды и любящій въ жизни борьбу, приключенія, препятствія, — все красочное разнообразіе живой, нѣсколько дикой, первобытной жизни.

Четырнадцать дней съ рискомъ для жизни капитанъ ведетъ къ берегу свое судно сквозь ночь и бурю, между рифовъ, мелей и скалъ. Четырнадцать дней онъ не спитъ какъ слѣдуетъ. Онъ утомленъ до послѣдней степени. Но вотъ и берегъ.

Я ясно вижу всю картину, когда взвивается занавѣсъ. Пестрый берегъ шумитъ и волнуется, онъ залитъ народомъ.

Все, что пережилъ экипажъ, становится достояніемъ этой толпы. А пережилъ онъ ужасъ и прелесть невѣроятной борьбы со стихіей. Капитанъ почти валится съ ногъ. Онъ усталъ, какъ собака.

— Вина! кричитъ онъ, и тутъ-же на берегу начинается веселый загулъ мореходовъ, дорвавшихся до земли, до отдыха, вина и веселья. Капитанъ пьетъ чару за чарой, пьютъ и всѣ.

И вотъ, назначивъ своимъ товарищамъ, когда и гдѣ снова сойтись для новой и отважной поѣздки, капитанъ здѣсь-же у боченка засыпаетъ чудовищнымъ сномъ.

Между тѣмъ рѣдѣетъ толпа, и остающіеся разступаются передъ властителемъ острова, герцогомъ, котораго случайная охота привела сюда.

Это — гордый аристократъ, герцогъ съ головы до ногъ, со всѣми понятіями человѣка бѣлой кости наслѣдственно воспитавшагося въ мысли о раздѣленіи людей на аристократовъ и плебеевъ.

Съ пренебреженіемъ смотритъ онъ на эту картину сна, наступившаго вслѣдъ за загуломъ. Онъ роняетъ презрительныя фразы насчетъ идеаловъ плебса. Жестомъ пренебреженія онъ указываетъ на капитана:

— Вотъ, если-бы короли попробовали дать власть *такому*!.. Человѣчество посмотрѣло-бы, что изъ этого вышло!..

Мысль подхватывается и округляется. Выходитъ какъ-то такъ, что надъ капитаномъ готовы сшутить старую шекспировскую шутку. Его перенесутъ во дворецъ и увѣрятъ его, что онъ — сіятельный герцогъ.

— Да, но пока вы будете его нести, — онъ проснется! — говоритъ герцогъ.

— Никогда! онъ не спалъ подъ рядъ четырнадцать ночей. Онъ не проснется, если надъ его ухомъ стрѣлять изъ пистолета.

Надъ самымъ ухомъ капитана разряжаютъ пистолетъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ не дѣлаетъ ни малѣйшаго движенія...

— Ну, несите его! — говоритъ герцогъ. Занавѣсъ падаетъ.

Во второмъ актѣ капитанъ просыпается въ герцогскихъ чертогахъ. Но онъ не Сляй и не Шлюкъ, и здоровая голова сразу позволяетъ ему разобраться въ обстоятельствахъ.

Съ этой страницы трактовка темы Куприным не имѣетъ уже ничего общаго съ шекспировской и гауптмановской.

Капитанъ одѣвается и дѣлаетъ быстрое движеніе къ дверямъ. Распахиваетъ ихъ широко и внезапно. Онъ ждалъ подсматривающихъ, но не ждалъ, что ихъ будетъ такъ много.

— А, васъ тутъ четверо!.. Вонъ, негодяи!

Всѣ мысли его уже сосредоточены, мозгъ работаетъ трезво и мѣтко. Царственная одежда идетъ ему такъ, точно онъ родился въ ней.

Палаты новаго правителя наполняются придворными всѣхъ сортовъ и цвѣтовъ, вплоть до герцога. Столы трещатъ отъ яствъ, вина льются рѣкой. Чтобы этотъ чудакъ былъ совсѣмъ одураченнымъ, надо его напоить. Но для новаго властителя вина дѣйствительно только льются, не попадая въ ротъ. Мимо рукава онъ льетъ ихъ, показывая только видъ невоздержно пьющаго. И потому онъ совершенно трезвъ, когда кругомъ уже вино развязало языки и оттуманило головы.

— Пора представить вашей свѣтлости вашихъ министровъ, говоритъ герцогъ, едва удерживаясь отъ хохота, и одинъ за другимъ входятъ министры.

Сцена глумленія, но она внезапно превращается въ сцену восхищенія.

Все, что говоритъ новый властитель этимъ искусившимся лжецамъ и лицемѣрамъ, такъ умно, такъ мѣтко, такъ находчиво, что герцогъ въ настоящемъ восторгѣ. Онъ не ждалъ ничего подобнаго! Его теорія о бѣлой и черной кости рушилась навсегда. Въ этомъ плебеѣ — положительно геніальный умъ, настоящая государственная мудрость.

Герцогъ внѣ себя. Этотъ пришлецъ, вчерашній гуляка, далъ ему урокъ, послѣ котораго никакой честный человѣкъ не можетъ оставаться у власти. И тотъ, кто часъ назадъ глумился надъ пришельцемъ, теперь торжественно и серьезно объявляетъ:

— Отнынѣ я передаю ему свою власть! Вы видѣли, что это за человѣкъ. Отнынѣ не я, а онъ будетъ править моимъ царствомъ. И если бы я сказалъ вамъ, что я беру свое слово назадъ, что моя власть выше его, — не слушайте меня.

И, удивленныя, слушаютъ это отреченіе властная и надменная жена герцога и его красавица-дочь.

Новый властитель начинаетъ править. Герцогство такое маленькое, что новость облетаетъ его, какъ деревню. И вотъ съ перваго же дня начинаются такія дѣйствія новой власти, какія съ точки зрѣнія прежняго герцога, его семьи и штата кажутся совершенными чудачествами и безуміемъ.

Новому герцогу докладываютъ о колоссальной недоимкѣ, накопившейся за народомъ.

— Простить! — объявляетъ онъ.

Приносятъ къ его подписи актъ, карающій смертью 600 виновныхъ.

— Отпустить ихъ на свободу!

Старый герцогъ, вчера восхищавшійся государственной мудростью своего новаго ставленника, сегодня кусаетъ губы. Все старое съ неудовольствіемъ обрушивается на него.

Всѣмъ уже ясно, что на тронѣ родовыхъ аристократовъ сидитъ настоящій плебей, всѣ дѣйствія котораго въ высшей степени логичны, мудры, геніальны съ точки зрѣнія демократическихъ понятій и жестоко оскорбляютъ начало, царившее въ этой маленькой странѣ до сихъ поръ. И придворная интрига растетъ и растетъ.

Одно изъ дѣйствій будетъ носить чисто романическій характеръ. Правителю даютъ знать, что встрѣчи съ нимъ желаетъ красавица, дочь герцога. Онъ, не колеблясь, отвѣчаетъ ей согласіемъ. Въ уединенномъ уголкѣ царскаго сада происходитъ ихъ разговоръ. Дѣвушка говоритъ:

— Вы мнѣ чужой и по крови, и по понятіямъ. Я васъ не знаю. Но просто, какъ человѣка, находящагося въ опасности, я должна васъ предупредить. Противъ васъ заговоръ.

Васъ хотятъ отравить пищей... будьте осторожны...

Бывшій капитанъ, теперь властелинъ, горячо благодаритъ ее. И впервые душа его раскрывается передъ ней. Да, онъ былъ хищный авантюристъ, искатель приключеній, любовникъ борьбы во имя борьбы. Но съ той минуты, какъ онъ сознадъ упавшую на него великую отвѣтственность блюсти счастье цѣлаго княжества, — онъ уже не живетъ для себя. Онъ отдалъ себя цѣликомъ этому чужому народу.

Онъ вспоминаетъ прошлое, и въ увлекательномъ разсказѣ передъ восторженной дѣвушкой обрисовывается во весь ростъ красивый образъ этого истиннаго мужчины, который не знаетъ, что такое страхъ, который сотни разъ смотрѣлъ въ глаза смерти, ходилъ по острію бритвы на волоскъ отъ гибели.

Пламенное внезапное чувство вспыхиваетъ въ герцогской дочери. О, какъ давно она ждала такого человѣка! И она объявляетъ ему, что отнынѣ она пойдетъ за нимъ, куда бы онъ ни позвалъ ее. Пусть придетъ часъ, онъ сдѣлаетъ ей знакъ и на жизнь съ нимъ она промѣняетъ всѣ преимущества своего царственнаго положенія.

Очень колоритенъ послѣдній актъ. Новый правитель убѣдился въ томъ, что онъ не понятъ ни справа, ни слѣва, ни герцогомъ и его женой, ни придворными, ни народомъ. Ему самому трудно сдерживать свою натуру, жаждущую приключеній, а тотъ срокъ, какой онъ назначилъ своимъ товарищамъ по морскимъ путешествіямъ, уже подходитъ. Его тянетъ опять къ бурямъ и грозамъ, къ трепетной, полной разнообразія жизни морского волка. Совсѣмъ близокъ часъ, когда кликнетъ его вѣрный Беппо и соберетъ къ нему вѣрныхъ матросовъ.

Происходитъ послѣднее объясненіе во дворцѣ съ герцогомъ. Забывая о происшедшихъ треніяхъ, герцогъ упрашиваетъ его остаться здѣсь. Неопредѣленно, загадочно держитъ себя капитанъ. Эффектнымъ взмахомъ руки герцогъ отбрасываетъ завѣсу, отдѣляющую балконъ его дворца отъ огромной толпы, которая уже давно шумитъ тутъ на берегу, въ виду кораблей.

Пышными фразами герцогъ объявляетъ народу, что даритъ ему этого властителя, при которомъ, онъ надѣется, обезпечено народное счастье.

Народъ шумитъ. Но попрежнему загадочно поведеніе капитана. Среди пестрой толпы на берегу его глаза выискиваютъ старыхъ товарищей по морскимъ скитаніямъ. Они уже совсѣмъ готовы, и у нихъ все готово.

Тогда герой пьесы говоритъ свое послѣднее слово. Онъ не останется. Онъ уѣзжаетъ. Дочь герцога видитъ, что это тотъ часъ, когда онъ зоветъ ее. Она сходитъ съ балкона и даетъ ему руку. Передъ отцомъ и народомъ она громко заявляетъ, что пойдетъ за нимъ, куда бы онъ ни захотѣлъ. Капитанъ беретъ ея руку и дѣлаетъ послѣдній поклонъ ея родителямъ.

— Простите, герцогиня!..

Занавѣсъ падаетъ.

III.

„Драма въ домѣ“ С. Юшкевича.

Семенъ Юшкевичъ, до сихъ поръ остававшійся, какъ беллетристъ и драматургъ, въ кругу еврейскихъ типовъ, еврейскихъ интересовъ, теперь дѣлаетъ попытку оторваться отъ родной почвы. Его новая драма содержаніе свое черпаетъ изъ русской жизни.

Какъ передаютъ, въ этомъ, только что законченномъ, произведеніи, авторъ стремится изобразить катастрофу женской души. Героиня падаетъ жертвой борьбы между чувствомъ долга, влекущимъ ее на путь матеріалистическаго міровоззрѣнія, которое господствуетъ въ „домѣ“, и идеалистическимъ порывомъ, уносящимъ ее за стѣны „дома“, къ яркимъ иллюзіямъ соблазна.

Семейная драма — говоритъ въ „Рѣчи“ нѣкто Ч., — только внѣшняя оболочка, сквозь которую ясно просвѣчиваетъ куда болѣе важная и широкая общерусская, чтобы не сказать— общечеловѣческая драма людей, потерявшихъ что-то, самое въ жизни важное, безъ чего вся жизнь становится скучною и страшною безсмыслицею, теряетъ свои краски и свою радостность. То, что должно бы быть высшимъ благословеніемъ, становится высшимъ проклятіемъ. И тѣ, которые обороняли это самое важное, чѣмъ жива жизнь, подходятъ вмѣстѣ съ героинею „Драмы въ домѣ“ къ рубежу.

Одна цитата прольетъ, думается, достаточно яркій свѣтъ на внутреннее содержаніе драмы, на то душевное состояніе ея героини, анализомъ и изображеніемъ которой преимущественно занятъ авторъ. „Мнѣ все представляется, — говоритъ сестрѣ Елена, жена инженера, — что люди, сколько ихъ есть въ мірѣ, взялись за руки, образовали кругъ, опоясали землю и играютъ какую-то игру. И вотъ я опустила руки, вышла изъ круга, и цѣпь замкнулась передо мною. Всѣ кружатся, играютъ, а я стою въ сторонѣ, уже свободная отъ всего“. Но эта „свобода ото всего“ — не освобожденіе, но

ужасъ. Пускай даже жизнь — незначительная и нелѣпая игра, „какая-то потрясающая чепуха“, какъ говоритъ еще кто-то въ этой драмѣ о потерявшихъ смыслъ жизни людяхъ. А „выйдешь изъ круга“, — остаешься внѣ жизни, остаешься ни съ чѣмъ. Нечѣмъ и не для чего жить.

Какъ это случилось, почему Елена и такъ многіе вмѣстѣ съ нею „вышли изъ круга“? „Раньше я вѣрила въ Бога“, — говоритъ Елена мужу, желая объяснить ему, что съ нею, почему она, у которой какъ-будто все есть для счастья, которая—и любящая, и любимая жена, и счастливая мать, несетъ жизнь, какъ тяжесть и проклятіе, — „раньше я знала, что хорошо, что дурно; но пришелъ ты, и я все растеряла. Теперь я знаю другое, — что жизнь начинается, разрушается, что все живущее исчезнетъ и не повторится... Пройдутъ билліоны лѣтъ, и такъ будетъ длиться вѣчно, безъ всякаго смысла, безъ оправданія...“ Передъ самымъ своимъ концомъ, идя на ту дорожку сада, гдѣ приметъ смерть, Елена говоритъ бабушкѣ: „Вотъ я жила беззаботно, играла, рѣзвилась и вдругъ потеряла самое цѣнное, самое дорогое, безъ чего человѣкъ не можетъ жить. Шла, играла и незамѣтно уронила“. „Я на минуту вышла изъ круга, — повторяетъ она то, что говорила раньше, — отвернулась отъ людей—и вдругъ осталась одна на весь міръ...“

Вотъ — самое основное въ психикѣ и въ философіи этой растерявшейся въ жизни женщины. Она пробуетъ бороться съ цѣпью страшныхъ силлогизмовъ, которые въ ней живутъ, какъ чувство. И ищетъ по-женски, все на томъ же пути любви къ мужчинѣ. У нея готовъ софизмъ для оправданія исканій на этомъ пути. „Если одна любовь дѣлаетъ жизнь прекрасной, то почему намъ останавливаться на одной: — другая любовь должна сдѣлать жизнь еще интереснѣе, еще прекраснѣе, богаче?“ Она и сама въ глубинѣ чувствуетъ, что это не — истина, это только софизмъ. Но это въ ея глазахъ — послѣдняя соломинка. А можетъ быть, ухватившись за нее, можно спастись, вернуть жизни прелесть и яркость?

И передъ зрителемъ проходитъ исторія ея любви къ уже пожилому доктору Савицкому— романъ, который ей приноситъ, конечно, мало радости. Спасительная соломинка оказывается предательскою, обрывается, какъ только она протянула къ ней руку, и катастрофа лишь ускоряется.

Одна изъ послѣднихъ сказокъ М. Горькаго.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ М. Горькій время отъ времени выступалъ съ политической сатирой. Въ сентябрьской книжкѣ „Совр. Міра“ сразу появилось десять сказокъ, написанныхъ на животрепещущія темы русской дѣйствительности. Очевидно этотъ жанръ пришелся ему по вкусу. Что бы судить объ этомъ новомъ жанрѣ М. Горькаго, приводимъ одну изъ его послѣднихъ сказокъ о томъ, какъ евреи „провели“ интеллигентовъ-протестантовъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жили-были евреи, обыкновенные евреи для погромовъ, для оклеветанія и прочихъ государственныхъ надобностей.

Порядокъ былъ такой: какъ только коренное населеніе станетъ обнаруживать недовольство бытіемъ своимъ, изъ наблюдательныхъ за порядкомъ пунктовъ, со стороны ихъ благородій раздается чарующій надеждами зовъ:

— Народъ, приблизься къ сѣдалищу власти!

Народъ привлечется, а они его совращать:

— Отчего волненіе?

— Ваши благородія, жевать нечего!

— А зубы есть еще?

— Маленько есть...

— Вотъ видите, всегда вы ухитряетесь что-нибудь да скрыть отъ руки начальства!

И, ежели ихъ благородія находили, что волненіе усмиримо посредствомъ окончательнаго выбитія зубовъ, то немедля прибѣгали къ этому средству; если же видѣли, что это не можетъ создать гармоніи отношеній, то обольстительно добивались толку:

— Чего жъ вы хотите?

— Землицы бы...

Нѣкоторые въ свирѣпости своего непониманія интересовъ государства шли дальше и клянчили:

— Леформовъ бы какихъ-нибудь, чтобы, значитъ, зубья, ребры и внутренности наши считать въ родѣ какъ бы нашей собственностью и зря не трогать!

Тутъ ихъ благородія и начинали усовѣщевать.

— Эхъ, братцы! Къ чему эти мечты? „Не о хлѣбѣ единомъ“—сказано и еще сказано— за битаго двухъ небитыхъ даютъ!

— А они согласны?

— Кто?

— Небитые-то?

— Господи! Конечно. Къ намъ въ третьемъ году, послѣ Успенья, англичане проснись— вотъ какъ! Сошлите, просятъ, весь вашъ на-

родъ въ мѣста отдаленныя, а насъ на его мѣсто посадите; мы, говорятъ, вамъ и подати аккуратно платить будемъ, и водку станемъ пить по двѣнадцать ведеръ въ годъ на брата, и вообще... Нѣтъ, говоримъ, зачѣмъ же? У насъ свой народъ хорошъ, смирный, послушный, мы и съ нимъ обойдемся... Вотъ что, ребята, вамъ бы лучше, чѣмъ волноваться зря, пойти бы да жидовъ потрепать, а? Къ чему они?

Коренное населеніе подумаетъ-подумаетъ, видитъ — нельзя ждать никакого толка, кромѣ предначертаннаго начальствомъ, и рѣшается:

— Ну, нну, айдати, ребята, благословясь...

Разворотятъ домовъ полсотни, перебьютъ нѣсколько еврейскаго народу и, уставъ въ трудахъ, успокоятся въ желаніяхъ, а порядокъ торжествуетъ.

Кромѣ ихъ благородій, коренного населенія и евреевъ, для отвода волненій и угашенія страстей существовали въ одномъ государствѣ добрые люди, и послѣ каждаго погрома, собравшись всѣмъ своимъ числомъ, шестнадцать человѣкъ, заявляли міру письменный протестъ:

„Хотя евреи суть тоже подданные нашего государства, но мы убѣждены, что совершенно истреблять ихъ не слѣдуетъ, и симъ со всѣхъ точекъ зрѣнія выражаемъ наше порицаніе неумѣренному уничтоженію живыхъ людей. Гуманистовъ, Оптоѣдовъ, Ивановъ, Кусайгубинъ, Торопыгинъ, Крикуновскій, Осипъ Троеуховъ, Грохало, Фигофобовъ, Кириллъ Мефодіевъ Словотековъ, Капитолина Колымская, подполковникъ въ отставкѣ Непейпиво. пр. пов. Нарымъ, Хлопотунскій, Притулихинъ, Гриша Будущевъ, семи лѣтъ мальчикъ“.

И такъ послѣ каждаго погрома съ той лишь разницей, что Гришинъ возрастъ измѣнялся, да за Нарыма по случаю неожиданнаго выѣзда его въ одноименный городъ Колымская подписывалась.

Иногда на эти протесты отзывалась провинція:

„Сочувствую и присоединяюсь“, — телеграфировалъ изъ Дремова Раздергаевъ, Заторканный изъ Мямлина тоже присоединялся, а изъ Окурова—Самогрызовъ и „др.“, при чемъ для всѣхъ было ясно, что „др.“ онъ выдумалъ для пущей угрожаемости, ибо въ Окуровѣ никакихъ „др.“ не было.

Евреи, читая протесты, еще пуще плачутъ, и вотъ однажды одинъ изъ нихъ — человѣкъ очень хитрый—предложилъ:

— Вы знаете что? Нѣтъ? Ну, такъ давайте передъ будущимъ погромомъ и спрячемъ всю бумагу, и всѣ перья, и всѣ чернила и посмотримъ, что они будутъ дѣлать тогда, эти шестнадцать и съ Гришемъ?

Народъ дружный—сказано-сдѣлано: скупили всю бумагу всѣ перья и спрятали, а чернила въ Черное море вылили и сидятъ, дожидаются.

Ну, долго ждать не пришлось: разрѣшеніе получено, погромъ произведенъ, лежатъ евреи въ больницахъ, а гуманисты бѣгаютъ по столицѣ, ищутъ бумаги, перьевъ — нѣтъ бумаги, нѣтъ перьевъ, нигдѣ, кромѣ какъ въ канцеляріяхъ ихъ благородій, а оттуда не даютъ.

— Ишь вы! — говорятъ, — знаемъ мы для какихъ цѣлей вамъ это надобно! Нѣтъ, вы обойдетесь безъ этого!

Хлопотунскій умоляетъ:

— Да какъ же?

— Ну, ужъ, — говорятъ, — достаточно мы васъ протестамъ обучали, сами догадайтесь...

Гриша, ему уже сорокъ три года минуло, плачетъ.

— Хосю протестовать!

А не на чемъ!

Фигофобовъ мрачно догадался:

— На заборѣ бы, что ли?

А въ городѣ и заборовъ нѣтъ, однѣ рѣшетки.

Однако, побѣжали на окраину, куда-то за бойни, нашли старенькій заборчикъ, и, только что Гуманистовъ первую букву мѣломъ вывелъ, вдругъ, яко бы съ небесъ спустясь, подходитъ городовой и сталъ увѣщевать:

— Это что же будетъ? За эдакое надписаніе мальчишекъ шугаютъ, а вы, солидные будто господа, ай-яй-яй!

Конечно, онъ ихъ не понялъ, думая, что они литераторы изъ тѣхъ, которые подъ 1001-ю статью пишутъ, а они сконфузились и разошлись—въ прямомъ смыслѣ—по домамъ.

Такъ одинъ погромъ и остался не опротестованъ, а гуманисты безъ удовольствія.

Справедливо говорятъ люди, понимающіе психологію расъ: хитрый народъ евреи!

Одинокій среди людей.

(Памяти М. А. Врубеля.)

Сергѣй Давыдовъ въ журналѣ „Путь“ посвящаетъ нѣсколько теплыхъ страницъ памяти М. А. Врубеля, который при жизни не только не былъ понятъ и оцѣненъ по заслугамъ, а подвергся жестокому осмѣянію. А, между тѣмъ, это былъ подлинный художникъ-творецъ.

„Изъ длинной вереницы прошедшихъ передо

мною людей, душевный спектръ которыхъ разложила болѣзнь, его спектръ былъ самый богатый и самый яркій, и этотъ спектръ показалъ до неоспоримости ясно, что это былъ художникъ-творецъ, всѣмъ своимъ существомъ, до самыхъ глубокихъ тайниковъ психической личности". Такъ писалъ о Врубелѣ докторъ Ф. А. Усольцевъ, въ больницѣ котораго покойный художникъ проводилъ черные годы своей душевной болѣзни.

Творческій путь, который былъ пройденъ такимъ геніальнымъ художникомъ, какъ Михаилъ Александровичъ Врубель, — пишетъ С. Давыдовъ,— такъ разнообразенъ и великъ и весь полонъ такимъ глубокимъ проникновеніемъ въ тайны искусства, что одна только мысль прослѣдить этотъ путь, разсмотрѣть его изгибы и перепутья — порождаетъ невольно чувство трепета. Не поддаются никакому описанію ни исполинская мощь его таланта, силой котораго запечатлѣны передъ нами его произведенія, ни та чудесная и поистинѣ сказочная гамма волшебныхъ переливовъ его красокъ, которыя въ цѣломъ и составляютъ творенія Врубеля. „Міроощущеніе Врубеля всегда было необычайно, дѣлая его одинокимъ среди людей",— говоритъ про него А. Н. Ивановъ. И въ самомъ дѣлѣ: необычайность была во всемъ. Съ самаго перваго же произведенія и до послѣдняго — Врубель сразу вводитъ зрителя въ какой-то таинственный, доселѣ никѣмъ невиданный, ему одному только вѣдомый и уже во всякомъ случаѣ безусловно необычайный міръ, гдѣ каждое очертаніе, каждая линія и штрихъ дышатъ и живутъ своеобразной жизнью. И этотъ міръ, который былъ возсозданіемъ его творчества, такъ упоительно-прекрасенъ, что предъ нимъ блѣднѣютъ всѣ сказочные образы, созданные до сихъ поръ. Также много необычайнаго кроется и въ бугроватомъ серебряномъ слиткѣ плеча „Пана", и въ сапфировыхъ глазахъ „Демона", и въ композиціи тѣхъ причудливыхъ и разноцвѣтныхъ граней, изъ которыхъ составлялись его произведенія, какъ, напримѣръ, „Ангелъ", „Муза"... И только исключительная чуткость и необычайная фантазія, присущія только ему, Врубелю, открывали предъ его взоромъ такіе тайники міра, которыхъ до него не видѣлъ никто. Вѣдь Врубель, „какъ паладинъ, влюбленный и одержимый жаждою подвиговъ, странствовалъ неутомимо, завоевывая все новыя и новыя земли своего сказочнаго наслѣдія".

Необычайно сложна и вмѣстѣ съ тѣмъ необычайно интересна техника Врубеля. Какъ техникъ онъ поражаетъ своимъ волшебствомъ. Его умѣніе владѣть красками, комбинированіе ихъ въ созвучіе, его изумительная способность претворить краску, ея отдѣльныя штрихи, въ какое-то таинственное чудо, въ произведеніяхъ Врубеля и въ его творчествѣ пріобрѣтаютъ абсолютное значеніе и доходятъ до неслыханной мощи и красоты. Никто другой не постигалъ эту „новую природу", никто не умѣлъ такъ геніально и смѣло показать намъ ея несмѣтныя богатства, какъ это сдѣлалъ Врубель. Если вообразить, что картина есть оркестръ, то Врубель ея единственный и безподобный гармонизаторъ. Взять для примѣра хотя бы его „Восточную Сказку", или „Царевну-Лебедь", или „Морскую Царевну", или „Дѣвочка на фонѣ персидскаго ковра", или... да все, что создано имъ. Развѣ это не изумительная техника волшебнаго сказочника, развѣ это не подлинный талантъ и геній, что умѣлъ такъ дивно и чудесно слагать свои пѣсни. Достаточно всмотрѣться въ какую-либо линію, чтобы постигнуть своеобразіе Врубеля и его вѣчно-притягательную силу. Краски превратились въ музыку; то чудится баллада о великихъ подвигахъ, то ясно слышишь эпическую симфонію, то издали доносится грустный ноктюрнъ...

Какой внутренній огонь заставлялъ горѣть его творческое пламя? Какой именно моментъ вдохновлялъ его душу? Весьма цѣнны въ этомъ случаѣ слѣдующія слова С. С. Мамонтова. „Въ Неаполѣ мы поднимались на Везувій — говоритъ Сергѣй Мамонтовъ,— и я помню, какъ, стоя на краю кратера, я умолялъ Врубеля сдѣлать этюдъ, но онъ рѣшительно отказывался, утверждая, что кратеръ надо писать не реально, а по вдохновенію. И дѣйствительно, на другой день, сидя въ номерѣ гостиницы, сумѣлъ въ маленькомъ наброскѣ такъ передать свое впечатлѣніе отъ вулкана, какъ бы врядъ ли ему удалось сдѣлать съ натуры". Да, рѣшительно нельзя писать реально — вотъ основа Врубеля,— и не только съ кратера, но и вообще. Правда, онъ очень много и неутомимо работалъ съ натуры, дѣлалъ фотографическіе снимки, детально и внимательно изучалъ природу, всматривался и интересовался людьми, встрѣчами. Но все это, иначе говоря — реальный міръ, было лишь только средствомъ, нѣкоторымъ орудіемъ, которымъ онъ пользовался для достиженія своей цѣли. Его вдохновеніе, его творчество — возсозданіе фантазіи его душевнаго міра, гдѣ въ мимолетныхъ видѣніяхъ иногда запечатлѣвались интересныя черты нашей дѣйствительности. Его фантазія говорила о своихъ снахъ, о „новой природѣ", чего нѣтъ въ реальномъ мірѣ. Въ этомъ послѣднемъ вы не найдете тѣхъ сочетаній въ такомъ видѣ, въ какомъ предстаетъ

предъ вами Врубель. Есть сапфиръ, есть изумрудъ, есть опалъ, но сапфировыя глаза „Демона“, опаловое одѣяніе „Морской Царевны“— это только сны его, это только исканія его души. И въ этомъ его сила, въ этомъ его яркость и въ этомъ именно сказался его художественный геній. Чутьемъ души, вѣщаніемъ однихъ только сновъ, силой Демона его Генія онъ вскрылъ ту красоту, которой не дала намъ Природа.

„Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ чудеснаго искала“— говоритъ Лермонтовъ про себя. Но какъ это приложимо и къ Врубелю и какъ это правдиво для характеристики его личности! Врубель искалъ чудесное всю жизнь. И отъ того, какъ онъ искалъ и что онъ нашелъ,— становится страшно и жутко. Вотъ „Демонъ сидящій“ (1890 г.). Его глубокозадумчивый взглядъ, сложенныя мощныя руки, охватившія колѣни, даютъ полное впечатлѣніе переживаемой имъ драмы; чувствуется, что онъ тоскуетъ, какія-то зловѣщія думы омрачаютъ его всегда печальную душу. Но онъ думаетъ о какихъ-то грядущихъ подвигахъ; вотъ сейчасъ онъ встанетъ и полетитъ... Но вотъ „Демонъ Летящій“ (1899 г.). Скорбь увеличилась, уже нѣтъ былой надежды. Его лицо говоритъ скорѣе о мятежныхъ чувствахъ, переживаемыхъ имъ, и объ ужасѣ при одной мысли, что все лишь только ложь и пустая забава. Еще одинъ взмахъ крыльевъ, еще одинъ взглядъ... быть можетъ Солнце освѣтитъ ярче, чѣмъ его сверкающій сапфировый глазъ. Но вотъ 1901 годъ, и Демонъ появляется вновь... Но... онъ „поверженъ“. Глубокое отчаяніе, безумный ужасъ охватили его. Скрестивъ надъ головой руки, потерявъ все, что имѣлъ, Демонъ Поверженный еще болѣе страшенъ, чѣмъ прежде. Чувствуется, что въ его душѣ таится месть, что онъ готовъ послать проклятіе Міру и лишь только его божественное происхожденіе удерживаетъ унизиться до этого. Быть можетъ, онъ еще скажетъ что-либо... Но въ 1902 г. надъ Врубелемъ жестоко посмѣялась злая иронія судьбы, поразивъ его умственную и душевную дѣятельность. До 1906 г. сознаніе временами возвращалось вновь и тогда онъ снова работалъ. Но съ этого времени, потерявъ и зрѣніе, Врубель умеръ духовно окончательно. Тѣло перестало дышать навсегда 1-го апрѣля 1910 г. На полусловѣ оборвалась рѣчь Врубеля... Его Поверженный Демонъ хотѣлъ еще что-то сказать. Это чувствовалось ясно.

Все творчество Врубеля, его философія покоится на желаніи найти ключъ въ нѣдра Міра, приподнять Завѣсу, заглянуть „по ту сторону“. Охваченный и гонимый вездѣ и всюду этимъ желаніемъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ ясно сознавалъ тщетность всѣхъ этихъ усилій и потому въ его творчествѣ, на ряду съ вѣрой въ свою сверхчеловѣческую мощь и силу, проглядываетъ глубокое безвѣріе, безысходная тоска... На ряду съ стремленіемъ — отчаяніе. Стоитъ только взглянуть въ Автопортретъ 1905 года и посмотрѣть въ его глаза и складки между бровями, чтобы почувствовать весь тотъ ужасъ, то страданіе и одиночество, на которые былъ обреченъ Врубель, уже по одному тому, что онъ смѣлъ и дерзнулъ смотрѣть такъ глубоко и такъ проникновенно. Въ своемъ творчествѣ Врубель подымался до глубокихъ замысловъ и поистинѣ трагическихъ сторонъ жизни. Надо было имѣть въ своей душѣ глубокую искренность, чтобы такъ безстрашно и увѣренно, по своимъ завѣтамъ, не взирая ни на что, творить и жать, какъ творилъ и жилъ Михаилъ Врубель.

И онъ былъ искрененъ!..

Молодежь и общество.

(Статья М. Арцыбашева).

Журналъ „Студенческое дѣло“ обратился съ анкетой о проектируемомъ „студенческомъ домѣ“ къ видным профессорамъ, писателямъ, юристамъ, общественнымъ дѣятелямъ. Откликнулся среди другихъ и М. П. Арцыбашевъ. Въ своемъ отвѣтѣ онъ подвергаетъ смѣлой переоцѣнкѣ вопросъ огромной принципіальной, моральной и житейской важности — вопросъ о правѣ молодежи вообще, и учащейся въ частности и по преимуществу, на поддержку общества.

„Лѣтъ десять тому назадъ,—пишетъ М. Арцыбашевъ, — какой-то юноша, пріѣхавшій въ Петербургъ, чтобы поступить въ университетъ, былъ страшно удивленъ однимъ совершенно непредвидѣннымъ обстоятельствомъ.

Обстоятельство это заключалось въ томъ, что не взирая на высокую цѣль его пріѣзда, не смотря на самое очевидное желаніе его быть докторомъ, инженеромъ или адвокатомъ, а отнюдь не дворникомъ и не мастеровымъ, Петербургъ не только не пришелъ въ умиленіе, но даже и вовсе его не замѣтилъ.

Оскорбленный юноша, не долго думая, открыто и смѣло выступилъ съ письмомъ въ редакцію одной, тогда очень популярной, газеты.

Въ этомъ письмѣ, тономъ величайшаго и искреннѣйшаго негодованія, онъ вопіялъ о томъ, что каждый годъ сотни и тысячи молодыхъ лю-

дей, наивныхъ и неопытныхъ, но одержимыхъ самымъ высокимъ порывомъ къ университетскому диплому, пріѣзжая въ большой городъ, попадаютъ въ руки коварныхъ квартирныхъ хозяекъ, портятъ себѣ желудки въ скверныхъ кухмистерскихъ, бѣгаютъ за уроками, селятся въ отвратительныхъ комнатахъ и не видятъ никакой заботливости со стороны общества. Тутъ же рекомендовалъ онъ образованіе особыхъ комиссій, члены которыхъ должны встрѣчать неопытныхъ юношей на вокзалѣ, пріискивать имъ подходящее помѣщеніе, оберегать отъ покушеній квартирныхъ хозяекъ и отъ дурныхъ послѣдствій посѣщенія плохихъ кухмистерскихъ. Онъ не только рекомендовалъ это, онъ требовалъ этого во имя долга общества передъ его лучшей надеждой—учащейся молодежью.

Это письмо встрѣтило тогда горячую отповѣдь одного извѣстнаго журналиста, между прочимъ указавшаго, что каждый годъ тысячи молодыхъ людей, въ лаптяхъ и съ котомками за спиной не только пріѣзжаютъ, но и пѣшкомъ приходятъ въ столицу, спятъ въ ночлежкахъ и подъ мостами, грызутъ сухари, а то и просто голодаютъ, попадаютъ въ руки самыхъ беззастѣнчивыхъ эксплуататоровъ и жуликовъ, въ вони и грязи пробиваютъ себѣ дорогу, гибнутъ и даже въ будущемъ не имѣютъ утѣшенія въ видѣ спасительнаго диплома и обезпеченной сытой жизни. Между тѣмъ они не лѣзутъ къ обществу съ требованіемъ опеки, не просятъ няньку и не требуютъ вознагражденія за будущую пользу, хотя еще и вопросъ, кто больше приноситъ этой самой пользы обществу.

Отповѣдь была жестока, можетъ быть, и не по заслугамъ.

Откровенно говоря, меня самого всегда нѣсколько удивляло, когда начинали говорить о студенчествѣ, какъ о нашей лучшей надеждѣ, когда вопили о его бѣдственномъ положеніи и упрекали общество въ равнодушіи, несмотря на всѣ эти дешевыя студенческія столовыя, общежитія, стипендіи, многочисленныя общества вспомоществованія, крупныя пожертвованія и безконечные концерты и вечера въ пользу недостаточныхъ студентовъ каждаго землячества или учебнаго заведенія въ отдѣльности.

Съ одной стороны мнѣ казалось страннымъ, что деревенская молодежь даже и не претендующая на такія заботы, совершенно замалчивается, какъ надежда, хотя таковою она является въ степени даже большей, въ чемъ убѣдился я въ тяжелые революціонные годы, когда рабочая масса шла во главѣ народнаго движенія.

Съ другой стороны, не могло не удивлять, что всякому, изъ вопіющихъ о равнодушіи, конечно, показалось бы страшной самая идея объ учрежденіи стипендій для ярославскихъ плотниковъ или объ устройствѣ концерта въ пользу сапожныхъ подмастерьевъ.

И я думалъ, что изъ тѣхъ сотенъ и тысячъ студентовъ, которые ежегодно кончаютъ университеты, институты и академіи, вовсе не такъ ужъ много выходитъ дѣйствительно честныхъ и смѣлыхъ гражданъ, оправдывающихъ возлагавшіяся на нихъ надежды. Увы, людей съ университетскимъ дипломомъ все же гораздо менѣе въ станѣ „погибающихъ за великое дѣло любви“, чѣмъ на теплыхъ мѣстечкахъ ворующихъ инженеровъ, правительственныхъ чиновниковъ, педагоговъ-душителей и вождей чернаго стана. И еще больше ихъ среди благодушныхъ, равнодушныхъ и сонныхъ обывателей.

Если бы само студенчество не такъ привыкло къ сюсюканью и ухаживанію, то оно должно было бы согласиться со мною. Согласиться въ томъ, что все это няньчинье унизительно для человѣческаго достоинства.

Каждый человѣкъ долженъ самъ пробивать себѣ дорогу, въ этомъ его естественное право и обязанность. Если борьба тяжела, если въ ней страдаютъ желудки и души, что жъ!.. Тѣмъ больше заслуги у того, кто не опустивъ головы, не растратитъ жара душевнаго и принесетъ свои идеалы, свѣтлы и чисты, до конца.

Съ какой стати эти подачки, какъ не станетъ коломъ въ горлѣ рубль, полученный отъ какой-нибудь скучающей барыни или прожигающаго жизнь шута, которыхъ нужно щекотать сладкой музыкой или пикантнымъ маскарадикомъ, чтобы они пустили сокъ, развязали мошну?..

Я, лично, противъ всякой филантропіи, считая ее недостигающей цѣли и унизительной для благодѣтельствуемаго.

Ваша идея объ устройствѣ студенческаго дома, какъ одного изъ видовъ общественной помощи студенчеству, сама по себѣ не кажется мнѣ ни хорошей, ни дурной.

Хорошей или дурной она можетъ быть въ зависимости отъ того, по какому плану и въ какихъ рамкахъ будетъ эта помощь.

Если это будетъ замаскированная богадѣльня, это будетъ дурно, какъ богадѣльня для трудоспособныхъ людей, отнимающая у нихъ привычку къ труду и борьбѣ, помогающая формированію вялыхъ и безвольныхъ, неспособныхъ бороться до конца, тѣхъ, которыхъ у насъ такъ много и которые еще такъ недавно не сумѣли удержать въ рукахъ, добытую имъ, кровью храбрыхъ и стойкихъ, свободу.

Если же это будетъ учрежденіе, въ которомъ

съ одной стороны используютъ разумно силы молодежи, а съ другой дадутъ ей возможность приложить эти силы не въ ущербъ прямому занятію, если это будетъ домъ труда и ученія, то это будетъ хорошо.

Задачи, положенныя въ его основу, должны быть задачи пріученія къ труду въ широкихъ размѣрахъ, въ разнообразныхъ проявленіяхъ, сверхъ обычныхъ, исторіей освященныхъ, „уроковъ“ и „переписки“. Для общества въ этомъ будетъ громадное значеніе, такъ какъ поспособствуетъ формированію кадровъ людей, привычныхъ къ труду въ самыхъ разнообразныхъ его формахъ, а для самого студенчества не меньшее значеніе имѣетъ возможность избавиться отъ необходимости и соблазна жить интеллигентскимъ нищенствомъ, питаться отъ подачекъ танцующихъ дамъ и праздныхъ меломановъ.

Въ Америкѣ не рѣдкость, что студенты въ періодъ лѣтнихъ вакацій служатъ даже лакеями въ ресторанахъ. Для русскаго уха это немного странно, и я далекъ отъ мысли предложить этотъ трудъ предпочтительно передъ другими, но мнѣ такъ же немного странно и то, что молодые здоровые люди, поставившіе на своемъ знамени демократическіе принципы, въ поискахъ работы вѣчно вертятся въ заколдованномъ кругу уроковъ и переписки, считая для себя унизительнымъ всякій физическій трудъ, считая унизительнымъ съ высотъ интеллигентности спуститься въ низы простой рабочей жизни.

Отзывы о книгахъ.

88. **Бахтинъ, Н. Н.** 016 : 792

Обзоръ пьесъ для дѣтскаго и школьнаго театра. Изд. жур. „Русская Школа". СПБ. 1912 г. Ц. 25 к.

Въ высшей степени благопріятное впечатлѣніе производитъ эта небольшая книжка, касающаяся репертуара дѣтскаго и школьнаго театра, до сихъ поръ еще почти совершенно неизслѣдованнаго и незатронутаго критикой. Съ огромнымъ знаніемъ дѣла, съ рѣдкой любовью и пониманіемъ дѣтской психологіи, авторъ осторожно пытается разобраться въ огромномъ матеріалѣ дѣтской драматической литературы и выдѣлить изъ этого богатаго количественно, но бѣднаго внутренними художественными достоинствами запаса, тѣ сравнительно немногія цѣнныя пьесы, знакомство съ которыми могло бы принести дѣтямъ безусловную пользу. Выводы свои авторъ считаетъ далеко неокончательными, а только лишь теоретическими, такъ какъ „окончательное сужденіе о наиболѣе подходящемъ для дѣтей репертуарѣ можно составить лишь послѣ произведенныхъ опытовъ постановки и наблюденій надъ дѣтьми-исполнителями и дѣтьми же зрителями. Эти наблюденія подчасъ даютъ совершенно неожиданные результаты и ведутъ къ просмотру и измѣненію предварительныхъ теоретическихъ соображеній". Однако, эти теоретическія соображенія являются чрезвычайно желательными и необходимыми для всякаго, интересующагося репертуаромъ дѣтскихъ спектаклей, помогая при выборѣ пьесъ и предварительно ознакамливая съ ихъ содержаніемъ. Авторъ прекрасно дѣлаетъ, распредѣляя всѣ пьесы разобраннаго имъ репертуара на группы по сюжетамъ. Такъ, въ его обзорѣ оказались группы пьесъ на библейскіе сюжеты, сказочные, фантастическіе (дѣтскія фееріи), изъ дѣтской жизни и, наконецъ, историческіе. Подобное дѣленіе значительно облегчаетъ знакомство съ пьесами и дастъ возможность быстро ориентироваться въ собранномъ матеріалѣ, тѣмъ болѣе, что въ концѣ книжки авторъ помѣстилъ алфавитные указатели именъ авторовъ и названій пьесъ.

Мы позволимъ себѣ горячо рекомендовать книжку Н. Н. Бахтина вниманію не только педагоговъ и родителей, но и настоящихъ театральныхъ предпріятій, удѣляющихъ на своихъ подмосткахъ мѣсто и для дѣтскихъ спектаклей. (С. Дмитріевъ. „Пед. Обозр." 1912 — 4-5).

Въ брошюрѣ дается краткая характеристика болѣе сотни пьесъ для дѣтскаго театра, съ указаніемъ количества дѣйствующихъ лицъ (взрослыхъ и дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ) и необходимыя декораціи. Пока это единственный въ своемъ родѣ указатель въ русской педагогической литературѣ. Пьесы указываются только лучшія изъ имѣющихся въ русской литературѣ, удовлетворяющія хотя бы отчасти педагогическимъ и художественнымъ требованіямъ. („Нар. Обр." 1912 — 4).

89. [. . . . .] 059

Иллюстрированный литературный календарь-справочникъ. Подъ ред. Г. П. Сергѣева и В. Е. Чешихина (Ч. Вѣтринскаго). Нижній Новгородъ. 1912. Ц. 40 к.

Изданія этого рода, очень распространенныя въ Германіи, у насъ составляютъ большую рѣдкость, несмотря на очевидную ихъ пользу. Вмѣстѣ съ обычными календарными свѣдѣніями, пополненными сообразно съ потребностями данной мѣстности, они даютъ общеобразовательный матеріалъ, пріуроченный преимущественно къ интересамъ переживаемаго времени. Такъ, напр., въ „Нижегородскомъ Ежегодникѣ" помѣщены краткіе очерки событій 1612-го и 1812-го гг., замѣтки о писателяхъ, юбилейные дни которыхъ предстоятъ въ 1912 году, некрологи мѣстныхъ дѣятелей. Особые отдѣлы посвящены народному здравію, народному образованію, вопросомъ коопераціи, сельскому хозяйству. Къ книгѣ приложена карта Нижегородской губ., два плана, 20 рисунковъ и три портреты. („Вѣст. Евр." 1912—2).

Книга предназначается, между прочимъ, и для „земскихъ и городскихъ гласныхъ и служащихъ". Въ этихъ цѣляхъ на 1912 г. (2-й годъ изданія) включены вопросы городского самоуправленія и хозяйства. Составленъ сборникъ популярно и разнообразно, обхватывая въ своихъ 33 отдѣлахъ почти всѣ насущные вопросы общественно-экономической жизни. („Арх. Гор. Изв." 1912—3).

Изданіе не преслѣдуетъ педагогическихъ цѣлей не можетъ быть школьнымъ учебникомъ или книгой для класснаго чтенія, но ово интересно тѣмъ что, кромѣ обычныхъ календарныхъ справочныхъ свѣдѣній, въ цѣломъ рядѣ очерковъ, очень краткихъ и сжатыхъ, даетъ свѣдѣнія по исторіи, географіи, культурѣ, мѣстнымъ промысламъ Нижегородскаго края, по народному образованію, медицинѣ и т. п., давая первый толчокъ къ дальнѣйшей популяризаціи этихъ свѣдѣній спеціально къ школьной средѣ. Какъ справочное изданіе оно найдетъ широкій кругъ читателей, лишній разъ пробудитъ среди нихъ интересъ къ изученію мѣстнаго края и въ то же время вызоветъ серьезныя попытки на мѣстахъ создать школьную хрестоматію и сборники, облегчающіе введеніе въ народную школу мѣстнаго родиновѣдѣнія и знакомство съ окружающей ребенка средой и природой. Существеннымъ недостаткомъ разбираемаго изданія является нѣкоторая схематичность многихъ его очерковъ. (Ю. Веселовскій. „Вѣстн. Восп." 1912—13).

90. **Телешовъ, Н.** 087 . 1

Разсказы и сказки для юныхъ читателей. СПБ. 1912. Книгоизд. Т-во „Просвѣщеніе". Ц. 75 к.

Книга г. Телешова, заключающая въ себѣ, между прочимъ, хорошо извѣстныя, пользующіяся заслуженною популярностью, произведенія, относится къ категоріи тѣхъ, которыя смѣло можно

дать въ руки „юнымъ читателямъ“. Быть можетъ, не всѣ вещи, входящія въ составъ этой книги, способны въ одинаковой степени понравиться имъ, уже въ силу того, что онѣ, въ общемъ, не однородны по содержанію и манерѣ изложенія: рядомъ съ красивою, поэтическою сказкою или легендою мы находимъ въ книгѣ интересное, правдивое, но не имѣющее чисто беллетристическаго характера, описаніе спуска въ шахты и тѣхъ ощущеній, которыя пережилъ авторъ въ мрачномъ и сыромъ подземельѣ („Шахты“). Независимо отъ этого, нѣкоторые разсказы и и сказки слѣдуетъ вообще признать менѣе интересными и занимательными для юныхъ читателей; къ числу ихъ мы отнесли бы, напримѣръ, такія вещи, какъ „Косцы“, „Пѣснь о трехъ юношахъ“, „На колокольнѣ“. На ряду съ этимъ мы найдемъ, однако, въ книгѣ и такія произведенія, которыя неразрывно связаны съ именемъ г. Телешова и давно уже пользуются симпатіями подростающаго поколѣнія. На первомъ планѣ слѣдуетъ въ данномъ случаѣ поставить „Елку Митрича“.

Къ этому популярному разсказу примыкаютъ и такія вещи, какъ „Съ Богомъ“ и „Домой“, связанныя съ міромъ переселенцевъ, съ большимъ сибирскимъ трактомъ, перенидавшимъ столько страданій и людскихъ невзгодъ, затрогивающія болѣе или менѣе обстоятельно то, что переживаютъ дѣти, которыя рано знакомятся съ изнанкою жизни, съ нуждою, одиночествомъ, долгими скитаніями, иногда—горькою сиротскою долею. Альтруистическая нота, вмѣстѣ съ возвеличеніемъ самопожертвованія и самоотреченія ради блага тѣхъ, кто страдаетъ и нуждается въ помощи, является одною изъ наиболѣе симпатичныхъ особенностей разсказовъ и сказокъ г. Телешова. (Ю. Веселовскій. „Вѣст. Восп.“ 1912—4).

Н. Д. Телешовъ—писатель мало продуктивный, можетъ быть, никто изъ современныхъ писателей такъ мало не писалъ, какъ Телешовъ. Но это качество скорѣе положительнаго, чѣмъ отрицательнаго свойства,—не въ количествѣ, конечно дѣло, а въ качествѣ. Отличительной чертой разсказовъ автора служатъ простота, искренность и правдивость того, о чемъ онъ разсказываетъ и пишетъ. Всюду проглядываетъ у него любовь и гуманныя отношенія и къ людямъ, и къ животнымъ. Всѣхъ разсказовъ въ книгѣ двѣнадцать, и къ лучшимъ изъ нихъ надо отнести: „Все проходитъ“,—трогательный разсказъ о собакѣ подъ кличкой Хвостовъ,—„Съ Богомъ“, „Домой“ и „Шахты“. Къ книгѣ приложено 16 иллюстрацій, отпечатанныхъ на мѣловой бумагѣ въ двѣ краски. По изяществу своему книга напоминаетъ заграничныя изданія. (Энесъ. „Путь“. 1912—4).

91. **Полежаевъ, П.** 323(47)„1906 : 1907“

За шесть лѣтъ. (1906 — 1912 гг.). СПБ. Стр. 175. Ц. 25 к.

Г. Петръ Полежаевъ пожелалъ выразить свои восторги по поводу пережитой нами эпохи съ 1906 г. Это мрачное время, отмѣченное во всѣхъ областяхъ государственной и общественной жизни поворотомъ къ злѣйшей реакціи, представляется г. Петру Полежаеву великой творческой этохой. Но у автора не оказалось ни малѣйшихъ данныхъ сдѣлать этотъ грубый парадоксъ сколько-нибудь интереснымъ. Г. Полежаевъ—типичный Молчалинъ. Онъ хвалитъ и славословитъ рѣшительно все, что исходитъ отъ правительства, не замѣчая даже, какъ на каждомъ шагу ему приходится спотыкаться о явныя противорѣчія. Грубое подхалимство превосходно, впрочемъ, сочетается и съ не менѣе грубымъ невѣжествомъ. Брошюрка г. Полежаева, — кстати сказать, и съ внѣшней литературной стороны свидѣтельствующая о безнадежномъ убожествѣ ея автора. („Совр. Сл.“ 1912—1608).

Вся книга—сплошной хвалебный гимнъ правительству, прославленіе его дѣятельности и восторженное изумленіе передъ великими плодами „политики усмиренія“. (S. „Стол. Молва“ 1912—252).

Эта на рѣдкость дешевая книга (25 коп. за 11 печатныхъ листовъ въ весьма приличномъ изданіи) есть не только панегирикъ русскому правительству за подавленіе революціи 1905 года, но и оправданіе всѣхъ правительственныхъ мѣръ, принятыхъ за 6 лѣтъ, слѣдующихъ за революціей. (Н. П. „Вятск. Р.“ 1912—167).

92. **Гольдштейнъ І. М.** 331.88

Синдикаты и трэсты и современная экономическая политика. Изд. 2-е, исправл. и значительно дополн. Съ 2-мя діаграм. Ч. І. М. 1912. Ц. 2 р.

Синдикаты и трэсты еще сравнительно недавно возбуждали въ русскомъ читателѣ, главнымъ образомъ, теоретическій интересъ, и лишь за послѣднее время, особенно послѣ „дней свободы“, этотъ интересъ пріобрѣлъ какъ-то сразу практическій характеръ; въ настоящій моментъ процессъ синдицированія промышленности въ Россіи достигъ такого огромнаго развитія и притомъ принялъ такія болѣзненныя формы, что нѣтъ ничего удивительнаго, если потребитель, интересы котораго отъ этого новаго процесса въ нашей хозяйственной жизни сильно страдаютъ, почувствовалъ, наконецъ, потребность какъ слѣдуетъ разобраться въ сущности синдикатской практики. Съ другой стороны, предстоящее возобновленіе торговаго договора съ Германіей вызвало и въ торгово-промышленныхъ кругахъ серьезный интересъ къ современному экономическому положенію такой серьезной контрагентки, какъ Германія, и въ особенности къ роли синдикатовъ въ ея хозяйственной жизни, такъ какъ при заключеніи послѣдняго торговаго договора съ Германіей эти организаціи проявили огромную энергію и оказали значительное вліяніе на исходъ переговоровъ. А такъ какъ книга г. І. Гольдштейна на оба эти вопроса, поставленные жизнью, отвѣчаетъ, по крайней мѣрѣ, значительнымъ количествомъ свѣжаго и удачно подобраннаго матеріала, то и естественно, что она привлекла и привлекаетъ къ себѣ вниманіе читателей.

Хозяинъ въ области собиранія матеріаловъ и до извѣстной степени въ области классификаціи ихъ, г. Гольдштейнъ теряется, однако, какъ только ему приходится перейти къ анализу новыхъ явленій въ современной экономической жизни. Покуда дѣло идетъ о перечисленіи „недостатковъ“, или „злоупотребленій“, или „темныхъ сторонъ“ монополистическихъ торгово-промышленныхъ организацій, ему удается дать картину вопіющей эксплоатаціи потребителей угольными, желѣзными, сахарными „баронами“ и „королями“; но, стоитъ только автору перейти отъ описательной стороны къ изученію законовъ переживаемой

современнымъ капитализмомъ полюціи, какъ безнадежность его „либеральной" политики ученаго, сидящаго между двухъ стульевъ, обнаруживается сразу.

Тѣ, кто пожелаетъ познакомиться съ богатымъ матеріаломъ, весьма характернымъ для современнаго положенія синдикатовъ и трёстовъ и особенно для ихъ тактики, проявляющейся въ „форсированіи" экспорта, прочтутъ книгу г. Гольдштейна съ большою пользой для себя. Масса свѣжихъ фактовъ и цыфръ, любопытныя діаграммы, новизна вопроса вполнѣ оправдываютъ появленіе этой работы вторымъ изданіемъ. Издана книга изящно и стоитъ сравнительно недорого. (Г. Цыперовичъ. „Совр. М." 1912—2).

Книга цѣнна, главнымъ образомъ, обиліемъ собраннаго въ ней матеріала. Однако, матеріалъ этотъ не одинаковаго качества. Авторъ основательно знакомъ съ промышленнымъ строемъ Германіи и въ частности по своему вопросу приводитъ подробныя и очень интересныя данныя, почерпнутыя большею частью изъ первоисточниковъ. Иное приходится сказать объ Америкѣ. Здѣсь г. Г. беретъ свѣдѣнія почти исключительно изъ вторыхъ рукъ и совершенно не пользуется богатымъ матеріаломъ, заключающимся въ рядѣ оффиціальныхъ изслѣдованій. Благодаря этому, его данныя носятъ случайный, отрывочный характеръ и несвободны отъ ошибокъ.

Книга написана тяжеловатымъ языкомъ, изобилуетъ длиннѣйшими періодами и ненужными иностранными словами. (М. Н. Назаревскій. „Вѣст. Евр." 1912—6),

93. **Кованько, П. Л.**, прив.-доц. 336(47)„19"

Государственные расходы Россіи по предметамъ назначенія за 1903—1911 г. Финансово-статистич. очеркъ съ 15 діагр. въ текстѣ. Кіевъ. 1911. Ц. 50 к. Стр. 67.

...Игнорированіе финансовой наукой государственныхъ расходовъ—явленіе общее; не представляетъ изъ него исключенія и наша финансовая наука. У насъ, какъ и всюду, вопросъ еще ожидаетъ научнаго изслѣдованія. Брошюра Кованько не вноситъ въ это понятіе ничего новаго. Впрочемъ, судя по всему, авторъ даже не пытался дать что-либо самостоятельное и оригинальное, а просто стремился „популярно" изложить итоги нашего финансоваго развитія за послѣдніе годы. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать по обилію восклицательныхъ знаковъ, ироническихъ словечекъ и прочихъ излюбленныхъ, хотя и весьма сомнительныхъ, пріемовъ извѣстнаго рода популяризаціи. Несмотря, однако, на всѣ свои недостатки, брошюра представляетъ извѣстный интересъ; къ тому же обиліе діаграммъ значительно облегчаетъ ея усвоеніе. (А. Бабковъ. „Рус. М." 1912—6).

За весь 1911 г. русскій читатель получилъ лишь двѣ сводныя работы по этому важному вопросу: „Госуд. бюджетъ Россіи за послѣдніе 10 лѣтъ (1901—1911)" Чл. Гос. Думы П. П. Покровскаго и книгу г. Кованько, при чемъ первый охватываетъ бюджетъ въ его цѣломъ, а второй останавливается исключительно на его расходной части. Это ограниченіе, поставленное себѣ г. К., конечно, не могло не отразиться на цѣнности его работы. Движеніе и характеръ расходовъ только въ томъ случаѣ и могутъ получить достаточно выпуклую оцѣнку, если анализъ ихъ произведенъ параллельно съ анализомъ приходовъ: само понятіе „расходъ", какъ отрицательное, становится слишкомъ абстрактнымъ, если не сопоставлять его все время съ понятіемъ противоположнымъ, но его опредѣляющимъ.

Авторъ рецензируемой книги принадлежитъ къ школѣ мин. фин. И. Х. Бунге. Его критика расходной части бюджета выдержана въ мягкихъ реформистскихъ тонахъ, несмотря на всю убійственность отдѣльныхъ характеристикъ, вытекающихъ изъ анализа цыфръ по отдѣльнымъ рубрикамъ или предметамъ назначенія. И это стремленіе свести анализъ бюджета къ пожеланіямъ продолжать реформы Бунге, „вспомнить его завѣты", т.-е. „удешевить управленіе страной-облегчить бремя расходовъ на оборону", „уменьшить тяжесть расходовъ по обязательствамъ, усилить тенденцію возрастанія расходовъ на просвѣщеніе, врачебную часть, почту и т. д." про, изводитъ впечатлѣніе полнаго безсилія дать отвѣтъ на проклятые вопросы дня...

При всѣхъ своихъ органическихъ и случайныхъ недостаткахъ книга К. заслуживаетъ вниманія. Однако, при чтеніи ея мы все-таки рекомендовали бы читателю справляться и съ таблицами г. Покровскаго, дающими достаточный матеріалъ для сравнительнаго изученія актива и пассива нашего бюджета. Діаграммы составлены удачно, статистическія таблицы не перегружаютъ текста, языкъ легкій, хотя мѣстами и слишкомъ наивный. („Соврем." 1912—2).

94. **Тальбергъ, Г. Г.** 343.3(47)„16"

Очерки политическаго суда и политическихъ преступленій въ Моск. госуд. въ XVII в. М. 1912. Стр. VII + 342. Ц. 2 р.

Порядокъ производства дѣлъ о госуд. преступленіяхъ въ московскій періодъ нашей исторіи до сихъ поръ почти не подвергался спеціальному изученію. Существовало предположеніе, что на дѣла этого рода распространялись общія правила розыскного процесса. Вопреки этому предположенію, г. Т. въ своемъ изслѣдованіи стремится доказать, что судъ по государственнымъ преступленіямъ въ московскую эпоху уклонялся отъ общей нормы розыскного процесса, развивавшагося на почвѣ борьбы съ наиболѣе тяжкими уголовными посягательствами, и что, слѣдовательно, на ряду съ порядкомъ губнаго разбирательства по разбойнымъ и тяжебнымъ дѣламъ существовала еще особая форма процесса, спеціально выработанная для дѣлъ государственныхъ. Подробное разсмотрѣніе стадій этого процесса и составляетъ главное содержаніе работы г. Т.

Частныя погрѣшности не отнимаютъ все-таки у работы г. Т. ея значенія и интереса. (В. Ширяевъ. „Журн. Уг. Пр. и Проц." 1912—2).

Открывъ передъ читателями новую, до сихъ поръ остававшуюся непрочитанной, страницу давняго прошлаго и истолковавъ смыслъ этой поучительной страницы, г. Т. тѣмъ самымъ сдѣлалъ цѣнный вкладъ въ нашу историко-юридич. литературу. („Рус. Вог." 1912—6).

95. [. . . . .] 347.962(47)(04)

Записки судьи. Спб. 1912. Стр. 55. Ц. 60 к.

Это не мемуары ни по объему, ни по содержанію, а скорѣе отдѣльный портретъ pro domo sua. Тѣмъ не менѣе книжка интересна, и появленіе ея въ печати безусловно слѣдуетъ привѣтствовать безотносительно къ ея общелитератур-

нымъ достоинствамъ. Давая нѣсколько картинокъ и характеристикъ изъ области быта лицъ, обслуживающихъ судебныя учрежденія Имп. Александра II, авторъ вовсе не подводитъ широкихъ итоговъ и даже въ своей личной, почти сорокалѣтней службѣ суммируетъ только то, что свидѣтельствуетъ, насколько понижалась судебная этика на его глазахъ и насколько, на его же глазахъ, *вѣдомство* сошло съ того пьедестала, на которомъ такъ долго и высоко держало прежде знамя. Насчетъ высоты, на которой стояло прежде судебное знамя, читатель не вездѣ согласится съ авторомъ, давшимъ для этого мало матеріала; не вездѣ согласится онъ и съ наивнымъ розыскиваніемъ мелкихъ „злыхъ геніевъ" судейскихъ заключеній въ лицѣ зловредныхъ пакостниковъ, бѣлобрысыхъ и сухопарыхъ „нѣмчиковъ". (С. „Соврем." 1912 — 3).

Авторъ „записокъ", бывшій сенаторъ и предсѣдатель одной изъ судебныхъ палатъ юга Россіи, въ безыскусственныхъ очеркахъ знакомитъ читателя съ условіями теперешней службы въ судебномъ вѣдомствѣ. Несмотря на преобладаніе въ изложеніи личнаго элемента, въ книгѣ можно встрѣтить много интересныхъ черточекъ, характеризующихъ отправленіе у насъ правосудія на окраинахъ, отношеніе судей и сословныхъ представителей къ политическимъ дѣламъ, роль старшаго предсѣдателя въ судѣ, систему повышенія и пр. Описаніе своей служебной карьеры старый судья заканчиваетъ весьма характернымъ примѣромъ „увольненія его *согласно прошенію*". Авторъ показываетъ, путемъ какихъ безцеремонныхъ угрозъ въ министерствѣ добиваются подачи такого прошенія... Хотя книга лишена литературныхъ достоинствъ, но, какъ бытовой документъ эпохи, переживаемой нами, останется не безъ слѣда. („Журн. Уг. Пр. и Проц". 1912 — 3).

96. Ли, Генри-Чарльсъ. 348.5„04 : 15"

Исторія инквизиціи въ средніе вѣка. Перев. съ фр. А. В. Башкирова подъ ред. С. Г. Лозинскаго. Т. I-и II. Съ иллюстр. Спб. 1911—12 г. Изд. Брокгаузъ и Ефронъ. Ц. 5 р. т.

Сочиненія Ли принадлежатъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ книгъ, которыя соединяютъ въ себѣ достоинства научнаго изслѣдованія съ необыкновенною занимательностью содержанія и увлекательною живостью изложенія. Это не просто обстоятельный историческій трактатъ, основанный не исчерпывающемъ изученіи архивныхъ и книжныхъ матеріаловъ, а рядъ яркихъ и поучительныхъ картинъ, изображающихъ идейную жизнь, нравы и понятія значительной части культурнаго человѣчества въ продолженіе такъ наз. среднихъ вѣковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, заключая въ себѣ огромную массу фактическихъ свѣдѣній, книга Ли детально знакомитъ читателя съ послѣдовательнымъ ходомъ внутренней исторіи различныхъ странъ и народовъ отъ XII-го столѣтія до новыхъ временъ.

Сочиненіе Ли украшено массою превосходно исполненныхъ иллюстрацій и издано вообще роскошно; русскій переводъ сдѣланъ по фр. изданію, редактированному извѣстнымъ археологомъ Соломономъ Рейнакомъ, и отличается, насколько намъ удалось провѣрить, безукоризненною точностью. (Л. С. „Вѣст. Евр. 1912 — 4).

Было бы излишне хвалить сочиненія Ли. Даже страстные католики, ухитряющіеся до сихъ поръ отстаивать инквизицію, затушевывая ея ужасныя стороны и защищая ея историческую необходимость, какъ обороны церкви отъ нападенія невѣрныхъ, — даже и эти авторы сочли нужнымъ въ своихъ критикахъ на работу Ли отмѣтить его стараніе быть объективнымъ и добросовѣстнымъ изслѣдователемъ и приписываютъ уничтожающіе выводы, къ которымъ тѣмъ не менѣе приходитъ авторъ, лишь тому обстоятеству, что его, какъ протестанта, не могла осѣнить благодать Божественнаго пониманія, столь, молъ, необходимаго для изученія инквизиціи...

Русскій переводъ представляется намъ въ общемъ достаточно добросовѣстнымъ, однако, уступающимъ французскому оригиналу не только въ смыслѣ изящной выдержанности стиля, но и вслѣдствіе встрѣчающихся порою неточностей. Внѣшность изданія хороша, и впечатлѣніе отъ содержанія книги усиливается отсутствующими въ оригиналѣ, но приложенными русскимъ издательствомъ къ переводу и по большей части интересными снимками съ современныхъ картинъ и съ гравюръ эпохи, показывающихъ, съ какою дьявольскою утонченностью работала мысль учителей надъ изобрѣтеніемъ всевозможныхъ родовъ и орудій пытокъ. („Рус. Бог." 1912 — 2).

Трудъ покойнаго Ли цѣненъ не только замѣчательной массой свѣдѣній, но и чрезвычайно-объективнымъ, спокойно безпристрастнымъ изложеніемъ. Что же касается *русскаго* изданія, то мы получаемъ наглядный примѣръ, какъ при видимой точности и даже буквальности перевода переведенный трудъ теряетъ значительную часть своей цѣнности. Русская редакція сочла нужнымъ снабдить сочиненіе Ли *иллюстраціями*, подборъ которыхъ стоитъ въ глубокомъ противорѣчіи съ *текстомъ*: въ эпическое спокойствіе языка и изложенія маститаго ученаго ворвалась шумиха тенденціонныхъ, и вульгарно-потрясающихъ „иллюстрацій". Худшей услуги памяти Ли и значительности его основного труда трудно себѣ представить. Русскій „иллюстрированный" переводъ сразу лишилъ книгу ея заслуженнаго почетнаго мѣста въ исторіографіи. (Д. Егоровъ. „Рус. М." 1912 — 2).

* **Штюренбургъ и др.** 355 : 613.7

См. порядков. № 110.

97. Овсянико-Куликовскій, Д. и Сакулинъ, П. 491 . 7 — 52 (075)

Практич. курсъ синтаксиса русск. яз. для 3-го и 4-го клас. ср. уч. завед. СПБ. 1912. Изд. И. Л. Овсянико-Куликовской. Стр. 18 + + 1 + 265. Ц. 85 к.

Разсматриваемое руководство дѣлится на 2 части: первая — практическая, вторая — теоретическая. Первая часть содержитъ: 1) обильные примѣры на каждое разсматриваемое въ учебникѣ синтаксическое явленіе, 2) темы для практическихъ упражненій (письменныхъ и устныхъ), тѣсно связанныя съ приведенными примѣрами, 3) выводы, къ которымъ должны прійти учащіеся послѣ работы надъ предложеннымъ языковымъ матеріаломъ. Вторая часть содержитъ систематическое изложеніе курса синтаксиса. Учебникъ отличается несомнѣнными достоинствами. Примѣры первой части, по содержанію вполнѣ подходящіе для дѣтей, прекрасно систематизированы и весьма умѣло подобраны для цѣлей изученія языка. Задачи для практическихъ занятій въ общемъ составлены удачно. Выводы согласуются

съ теоріей, изложенной во 2-й части учебника. Вторая часть, теоретическая, содержитъ примѣненіе теоріи Потебни къ курсу школьной грамматики. Система Потебни въ нѣкоторыхъ частностяхъ подвергалась измѣненіямъ и дополненіямъ. Книга обнаруживаетъ хорошее знакомство и отчетливое пониманіе взглядовъ извѣстнаго русскаго филолога. (П. Каринскій. „Изв. по Нар. Обр." 1912 — 3).

Можно ли признать этотъ учебникъ пригоднымъ для низшихъ учебныхъ заведеній? Къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ приходится отвѣчать отрицательно: учебникъ даетъ слишкомъ много матеріала, для основательной проработки и усвоенія котораго у учащихся въ низшихъ школахъ не хватитъ ни времени, ни силъ.

Вторая (теоретическая) часть учебника, предназначенная составителями „для заключительнаго повторенія и углубленія курса, а также для справокъ при дальнѣйшемъ занятіи языкомъ", перегружена массой такихъ свѣдѣній, которыя, несомнѣнно, окажутся непосильными не только для дѣтей въ низшихъ училищахъ, но и для тѣхъ, которыя обучаются въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Совершенно иное впечатлѣніе производитъ первая (практическая) часть учебника: она изобилуетъ массой прекрасно подобранныхъ примѣровъ, выводы въ ней изложены ясно, просто и вполнѣ доступно дѣтскому пониманію; нѣтъ излишняго балласта, нѣтъ мѣста схоластикѣ... Въ этой части учебникъ вполнѣ пригоденъ не только для 3 и 4 классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, но и такихъ, какъ городскія по положенію 1872 г. училища, торговыя школы и т. п. Изъ учебниковъ школы Потебни, появившихся въ послѣдніе годы, „Практическій курсъ синтаксиса" Д. Н. Овсянико-Куликовскаго и П. Н. Сакулина — лучшій, и основательное знаніе его, на нашъ взглядъ, обязательно для преподавателя русскаго языка въ любомъ учебномъ заведеніи (М. С — овъ. „Для Нар. Уч." 1912 — 10).

98. **Кротковъ, В. П.** 5(023)

Практическое естествознаніе. Руководство къ самостоятельному изученію природы. Съ картой звѣзд. неба и 160 рис. 344 стран. М. Изд. Сытина. 1911. Ц. 80 к.

Нельзя не привѣтствовать эту книжку, составленную для народныхъ учителей, студентовъ, учениковъ средне-учебныхъ заведеній и сельскихъ хозяевъ. Въ простой и общедоступной формѣ авторъ излагаетъ главныя явленія изъ окружающей природы, всегда стараясь дать читателямъ тѣ практическіе методы, которые могутъ помочь ему изслѣдовать происходящія вокругъ него явленія. Главы о небѣ, землѣ, ея химическомъ составѣ и строеніи, веществѣ и его анализѣ, воздухѣ и живой природѣ послѣдовательно вводятъ читателя въ изученіе всей природы. Мѣстами изложеніе можетъ показаться нѣсколько сухимъ, и невольно приходится пожалѣть о томъ, что авторъ слишкомъ мало отводитъ объясненію смысла природныхъ явленій... Это не умаляетъ, однако, достоинствъ прекрасной книги, которую смѣло можно рекомендовать каждому, кто стремится къ самообразованію: онъ найдетъ въ ней не только много свѣдѣній, но и узнаетъ, какъ самыми простыми способами у себя въ домашней обстановкѣ можно устроить не только маленькую химическую лабораторію, но и музей природы. Цѣну книги нельзя не признать весьма низкой. (А. Ферсманъ. „Природа" 1912 — 4).

Очень желательная и полезная книжка. Желательно, чтобы въ слѣдующемъ изданіи авторъ внимательно просмотрѣлъ свою книжку и сверхъ того — кое-что дополнилъ. („Изв. по Нар. Обр." 1912 — 6).

Въ общемъ книга г. Кроткова производитъ впечатлѣніе чего-то пестраго. Конечно, нельзя отнять отъ разсматриваемой книги и кое-какихъ достоинствъ, напр., ея дешевизна. Авторъ, повидимому, положилъ не мало труда, чтобы ее написать, въ этомъ также нельзя отказать. До извѣстной степени книга можетъ принести и пользу, если попадетъ въ руки дѣйствительно интересующагося дѣломъ. Самоувѣренностью она можетъ даже повліять ободряюще на иного нерѣшительнаго человѣка. Но, съ другой стороны, эта книга можетъ развить въ читателѣ и верхоглядство взамѣнъ серьезнаго и вдумчиваго отношенія къ дѣлу. (В. Капелькинъ. „Вѣст. Воспит." 1912 — 2).

99. **Арреніусъ, Сванте.** 52

Вселенная. Пер. съ нѣм. подъ ред. Н. И. Чулицкаго. М. 1912. Стр. 15. Ц. 20 к.

Знаменитый шведскій физико-химикъ, проф. Сванте-Августъ Арреніусъ, лауреатъ нобелевской преміи, творецъ извѣстной теоріи электрическої диссоціаціи въ ея современномъ состояніи и выдающійся изслѣдователь въ области біологической химіи, въ послѣдніе 12 — 15 л. занимался разработкой труднѣйшихъ вопросовъ астрофизики и космологіи. Въ своихъ книгахъ, блестящихъ по изложенію и обильныхъ новыми идеями, онъ развиваетъ взглядъ Спенсера о вѣчномъ міровомъ круговоротѣ, полагаетъ, что во вселенной „все остается приблизительно въ томъ же видѣ, какъ и теперь", и что происходятъ только измѣненія въ пространствѣ и во времени формъ матеріи, энергіи и жизни,— „что во вселенной господствуетъ подвижное равновѣсіе". При этомъ онъ выступаетъ горячимъ сторонникомъ ученій о роли „лучевого давленія" въ міровыхъ процессахъ и о возникновеніи новыхъ звѣздъ вслѣдствіе „столкновенія" двухъ уклоненныхъ, большею частью потухшихъ, небесныхъ тѣлъ. Въ своихъ сочиненіяхъ авторъ искалъ выхода изъ затрудненія, созданнаго конечнымъ выводомъ, Клаузіуса о „тепловой смерти" міра, выводомъ который ведетъ къ непостижимому для насъ концу мірового развитія. Для того, чтобы устранить это затрудненіе, по мнѣнію Арреніуса, необходимо принять, что вся излучаемая неподвижными звѣздами энергія собирается какимъ-либо образомъ, иными словами, что она отъ „расточителей" ея (звѣздъ) стекается къ ея „собирателямъ" (туманностямъ). По отношенію къ происхожденію живыхъ существъ Арреніусъ, отказавшись отъ теоріи произвольнаго зарожденія, т.-е. происхожденія на планетахъ живой матеріи отъ неживой, придерживается ученія о „пансперміи", развивая взглядъ, что мельчайшіе первичные зачатки жизни носятся въ міровомъ пространствѣ, гонимые силою давленія свѣтовыхъ лучей и развиваясь на поверхности тѣхъ планетъ, на которыхъ по физическимъ условіямъ жизнь возможна. Въ разбираемой брошюрѣ, воспроизводящей докладъ, читанный на первомъ конгрессѣ монистовъ въ Гамбургѣ 9 сент. 1911 года, Арреніусъ

сдѣлалъ попытку въ самыхъ общихъ чертахъ изложить для общеобразованной публики свои космологическіе взгляды, и попытка эта удалась ему прекрасно (Г. Гурьевъ. „Нов. Ж.“ 1912—8).

Эта популярная брошюра Арреніуса интересна не только потому, что въ ней дано мастерское изложеніе общепринятыхъ теперь взглядовъ на судьбу вселенной, но еще и потому, что въ ней авторъ отчасти открываетъ новыя перспективы, которыя, быть можетъ, окажутся способными реорганизовать наше современное пониманіе судьбы вселенной. („Рус. Бог.“ 1912—5).

100. **Арреніусъ, С.** 521.4

Судьба планетъ. Перев. подъ ред. прив.-доц. Б. М. Житкова. М. 1912. Стр. 45. Ц. 30 к.

Труды Арреніуса, блещущіе новизной идей и очень яркимъ, увлекательнымъ изложеніемъ, не нуждаются въ рекомендаціи. Брошюра имѣетъ цѣлью прослѣдить жизнь планетъ, поскольку это зависитъ отъ ихъ атмосферной оболочки. Какъ органическая жизнь планетъ, такъ и множество другихъ процессовъ находится въ прямой зависимости отъ наличности атмосферы, ея толщины и ея состава, а эти факторы подвержены глубокимъ измѣненіямъ въ теченіе долгой жизни планеты. Поэтому изслѣдованіе атмосферы планетъ представляетъ для насъ исключительный интересъ: планеты разсказываютъ о прошломъ Земли и предсказываютъ ея судьбу. Въ далекомъ прошломъ Земля была подобна Венерѣ, окутанной нынѣ непроницаемыми для нашего глаза облаками и пользующейся жаркимъ „оранжерейнымъ“ климатомъ. Въ далекомъ будущемъ наша планета раздѣлитъ участь Марса. Потерявъ большую часть своей атмосферы, лишившись воды, она будетъ представлять холодныя безотрадныя пустыни, гдѣ вѣтеръ лѣниво переноситъ съ мѣста на мѣсто мелкій желтый песокъ. Еще шагъ далѣе — и Земля вступитъ въ ту стадію, въ какой находится нынѣ Луна. Венера—Земля—Марсъ—Луна, это — послѣдовательныя ступени въ развитіи планеты. (І. Лукашевичъ. „Совр. М.“ 1912 — 8).

Взгляды автора, хотя и очень интересны, но, по самому существу предмета, конечно, не могутъ считаться безспорными. И астрофизикъ, и геологъ и біологъ, по всей вѣроятности, найдутъ почву для возраженія противъ нѣкоторыхъ заключеній Арреніуса. Но всѣ признаютъ, конечно, что авторъ внесъ въ этотъ глубоко интересный вопросъ немало своего, новаго, и что онъ изложилъ свои взгляды въ формѣ, достойной похвалы. Переводъ сдѣланъ въ общемъ довольно тщательно, книжка издана опрятно и дешево (Г. Гурьевъ. „Нов. Ж.“ 1912 — 8).

101. **Риги, А.** 523.6

Кометы и электроны. Перев. подъ редак. проф. А. А. Иванова. Спб. 1912. Стр. 62. Ц. 45 к.

Имя проф. А. Риги пользуется широкой извѣстностью. Все выходящее изъ-подъ его пера отмѣчается свѣжестью и строгой научностью. Пользуясь при освѣщеніи того или иного явленія послѣдними пріобрѣтеніями человѣческой мысли, онъ всегда удачно умѣетъ отдѣлить случайное отъ важнаго и постояннаго. Такими же качествами отличается и книга его „Кометы и электроны“. Центръ тяжести ея лежитъ въ желаніи автора примѣнить новѣйшія физическія теоріи къ объясненію очень интереснаго и важнаго вопроса о кометахъ и кометныхъ хвостахъ. Интересъ книги увеличивается еще тѣмъ, что въ ней дается принципіальное рѣшеніе вопроса о томъ, чего можетъ ожидать земля отъ возможнаго столкновенія съ какой-либо кометой, при чемъ за исходную точку берется ожидавшееся столкновеніе въ маѣ 1910 года съ кометой Галлея.

Онъ говоритъ очень популярно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, строго научно о свѣтовомъ давленіи вообще, о давленіи лучей на газы, объ электрическихъ явленіяхъ въ кометахъ, объ іонахъ и электронахъ. Въ концѣ же даетъ указатель литературы по затронутымъ въ книгѣ вопросамъ. Переводъ хорошій, цѣна невысокая, такъ что остается только горячо рекомендовать ее вниманію читателей, желающихъ съ вершины современныхъ научныхъ данныхъ познакомиться съ вопросомъ о кометахъ. (Вѣст. Зн.“ 1912 — 5).

Въ настоящей книжкѣ излагаются новѣйшіе взгляды на строеніе кометныхъ хвостовъ и вообще на явленія, происходящія въ кометахъ. Эта попытка примѣненія новѣйшихъ физическихъ теорій къ объясненію явленій, наблюдаемыхъ въ кометахъ, придастъ книжкѣ свѣжесть и вызываетъ интересъ. („Нов. Вр.“ 1912 — 13099).

102. [. . . . .] 53(082)

Новыя идеи въ физикѣ. Непериодич. изд., выходящее подъ ред. И. И. Боргмана. Спб. Сбор. № 1. „Строеніе вещества“ (1911). Ц. 60 к. Сбор. № 2. „Эопръ и матерія“ (1911). Ц. 80 к. Сбор. № 3. Принципъ относительности (1912). Ц. 80 к.

Физика теперь въ цѣломъ рядѣ важнѣйшихъ вопросовъ перестраивается заново, и нужно считать очень удачной мысль дать, въ болѣе или менѣе общедоступнымъ видѣ, понятіе объ этой работѣ внутренней перестройки. Такова задача сборниковъ „Новыя идеи въ физикѣ“, каждый изъ которыхъ трактуетъ объ одномъ или двухъ основныхъ вопросахъ физики. Первый сборникъ состоитъ изъ ряда статей, посвященныхъ вопросу о строеніи вещества, въ частности—электронной теоріи вещества (статья самого проф. Боргмана) и современному состоянію атомистической гипотезы (статья Ротсерфорда). Во второмъ сборникѣ въ рядѣ передовыхъ статей, написанныхъ такими авторитетами, какъ Ленардъ, Кэмбль, Томсонъ, Планкъ, трактуется проблема взаимоотношенія матеріи и эопра и вопросъ о механическомъ міровоззрѣніи въ системѣ новѣйшей физики (статья Планка). Особенно цѣннымъ является недавно вышедшій третій сборникъ, посвященный такъ мало извѣстному и такъ волнующему ученый міръ принципу относительности. Здѣсь дана прежде всего статья Буреіана, излагающая тотъ рядъ изслѣдованій и опытовъ въ области оптики, который привелъ впослѣдствіи къ установленію принципа относительности. Въ отдѣльныхъ статьяхъ (Классена, Франка, Льюиса, Эпштейна) дано изложеніе принципа относительности и его роли въ современной физикѣ и механикѣ. (П. Юшкевичъ. „Вѣст. Евр.“ 1912 — 2).

Въ пользу сборника подкупаетъ хорошее изданіе, заманчивое названіе, имя редактора, имена авторовъ (Кельвинъ, Томсонъ, Ротсерфордъ) и даже рекомендація министерства. Первая статья есть докладъ, читанный во французскомъ физическомъ обществѣ и, значитъ, назначается совсѣмъ не для

тѣхъ читателей, которые жаждутъ познакомиться съ новыми идеями физики въ общедоступномъ изложеніи. Если они чувствуютъ себя подготовленными къ чтенію докладовъ, — прекрасно. Но было бы еще прекраснѣе, если бы издательство, вмѣсто механической пересадки чужихъ идей на родную почву, вызвало собственное оригинальное творчество въ области популяризаціи новыхъ идей. Успѣхъ такой популяризаціи былъ бы дѣйствительно блестящимъ. Теперь же массовый читатель, къ сожалѣнію, долженъ довольствоваться однимъ суррогатами, такъ какъ настоящая наука предлагается ему въ совершенно недоступномъ видѣ. (М. Новорусскій. „Нов. Ж. для Вс." 1912—7).

Чтеніе этихъ сборниковъ не можетъ не доставать удовольствіе всякому, интересующемуся физикой. (А. К. „Естеств. и Геогр." 1912 — 5).

Книга написана довольно тяжелымъ языкомъ и требуетъ очень серьезной подготовки. (А. Лѣтникъ. „Рус. М." 1912 — 8).

103. **Пойнтингъ, Д.** 535

Давленіе свѣта. Перев. подъ ред. „Вѣстника опытной физики и элементарной математики". Изд. „Mathesis". Одесса, 1912. Стр. 128 + II. Ц. 50 к.

Вопросъ о свѣтовомъ давленіи далеко не новъ; сто лѣтъ тому назадъ, во время расцвѣта корпускулярной теоріи свѣта, давленіе свѣта вытекало изъ сущности самой теоріи. Только въ 60-хъ годахъ XIX столѣтія знаменитый англійскій физикъ Кл. Максвеллъ далъ теоретическое обоснованіе существованія этого давленія и съ точки зрѣнія современныхъ представленій о свѣтѣ. Двадцать семь лѣтъ спустя, русскому ученому, недавно скончавшемуся, П. Н. Лебедеву удалось опытнымъ путемъ доказать его существованіе. Проф. Пойнтингъ, въ лежащей передъ нами небольшой книжкѣ мастерски изложилъ этотъ интересный вопросъ въ его хронологической послѣдовательности. Въ концѣ книжки находится примѣчанія, дающія математическую формулировку вопроса. Переводъ и изданіе вполнѣ удовлетворительны. (А. Лѣтникъ. „Рус. М." 1912 — 8).

То обстоятельство, что авторъ самъ не мало работалъ надъ экспериментами свѣтовыхъ лучей и, вообще, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ англійскихъ физиковъ, дѣлаетъ книгу, конечно, особенно интересной и поучительной. Переводъ особенныхъ замѣчаній не вызываетъ. (Г. „Нов. Ж." 1912 — 8).

104. **Добіашъ, А. А.** 537(075)

Учебникъ электричества для средней школы. Изд. „Образованіе". Спб. Стр. III + 133. Ц. 80 к.

Книга Добіаша представляетъ собой лишь извлеченіе изъ курса, веденнаго авторомъ въ одной изъ женскихъ гимназій, и содержитъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: магнетизмъ и электрическій токъ: несомнѣнной заслугой автора слѣдуетъ признать послѣдовательно проведенное чрезъ все изложеніе понятіе о линіяхъ силъ и индукціи, безъ чего всякое преподаваніе физики въ настоящее время — анахронизмъ; затѣмъ — введеніе въ элементарный курсъ свѣдѣній о прохожденіи электричества чрезъ газы, объ электронахъ, опытахъ Герца и резонансѣ. Къ сожалѣнію, языкъ книги автора таковъ, что безъ руководителя она совершенно недоступна пониманію ученика средней школы, и для самообразованія *никоимъ образомъ* непригодна, что, впрочемъ, сознаетъ и самъ г. Добіашъ. (В. Муравичъ. „Рус. М." 1912 — 8).

Главный дефектъ книги заключается въ томъ, что она мѣстами написана совершенно невозможнымъ слогомъ. (П. Томилинъ. „Рус. Шк." 1912 — 1).

Настоящій учебникъ не походитъ по принятому въ немъ методу изложенія на учебники послѣдняго времени, поставившіе своею цѣлью живое и наглядное изложеніе предмета. Прочитавъ курсъ, невольно приходишь къ заключенію, что для самообразованія это не годится, такъ какъ для усвоенія курса требуются несомнѣнно поясненія преподавателя и производство опытовъ, а послѣднее условіе и является слабой стороной книжки при нашихъ плохо оборудованныхъ физическихъ кабинетахъ казенныхъ гимназій. Въ общемъ учебникъ написанъ толково, но только въ очень ужъ сухой и сжатой формѣ. („Нов. Вр." 1912 — 13103).

Учебникъ непримѣнимъ при самообразованіи. Изложеніе очень ясное, простое, и занимающемуся по учебнику станутъ хорошо понятными разбираемые вопросы. Рекомендовать его можно какъ учащимъ, такъ и учащимся. (Ал. Кб. „Естеств. и Геогр." 1912 — 6).

Поставленную себѣ задачу авторъ выполнилъ прекрасно... Изложеніе ясное, не вызывающее никакихъ серьезныхъ замѣчаній. Труду г. Д. можно пожелать самаго широкаго распространенія. (О. Хвольсонъ. „Изв. по Нар. Обр." 1912—2).

105. [. . . . .] 54(082)

„Новыя идеи въ химіи". Неперіод. изд., выходящее подъ ред. Л. А. Чугаева. Сбор. I: Стереохимія. Химическая механика. Растворы. К-во „Образованіе". СПБ. 1912 г. Стр. 160. Ц. 80 к.

Цѣль изданія—знакомить читателя съ совершенными теченіями въ химической наукѣ. Первый выпускъ посвященъ памяти одного изъ величайшихъ химиковъ нашего времени,—Вантъ-Гоффа. Поэтому и „содержаніе статей группируется около трехъ вопросовъ химіи, постановкой и развитіемъ которыхъ наука всего болѣе обязана генію голландскаго химика: стереохиміи, химической механики и ученія о растворахъ". Сборникъ содержитъ пять рѣчей, произнесенныхъ на торжественномъ засѣданіи Отд. Хим. Р. Ф. Х. Общ., посвященномъ памяти Вантъ-Гоффа: В. Яковлевъ,—„Jacobus Henricus Vant-Hoff", Л. В. Чугаевъ—„Вантъ-Гоффъ и судьбы стереохиміи", Ф. Ю. Левинсонъ-Лессингъ„—О значеніи работъ Вантъ-Гоффа для минералогіи и геологіи" В. А. Кистяковскій—„Осмотическое давленіе по работамъ Вантъ-Гоффа" А. В. Байковъ—„Принципъ подвижнаго равновѣсія". Кромѣ этихъ пяти рѣчей въ сборникъ входятъ статьи: „Свободная энергія"—С. Аррeніуса и „Структурно-стереохимическія представленія въ области неорганической химіи" Л. А. Чугаева.

Нельзя не привѣтствовать идеи о выпускѣ въ свѣтъ такихъ неперіодическихъ сборниковъ, особенно такъ интересно составленныхъ, какъ этотъ первый. Такіе сборники будутъ служить цѣннымъ добавленіемъ для желающихъ пополнить свое университетское образованіе и вообще для всѣхъ, кого интересуютъ современныя теченія химіи.

Сборники, очевидно, имѣютъ въ виду читателя съ подготовкой въ объемѣ университетскаго курса, по это, конечно, ничуть не умаляетъ ихъ значенія. („Природа“ 1912—7—8.)

Въ Россіи теперь много физиковъ-спеціалистовъ и еще больше студентовъ, изучающихъ химію. Всѣ они съ удовольствіемъ прочтутъ этотъ сборникъ, но рядовому читателю онъ не доступенъ. И потому этого читателя слѣдуетъ предупредить, чтобы онъ не расчитывалъ найти въ названной книжкѣ общедоступное изложеніе новыхъ идей въ химіи. (М. Н. „Нов. Ж. для Вс.“ 1912—7).

106. **Мамлокъ, Л.** 541.6

Стереохимія. Перев. съ нѣм., подъ ред. проф. П. Г. Меликова. Изд. „Mathesis“. Одесса. 1911. Стр. VIII+167. Ц. 1 р. 20 к.

Современное химическое ученіе, строящее вещество изъ частицъ, а частицы изъ недѣлимыхъ элементовъ-атомовъ, должно было выдѣлить изъ себя ученіе о пространственномъ расположеніи атомовъ въ частицѣ вещества—стереохимію. Это тотъ отдѣлъ химіи, который интересуетъ не однихъ только химиковъ, но и лицъ, стоящихъ далеко отъ химіи, какъ математиковъ и физиковъ. Книга г. Мамлока заключаетъ въ себѣ ясное и популярное изложеніе главныхъ основъ стереохиміи, знакомитъ читателя съ теоріями Лебеля и Вантъ-Гоффа и даетъ обзоръ наблюдаемыхъ соотношеній между оптической дѣятельностью вещества и геометрическимъ распредѣленіемъ атомовъ углерода, азота и другихъ господствующихъ элементовъ. Книга представляетъ несомнѣнный интересъ. (А. Лѣтнихъ „Рус. М.“ 1912—2).

Въ книгѣ описывается стереохимія углерода, азота, сѣры, селена, олова и неорганическихъ соединеній.

...Въ общемъ книга, не имѣя строго спеціальнаго характера, знакомитъ читателя со взглядами на разбираемые вопросы многихъ современныхъ химиковъ, въ сноскахъ же вездѣ можно найти указанія на литературные первоисточники. (А. К. „Естест. и Геогр.“ 1912—3).

Книга Мамлока представляетъ интересъ именно въ томъ отношеніи, что являясь научнымъ трактатомъ по всей области чистой стереохиміи, она въ то же время даетъ возможность и не химику легко ознакомиться съ основными законами этой столь важной новой науки, теряющей прежній характеръ отдѣльной главы одной лишь химіи. (А. И. „Вѣст. Евр.“ 1912—5).

107. **Гротъ, П., проф.** 548

„Введеніе въ химическую кристаллографію“. Переводъ съ нѣм. І. Л. Левинтова, подъ ред. проф. М. Д. Сидоренко. Одесса. 1912 г. Изд. Матезисъ. 104 стр. Ц. 80 к.

Въ настоящей книжкѣ авторъ старается представить открытыя до настоящаго времени соотношенія между свойствами кристаллическихъ тѣлъ и ихъ химической конституціей. Этотъ вопросъ относится собственно къ области физической химіи, представители которой въ періодъ быстраго развитія этой науки занимались главнымъ образомъ изученіемъ растворовъ, не удѣляя почти вниманія кристаллическимъ тѣламъ, интересъ къ которымъ появился только въ самое послѣднее время.

Авторъ настоящей книги поставилъ себѣ задачей разработать въ данной области тѣ точки зрѣнія, которыя при дальнѣйшихъ изысканіяхъ давали бы возможность замѣнить однимъ общимъ закономъ всѣ найденныя до сихъ поръ соотношенія между свойствами кристалловъ и ихъ химической конституціей, что стало возможнымъ сдѣлать въ послѣднее время благодаря успѣхамъ, достигнутымъ въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ кристаллической структуры тѣлъ.

Замѣтимъ, что настоящая книга является какъ бы введеніемъ къ труду (того же автора), посвященному систематическому и критическому обзору всѣхъ изслѣдованій до самаго послѣдняго времени о кристаллической формѣ и другихъ физическихъ свойствахъ кристаллическихъ тѣлъ. Книга написана яснымъ, понятнымъ слогомъ, хотя мѣстами нѣсколько спеціально. („Нов. Вр.“ 1912—13090).

Книга предназначена не для широкой публики, а для спеціалистовъ, работающихъ въ области минералогіи и кристаллографіи. (І. Лукашевичъ. „Совр. М.“ 1912—8).

108. **Де-Фрисъ, Гуго.** 576.1

Мутаціи и періоды мутаціи при происхожденіи видовъ. Перев. съ нѣм. А. Педашенко и В. Констанса. Съ 8-ю рис. Изд. М. И. Семенова. СПБ. 1912. Стр. 45. Ц. 35 к.

Маленькая въ сорокъ съ небольшимъ страницъ книжка Гуго де-Фриса, амстердамскаго ботаника, представляетъ собою очень цѣнный вкладъ въ нашу переводную научную литературу. Въ наукѣ пользуется большой извѣстностью капитальная работа Гуго де-Фриса, являющаяся опорнымъ пунктомъ для соглашенія какъ тѣхъ біологовъ, которые находятъ, что виды растительные и животные произошли постепенно, путемъ накопленія медленныхъ измѣненій, такъ и тѣхъ, которые вѣрятъ, что виды могутъ происходить скачками или такъ называемыми мутаціями. Дарвинъ допускалъ оба способа происхожденія видовъ, но его послѣдователи все болѣе и болѣе склонялись въ сторону медленнаго возникновенія и, благодаря этому, все больше расходились между собою теоретики происхожденія видовъ. Дарвинъ какъ бы раздѣлился самъ на себя—на сторонниковъ дарвинизма и на его противниковъ. Гуго де-Фрису посчастливилось обратить вниманіе на растеніе, которое называется жотера или крупноцвѣтный ослинникъ. Этотъ ослинникъ находится не въ застышемъ состояніи, какъ другія растенія, но въ періодѣ преобразованія или мутаціи. По наблюденію де-Фриса, ослинникъ, которымъ онъ занялся, производитъ новые виды въ огромномъ количествѣ. Выйдя изъ материнскаго вида, новый видъ сейчасъ же становится неизмѣняемымъ. Это все—замѣчательно. Для этого не требуется ряда поколѣній, т.-е. накопленія мельчайшихъ измѣненій и такъ называемаго „расхожденія признаковъ“, никакой борьбы за существованіе и никакого устраненія неприспособленныхъ, никакого подбора. Очевидно, скрытое состояніе и проявленіе скрытыхъ качествъ играютъ чрезвычайно важную роль въ мірѣ животныхъ и растеній. Де-Фрисъ заключаетъ, что прогрессъ въ царствѣ жизни въ общемъ и въ цѣломъ скачкообразенъ. Тысячелѣтія все остается въ покоѣ, но пробуждается творческая сила,—и новыя формы возникаютъ

на старомъ, дотолѣ неизмѣнномъ стволѣ. („Бирж. Вѣд." 1912—13035.)

Переводъ на русскій языкъ брошюры де-Фриса... является вполнѣ умѣстнымъ. Переводъ сдѣланъ удовлетворительно; видъ брошюры приличный. Цѣна не высока. (А. Лайстерръ „Естеств. и Геогр." 1912—6).

Уже при первомъ знакомствѣ съ книгой бросается въ глаза небрежность изданія. Предлагаемый русскому читателю переводъ не только не снабженъ вступительнымъ поясненіемъ, но даже не указаны ни заглавіе оригинала, ни время, когда онъ появился. Самый переводъ страдаетъ отъ незнакомства переводчиковъ съ научной номенклатурой... Несмотря на указанные недостатки, книгу отнюдь нельзя считать безполезной. Гуго де-Фрисъ принадлежитъ къ числу оригинальныхъ мыслителей, прокладывающихъ новую тропу въ біологіи, и потому его взгляды представляютъ крупный научный интересъ. (І. Лукашевичъ. „Соврем." 1912—8).

109. [. . . . .] 59(082)

Зоологическая хрестоматія. Подъ ред. проф. Н. М. Кулагина. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1912. Стр. 462. Ц. 1 р. 50 к.

Эта книга, составленная учителями А. Л. Бродскимъ, Д. Н. Кашкаровымъ и В. А. Станчинскимъ подъ общей редакціей проф. Н. М. Кулагина, имѣетъ цѣлью дать маленькаго „Брема", легкіе разсказы изъ жизни животныхъ. Для кого предназначается эта книга? Написана она очень популярно, такъ что читать ее могутъ лица почти не имѣющія подготовки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду характера затрагиваемыхъ темъ (напр., борьбы самцовъ изъ-за самки) она не можетъ быть дана дѣтямъ ниже 15-лѣтняго, примѣрно, возраста.

Останавливаетъ на себѣ вниманіе произвольность выбора животныхъ, попавшихъ въ хрестоматію. Трудно понять, чѣмъ руководились авторы при выборѣ. Напр., изъ гадовъ говорится про ужа, анаконду (крупный удавъ) и кобру. Почему пропущены гремучія змѣи и гадюки? Или, напр., при описаніи африканской степи говорится о жизни жирафы, но обойденъ молчаніемъ болѣе популярный страусъ и т. д.

Издательство Сытина снабдило хрестоматію множествомъ иллюстрацій, такъ что по своей цѣнѣ, принимая во вниманіе свыше 375 рисунковъ, книгу надо признать очень дешевой. („Рѣчь" 1912—220).

Книга написана тремя лицами подъ ред. четвертаго и большая часть содержанія ея написана заново. Это — огромное преимущество такой книги. Нѣкоторая пестрота (какъ у всѣхъ вообще хрестоматій) остается, но она уже не такъ рѣзко выражена. И этотъ недостатокъ можно-бы со всѣмъ устранить, если бы дать книгу въ редакцію хорошему литературному работнику, знакомому съ популярною литературой. Роль же проф. Н. М. Кулагина, по его собственному сознанію, заключалась только въ выработкѣ программы книги. Правда, онъ и самъ написалъ два очерка, но его ученые очерки находятся въ рѣзкой дисгармоніи съ легкимъ, картиннымъ, почти даже фельетоннымъ языкомъ другихъ сотрудниковъ. Въ свою очередь, нѣкоторая фельетонность слога г. Бродскаго, роняющая научность, могла бы быть легко устранена безо всякаго ущерба для дѣла. Иллюстрированіе произведено издателемъ, очевидно, помимо редактора и составителей. А потому цѣлая глава—„безхвостые гады" оказалась безъ единаго рисунка. Что же касается программы, то было бы практичнѣе, если бы ее составлялъ не профессоръ, а преподаватель. Онъ, навѣрное, выбросилъ бы множество мелкихъ и малоизвѣстныхъ животныхъ, роль которыхъ ничтожна въ экономіи природы, а рѣчь о нихъ въ хрестоматіи имѣетъ совершенно конспективный характеръ. Тогда книга много выиграла бы въ цѣнности, связности и легкости чтенія. (М. Новорусскій. „Нов. Ж. для Вс." 1912—5).

110. **Штюренбургъ и др.** 613.7:355.

О военномъ воспитаніи молодежи. Сборникъ статей. Пер. съ нѣм. Е. М. Пашуканиса. Изд. газ. „Школа и Жизнь". СПБ. 1912 г.

Книжка содержитъ три статьи, принадлежащія перу нѣмецкихъ авторовъ.

Штюренбургъ, выставляя съ статьѣ „О военномъ воспитаніи молодежи" идеалъ совершеннаго въ физическомъ и духовномъ отношеніи человѣка, какъ идеалъ солдата, высказывается противъ перемѣщенія значительной части „военной выучки" на дѣтскіе годы. По его мнѣнію, это несовмѣстимо съ сущностью воспитанія, какъ такового, и можетъ обратиться „въ игру, вредящую истинно военному обученію". Задача школы—подготовка здоровой физически и духовно молодежи; необходимые же элементы военной подготовки „нигдѣ не могутъ быть восприняты лучше, прочнѣе и относительно въ самое короткое время, какъ въ войскѣ." „Поэтому, заключаетъ авторъ, „освобожденіе военной службы отъ нѣкоторыхъ упражненій за счетъ военнаго образованія молодежи невозможно провести безъ вреда для качествъ войска и безъ увеличенія средствъ и времени, которыя теперь необходимы въ общемъ и цѣломъ для военной подготовки..."

Въ статьѣ „Подвижныя игры и ихъ значеніе для военной силы нѣмецкой націи" генералъ-маіоръ Неубергъ, повторяя въ сущности взгляды г. Штюренбурга, высказывается за народныя и дѣтскія игры, которыя, обладая преимуществами надъ чисто гимнастическими и спортивными упражненіями, даютъ право видѣть въ нихъ „дѣйствительнѣйшее и наиболѣе широкое средство воспитанія военныхъ силъ".

Э. Шенкендорфъ въ статьѣ „Національное воспитаніе и физическія упражненія", оставаясь на точкѣ зрѣнія упомянутыхъ выше авторовъ, требуетъ самаго широкаго всенароднаго содѣйствія физическому воспитанію молодежи.

Въ концѣ статьи приведена примѣрная программа „національнаго воспитанія при помощи физическихъ упражненій", при чемъ на первомъ планѣ стоитъ введеніе обязательныхъ подвижныхъ игръ, устраиваемыхъ послѣ полудня. Таково краткое содержаніе этой интересной книжки, заслуживающей серьезнаго вниманія всѣхъ тѣхъ, кто интересуется, а также и руководитъ физическимъ воспитаніемъ нашей молодежи (П. Д. Б-въ. „Пед. Сбор." 1912—6).

Издательство газ. „Школа и Жизнь" весьма своевременно выпустило предлагаемую книжку... Книга заслуживаетъ самаго широкаго вниманія лицъ, руководящихъ физическимъ воспитаніемъ нашей русской молодежи (Р. Г. „Вѣст. Восп." 1912—3).

111. **Дернова-Ярмоленко, А.** 649.

Азбука матери. М. 1912. Стр. 124. Ц. 55 к.

Книга г. Дерновой-Ярмоленко заслуживаетъ самой горячей рекомендаціи. Въ ней читатели найдутъ первые уроки по уходу за ребенкомъ. Авторъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что „надо постоянно помнить, что у насъ въ рукахъ не кукла, данная намъ на потѣху и удовольствіе, а живое существо и будущій человѣкъ, за свойства и качества котораго мы отвѣчаемъ передъ обществомъ". Вотъ какое содержаніе этой интересной книжки: Основы правильнаго воспитанія дѣтей въ первомъ дѣтствѣ. Беременность. Первый день жизни. Постель для ребенка. Сонъ. Опрятность и одежда. О питаніи. Кормленіе грудью. Правила кормленія грудью. Прикармливаніе грудного ребенка. Отнятіе отъ груди. Питаніе ребенка послѣ года. Прогулка. Физическое развитіе ребенка. Развитіе души ребенка. Отношеніе взрослыхъ къ дѣтямъ. („Вѣст. Зн." 1912—4).

Авторъ удачно справился со своей задачей. Среди другихъ подобныхъ руководствъ названная книжка выгодно отличается двумя качествами: во-первыхъ, краткостью изложенія, что, однако, не помѣшало автору затронуть все существенное, и, во-вторыхъ, живостью изложенія, что дѣлаетъ книжку не только полезной, но и интересной. Развитію души ребенка посвящена авторомъ особая глава, въ которой, между прочимъ, указывается на необходимость и возможность начинать воспитаніе ребенка уже въ первые мѣсяцы жизни, стараясь развить въ немъ хорошія привычки и вліять на него путемъ внушенія дѣйствіемъ. Издана книжка вполнѣ прилично. („Попул.-Литер. Мед. Ж." 1912—5).

112. [. . . . .] 7 (074)

Памятники музея изящныхъ искусствъ имени Императора Александра III въ Москвѣ. Выпуски I и II. Альбомъ—12 таблицъ. Текстъ—72 стр. Ц. 16 р.

Къ своему торжественному открытію музей приготовилъ первый—двойной—выпускъ предпринятаго имъ изданія „Памятниковъ". Собранія музея, какъ извѣстно, въ значительнѣйшей части состоятъ изъ слѣпковъ и другаго рода воспроизведеній памятниковъ ваянія, зодчества и въ малой долѣ, живописи различныхъ странъ и эпохъ. Научное изданіе, предпринятое музеемъ, посвящено, однако, исключительно описанію подлинниковъ, которыми онъ богатъ преимущественно по отдѣлу египтологіи, благодаря передачѣ ему на вѣчное храненіе пріобрѣтеннаго государствомъ извѣстнаго собранія египетскихъ древностей В. С. Голенищева. Первый выпускъ „Памятниковъ" и состоитъ изъ статей и снимковъ, полагающихъ начало научной разработкѣ этой коллекціи, изъ-за обладанія которой соперничали крупнѣйшіе музеи и университеты Европы и Сѣверной Америки. (Л. Г-ъ „Рус. Вѣд." 1912—146).

Можно вполнѣ привѣтствовать мысль хранителей музея, проф. Тураева и проф. Мальберга, приступить къ изданію описанія Голенищевской коллекціи. Первые два выпуска чрезвычайно интересны. („Вѣст. Евр." 1912—7).

* **Вальтеръ, В. Г.** 78:92 (В).

См. порядк. № 123.

113. **Волконскій, С., кн.** 792

Человѣкъ на сценѣ. Изд. „Аполлона". Спб. 1912. Стр. 182. Ц. 1 р. 50 к.

„Человѣкъ на сценѣ" — привлекательная книга: живая, задорная, нервная и совершенно новая у насъ по своимъ задачамъ. Статьи „въ защиту актерской техники" любопытны, какъ реакція противъ недавняго сборника — „Книга о новомъ театрѣ", пророчески-отвлеченнаго и вовсе не театральнаго. Тамъ царило презрительнѣйшее безучастіе къ нашей театральной дѣйствительности, къ сценѣ и актеру, главному носителю дѣйствія. У Волконскаго мы знакомимся съ подлиннымъ бытіемъ сценическаго дѣйствія; изъ обильно накопленнаго опыта онъ строитъ рядъ обобщеній, иногда неосторожныхъ, но всегда блестящихъ. Разсматривая не литературный матеріалъ театральныхъ представленій, а средства и формы ихъ осуществленія, рѣчь и жестъ, авторъ пытается подчинить эти средства законномѣрнымъ нормамъ, отвергая первенство безсознательной стихіи „нутра", рутины, произвола и случайности. Пренебреженіе къ техникѣ неизмѣнно знаменуетъ собой упадокъ искусства. Нельзя поэтому не радоваться подъему интереса къ ней. Правда, кн. Волконскій не сумѣлъ еще придать своей эстетикѣ актерской техники широкаго школьнаго значенія; для этого ему недостало ни терпѣнія, ни спокойствія, ни, быть можетъ, глубины.

Его статьи — рядъ блестящихъ замѣчаній, обрывковъ теоріи, частныхъ сужденій, воспоминаній, остротъ и словесныхъ игръ; въ нихъ нѣтъ достоинства и повелительности большихъ идей. Кн. Волконскій — типическій дилетантъ, но не въ принижающемъ смыслѣ. Въ его психическомъ строѣ необычайная утонченная впечатлительность преобладаетъ надъ творческой мыслью; внезапная причуда—надъ преднамѣренностью, воображеніе надъ—волей.

Для читателя, которому дороги интересы театра, будетъ отрадна и эта книга: столько она будитъ вопросовъ, сомнѣній, надеждъ. (А. Левенсонъ. „Совр. М." 1912—4).

Эта книга имѣетъ эпиграфомъ двѣ мысли Платона: „Нестройное для всего божественнаго безобразно, а стройное — прекрасно". „Прекрасное трудно". Эти мысли вполнѣ опредѣляютъ общее настроеніе книги. Авторъ ищетъ прекрасное чрезъ ритмъ и гармонію, поэтому послѣ цѣлаго ряда статей, посвященныхъ драматическому искусству и человѣку, какъ матеріалу искусства, онъ съ любовью останавливается на вопросахъ ритмической гимнастики, на школѣ, созданной Жакомъ Далькрозомъ близъ Дрездена. Авторъ убѣжденъ въ необходимости серьезно поставить музыку какъ предметъ обученія и воспитанія; но раньше, чѣмъ ребенокъ можетъ научиться владѣть инструментомъ, онъ долженъ прочувствовать музыку, она же запечатлѣвается двумя главными элементами: ритмомъ и мелодіей. Мелодію мы воспринимаемъ со стороны и внѣдряемъ въ себя, ритмъ же мы выявляемъ, потому что онъ въ насъ самихъ, и потому надо начинать съ воспитанія и пониманія ритма. Авторъ разсказываетъ о многочисленныхъ интересныхъ упражненіяхъ, которыя развиваютъ это чувство ритма, приводятъ къ развитію абсолютнаго слуха и даютъ самые поразительные результаты. Ученики и ученицы Ж. Далькроза не только осу-

ществляютъ красоту путемъ пластики и выразительности движеній, но они испытываютъ глубокую радость и счастье, которыя передаются тѣмъ, кто видитъ выполненіе этихъ упражненій. Авторъ считаетъ, что система эта есть возвращеніе къ античному, только не путемъ возстановленія утраченныхъ въ жизни и сохраненныхъ на вазахъ барельефахъ пластическихъ формъ, а *путемъ воскрешенія угасшаго духа*. Поэтому онъ считаетъ, что школа Далькроза есть школа нравственнаго здоровья и горячо ее рекомендуетъ русскому читателю. Книга написана очень интересно и горячо и обнаруживаетъ въ авторѣ глубокое и тонкое пониманіе истинныхъ задачъ искусства. („Вѣст. Теос." 1912 — 5 — 6).

Безхитростныя, простыя но вѣрныя и талантливыя замѣчанія человѣка съ опытомъ, касающіяся актерской техники, красоты и правды на сценѣ, ритма, рѣчи, жеста, движенія, всѣхъ стихій сценическаго искусства. (М. Чуносовъ. „Бирж. Вѣд." 1912 — 13025).

* **Бахтинъ, Н. Н.** 792:016

См. порядк. № 88.

* [. . . . .] 8:92(С)

См. порядк. № 124.

114. **Кузьмина-Караваева, Е.** 891.7—1

Скиѳскіе черепки. Стих. Изд. „Цехъ поэтовъ". 1912. Ц. 90 к.

Е. Кузьмина-Караваева принадлежитъ къ числу поэтовъ-однодумовъ. Ея задача — создать скиѳскій эпосъ, но еще слишкомъ много юношескаго лиризма въ ея душѣ, слишкомъ мало глазомѣра и рѣшительности опредѣлившагося и потому смѣлаго таланта. Игра метафорами, иногда не только словесными, догматизмъ утвержденій туманно-мистическаго свойства и наивно - іератическія позы — все это плохая помощь при созданіи эпоса. Отъ него остались только черепки, но къ чести поэта, черепки подлинно скиѳскіе. Я думаю, что эти черепки имѣютъ много шансовъ слиться въ цѣльный сосудъ, хранящій драгоцѣнное муро поэзіи, но врядъ ли это случится очень скоро и такъ, какъ думаетъ авторъ, потому что внѣшняя фабула книги, исторія любви царевны-рабыни къ своему господину, кажется по современному неубѣдительной и случайной среди подлинно-древнихъ и странныхъ строкъ пейзажа. (Н. Гумилевъ. „Аполлонъ". 1912—3—4). Стихи-думы Е. Кузьминой - Караваевой, какъ воспоминанія о дорогомъ, навѣки потерянномъ,— тяжеловаты, сумрачно и однообразно - тягучи. Форма совсѣмъ ужъ незавидна. (В. Н. „Соврем." 1912 — 5).

Петербургское Книгоизд. „Цехъ поэтовъ" выпустило рядъ ничѣмъ неоправдываемыхъ сборниковъ стиховъ „молодыхъ" поэтовъ, еще невышедшихъ изъ полосы слѣпого подражанія. Грустно, что въ этихъ книгахъ за усвоеніемъ чужого стиля, не открывается, хотя бы немногихъ чертъ, предрѣшающихъ въ будущемъ возможность нѣкоторой самобытности поэтовъ... Но книга г. К. все же обладаетъ нѣкоторымъ вкусомъ, творческой сдержанностью и также пониманіемъ экзотики Гумилева. Здѣсь многое плохо, но это не возмущаетъ, хорошее же хотя подражательно, но взятое тонко, съ пониманіемъ, подкупаетъ въ свою пользу. (Н. Б—еръ. „Путь". 1912 — 8).

Гуревичъ, Исидоръ. 891.7—3

Бархатные когти. Юмористическіе разсказы. 2-ое изд. СПБ. 1912. Ц. 1 р.

Г. Гуревичъ одинъ изъ весельчаковъ, прочно основавшихся въ безпечальномъ „Сатириконѣ". Разсказы его, вышедшіе подъ чудовищно пошлой обложкой, написаны, въ общемъ, грамотно и прилично. Но какая въ нихъ ужасающая пустота и мелкость! Если для старыхъ юмористовъ, въ родѣ Антона Чехонте или г. Дорошевича, необходимымъ являлось хотя подобіе анекдота, чтобы создать изъ него „разсказы", то для современныхъ „испытанныхъ остряковъ" вполнѣ довольно одного намека на характеръ или событіе, чтобы изготовить къ очередному номеру нужный „матеріалъ". Ломаную линію выдумки они замѣняютъ голословной точкой, а самый разсказъ — глухимъ указаніемъ на то, о чемъ, собственно, слѣдовало бы разсказать... Трудно, вообще, засмѣяться, читая разсказы г. Гуревича и тщательно все время спрашиваешь себя: да гдѣ же тутъ юморъ? Никакого сочувствія не могутъ возбудить въ читателѣ нелѣпѣйшіе разсказы въ родѣ „Маркетри", гдѣ двое какихъ-то подозрительныхъ субъектовъ съ семнадцатью копейками въ карманѣ заставляютъ приказчиковъ для потѣхи (чьей и надъ кѣмъ?) разсылать выбранныя ими въ магазинахъ дорогія вещи по мнимымъ адресамъ. Впрочемъ, г. Гуревичъ не совсѣмъ чуждъ „хорошаго тона", литературнымъ отсутствіемъ котораго грѣшитъ большинство россійскихъ юмористовъ, заставляющихъ вспоминать старыя слова Достоевскаго: „нынче дубина, а не Вольтеръ". (А—чъ. „Соврем." 1912—6).

Карикатуристы знаютъ, что нелѣпая, неграмотная картинка, какъ бы ни была она смѣшна своею нелѣпостью, не есть карикатура. Юмористы-литераторы, напротивъ, даже не пытаются провести грань между шаржемъ и нелѣпостью, полагая что шаржъ тѣмъ лучше, чѣмъ онъ уродливѣй и безпринципнѣй. Большую дань этой безпринципности отдалъ и г. Гуревичъ. (Вад. Лѣсовой. „Нов. Ж. для Вс." 1912—5).

116. **Реймонтъ, В.** 891.85—3.

Мужики. Лѣто. К-во „Польза". М. 1912. Ц. 40 к.

Такой „энциклопедіи" о мужикѣ, какъ повѣсть Реймонта, не знаетъ европейская литература. По широтѣ размаха автора, по умѣнью охватывать взоромъ необъятныя пространства и придавать форму колоссальнымъ глыбамъ сырого матеріала,—его „Мужики" могутъ быть поставлены рядомъ съ грандіозными эпопеями Э. Золя. Сближаетъ обоихъ писателей и еще одно свойство: ихъ добросовѣстный и безстрашный реализмъ. Можно, пожалуй, указать и другую общую имъ черту: главная цѣнность „Мужиковъ" Реймонта, какъ и соціальныхъ романовъ Золя, заключается не въ ихъ художественныхъ достоинствахъ, а въ полезности ихъ, какъ правдивыхъ и обстоятельныхъ описаній того, что бываетъ въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, „Мужики" Реймонта, безъ преувеличенія, могутъ сойти за энциклопедію по вопросамъ мужицкаго быта, морали, психологіи, обычаевъ и пр. Эта энциклопедія распадается на четыре объемистыхъ части: „Осень", „Зима", „Весна", „Лѣто" — и охватываетъ, слѣдовательно, весь кругъ крестьянской жизни. Передъ всякой иной энциклопе-

дѣй „Мужики" Реймонта отличаются тѣмъ, что качества серьезваго изслѣдованія соединяются съ качествами занимательнаго романа. Это даетъ имъ право на вниманіе со стороны самыхъ широкихъ круговъ читателей, и Книгоиздательство „Польза" поступило совершенно правильно, включивъ произведеніе Реймонта въ свою „универсальную библіотеку". (А. Южанинъ. „Нов. Ж". 1912—8).

Труднѣе для подростковъ, — а быть можетъ, и очень трудно—будетъ разбираться въ содержаніи „Мужиковъ" Реймонта; но каждый юноша и каждый взрослый при чтеніи четырехъ книгъ, входящихъ въ составъ этого крупнѣйшаго произведенія талантливаго польскаго писателя, вынесетъ изъ нихъ не мало бодрящихъ впечатлѣній и мыслей, утвердится въ симпатіяхъ къ человѣку вообще и, въ частности, къ крестьянству, которое прирастаетъ такъ крѣпко къ землѣ, что составляетъ какъ бы одну изъ составныхъ ея частей. (Н. П. „Вятск. Р." 1912—199).

117. **Довнаръ-Запольскій, М. В.** 9(47)„18".

Обзоръ новѣйшей русской исторіи. Т. I. Кіевъ. Ц. 2 р. 50 к.

Первый томъ настоящаго труда посвященъ исключительно царствованію Александра I. Изложеніе открывается характеристикой Александра I, въ которой особенно подчеркиваются черты сходства этого императора съ его отцомъ. Далѣе излагаются первыя преобразовательныя начинанія правительства Александра I и политическая дѣятельность Сперанскаго. Три слѣдующія главы посвящаются Отечественной войнѣ. Большая часть книги отведена затѣмъ разсказу о различныхъ проявленіяхъ реакціонныхъ настроеній и стремленій въ правительственныхъ и общественныхъ кругахъ той эпохи. Три главы посвящены довольно подробному разсмотрѣнію эволюціи центральныхъ государственныхъ учрежденій и состоянія мѣстной администраціи въ александровской Россіи. Въ предпослѣдней главѣ лишь очень бѣглыми штрихами намѣчено соціально-экономическое положеніе Россіи того времени и, наконецъ, въ послѣдней главѣ совсѣмъ уже вкратцѣ говорится о декабристахъ. Такимъ образомъ, различныя стороны внутренней жизни Россіи за время Александра I очерчены въ настоящей книгѣ далеко неравномѣрно. Можно указать нѣкоторые немаловажные пробѣлы въ изложеніи и тѣхъ вопросовъ, которымъ авторъ удѣляетъ наибольшее вниманіе. Такъ, напримѣръ, при обозрѣніи работъ неофиціальнаго комитета совсѣмъ затушеваны происходившія тамъ характерныя пренія по крестьянскому вопросу. Въ главѣ о Сперанскомъ авторъ, удачно полемизируя съ г. Серодонинымъ, съ своей стороны дѣлаетъ ту ошибку, что совершенно игнорируетъ постепенную эволюцію въ политическихъ воззрѣніяхъ Сперанскаго.

Въ общемъ, разбираемая книга даетъ малоподготовленному читателю довольно много интереснаго фактическаго матеріала, извлеченнаго изъ спеціальныхъ печатныхъ монографій, включая сюда и тѣ спеціальныя работы, которыя вышли въ самое недавнее время. Что же касается обобщающихъ характеристикъ и заключеній автора, то имъ можно было бы пожелать большей яркости и законченности. (А. Кизеветтеръ. „Рус. Вѣд." 1912—198).

„Обзоръ новѣйшей русской исторіи" М. Довнаръ-Запольскаго составленъ изъ лекцій, читанныхъ кіевскимъ профессоромъ.

Это отразилось, и мѣстами очень невыгодно, на всей архитектоникѣ книги. Отдѣльныя ея части неровны по размѣрамъ и цѣнности. Встрѣчаются главы слишкомъ бѣглыя и расплывчатыя, другія же главы, напротивъ, подробно и самостоятельно разработаны.

Необходимость придать отдѣльнымъ главамъ самостоятельный и законченный характеръ заставила автора погрѣшить противъ своего реалистическаго метода и выдѣлить вопросы экономическаго развитія въ отдѣльную главу, вмѣсто того, чтобы прослѣдить ихъ неотдѣлимость отъ всѣхъ другихъ сторонъ и явленій русской исторіи.

За всѣмъ тѣмъ обзоръ проф. Довнаръ-Запольскаго отличается обычными у этого изслѣдователя большими достоинствами — богатствомъ содержанія, простотою и стройностью изложенія и самостоятельностью взгляда на многіе коренные вопросы. (Н. Б. „Нов. Ж." 1912—8).

118. **Ложье, Ц.** 9(47)„1812"

Дневникъ офицера великой арміи въ 1812 г. Перев. съ фр. Подъ ред. Н. П. Губскаго. Съ предисл. А. М. Васютинскаго. Изд. Кн-ва „За друга" М. 1912 г. Ц. 80 к.

Слушать современниковъ и очевидцевъ, это значитъ—въ занятіяхъ исторіей пить изъ источника живой воды. Правда, тутъ всегда необходима критика. Но есть простодушные и искренніе мемуаристы, у которыхъ нѣтъ грубой, намѣренной лжи и много природнаго умѣнія передавать подлинную правду. Къ числу такихъ людей принадлежалъ и Ложье. Онъ ярко и, вмѣстѣ, просто изображаетъ перемѣны въ настроеніи наполеоновской арміи, отношеніе къ ней массъ населенія Россіи, трудности и страданія во время похода и особенно отступленія. Особеннаго вниманія заслуживаетъ описаніе пожара Москвы. Отмѣтимъ здѣсь, напр., два цѣнныхъ замѣчанія Ложье: „солдаты совсѣмъ не грабили, пока не убѣдились, что поджигаютъ сами русскіе"; „если бы жители не бѣжали, городъ не потерпѣлъ бы никакихъ убытковъ". Переводъ удовлетворителенъ. (Н. Рожковъ „Совр. М." 1912—8).

Въ предисловіи по рускому переводу г. Васютинскій отводитъ мемуарамъ Ложье одно изъ первыхъ мѣстъ въ безконечномъ спискѣ воспом. участниковъ наполеоновскихъ войнъ. Такой высокой оцѣнки книга Л. ни съ какой стороны не заслуживаетъ. Правда, авторъ, въ противоположность многимъ другимъ мемуаристамъ, не страдаетъ несноснымъ стремленіемъ заслонить своимъ „я" мировыя событія. Онъ все время говоритъ не о себѣ, а объ историческихъ событіяхъ и ихъ дѣятеляхъ. Интересны эти записки еще и тѣмъ что онѣ даютъ ясное представленіе о, такъ сказать, романтикахъ великой арміи Наполеона. Но это и всѣ достоинства мемуаровъ Ложье.

Написаны они въ чисто институтскомъ тонѣ обожанія Наполеона и Италіи. Разсказъ не объективенъ. (П. Б. „Нов. Ж. для Вс." 1912—7).

119. [. . . . .] 9(47) „1812"

Французы въ Россіи. 1812 г. по воспоминаніямъ современниковъ-иностранцевъ. Ист. ком. учебн. отд. О. Р. Т. З. Изд. „За друга." Ч. I и II. М. 1912 г. Ц. 1 р.

Считаемъ своимъ долгомъ обратить вниманіе на только что появившуюся книгу. Составители расположили въ хронологическомъ порядкѣ выдержки изъ различныхъ мемуаровъ, дневниковъ, и т. д., оставшихся послѣ участниковъ похода Наполеона. Разсматриваемая часть охватываетъ періодъ до вступленія великой арміи въ Москву. Книга хорошо издана и заключаетъ болѣе 200 стр. убористой печати, а потому цѣну слѣдуетъ признать умѣренной. („Ил. Обозр. Гол. М." 1912—144).

Вторая часть этого интереснаго изданія обнимаетъ пожаръ Москвы, жизнь въ Москвѣ, занятой французами, отступленіе великой арміи до Смоленска; воспоминанія участниковъ похода Наполеона дополнены во второй части воспоминаніями иностранцевъ, жившихъ въ Москвѣ въ 1812 г.: нѣмца-торговца колоніальными товарами, француженки Фюзи, эмигранта д'Изарека и др.

Центральное мѣсто въ этихъ воспоминаніяхъ занимаетъ, разумѣется, пожаръ Москвы, и неоднократно у разныхъ лицъ, очевидцевъ этого событія, вырываются слова, что „болѣе потрясающаго зрѣлища" они въ жизни не видали, и это говорятъ старые ветераны, исходившіе Европу съ оружіемъ въ рукахъ, видавшіе сотни сраженій и занятыхъ непріятельскихъ городовъ. (Л. К—скій. „Рус. Вѣд." 1912—202).

Изданіе даетъ рядъ искусно подобранныхъ и хорошо переденныхъ выдержекъ изъ мемуаровъ, писемъ, дневниковъ, изображающихъ переживанія французской арміи въ Россіи. („Вѣст. Евр." 1912—8).

120. **Донъ, В. и Тикнеръ, Ф.** 91(07)

Наглядная географія. Предметн. уроки по міровѣдѣнію въ связи съ естествознаніемъ. Руков. для преподавателей. Кн. I и II. Перев. съ англ. А. Тахтаревой. Со многими рис.— „Библ. новаго восп. и образ." подъ ред. И. Горбунова-Посадова. М. 1912. Кн. I—стр. XII+114. Ц. 55 к.; Кн. II — стр. 130. Ц. 60 к.

Эти предметные уроки по міровѣдѣнію въ связи съ естествознаніемъ являются весьма цѣннымъ руководствомъ для преподавателей. „Въ настоящее время,—говоритъ И. Горбуновъ-Посадовъ въ предисловіи къ 1-ой кн.,—въ области школьной постановки такъ-называемаго міровѣдѣнія, представляющаго собой введеніе или первую ступень въ преподаваніи географіи, происходитъ переворотъ, который долженъ совершенно измѣнить постановку преподаванія міровѣдѣнія и начальной географіи въ школахъ въ истинно-раціональномъ направленіи. Основнымъ требованіемъ этой новой постановки является обоснованіе метода школьнаго міровѣдѣнія не на изученіи текста учебниковъ по міровѣдѣнію, какъ было это въ большинствѣ случаевъ до сихъ поръ, а на непосредственномъ изученіи, изслѣдованіи окружающаго ихъ міра самими дѣтьми, ихъ собственными глазами, руками, собственной ихъ мыслью, ихъ чувствомъ, на непосредственныхъ личныхъ, дѣтскихъ наблюденіяхъ, опытахъ, работахъ. Задача школы при этомъ—способствовать дѣтямъ углубить эти наблюденія, расширить кругъ ихъ, получить доступъ къ возможно большему ряду опытовъ и работъ, дающихъ дѣтямъ возможность лучше постигнуть окружающую ихъ природу, процессы жизни земли, жизни вселенной; съ другой стороны, задача школы—помочь дѣтямъ дѣлать изъ всѣхъ этихъ наблюденій и опытовъ обобщенія и выводы, которые могутъ породить въ нихъ интересъ и склонность къ дальнѣйшей работѣ наблюденія, опыта и мышленія". Этими словами достаточно опредѣляется характеръ предлагаемыхъ руководствъ. Изданы они очень чисто, съ хорошими, отчетливыми рисунками и заслуживаютъ серьезнаго вниманія учителей и воспитателей. („Вѣст. Зн." 1912—4).

Второй, какъ и первый выпускъ книги Д. и Т. состоитъ изъ 39 предметныхъ уроковъ, касающихся основныхъ географ. понятій. „Уроки" интересно задуманы и прекрасно разработаны. Руководствуясь ими, какъ образцами, преподаватели начальной географіи, несомнѣнно, высоко поднимутъ значеніе этого предмета въ средней школѣ и живо заинтересуютъ ими учащихся. Книга вполнѣ заслуживаетъ самаго широкаго распространенія и тщательнаго ознакомленія съ нею преподавателей географіи. (К. Лайстеръ. „Естеств. и Геогр". 1912—1).

Мы усиленно рекомендуемъ учителямъ обратить вниманіе на это пособіе. (А. Мезіеръ. „Русск. Шк." 1912—1).

Безспорно, что это новое теченіе въ преподаваніи начальной географіи... вполнѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія при обученіи малолѣтнихъ дошкольнаго возраста. Пользоваться же новою „Наглядной географіей" въ средней школѣ едва ли будетъ цѣлесообразно, такъ какъ весь новый курсъ американскихъ педагоговъ основанъ на полной возможности производства цѣлаго ряда физическихъ и химическихъ опытовъ, а также и непрестанныхъ наблюденій природы, притомъ возможно разнообразной, т.-е. такой, которую теперь не всегда легко найти даже въ деревнѣ, особенно у насъ въ Россіи, отличающейся удивительнымъ однообразіемъ равнинныхъ ландшафтовъ. (А. Михневичъ. „Пед. Сб." 1912—1).

121. **Поповъ, И. И.** 91(45)

Великая могила прошлаго. Путевыя замѣтки по Италіи. Съ рис. Изд. В. И. Саблина. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Ростъ путешествій за границу и заслуженный успѣхъ книги Муратова повлекли за собой, какъ и слѣдовало ожидать, появленіе посредственныхъ путеводителей. Образчикомъ этой литературы является книжка г. Попова... Кромѣ путаницы, читателю ничего не дадутъ экскурсіи автора въ области исторіи искусства; вотъ почему лучшее, что есть въ книгѣ Попова, это—характеристика Ватикана и папской власти.

Репродукціи подобраны недурно, если не считать избытка ненужныхъ вещей, какъ фотографіи съ ужаснаго памятника Виктору-Эммануилу въ Римѣ, театра въ Монте-Карло и проч. Все это лишь подчеркиваетъ эстетическую безпринципность русскаго читателя. Замѣтимъ, однако, что при крайней бѣдности нашей литературы по западно-европейскимъ городамъ книжка г. Попова можетъ быть прочитана не безъ интереса. (Я. Т. „Совр. М." 1912—8).

Книга представляетъ изъ себя путевыя, бѣглыя очерки-воспоминанія объ Италіи. Цѣль ихъ—помочь ориентироваться человѣку, впервые путешествующему по этой странѣ. Авторъ не претендуетъ на оригинальность и полноту свѣдѣній, а лишь пытается обратить вниманіе путешествующаго на наиболѣе интересное и важное. Без-

спорно книга эта цѣннѣе всякихъ „бедекеровъ“, такъ какъ написана человѣкомъ съ интеллигентнымъ пониманіемъ искусства. Множество иллюстрацій и снимковъ съ картинъ на отдѣльныхъ страницахъ очень украшаютъ книгу, поэтому цѣна книги не кажется дорогой. Книга издана изящно. (И—вичъ. „Путь“. 1912—4).

122. **Дворниковъ, Н. и Соколовъ, С.** 91(47)(075)

Географія Рос. Имперіи. Учебникъ для ср.-уч. завед., мужскихъ, женскихъ, уч. семинарій, высшихъ городск. уч. по полож. 1872 г. и торг. школъ. Съ картами, діагр., иллюстр. М. Изд. „Сотрудникъ Школъ“ Залѣсской. 1912. Стр. VII+302+1 карта. Ц. 1 р. 20 к.

Авторы названнаго учебника, какъ видно изъ предисловія, поставили себѣ цѣлью, чтобы въ учебникѣ не было ничего неяснаго, недоговореннаго, обойденнаго. „Поэтому въ учебникѣ“, говорится въ предисловіи: „рядомъ съ обычными географическими свѣдѣніями выдвигаются двѣ соотвѣтствующія стороны: экскурсіи въ области геологическую и историческую, такъ какъ безъ геологическихъ и историческихъ свѣдѣній многія явленія въ хозяйственой дѣятельности населенія останутся непонятными, неясными“. Кромѣ того, авторы старались выяснять причинную связь между физико-географическими явленіями. Съ той цѣлью авторы учебника даютъ понятіе о горныхъ породахъ, горообразовательныхъ процессахъ, геологическихъ эрахъ, подпочвенныхъ слояхъ; введены отдѣльныя главы о мѣстномъ управленіи, земскомъ и городскомъ самоуправленіи, о путяхъ сообщенія въ Европейской Россіи, объ образованіи, о промышленности, о торговлѣ, при чемъ приложена даже діаграмма, показывающая обороты внѣшней торговли важнѣйшихъ государствъ; послѣ описанія границъ дается историческій обзоръ Русскаго государства.

Внѣшность учебника вполнѣ удовлетворительна: бумага хорошая, шрифтъ ясный, хотя для необязательнаго текста слѣдовало бы взять нѣсколько болѣе крупный шрифтъ. Рисунки исполнены по фотографіямъ очень хорошо. (А. Чеботаревъ. „Изв. по Нар. Обр.“ 1912—3).

Авторы обладаютъ многими данными для того, чтобы написать хорошій учебникъ: вполнѣ достаточнымъ знаніемъ самого предмета, умѣніемъ ясно и интересно изложить его и нѣкоторыми оригинальными пріемами, не позволяющими составителямъ вполнѣ соглашаться съ пріемами передачи матеріала въ другихъ учебникахъ. (А. Борзовъ. „Вѣст. Восп.“ 1912—3).

123. **Вальтеръ, В. Г.** 92:78(В)

Рих. Вагнеръ. (Иллюстр. біографіи композиторовъ, подъ ред. В. Г. Вальтера). Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

Это прекрасно изданная книга, снабженная многочисленными иллюстраціями, даетъ полную картину жизни и дѣятельности знаменитаго композитора. Одинаково далекій и отъ идолопоклонства передъ В., въ которое впадаютъ нѣкоторые его біографы, и отъ отрицательнаго отношенія къ нему, которое все еще находитъ сторонниковъ, авторъ старается быть безпристрастнымъ, и въ обрисовкѣ характера Вагнера и въ оцѣнкѣ его произведеній онъ, какъ намъ кажется достигаетъ этой цѣли. Свѣтъ и тѣни распредѣляются равномѣрно, безъ предвзятой мысли. Въ жизни Вагнера такъ много любопытнаго, въ творчествѣ его много глубокаго и своеобразнаго, что интересъ читателя къ книгѣ г. Вальтера поддерживается самъ собою, безъ всякихъ усилій со стороны автора. Основанная на близкомъ знакомствѣ съ обширной постоянно растущей вагнеріанской литературой, она можетъ служить хорошимъ коррективомъ къ автобіографіи Вагнера, далеко не всегда, повидимому, строго считающейся съ фактами. („Вѣст. Евр.“ 1912—3).

Книжка написана очень обстоятельно и дѣловито, нѣсколько сухо (что нужно признать скорѣе достоинствомъ въ фактической біографіи) и можетъ быть рекомендована какъ необходимое пособіе при изученіи Вагнера. Кромѣ чисто-біограф. матеріала, даны содержательные очерки о музыкальномъ и литературномъ творчествѣ Вагнера. Къ недостаткамъ книги слѣдуетъ отнести чрезмѣрное вниманіе автора къ второстепенному вопросу о юдофобствѣ Вагнера. (Б. Грифцовъ. „Рус. М.“ 1912—6).

124. [. . . . .] 92(С):8

М. М. Стасюлевичъ и его современники въ изъ переписки. Подъ ред. М. К. Лемке. Т. I. Съ 5 портр. Спб. 1911. Стр. XVI+570. Ц. 3 р. — Т. II. Съ портр. Спб. 1912. Стр. VIII+560. Ц. 3 р. — Т. III. Съ 2 портр. Спб. 1912 Ц. 4 р.

Покойный Стасюлевичъ за свою долгую жизнь, посвященную сперва наукѣ, потомъ журналистикѣ, находился въ оживленныхъ письменныхъ сношеніяхъ съ широкимъ кругомъ лицъ, гл. образомъ, литераторовъ, и такимъ путемъ въ его рукахъ сложился цѣлый архивъ писемъ и бумагъ. Въ настоящее вр. вдова М. М. — Л. Н. Стасюлевичъ, предприняла изданіе той части архива, которая представляетъ обществ. интересъ, заключая въ себѣ цѣнные матеріалы для біографіи самого М. М. Стасюлевича и нѣкоторыхъ видныхъ его современниковъ. Все изданіе предположено закончить въ 1914 г., и оно будетъ заключаться въ 11 томахъ. Въ эти 11 томовъ войдутъ около 6000 писемъ къ С., письма его самого къ ряду лицъ и разнаго рода документы, литературные и иные. Первый изъ вышедшихъ томовъ имѣетъ значеніе гл. обр. для біографіи С., заключая въ себѣ по преимуществу матеріалы изъ того времени, когда онъ готовился къ профессорской кафедрѣ и потомъ читалъ лекціи въ Петерб. у—тѣ... Чтобы показать интересъ второго тома, достаточно сказать, что въ немъ напечатана, между прочимъ, обширная переписка Стасюлевича съ Кавелинымъ, съ гр. А. Толстымъ, письма Н. Н. Костомарова, В. Д. Спасовича, В. В. Стасова, Н. Е. Забѣлина, П. Л. Лаврова, В. О. Корша и многихъ др., менѣе видныхъ дѣятелей нашей литературы. Кромѣ того, въ примѣч. г. Лемке привелъ немало отрывковъ изъ писемъ С. къ женѣ, дополняющихъ и уясняющихъ воспроизведенныя въ текстѣ письма другихъ лицъ. Въ общемъ содержаніе этого тома способно заинтересовать не только лицъ, спеціально занимающихся изученіемъ новой русской литературы журналистики, но и рядовыхъ читателей, желающихъ ближе ознакомиться съ личностями выдающихся дѣятелей въ этой области. Въ этомъ смыслѣ по всей книгѣ разбросано немало характерныхъ и цѣнныхъ чертъ,

позволяющихъ ея читателю ближе подойти къ пониманію многихъ эпизодовъ нашей литературы и общ. жизни. („Рус. Бог". 1912—6).

Второй томъ „архива" М. М. Стасюлевича столь же богатъ содержаніемъ, какъ и первый. Письма... заключаютъ въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній и указаній относительно общ.-литер. дѣятельности ихъ авторовъ, касаясь къ то же время, прямо или косвенно, политическихъ обстоятельствъ и условій русской жизни, начиная съ эпохи 60-хъ годовъ. (Л. Слонимскій, „Вѣст. Евр". 1912 — 4).

Второй томъ переписки М. Стасюлевича, какъ и первый, перегруженъ и засоренъ множествомъ мелочей, не представляющихъ интереса даже для самаго кропотливаго историка нашей общественности. Но на ряду съ этими мелочами мы встрѣчаемъ во второмъ томѣ очень цѣнныя и интересныя письма. (Н. Берлинъ. „Нов. Журн. для Вс". 1912—5).

Предпринятое г. Лемке изданіе переписки С. продолжаетъ быть очень интереснымъ. Во второмъ томѣ этого изданія мы находимъ рядъ „человѣческихъ документовъ", знакомство съ которыми обязательно для всякаго историка русской общ. мысли и русской литературы. (Г. Плехановъ „Совр. М." 1912—6).

Третій томъ этого интереснаго изданія чрезвычайно содержателенъ. Въ немъ помѣщены письма И. С. Тургенева, П. В. Анненкова, Бертольда Ауэрбаха, Фридриха Шпильгагена, Эмиля Зола и много др. Письма носятъ по большей части дѣловой характеръ, но въ нихъ разсѣяно много цѣннаго матеріала для характеристики авторовъ писемъ и всей этой интересной литературной эпохи. Собрать эти разсѣянныя жемчужинки и составить изъ нихъ цѣльную картину, правда, нелегкая работа. Эту работу выполнятъ историки этой эпохи, для нихъ эта переписка будетъ неоцѣненнымъ кладомъ.

Письма знатныхъ иностранцевъ мало интересны; они носятъ сухо-дѣловой характеръ: „Вѣстникъ Европы" и его издатель и редакторъ интересовали ихъ, повидимому, только въ дѣловомъ отношеніи. Соединеніе издателя и редактора въ одномъ лицѣ имѣетъ своеобразныя неудобства: многіе изъ за издателя не замѣчаютъ редактора... Это особенно обидно по отношенію къ М. М. Стасюлевичу, который былъ во многихъ отношеніяхъ идеальнымъ редакторомъ.

Крайне жаль, что рядомъ съ письмами сотрудниковъ „Вѣстникъ Европы" не помѣщены письма редактора М. М. Стасюлевича: но повидимому, первые не были такъ аккуратны, какъ послѣдній, и не сохраняли въ такомъ порядкѣ свою корреспонденцію. Вслѣдствіе этого мы должны довольствоваться монологами тамъ, гдѣ въ дѣйствительности были діалоги. Но и въ такомъ видѣ изданіе представляетъ большой интересъ. (Б. „Запр. Ж." 1912—36).

Третій томъ этого изд. не менѣе богатъ интересными матеріалами, чѣмъ два предыдущіе. Достаточно сказать, что въ немъ помѣщено 338 писемъ И. С. Тургенева, занимающихъ болѣе 14 печатныхъ листовъ и обнимающихъ собой 16-лѣтній періодъ времени. Дополненіемъ къ нимъ служатъ многія изъ писемъ И. В. Анненкова, близкаго друга Тургенева и постояннаго литературнаго совѣтника его. И тѣ и др. бросаютъ яркій свѣтъ на положеніе нашей литературы и нашего общества въ тяжелую эпоху семидесятыхъ годовъ. („Вѣст. Евр." 1912—8).

Новыя книги.

Издатели и авторы приглашаются присылать редакціи „Бюллетеней“ по одному экземпляру вновь выходящихъ книгъ для напечатанія о нихъ своевременно подробныхъ свѣдѣній въ очередныхъ выпускахъ.

0 Общія сочиненія.

242. [. . . . .] 001

Итоги науки въ теоріи и практикѣ подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. О. М. Шимкевича. Кн. VI. М. 1912. Изд. „Міръ“. Стр. 385—508 + 12 табл.

243. **Лебедевъ, Вл. П.** 087.1

Сильные Духомъ. Разсказъ для дѣтей. М. 1912. Изд. Кн. скл. М. В. Клюкина. 88 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

1 Философія.

244. **Целлеръ, Э.** 1(38)(09)

Очеркъ исторіи греческой философіи. Съ 9-го нѣм. изд., редактированнаго Ф. Лорцингомъ, перев. С. Л. Франкъ. Изд. „Русск. Мысль“. М. 1912. Стр. 256. Ц. 1 р. 80 к.

Содержаніе: Предисловія. Введеніе. А. Методологія и литература.—В. Историческ. введеніе.—Первый періодъ: До-Сократовская философія. I. Три древнѣйшія школы: а) Древніе іонійцы. б) Пифагорійцы. в) Элеаты. II. Физика пятаго вѣка. III. Софисты. — Второй періодъ: Сократъ, Платонъ и Аристотель. I. Сократъ. Менѣе знач. сократическія школы. III. Платонъ и древняя академія. IV. Аристотель и перипатетическая школа.—Третій періодъ: Послѣ-аристотелевская философія. I. Стоицизмъ, эпикуреизмъ, скепсисъ. а) Стоическая философія. б) Эпикурейская философія. в) Скепсисъ. II. Эклектизмъ, возобновленный скептицизмъ, предшественники новоплатонизма. а) Эклектизмъ. б) Младшіе скептики. в) Предшественники новоплатонизма. III. Новоплатонизмъ.

245. **Седиръ.** 133

Заклинанія или магія слова. Перев. съ фр. А. В. Трояновскаго. Спб. 1912. Изд. Д. А. Наумова. 155 стр. Ц. 1 р. 50 к.

246. **Гомперцъ, Г.** 14(38)

Жизнепониманіе греческихъ философовъ и идеалъ внутренней свободы. 12 общедоступныхъ лекцій съ приложеніемъ: Къ пониманію мистиковъ. Перев. съ нѣм. І Давыдова и С. Салитанъ. Спб. 1912. Изд. т-ва „Общ. Польза“. VIII+309 стр. Ц. 1 р. 50 к.

247. **Любомудровъ, И. М.** 146(К)

Введеніе въ философію Огюста Конта. 1912. 33 стр. Ц. 15 к.

2 Религія.

248. **Лотинъ, Вл.** 215

Вѣра и Знаніе по вѣрѣ. Спб. 1912. 112 стр. Ц. 1 р.

249. **Ренанъ.** 232

Жизнь Христа Пер. съ фр. Е. Оларъ. Истор. библ. № 37. М. 1912. Изд. К-ва „Дѣло“ 96 стр. Ц. 10 к.

250. **Друммондъ, Г.** 28(011)

Программа христіанства. Перев. съ англ. Кіевъ. 1912. Изд. Кіев. Религіозно-Философскаго Об-ва. 28 стр. Ц. 15 к.

251. **Пирлингъ, О.** 281.93 : 282

Россія и папскій престолъ. Перев. съ фр. В. П. Потемкина. Кн. первая. Русскіе и Флорентійскій соборъ. М. 1912. Изд. К-ва „Современныя Проблемы“. 452 стр. Ц. 3 р.

252. **Ландау, Л. А.,** д-ръ. 296 : 616.89 : 92(М)

Моисей. Анализъ его психической жизни. Послѣ выхода Израильтянъ изъ Египта до прихода ихъ къ горѣ Синаю. У горы Синая до возвращенія Моисея съ первыми скрижалями. Послѣ возвращенія Моисея съ горы Синая съ первыми скрижалями до выхода Израильтянъ изъ пустыни Синайской. Матеріалъ для психіатрическихъ анализовъ. 1) Душевнобольные по обслѣдованіямъ ихъ въ селеніяхъ (Предв. сообщ.). 2) Изъ психіатрич. клиникъ И. К. Вѣнскаго университета. Психіатрическіе анализы II — III. Іюнь 1912 г. Юрьевъ. 1912. 33 — 88 + 10 стр. Ц. 60 к.

3 Соціальныя науки.

253. **Свѣчниковъ, А. П.** 327 (47 : 51)

„Русскіе въ Монголіи“. (Наблюденія и выводы). Сборникъ работъ относительно Монголіи (Халхи). Съ прилож. статей С. Ф. Степанова: 1) О китайско-монгольскихъ отношеніяхъ; 2) О русской и китайской торговлѣ въ Монголіи. Спб. 1912. 150 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 75 к.

254. [. . . . .] 333.5(47)(001)

Положеніе о землеустройствѣ (Св. зак. томъ X, часть 3, изд. 1912 г.) съ законодательными мотивами и разъясненіями. Подъ ред. А. А. Зноско-Боровскаго. Спб. 1912. Изд. Канц. Ком. по землеустр. дѣламъ. IV+303 стр. Ц. 3 р.

255. **Розановъ, В. В.** 342.3(47)

О подразумѣваемомъ смыслѣ нашей монархіи. Спб. 87 стр. Изд. Кн. маг. И. И. Митюрникова, Спб. Ц. 80 к.

256. **Лѣтникъ, Н. Л. и Брострем, А. И.** 343.2(47)

Преступленія, проступки и наказанія по Уставу о Наказаніяхъ, налагаемыхъ Миров. Судьями. „Библ. общедоступн. законовѣд.“ Изд. В. М. Саблина. М. 1912. Стр. 201. Ц. 1 р. 25. к.

Содержаніе: Теоретическій очеркъ. Статьи закона съ разъясненіями изъ сенатской практики. Образцы дѣловыхъ бумагъ.

257. **Викторскій, С. И.** 343.25(47)

Исторія смертной казни въ Россіи и современное ея состояніе. М. 1912. VIII+387+1 стр. Ц. 2 р. 50 к.

258. **Васильевъ, А. А.** 347.9(47)(02)

Руководство къ защитѣ гражданскаго иска. Съ очеркомъ права матеріальнаго и приложеніемъ Закона о преобразованіи мѣстнаго Суда, Высочайше утвержд. 15 іюня 1912 г. въ части, касающейся Устава Гражд. Судопр. Спб. 1913. Изд. Юр. кн. маг. В. П. Анисимова. VIII+424 стр. Ц. 2 р. 50 к.

259. **Кувшинская, Е.** 351.83(42)

Исторія фабричнаго законодательства въ Англіи. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1912. Стр. 221. Ц. 80 к.

Содержаніе: Періодъ бѣлаго рабства и мертворожденнаго законодательства въ Англіи. Геніальнѣйшій филантропъ за работой и еще одинъ мертворожденный законъ. Отмѣна закона противъ коалицій и первый фабричный законъ, примѣнявшійся на практикѣ. За десятичасовой рабочій день подъ знаменемъ гуманности. Фабричные законы 1833 и 1842 г. Чартизмъ и законодательный актъ о десятичасовомъ рабочемъ днѣ. Слѣдствія закона о десятичасовомъ рабочемъ днѣ. Профес. союзы прокладываютъ путь фабричному законодательству. Отъ экономики къ политикѣ. Современное состояніе фабричнаго законод. въ Англіи. Восьмичасовой рабочій день. Фабричная инспекція. Приложеніе.

260. **Нѣчиновъ, В. И.** 352(47)

Городское самоуправленіе по дѣйствующему русск. законод. „Библ. общедоступнаго законовѣд." Изд. Саблина. М. 1912. Стр. 396. Ц. 2 р. 50 к.

261. **Нисъ, Э.** 366.1

Основныя черты соврем. масонства. Перев. съ фр. Изд. „Прометей". Спб. 1912. Стр. 139. Ц. 1 р.

Содержаніе: Современныя идеи франкъ-масонства. Происхожденіе фр.-мас. Легенды. Факты. Тайныя сообщества съ цѣлями философскими, научными и литературными. Франкъ-масонство и его противники. Иллюминаты. Адепты фр.-мас. Вліяніе фр.-мас. Франкъ-масонство и фр. революція. Фр.-мас. и соврем. общество. Фр.-мас. и международное право.

4 Филологія.

262. **Чернышевъ, В.** 491.7—1

Упрощеніе русскаго правописанія. Изд. автора. 2-е. Спб. 1912. Стр. 94. Ц. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе ко 2-му изд.— Современное состояніе русскаго правописанія.— Историческій очеркъ вопроса объ упрощеніи правописанія.

263. **Померанцевъ, Б. П.** 491.7—52

Систематическій сборникъ упражненій въ разстановкѣ знаковъ препинанія, грамматическомъ и синтакс. разборѣ. Пособіе для учащихъ среднихъ и низшихъ уч. завед. Изд. „Починъ". М. 1912. Стр. 108. Ц. 30 к.

264. **Гауптманъ, Эдуардъ.** 43(02)

Моя нѣмецкая книга. Руководство для обученія нѣм. языку по естественному методу. Часть первая. Варшава. 1913. Изд. кн. маг. В. Митке. VI+220 стр. Съ рис. Ц. 90 к.

5 Чистыя науки.

265. **Васильевъ, Л. и Кащенко, Б.** 5(07)

Руководство къ преподаванію курса начальнаго природовѣдѣнія. Ч. I. Земля, вода и воздухъ. Для учителей городск. нач. уч., земскихъ школъ, частныхъ приготов. шк. и младшихъ кл. ср. уч. зав. Изд. т-ва „Міръ". М. 1912. Стр. 170. Ц. 1 р. 25 к.

266. **Филипповъ, А.** 511

Четыре ариѳметич. дѣйствія. Числа натуральныя. Изд. „Mathesis". Одесса. 1912. Стр. 87. Ц. 70 к.

Содержаніе: Предисловіе. Слож. и выч. натуральныхъ чисель. Методическое умнож. Различныя пріемы умнож. натур. чиселъ. Дѣленіе. Дополнительное дѣленіе. Методическое дѣленіе Фурье. Задачи дѣленія. Теорія метода Фурье. Усовершенствованіе метода Фурье. Первая подстановка. Дѣленіе Фонтеса. Производящія множители. Вторая подстановка. Признаки дѣлимости. Безконечное дѣленіе. Нѣкоторыя свойства производящ. множ. Обращ. дробей вида $1/6$ въ десятичныя. О природѣ дѣленія. Частные случаи. Примѣчанія.

267. **Литцманнъ, В.** 513

Теорема Пиоагора съ прилож. нѣкоторыхъ свѣдѣній о теоремѣ Форма. Перев. съ нѣм. Съ 44 рис. „Библ. элем. математики" подъ общей ред. пр.-доц. С. О. Шатуновскаго. Изд. „Mathesis". Одесса. 1912. Стр. 80. Ц. 40 к.

268. **Парфентьевъ, Н. Н.,** пр.-доц. 517(02)

Неопредѣленные интегралы. Курсъ лекцій. Ч. I. Казань. 1912. Стр. 118. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Неопред. интеграл. Важнѣйшія свойства неопред. интеграловъ. Опред. интеграл. Гиперболическія функціи. Метод. интегрированія по частямъ. Интегр. исчисленіе, какъ источникъ новыхъ функцій. Интегрированіе раціональныхъ выраженій. Дифференціальный биномъ. Функціи трансцедентныя, всегда интегрируемыя. Интеграція ирац. выраженій. Интегралы гиперэллиптическіе и эллиптич. Примѣненія только что изложенной общей теоріи.

269. **Щербаковъ, С.,** инж.-эл. 537.4

Электричество и природа. 1912. Стр. 52. Ц. 45 к.

Содержаніе: Гроза. Сѣверное сіяніе. Громоотводъ. Безпроволочный телеграфъ.

270. [. . . . .] 54(082)

Успѣхи химіи. Сборникъ статей о важнѣйшихъ изслѣдованіяхъ послѣдняго времени въ общедост. изложеніи подъ ред. „Вѣст. опытной физики и Элем. математики". Съ 4-мя рис. и 13 портр. Вып. I. Изд. „Mathesis". Одесса. 1912. Стр. 240. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Беккерель. Новѣйшія идеи о строеніи матеріи.—Жоли. Брауновское движеніе.—Перренъ. Можно ли съ точностью взвѣсить атомъ?—Рамзай. Основная проблема. Открытіе новыхъ газовъ въ атмосферѣ. — Рамзай. Опред. безкопечно-малыхъ количествъ вещества.— Вальденъ. О сущности процесса растворенія и роли среды.—Жигмонди. Коллоидная химія.— Бруни. Труды Вантъ-Гоффа.—Оствальдъ. Катализмъ.— Юнгфлейшъ. Труды Бертело.—Фишеръ. Синтетич. химія и біологія.

271. **Центнершверъ, М.** 54(09)
Очерки по исторіи химіи. Популярно-научн. лекціи. Съ 83 рис. Изд. „Mathesis". Одесса. 1912. Стр. 318. Ц. 2 р. 20 к.
Содержаніе: Предисловіе. Химія у древнихъ народовъ. Начала алхиміи. Искусств. изготовленія золота. Аптекари и врачи. Флорентонъ и ниспроверженіе его А. Лавуазье. Сэръ Гёмфри Дэви и его служитель. Два пріятеля. Врачъ и пивоваръ. Міръ атомовъ. Расцвѣтъ органич. химіи и его практическія послѣдствія. Вантъ-Гоффъ и Оствальдъ—реформаторы соврем. химіи. Новые элементы. Радіоактивность. Заключеніе.

272. **Базановъ. П.** 544(02)
Аналитическая химія. Ч. I. Качественный анализъ. Пособіе для студентовъ у-та и высшихъ спец. уч. завед., подъ ред. П. С. Философова. Изд. „Просвѣщеніе". СПБ. 1912. Стр. 120+8 табл. Ц. 1 р.

273. **Базановъ, П.** 545(02)
Аналитическая химія. Часть II. Количественный анализъ. Подъ ред. П. С. Филиппова. СПБ. 1912. Изд. „Просвѣщеніе". VII+113 стр. и 1 табл. Ц. 1 р.

274. **Базановъ, П.** 544(02)
Систематич. ходъ анализа металловъ и кислотъ, изложенный въ таблицахъ. Руковод. по кач. анализу (при лабораторныхъ занятіяхъ) для слушателей высшихъ уч. завед. Изд. „Просвѣщеніе". СПБ. 1912. Ц. 40 к.

275. **Пешль, В., проф.** 546(02)
Введеніе въ коллоидную химію. Перев. съ нѣм. А. Комаровскаго съ предисл. П. Меликова. Для врачей, учителей и студентовъ. Изд. „Mathesis". Одесса. 1912. Стр. 86. Ц. 75 к.

* **Дубинскій, Н. Н.** 551.5:63](04)
См. порядк. № 276.

276. **[. . . . .]** 57(082)
Успѣхи біологіи. Сб. статей о важнѣйшихъ изслѣдованіяхъ послѣдняго времени. Вып. I, подъ ред. проф. В. В. Завьялова. Съ 24 рис. и 1 табл. Изд. „Mathesis". Одесса. 1912. Стр. 244. Ц. 1 р. 50 к.
Содержаніе: Дж. Лёбъ. Новѣйшіе успѣхи біологіи.—К. Шеррингтонъ. Ассоціація спинномозговыхъ рефлексовъ и принципъ общаго пола.—Фредерикъ. Химич. координація въ жизненныхъ явленіяхъ.—Г. де-Фризъ. Мутація и мутаціонные періоды въ связи съ происхожд. видовъ.—Р. Франсэ. Реакціонная способность растеній.—Р. Геберъ. Біологическое значеніе коллоидовъ.—М. Ферворнъ. О процессахъ въ элементарныхъ единицахъ нервной системы.—Г. Боруттау. Старое и новое по вопросу о сущности нервнаго проведенія.—А. Бэтэ. Новѣйшіе взгляды на сущность біо-электрич. токовъ.—Л. Ашоффъ. Теорія боковыхъ цѣпей Эрлиха. Б. Эбштейнъ. Къ исторіи развитія понятія о болѣзни.—П. Жанэ. Подсознательное.

277. **Э-кая, П.** 573.2(023)
Происхожденіе человѣка. Миніатюрная библ. „Наука и Жизнь". № 3. 1912. „Изд. Наука и Жизнь". 47 стр. Ц. 5 к.

278. **Конъ.** 576.3(023)
Общество клѣтокъ. „Кн. за книжкой", кн. 156. Спб. 1912. Изд. М. Н. Слѣпцовой. 20 стр.+рис. Ц. 6 к.

279. **Konwiczka, H.** 595.2(4)
Бабочки и гусеницы средней Европы. Съ изображеніемъ бабочекъ и гусеницъ въ краскахъ на 20 табл. Перев. съ нѣм. В. А. Казакова. Изд. В. М. Саблина. М. 1912. Стр. Ц. не обозначена.

6 Прикладныя науки.

* **Лобановъ, С. В.** 61:891.7
См. порядк. № 352.

280. **Герасимовъ. М.** 611(075)
Строеніе человѣческаго тѣла и уходъ за нимъ. Руководство для начальныхъ училищъ. Спб. 1913. 84 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

281. **Демени. Г., Филиппъ, Ж., Расинъ. Г.** 613
Теоритическій и практическій курсъ физич. воспитанія. Перев. со 2-го фр. изд. д-ра М. Владимирскаго. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1912. Стр. 348. Ц. 1 р. 75 к.

282. **Слѣпцова. М.** 613.31
Вода-кормилица. „Книжка за книжкой", кн. 180-я. Спб. 1912. 34 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

283. **П-ій. Э.** 616.022
Бактеріи и ихъ отношеніе къ заразнымъ болѣзнямъ. Под. ред. врача-спеціалиста. Миніатюрная библ. „Наука и Жизнь". № 2. Рига. 1912. Изд. „Наука и Жизнь". 48 стр. Ц. 5 к.

284. **Kühnemann, G., dr.** 616.822(02)
Практическое руководство бактеріологической діагностики. Перев. съ нѣм. подъ. ред. и съ примѣч. д-ра О. Н. Бронштейна. Изд. „Медикъ". М. 1913. Стр. 247. Ц. 1 р.
Отъ составителя: „Въ мою задачу не входитъ дать здѣсь полное собраніе всѣхъ весьма многочисленныхъ, разсѣянныхъ въ литературѣ методовъ изслѣдованія; я привожу лишь тѣ изъ нихъ, которые оказались на практикѣ наиболѣе надежными"...

285. **Роде, Э.** 618.1
Женскія болѣзни. Миніатюрная библ. „Наука и Жизнь". № 6. Рига. 1912. Изд. „Наука и Жизнь". 47 стр. Ц 5 к.

286. **Дудинскій, А. Н.** 63:551.5](04)
Міръ земледѣльца. Очерки по сельско-хоз. метеорологіи. Вып. I. Под. ред. Ф. Ч. Волошина. Зима и снѣговой покровъ. Изд. Т-ва „Агрономъ". 1913. Стр. 46. Ц. 30 к.

7. Изящныя искусства.

287. **Н-ва, Н.** 75(43):92(Б)
Арнольдъ Беклинъ. Съ 12 иллюстр. „Летучая энциклопед." Искусство. Живопись. Германія. Изд. І. Маевскаго. М. 1912. Стр. 48. Ц. 15 к.

288. **Н-ва, Н.** 75(45):92(Б)
Сандро Боттичелли. Съ 13 иллюстр. „Летуч. энцикл." Искусство. Живопись. Италія. Изд. І. Маевскаго. М. 1913. Стр. 48. Ц. 15 к.

289. **Гердъ, И. Я.** 79(02)
Сборникъ игръ и полезныхъ занятій для дѣтей всѣхъ возрастовъ съ предисловіемъ для родителей и воспитателей. Изд. 5-е, испр. и знач.

дополн. Съ 174 рис. и двумя табл. „Шиповникъ". Спб. 1912. Стр. 320+IV. Ц. 20 к.

290. **Уэллсъ, Г.** 793

Игры на полу. Съ рис. Д. Сниклера. Перев. съ англ. С. Г. Займовскаго. Изд. „За друга". М. 1912. Стр. 82. Ц. не обознач.

8 Литература.

291. **Твэнъ, Маркъ.** 82—3

Собр. соч. Т. IX. За границей. Перев. Е. В. Святловскаго (Библ. „Сатирикона"). Спб. 1912. Изд. М. Г. Корнфельда. 209 стр. Ц. 1 р. 25 к.

292. **Шоу, Б.** 82—3

Собр. соч. Т. VIII. Перев. съ англ. О. Малахіевой-Мировичъ. Изд. „Совр. проблемы". М. 1913. Стр. 312. Ц. 1 р.

Содержаніе. У жертвенника искусства. Роман. Ч. 1-я.

293. **Лондонъ, Дж.** 82(73)—3

Полное собр. соч. Т. V. Авториз. перев. съ англ. І. Маевскаго. Изд. 2-е, Маевскаго. М. 1913. Стр. 320. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Сынъ свѣта. Романъ.

294. **Лондонъ, Дж.** 82(73)—3

Полное собр. соч. Т. VI. Колондайскіе разсказы. Авториз. перев. съ англ. І. Маевскаго. Изд. 2-е, І. Маевскаго. М. 1913. Стр. 290. Ц. 1 р.

Содержаніе: Богъ отцовъ. Женская интрига. Человѣкъ съ шрамомъ. Великій вопросъ. Кровавая месть. Гиперборейскій напитокъ. На перепутьи. Уйма золота. Въ лѣсахъ сѣвера.

295. **Лондонъ, Дж.** 82(73)—3

Полное собр. соч. Авториз. изданіе. Т. VIII. Когда смѣются боги. Перев. съ англ. І. А. Маевскаго. Изд. І. Маевскаго. М. 1913. Стр. 277. Ц. 1 р.

Содержаніе: Когда смѣются боги. Китаецъ. Простое мясо. Скверная женщина. Отщепенецъ. Semper Idem. Два брата. Носъ для короля. Держите курсъ на западъ. Кусокъ бифштекса. Курьезный отрывокъ.

296. **Лондонъ, Дж.** 82(73)—3

Полное собр. соч. Т. IX. Авториз. изд. Перев. съ англ. М. А. Андреевой. Изд. І. Маевскаго. М. 1913. Стр. 200. Ц. 1 р.

Содержаніе: Приключенія рыбачьяго патруля. Бѣлые и желтые. Король грековъ. Набѣгъ на устричныхъ хищниковъ. Осада „Ланкаширской королевы". Продѣлка Чарли. Димитріосъ Контосъ.

297. **Гете, В.** 83—2

Фаустъ. Перев. Н. А. Холодковскаго. Съ иллюстр. „Библ. всемірной литер." Европ. классики. Изд. „Окто". М. 1912. Стр. 207. Ц. 1 р.

298. **Гете, В.** 83—2

Собр. соч. въ 3-хъ томахъ. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Т. III. Съ 20 рис. въ текстѣ и 11 иллюстр. на отд. листахъ. „Библ. всемірн. литер." Европейскіе классики. Изд. „Окто". М. 1912. Стр. 333. Ц. 2 р. 50 к.

Содержаніе: Фаустъ, въ перев. Н. А. Холодковскаго, со статьями С. А. Юрьева и А. А. Шахова. Объяснительный словарь ко второй части.—Сродство душъ, въ перев. Кроноберга, со ст. Льюиса.

299. **Гауптманъ, Г.** 83—2

Полное иллюстрир. собр. соч. Перев. съ нѣм. Подъ ред. и съ вступительной статьей Е. К. Григорьева. Томъ I и II. Кіевъ. 1912. Изд. Южно-Рус. Книгоизд. Ф. А. Іогансонъ. XX+1530 стр.+28 лист. рис. Ц. 4 р.

300. **Верлэнъ, П.** 84—1

Избранныя стихотворенія въ перев. русскихъ поэтовъ. Составилъ П. И. Петровскій. Съ біограф. очеркомъ В. Брюсова. Изд. „Польза", Антикъ и К°. М. 1912. Стр. 83. Ц. 10 к.

301. **Мольеръ.** 84—2

Сочиненія. Т. I. „Библ. великихъ писателей". Подъ ред. С. А. Венгерова. Спб. 1912. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. LXIII+614 стр. съ рис. 8+16+330.

302. **Лаффранъ, М.** 84—3

Жизнь за ласку. „Книжка за книжкой", кн. 20-я. Спб. 1912. Изд. М. Н. Слѣпцовой. 39 стр. Ц. 10 к.

303. **Мопассанъ, Гюи, де.** 84—3

Полное собр. сочиненій. Т. X. Напрасная красота и др. разсказы. Перев. А. Чеботаревской. Спб. 1912. Изд. „Шиповникъ". 181 стр. Ц. 1 р.

304. **Мопассанъ, Г., де.** 84—3

Полное собр. сочиненій. Т. XX. Лунный свѣтъ и др. разсказы. Перев. А. Чеботаревской. Спб. 1912. Изд. „Шиповникъ". 173 стр. Ц. 1 р.

305. **Боккачіо, Джіованни.** 85—3

Декамеронъ. (Сто новеллъ). Перев. Л. И. Соколовой. М. 1912. 651+V стр. Съ рис. Ц. 5 р.

306. **Платонъ.** 88—5

Апологія Сократа. Съ введеніемъ, приложеніями и 5 рисунками. Объяснилъ А. Поспишиль. Часть I. Текстъ. Часть II. Комментарій (Иллюстр. собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣч. подъ ред. Л. Георгіевскаго и С. Маштейна). Спб. 1912. 32+112 стр. Ц. 80 к.

307. **Алякринскій, С.** 897.7—1

Кактусы. Вторая брошюра стиховъ. М. 1912. Стр. 64. Ц. 50 к.

308. **Мережковскій, Д. С.** 891.7—1

Полное собр. соч. Т. XV. Стихотворенія. Спб. 1912. Изд. Т-ва М. О. Вольфа. 305 стр. Ц. 18 р. за 15 томовъ.

309. **Никитинъ, И. С.** 891.7—1

Жена ямщика и др. стих. М. 1912. Изд. „Посредникъ", № 1006.

310. **Никитинъ, И. С.** 891.7—1

Зимняя ночь и др. стихотв. М. 1912. Изд. „Посредникъ", № 1004.

311. **Никитинъ, И. С.** 891.7—1

Пѣсня бобыля и др. стих. М. 1912. Изд. „Посредникъ", № 1009.

312. **Никитинъ, И. С.** 891.7—1

Упрямый отецъ и др. стих. М. 1912. Изд. „Посредникъ, № 1005.

313. **Поршаковъ, В.** 891.7—1

Ночи пѣвучія. Стихи. Второй сборникъ. Ташкентъ. 1913. Стр. 48. Ц. 40 к.

314. **Тиняковъ, А. (Одинокій).** 891.7—1
Navis nigra. Стихи. 1905 — 1912 гг. Изд. „Грифъ". М. 1912. Стр. 95. Ц. 75 к.

315. [. . . . .] 891.7—1(08)
„Лучинушка". Пѣсенникъ. М. 1912. Изд. „Посредникъ", № 1045.

316. [. . . . .] 891.7—1(08)
„Сиротинушка". Пѣсенникъ. М. 1912. Изд. „Посредникъ", № 1046.

317. **Грибоѣдовъ, А. С.** 891.7—2
Горе отъ ума. Комедія. Текстъ Жандровской рукописи, хранящейся въ Импер. Рос. Историч. музеѣ въ Москвѣ. Съ прилож. двухъ портр. и пяти снимковъ съ рукописи. Ред., введеніе и примѣч. Н. К. Пиксанова. Изд. Л. Э. Бухгеймъ. М. 1912. Стр. 150. Ц. 3 р.

Содержаніе: Отъ редактора. Введеніе: Грибоѣдовъ и А. А. Жандръ. Внѣшняя судьба рукописи. Значеніе Жандровскаго текста въ творческой исторіи „Горя отъ ума". — Текстъ Жандровской рукописи. Примѣчанія. Къ иллюстраціямъ.

318. **Ремизовъ, Ал.** 891.7—2
Сочиненія. Т. VIII. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1912. Стр. 284. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Бѣсовское дѣйствіе. Трагедія о Іудѣ. Дѣйство о Георгіи Храбромъ. Примѣчанія.

319. **Андреевъ, Л.** 891.7—3
Собр. сочиненій. Съ портретомъ автора и вступительной статьей проф. М. А. Рейснера. Т. XII. Спб. 1912. Изд. „Просвѣщеніе". 293 стр. Ц. 1. 25 к.

320. **Боборыкинъ, П.** 891.7—3
Обмірщеніе. Романъ. Изд. „Сфинксъ". М. 1913. Стр. 714. Ц. 2 р. 50 к.

321. **Будищевъ, А.** 891.7—3
Степь грезитъ, ром. и др. разск. Изд. „Освобожденіе". Спб. 1912. Стр. 287. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Степь грезитъ. Человѣкъ-волкъ. Семибоярскіе.

322. **Дмитріевъ, В.** 891.7—3
Волки. Спб. 1912. Изд. Вятскаго Т-ва. 27 стр. Ц. 7 к.

323. **Дмитріевъ, В.** 891.7—3
Ее всѣ знаютъ. Разсказъ. Спб. 1912. Изд. Вятск. т-ва. 22 стр. Ц. 4 к.

324. **Инфантьева, П.** 891.7—3
Соперники. Разсказъ изъ жизни Орочонъ. Тунгусы. Очерки. Спб. 1912. Изд. П. В. Луковникова. 34 стр.

325. **Короленко, Вл.** 891.7—3
Государевы ямщики. Разсказъ. Спб. 1912. Изд. Вятск. Т-ва „Нар. Библ. "61 стр. Ц. 8 к.

326. **Короленко, Вл.** 891.7—3
Морозъ. Разск. Спб. 1912. Изд. Вятск. т-ва „Народн. Библ.". 31 стр. Ц. 8 к.

327. **Короленко, Вл.** 891.7—3
Ночью. Очеркъ. Спб. 1912. Изд. Вятск. т-ва „Народн. Библ.". 44 стр. Ц. 6 к.

328. **Короленко, Вл.** 891.7—3
Соколинецъ. Разсказъ. Спб. 1912. Изд. Вятск. т-ва „Народн. Библ." 59 стр. Ц. 8 к.

329. **Криницкій, М.** 891.7—3
Разсказы. Т. III. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1912. Стр. 238. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Предсмертныя мысли Гуляева. Тамъ за стѣной. Учитель Живаревъ. Неопалимая купина. Случай изъ судебной практики. Юбилей. Идіотка. Гуськовъ. Ангелъ смерти. Умный и глупый. Муха. Гимназистъ Евстратовъ. Лютиковъ. Репетиторъ. Бунтъ.

330. **Мельшинъ.** 891.7—3
Чортовъ Яръ. Разсказъ. Спб. 1912. Изд. Вятск. т-ва. 31 стр. Ц. 5 к.

331. **Немировичъ-Данченко, В.** 891.7—3
Край золотого заката. (Очерки таинственнаго Магреба). Спб. 1912. Изд. „Просвѣщеніе". VIII + 392 стр. Съ 80 рис. Ц. 2 р. 50 к.

332. **Немировичъ-Данченко, В.** 891.7—3
Наши женщины. Разсказы. Изд. „Энергія". Спб. 1912. Стр. 390. Ц, 1 р. 50 к.

Содержаніе: Мать. Трость, вѣтромъ колеблемая. Сѣрая чайка. Синіе огоньки. Папа. „Да, убила!" Дѣвичьи застѣнки. Не въ ту дверь. Мурлашкинъ скандалъ. Сама себя владыка. Тетушка. Послѣднее слово. Вернулся. Удушье. Собака не человѣкъ. Ребенокъ. Сердце настежь.

333. **Немировичъ-Данченко, В.** 891.7—3
Разжалованный. Историч. романъ. Изд. „Энергія". Спб. 1912. Стр. 268. Ц. 1 р. 25 к.

334. **Олигеръ, Н. Ф.** 891.7—3
Собраніе сочиненій. Т. III. Спб. 1912. Изд. „Просвѣщеніе". 305 стр. Ц. 1 р. 25 к.

335. **Осиповичъ, Н. М.** 891.7—3
Собраніе сочиненій. Т. IV. Изд. „Просвѣщеніе". Спб. 1912. Стр. 319. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Простая жизнь, разск.—У воды, повѣсть.—Какъ братъ. — Въ таежной зимкѣ, разск. — Охота, эскизъ. — За что? (Памяти убіенныхъ)—Кровь заговорила, эскизъ.—Подъ роднымъ небомъ, очерки: Отъѣздъ. Встрѣча. Первое предостереженіе. Неожиданное. Второе предостереж. Въ Москвѣ. Спустя много лѣтъ. По волчьему билету. Бестъ. Обитатели беста. Конецъ беста.—Во снѣ и на яву, разск.—Разбой, эскиз.—Легенда о колоколѣ. (Изъ преданій древняго Ирана.)

336. **Свирскій, А.** 891.7—3
Разсказы. Т. IV. Изд. „Освобожденіе". Спб. 1913. Стр. 254. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: На зарѣ. Разсказъ ночного вора. Клубъ. Кровь. Жалость. Милліонеры. Веселая бѣдность. Дебютъ. Мишка-свистунъ. Адвокатъ. За нимъ. Шлакъ. Одиночество.

337. **Семеновъ, С. Т.** 891.7—3
Крестьянскіе разсказы. Т. VI. Изд. „Посредникъ". М. 1913. Стр. 303. Ц. 1 р.

Содержаніе: Гаврила Скворцовъ. Конецъ. Гнѣдышки. Цыгане. Алешка. Марина. Машка-домашка.

338. **Семеновъ.** 891.7—3
Отчего Парашка не выучилась грамотѣ. Разсказъ. Спб. 1912. Изд. Вятск. т-ва. 28 стр. Ц. 4 к.

339. **Серафимовичъ.** 891.7—3
Въ бурю. Разсказъ. Спб. 1912. Изд. Вятскаго т-ва. 20 стр. Ц. 3 к.

340. **Солотубъ, Ѳ.** 891.7—3
Собр. сочиненій. Т. XII. Изд. „Шиповникъ". 1912. Стр. 241. Ц. 1 р. 25 к.
Содержаніе: Бѣлая березка. Сонъ утѣшающій. Иванъ Ивановичъ воскресъ. Путь въ Эммаусъ. Старый домъ. Золотая лѣстница. Краснощекая гостья. Путь въ Дамаскъ. Благополучный Іуда. Наивныя встрѣчи. Одно слово. Земной рай. Помнишь, но забудешь. Примѣчанія.

341. **Станюковичъ.** 891.7—3
За „Щупленькаго". Разсказъ. Спб. 1912. Изд. Вятск. т-ва „Народн. библіотека". 16 стр. Ц. 3 к.

342. **Телешовъ.** 891.7—3
Противъ обычая. Разсказъ. Ростовъ н-Д. 1912. Изд. Вятск. т-ва „Народн. Библіот.". 16 стр. Ц. 3 к.

343. **Тимковскій.** 891.7—3
Среди людей. Разсказъ. Спб. 1912. Изд. Вятск. т-ва. 48 стр. Ц. 6 к.

344. **Толстой, Л. Н.** 891.7—3
Война и Миръ. Т. I. Подъ ред. и съ примѣч. П. И. Бирюкова. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1912. Стр. 364. Ц. за четыре тома 4 р.

345. **Толстой, Л.** 891.7—3
Зеленая палочка. М. 1912. Изд. „Посредникъ", № 951.

346. **Толстой, Л.** 891.7—3
Часовщикъ. М. 1912. Изд. „Посредникъ", № 949.

347. **Чириковъ, Евг.** 891.7—3
Танино счастье. Разсказъ. Спб. 1912. Изд. Вятск. т-ва „Народн. библіот.". 63 стр. Ц. 7 к.

348. [. . . . .] 891.7—8
„Пробужденіе". Литературно-худож. альманахъ писателей отъ народа. Кн. первая. Изд. подъ ред. И. А. Назарова. Суздаль. 1912. 38 стр. + 4 листа рис. Ц. 30 к.

349. **Айхенвальдъ, Ю.** 891.7.09
Посмертныя сочиненія Л. Н. Толстого. Съ портр. Изд. „Энергія". Спб. 1912. Стр. 62. Ц. 45 к.

350. **Горнфельдъ, А.** 991.7.09
О русскихъ писателяхъ. Т. I. Минувшій вѣкъ. Изд. „Просвѣщеніе". Спб. 1912. Стр. 202. Ц. 1 р. 25 к.
Содержаніе: Отъ автора. На порогѣ двойного бытія. (Ѳ. Н. Тютчевъ). С. Т. Аксаковъ. Н. А. Кушевскій. Книга о языкѣ Гоголя. Замѣтки о реализмѣ. Моцартъ и Сальери. „Русскія женщины" Некрасова въ новомъ освѣщеніи. Эстетика Гл. Успенскаго. Объ одной фамиліи у Л. Толстого. Литература и героизмъ.

351. **Леонтьевъ, К.** 891.7.09
Собраніе сочин. Т. VIII. Критическія статьи. Изд. В. М. Саблина. М. 1912. Стр. 357. Ц. 1 р. 75 к.
Содержаніе: Письмо провинціала къ И. Тургеневу. По поводу разсказовъ Марка-Вовчка. Рецензіи. Наши новые христіане. Анализъ, стиль и вѣяніе.

352. **Лобановъ, С. В.**, проф. 891.7.09 : 61
Врачи и медицина въ произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Томскъ. 1912. Стр. 40. Ц. не обозначена.

353. **Пилипенко, Г.** 891.7.09 : 92(П)
Алексѣй Петровичъ Плетневъ, какъ писатель и критикъ. Критическій очеркъ. Одесса. 1912. Стр. 56. Ц. 50 к.

* **Г—къ, Ш.** 891.7.09 : 92(Т)
См. порядк. № 366.

354. **Конопницкая.** 891.85—3
Мендель Гданскій. Разсказъ. Спб. 1912. Изд. Вятск. т-ва. 28 стр. Ц. 4 к.

355. **Алейхемъ, Ш.** 892.4
Собр. соч. Т. VII. Въ мірѣ звуковъ. Изд. „Совр. Пробл.". М. 1912. Стр. 381. Ц. 1 р. 25 к.
Содержаніе: Стемпеню. Іосоле Соловей.

356. **Бяликъ, Х. Н.** 892.4—1
Пѣсни и поэмы. Авторизов. переводъ съ еврейск. яз. и введеніе В. Жаботинскаго. Изд. 2-е, дополненное, съ портр. автора. Спб. 1912. Стр. 220. Ц. 2 р.

9 Исторія и географія.

357. [. . . . .] 0(3)(082)
Книга для чтенія по древней исторіи. Ч. I. Историч. сб. статей подъ ред. А. М. Васютинскаго, М. Н. Коваленскаго, В. П. Перцева и К. В. Сивкова. Историч. комис. Уч. Отд. О. Р. Т. 3. Изд. „За друга". М. 1912. Стр. 477. Ц. 2 р. 25 к.
Отъ редакціи: „Главное содерж. книги составляютъ очерки, посвященные Греціи, но при выработкѣ ея плана было рѣшено включить въ нее въ видѣ введенія нѣсколько статей по ранней культурѣ и по исторіи Востока"...

* **Кирхейзенъ, Фр.** 9(44) : 92(Н)
См. порядк. № 364.

358. [. . . . .] 9(47) „1812"
Французы въ Россіи. 1812 годъ по воспоминаніямъ современниковъ-иностранцевъ. Ч. II. Сборникъ, составленный А. М. Васютинскимъ, А. К. Дживилеговымъ и С. П. Мельгуновымъ. Изд. „За друга". М. 1912. Стр. 228. Ц. 1 р.
Содержаніе: Пожаръ Москвы. Пожаръ и грабежъ. Устройство администраціи. Партизаны. Жизнь въ Москвѣ. Театръ въ Москвѣ. Гвардія. Дѣйствія авангарда. Тарутино. Передъ отступленіемъ. Выступленіе изъ Москвы. Москва послѣ ухода великой арміи. Битва подъ Малоярославцемъ. На старую Смоленскую дорогу. Вязьма—Дорогобужъ. Передъ Смоленскомъ. Потеря Полоцка и Витебска.

359. [. . . . .] 9(47)„1812"
Французы въ Россіи. 1812 г. по воспоминаніямъ современниковъ-иностранцевъ. Ч. III. (Отступленіе). Сборникъ, сост. А. М. Васютинскимъ, А. К. Дживилеговымъ и С. П. Мельгуновымъ. Изд. „За друга". Историч. Комис. Уч. Отд. О. Р. Т. 3. М. 1912. Стр. 287. Ц. 1 р. 50 к.
Содержаніе: Смоленскъ. Отъ Смоленска до Краснаго. Бой подъ Краснымъ. Отступленіе Нея. Отъ Краснаго до Орши. Орша. Отъ Орши до Борисова. Въ Борисовѣ. Дѣйствія II, IV и IX корпусовъ. Передъ переправой. Переправа черезъ Березину. Послѣ Березины. Въ Вильно до прихода арміи. Отъѣздъ императора. По дорогѣ въ Вильно. Вильно. Въ плѣну. Наполеонъ о войнѣ 1812 г. Бесѣда Наполеона съ Моле.

360. **Поповъ, И. И.** 9(51)

Отъ Небесной Имперіи къ Серединной республикѣ. Очерки по исторіи Китая, Манчжуріи, Монголіи, Тибета. Изд. В. М. Саблина. М. 1912. Стр. 332. Ц. 2 р.

Содержаніе: Введеніе.—Значеніе событій въ Ср. Азіи и на Дальнемъ Востокѣ.—Исторія Китайск. имперіи: Характеръ госуд. строя. Исторія Китая до XIX ст. Правленіе императрицы Цзы-Си. Реформы. Правительство принца-регента и революція. Республика. Независимая Монголія (до XVIII в.). Буддизмъ и ламаизмъ. Монголія подъ владычествомъ манчжуровъ. Тибетъ и борьба за независимость. Борьба Монголіи за независимость. Торговля и торговыя сношенія Россіи съ Китаемъ. Пересмотръ русско-китайск. торг. договора. Трансъ-монгольская дорога. Наша политика на Дальнемъ Востокѣ.

* **Н—ва, Н.** 92(Б):75(43)

См. порядк. № 287.

* **Н—ва, Н.** 92(Б):75(45)

См. порядк. № 288.

361. [. . . . .] 92(Б:Ч)

Переписка М. А. Балакирева съ П. И. Чайковскимъ. Съ предисл. и примѣч. С. Лядунова. Спб. 1212. Изд. Ю. Г. Циммермана. 100 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

362. [. . . . .] 92(М)

Памяти Макса Емельяновича Мандельштама. Рѣчи, статьи и некрологи. Кіевъ. 1912. Стр. 187. Ц. 60 к.

363. **Бильяръ, М.,** др. 92(Н)

Мужья жены Наполеона. Побочный сынъ Наполеона. По новымъ неизд. документамъ. Полный перев. съ фр. А. И. Певзнера. Съ 5-ю портр. „Универс. К—во", Л. Сголяра. М. 1912. Стр. 216. Ц. 1 р. 50 к.

364. **Кирхейзенъ, Фр.** 92(Н):9(44)

Наполеонъ Первый. Его жизнь и его время. Т. I. Перев. съ нѣм. Мих. Кадишъ. Съ предисл. А. А. Дживилегова. Изд. „Соврем. Проблемы". М. 1913. Стр. 361. Ц. 2 р. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе А. Дживилегова.—Введеніе. — Родина. Родители. Дѣтство Наполеона. Юность Наполеона. Республиканецъ. Корсика или Франція. Тулонъ. Наполеонъ и Робеспьеръ. Неудачная экспедиція на Корсику. Тринадцатое вандемьера IV года. Директорія. Общество, нравы и салоны при Директоріи. Жозефина.

* **Пилипенко, Т.** 92(П):891.7

См. порядк. № 353.

365. **Гамель, М.** 93(Т)

Тиціанъ, его жизнь и дѣятельность. Біографія-характеристика. Перев. съ фр. Э. Бухштабъ. („Всеобщ. библ.", № 185.) Спб. 1912. Изд. О-ства типографск. дѣла въ Спб. 63 стр. Съ 4 рис. Ц. 10 к.

366. **Г—къ, Ш.** 92(Т):891.7

Левъ Николаевичъ Толстой. Его жизнь и творчество. „Миніатюрная библ." „Наука и Жизнь". № 1. Рига, 1912. Изд. „Наука и Жизнь". 46 стр. Ц. 5 к.

367. **Семеновъ, С. Т.** 92(Т)

Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ. Спб. 1912. Стр. 153. Ц. 1 р.

Содержаніе журналовъ.

„Богословскій Вѣстникъ". (1912—9). М. Тарѣевъ. Критика экономическаго ученія Маркса. Изъ изслѣдованія „Соціализмъ". (Нравственность и хозяйство.) — Противники христіанскаго аскетизма въ западной церкви конца IV — начала V вѣка. (Церковно-историч. очеркъ) — Т. Новозавѣтное понятіе праведности и святости по сравненію съ классическимъ, раввинскимъ, филоновскимъ и ветхозавѣтнымъ. — Н. Городецкій. Франциск Бэконъ, его научно-философскія и религіозныя воззрѣнія. — Епископъ Ѳеодоръ. Начала Богопознанія. — Прот. А. Бѣляевъ. Проф. Моск. Духов. Академіи П. С. Казанскій и его переписка съ архіеп. Костромскимъ Платономъ.— В. Виноградовъ. Уставныя чтенія. — А. Спасскій. Эллинизмъ и христіанство. — В. Троицкій. Вопросъ о церкви въ догматической полемикѣ съ донатизмомъ. Оптатъ Милевійскій. Журналы собраній Совѣта Моск. Дух. Академіи за 1912. — Указатель къ журналу „Богосл. Вѣстн." Второе десятилѣтіе. 1902—1911 гг.

„Вегетаріанское Обозрѣніе" 1912—6.—Евг. Лозинскій. Пищевой режимъ въ борьбѣ съ самоубійствомъ.—І. П. Отрадный фактъ. Д-ръ Г. К. Германъ. Облегченіе родовъ діэтическимъ способомъ.—С. О. Перперъ. Ракъ и вегетаріанскій режимъ.—И. Стояновъ. Съ болг. Е. И. Поповъ. Вегетаріанство съ научной и съ нравственно-религіозной точки зрѣнія.—Проф. А. И. Воейковъ. Памяти Б. А. Долячко.—А. Н. Шарапова. Юбилейный конгрессъ эсперантистовъ. — Alba. О вегетаріанскомъ движеніи.—Ал. Зирнисъ. О современномъ вегетаріанскомъ положеніи въ Англіи.—Л. П. Письма изъ Англіи.—Письма Л. Н. Толстого къ Ю. Я. Якубовскому.—И. Вѣтровъ. Толстовство въ жизни.—Редакція. Вегетар. выставка и съѣздъ вегетаріанцевъ.—Сарат. Вег. О-во, Письмо въ редакцію.—М. Столяръ. Письма изъ Америки.—В. Радугинъ. Голоса читателей.— А. Ковалевъ. Іоганнъ Шлейеръ.—Старый Вегетаріанецъ. По міру. (Хроника вег. движенія въ Россіи и за границей).—Отъ издательства „Зеленая Палочка".—Ю. Е. Мельницкая и І. К. Ч. Вегетаріанскій кулинарный отдѣлъ.—Смѣсь.

„Вѣстникъ Воспитанія". (1912—6). Соловьевъ, И. Руссо и современная педагогика. — Проф. Д. Овсянико-Куликовскій. Итоги русской художественной литературы XIX вѣка. (Продолж.). — Н. Смирновъ. Эстетическое воспитаніе и религія. — Л. Шейнисъ. Изъ области дѣтской правовой психики. — С. Покровскій. Жозефъ де-Местръ и государств. образованіе въ Россіи въ началѣ прошлаго столѣтія. — Д-ръ Д. Смирновъ. Недостатки воспитанія, какъ причина сексуальныхъ ненормальностей и болѣзненныхъ проявленій взрослаго. — Д-ръ М. Бременеръ. О половомъ воздержаніи. — И. Берлинъ. Воспитаніе гражданъ въ Швейцаріи. — В. Баранова и Т. Рубинова. Дѣтскій образовательный театръ въ Америкѣ. — Критика и библіогр. — Хроника.

„Вѣстникъ Знанія". (1912—9). Проф. И. Озеровъ. Въ поискахъ за талантами. — Б. Л. На зарѣ новой экономич. науки. — Г. Лекарпантье. Поѣздка къ датскимъ крестьянамъ. — Г. Виндекъ. Жизнь золотоискателей на Аляскѣ. — Д-ръ А. Граденвитцъ. Торговый музей въ Филадельфіи.— Пр.-доц. А. Г. Генкель. Безсмертіе въ природѣ.— Д-ръ Г. Геллеръ. Основныя положенія аналити-

ческой химіи. — Д-ръ А. Линтютцъ. О голоданіи. — Д-ръ Р. Розенъ. Заботы о потомствѣ у животныхъ. — Д-ръ П. Сантолинъ. Дикіе шелкопряды. — Проф. Мишо. Опыты съ синимъ стекломъ. — П. Томилинъ. Къ вопросу объ улучшеніи преподаванія математики. — Л. Вишневская. Физическое воспитаніе въ Швеціи. — Э. С. Среди книгъ и журналовъ. — Вѣчное въ искусствѣ: Микеланджелло. Библіографія. — Хроника. — Научное обозрѣніе: Роль физическихъ агентовъ въ наукѣ. Геологическая судьба „Титаники". О происхожд. солнечныхъ пятенъ. Радіоактивность щелочныхъ металловъ.—Приспособленіе животныхъ къ низшимъ температурамъ. — Радій въ качествѣ возбудителя роста растеній. Замѣчаніе растеній. О происхожд. человѣч. расъ и друг.

„**Запросы Жизни**". (1912 — 38). М. В. Бернацкій. Народное хозяйство и евреи. — Prof. Rodolfo Broda. Возрожденіе Азіи. — О. Д. Батюшковъ. „Любите жизнь", А. М. Ѳедорова. — А. Залшупинъ. Русская биржа въ прошломъ и настоящемъ. — Г. Я. Полонскій. Деревня въ современной русской литературѣ. — За недѣлю. — Соц.-эконом. обозр. — Литер. обозр. — Наука и техника.

„**Запросы Жизни**". (1912 — 39). Л. З. Слонимскій. Война на Балканахъ. — Р. М. Бланкъ. Одесскій сумбуръ. — Н. Череванинъ. Фабрично-заводск. промышл. въ Россіи. — П. Бочковскій. Ярославъ Врхлицкій. — Гр. П. Бѣгство Габріэля Шиллинга. — За недѣлю. — Соц.-экономическое обозр. — Литер. обозр. — Журналъ журналовъ.— Библіографія. — Смѣсь.

„**Жизнь для Всѣхъ**". (1912 — 9). Ив. Трубинъ. На дачѣ, стих. — А. Бѣльскій. Сынъ. — В. Вегеновъ. „Святый Божій", стих. — Д. Волховъ. Дурная трава. — А. Владиміровъ. Ты не придешь, моя далекая, стих. — Ю. Зоричъ. Въ осеннюю ночь. — В. Винниченко. Ночь, разск. — Перев. Л. Федорченко. — Н. Лашкова - Вербинская. Мостъ, стих. изъ Морица-Бушора. — П. Моторинъ. Изъ прошлаго. — В. Евгеньевъ. Апостолъ свободы и соціальной справедливости. (Продол.)— Л. Козловскій. Наполеонъ въ легендѣ и въ дѣйствительности. — Свящ. Ивановъ. Сказка для взрослыхъ. — Э. Яковлева. Союзъ Народнаго Блага въ Дрезденѣ. — В. Поссе. Вмѣсто общественной жизни. — Библіографія. — Товарищъ бесѣда.

„**Педагогическій Сборникъ**". (1912 — 9). С. Фисенковъ. Объ интересѣ въ дѣлѣ обученія. — В. Вольтцевичъ. Съѣздъ по экспериментальной педагогикѣ.—М. Попруженко. Матеріалы по методикѣ безконечно малыхъ въ средней школѣ.— И. З — овъ. Записки офицера-воспитателя. — П. Цыпляевъ. Къ 20-лѣтію 2-го Оренбургскаго кадетскаго корпуса.—Критика и библіографія.

„**Педагогическое Обозрѣніе**". (1912—6). А. Барковъ. Средняя школа въ Германіи. (Изъ личныхъ воспоминаній.) — А. Гартвигъ. Мастерская дѣтскаго труда. (Оконч.). В. Мурзаевъ. Творческій элементъ въ объяснительномъ чтеніи художественныхъ произведеній въ начальной школѣ. — Н. Бахтинъ. Обзоръ пьесъ для дѣтскаго театра за 1911 г. (Оконч.).—Н. Мальцевъ. Американскія библіотеки.—Н. Савинъ. Дѣтская журналистика 1912 г. (Оконч.).—Хроника школьной жизни. — Заграничная хроника. — Изъ школьной практики.—Критика и библіографія.

„**Природа**". (1912—9). Е. Рудольфи. Радіоактивность.—А. Рождественскій. Пыль.—А. Е. Ферсманъ. За цвѣтными камнями. (Очеркъ добычи драгоцѣнныхъ камней на Уралѣ.)—Проф. В. А. Вагнеръ. Соціологія и ботаникѣ. (Фитосоціологія).—Проф. С. П. Метальниковъ. О причинахъ старости. — Проф. А. В. Сапожниковъ. Азотная кислота и селитра изъ воздуха.—Научныя новости и хроника. — Смѣсь. — Астрономическія извѣстія.—Метеорологическія извѣстія. — Библіографія.

„**Русская Мысль**". (1912 — 9). Д. Абельдяевъ. Тѣнь вѣка сего. Записки Абашева. (Продолж.).— П. Вальми. Семья Берниль. Перев. съ фр. Б. Рунтъ. (Оконч.). — С. Фругъ. Два стих. — З. Гиппіусъ. Романъ-царевичъ. (Исторія одного начинанія.)— А. Кондратьевъ. Шопотъ пана, разск.—В. Брюсовъ. Алтарь побѣды, повѣсть. (Продолж.). — Н. Львова. Старыя сказки. Стихъ. — А. Шингаревъ. Законодательная инициатива членовъ Госуд. Думы и Госуд. Совѣта.—А. Корниловъ. Семейство Бакунинныхъ. (По неизд. матеріаламъ.)— В. Богучарскій. Земскій союзъ или священная дружина?—В. Агафоновъ. Послѣднія экспедиціи въ полярныя области и открытіе сѣвернаго и южнаго полюсовъ.—Матеріалы по исторіи русск. литературы и культуры. Изъ писемъ К. Д. Кавелина къ Н. А. Блокъ. — Въ Россіи и за границей. Обзоры и замѣтки. — Критическое обозр.

„**Русская Школа**". (1912—7—8). Законодательныя постановленія и правит. распоряженія. — В. Рахмановъ. Психоанализъ и воспитаніе. — М. Суперанскій. Воспитаніе И. А. Гончарова. (Оконч.). — А. Вишняковъ. Очерки современной франц. школы. Очеркъ II. — Проектъ реформы средней школы. — Чл. Гос. Думы И. Ключевъ. Реформа учительскихъ институтовъ. (Оконч.). — С. Булгаковъ. Четырехгодичный курсъ въ однокомплектныхъ школахъ.—Л. Кравченко. Духовный міръ и мысли учащихся. (Оконч.).—И. Малиновскій. Итоги дѣятельности 3-й Госуд. Думы въ области народнаго образованія.—Д-ръ Скойтенъ. О невниманіи, его причинахъ и средствахъ борьбы съ нимъ. Перев. съ фр. К. Ганшиной. — С. Поляковъ. Научное творчество и школьное обученіе.—П. Первовъ. Психологическіе основы для выработки слога. (Оконч.). — В. Колпаковъ. Методическія бесѣды по теоріи пѣнія съ краткими свѣдѣніями изъ элементарной теоріи музыки и гармоніи. — А. Левоневскій. Матеріалы по вопросу о психическомъ развитіи ребенка въ теченіе третьяго года его жизни.—С. Гассеродтъ Обученіе рисованію въ освѣщеніи новѣйшихъ психологическихъ изслѣдованій. Перев. съ нѣм. М. Ванъ.—Н. Румянцевъ. Библіографія Р. Шульце. Техника психолог. и педагогич. эксперимента. — К. Г. Новости иностр. литературы. — Критика и библіографія. — Педагогическая хроника.

„**Русское Богатство**". (1912—9). С. Гаринъ. У дальняго моря. (Оконч.).—А. Погодинъ. Польша передъ возстаніемъ 1830 г. (Оконч.).—А. Кипенъ. Господская жизнь.—В. Мякотинъ. Очерки соціальной исторіи Малороссіи. (Продолж.).—Г. Янсонъ. Іоэль Нурдъ. — А. Насимовичъ. За кулисами.—В. Майскій. Черная армія.—С. Елпатьевскій. Духовенство. — Діонео. По сѣверу Испаніи.—А. В. П. На очередныя темы. (Оконч.).— А. Петрищевъ. Хроника внутренней жизни. — Н. Русановъ. Обозр. иностранной жизни. —

А. В. П. Нѣсколько черточекъ къ характеристикѣ Н. Ѳ. Анненскаго.—Ѳ. Крюковъ. Память Н. Ѳ. Анненскаго.—Телеграммы и письма.—Отрывы прессы по поводу смерти Н. Ѳ. Анненскаго.—Новыя книги.

„Украинская Жизнь“. (1912—9). М. Горькій. О русской интеллигенціи и національныхъ вопросахъ. (Въ отвѣтъ на анкету „Укр. Жизни“).—М. Гордіенко. Капитализмъ и русская культура на Украйнѣ.—А. Л. Украинскій архитектурный стиль.—О. Бѣлоусенко. Съ больной головы на здоровую. (Отвѣтъ чл. Гос. Думы А. Никольскому).—С. Русовъ. Неотложное дѣло украинскихъ колоній.—С. Ефремовъ. На текущія темы.—О. Хоменко. Изъ русской печати.—С. Петлюра. Украинскій отдѣлъ на выставкѣ произведеній печати.—На Украинѣ и внѣ ея.—Библіографія.

Книги, поступившія въ редакцію.

Изд. І. Маевскаго.

Лондонъ, Дж. Полное собр. соч. Т. V. Изд. 2-е. 1 р.
Его же. Т. VI. Изд. 2-е. 1 р.
Его же. Т. VIII. 1 р.
Его же. Т. IX. 1 р.
Н. Н-ва. Боттичели. 15 к.
Его же. Беклинъ. 15 к.

Изд. „За друга“.

Французы въ Россіи 1812 г, по воспомин. современниковъ. Ч. I—1 р.; ч. II—1 р.; ч. III—1 р. 50 к.
Г. Ложье. Дневникъ офицера великой арміи въ 1812 г. 80 к. Россія и Наполеонъ. Иллюстрир. сборникъ. Изд. 2-е. 1 р. 25 к. „1812 г.“—„Первое утро“. 10 к. „1812—г.“ „Второе утро“. 10 к.
Ж. Пересъ. Почему Наполеона никогда не существовало. 10 к.

Изд. „Посредникъ“.

С. Семеновъ. Крестьянскіе разсказы. Т. VI. 1 р.
Л. Толстой. Часовщикъ.
Его же. Зеленая палочка.
И. С. Никитинъ. Зимняя ночь и др. стих.
Его же. Упрямый отецъ и др. стих.
Его же. Жена ямщика и др. стих.
Его же. Пѣсня бобыля и др. стих. „Лучинушка“, „Сиротинушка“, пѣсни.

Изд. „Освобожденіе“.

А. Свирскій. Разсказы. Т. IV. 1 р. 25 к.
А. Будищевъ. Степь грезитъ. 1 р. 25 к.

Изд. „Шиповникъ“.

А. Ремизовъ. Сочиненія. Т. VIII. 1 р. 25 к.
М Криницкій. Разсказы Т. III. 1 р. 25 к.
Ѳ. Сологубъ. Собр. соч. Т. XII. 1 р. 25 к.
И. Гердъ. Сборникъ игръ и полезныхъ занятій для дѣтей всѣхъ возрастовъ. 2 р.

Гахадъ-Гаамъ. Два міровоззрѣнія. 20 к.
П. Поршаковъ. Ночи пѣвучія. Стих. 40 к.
Е. Пилипенко. Ал. Петр. Плетневъ, какъ писатель и критикъ. 50 к.
Кувшинская. Исторія фабричнаго законод. въ Англіи. 80 к.
С. Алякринскій. Кактусы. Стихи. 50 к.
Б. Поморанцевъ. Систематическій сборниъ упражн. въ разстановкѣ знаковъ препинанія. Изд. „Починъ“. 30 к.
Грибоѣдовъ. „Горе отъ ума“. Жандровская рукопись. Изд. Бухгеймъ.
Ч. Вѣтринскій. Полное собраніе стих. А. В. Кольцова. Изд. „Нижегор. Ежег.“ 25 к.
І. Жиловъ, свящ. Сборникъ поэтическ. произведеній по исторіи христ. церкви. 75 к.
І. Дмитріевскій, свящ. Спиритизмъ.

Издатели: { **В. Крандіевскій.** **В. Носенковъ.**

Редакторъ **В. Крандіевскій.**

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

„ПРОВИНЦІЯ“.

С.-Петербургъ, Стремянная ул., 6.

Находятся на складѣ слѣдующія пособія, необходимыя при составленіи библіотекъ.

1) **Сѣрополко.** Народныя библіотеки. 15 к.
2) **Хавкина.** Руководство для народныхъ библіотекъ. 35 к.
3) **Саввинъ.** Опытъ ежегодника дѣтской литературы за 1908 г. 30 к.
4) **Саввинъ.** Тоже за 1909 и 1910 гг. 25 к.
5) **Саввинъ.** Тоже за 1911 г. 25 к.
6) **Каталогъ книгъ для дѣтскаго чтенія.** Изд. дѣтской библіотеки Бередниковой. 75.
7) **Новыя книги для дѣтей отъ 4 до 16 лѣтъ.** Изд. дѣтской библіотеки Бередниковой. 65 к.
8) **Указатель книгъ по естествознанію.** Изд. Подвижного Музея. 70 к.
9) **Указатель книгъ по географіи.** Изд. Подвижного Музея. 45 к.
10) **Указатель книгъ по беллетристикѣ.** Изд. Подвижного Музея. 30 к.
11) **Лебедевъ А.** Дѣтская и народная литература. Вып. 1-й. 65 к.
12) **Лебедевъ А.** Тоже, вып. 2-й. 50 к.
13) **Владиславлевъ.** Систематическій каталогъ книгъ, вышедшихъ въ 1910 г. 25 к.
14) **Владиславлевъ.** Систематическій указатель литературы за 1911 г. 60 к.
15) **Чарнолусская.** Библіографическій указатель книгъ по дѣтскому чтенію, вышедшихъ въ 1911 г. 80 к.

Полные КАТАЛОГИ склада и примѣрные списки ШКОЛЬНЫХЪ и НАРОДНЫХЪ БИБЛІОТЕКЪ по требованію БЕЗПЛАТНО.

Энциклопедія Сценическаго Самообразованія.

Изданіе журнала „Театръ и Искусство“.

Фирма существуетъ съ 1897 года.

С.-Петербургъ, Вознесенскій просп., 4. — Телефонъ 16-69.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Томъ I-й **МИМИКА,** В. Лачинова, 222 стр., 232 рис. Цѣна 2 руб.

Томъ II-й **ГРИМЪ,** П. А. Лебединскаго, 2-ое изданіе, заново переработан. и дополнен. Свыше 300 рис. Цѣна 2 руб.

Томъ III-й **ИСКУССТВО ДЕКЛАМАЦІИ,** В. В. Сладкопѣвцева. Съ приложеніемъ статей д-ра В. В. Чехова и д-ра мед. М. С. Эрбштейна. *Учен. Ком. Мин. пар. Пр. признана заслуживающей вниманія при пополненіи библіотекъ ср-учебн. заведеній.* 66 рис., 367 стр. Цѣна 2 руб.

Томъ VI-й **КОСТЮМЪ,** подъ редакціей Ѳ. Ѳ. Коммиссаржевскаго. Около 1000 фиг., 500 стр. Цѣна 3 р. 50 к. (въ перепл.).

Томъ V-й **ТЕХНИЧЕСКІЕ ПРІЕМЫ ДРАМЫ.** (Руководство для начинающихъ драматурговъ). Проф. Р. Гессена, перев. съ нѣмецк. В. В. Сладкопѣвцева и П. П. Немвродова. Цѣна 1 руб.

Томъ IV-й **РИТМЪ,** лекціи Далькроза. Цѣна 1 руб. (Въ октябрѣ поступитъ въ продажу.)

Дальнѣйшіе предполагаемые выпуски:

Режиссура, Теорія сценическаго творчества, Исторія театра, Литературно-сценическія характеристики и др.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ и СКЛАДЪ

„ТРУДЪ“

С. СКИРМУНТА.

Москва, Тверской бульваръ, домъ № 26. Телефонъ 34-54.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

1) **Соколовъ, П.** Педагогическая психологія, 1 р. 10 к. 2) **Столица, З.** Воспитаніе нравственности въ подростающемъ поколѣніи. (Книга для родителей). 60 к. 3) **Вагнеръ, К.** Молодое поколѣніе. Ц. 1 р. 90 к. 4) **Каптеревъ, П.** Исторія русской педагогики. Ц. 3 р. 5) **Бахтинъ и Дедюлинъ и др.** Въ помощь семьѣ и школѣ. Дѣтскій садъ. Игрушки. Ц. 1 р. 60 к. 6) **Успенскій, В. и Ивановскій и др.** Очерки по исторіи педагогическихъ ученій. М. 1911 г. Ц. 1 р. 60 к. 7) **Циглеръ, Т., проф.** Исторія педагогики. Спб. 1911 г. Ц. 2 р. 50 к. 8) **Гурлитъ, Л., проф.** Творческое воспитаніе, (моя жизнь съ дѣтьми). М. 1912 г. Ц. 25 к. 9) **Прейръ, В.** Душа ребенка. Наблюденіе надъ духовнымъ развитіемъ человѣка въ первые годы жизни. Спб. 1912 г. Ц. 2 р. 25 к. 10) **Медвѣдковъ, А.** Краткая исторія педагогики въ культурно-историческомъ освѣщеніи. Спб. 1912 г. Ц. 1 р. 20 к. 11) [. . . . .] Вопросы педагогической патологіи въ семьѣ и школѣ, подъ ред. Владимирскаго, А. и др. Спб. 1912 г. Ц. 1 р. 12) **Наторпъ, П.** Культура народа и культура личности. Спб. 60 к. 13) **Леви, П.** Раціональное воспитаніе пола. Спб. 1912 г. Ц. 1 р. 14) **Челпановъ, Г., проф.** Сборникъ статей, (Психологія и школа). М. 1912 г. 1 р. 25 к. 15) **Компере, Г.** Умственное и нравственное развитіе ребенка. М. 1912 г. 2 р.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„Вѣра и Разумъ“

въ 1912 году.

Съ 1912 г. журналъ „Вѣра и Разумъ“ вступилъ въ XXIX-ю годовщину своего существованія по прежней программѣ и съ прежнимъ научно-апологетическимъ богословско-философскимъ направленіемъ. Журналъ попрежнему заключаетъ въ себѣ статьи, прежде всего, **церковнаго** характера. Въ него входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обозрѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, — однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ. Въ противодѣйствіе всюду проникающему раціонализму и невѣрію журналъ „Вѣра и Разумъ“ ставитъ задачею раскрывать и отстаивать непререкаемую истинность Христовой вѣры, хранимой въ Церкви православной.

Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ помѣщаются разслѣдованія изъ области **философіи** вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи; также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени; болѣе или менѣе пространные переводы ихъ сочиненій и извлеченія изъ нихъ съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ; особенно свѣтлыя мысли философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и всегда составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей какъ языческаго, такъ и христіанскаго міра.

Наконецъ, такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлію замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ: **„Извѣстія по Харьковской епархіи“.**

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., а за границу 12 р. съ пересылкою.

Типографія В. М. САБЛИНА. Москва, Петровка, д. Обидиной. Телефонъ № 161-43.

1-ые ЗАОЧНЫЕ КУЛИНАРНЫЕ КУРСЫ.

Полный курсъ лекцій для обученія „Скоромный и постный столъ", около 1000 рецептовъ кушаній, напитковъ, печенія, компотовъ, вареній, сладкихъ блюдъ, пироговъ и др., слишкомъ 300 стр. убористаго шрифта. Ц. съ перес. налож. плат. 2 р. 60 к. Наставленіе, какъ правильно вести домашн. хозяйство и приготовл. эконом. вкусные и питательн. обѣды, съ прилож. разрѣзки мяса и украш. стола блюдъ, около 100 стр. съ рис. Ц. съ перес. налож. плат. 1 р. 20 к. Объ книги имѣетъ 3 р. 35 к. (можно марками) съ заказами обращ. исключит. къ Я. К. Петерсу, С.-Петербургъ, Петерб. стор. Большой пр., № 56.

40 дней !!безплатно!! 40 дней

Если вы въ теченіе 40 дней не выучитесь свободно говорить, читать и писать по-нѣмецки, французски, англійски и латински по нашимъ самоучителямъ, составленнымъ по новѣйшему методу (всѣ другіе—рекламы), деньги возвращаемъ обратно. Цѣна самоучит. одного языка съ пересыл. налож. плат. 1 р. 10 к., 2-хъ 1 р. 90 к., 3-хъ 2 р. 80 к., 4-хъ 3 р. 65 к. Заказы испол. един. складъ для всей Россіи. С.-Петербургъ, Петерб. стор., Больш. пр., 56—195. *Я. К. Петерсъ.*

!!ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ВРЕМЕННЫМЪ СЛУЧАЕМЪ!!

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

всемірно-извѣстная новая популярно-научная книга

„ВСЕЛЕННАЯ И ЧЕЛОВѢЧЕСТВО".

Свыше 860 иллюстрацій, портретовъ и снимковъ съ картинъ: Айвазовскаго, Брюлова, Рафаэля, Рубенса и др.

Колоссальный трудъ д-ра Кремера при участіи знамен. профес. Исторія земли, небесныхъ свѣтилъ, растительн. міра, царства животн. и постепенное культурн. развитіе человѣчества съ доисторическихъ эпохъ до настоящаго времени.

Болѣе 100,000 строкъ убористаго текста на 1560 страницахъ большого формата книги.

Изданіе извѣстной фирмы Коммерціи Совѣтника **Н. В. Гаевскаго.**

Появленіе въ свѣтъ этой солидной и полезной книги найдетъ въ себѣ откликъ въ каждомъ человѣкѣ стремящемся къ самообразованію.

Отдѣлъ нашей книги „первобытность" заставляетъ содрогнуться передъ тѣми милліонами, быть можетъ, милліардами лѣтъ, которыя прошли въ постепен. развитіи Вселенной до настоящ. времени.

Не менѣе интересна исторія возникновенія и развитія человѣческаго рода. Значительное мѣсто занимаютъ и такъ называемыя міровыя трагедіи; всемірный потопъ, землетрясенія и наводненія, крушенія цѣлыхъ областей и многихъ тысячъ народа.

Большинство моментовъ постепеннаго развитія природы и человѣчества иллюстрировано, снимки съ цѣнныхъ коллекцій старинныхъ гравюръ Пикара, Дрезденской галлереи, Луврскаго музея, Лондонскаго музея, Эрмитажа и съ нѣкоторыхъ коллекцій американскихъ милліардеровъ.

Книга «Вселенная и Человѣчество» въ другомъ изданіи стоила 33 р. Настоящее изданіе случайно пріобрѣтенное, временно распродается за цѣну, съ упаков. и пересыл., вмѣсто 7 р. за 4 р. 85 к., въ Сибирь на 1 р. дороже. Книга высылается по полученіи денегъ или съ наложени. платежомъ при задаткѣ 1 р. Задатокъ можно выслать въ заказн. письмѣ почтовыми марками или гербовыми.

Заказы исполняются: Единственный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, Петербургская сторона, Большой проспектъ, № 56. Я. К. ПЕТЕРСЪ.

РЕВМАТИЗМЪ и ЛОМОТА

на простудной почвѣ излѣчиваются ЮЖНОЙ ЖИДКОСТЬЮ

„МАГО".

Испытанное средство при хроническихъ и острыхъ болѣзняхъ. (Изготовл. въ Крыму.) Продается во многихъ аптек. и аптекарск. маг.

Единств. предст. Бр. Н. и И. АРѢШЕВЫ.

Москва, Тверская, Настасьинск. п., д. 7, кв. 2.

ОТД. Ц. Тел. 286-23.

Брошюры высылаются безплатно.

Не излѣчившимся по предоставл. удостовѣренія врача деньги возвращаются обратно.

Цѣна безъ пересыл. больш. фл. 1 р. 50 к. Высыл. наложен. платеж.

СЪ 1-го СЕНТЯБРЯ 1912 ГОДА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на двухнедѣльный журналъ новаго типа

(4-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 4—5 печатныхъ листовъ большого формата въ два столбца.

Задача журнала „Бюллетени Литературы и Жизни"—по возможности всесторонне отражать картину идейной, духовной жизни страны. Все временное, скоропреходящее, хотя бы и сенсаціонное, но нехарактерное для жизни человѣческаго духа, журналомъ „Бюллетени" совершенно игнорируется, какъ ненужный балластъ, только затемняющій подлинное лицо жизни. Наоборотъ, изъ массы печатнаго матеріала журналъ выбираетъ главнымъ образомъ то, что не носитъ характера случайности, а имѣетъ *длительный интересъ, интересъ, такъ сказать, вѣчности, что раскрываетъ жизнь въ ея основѣ, что углубляетъ душу читателя и расширяетъ его умственный кругозоръ.* Библіографическій отдѣлъ журнала „Бюллетени" представленъ въ такомъ, можно сказать, исчерпывающемъ видѣ, какъ ни въ одномъ изъ существующихъ общихъ журналовъ. Библіографія въ томъ видѣ, какъ она ведется въ „Бюллетеняхъ", необход. для самаго широкаго круга читателей.

ВЫШЛИ №№ 1 и 2.

Содержаніе № 1.

1) **О научной спеціализаціи.**
2) **Новая книга о цѣнности жизни.** (Р. Гильдебрандъ. „Мысли о Богѣ, о мірѣ и такъ наз. „Я".)
3) **„Герой" нашего времени.** („Тѣнь вѣка сего". Д. Абельдяева.)
4) **Два убійства.** (Изъ романа В. Ропшина „То, чего не было".)
5) **О писателяхъ—„живыхъ трупахъ" и „воскресшихъ Лазаряхъ".**
6) **Ѳ. М. Достоевскій.** Болѣзнь Достоевскаго. Успѣхъ „Бѣдныхъ людей". Взаимоотношенія Тургенева и Достоевскаго. Достоевскій о своихъ работахъ. Письма Достоевскаго.
7) **Какъ Мопассанъ изучалъ свое „ремесло".**
8) **Семейная жизнь Жоржъ-Зандъ.**
9) **„Десница" и „шуйца" журнала „Завѣты".**
10) **Вульгаризованный индивидуализмъ у насъ и за границей.**
11) **Конгрессъ „евгениковъ".**

Содержаніе № 2.

1) **„Вѣчная религія".** (Ученіе Веданты.)
2) **О роли „подсознательнаго" въ жизни человѣка.** (О вліяніи „подсознательнаго" на творчество. О вліяніи „подсознательнаго" на формированіе характера.)
3) **Блаженство творчества.**
4) **И. С. Тургеневъ по новымъ матеріаламъ.** („Пріятели". О ссорѣ Тургенева съ Толстымъ. Конецъ и „коноцъ". Послѣднее земное странствіе. Первый выходъ „лишняго человѣка". Тургеневъ—юмористъ.)
5) **Новые романы.** („Пѣсня крови", Вл. Ленскаго.—„Слаще яда", Ѳ. Сологуба.—„Озеро", Н. Русова.—„1794 годъ", Вл. Рэймонта и „Краса жизни", Ст. Жеромскаго.—„Боги жаждутъ", А. Франса.)
6) **Эволюція революціонныхъ настроеній за желѣзной рѣшетной.**
7) **Какъ сказывается „безвременье" въ средѣ русскихъ эмигрантовъ.**
8) **Исповѣдь Азефа.**
9) **О бранѣ.**
10) **Неврастенія и ея причины.**
11) **Эманація радія въ примѣненіи къ медицинѣ.**

ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТЪ ЖУРНАЛА РАЗСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 3 р. Допускается разср.: 1 р.—къ 1 сент., 1 р.—къ 1 янв. и 1 р.—къ 1 мая. За границу на годъ—5 р. Для сельскихъ учителей при непосредственномъ обращеніи въ контору журнала подписная цѣна на годъ—2 р. 50 к.

Подписка принимается во всѣхъ книжн. магаз. и почт.-телеграфн. учрежден. имперіи. При перемѣнѣ адреса нужно прилагать 20 к. ═══ Цѣна отдѣльнаго №—20 к. Продажа производится во всѣхъ столичныхъ книжныхъ магазинахъ, въ газетн. кіоскахъ и на ст. жел. дор.

Книгоиздательства приглаш. присылать исключительно на имя редакціи новыя книги для помѣщенія о нихъ въ журналѣ библіограф. свѣдѣній. ═══ Имѣются полн. компл. журн. „Бюллетени" за 1910—11 и 1911—12 гг. Цѣна комплекта 1-го года—2 р., 2-го—3 р. съ пересылкой. **Цѣна за оба комплекта въ переплетѣ (3 тома)—6 р. 50 к.**

Адресъ конт. и ред.: Москва, Хлѣбный пер., д. 1. **1-е отд. конт.:** Тверской бульв., д. 26, кн. маг. „Трудъ С. Скирмунта". **2-е отд. конт.:** С.-Петербургъ, Стремянная, д. 6, кн. складъ „Провинція".

Типографія В. М. САБЛИНА. Москва, Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 131-34.

AP
50
B54
g.4,no.1-3

Biulleteni literatury i zhizni.
g. 4, no. 1-3

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED